ЗАПОЗДАЛЫЙ ГОЛОСЪ

СОРОКОВЫХЪ ГОДОВЪ.

(ПО ПОВОДУ ЖЕНСКАГО ВОПРОСА).

Mephistopheles. Verachte nur Vernunft
und Wissenschaft,
Des Menschen allerhöchste Kraft
Laß nur in Blend- und Zaubelwerken
Dich von dem Lügengeist bestärken,
So hab ich dich schon unbedingt

П. БАКУНИНА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ В. БЕЗОБРАЗОВА И КОМП.
(Вас. Остр., 8 л., д. № 45)

1881.

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
320
33

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
	Вступленіе	1
	Дѣйствительность	7
I.	Женскій вопросъ въ дѣйствительности	8
	a) въ соображеніи съ нуждою	15
	b) въ соображеніи съ долгомъ	36
	c) въ публикѣ и въ литературѣ	84
II.	Женскій вопросъ въ сферѣ идей.	
	Періодъ литературы въ философію	138
	Естество знанія и философія	156
1)	Назначеніе и судьба	162
2)	Противурѣчіе	175
3)	Несообразность бытія, реальность	196
A.	Понятіе, или образъ дѣйствительности, прекрасное	207
	Критика, развитіе, переходъ въ жизнь прекраснаго	219
B.	Сужденіе, или содержаніе дѣйствительности, добро.	
1.	Семья	258
	Святое и полезное	272
2.	Справедливость, форумъ, общество	276
	Нравы и законы	282
	Аристократія и демократія общества	290
	Ихъ общественный антагонизмъ	301
	Самовоспроизведеніе Общества чрезъ образованіе	324
	Воспитаніе	336
	Ученіе	348
	Образованіе	368
	Салонъ, какъ форумъ общежитія	369
	Мечта и педантизмъ	376
	Женское незнаніе и мужское знаніе	387
	Идеализмъ общества	396
	Дѣйствительная религія	401
	Отечество	419
	Долгъ и свобода человѣка	424
III.	C. Заключеніе, смыслъ дѣйствительности, истина	433

Живое участіе нѣкоторыхъ друзей, доставя «запоздалому голосу 40-хъ годовъ» возможность выйти въ свѣтъ, не лишило его сознанія, что онъ и въ самомъ дѣлѣ запоздалъ: обстоятельства, мысли, направленія не стоятъ, но постоянно текутъ и измѣняются во времени, и очень часто, бывшее прежде кстати, пропустивъ время, появляется не современно.

По первому предположенію «голосъ 40-хъ годовъ» долженъ былъ выйти журнальною статьею, въ которой имѣлась въ виду только нѣкоторая критика на странныя увлеченія нашего времени и преимущественно на то случайное сочетаніе разнородныхъ притязаній, мнѣній и особенно возгласовъ, которые, развиваясь на почвѣ научности и современности подъ именемъ женскаго вопроса, волнуютъ легкую публику и, разводя въ зыбкой средѣ ея напрасный шумъ и великую смуту, препятствуютъ серьезному обществу додуматься до самой дѣйствительности: тамъ, разумѣется, не до серьезности, гдѣ уже и женскій вопросъ можетъ выступать и выдаваться за нѣчто серьезное!

Но, на горизонтѣ современной литературы не находилось журнала, который по своему направленію могъ бы принять на свою отвѣтственность статью столь несовременнаго и ненаучнаго содержанія.

Къ тому же, предполагавшаяся статья, относясь критически къ излюбленнымъ тезисамъ женскаго вопроса, могла на поверхностный взглядъ легко подать поводъ къ сомнѣнію — не слѣдуетъ ли она тѣмъ же

путемъ, по которому такъ незастѣнчиво только что прошелся извѣстный профессоръ и отмѣтилъ его въ своемъ шествіи такимъ образомъ, что идти по слѣдамъ его уже не приходилось и очень претило всякому, хоть нѣсколько брезгливому писателю или журналу.

Съ непривычки размышлять и различать, мы о всѣмъ судимъ только по внѣшнимъ признакамъ, совершенно общимъ и гуртовымъ порядкомъ: при чемъ, разумѣется, очень возможны всякаго рода смѣшенія и самыя удивительныя qui pro quo, которыхъ избѣжать довольно трудно.

И потому, надо было впередъ ожидать, что наши журналы не осмѣлятся принять статью, которая, вызывая въ памяти еще столь недавній скандалъ, шла къ тому же въ разрѣзъ съ господствующимъ современнымъ направленіемъ.

Такимъ образомъ, статья о женскомъ вопросѣ никуда въ журналъ не попала, а взошла въ «запозда*ый голосъ» въ видѣ вступленія къ нему и, составляя его первую, полемическую часть, имѣетъ своею цѣлью вызвать споръ и тѣмъ возбудить хотя нѣсколько вниманіе нашей слишкомъ разсѣянной и многими дѣлами и вещами озабоченной публики.

Нападать на молодежь, обрушиваться всею тяжестью изобличеній на юное поколѣніе, на дѣтей — у насъ слишкомъ легкое и порою очень неблагообразное дѣло: на это не требуется много ума, и еще менѣе — сердца. Да и къ тому же, — еще не велика бѣда, а совершенно въ порядкѣ вещей, если юное поколѣніе, легко увлекаясь, впадаетъ въ заблужденія, путаетъ, колобродитъ, и изрѣдка чинитъ самыя дикія и непростительныя безпутства: на то — оно и юное поколѣніе; ему предстоятъ еще всѣ стихійные туманы наступающаго будущаго, которое въ свое время должно разрѣшиться предъ нимъ въ опытъ, въ знаніе и въ свѣтъ истины; его невѣжество не пребываетъ, но только проходитъ. Но наша великая бѣда въ томъ, что у насъ и старое поколѣніе

наши учители и отцы, предъ которыми уже нѣтъ будущаго и уже нечему разрѣшаться, не находя въ себѣ для предъявленія дѣтямъ ничего кромѣ издавна накопленной лжи и грязи, оказываются и въ самомъ дѣлѣ зараженными источниками, источающими изъ себя не жизнь, а смерть всякому, кому приходится утолять изъ нихъ жажду свою.

Такихъ источниковъ — у насъ довольно и, замѣчая, какъ они обильно повсюду разливаютъ свою заразу, невольно думается, что противъ ней и самый радикальный нигилизмъ есть лишь спасительное средство дезинфекціи: потому что die Lust der Zerstörung ist auch eine schaffende Lust.

Нерѣдко, и малокровіе ведетъ къ сумашествію; убожество, отсутствіе жизни и мысли, равнымъ образомъ, какъ мы въ томъ убѣдились печальнымъ опытомъ, иной разъ разражаются великимъ безуміемъ. У насъ же, не молодожь одна, а также и старость, и чуть ли не все общество, вслѣдствіе многихъ, издалека дѣйствующихъ причинъ, богаты только отсутствіемъ жизни и страдаютъ, какъ всѣмъ извѣстно, удивительнымъ маломыслiемъ: при томъ режимѣ, при той діэтѣ, которые на насъ наложены обстоятельствами, силою и порядкомъ вещей, отъ насъ было бы напрасно ожидать чего другаго.

Не только нынѣ, но уже издавно, мы всѣ привыкли о всемъ судить и мыслить — не то по дѣтски, не то по женски: такъ мудрено ли, что между нами и возникаютъ всё только женскіе вопросы, и не было ли бы удивительно, еслибъ у насъ ни съ того, ни съ сего, а какимъ то чудомъ возникли не женскіе вопросы, которые, мы разрѣшали бы не женскими пріемами.

Но полемика и критика всегда предполагаютъ собою и то основаніе, съ котораго онѣ ведутся: и чтобъ не утверждать чего либо изъ пустоты или изъ личнаго произвола, «запоздалому голосу» предстояло высказать ту конкретную идею добра, изъ которой, по его убѣжденію, логически вытекаютъ его критика, его отрицанія и его утвержденія. Изложеніе этой основной идеи — ея

понятія, ея сужденія и ея заключенія и составляютъ его вторую и существенную часть.

Лѣтъ 40 тому назадъ, такое изложеніе было бы совершенно въ порядкѣ вещей: въ то время, рѣчь по поводу идеи была до того знакомою и привычною рѣчью, что ею часто и злоупотребляли. Нынѣ же такая рѣчь— сдается праздным пустословіемъ. Въ то время, кто не говорилъ о безусловной истинѣ? Но именно потому, что не соблюдалась заповѣдь — не говорить о истинѣ всуѣ, всѣ рѣчи о идеи, о истинѣ страшно всѣмъ прискучили и нынѣ, не только говорить, но даже и помышлять о нихъ — считается непозволительнымъ. Отъ такихъ рѣчей съ одинаковымъ отвращеніемъ сторонятся какъ мальчишки, дѣти, которыхъ обличаютъ, такъ и современные отцы, почтенные старцы, которые обличаютъ. И тѣ и другіе, вѣря только въ практику, только въ реальность, стремятся жить практически и, презирая умозрѣніе и идеи, какъ истые реалисты, не понимаютъ, что истина есть дѣйствительность человѣка и призрачность вещи; что, наоборотъ, реализмъ, или дѣйствительность вещи, есть самая ложь, обращающая человѣка въ призракъ и предающая его насилію и рабству.

Вниманіе современнаго человѣка до того загромождено практическимъ значеніемъ дѣлъ и вещей, что въ нёмъ нѣтъ мѣста для идеи, и она представляется чѣмъ то страннымъ, чѣмъ то въ родѣ привидѣнія, являющагося съ того свѣта, чтобъ только смущать людей и мѣшать имъ заниматься ихъ реальными дѣлами.

Идеальный міръ чистаго умозрѣнія уже съ давнихъ поръ — въ великомъ пренебреженіи, и вызываетъ въ современныхъ умахъ, гордыхъ научностью и неимовѣрными успѣхами положительнаго знанія, развѣ только улыбку презрѣнія.

Но съ тѣмъ вмѣстѣ самъ человѣкъ, всё болѣе и болѣе обращаясь въ призракъ, въ пустой придатокъ при вещахъ, всё сознательнѣе тяготится своимъ призрачно-кошемарнымъ существованіемъ въ сферѣ реализма и,

наперекоръ всей научности, доказывающей, что безусловной истины нѣтъ, что поиски за нею напрасны и ни къ чему не ведутъ, что ему, въ виду его благополучія, гораздо выгоднѣе отказаться отъ антропоморфизма своихъ человѣческихъ притязаній, онъ всё же никакъ не можетъ ужиться въ мірѣ реальностей, не можетъ удовольствоваться значеніемъ хотя бы и высшаго изъ животныхъ, и стоять въ одномъ ряду съ ними: и его надежды на ненаучное чудо, его помысла, который стремитъ его къ міру безусловной истины, вырвать изъ души его не въ состояніи никакія ученія, никакія силы положительной науки: бесконечный помыслъ и надежды человѣка— заложены въ немъ глубоко, въ самой бесконечности его прошедшаго, которое, какъ причина, вызвавъ его къ бытію, само — недосягаемо и вѣчно.

Людямъ, озабоченнымъ реальными дѣлами и вещами,— мысли, идеи, умозрѣнія и вся философія очень естественно представляются пустыми призраками: имъ недосугъ блуждать и теряться въ небесахъ, когда на землѣ столько дѣла. И однако, уже и простое наблюденіе научаетъ, что погода или непогодь на землѣ, внизу — всегда въ тѣсной связи съ тѣмъ, что происходитъ вверху, въ небесахъ: всѣ ихъ измѣненія, самый видъ ихъ, пары и туманы, рѣющіе въ ихъ эфирной выси, служатъ внимательнымъ людямъ предзнаменованіемъ того, чего слѣдуетъ ожидать въ скорости. Такъ точно отъ метафизическихъ формулъ, которыя складываются въ лабораторіи человѣческаго умозрѣнія, на недоступныхъ высотахъ отвлеченія отъ мірской суеты, зависятъ мысли и понятія людей; а ихъ мысли и понятія заправляютъ сложнымъ содержаніемъ и всѣмъ матерьяломъ ихъ реальныхъ дѣлъ и ихъ реальнаго существованія: условія природы, конечно,—постоянны, но не постоянны понятія: они мѣняются, а съ ними мѣняются и направленія умовъ и вся людская дѣятельность. А въ концѣ концевъ оказывается, что нынѣ столь презираемая метафизика, управляя тайнымъ, невидимымъ образомъ людскими понятіями и рас-

положеніями, господствуетъ надъ міромъ и измѣняетъ лице его своими формулами.

Если вверху въ отвлеченныхъ сферахъ умозрѣнія,— положимъ, въ критикѣ чистаго разума,—отрицается свобода человѣка, и устанавливается незыблимая вѣра въ непреложность одной необходимости, то не слѣдуетъ ли ожидать, что въ скоромъ времени, и на землѣ, внизу, безусловная сила вещей неминуемо выразится безмѣрнымъ насиліемъ, которое лишь подтвердитъ и повсюду закрѣпитъ рабство человѣка?

Если «запоздалый голосъ» и является запоздалымъ, то съ другой стороны, быть можетъ, только нынѣ и настала пора напомнить забытыя истины и изъ самой старины произнесть новыя слова: безъ свободы человѣкъ не живётъ, а только пропадаетъ; но основаніе его свободы — не въ вещахъ, а только въ его человѣческомъ смыслѣ; и если въ немъ самомъ нѣтъ безусловнаго смысла, а только рефлексы головнаго мозга, то — всё напрасно. И, оставя всякія попеченія, станемъ лучше пить, ѣсть и веселиться: ибо завтра мы умрёмъ.

Авторъ столь запоздалаго и отсталаго «голоса» сознавая недостататки, небрежности, ненужныя повторенія и другіе литературные грѣхи своего изложенія, за свой стиль не стоитъ, но, предавая его критикѣ и впередъ соглашаясь съ ея приговоромъ, отстаиваетъ только самый смыслъ той безусловной истины, которую онъ пытался изложить, если не литературно, то во всякомъ случаѣ искренно. Въ извиненіе нелитературности своего изложенія онъ можетъ представить лишь свое крайнее опасеніе — быть неяснымъ: но, гоняясь за ясностью, если онъ не съумѣлъ сочетать ее въ надлежащей мѣрѣ съ краткостью, то — лишь потому, что безъ привычки къ литературному изложенію пріобрѣсть оную и выработать свой стиль на старости лѣтъ и притомъ въ своемъ первомъ литературномъ опытѣ — очень трудно.

Кажется, что можетъ быть проще корректуры? И однако же, судя по первымъ листамъ его «голоса» ав-

торъ долженъ къ крайнему своему сожалѣнію повиниться предъ публикою и сознаться, что даже и это, столь простое дѣло оказалось ему на первый разъ не по силамъ: запятыя и тире страшно рябятъ въ глазахъ, какъ будто ихъ кто разсыпалъ нечаянно и безъ малѣйшаго соображенія; за пріобрѣтеніемъ нѣкотораго навыка въ дѣлѣ корректуры, послѣдніе листы вышли исправнѣе: запятыя уже не пестрятъ на нихъ такъ безбожно, какъ въ первыхъ.

За тѣмъ, извиняясь предъ читателями во всѣхъ грѣхахъ своего изложенія и, пользуясь случаемъ вновь высказать свою горячую признательность друзьямъ, давшимъ возможность выйти въ свѣтъ «запоздалому голосу» авторъ, предоставляя мысли, въ немъ изложенныя, на судъ читателей, предаетъ его и съ страхомъ, и съ довѣріемъ его собственной судьбѣ:

habent sua fata libelli.

17-го Января 1881 г.
Тверь

Werde jeder bessre Sinn
Dir zum Dienst erbotig
Jungfrau, Mutter Koniginn,
Gottin bleibe gnadig:

—

Alles Vergangliche
Ist nur ein Gleichniss
Das Unzulangliche,
Hier wird's Erreignis:
Das Unbeschreibliche,
Hier ist es gethan.
Das Ewig-Weibliche,
Zieht uns hinan.

Goethé.

Въ немногіе дни, которыми даритъ насъ наше краткое лѣто, сплошь да рядомъ бываетъ, что вдругъ задуетъ вѣтеръ, — и потомъ, не утихая, надоѣдливо дуетъ и день и ночь, шумитъ, взметаетъ пыль, гнетъ и ломитъ деревья, обрываетъ и цвѣтъ и листъ, сушитъ землю, рветъ и мечетъ кругомъ, наноситъ стужу, и нагоняетъ унынье своимъ однообразнымъ шумомъ. Быть можетъ этотъ вѣтеръ, несущій холодомъ и обдающій пылью, исполняя свое назначеніе, тоже полезенъ; быть можетъ онъ, очищая атмосферу, освобождаетъ ее отъ зловредныхъ міазмовъ: — но среди лѣта онъ, во всякомъ случаѣ крайне несносенъ; невольно думается: вотъ и лѣто настало. — а на волю не манитъ; хочется дома укрыться, и жить по зимнему!

Такимъ же образомъ и въ нашей общественной, тощей и убогой жизни, едва лишь она очнулась къ мысли, едва

лишь сказались въ ней первыя слова, или лучше первый лепетъ знанія и мышленія, какъ уже въ средѣ ея возникли всякаго рода безспокойные вопросы, о которыхъ, говоря по правдѣ, на самомъ дѣлѣ никто не заботится, до которыхъ въ сущности никому нѣтъ дѣла; — но которые тѣмъ не менѣе волнуютъ и смущаютъ нашу жизненную атмосферу, обдавая ее тоже своего рода пылью, обломками и обрывками жизни, мысли и знанія. Гдѣ то далеко, за горами, за долами, — отъ высокаго напряженія жизни, разразилась буря, загорѣлась гроза; у насъ не было ни грозы, ни бури; имъ у насъ и не съ чего было быть; потому что не только не было никакого напряженія жизни, но и самой то жизни было еще мало, или даже и вовсе не было. — А между тѣмъ вѣтеръ оттуда, изъ далёка долетаетъ и до насъ, и безъ всякаго мотива съ нашей стороны, безъ всякой намъ понятной причины, несётся и дуетъ намъ черезъ головы, — и гнётъ, и ломитъ, и побиваетъ щадный цвѣтъ нашей и безъ того уже нѣбогатой жизни. Тамъ, далеко отъ насъ, люди жили, пламенно вѣрили, любили, ненавидѣли, надѣялись, стремились, заблуждались, пытались, — и наконецъ вслѣдствіе великихъ страданій, горя и неудачъ разочаровались, извѣрились въ самихъ себѣ, — и отъ утомленія перестали утверждать и всё обратили въ вопросы. — Мы же почти еще не жили, ничего порядкомъ не узнали, не испытали ни нашей надежды, ни нашей вѣры, ни нашей любви; мы еще ни въ чёмъ не извѣдали пламеннаго дыханія жизни, ни ея обѣщаній, ни ея обольщеній, ни ея обмановъ: мы только что едва очнулись послѣ нескончаемо долгой зимы; мы еще и обогрѣться не успѣли подъ первыми лучами вѣшняго солнца; мы всё еще зябнемъ и жмёмся отъ бывшей стужи: а тутъ ужъ и подуло, и повѣяло на насъ издали намъ вовсе не желанною, для насъ вовсе не нужною, совершенно излишнею прохладою. Едва въ насъ забрежжила первая трепетная мечта жизни, едва осмѣлился выглянуть изъ подъ снѣга первый цвѣтъ ея, — какъ уже вновь потя-

нуло стужею, — и всё застыло, всё замерзло подъ ея леденящимъ дыханіемъ: между нами не только не окрѣпло, но даже и не состоялось еще никакого жизненнаго утвержденія; и тѣмъ не менѣе, насъ уже обдаетъ со всѣхъ сторонъ холодомъ, Богъ знаетъ откуда го возникшихъ сомнѣній и вопросовъ. Казалось бы, намъ еще не о чемъ вопрошать, не въ чемъ сомнѣваться: такъ какъ мы еще не жили; и однако, мы тоже обо всемъ только вопрошаемъ, и, ни во что еще не вѣря, ничего еще не утверждая, уже во всёмъ сомнѣваемся.

Со стороны навѣянныя на насъ сомнѣнія, столь же поверхностны, какъ поверхностна и самая вѣра, сказавшаяся намъ въ нашей поверхностной жизни: но въ итогѣ, тѣмъ не менѣе, мы имѣемъ дѣло только съ вопросами и съ сомнѣніями, а не съ жизнью, не съ жизненнымъ содержаніемъ: такъ что вся наша жизнь является намъ только въ образѣ ея отсутствія; она не выражается намъ ни въ какомъ утвержденіи; но только истощается вся въ вопросахъ: мы обо всёмъ вопрошаемъ, и притомъ вопрошаемъ какъ дѣти: больше отъ праздности, — сами ни о чемъ не думая, и ни надъ чѣмъ не задумываясь; вопрошаемъ, отъ чего? почему? зачѣмъ? а въ сущности ничего знать не желаемъ, — и только съ вида волнуемся, намъ и всей нашей жизни совершенно чуждыми, лишь по слуху едва знакомыми, вопросами.

Между многими вопросами, возмущающими убогое содержаніе нашей жизни, за послѣднее время надъ нами пронесся, прошумѣлъ, — назойливо еще продолжаетъ шумѣть, — и такъ называемый женскій вопросъ. — Въ жизни встрѣчаются или возникаютъ всякаго рода иные вопросы, — которые однако можно откладывать, и до времяни оставлять безъ вниманія: это вопросы, обыкновенно касающіеся только до мыслей, до теорій, до словъ, — или только до той атмосферы, которою окружено самое содержаніе или самое ядро жизни; но когда подымается вопросъ, касающійся женщины, то это всегда означаетъ, что въ вопросъ поставлены уже не теоріи, не мысли, не слова

одни, не зыбкая и измѣнчивая атмосфера жизни, — но самое существо и все ея содержаніе. Всѣ иные вопросы суть вопросы, о постороннемъ; но женскій вопросъ не можетъ ни быть, ни считаться постороннимъ вопросомъ: въ немъ затронуты сущность и самый смыслъ всего бытія человѣка; и отвѣтомъ на него, — его разрѣшеніемъ даются отвѣты и разрѣшенія по всѣмъ другимъ вопросамъ, затрогивающимъ жизнь человѣка.

Вопрошать очень легко; къ любому утвержденію къ любому предложенію стоитъ только приставить вопросительный знакъ, и будетъ вопросъ; такимъ образомъ можно обратить въ вопросъ все, что угодно. Для этого не требуется ни много жизни, ни много мысли; достаточно одной самой пустой формы.

Дѣти не рѣдко, злоупотребляя такою формою, — отъ праздности или изъ глупой привычки, очень охотно и надоѣдливо обо всемъ вопрошаютъ, отчего и почему? — и сами притомъ ни о чемъ не думаютъ. Отвѣчать на столь праздные вопросы было бы лишь пустымъ баловствомъ, и вовсе не желательнымъ потворствомъ праздноумія которому и отвѣчать то нечего. — Для возможности разумнаго отвѣта требуется, чтобъ вопрошающій по крайней мѣрѣ смыслилъ самъ то, о чемъ онъ вопрошаетъ. Всякій серьезный вопросъ непремѣнно предполагаетъ уже нѣкоторую смуту въ сознаніи, проистекающую изъ столкновенія опредѣленнаго утвержденія съ случайно, набѣжавшимъ отрицаніемъ. Въ сознаніи же, въ которомъ нѣтъ никакого утвержденія, всякое отрицаніе пробѣгаетъ мимо, безслѣдно, не производя въ немъ ни малѣйшей смуты. Кто ничего не утверждаетъ, тотъ ни предъ чѣмъ не смущается; въ томъ не можетъ быть никакихъ вопросовъ, никакихъ сомнѣній.

Въ математикѣ предъявляются иногда различные, болѣе или менѣе замысловатые математическіе софизмы, математическія пѣшки, предъ которыми люди, обладающіе математическимъ смысломъ могутъ найтись въ смутномъ недоумѣніи: но именно только при условіи обла-

данія ими математическаго смысла, безъ котораго никакой софизмъ, никакая нѣшка не могли бы произвесть въ нихъ ни малѣйшаго смущенія.

Какъ для пониманія математическихъ софизмовъ, и для разрѣшенія оныхъ, требуется уже нѣкоторый предварительный, математическій смыслъ; такъ точно и для другихъ, затруднительныхъ вопросовъ, — и разумѣется, и для правильной постановки женскаго вопроса, и для ихъ разрѣшенія, — необходимо требуется, чтобы въ сознаніи уже было нѣкоторое общее, предварительное утвержденіе, — въ виду котораго вопервыхъ могъ бы быть поставленъ самый вопросъ, и на основаніи котораго во вторыхъ могло бы быть найдено и надлежащее ему разрѣшеніе.

Въ виду поставленнаго нашимъ временемъ женскаго вопроса, — и ради возможности правильнаго и серьезнаго на него отвѣта, необходимо предполагается нѣкоторый общій, утвердительный образъ бытія, — или нѣкоторое общее, несомнѣнное утвержденіе, — по отношенію къ которымъ, всякаго рода предлагаемые отвѣты и разрѣшенія могли бы быть признаваемы за правильные или за неправильные.

Но въ нашей умственной сферѣ, — столь изобильной всякаго рода вопросами, — не находится ни одного незыблимаго утвержденія, на которомъ можно бы было опираться: и главное затрудненіе — отвѣчать на вопросы нашего времяни, — въ томъ, именно и состоитъ, что у насъ поочередно всѣ общіе образы бытія, всѣ общія утверженія, на основаніи которыхъ было бы возможно, то или иное разрѣшеніе, — не признаются, а только отрицаются. Хотятъ все провѣрить; но не имѣютъ самой вѣры, которою все повѣряется; хотятъ все измѣрить; но не даютъ самой мѣры, которою все измѣряется: и за отсутствіемъ, какъ той, такъ и другой, — пытаются все провѣрить, все измѣрить, все опредѣлить, все разрѣшить только самою смутою ничего не утверждающаго, и ни начемъ не утвержденнаго сознанія.

Но всякое изслѣдованіе, всякое опредѣленіе, всякое разрѣшеніе, предваряемыя только неопредѣленною смутою ума, — очевидно должны имѣть своимъ наизбѣжнымъ и окончательнымъ выводомъ только ту же самую смуту, только ту же самую неопредѣленность. Чтобъ что нибудь рѣшить,—необходимо, чтобъ было твердое основаніе для рѣшенія: потому что, какъ ничего невозможно поднять, ни на чемъ не опираясь,—такъ точно нельзя ничего и понять, — если еще не имѣется самого основанія, — на которомъ зиждутся и держатся всѣ понятія и всякое пониманіе.

Всякое ученіе, какого бы оно ни было толку;—если только оно въ самомъ дѣлѣ ученіе, которымъ утверждается нѣчто опредѣленное, — все равно, будетъ ли оно идеализмомъ или матеріялизмомъ, спиритуализмомъ или реализмомъ, позативизмомъ или скептицизмомъ, — по необходимости всегда имѣетъ въ своемъ основаніи нѣкоторый общій, болѣе или менѣе съ другими положеніями соображенный образъ, изъ котораго истекаютъ всѣ его сужденія. Такой образъ называется въ философіи обыкновенно идеею, и въ этомъ отношеніи каждый мыслящій человѣкъ, какого бы ученія онъ ни держался есть съ вѣдома или безъ вѣдома своего по необходимости идеалистъ: потому что каждое изъ его сознательныхъ сужденій предваряется въ немъ его особымъ образомъ воззрѣнія,—или вообще нѣкоторою, опредѣленною идеею, безъ которой онъ былъ бы не въ состояніи высказать о чемъ бы то ни было ни утвердительнаго, ни отрицательнаго сужденія. Все, что человѣкъ понимаетъ, такъ или иначе, онъ по необходимости понимаетъ ему присущимъ, ему свойственнымъ образомъ пониманія,—который и есть въ немъ его предварительная, все соображающая идея. На подобіе тому какъ Журданъ былъ, самъ того не вѣдая, прозаикомъ,—такъ точно и всѣ именующіеся матеріалистами, реалистами, или позитивистами,—во сколько они мыслятъ,—суть идеалисты.

Вся логика Ст. Милля, — о правильности или о неправильности различныхъ сужденій, объ индукціи, о дедукціи, и о истекающихъ изъ нихъ выводахъ и умозаключеніяхъ; вся теорія Г. Спенсера о міровой системѣ, объ общихъ началахъ, о дифференціаціи и о интеграціи, — объ эволюціи, о вибраціи, о знаніи, объ основаніяхъ физіологіи, психологіи или соціологіи: вся физіологическая метафизика Бена, Люиса; — весь современный позитивизмъ въ его разнообразныхъ толкахъ, — съ его утвержденіями о реализмѣ, объ эгоизмѣ, объ алтруизмѣ, объ утилиторизмѣ, — у Англичанъ, у Французовъ, у Нѣмцевъ, быть можетъ до нѣкоторой степени и у насъ. — у Русскихъ, во сколько мы способны мыслить, — независимо отъ тѣхъ окончательныхъ выводовъ, въ которымъ эти различныя утвержденія, теоріи или ученія, приводятъ, съ равнымъ правомъ могутъ быть признаны за различныя степени или выраженія идеализма: такъ какъ каждое изъ нихъ уже предварительно предопредѣлено и обусловлено присущею въ ихъ началѣ идеею, — или тѣмъ всеобщимъ образомъ воззрѣнія, — изъ котораго исходятъ всѣ ихъ другія и частныя сужденія. Неидеальнаго, — или чисто матерьяльнаго элемента въ каждомъ изъ нихъ — есть лишь на столько, на сколько въ нихъ случайно входитъ сырой матерьялъ какого нибудь недомыслія, — чего нибудь непродуманнаго; на сколько въ каждомъ изъ нихъ оказывается отсутствіе мысли. Но такъ какъ для каждаго ученія, — его собственное недомысліе, — или отсутствіе въ немъ мысли, — бываютъ незамѣтными, — и оно себя можетъ сознавать только какъ вполнѣ мыслимое, — то очевидно, что оно въ себѣ самомъ должно о себѣ мыслить, какъ о совершенномъ идеализмѣ.

Всеобщій образъ, съ которымъ сообразуется или должно сообразоваться всякое сужденіе, или та идея, — которою каждый мыслящій съ вѣдома или безъ вѣдома своего все судитъ, все рѣшаетъ, все признаетъ правиль-

нымъ или неправильнымъ; то всеобщее правило, та всеобщая мѣра, то основаніе или та вѣра, на которыя опирается мышленіе при всякомъ сужденіи, на которыя всякая мысль ссылается, какъ на свою твердыню, называется вообще или истиною или дѣйствительностью.

Истина и дѣйствительность, которую однако не должно смѣшивать съ реальностію, какъ это очень часто дѣлаютъ,—не двѣ различныя или противуположныя идеи,—но существенно не раздѣльныя,—одна и таже идея, различаемая только какъ ея образъ и какъ ея содержаніе. Содержаніе истины излагается какъ дѣйствительность; а образъ дѣйствительности соображается всегда какъ истина; и когда споръ заходитъ о томъ, что есть истина, и что не истина, то онъ разрѣшается не иначе, какъ ссылкою или указаніемъ на то, что признается за дѣйствительность. На оборотъ, когда споръ идетъ о томъ, что дѣйствительно, и что недѣйствительно,—то онъ въ свою очередь рѣшается не иначе, какъ ссылкою или указаніемъ на то, что признается за истину. Дѣйствительность утверждается или доказывается только истиною; въ свою очередь истина доказывается или утверждается только дѣйствительностью. Ихъ обоюдное самоутвержденіе есть, разумѣется, кругъ: но это живой, безконечный кругъ самосознанія, изъ котораго ничто никуда выйти не можетъ: такъ какъ внѣ этого живаго круга ничего нѣтъ.

И такъ, чтобъ судить, какъ должно, о женскомъ вопросѣ, и чтобъ имѣть возможность правильно отвѣчать на него, — на него слѣдуетъ взглянуть во первыхъ по содержанію того, что есть самая дѣйствительность,—а во вторыхъ по смыслу или по образу того, что сказывается или мыслится какъ самая истина.

I. Женскій вопросъ въ сферѣ дѣйствительности.

Какъ денной свѣтъ, при которомъ все становится видимымъ, есть по существу своему одинъ общій свѣтъ, всѣмъ равно и одинаково свѣтящій,—такъ точно и идея

дѣйствительности, образомъ которой все судится,—и все признается за правильное. за дѣйствительное,—т. е. за сообразное съ дѣйствитедьностью, — или же отрицается какъ неправильное. какъ пустое. призрачное и не сообразное съ дѣйствительностью. — есть для всякаго и для всѣхъ существенно одна и таже всеобщая и всеобъемлющая идея: такою она всегда всѣми и подразумѣвается; но, какъ тотъ же самый денной свѣтъ, производитъ въ разныхъ мѣстахъ, въ разныхъ средахъ и въ разное время очень различныя освѣщенія, такъ точно и одна и таже всеобщая идея дѣйствительности, преломляясь въ различныхъ умахъ,—въ различной средѣ представленій, порождаетъ въ нихъ и различныя утвержденія. выводы, умозаключенія, которыя высказываются. не только разнорѣчиво.— но очень часто и противурѣчиво: вслѣдствіе чего въ умахъ оказывается смута; и люди, ссылаясь мысленно на одно и тоже содержаніе. — высказываютъ по поводу его самыя несходныя, самыя несообразныя другъ съ другомъ сужденія. Лучи мысли въ сознаніи, также какъ и лучи свѣта, перекрещиваясь другъ съ другомъ,— не рѣдко взаимно интерферируются, гаснутъ и производятъ тьму вмѣсто свѣта.

Но какъ бы ни были въ разныхъ случаяхъ и въ разныхъ средахъ различны представленія о дѣйствительности, она для каждаго ума и въ каждой средѣ отъ всякихъ пустыхъ и произвольныхъ измышленій всегда отличается характеромъ ей присущей необходимости; она всегда и для всѣхъ именно то. противъ чего, — предполагается,—нѣтъ спора, и спорить нельзя.

Въ средѣ общественной безспорно необходимое проявляется въ двухъ образахъ: или внѣшнимъ или внутреннимъ образомъ; или какъ неодолимая нужда,—которая неволитъ съ наружи, со стороны; — или же какъ непреклонный долгъ, который складывается въ самомъ сознаніи, и нудитъ, неволитъ всякаго, кто сознаетъ его изъ нутра души.

Вглядываясь въ существованіе и въ самую жизнь

общества, въ средѣ его усматриваешь очень сложное множество всякаго рода явленій, стремленій, направленій, дѣйствій, условій, попытокъ, исполненій, осложненій, поводовъ, мотивовъ, причинъ, притязаній, напряженій, столкновеній и многообразныхъ послѣдствій, — которыя всѣ очень трудно сообразить и выразить однимъ образомъ: но изъ всего этого множества столь сложнаго, столь разнообразнаго и столь трудно уловимаго содержанія всякихъ разнообразностей, самая дѣйствительность общества выражается собственно только въ томъ, — что проявляется въ немъ съ характеромъ необходимости. Такъ точно при первомъ взглядѣ на большую рѣку, особенно, когда по ширинѣ ея разлива, не видны ея дѣйствительные берега, въ ней можно усмотрѣть великое множество разныхъ не только сторонихъ, но на видъ даже и обратныхъ теченій; и однако же дѣйствительное теченіе всей рѣки имѣетъ свое неизмѣнное опредѣленіе: частью въ общемъ и постоянномъ строеніи ея настоящаго берега; частью же въ столь же постоянномъ стремленіи самой воды слѣдовать всегда по уклону.

— Необходимымъ въ обществѣ является или то, что въ немъ есть неизбѣжное слѣдствіе нужды,—или же то, что въ немъ оказывается внушеніемъ сознаваемаго долга.

Нужда и долгъ отличаются другъ отъ друга какъ отличается мотивъ внѣшній отъ мотива внутренняго: какъ въ томъ, такъ и въ другомъ выражается собственно одинъ и тотъ же разумъ, одинъ и тотъ же смыслъ,— одинъ и тотъ же образъ, законъ, порядокъ, — одна и таже сила вещей; но тотъ же самый разумъ, порядокъ или смыслъ, существующій въ мірѣ, осуществляется или въ своемъ экстенсивномъ образѣ,—подъ видомъ неволящей, внѣшней нужды; или же въ своемъ интенсивномъ образѣ, подъ видомъ всесильнаго и необоримаго внушенія сознаваемаго долга.

Различіе всѣхъ побужденій нужды, дѣйствующихъ, какъ сила внѣшняго разума, внѣшнимъ образомъ,—отъ внушеній долга, дѣйствующихъ, какъ сила внутренняго

разума, внутреннимъ образомъ, очень напоминаетъ собою подобное же различіе, находимое въ природѣ между дѣйствіемъ общихъ физическихъ законовъ, которымъ подчиняется всякое неорганическое вещество, — и между дѣйствіемъ внушеній жизни, которымъ повинуются всѣ живыя существа.

Нужда, какъ и физика, дѣйствуетъ механически, только снаружи, — силою принужденія, толчковъ, тренія. Жизнь, подобно долгу, дѣйсдвуетъ органически,—только изъ нутра, — силою внушенія, желанія, стремленія. По видимому физика и жизнь не имѣютъ другъ съ другомъ ничего общаго: въ первой является вся неволя; во второй напротивъ все сдается произволомъ. Но естествоиспытателямъ хорошо извѣстно, что вся физика есть только экстенсивный образъ того же самаго бытія, которое проявляется интенсивнымъ образомъ въ сферахъ жизни, что принужденіе первой и внушеніе второй, какъ различное проявленіе одной и той же необходимости, въ одинаковой степени неодолимы.

Такимъ образомъ нужда есть только внѣшнее проявленіе того же самаго разума, который проявляется, и внутреннимъ образомъ подъ видомъ сознаваемаго долга.

Нынѣ существующія общества, которыя могутъ считаться представителями современной образованности,— такъ какъ въ нихъ до нѣкоторой степени процвѣтаютъ искуства, науки, промышленность, — и установлены законы нравственности и справедливости, образованы не вполнѣ, но только отчасти; въ каждомъ изъ нихъ вся его наличная образованность сосредоточивается въ его очень малочисленномъ, — такъ называемомъ культурномъ слоѣ; — а подъ нимъ ниже, идутъ другіе слои его, которые, еще не выступивъ на свѣтъ сознанія,—менѣе или болѣе погружены во тьму невѣжества; — и являясь въ обществѣ его численнымъ большинствомъ, представляютъ собою его еще не сознательное, — но чисто естественное и, такъ сказать, его стихійное существованіе Большинство необразованныхъ людей, составляющихъ своимъ

числомъ и своею совмѣстною жизнью самое тѣло общества, въ видѣ общественной массы, еще не проникнутой свѣтомъ образованія, и движимой своими инстинктами, предразсудками, суевѣріями, а также и дѣти, такъ же и юношество, или юныя поколѣнія, только что приступающія къ образованію, какъ представители всего еще несовершеннаго, всего неопредѣленнаго, всего не законченнаго,—и только еще наступающаго,—находятся въ обществѣ какъ его сырой матерьялъ, изъ котораго оно имѣетъ образоваться, и стать самимъ собою еще только въ будущемъ, — а до тѣхъ поръ живутъ и движутся не образованностью, — но, какъ неопредѣленная стихія, только своимъ стихійнымъ, несознательнымъ образомъ. Еще не дойдя до сознанія своего внутренняго назначенія или до сознанія своего долга, они, на подобіе неодушевленнаго вещества, подчиненнаго внѣшнимъ законамъ физики, состоятъ подъ закономъ нужды, — и управляются суровымъ принужденіемъ и непреклонною силою внѣшняго разума. Внѣшній разумъ, который есть самая сила вещей, какъ строгій и неусыпный дядька, наблюдающій за неразумными дѣтьми, не попускаетъ имъ ни въ чемъ ни своеволія, ни баловства, и заставляя ихъ неуклонно идти по строго опредѣленному пути, грозитъ имъ неминуемымъ и суровымъ взысканіемъ за малѣйшее отъ него отступленіе.

Природа. находясь постоянно въ каждомъ изъ своихъ проявленій, — въ подчиненіи неизмѣнному правилу или закону дѣйствующаго въ ней всеобщаго, внѣшняго разума, — повсюда исполнена плѣнительнымъ и величавымъ благообразіемъ, къ которому человѣкъ не остается равнодушнымъ. Такимъ же образомъ—и жизнь и самый бытъ той стихійной части общества,—которая стоитъ и живетъ подъ закономъ нужды,—являясь въ полномъ согласіи съ самою природою, ея непосредственнымъ продолженіемъ, обыкновенно плѣняютъ всякаго наблюдателя обликомъ своей безискуственной разумности, образомъ своей не возмутимой, полной достоинства простоты,

отсутствіемъ своеволія, лукавства, и всякой извращенности: и моралисты, философы всѣхъ временъ, и особенно въ прошломъ столѣтіи, противуполагая эту стихійную жизнь, съ ея естественнымъ, патріархальнымъ содержаніемъ, — сложному, искуственному образу жизни образованныхъ обществъ или классовъ общества, съ ея заботами, тревогами, волненіями, съ ея непростотою, съ ея неправдами, съ ея своеволіемъ, съ ея безчисленными причудами и условностями, — постоянно критиковали послѣднюю съ точки зрѣнія простаго натурализма проявлявшагося имъ въ первой, — и болѣе или менѣе искренно требовали, чтобъ общество, покинувъ ложный путь искуственной образованности, вернулось вспять въ безискуственное лоно природы, подъ начало ея простыхъ законовъ, и ея естественныхъ, невыдуманныхъ потребностей.

Образъ общественной, стихійной жизни, въ какой она складывается подъ давленіемъ внѣшней нужды, — являя въ себѣ характеръ самой необходимости, есть безъ сомнѣнія одинъ изъ образовъ самой дѣйствительности. Но несомнѣнно также и то, что эта самая дѣйствительность, въ томъ же обществѣ, въ той средѣ его, на долю которой выпадаетъ досугъ, проявляется еще и въ иномъ образѣ. Съ наружи, для людей необразованныхъ, которые, не понимая самаго смысла дѣйствительности, только испытываютъ на себѣ силу ея внѣшняго давленія, она и не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только внѣшнимъ проявленіемъ нужды. Но для людей образованныхъ, которые, проникая въ самый смыслъ ея, уже усматриваютъ въ ней ея общіе законы, какъ самый разумъ всякаго бытія, — ея внѣшнее проявленіе оказывается исполненнымъ глубокаго внутренняго значенія, — въ которомъ они способны уразумѣть и свое собственное, человѣческое назначеніе. И тогда внѣшній разумъ нужды обращается въ ихъ сознаніи во внутренній разумъ ими признаваемаго долга; и неволя принужденія извнѣ замѣняется для нихъ свободою ихъ собственнаго разумнаго внушенія изъ внутри. Потому что разумъ и сила разума не

есть нѣчто внѣшнее и чужое для человѣка; достигая образованности, онъ въ ней сознаетъ, что сила разума есть его собственная сила, что онъ самъ, въ себѣ самомъ есть живой разумъ.

По мѣрѣ того, какъ тяготѣніе внѣшней нужды преобразуется въ сознательное внушеніе долга, въ человѣкѣ возникаетъ и требованіе, чтобъ благообразіе общественнаго строя, которое сначала налагается на него только извнѣ неволею и силою нужды, — сообщалось ему изъ внутри — свободнымъ сознаніемъ своего долга; чтобъ оно не было только мертвымъ оттискомъ внѣшнихъ силъ, и бездушныхъ стихій; но стало бы дѣйствительнымъ и живымъ благообразіемъ, въ которымъ бы сказывалось и просвѣчивало свободная, самосознательная и самобытная душа человѣка.

Образъ общественной жизни, въ какой она складывается подъ свободнымъ внушеніемъ сознаннаго долга, есть тоже не произволъ, не продуктъ своевольнаго измышленія, но опять же только проявленіе самой необходимости, но необходимости иной степени, и инаго порядка, чѣмъ тѣ, въ какихъ осуществляется чисто естественная или стихійная необходимость. Художественный строй, не будучи строемъ естественной необходимости, не есть однакожь ни произволъ, ни измышленіе безъ правила и безъ закона; въ немъ выражается все таже необходимость, но только въ высшемъ порядкѣ. По этому и общественный образъ, принимаемый жизнью подъ внушеніемъ долга есть вполнѣ дѣйствительность общества,— но уже не въ образѣ его неволи, а въ образѣ его свободы.

То, что человѣкъ сознаетъ въ себѣ самомъ за самый смыслъ всей своей жизни, за свое прямое назначеніе, какъ свой собственный неизмѣнный долгъ, обязываетъ и нудитъ его во всемъ его существованіи, ни какъ не менѣе, но скорѣе болѣе чѣмъ внѣшняя нужда. Вся сила, все давленіе нужды ломятся о сознаніе непреклонности долга, и оказываются безсильными предъ силою его неизмѣннаго и повелительнаго предписанія. И если все

значеніе и вся сила требованій нужды высказываются угрозою, подъ страхомъ смерти: «исполни, иначе ты умрешь!» то напротивъ внушеніе долга, не вѣдая страха смерти, выражается требованіемъ: «умри, да исполни!»

Такимъ образомъ въ каждомъ существующемъ обществѣ вся его дѣйствительность распредѣляется между явленіями, требованіями и утвержденіями, пропстекающими въ немъ по необходимости или отъ давленія его неотступной нужды, — или же отъ сознанія его непреклоннаго долга. Все же другое, все, что въ обществѣ не связано ни его нуждою, ни его долгомъ, является въ немъ не какъ его дѣйствительное, а только какъ его призрачное существованіе, которое никого ни къ чему не обязываетъ. А потому значеніе и содержаніе, и самая постановка всякихъ, въ обществѣ возникающихъ вопросовъ, по отношенію ихъ къ дѣйствительности, не могутъ быть иначе измѣряемы и разрѣшаемы, какъ только по соображенію ихъ съ тѣмъ, что сказывается въ обществѣ или какъ его имъ испытываемая нужда, или какъ его имъ сознаваемый долгъ.

а) Женскій вопросъ, по его соображенію съ нуждою общества.

Въ смыслѣ нужды женскій вопросъ выражается, какъ настоятельное требованіе, дать женщинамъ право и средства къ самобытному существованію, и поставить ихъ въ полную независимость отъ внѣшнихъ случайностей, отъ родственниковъ, отъ мужа, отъ дѣтей, отъ людей посторонніхъ: для этого является необходимость вооружить ихъ такими правами и способами, и подготовить ихъ къ жизни такъ, чтобъ онѣ могли жить, ни отъ кого не завися, собственнымъ трудомъ своимъ.

Въ человѣческомъ обществѣ, особливо по отношенію къ тому, что опредѣляется въ немъ его насущною нуждою, не все то возможно, что представляется, или же

только мерещится желательнымъ. Въ природѣ есть нѣ которая неизмѣнная мѣра вещей и отношеній, которая ни отъ произвола человѣка, ни отъ его пожеланій не зависитъ. При взглядѣ на цвѣтущія лиліи и розы. быть можетъ и является сожалѣніе, зачѣмъ онѣ при ихъ красотѣ, не равняются съ дубами своею величиною, силою и могуществомъ: но каждому понятно, что на такого рода сожалѣніяхъ серьезная мысль ни на минуту задержаться не можетъ. Образъ существующаго общества есть явленіе, которое складывается опредѣленнымъ порядкомъ, отчасти въ силу законовъ естественныхъ, отчасти въ силу законовъ самосознательнаго разума: первые познаются чрезъ изученіе природы, вторые излагаются логикою. Но насколько до сихъ поръ постигается разумъ природы чрезъ наблюденіе, и разумъ логики, чрезъ умозрѣніе, такого рода желанія еще не находили себѣ оправданія или подтвержденія ни въ сферахъ первой, ни въ сферѣ второй И если природа и имѣетъ, что въ виду, то, насколько можно судить на основаніи современнаго естествовѣденія, вовсе не то, что высказывается какъ требованіе или какъ притязаніе подъ именемъ женскаго вопроса Если съ другой стороны, во имя умозрительной логики и предъявляются нѣкоторыя требованія существующему, установленному исторіей порядку, то, на сколько можно о томъ судить на основаніяхъ современной философіи,—эти требованія не совпадаютъ съ требованіями, предъявляемыми въ области женскаго вопроса. Если же женскій вопросъ и въ самомъ дѣлѣ не имѣетъ своимъ основаніемъ ни природу, вѣдающую все то, что въ самомъ дѣлѣ есть. ни логику, вѣдающую то, что неминуемо должно быть, то слѣдовало бы признать, что онъ не имѣетъ подъ собою никакого основанія: потому что, какъ для всего существующаго,—такъ и для всего мыслимаго нѣтъ и не можетъ быть иныхъ основаній кромѣ природы и кромѣ логики. И всѣ желанія, притязанія, или требованія, предъявляемыя ни во имя той, ни во имя другой, — ни во имя того, что уже есть, какъ су-

БИБЛ... ...ЦИАЛИС... АКАДЕМ...

ществующее, ни во имя того, что должно б... ...вать логически мыслимое, — должны по необходимости, ...заться призрачными и чуждыми дѣйствительности.

Въ каждомъ существующемъ обществѣ, устанавл... ...вается его исторіей, въ которой и разумъ природы и разумъ логики, дѣйствуютъ совмѣстно, нѣкоторый общій, довольно постоянный уровень обеспеченности, независимости существованія и права на трудъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, образованныхъ и необразованныхъ, способныхъ и неспособныхъ, сильныхъ и слабыхъ, умныхъ и глупыхъ, всѣхъ и каждаго изъ людей, живущихъ въ этомъ обществѣ. Этотъ общій уровень, смотря по обществу и по общимъ силамъ въ немъ проявляющимся, стоитъ или выше или ниже, но какъ вѣковой продуктъ всей исторіи, чрезвычайно мало зависитъ отъ тѣхъ повременныхъ желаній, стремленій и направленій которыя, возникая какъ грибы послѣ дождика, какъ нѣкоторое возбужденіе или раздраженіе текущаго момента, не имѣютъ своихъ корней въ самой глубинѣ вещей, управляемыхъ неизмѣнными законами природы и логики.

Обеспеченность и независимость существованія каждаго человѣка въ обществѣ мужчинъ, женщинъ, дѣтей предоставляются имъ отчасти въ мѣру силъ общественныхъ, отчасти въ мѣру ихъ собственныхъ силъ и способностей: каждая сила и каждая способность въ обществѣ имѣютъ въ немъ всегда свое безспорное и всѣми признаваемое право: никакая дѣйствительная сила, никакая дѣйствительная способность не станутъ ждать, чтобъ ихъ признали, чтобъ имъ предоставили право; онѣ его безъ всякаго признанія уже имѣютъ сами собою; имъ никто ничего ни дать, ни придать не можетъ: онѣ сами доставляютъ и берутъ себѣ всѣ, что имъ требуется; а тѣ, кто ожидаетъ или требуетъ, чтобъ имъ доставили то, что онѣ сами себѣ доставить не въ состояніи, тѣмъ самымъ свидѣтельствуютъ, что онѣ лишены силы, способности, и не имѣя никакого права, имѣютъ только пустое притязаніе. Въ обществѣ какъ обеспеченность, такъ и незави-

симость положенія, являются собственно благомъ или даромъ самаго общества; оно даруетъ его тѣмъ, кто въ его интересахъ ему наиболѣе нуженъ и полезенъ; и не болѣе того, какъ именно въ мѣру той пользы, какую каждый способенъ приносить ему. Интересы же общественные очень часто не совпадаютъ, не совмѣстны и не соизмѣримы съ интересами живущихъ въ немъ индивидовъ. Въ обществѣ, какъ и въ природѣ, великое множество жизней и зародышей жизни гибнутъ и пропадаютъ совершенно безслѣдно; только потому, что въ нихъ не оказывается надобности, что и общество и природа очень удобно и безъ нихъ обходятся.

Соизмѣрять интересы общественные съ интересами индивидовъ мужчинъ, женщинъ или дѣтей, значитъ извращать дѣйствительную мѣру вещей, и намѣренно впадать въ заблужденіе. Въ порядкѣ естественномъ всякое право есть всегда достояніе дѣйствительной силы; въ порядкѣ логическомъ понятіе о правѣ не имѣетъ общаго съ индивидуальными притязаніями, предъявляемыми поборниками или поборницами женскаго вопроса.

Въ женскомъ вопросѣ предявляется право женщинъ на трудъ: собственно говоря, женскій трудъ въ обществѣ вовсе не новость. Онъ всегда существовалъ, существуетъ и нынѣ въ значительной мѣрѣ.

Въ рабочихъ классахъ населенія сила и ловкость работящей женщины не только не въ пренебреженіи, но всегда пользовались и нынѣ пользуются большимъ почетомъ, хотя вообще мужскому труду все же отдается предпочтеніе.— Впрочемъ на сколько возможно уже и нынѣ опредѣлять общее направленіе общества на пути развитія его силъ, его богатствъ и его образованности, оно, какъ кажется, состоитъ не въ томъ, чтобъ еще болѣе обременить женщину тяжестью физическаго труда, а напротивъ скорѣе въ томъ, чтобъ въ мѣру возможности, постепенно освобождая ее отъ тяжкой работы, ограничивать ея трудовую дѣятельность дѣломъ домашнимъ, и особенно дѣломъ воспитанія. Если-жъ она до сихъ поръ еще не избавлена

отъ тяжелой работы, — но обременена ею даже сверхъ силы, то это происходитъ вовсе не по желанію, а только отъ слабости и недостатковъ общества, только въ силу одолѣвающей, еще неодолимой нужды его.

Но женскій вопросъ имѣетъ въ виду не столько женскій трудъ и работящихъ женщинъ, имѣющихъ въ обществѣ свое полное признаніе, сколько независимый женскій трудъ и независимыхъ женщинъ. Съ цѣлью возвышенія цѣнности женскаго труда, указываютъ на необходимость всесторонняго развитія, обученія и образованія женщинъ; требуютъ образовательныхъ женскихъ школъ, женскихъ курсовъ, гимназій, университетовъ, академій; для того, чтобъ женщины, получивъ образованіе, равное съ мужчинами, по всѣмъ отраслямъ человѣческаго знанія, могли вступить съ ними въ конкуренцію на всѣхъ рынкахъ человѣческаго труда, на всѣхъ поприщахъ человѣческой дѣятельности, — и быть съ ними во всѣхъ отношеніяхъ въ семьѣ, въ домашнемъ быту, въ частныхъ занятіяхъ, въ обществѣ, въ общественныхъ отправленіяхъ, какъ равныя передъ равными, какъ товарищи съ товарищами, съ сознаніемъ въ душѣ и съ проявленіемъ на дѣлѣ своей полной отъ нихъ независимости.

У насъ, вслѣдствіе временно существующихъ взглядовъ и воззрѣній администраціи, для того чтобъ женщина могла посвятить свою дѣятельность воспитанію дѣтей, требуется, чтобъ она, выдержавъ экзаменъ, гдѣ указано, была снабжена надлежащимъ дипломомъ, дающимъ ей нѣкоторымъ образомъ привиллегію на занятіе съ дѣтьми. — Хотя, казалось бы, что дѣятельность воспитанія предназначена женщинѣ самою природою, и что наилучшими судьями въ томъ, способна ли та или другая женщина воспитывать и руководить дѣтей, — должны бы были быть само общество или сами родители, что дипломы, выдаваемые экзаменаторами очень ненадежная гарантія въ способностяхъ воспитательницы, но, быть можетъ, столь особенная мѣра вызвана чрезмѣрностью общественнаго невѣжества: во всякомъ случаѣ, если отъ

женщинъ требуются установленные экзамены и дипломы, для того, чтобъ имѣть право посвящать себя дѣлу воспитанія, то разумѣется, съ тѣмъ вмѣстѣ справедливость требуетъ, чтобъ были устроены и соотвѣтственныя школы, университеты и академіи для женщинъ. — Такимъ образомъ въ духѣ времени женскій вопросъ отчасти возбуждается и разрѣшается у насъ также и административнымъ порядкомъ.

Но виды поборниковъ и поборницъ женскаго вопроса внѣ администраціи и учебнаго вѣдомства, — несравненно шире, — и такого рода правами не ограничиваются: они требуютъ полнаго уравненія правъ мужчинъ и женщинъ во всѣхъ сферахъ и во всѣхъ отношеніяхъ; по ихъ убѣжденію, женщины способны исполнять все то, что до сихъ поръ исполнялось исключительно мужчинами, и устранять ихъ отъ какого бы то ни было дѣла, — не признавать за ними ихъ полной правоспособности на равнѣ съ мужчинами есть вопіющая несправедливость.

Въ такомъ видѣ женскій вопросъ возникалъ, уже и у древнихъ народовъ, — и въ классической Греціи онъ подавалъ поводъ Аристофану изощрить ѣдкость своихъ сарказмовъ, и по нашимъ понятіямъ не всегда благопристойной ироніи на счетъ нравовъ и притязаній тогдашнихъ женщинъ. Очень многое изъ его комедій, по этому поводу было бы довольно кстати вновь повторить еще и нынѣ: но не въ томъ дѣло; у насъ, въ нашемъ современномъ обществѣ, масса различныхъ требованій и притязаній возникаетъ гораздо болѣе въ силу насущной нужды, нежели въ силу понятій: а подъ давленіемъ нужды, зубы которой гораздо острѣе всѣхъ сарказмовъ и всего остроумія Аристофана, очень естественно и вполнѣ законно порождается въ женщинахъ желаніе, стремленіе или притязаніе конкурировать съ мужчинами. При мысли о такой конкуренціи, конечно невольно думается, что едва ли слабость въ состояніи конкурировать съ силою, не основываясь и не опираясь на великодушіе этой самой силы; при чемъ само собою припоминается замѣчаніе

Жоржъ-Занда о крайней забавности видѣть ребенка, который на рукахъ у взрослаго капризничаетъ, плачетъ, кричитъ и колотитъ его изъ всѣхъ силъ своими слабыми ручонками.

Не въ смыслѣ общаго женскаго вопроса и стремленій его, касающихся до женщины вообще, но въ каждомъ частномъ случаѣ, если нужда неволитъ кого, все равно женщину или мужчину, приняться въ видахъ существованія за то или другое дѣло, если оно выгодно и притомъ не противузаконно, то разумѣется само собою, что порицать это дѣло, и указывать на его несообразность съ поломъ, съ званіемъ, съ возврастомъ, или съ чѣмъ другимъ, не устраняя самой, неволящей нужды, было бы не только бесполезно и неразумно, но и очень бездушно и даже неприлично. Съ нуждою, не отвративъ оной, спорить невозможно: когда она тутъ, на лицо, тогда ужь не до благообразія. Нерѣдко и самыя преступленія, совершаемыя по крайней нуждѣ отпускаются на судѣ безъ обвинительныхъ приговоровъ по невмѣняемости. При послѣдней крайности, люди людей поѣдаютъ съ голода: но и тутъ, при столь вымученномъ униженіи человѣка, когда нужда вырываетъ изъ души его все человѣческое, приличны вовсе не осужденіе, но, если не помощь и не милость, то ужь покрайней мѣрѣ молчаніе.

Нужда всесильна: и было бы вполнѣ неприлично, еслибы люди, не извѣдавшіе на себѣ всей силы ея, позволили себѣ не то, что осуждать, но даже находить странными или несообразными усилія, стремленія и дѣла людей, уступающихъ тяготѣнію дѣйствительной нужды.

Въ большихъ городахъ, при скученномъ населеніи, гдѣ всего болѣе и ощутительнѣе сказывается вся трудность жизни, очень многія женщины, дѣвушки и замужнія, предприняли съ большимъ одушевленіемъ, хотя не безъ нѣкотораго, времяни свойственнаго сумбура въ понятіяхъ, завоевать себѣ право жизни, и добиться до признанія въ нихъ правоспособности къ отправленію разныхъ общественныхъ должностей, и съ этою цѣлью стали очень

серьезно учиться и проходить курсы разныхъ наукъ, какъ въ среднихъ, такъ и въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

По общему свидѣтельству, онѣ, занимаясь съ усердіемъ, успѣшно преодолѣваютъ всякаго рода трудности, и удостоиваются по заслугамъ атестатовъ, ученыхъ свидѣтельствъ, дипломовъ: съ такими дипломами предъ ними открываются многіе пути и многія средства существованія, прежде для нихъ совершенно недоступные; и, какъ сообщаютъ, очень многія изъ нихъ и въ самомъ дѣлѣ, достигая цѣли своихъ стремленій, живутъ трудомъ своимъ безъ всякаго содѣйствія мужчинъ.

Соображая, какъ и чѣмъ бы онѣ существовали, еслибъ онѣ не добыли себѣ такихъ средствъ, такихъ правъ и такой привиллегіи на трудъ, нельзя не порадоваться ихъ отважности и ихъ рѣшимости: самое увлеченіе ихъ по поводу правъ женщины и женскаго вопроса, хотя бы оно и не ладило ни съ логикой, ни съ здравымъ смысломъ, придавая имъ огня и силы, чтобъ пройти чрезъ трудное, было для нихъ благодѣтельно. Оно способствовало имъ проскочить всякаго рода сомнѣнія, и въ концѣ концовъ, если онѣ и увлекались химерою, онѣ все же избавились отъ тѣхъ бѣдъ и напастей, которыя имъ готовило ихъ поджидавшее будущее въ средѣ нищеты, невѣжества и ея тлетворныхъ внушеній.

Рѣшительность и постоянство этихъ молодыхъ женщинъ достойны уваженія: юное поколѣніе въ правѣ гордиться ихъ мужествомъ. Онѣ не только своимъ числомъ, но и особенно своимъ примѣромъ, вырвали изъ омута, нѣсколько уже впередъ обрѣченныхъ жертвъ, которыя, какъ жертвы современнаго минотавра, ежегодно поставляются ему на съѣденіе въ современныхъ лабиринтахъ нашей общественной жизни.

Но однако, если нѣкоторое число женщинъ и избавляются этимъ путемъ отъ столь жалкой участи, то общая статистика, ежегодно погибающихъ въ большихъ городахъ, едва ли отъ того существенно измѣняется, и въ той печальной графѣ ея таблицъ, гдѣ обыкновенно

выставляютъ процентное число всѣхъ жертвъ нищеты, невѣжества и разврата, это роковое число на врядъ ли убавляется.

Конкуренція женщинъ съ мужчинами на томъ же поприщѣ труда, въ случаѣ успѣха, нѣкотораго числа женщинъ, по необходимости вытѣсняетъ съ него такое же число мужчинъ; а если и не вытѣсняетъ, то неминуемо сбавляетъ плату за трудъ, не къ выгодѣ предлагающихъ, а только къ выгодѣ покупающихъ оный. Чрезъ замѣну лицъ одного другимъ, или чрезъ общее пониженіе рыночной цѣны за трудъ, успѣхъ и удача нѣкоторыхъ женщинъ во всякомъ случаѣ окупаются соотвѣтственными неуспѣхомъ или неудачею нѣкоторыхъ мужчинъ: потому что по закону непроницаемости два вещества, двѣ матеріи совмѣстно быть не могутъ, и по необходимости вытѣсняютъ другъ друга. А между тѣмъ на попеченіи тѣхъ вытѣсненныхъ мужчинъ, жили и существовали и женщины и дѣти.

Конечно, мужчины могутъ обратиться съ предложеніемъ труда на другія поприща, и искать на нихъ иного занятія. Но искать еще не значитъ и находить; во всякомъ случаѣ между исканіемъ и найденіемъ пройдетъ не мало времени, а жизнь человѣка безъ пищи болѣе опредѣленнаго срока не выноситъ. А къ тому же все, что ищется, очень не рѣдко и во все не находится.

Женскій трудъ, вступая на общій рынокъ, количества требуемаго и оплачиваемаго труда не увеличиваетъ, а только производитъ нѣкоторую перетассовку въ его размѣщеніи между лицами; чрезъ что, если однимъ и становится жить легче, то за то другимъ приходится жить на столько же труднѣе. И въ концѣ концовъ еще неизвѣстно станетъ ли всѣмъ лучше, когда весь мужской персоналъ работающихъ и трудящихся замѣнится женскимъ; когда всѣ учители, преподаватели, профессора, адвокаты, медики, чиновники, управители, военноначальники будутъ повсюда замѣщены учительницами, профессоршами, адвокатшами, докторшами, чиновницами,

управительницами, военноначальницами, и исполнитъ ли женскій комплектъ всѣхъ служащихъ свое дѣло исправнѣе, чѣмъ оно исполнялось мужскимъ комплектомъ? Въ этомъ позволительно по крайней мѣрѣ сомнѣваться.

Безспорно, каждый не только имѣетъ право, но и обязанъ заботиться о самомъ себѣ: la charité bien ordonnée commence par soi même; и для той или другой изъ женщинъ очень хорошо, что она, занимая какую нибудь должность, или отправляя какое нибудь дѣло въ обществѣ, можетъ ни въ комъ не нуждаясь, ни отъ кого не завися, охранять себя своею дѣятельностью отъ голода, отъ холода, и отъ всякихъ недостатковъ, обездоленной нищеты. У насъ, въ нашей бѣдной странѣ дѣло еще вовсе не въ томъ, чтобъ жить сообразно съ требованіями или алканіями души и сердца; а лишь бы только какъ нибудь прожить, лишь бы имѣть необходимое, лишь бы не бѣдствовать отъ голода и холода. А потому у насъ и всякая женщина, избавившаяся своимъ трудомъ, изъ подъ гнета суровой нужды, можетъ почитать себя счастливою; и всякій, конечно, только порадуется тому, что на ея долю выпало такое счастіе.

Но изъ за ближайшаго не видѣть дальнѣйшаго было бы только слѣпотою. Удовлетвореніе необходимыхъ требованій нужды хотя и есть первое, но во всякомъ случаѣ не послѣднее слово жизни: не отъ хлѣба только человѣкъ живъ бываетъ. Это не только отрицать, но и забывать не слѣдовало бы.

Человѣкъ, какъ сказалъ Аристотель, есть существо общественное, и способное жить только въ обществѣ. А съ точки зрѣнія общества зависимость человѣка отъ другого человѣка или отъ другихъ людей не есть бѣдствіе, отъ котораго слѣдуетъ во чтобы то ни стало, избавиться: она напротивъ признается основаніемъ и самымъ источникомъ всего лучшаго въ обществѣ. Въ немъ, что касается до существованія, находятся въ зависимости отъ другихъ силъ болѣе или менѣе имъ близкихъ, болѣе или менѣе имъ чуждыхъ, не только жен-

щины, но и дѣти и старики; въ немъ же наконецъ и взрослые, сильные мужчины существуютъ, только опираясь другъ на друга, и не рѣдко, даже въ большинствѣ случаевъ заимствуютъ силу свою отъ дряхлыхъ стариковъ, отъ слабыхъ женщинъ, и отъ еще слабѣйшихъ дѣтей.

Въ дѣйствительномъ, въ живомъ обществѣ всѣ люди безъ различія половъ и возрастовъ связаны взаимно, и живутъ, только въ силу своихъ привязанностей другъ къ другу. А потому предполагаемая или мнимая независимость женщинъ отъ силы мужчинъ имѣетъ между прочимъ также и смыслъ отрѣшенія женщинъ отъ общества.

Никому не приходитъ въ голову протестовать противъ зависимости дѣтей отъ взрослыхъ: потому что каждый видитъ, какъ взрослые несутъ ихъ на рукахъ своихъ, и для каждаго ихъ слабость, а потому и неизбѣжность ихъ зависимости совершенно очевидны: но относительно женщинъ ихъ слабость, и вслѣдствіе оной неизбѣжность ихъ зависимости, въ обществѣ отчасти прикрыты его образованностью; и потому многимъ мерещится, что женщины могли бы сами собою, не опираясь на мужскую силу, справляться съ тѣми стихійными силами природы, которыя, обступая человѣка со всѣхъ сторонъ, постоянно стремятся подавить его существованіе, и отражаются только мужествомъ и силами мужчинъ.

Въ образованномъ обществѣ, и въ мѣру его образованности, которая достигается имъ именно только при установившемся, общественномъ образѣ отношеній мужчинъ и женщинъ другъ къ другу, нѣкоторыя изъ женщинъ достигаютъ возможность существовать независимо, и по видимому безъ всякаго содѣйствія мужчинъ. Но во-первыхъ эта видимость очень обманчива, и мгновенно разсѣевается при нѣсколько болѣе внимательномъ размышленіи. Такимъ же точно образомъ, если судить только на основаніи поверхностной видимости, людямъ изъ среды образованныхъ классовъ, очень легко можетъ

представиться, что наличная образованность общества, существуетъ и пробавляется въ немъ сама собою, совершенно независимо отъ вліянія, отъ силы и отъ неустанной работы невѣжественнаго мужика. Но при нѣкоторой сообразительности такое ослѣпленіе долго продержаться не можетъ: всякій легко пойметъ, что невѣжественный мужикъ кормитъ, и поитъ ту образованность, которая однако очень скоро о немъ забываетъ. Точно также и женщины, мечтающія о своей независимости, очень легко забываютъ, откуда она происходитъ, и чьимъ силамъ онѣ ею обязаны.

Во-вторыхъ успѣшное разрѣшеніе вопроса о независимомъ существованіи женщинъ, указываемое двумя, тремя, нѣсколькими примѣрами въ небольшомъ числѣ случаевъ, не можетъ относиться ко всѣмъ женщинамъ, не можетъ считаться разрѣшеніемъ самаго женскаго вопроса: говоря о всѣхъ женщинахъ, слѣдуетъ признать за безспорный фактъ, что онѣ не только не домогаются, своей независимости отъ мужчинъ, въ томъ смыслѣ, какъ она мерещется въ женскомъ вопросѣ; но наоборотъ всею душею, всею жизнію и всѣми упованіями именно только и стремятся къ такой зависимости, и притомъ въ высшей ея мѣрѣ, при которой она обращается въ недѣлимое, въ кровное отношеніе. Въ такомъ отношеніи онѣ инстинктивно, въ силу своихъ жизненныхъ, физіологическихъ и органическихъ потребностей, полагаютъ всю цѣль и самое счастье своей жизни. Это есть съ ихъ стороны быть можетъ, великій предразсудокъ: но если онѣ, эти бѣдныя и угнетенныя женщины, чего не хотятъ, и чего всего болѣе боятся, такъ это именно только своей свободы, и своего избавленія отъ такого предразсудка. Онъ внушенъ имъ силою природы, и не поддается, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ еще не поддавался, быть можетъ вслѣдствіе коварства негодныхъ мужчинъ, никакого рода отмѣняющимъ его ученіямъ или теоріямъ.

Выдѣлять интересы и судьбу женщинъ въ обще-

ствѣ какъ нѣчто особое, и исключительно только до женщинъ касающееся содержаніе, подъ именемъ женскаго вопроса,—есть и по отношенію къ цѣлости общества, и по отношенію къ женщинамъ очень фальшивый пріемъ, при которомъ, вслѣдствіе привычекъ абстрактнаго мышленія, нѣчто мертвое и мнимое ставится на мѣсто живаго и дѣйствительнаго. Въ дѣйствительности, какъ нѣтъ женщинъ отдѣльно отъ мужчинъ, какъ нѣтъ женщинъ, стоящихъ внѣ общества, такъ точно нѣтъ и женскихъ интересовъ, а есть только общіе интересы всего цѣлаго общества.

Успѣшное разрѣшеніе вопроса объ обезпеченіи существованія женщинъ въ обществѣ, вполнѣ зависитъ отъ развитія силъ общества въ его борьбѣ противъ одолѣвающихъ силъ и гнета нужды. Въ бѣдной странѣ количество священниковъ, учителей, лѣкарей, повивальныхъ бабокъ, фельдшеровъ, фельдшерицъ и всякаго рода людей свѣдущихъ и умѣющихъ, которые въ состояніи содержать самихъ себя и семью свою трудомъ своимъ, безъ всякаго сомнѣнія слишкомъ недостаточно по сравненію съ настоятельною въ нихъ потребностью. Но большаго количества бѣдная страна не въ состояніи ни прокармливать, ни оплачивать. Вслѣдствіе такой несостоятельности цѣлой страны, или цѣлаго общества въ немъ великое множество людей, мужчинъ, женщинъ, дѣтей, живутъ въ крайней нуждѣ, и неминуемо гибнутъ въ грубости, въ болѣзняхъ, въ невѣжествѣ и въ развратѣ: нищета не есть только экономическая нищета, она по необходимости есть въ тоже время и нищета умственная, и нищета нравственная, и всякаго рода нищета; а ея послѣдствія ложатся въ данномъ обществѣ безъ разбора какъ на мужчинъ, такъ и на женщинъ, такъ и на дѣтей и разумѣется, болѣе слабые пропадаютъ подъ ея давленіемъ скорѣе чѣмъ сильные. Но выдѣлить женщинъ изъ общей доли всего общества, и создать ихъ благосостояніе помимо благосостоянія мужчинъ, помимо благосостоянія цѣлой страны, есть по су-

ществу своему дѣло невозможное. Какъ ртуть въ термометрѣ есть чувствительный указатель температуры, такъ и женщины въ обществѣ, какъ болѣе чувствительный матеріалъ, могутъ своимъ положеніемъ служить довольно тонкимъ указателемъ высоты общественнаго благосостоянія: но сдѣлать такъ, чтобъ ртуть въ термометрѣ стояла высоко, когда температура стоитъ низко, или чтобъ женщины благоденствовали, когда общество бѣдствуетъ, когда мужчины его пропадаютъ въ грубости и въ невѣжествѣ, одинаково невозможно.

Въ какомъ бы то ни было обществѣ, условія существованія женщинъ — въ совершенной зависимости отъ условій существованія мужчинъ: потому что существованіе самаго общества, во всей цѣлости его всегда опирается о силу мужчинъ: и въ странѣ бѣдной, которая еще не въ состояніи оплатить и то, что ей необходимо, и отъ чего она пропадаетъ, дополнительная дѣятельность нѣсколькихъ свѣдущихъ или практикующихъ женщинъ, разумѣется, ничего собою пополнить не можетъ; — общество, лишенное и того, что ему до крайности нужно, оплачиваетъ самое существованіе свое только гибелью и смертью своихъ членовъ; и женскій вопросъ, со всѣмъ полагаемымъ въ него одушевленіемъ, являясь напрасною тратою силъ, ни коимъ образомъ, по крайней мѣрѣ, непосредственно не можетъ, не то что отвратить, но даже сколько нибудь убавить насущную нужду его и всѣ бѣды изъ ней истекающія.

Когда все дѣло состоитъ въ борьбѣ съ нуждою, и съ ея гнетущими силами, въ охраненіи себя отъ голода, отъ холода, въ сооруженіи самаго крова, подъ которымъ можно было бы жить, мужская сила имѣетъ несравненно болѣе правъ на вниманіе, чѣмъ всѣ права женщинъ; и всякіе женскіе вопросы должны конечно посторониться, чтобъ дать мѣсто не женскому, а чисто мужскому дѣлу.

Пусть женщины позволятъ сперва устроиться мужчинамъ, и тогда, послѣ, ужъ, можно будетъ на досугѣ потолковать съ ними и объ ихъ дѣлахъ, и объ ихъ со-

крушеніяхъ: а до тѣхъ поръ, и ихъ дѣйствительный умъ, и имъ врожденная скромность требовали бы чтобъ онѣ только не мѣшали, не шумѣли и не путались въ дѣло, которое есть не ихъ рукъ дѣло. —

Но, по скольку можно уразумѣть изъ неопредѣленныхъ толковъ раздающихся подъ эгидою женскаго вопроса, при немъ, какъ кажется, имѣютъ иногда въ виду не столько личную нужду той или другой женщины, сколько нужду общественную. Указывая на крайнюю бѣдность общества, обыкновенно утверждаютъ, что его бѣдность обусловливается въ немъ недостаткомъ образованности; и что наилучшій способъ къ развитію образованности, заключается въ содѣйствіи къ образованію женщинъ.

Подъ выраженіями образованіе, или развитіе, распространеніе образованности, здѣсь обыкновенно разумѣется нѣкоторое бо́льшее или меньшее разширеніе круга познаній или свѣденій въ различныхъ научныхъ сферахъ; и хотя отъ такого разширенія до дѣйствительнаго образованія человѣка еще и очень далеко, хотя очень значительный кругъ разнообразнѣйшихъ научныхъ свѣденій очень удачно совмѣщается въ людяхъ съ ихъ крайнею необразованностью: но безспорно, что расширеніе сферы знаній и познаній есть въ обществѣ одинъ изъ важнѣйшихъ факторовъ для развитія общественной жизни его во всѣхъ отношеніяхъ, и кто бы въ немъ ни пріобрѣталъ какой доли научнаго познанія, — мужчина ли, или женщина, такая доля, какъ бы она ни была мала, есть во всякомъ случаѣ выигрышъ для общества, и нѣкоторый лишній шансъ къ уменьшенію въ немъ силъ невѣжества, а впослѣдствіи и бѣдности, и всѣхъ проистекающихъ отъ ней бѣдъ и золъ.

Лишь бы ученость не обращалась въ умопомраченіе и не шла бы рука объ руку съ педантизмомъ и съ идолопоклонствомъ предъ мнимымъ, напыщеннымъ призракомъ научности, всякій долженъ согласиться, что разширеніе круга познаній, увеличеніе круга научныхъ свѣденій есть само по себѣ, какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ очень желательное дѣло. По этому вовсе не уди-

вительно, что въ обществѣ, особливо въ послѣднее время, очень часто приходится слышать толки о крайней необходимости открыть учебныя, или, какъ ихъ именуютъ, общеобразовательныя заведенія, школы, гимназіи, университеты, пожалуй и академіи собственно для женщинъ. При этомъ указываютъ какъ на великую общественную несправедливость по отношенію къ женщинамъ, что для нихъ еще не думаютъ открывать высшія учебныя заведенія, — и между тѣмъ не допускаютъ ихъ пользоваться тѣми, которыя уже открыты для мужчинъ. На такого рода указанія, — и на возгласы о мнимой несправедливости общества, — можно возражать, что общество не вѣдаетъ въ своей средѣ выдѣленія женщинъ отъ мужчинъ, и не признавая между ними даже и возможности какого бы то ни было антагонизма, полагаетъ, что все, что дѣлается для мужчинъ, неминуемо дѣлается и въ интересахъ женщинъ. Толковать особо о женщинахъ и особо о мужчинахъ, противуполагая ихъ взаимно — въ ихъ мнимомъ антагонизмѣ, какъ два другъ другу враждебные лагеря, — и выводить на основаніи такого раздѣленія ихъ обоюдныя права, и ученіе о справедливости, или систему уравновѣшенія ихъ правъ и ихъ притязаній, значитъ вдаваться въ мертвую и въ пустую абстракцію, которою мысленно дѣлится то, что дѣйствительно есть недѣлимое. Противуположеніе женщинъ мужчинамъ, и женскихъ правъ, правамъ мужскимъ, есть само по себѣ только очень ученая, и потому очень дикая теорія, нѣчто въ родѣ теоріи о сферѣ четырехъ измѣреній, въ которой все невозможное, все немыслимое, все несообразное становится вполнѣ возможнымъ, вполнѣ мыслимымъ, и вполнѣ сообразнымъ, и самая справедливость, о которой и во имя которой толкуется въ этихъ сферахъ, какъ отрицаніе дѣйствительной жизни во имя абстракціи, является только искаженіемъ всякой справедливости.

Общество во всемъ, что оно творитъ, устанавливаетъ и совершаетъ въ своемъ жизненномъ развитіи, никогда не руководится такого рода справедливостью; оно ее по-

ложительно игнорируетъ, какъ и всякую другую абстракцію; оно устраиваетъ мужскія учебныя заведенія, преимущественно предъ женскими, на томъ же основаніи, на какомъ оно для самоохраненія береть солдатами и вооружаетъ мужчинъ, и преимущественно сильныхъ мужчинъ, а не слабыхъ женщинъ. Въ крайности можно, конечно, вооружить и женщинъ; но такой крайности еще не предстоитъ; и слава Богу, потому что такая крайность была бы уже бѣдствіемъ.

Общество учитъ преимущественно мужчинъ, а не женщинъ, вовсе ни въ виду той мнимой справедливости, вытекающей изъ абстрактнаго уравновѣшенія мужскихъ и женскихъ правъ, а только потому, что ученые мужчины ему нужны, даже необходимы для его самоохраненія, а безъ ученыхъ женщинъ оно еще можетъ преблагополучно обходиться. Оно, правда, крайне нуждается въ образованности, въ образованности мужчинъ, и особенно женщинъ; но образованность несравненно болѣе зависитъ отъ ума, развиваемою жизнью, нежели отъ обученія наукамъ, и отъ научныхъ теорій, отъ которыхъ, при слабости и при убожествѣ жизни, нерѣдко нарождается только умопомраченіе.

Въ хорошо устроенномъ обществѣ, въ которомъ всѣ силы его и всѣ его усилія распредѣляются экономически и соотвѣтственно его дѣйствительной нуждѣ, на науку, на теорію обыкновенно идетъ только избытокъ его наличнаго ума, такъ сказать только его излишній умъ, которому за выполненіемъ главнаго, жизненнаго дѣла, и предоставляется досугъ, свобода и право посвятить себя другому, менѣе важному дѣлу наукъ и теорій.

Конечно образованіе въ сферѣ знанія и наукъ какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ есть само по себѣ вовсе не лишнее, но доброе и очень желательное дѣло. Но при этомъ не должно забывать, что такое дѣло дается или исполняется не даромъ, но только при большихъ усиліяхъ, при значительной затратѣ наличныхъ силъ и средствъ общества. Всякое общество, не только бѣдное,

но и самое богатое, не располагая силами и средствами въ безграничномъ количествѣ, можетъ и обязано затрачивать ихъ не иначе, какъ только съ расчетомъ, чтобъ всякая его затрата, производила каждый разъ наибольшую пользу; что и даетъ случай припомнить давнишній, изъ старины взятый, апологъ.

Нѣкоторому земледѣльцу, съ ограниченнымъ капиталомъ, требовались плуги для воздѣлыванья земли; и ему предлагали пріобрѣсть плуги различныхъ фасоновъ,— между прочими и такіе, которые отличаясь красотою, тонкостью и изяществомъ отдѣлки, были сдѣланы не изъ грубаго, обыкновеннаго, но изъ драгоцѣннаго металла, изъ серебра и изъ золота: о нихъ толковали, что они особенно хорошо приспособлены для тонкой и для нѣжной работы. Но земледѣлецъ находя, что въ его имѣніи почва земли очень грубая, черствая, сберегая съ хозяйскимъ смысломъ свой капиталъ. не купилъ плуговъ изъ драгоцѣннаго металла, а удовольствовался обыкновенными, чугунными: онъ полагалъ не безъ резона, что они ему для потребной работы окажутся дѣйствительнѣе, прочнѣе и выносливѣе, чѣмъ тѣ другіе, которые и дороже и нѣжнѣе, но для которыхъ его земля еще недостаточно подготовлена, и вовсе не способна къ ими предполагаемой, столь высокой культурѣ.

Можно думать такимъ же образомъ и съ такимъ же основаніемъ, что и въ дѣлѣ великой, смертельной борьбы съ стихійными, черствыми требованіями нужды, и съ грубыми силами невѣжества обществу несравненно вѣрнѣе расчитывать и полагаться на грубую силу мужчинъ нежели уповать на милыя слабости женщинъ.

— И съ одной стороны, вслушиваясь въ разнорѣчивые толки, возбуждаемые въ обществѣ такъ называемымъ женскимъ вопросамъ, съ другой же, соображая его дѣйствительную нужду,— невольно думается, —что въ настоящее время всего нужнѣе, встрѣчать всѣ толки съ должною критикою и, не увлекаясь ихъ рьянымъ патосомъ, а только строго взвѣшивая и различая то, что

въ самомъ дѣлѣ нужно, но теряется, и пропадаетъ молча, отъ того, что въ самомъ дѣлѣ не нужно, но заявляетъ о себѣ очень громогласно, сберегать всѣ наличныя средства и силы на дѣло и не тратить ихъ по пустому въ угоду пустаго шума и пустыхъ толковъ.

Въ дѣйствительной средѣ общественнаго существованія ежедневно встрѣчаются черствыя, стихійныя силы, разнородно заявляющія о дѣйствительной неотступной нуждѣ; въ ихъ взаимномъ треніи и непрерывномъ спорѣ другъ съ другомъ о хлѣбѣ насущномъ, о дневномъ пропитаніи, поставлены ребромъ всѣ мужскіе вопросы, и вовсе нѣтъ мѣстъ для вопроса женскаго. Онъ возникъ въ средѣ людей, которые пользуясь досугомъ, настоящей нужды не знаютъ, и потому могутъ заниматься книжками, и строить свои карточные домики для спасенія человѣчества, и женщинъ въ особенности отъ вычитанной ими въ книжкахъ нужды теоретической. Но ихъ теоріи ни мало не касаются дѣйствительныхъ заботъ и помышленій людей, живущихъ подъ закономъ дѣйствительной нужды и досуга не имѣющихъ: они по своей грубости, по своему недосужеству карточныхъ домиковъ не замѣчаютъ, и не способны понять книжнаго смысла книжныхъ затѣй; имъ не до того; безъ эгоизма, безъ алтруизма, они только въ потѣ лица своего, съ послѣднимъ напряженіемъ всѣхъ наличныхъ силъ затеряны до утраты всякаго смысла и всякихъ смысловъ въ безпощадной борьбѣ за существованіе; они помышляютъ лишь о кускѣ насущнаго хлѣба, который они едва добываютъ для удовлетворенія своей личной нужды, и который у нихъ тутъ же и выхватываютъ для удовлетворенія другихъ нуждъ; они помышляютъ, какъ бы только устоять, какъ бы только отдержать отъ себя отовсюда на нихъ налегающую, со всѣхъ сторонъ на нихъ наступающую нужду. Господамъ, и грамотнымъ досужимъ людямъ, — конечно совсѣмъ иное дѣло! имъ вальготно забавляться и убиваться изъ за пустяковъ; они ни себя и ничего другаго

не жалѣютъ; — но трудовому человѣку за ихъ затѣями не угнаться.

Мѣра дѣйствительной нужды, одолѣвающей и подавляющей общество, необъятна: вымѣрить ее или устранить мѣрами, предлагаемыми съ точки зрѣнія женскаго вопроса, невозможно, даже немыслимо. Всѣ эти мѣры чисто ребяческія или, пожалуй, совершенно женскія мѣры, напоминающія своею наивностью наивность той юной принцессы, которая на представленіе ей, que ces pauvres gens n'avaient pas de pain à manger, ни мало не затрудняясь, рѣшила «qu'ils mangent de la brioche!» Но бріошками ученія и учености, хотя бы и на высшихъ курсахъ, но умными книжками и ихъ книжнымъ толкомъ зіяющей бездны нужды не завалить. Чтобъ, конечно, не отвратить вполнѣ, а только нѣсколько убавить дѣйствительную нужду, и все горе и бѣды, ее сопровождающія, необходимъ упорный и неустанный трудъ, который не только женщинамъ, едва ли еще и мужчинамъ подъ силу; и притомъ такой трудъ можетъ оказать пользу только при умѣ; а у насъ, тотъ умъ, который выпалъ на нашу долю, и для увеличенія котораго мы сами еще ничего или почти ничего не сдѣлали, весь теряется и въ конецъ до послѣдней крохи пропадаетъ въ непроходимыхъ дебряхъ и трущобахъ женскаго вопроса.

При всякомъ серьезномъ дѣлѣ требуется много ума, и очень худо, если женщины путаются въ такое дѣло. Онѣ очень способны даже и очень умныхъ людей съ ума сводить: но людямъ, пропадающимъ въ сумасбродствѣ, онѣ ума не придаютъ.

По уставу домостроя, при всякой наступающей или наступившей бѣдѣ, прежде всего слѣдуетъ удалить, успокоить или унять женщинъ: для того, чтобъ онѣ не путались, не смущали, и не затрудняли дѣла. Бѣда наступила, а съ нею и тревога и большая смута. И тутъ то, въ противность стараго, мудраго правила, женщины, какъ на грѣхъ, расходились и обративъ все дѣло въ женскій

вопросъ, выступаютъ съ своими возгласами, притязаніями и требованіями; и не видя, не понимая, что дѣло вовсе не въ нихъ, въ то самое время, когда и безъ того уже очень трудно, громко заявляютъ о себѣ, пытаются привлечь на себя все наличное вниманіе общества, или по крайней мѣрѣ публики, и своимъ женскимъ толкомъ, своимъ женскимъ смысломъ, — подводя все подъ свой женскій уровень,—и замѣняя здравый смыслъ и критику своими женскими увлеченіями, низводятъ самую мысль,— и самый умъ общества на степень моды, прихоти и женскаго легкомыслія.

По отношенію къ тому, что есть дѣйствительная нужда, женскій вопросъ является совершенно праздным, совершенно ненужнымъ вопросомъ, пустымъ измышленіемъ людей, далекихъ отъ всякой нужды, рекламою или пріемомъ привлекать къ себѣ, обращать на себя общественное вниманіе. Въ стихійной средѣ общества, грубымъ и невѣжественнымъ людямъ, живущимъ подъ закономъ нужды, въ образѣ ея открывается лицемъ къ лицу тотъ всеобщій, внѣшній разумъ, который, какъ самая сила вещей, — всевластно господствуетъ въ сферѣ бытья надъ всякою жизнью, надъ всякимъ существованіемъ: предъ его суровымъ лицемъ, предъ его серьезнымъ образомъ, женскій вопросъ съ его толками о правахъ женщинъ, и несправедливости къ нимъ общества, о женскомъ трудѣ, оказывается чистѣйшимъ неразумѣемъ, порождаемымъ не жизнью, и не мыслью, но только полнымъ убожествомъ и совершеннымъ отсутствіемъ и жизни и мысли.

Въ публикѣ соображаютъ, что сумасшествіе происходитъ отъ полнокровія и отъ избытка жизни: но на дѣлѣ сумасшествіе всего чаще бываетъ плодомъ малокровія и недостатка жизни.

Слишкомъ полстолѣтія тому назадъ вслѣдствіе роковаго стеченія многихъ обстоятельствъ, жизнь, а съ нею и вся дѣйствительная мысль, и весь наличный умъ, весь авторитетъ общества,—были насильственно сдавлены

и убиты, — и съ тѣхъ поръ общество, — какъ дерево, побитое позднимъ морозомъ, съ изсохшею вершиною — и красующееся болѣе своими голыми сучьями и вѣтвями — нежели своею зеленью и цвѣтами, еле живетъ и еле мыслитъ. А наши умные досужіе и грамотные люди, сами изнывая отъ такой бѣдности и отъ такого убожества жизни и мысли, пытаются восполнить всѣ ихъ недостатки научностью, книжками, теоріями и особенно такъ называемыми, животрепещущими вопросами; и, не понимая невозможности вызвать отсутствующую жизнь какими бы то ни было теоретическими вопросами, усиленно вопрошаютъ, что имъ дѣлать? Имъ, этимъ — вопрошающимъ, мужчинамъ и женщинамъ, слѣдуетъ отвѣчать: не дѣлайте ничего; это лучшее, что вы можете сдѣлать.

b) Женскій вопросъ, по его соображенію съ сознаніемъ о долгѣ.

Но если не предъ лицемъ внѣшняго разума, и не въ виду всеобщей нужды, то быть можетъ женскій вопросъ находитъ свое полное оправданіе предъ лицемъ внутренняго разума, и по смыслу того, что сознается какъ долгъ и какъ дѣйствительное назначеніе женщинъ. И потому, оставляя тѣсную и гнетущую сферу нужды, должно попытаться, взглянуть на женскій вопросъ съ другой точки зрѣнія и обсудить его на почвѣ, составляющей нравственное основаніе общественной дѣйствительности.

Въ невеликой по количеству, но тѣмъ значительнѣйшей по качеству общественной средѣ, въ которой необходимость, или самая дѣйствительность, являясь уже не въ видѣ внѣшней, неумолимой и неотступной нужды, сознается въ образѣ непреклоннаго долга, обязывающаго человѣка во что бы то ни стало, не прельщаясь обояніемъ жизни, не смущаясь предъ страхомъ смерти, сохранять свое человѣческое достоинство, и выполнять до

конца свое въ разумѣ сознанное назначеніе, женщина-также какъ и мужчина, а быть можетъ еще и въ высшей степени, имѣетъ предъ лицемъ своего разума сознаніе о своемъ долгѣ оставаться при всѣхъ случайностяхъ, при всѣхъ обстоятельствахъ и столкновеніяхъ самой собою, вѣрною своему назначенію, и быть всегда и повсюду вполнѣ человѣкомъ. Чѣмъ болѣе она избавлена отъ горькой необходимости вѣдаться самой съ тѣмъ черствымъ содержаніемъ существованія, къ которому неволитъ нужда, тѣмъ она имѣетъ бо́льшее право стоять выше ея тѣснящихъ внушеній, тѣмъ она должна быть свободнѣе самой собою во всемъ величіи своего достоинства и призванія.

Именемъ долга отъ женщины требуется, чтобъ она, не смотря ни на что, всею жизнью своею, самымъ дыханіемъ своимъ утверждала добро, которымъ сложилось все общество и держится весь уставъ его: — потому что въ этомъ общественномъ уставѣ осуществляется и охраняется свобода женщины. Внѣ его, въ средѣ внѣобщественной, начинается ея рабство, а съ ея рабствомъ и рабство самаго общества.

Еще изъ стараго преданія извѣстно, что стези жизни, указываемыя долгомъ, — тѣсны, круты и стремнисты; такими онѣ представляются всякому, кто самъ, находясь на жизненномъ распутьи, еще не вступилъ, и только издали взираетъ на нихъ.

При своемъ вступленіи въ жизнь, человѣкъ обыкновенно бываетъ со всѣхъ сторонъ охваченъ смутнымъ миражемъ своей чувственности и своего неразумія: сквозь эту смуту путь долга ему едва виднѣется, и притомъ виднѣется вовсе не привлекательнымъ, а чаще безотраднымъ, непривѣтливымъ образомъ: человѣкъ недоумѣваетъ въ сердцѣ своемъ, и не знаетъ, не можетъ разсмотрѣть, куда онъ ведетъ и къ чему приводитъ. Обѣщаніе или награда за преодоленныя трудности, за перенесенныя невзгоды и лишенія стать самимъ собою, или свободнымъ, представляются ничтожнымъ обѣщаніемъ, нестоющею на-

градою. Ему сдается, что онъ и безъ всякаго труда уже самъ собою, натурально свободенъ и воленъ идти и по тому и по другому пути; но въ этой свободѣ онъ ничего не находитъ, она совершенно пуста для него: а между тѣмъ реально существующія вещи являются ему съ совершенно реальнымъ значеніемъ и либо манятъ его своими вполнѣ реальными обѣщаніями и наградами, — или же отвращаютъ его столь же реальными непріятностями, страхами и угрозами. По сравненію всего необозримаго богатства вещнаго, реальнаго міра съ нищетою всего того, что, какъ говорятъ, обрѣтается на стезяхъ долга, его обѣщанія, имъ сулимыя награды представляются совершенно пустыми. И надо обладать значительною силою ума или сердца, большею твердостью воли, и рѣшимостью, для того, чтобъ, откинувъ сомнѣнія и преодолѣвъ всякаго рода недоумѣнія, тѣмъ не менѣе вольно, самобытно, самому вступить на стезю, которая такъ мало обѣщаетъ.

Для того, чтобъ дѣйствительно быть и въ самомъ дѣлѣ сознавать себя вполнѣ человѣкомъ, требуется, чтобъ въ сознаніи человѣка жилъ и неумолкаемо звучалъ одинъ неизмѣнный мотивъ бытья его, который, будучи живымъ голосомъ его собственнаго назначенія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и всеобщаго разума, являющагося какъ сила вещей во внѣшнемъ мірѣ, обязывалъ бы его при всякихъ обстоятельствахъ, при всякой крайности соображать каждый поступокъ, каждое дѣйствіе и каждое дыханіе своей жизни не съ тѣмъ, что внушается сладостью и обояніемъ жизни, не съ тѣмъ, къ чему неволитъ страхъ страданія и смерти, а только съ тѣмъ, что ему самому прилично, и что сообразно съ его человѣческимъ достоинствомъ: если дубъ, скорѣе пропадаетъ чѣмъ измѣнить природѣ своей и стать осиною или березою, то, само самою разумѣется, что и человѣкъ, который не менѣе дуба, скорѣе умретъ, нежели измѣнитъ своей человѣческой природѣ и ея разумному назначенію. При неуклонномъ исполненіи своего долга, человѣкъ дѣйствительно оказывается неодолимою силою и свободою самоутвержденія, весь смыслъ кото-

раго тѣмъ и выражается, что не сила вещей управляетъ дѣйствіями и жизнью человѣка, но что наоборотъ человѣческій смыслъ господствуетъ надъ силою вещей, и складываетъ человѣческій міръ по своему человѣческому образу: творитъ красоту, добро и истину, такъ, что онѣ становятся явными, понятными и несомнѣнными для всѣхъ людей, для всей цѣлости общества, какъ ихъ собственное и дѣйствительное самосознаніе или бытіе.

Путь долга для всякаго, кто преодолѣвъ миражи своей чувственности и своего неразумія, вступилъ на него и идетъ по немъ, не прельщаясь сладкими обояніями жизни, не смущаясь страхами страданія и смерти, — есть широкій и царственный путь. Онъ ведетъ человѣка, ставшаго свободнымъ, потому, что онъ сталъ выше всякой неволящей нужды, къ добру безусловному, къ совершенному исполненію и полной дѣйствительности каждаго изъ стремленій или воздыханій его жизни.

Всякое утвержденіе долга живетъ и дышетъ только сознаніемъ человѣка о безконечности его назначенія: безъ такого сознанія утвержденіе долга невозможно: потому что безъ послѣдняго и безусловнаго смысла вещей и отношеній, въ нихъ не могло бы быть никакихъ смысловъ; и все, всѣ явленія, всѣ положенія, всѣ утвержденія, а также и утвержденіе долга неминуемо обратились бы въ безсмыслiе.

Сфера вещей конечныхъ есть сфера неволи: въ ней царитъ всесильная нужда: и никто изъ стоящихъ въ этой сферѣ не можетъ быть свободнымъ отъ неволи ея: потому что всякій, кто признаетъ самыя вещи и силу вещей за послѣднее слово, за самую истину, или за безусловное, тотъ по необходимости и подчиняется ихъ насилію; такъ какъ для него кромѣ этого насилія, ни въ чемъ нѣтъ и не можетъ быть никакого другаго смысла.

Сознаніе о долгѣ, которымъ человѣкъ становится выше неволи и насилія вещей, — утверждается не иначе, какъ только на основаніи и въ сферѣ безконечности, въ

которой значеніе, сила и насиліе вещей пропадаютъ какъ пустой призракъ чувственности и неразумія.

У поэта, въ поэтическомъ изображеніи этой истины, когда Танкреду предстояло пройти заколдованнымъ лѣсомъ, преисполненнымъ всякаго рода чарами, соблазнами, чудищами и страшилищами, — онъ не иначе могъ пройти имъ, какъ только, ни на мгновеніе не теряя изъ вида путь долга, и не обращая ни малѣйшаго вниманія на обступающіе его со всѣхъ сторонъ, обманчивые, пустые призраки.

Широкій, царственный путь долга, правды и добродѣтели открытъ предъ женщинами: исполненныя сознаніемъ своего безконечнаго и высокаго назначенія быть въ своей жизни живымъ образомъ самаго добра, онѣ или скорбно, съ трудомъ, съ горемъ и съ лишеніями пробираются по немъ, ни на мигъ не забывая куда онѣ идутъ; или же горделиво, царственно шествуютъ по немъ, указывая и всѣмъ другимъ за собою, куда идти слѣдуетъ.

Ученіе о долгѣ человѣка, о долгѣ женщины есть очень старое ученіе: кажется нечего пояснять, и всѣмъ давно, уже изстари извѣстно, что путь долга обозначается трудомъ, страданіемъ и смертью, и этихъ старыхъ знаковъ, по которымъ всѣ легко могутъ распознать его, до сихъ поръ никто не отмѣнилъ еще, и не замѣнилъ ихъ новыми. Къ старинному ученію о долгѣ, казалось бы прибавлять нечего, такъ какъ нѣтъ ничего новаго, что бы можно было прибавить къ нему.

А между тѣмъ скрывать невозможно, что въ настоящее время путь долга заглохъ, покинутъ, и извѣстенъ очень не многимъ. Въ современныхъ умахъ замѣчается великая смута, вслѣдствіе чего прежнее, безспорное утвержденіе долга въ большинствѣ случаевъ уступаетъ мѣсто колебанію и сомнѣніямъ. Если еще и находятся немногіе, которые подъ часъ еще и навѣдываются и смутно гадаютъ, гдѣ именно пролегаетъ путь долга, то больше

изъ любопытства, и изъ чистой любознательности, чѣмъ изъ потребности вступить на него.

Нельзя спорить съ тѣмъ, что въ настоящую минуту не только путь, но и значеніе долга забыты, и слабое воспоминаніе о немъ, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе туманится и исчезаетъ. Онъ лежитъ далеко, и въ сторонѣ отъ господствующаго направленія; чему свидѣтельствомъ служитъ и успѣхъ современнаго ученія, которымъ, подъ именемъ детерминизма, отрицается самая свобода человѣка. А если нѣтъ свободы, то для каждаго мыслящаго очевидно и само собою разумѣется, что и никакого долга нѣтъ, и быть не можетъ; и все является лишь какъ роковое послѣдствіе неизбѣжнаго сочетанія или состязанія столь же роковыхъ силъ или потребностей.

Въ наше время, отрицающее свободу человѣка, самыя выраженія, обозначающія собою путь долга, какъ старыя вѣхи, о которыхъ забыто даже и кто ихъ ставилъ, обвѣтшали такъ, что кажется готовы разсыпаться въ прахъ Слова долгъ, добродѣтель, святость, достоинство, назначеніе и т. п. отзываются какимъ-то старомоднымъ архаизмомъ, такъ что упоминать о нихъ для выраженія ими вѣчной, никогда не старѣющей мысли человѣка, почти совѣстно и неловко, точно говоришь о чемъ-то непозволительномъ. Ихъ давно извѣданный, жизненно знакомый смыслъ состарился, и уже успѣлъ обратиться въ далекій смыслъ чего-то отсталаго, непонятнаго и, по соображенію съ текущимъ временемъ, чего-то неприличнаго. Дѣйствительный смыслъ долга принадлежитъ прошедшему; о немъ знаетъ еще только старое поколѣніе, хранящее какъ завѣтъ всего прошедшаго древнее человѣческое преданіе съ единственною надеждою передать его во всей цѣлости за нимъ слѣдующему молодому поколѣнію.

Человѣкъ, сознающій и утверждающій свои долгъ, есть безконечное міровое самоутвержденіе, не вопрошающая, но утвердительно утверждающая жизнь, живой помыслъ самой истины въ средѣ міра, но и наперекоръ всему міру: потому что онъ въ себѣ самомъ безусловно

утверждается только тѣмъ. и самъ внѣ себя безусловно утверждаетъ только то, что не отъ міра сего.

Живя въ мірѣ необходимости, онъ несмотря на то утверждается самъ только свободою, и самъ утверждаетъ только свободу, которой въ мірѣ не находится, которая и наукою положительно отрицается.

Своимъ безпредѣльнымъ воспоминаніемъ, идущимъ въ безконечность всего прошедшаго, человѣкъ всѣмъ существомъ совпадаетъ съ образомъ безусловной истины, которая есть безначальное начало всего сущаго; своею столь же беспредѣльною надеждою,—онъ проникаетъ, и образуетъ всю стихійную матерію всего наступающаго будущаго, и творитъ, утверждаетъ въ ней вѣчную дѣйствительность человѣка, или послѣдній безконечный конецъ всего сущаго. И въ этомъ образѣ безконечнаго самосознанія и самоутвержденія, смыкая собою всю мыслимую истину, какъ causa efficiens, со всею сущею дѣйствительностью, какъ causa finalis, является самъ полнымъ смысломъ свободы и всемогущества творчества.

То, что человѣкъ утверждаетъ, какъ свой долгъ, онъ утверждаетъ изъ безконечности всего прошедшаго, въ безконечность, всего будущаго; изъ недосягаемой глубины своего человѣческаго воспоминанія, въ безпредѣльную высоту своихъ человѣческихъ надеждъ и ожиданій.

Предъ такимъ утвержденіемъ изъ безконечности въ безконечность, въ чемъ же состоятъ, какое значеніе имѣютъ ученія, требованія или утвержденія, высказываемыя подъ фирмою современнаго женскаго вопроса?

Какъ ученіе новое, какъ новыя утвержденія, они имѣютъ во-первыхъ значеніе самой современности. Во-вторыхъ они, какъ протестъ противъ всякой метафизики, противъ ея извѣстнаго чревовѣщательства и снотолкованія, именно и являются стремленіемъ, или требованіемъ скорѣе перейти отъ непонятнаго бреда о безконечностяхъ и безпредѣльностяхъ отъ пустыхъ превыспреннихъ фразъ къ тому, что понятно, къ тому, что реально, къ тому что есть самое дѣло.

Какъ представители и какъ теоретики современности, новые люди съ пренебреженіемъ, столь свойственнымъ всему молодому по отношенію ко всему старому, заявляютъ прямо, что они не охотники до философіи, и не желаютъ пускаться въ дебри метафизики, въ которыхъ такъ долго и такъ напрасно пропадали ихъ предшественники. Они не любятъ пустыхъ и праздныхъ разглагольствій, и не умѣя разговоровъ вести на подобіе людямъ 40-хъ годовъ, предпочитаютъ, безъ фразъ, идти прямо къ дѣлу.

Не желая безцѣльно и безъ толка, попусту теряться въ толкахъ на счетъ вообще, они провѣряютъ рѣчи и громкія слова, произносимыя въ обществѣ по поводу превыспреннаго, возвышеннаго долга разборомъ реальной общественной жизни на самомъ дѣлѣ, и находятъ, что въ реальности ни долга, о которомъ такъ много говорятъ, ни его исполненія не видать и не слыхать.

Не исполняемый долгъ, какими бы словами его ни изукрашали, остается все же только громкимъ словомъ и звучною фразою безъ всякаго реальнаго содержанія. А новые люди отъ старыхъ именно тѣмъ и отличаются, что они утратили всякую вѣру въ слова и въ фразы, и требуютъ одной реальности и самаго дѣла: ихъ лозунгъ, не говорить, а дѣло дѣлать.

Имъ все толкуютъ о какомъ то возвышенномъ смыслѣ; но имъ смысла не нужно, они его не трубуютъ, они требуютъ лишь самой вещи. Время словъ, фразъ и разговоровъ со всякаго рода смыслами миновало навсегда; теперь настало время реальныхъ вещей и реальной правды.

Старые люди, въ силу инерціи, движимые старымъ мотивомъ, который былъ когда то въ силѣ, а нынѣ за упраздненіемъ крѣпостнаго права и досужаго времени, утратилъ всякое значеніе, продолжаютъ по старому толковать о старомъ долгѣ, которымъ въ старину пужали людей. И въ самомъ дѣлѣ въ старину, съ завѣтомъ которой все еще носятся старые люди, какъ кто бывало восчувствуетъ приличное внушеніе и извѣдаетъ досужаго

начальническаго или и барскаго увѣщанія, такъ тотъ по неволѣ предолго памятуетъ о своемъ долгѣ, и боится забыть о немъ, чтобъ вновь не напомнили. Но съ тѣхъ поръ долгъ совсѣмъ утратилъ свое старое, внушительное и очень громоздкое значеніе; онъ ужь болѣе не въ силахъ стѣснять человѣческую реальную жизнь; ему болѣе никто не вѣритъ. Его напрасность и безполезность совершенно разоблачены современною наукою; и память о немъ, какъ на совершенно гнилыхъ, иструхшихъ подмосткахъ, подерживается только на пустыхъ фразахъ, вызывающихъ лишь улыбку сожалѣнія въ людяхъ новаго времени, не говорящихъ и не терпящихъ никакихъ фразъ.

Долгъ есть старое, отжившее преданіе, которое считалось очень важнымъ, пока люди не дознались до настоящаго, до положительнаго содержанія реальной жизни; о немъ еще вспоминаютъ, какъ о чемъ то быломъ и прошломъ; въ родѣ того, какъ взрослые люди, уже выросшіе изъ подъ розги, вспоминаютъ иногда о томъ, что было, когда они еще жили въ дѣтской, гдѣ старая няня заправляла ихъ жизнью, и съ подобающею важностью научала ихъ правиламъ мудрости, годнымъ именно только для дѣтской, а ни какъ не для взрослыхъ, которые уже знаютъ жизнь, какъ она есть въ самомъ дѣлѣ.

Было въ самомъ дѣлѣ время, когда очень много и толковали и трактовали о долгѣ. Въ то время читалось съ увлеченіемъ le perfectionement moral Dégérendo. То было время всякихъ увлеченій; но оно прошло; а что прошло, того уже нѣтъ; оно осталось лишь въ воспоминаніи; но жить воспоминаніемъ о томъ, чего уже нѣтъ для новыхъ людей, живущихъ современностью, невозможно. Падшаго листа прошедшей жизни они не подбираютъ; да и нельзя же въ самомъ дѣлѣ ожидать или требовать, чтобъ живое, цвѣтущее дерево, сбросило себя и свой зеленой листъ и свой благоухающій цвѣтъ, для того, чтобы подобравъ съ земли старое изукраситься, убраться и жить опадшимъ прошлогоднимъ листомъ и

цвѣтомъ. Новые люди все отжившее, все мертвое предоставляютъ отжившимъ, устарѣвшимъ, отсталымъ, уже неспособнымъ жить настоящимъ, реальнымъ и живымъ содержаніемъ. Какъ старые люди не въ состояніи жить современностью, такъ и они, новые люди, и молодое поколѣніе не могутъ жить старческимъ содержаніемъ и бреднями давно прошедшей старины.

Всматриваясь въ реальное содержаніе жизни современнаго общества, новые люди не видятъ въ ней никакого долга: а чего они не видятъ, не слышатъ, не осязаютъ руками, что не является имъ реальнымъ образомъ самаго бытья, то они, какъ бы о томъ ни толковалось, признавать не могутъ: они вообще и во всемъ признаютъ только самое дѣло, а не пустые толки.

Не признавая ничего невидимаго, они судятъ объ обществѣ, и о его жизни только на основаніи того, что явно, что видно, что слышно, что въ немъ въ самомъ дѣлѣ является, какъ его реальность, которую всякій можетъ и видѣть, и слышать, и осязать безъ всякой метафизики.

И если ужь и толковать о долгѣ, то кажется не подлежитъ никакому сомнѣнію, что наипервѣйшій долгъ каждаго человѣка, въ томъ, чтобъ, не позволяя отуманивать себя ни громкими словами, ни пустыми фразами, всегда помнить, что и тысячи безконечностей на словахъ не стоятъ и не могутъ взвѣсить собою и малѣйшей вещи на самомъ дѣлѣ. А что касается до разныхъ смысловъ, которые и находятся и безслѣдно теряются, когда человѣкъ заносится за облока и гуляетъ по безконечностямъ, то не слѣдовало бы, какъ говорятъ французы prendre des vessies pour des lanternes, не слѣдовало бы chercher midi à quatorze heures: не соблюдая столь мудраго правила, каждый подвергается опасности быть одураченнымъ; и ему и въ самой пустотѣ ни вѣсть что можетъ почудиться.

Если же желаешь видѣть не то, что чудится, не то, что только мерещется, а то, что есть въ самомъ дѣлѣ,

то присматриваясь къ современному обществу, въ тѣхъ высшихъ сферахъ его, гдѣ есть досугъ отъ настоящей нужды, гдѣ повидимому осуществлена вся его наличная образованность, гдѣ сознается долгъ, гдѣ толкуютъ объ обязанностяхъ, о наукѣ, о религіи, о просвѣщеніи, о политикѣ, о нравственности, гдѣ всегда во всемъ соблюдается и требуется приличіе и порядочность; очень трудно не увидать, что этимъ внѣшнимъ благообразіемъ прикрывается, или даже и не прикрывается вовсе, великое внутреннее безобразіе: потому что наружный, изношенный, вдоль и поперекъ изорванный покровъ или обликъ приличности и порядочности общества весь сквозитъ и неприличностью и непорядочностью.

Въ свѣтѣ старыя слова долгъ, добродѣтель, нравственность, правда, честность, какъ нѣкій архаизмъ, давно устарѣли, и остались лишь пустыми знаками, старое значеніе коихъ замѣнилось новыми, болѣе реальными значеніями жизни. Въ сихъ новыхъ значеніяхъ не всегда удобно признаться; и потому люди по прежнему продолжаютъ носить, не рѣшаясь совсѣмъ откинуть, тотъ изношенный, дырявый, и пустой обликъ, въ которомъ они въ старину ходили подъ наименованіемъ долга: но кто же не видитъ, кто же не знаетъ, что подъ этимъ долгомъ разумѣется совсѣмъ иное содержаніе, и что онъ, какъ и всѣ разговоры о немъ, соблюдаются лишь для вида, ради мнимаго приличія, какъ великое лицемѣріе.

Указывая на грѣхи и изъяны въ покровахъ, которыми облечено старое общество, новые люди должны бы были однако подумать о томъ, что жизнь общества исполняется только во времени; при немъ, разумѣется, не одно его прошедшее, но и все его будущее; но все, что принадлежитъ будущему, имѣетъ видъ неопредѣленнаго и незаконченнаго; поэтому никакое общество не представляетъ собою полнаго совершенства; оно только постепенно совершенствуется образомъ того, что въ немъ уже совершилось, образомъ своего прошедшаго.

Всякій прогрессъ, всякое развитіе, всякое движеніе

впередъ, какъ въ единичномъ человѣкѣ, такъ и въ цѣломъ обществѣ, имѣютъ своимъ основаніемъ то, что уже было, обусловливаются памятью о прошедшемъ, о старомъ. Но новые люди, но молодыя поколѣнія, съ свойственнымъ имъ ребячествомъ, пытаются, покончить съ прошедшимъ, оторваться отъ его воспоминанія, чтобъ быть современными, чтобъ всю жизнь начинать съ изнова, отъ самихъ себя,—и чуждаясь стараго, какъ плохіе ученики, легко забываютъ все, что проходилось, чему учились прежде, и тѣмъ самымъ неизбѣжно подпадаютъ необходимости проходить съ изнова старыя зады, и вновь заучивать старыя, какъ міръ, и всѣмъ давно извѣстныя истины.

Неся съ собою всю неопредѣленность, и всѣ туманы наступающаго будущаго, молодое поколѣніе засматривается въ его туманную даль, и, плѣняясь посулами и обѣщаніями небылаго и неизвѣданнаго, не вникаетъ въ глубокій смыслъ прошедшаго, и отвергая его древній завѣтъ съ человѣкомъ, жадно хватается только за внушенія эфемернаго текущаго мгновенія, и упивается новѣйшими толками современности.

Оно не думаетъ о томъ, что нынѣ столь громкое и шумное мгновеніе текущей современности, въ свою очередь окажется устарѣлымъ голосомъ, который, какъ и все бывшее прежде, равнымъ образомъ погрузится въ молчаливое, неслышное и невидное прошедшее, и оттуда повѣдаетъ внимательнымъ, совсѣмъ иное чѣмъ, что онъ теперь сказываетъ людямъ, еще разсѣяннымъ шумомъ и толками столь громко текущей современности.

Въ мірѣ все идетъ и все свершается неизмѣннымъ порядкомъ: что было, то и будетъ; того не будетъ, чего прежде не было. Дѣйствительны и непреложны законы, которые стары, какъ самый міръ; текущія явленія и увлеченія эфемерны, вертлявы и измѣнчивы. Все небывалое есть небывальщина или чудо, которое свершиться не можетъ, какъ утверждаетъ вся наука. А между тѣмъ, новые люди и юныя поколѣнія, которые на видъ жи-

вутъ и дышатъ положительною наукою, горячо вѣруютъ только въ небывальщину, и живя въ ожиданіи чудесъ, утверждаютъ, что будетъ то, чего никогда и нигдѣ не бывало.

Конечно было бы своего рода чудо, еслибъ преданіе сѣдой старины, говорящее именемъ всей былой жизни міра и человѣчества о безусловной истинѣ, слышное только для ума внимательныхъ, въ самомъ дѣлѣ слышалось и помнилось юнымъ поколѣніемъ, преданнымъ всей разсѣянности и всей смутѣ наступающей, стихійной матеріи всего невѣдомаго, всего непонятнаго, являющейся имъ въ образѣ современности.

Въ свое время, какъ всякая матерія, пройдетъ и матерія современности: и ставъ опытомъ, обратится изъ смутъ невѣжества въ свѣтъ знанія и въ смыслъ: тогда новые люди поймутъ то, чего они нынѣ не понимаютъ. узнаютъ то, чего они нынѣ не знаютъ, и станутъ сами утверждать то, что нынѣ отрицаютъ. Но тогда будетъ уже нѣсколько поздно: потому что тогда, они будутъ уже въ числѣ старыхъ, а вновь наступившее молодое поколѣніе, въ свою очередь, вслѣдствіе той же юности и той же самоувѣренности, опять начнетъ жизнь съ изнова, и не вѣдая стараго, будетъ хвататься только за современность, за ту же матерію смутнаго и непонятнаго, за которую хватается и нынѣ живущее молодое поколѣніе. Старая исторія вновь повторится, и можетъ такъ повторяться въ безконечность: но такое повтореніе не будетъ ни прогрессомъ, ни развитіемъ; а только стояніемъ на мѣстѣ, толченіемъ воды, пустымъ время препровожденіемъ.

Нащъ умъ дается намъ очень поздно, лишь подъ самую старость: а вся наша жизнь проходитъ безъ ума въ смутѣ и въ неопредѣленности. Наше прошедшее прошло какъ будто втунѣ и по нашей разсѣянности ума намъ не принесло: но безъ ума, и при наибольшей научности, никакой прогрессъ, никакое движеніе впередъ невозможны, а будутъ лишь зады повторяться.

Безъ ума явленіе и смыслъ общества, и недѣлимая

связь всего его будущаго, или всѣхъ надеждъ его, со всѣмъ его прошедшимъ, или со всѣмъ его воспоминаніемъ, остаются безусловно непонятною, смутною, непроницаемою матеріей, явнымъ безсмыслiемъ, значеніе котораго разгадать невозможно.

Во всякомъ дѣйствительномъ обществѣ надъ естественною стихіей его существованія, управляемаго закономъ внѣшней нужды, развивается и высшая сфера его, одушевляемая и движимая сознаніемъ долга. Но та сфера, или среда, которая какъ необходимое завершеніе, высится во имя долга поверхъ стихійнаго общественнаго основанія, сложеннаго нуждою, имѣетъ снаружи, со стороны будущаго, или съ точки зрѣнія современной реальности, неприглядный видъ только что воздвигаемаго, далеко еще не законченнаго, не отстроеннаго, чрезвычайно не совершеннаго, и, на время, даже какъ будто закинутаго зданія. При немъ по крайней мѣрѣ незамѣтно никакого движенія рабочихъ, не видать и самаго строителя - архитектора, который куда-то запропастился, гдѣ-то отсутствуетъ, занятый, Богъ его знаетъ чѣмъ, только никакъ не дѣломъ своимъ. Онъ по всей вѣроятности или граппасьянсъ раскладываетъ, или въ преферансъ играетъ. За лѣсами, за помостками, за кучами наваленнаго мусора, за глыбами неотесаннаго камня, за наготовленнымъ, сырымъ матерьяломъ трудно усмотрѣть архитектурныя очертанія самаго зданія; ихъ можно развѣ только угадывать за ихъ скрывающею, временною, реально видимою и безобразною оболочкою. Но для угадыванія требуется много вниманія, а откуда же взять такого вниманія, когда мы всѣ привыкли жить въ разсѣянности? А потому большинство, принимая за самую дѣйствительность то, что ему видится реальнымъ образомъ, считаетъ неотесанныя глыбы, муссоръ, лѣса и подмостки за самое зданіе: вслѣдствіе чего въ немъ возникаютъ всякаго рода произвольныя догадки, невольныя сомнѣнія, большое недоумѣніе, дикіе толки, и самые удивительные вопросы. Гдѣ не видать самой дѣйствительности, тамъ

ничего другаго и не останется, какъ сомнѣваться и задавать вопросы.

По неволѣ и вопрошаешь: и къ чему тутъ зданіе, было бъ основаніе, проживемъ и просто! А тутъ еще и планы, и строитель и архитекторъ! къ чему ихъ? валяй всякій, какъ самъ знаешь! Какаго тамъ строителя! Не надо его, долой его со всѣми его благоглупостями.

Но отрицая долгъ, идущій отъ стараго преданія, отрицая всякое домостроительство по уставу домостроя, новые люди съ своей стороны сами обращаются къ женщинамъ съ требованіями и тоже во имя долга, но только не во имя стараго. а во имя совершенно новаго долга, истекающаго уже не изъ пустаго измышленія, но изъ самой современности, на вполнѣ реальномъ и научномъ основаніи. Говоря о правахъ и о назначеніи женщины, во имя ея реальныхъ потребностей, они требуютъ, чтобъ она разорвала и сбросила съ себя тѣ мнимыя обязательства, тѣ путы, которыми ее съ ногъ до головы повязали, съ дѣтства напѣвая ей о какомъ то измышленномъ долгѣ ея вѣчнаго самоотрѣченія и самопожертвованія ради другихъ, долгѣ столь же понятномъ и назидательномъ, какъ сапоги въ смятку.

Ея реальное назначеніе, ея истинное достоинство, ея настоящій долгъ вовсе не въ томъ. чтобъ жертвовать самой собою, своими влеченіями, своимъ счастьемъ и самымъ существованіемъ во славу какого то отвлеченнаго, ненасытнаго Молоха, пожирающаго живыхъ людей, и требующаго все новыхъ и новыхъ жертвъ: напротивъ только въ томъ, чтобъ разоблачивъ ничтожность и пустоту этого стараго, схолостическаго пугала, страшнаго только для невѣжества, предъявить предъ нимъ свою полную свободу, свободу существа, безбоязненно живущаго, и пользующагося всѣмъ своимъ существованіемъ согласно съ законами, и реальными опредѣленіями самой природы.

Женщина — существо разумное; она не должна уподобляться курицѣ, о которой разсказываютъ, что она не

смѣеть ни встать, ни голову приподнять, какъ скоро предъ нею провели мѣломъ черту по полу; какъ будто эта черта и въ самомъ дѣлѣ неразрывная цѣпь. Женщина не должна сама себѣ надумывать такія путы и цѣпи, которыми бы ее же потомъ и связали на рабство.

Въ существующемъ общественномъ строѣ, женщина въ цѣлости ея жизни и всего самосознанія до того попутана и связана этого рода надуманными цѣпями, или предразсудками противу-естественнаго и супранатуральнаго измышленія, что все ея существованіе представляется вполнѣ искаженнымъ. Она въ конецъ утратила свой человѣческій образъ, и стала и въ самомъ дѣлѣ жалкою жертвою дикаго воспитанія, глупости, грубости, свѣтскихъ приличій, предразсудковъ, тщеславія, невѣжества, безсмыслія и бездушія. Жертвуя всѣми реальными потребностями природы, влеченіями и позывами сердца, жаждою жизни и самымъ существомъ своимъ, во имя навязанныхъ на нее условностей, приличій, и мнимаго, не существующаго долга она и въ заправду обратилась въ нарядную куклу, живущую лишь нарядами, готовую изъ за тряпокъ и тщеславія на всякую низость, холодную, двоедушную, жестокую, пустую, питающуюся лишь сластями галантерейности, сплетнями и злостью.

Въ столь жалкомъ и ненавистномъ образѣ, женщина, само собою разумѣется, оказывается вполнѣ неспособною и совершенно негодною ни на что доброе, ни на что дѣльное, ни на что серьезное.

Такъ оставлять ее немыслимо: и всякій живой и мыслящій человѣкъ понимаетъ, что онъ обязанъ, не жалѣя ни трудовъ, ни усилій, сдѣлать все, что только отъ него зависитъ, лишь бы, высвободивъ женщину изъ ея душной и плетворной тюрьмы, въ которой она до сихъ поръ пропадаетъ, вывесть ее какъ можно скорѣе изъ тьмы на свѣтъ.

Новые люди, только что выйдя изъ сферы бытья стихійнаго на свѣтъ сознанія, еще не жили жизнью стараго общества; они лишь вчера взошли въ него и, какъ

не причастные къ грѣхамъ его, смѣло бросаютъ въ него камень. Указывая на очевидныя нелѣпости, пустоту и пошлости, которымъ женщина подпадаетъ въ обычномъ, общественномъ строѣ жизни, они выступаютъ съ рѣшительнымъ протестомъ противъ подчиненія всѣхъ живыхъ потребностей ея природы, ея ума, ея сердца тяжелому гнету и мертвящему уставу домостроя, къ тому же еще исправленнаго и дополненнаго въ его новомъ изданіи французскою примѣсью и назиданіями, почерпнутыми изъ сказокъ Лафонтена, изъ старыхъ романовъ Дюкредеменила и изъ салонныхъ нравовъ и традицій регенства, Людовика XV-го и Наполеона III-го.

Увлекаясь горячностью и современностью своего протеста, новые люди быть можетъ и сами не замѣчаютъ, что они тѣмъ самымъ ставятъ возбуждаемый ими женскій вопросъ на очень почтенную и древнюю почву, съ которой уже изстари произносились вѣчные укоры и суровые приговоры противъ легкомыслія и извращенности нравовъ женщинъ.

Поочередно поэты, философы, проповѣдники, моралисты, писатели всѣхъ странъ и всѣхъ временъ повторяли эти самыя жалобы и обличенія и оглашали ими все общество въ своихъ писаніяхъ и поученіяхъ.

Этотъ древнѣйшій изъ всѣхъ мотивовъ, и въ томъ же тонѣ и въ томъ же смыслѣ, можно прослѣдить, какъ одну непрерывную нить, начиная отъ древнѣйшихъ космогоній, въ которыхъ поясняется появленіе зла на земли, чрезъ весь рядъ ученыхъ трактатовъ о нравственности и о мѣрахъ противъ женскаго легкомыслія, чрезъ поученія Іоанна Златоуста, чрезъ всѣ сочиненія въ духѣ нашего домостроя, чрезъ позднѣйшую беллетристику, укоряющую женщину за ея пустоту, за ея тщеславіе, за ея пороки, за ея жестокія страсти, и кончая тяжеловѣснымъ помфлетомъ, которымъ не такъ давно еще, ничего не жалѣющій, ужасный Прудонъ такъ желчно обрушился все на ту же бѣдную и легкомысленную женщину.

Отъ нашей прародительницы Эвы чрезъ любопытствующую Пандору, и до 30 и 40 лѣтнихъ женщинъ Бальзака во всемъ, всегда и всюда виноватою оказывается женщина: ей бы должно было быть стыдно на свѣтъ выходить и на глаза людямъ казаться.

Точно также и новые люди, подобравъ въ свою очередь эту тему, древнюю какъ міръ, обзываютъ женщинъ куклами, обличаютъ ихъ, язвятъ ихъ доморощеннымъ остроуміемъ, и нещадно преслѣдуютъ, то въ видѣ просто пріятныхъ, то въ видѣ дамъ пріятныхъ во всѣхъ отношеніяхъ, то въ образѣ великосвѣтскихъ дамъ, то въ образѣ кисейныхъ барышень.

Новые люди по отношенію къ женщинамъ безжалостны въ своихъ обличеніяхъ, суровы въ своихъ требованіяхъ и очень строги въ своихъ приговорахъ.

И между тѣмъ отъ врожденной ли жестокости нравовъ, или же отъ слишкомъ частаго обращенія въ женскихъ кругахъ и близкаго знакомства съ женскими образами мышленія и логики, они, столь строгіе моралисты, и столь жестокіе обличители и наставники, отчасти и сами повинны, если не въ крайнемъ легкомысліи, то покрайней мѣрѣ въ недостаткѣ логики или искренности: по крайней мѣрѣ ни одинъ изъ нихъ не объясняетъ, на какомъ основаніи и съ чего они такъ много требуютъ и такъ жестоко судятъ. Справедливый и правильный судъ, справедливое и правильное обличеніе, или же требованіе, произносятся или предъявляются не иначе, какъ во имя и на основаніи яснаго и опредѣленнаго закона; а про нихъ, про новыхъ людей законъ какъ будто не писанъ: покрайней мѣрѣ никто не знаетъ его; и они судятъ, обличаютъ, и требуютъ болѣе по внушенію сердца, или совершенно по женски.

Старое, ими отвергаемое ученіе, признавая въ человѣкѣ его идеально-духовную природу, ею измѣряетъ и его назначеніе; и если оно судитъ, обличаетъ и требуетъ, то не иначе, какъ во имя высокаго назначенія человѣка, или во имя его долга при сознаніи котораго всѣ есте-

ственныя потребности, побужденія, поползновенія, похоти, позывы, вообще, всѣ мотивы низшей чувственной природы очень логически отвергаются какъ непотребные и несообразные съ духовнымъ достоинствомъ и съ идеальнымъ назначеніемъ высшей человѣческой природы.

Это не значитъ, что такихъ мотивовъ нѣтъ, что они не существуютъ, или что они отмѣняются; но только, что ихъ не должно быть. что человѣку не слѣдуетъ предаваться имъ, что онъ долженъ преодолѣвать ихъ въ себѣ, чтобъ слѣдовать только предписаніямъ долга.

Если женщина въ нравѣ, въ расположеніи подобна бурьяну или крапивѣ, то ей не слѣдъ пребывать въ такомъ подобіи; памятуя о своемъ великомъ назначеніи, о своей духовной природѣ, она должна стараться стать скорѣе подобіемъ розы или лиліи, чтобъ вся ея жизнь была исполнена подобною красотою и подобнымъ благоуханіемъ.

Такое гребованіе съ точки зрѣнія стараго ученія вполнѣ просто, вполнѣ понятно, и высказывается какъ то, что само собою разумѣется.

Новое ученіе такихъ выспренностей, такихъ обязательствъ, и ничего такого, что бы разумѣлось само собою, не признаетъ; оно насчетъ вообще толковать не любитъ, и то, во имя чего оно требуетъ, судитъ или обличаетъ или умалчивается имъ, или высказывается очень неопредѣленно.

Единственное, что о немъ можно сказать это то, что оно отвергается отъ всякаго рода идеализма, и являясь то въ видѣ метафизическаго матерьялизма, то въ видѣ теоретически-научнаго позитивизма, то въ видѣ практическаго реализма, всею цѣлостью своею стоитъ и опирается на почвѣ реальности, на томъ, что есть, а не на томъ, что мыслится.

А въ силу такого основанія на почвѣ реализма и его реальностей, нельзя прійти къ иному заключенію, какъ лишь къ тому, что при сужденіяхъ о должномъ и не должномъ реальнымъ мотивамъ, которые на лицо,

всегда должно отдавать предпочтеніе предъ всякаго рода отвлеченными или общими умствованіями. А если такъ, то почему-жъ бы и женщинамъ не слѣдовать тѣмъ побужденіямъ, которыя въ нихъ реально и на лицо находятся? Если онѣ, предаваясь внушеніямъ естественно присущихъ имъ мотивовъ и потребностей существованія, страстно желаютъ нравиться, наряжаться, краситься, красоваться, кушать конфекты, выслушивать и говорить рѣчи сомнительнаго достоинства, кокетничать, забавляться, сводить съ ума, кружить головы, властвовать, имѣть весь міръ у ногъ своихъ, проводить всю жизнь въ праздности, въ сплетняхъ, въ клеветѣ, въ притворствѣ, во лжи, въ злости, въ нервахъ, то что-жъ въ томъ худаго? И противъ чего грѣшатъ онѣ? Если имъ угодно быть крапивой, репейникомъ и бурьяномъ, а не лиліей и не розой, то какъ же отъ нихъ требовать, чтобъ онѣ были не тѣмъ, что онѣ суть? Если таковы ихъ потребности, если такова ихъ реальность, то какими же мыслями, какими умствованіями можно осуждать ихъ за то? Пребывая самими собою, проявляясь именно тѣмъ реальнымъ содержаніемъ, какое въ нихъ не измышлено, а въ самомъ дѣлѣ есть и непосредственно находится, онѣ, кажется вполнѣ осуществляютъ самую сущность современнаго ученія: и новымъ людямъ слѣдовало бы только радоваться на нихъ, и похваляться ими: развѣ это не вся реальность, какъ она есть, въ самомъ дѣлѣ, безъ всякой примѣси умствованія?

Но новые люди такою реальностью не довольны; хотя и трудно понять чѣмъ именно они не довольны, и чѣмъ ихъ собственно такъ разогорчили великосвѣтскія дамы и кисейныя барышни: своимъ-ли бытьемъ, своею-ли жизнью, или своими мыслями?

Судя потому, что о нихъ говорятъ и пишутъ въ тѣхъ язвительныхъ обличеніяхъ, въ нихъ нѣтъ никакихъ мыслей; стало быть онѣ огорчаютъ новыхъ людей только своею жизнью, своимъ бытьемъ: но бытьемъ, такимъ, ка-

кое оно въ самомъ дѣлѣ есть въ реальности, развѣ можно огорчаться и быть недовольнымъ?

Такія огорченія, такое недовольство противурѣчатъ самому смыслу, самому основанію новаго ученія.

Опираясь на почвѣ реальности, хулить и поносить эту самую реальность и ея реальное содержаніе во имя чего то недосказаннаго, во имя чего то предполагаемаго, чего то нереальнаго, а только мыслимаго, и притомъ мыслимаго на перекоръ и логикѣ и здравому смыслу, представляется самою отчаянною несообразностью, непростительнымъ легкомысліемъ; а между тѣмъ на такомъ легкомыслiи, на такой несообразности именно и возникаетъ и покоится все ученіе, разумѣемое подъ словомъ женскій вопросъ.

Въ силу этого ученія женщины обязаны слѣдовать внушенію своихъ реальныхъ потребностей, но не тѣхъ однако, которыя въ нихъ находятся, а только тѣхъ, которыхъ въ нихъ нѣтъ, которыхъ онѣ въ себѣ не имѣютъ и не ощущаютъ.

Что-жь это за потребности! во всякомъ случаѣ ужъ это ни какъ не ихъ потребности, а только потребности кого то другого, какого то неизвѣстнаго, фиктивнаго, отвлеченнаго или вымышленнаго лица, въ которомъ нѣтъ и тѣни реальности, если только оно не есть лицо ихъ учителя и наставника, требующаго, чтобъ всѣ ученицы его признавали его потребности своими собственными потребностями.

Бѣдныя женщины! имъ страсть какъ хочется предаться своему реальному влеченію, своей естественной потребности слегкомысленничать, пококетничать, позабавиться, нарядиться, и отрѣшаясь отъ измышленныхъ путъ, которыми ихъ вязало старое ученіе о долгѣ, о приличіяхъ, о разныхъ глупостяхъ, онѣ умильно поглядываютъ на новыхъ людей, съ полною увѣренностью ожидая встрѣтить съ ихъ стороны и одобреніе и поощреніе своимъ милымъ реальностямъ. Вѣдь имъ можно, вѣдь

имъ слѣдуетъ, вѣдь имъ должно предаться? Ну, нѣтъ, этого нельзя! Новые люди смотрятъ буками, и суровѣе всякихъ менторовъ, не признавая права за естественными позывами, воспрещаютъ такія забавы: не легкомысленничай, не кокетничай, не забавляйся, а ступай на курсы учиться и лекціи слушать, ступай жить своимъ трудомъ, ступай дѣло дѣлать! А онѣ, бѣдняжки, вовсе не желаютъ лекціи слушать, не имѣютъ никакого позыва трудиться, не чувствуютъ особой потребности дѣло дѣлать. Это ничего! такъ надо, въ томъ есть общая потребность!

Но кому же такъ надо? кто ощущаетъ такую потребность?

Объ этомъ новые люди не говорятъ, и никому ничего не сказываютъ: и хотя они и поборники гласности, но на свой совѣтъ, изъ котораго истекаютъ такія сужденія, ревниво охраняя глубокую тайну его, не только постороннихъ, но, какъ кажется, даже и самихъ себя не допускаютъ.

Утверждая и то и другое, предъявляя такія и иныя требованія, и цѣпляясь за смутныя представленія, которыя имъ мерещатся, то въ видѣ обстрактной научности, то въ неопредѣленномъ образѣ мнимаго общаго блага, новые люди воображаютъ, что они своими утвержденіями и своими требованіями отстаиваютъ самую дѣйствительность противъ навожденія призраковъ: а между тѣмъ они дѣйствительности не знаютъ, но принимая свое незнаніе за самое знаніе, постоянно смѣшиваютъ въ своемъ невѣжествѣ реальность или ими мнимую дѣйствительность съ сущею дѣйствительностью, и потому протестуютъ и усиленно пытаются своею, только имъ самимъ, только ихъ невѣжеству присущею несообразностью исправить образъ общественнаго бытія, который имъ мерещится ихъ же собственнымъ, невѣжественнымъ образомъ.

Реальность общества или то, что въ немъ всякаго поражаетъ, и всякому въ глаза бросается не привлекательна, и если о неи судить, какъ о самой дѣйствитель-

ности, то она въ умѣ производитъ большую смуту, которая очень легко обращается въ систематическій пессимизмъ. Но должно прежде всего понять, что если у кого въ сознаніи невѣжество, несообразность и ложь, которыя однако онъ самъ принимаетъ за знаніе, за соображеніе и за истину, то, само собою разумѣется, что самая дѣйствительность должна по необходимости мерещиться ему нелѣпостью, несообразностью и ложью.

Картину великаго мастера, ея красоту, ея смыслъ не всякій можетъ увидать и оцѣнить; ея достоинство никому въ глаза не бросается, и никого не поражаетъ, какъ только знающаго и видящаго: она по природѣ своей незамѣтна, и усматривается только при великомъ вниманіи, которымъ однако большинство людей не обладаютъ, такъ какъ они обыкновенно очень не внимательны и очень разсѣяны. Но, если не самая картина, то рамка, которою картина обрамлена бываетъ всѣмъ видна, и всякій можетъ толковать о ней, какъ знаетъ, по вкусу своему: въ ней приличнымъ, сообразнымъ одному кажется одно, другому другое, и оба могутъ быть одинаково правы.

Дѣйствительность и есть самая картина; и видѣть, понимать ее, или судить о ней научились очень не многіе, обладающіе надлежащею степенью вниманія; большинство же не внимательныхъ и разсѣянныхъ людей усматриваютъ только реальность, или ту рамку, которою для нихъ дѣйствительность обрамлена.

Реальность, или рамка дѣйствительности опредѣляется для каждаго изъ людей во все не тѣмъ, что онъ дѣйствительно видитъ и знаетъ; а напротивъ именно только тѣмъ, чего онъ и не видитъ, и не знаетъ; только степенью его разсѣянности и невѣжества. По мѣрѣ того, какъ онъ становится внимательнѣе, онъ прозрѣваетъ и узнаетъ, чего прежде онъ и не видѣлъ и не зналъ; рамка, въ которой для него заключилась дѣйствительность постоянно раздается; при полнотѣ вниманія она и совсѣмъ исчезаетъ, или раздается въ безконечность, и

тогда дѣйствительность выступаетъ предъ нимъ во всей полнотѣ своего образа. Но и наоборотъ, когда сила вниманія нисходитъ до степени вниманія животныхъ, что для человѣка является уже полнымъ отсутствіемъ вниманія или совершенною слѣпотою, тогда онъ кромѣ одной рамки, кромѣ своей собственной ограниченности и своего собственнаго невѣжества, ни кромѣ одной реальности ничего не видитъ, и видѣть не въ состояніи: предъ его разсѣянностью, не смотря на то, что онъ обладаетъ совершенными органами зрѣнія и слуха, дѣйствительности, какъ будто и не бывало.

Намъ русскимъ достаточно припомнить взошедшія въ поговорку рѣченія нашего знакомаго Собакевича, чтобъ съ разу почувствовать, что значитъ улицезрѣть всю реальность въ ея реальномъ образѣ. Другіе люди, какъ бы они слѣпы ни были, все же еще видятъ сверхъ видѣній Собакевича кой что и другое.

Но каждому изъ насъ до мозга костей понятно, что самъ Собакевичъ, вслѣдствіе особой реальной закваски ума его, ничего инаго, кромѣ своихъ реальныхъ видѣній, и не способенъ увидать въ мірѣ; онъ представляетъ собою нѣчто въ родѣ всероссійскаго Шопенгауэра, или по крайней мѣрѣ Гартмана.

Не находя въ видимой имъ реальности ничего достойнаго любви его, онъ впрочемъ, ради нея и не убивается, женскаго вопроса не подымаетъ, и не сулитъ дамамъ и барышнямъ въ награду за ихъ исправленіе принять ихъ любовно въ свои братскія объятія: потому что, хуля и женщинъ, и весь міръ, и отлично зная, на что похожи всѣ его прелести, онъ въ немъ и себя самаго ни мало не считаетъ исключеніемъ, и ничѣмъ не лучше того прокурора, котораго онъ рѣшился похвалить.

Геніальный авторъ, подарившій насъ типомъ Собакевича, отчасти и самъ, какъ будто бы слился съ нимъ, и взиралъ на общество его глазами. По крайней мѣрѣ его дамы, просто пріятныя, и пріятныя во всѣхъ отношеніяхъ, отзываясь нѣсколько школьнымъ, и крайне со-

мнительнымъ остроумiемъ, отнюдь не выходятъ изъ тѣснаго и ограниченнаго кругозора имъ же столь мастерски изображенныхъ Собакевичей, Маниловыхъ, Ноздревыхъ и прочихъ героевъ его остроумной сатиры.

Между тѣмъ даже и сатира не исключаетъ возможности видѣть несравненно глубже и шире, и выражать въ ея же сферѣ не только извращенные образы реальности, но и черты самой дѣйствительности, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ многiя произведенiя другаго сатирика, еще между нами живущаго и не менѣе даровитаго.

По степени обладаемаго вниманiя всѣ люди въ томъ же мірѣ, и въ томъ же обществѣ усматриваютъ совершенно различное содержанiе; одному и явно, и очевидно то, что другому совершенно невидимо и незамѣтно. И между тѣмъ то, что каждый по своей способности, видитъ, ему и мерещется какъ самая дѣйствительность, хотя она только мнимая дѣйствительность, или реальность, преисполненная призраками его слѣпоты, его разсѣянности, его невѣжества. То, что каждый человѣкъ видитъ въ мірѣ, и въ обществѣ, и что онъ принимаетъ и выдаетъ за самую дѣйствительность, есть только мѣра его способности, его силы зрѣнiя и вниманiя, мѣра самой вмѣстимости его живаго помысла, которымъ онъ и видитъ и воспринимаетъ видимое.

Различные помыслы, въ образѣ дѣтей, школьниковъ, юношей, взрослыхъ, зрѣлыхъ людей, стариковъ, умныхъ, глупыхъ, ученыхъ, неученыхъ, имѣютъ предъ собою то же общество, но усматриваютъ въ немъ, каждый по своей способности, очень различное содержанiе, и по поводу того, что каждый изъ нихъ видитъ, и принимаетъ за самую правду, между ними нѣтъ согласiя, но идетъ нескончаемый споръ. Каждому о самомъ себѣ мерещится, что онъ-то и видитъ самую правду, самую суть и дѣйствительность общества, а что всѣ другiе ошибаются, заблуждаются, путаютъ.

Но *тоже самое* и о себѣ, и о другихъ думаютъ всѣ;

всѣ думаютъ, что они правы, но что другіе не правы: такимъ образомъ по формѣ того, что каждый думаетъ, или по формѣ мысли всѣ думаютъ тоже самое. Это формальное тожество и есть самая реальность, которая формальнымъ и абстрактнымъ образомъ и въ самомъ дѣлѣ для всѣхъ одна и та же, или тожественная съ собою. Но по содержанію, она очевидно вовсе не одна и та же, и сама на себя нисколько не похожа: то именно, что одному сдается вполнѣ реальнымъ, именно и является другому вовсе не реальнымъ, а напротивъ призракомъ и абсурдомъ безъ всякаго смысла, безъ всякаго основанія: не сущею правдою, но заблужденіемъ.

Люди безпрестанно спорятъ другъ съ другомъ, и спорили уже въ продолженіи вѣковъ: и все еще и до сихъ поръ никакъ не могутъ вслушаться и вникнуть въ самый смыслъ своего спора.

Этотъ нескончаемый споръ по поводу и на основаніи самой реальности, т. е. того, что каждый видитъ, или что каждому мерещится до очевидности указываетъ, что самая реальность, за которую всѣ держатся и всѣ цѣпляются, какъ за нѣчто дѣйствительное, есть по самому существу своему полнѣйшая несообразность, и что дѣйствительность напротивъ только то и есть, о чемъ нѣтъ и не можетъ быть спора; то именно, чего въ спорѣ никогда не бываетъ, т. е. самое согласіе. Споръ возникаетъ всегда только отъ несообразности; согласіе же имѣетъ своимъ основаніемъ только полную сообразность. Но при всякомъ спорѣ именно сообразности или самаго основанія для согласія и не видать: еслибъ она была видна, то не было бы и спора. Не видать же сообразности, потому что дѣйствительность, которая и есть самая сообразность, по существу своему — то, что не каждому видно, не каждому слышно. Она своимъ образомъ бытья никого не поражаетъ, и никому въ глаза не бросается Г. Спенсеръ для того, чтобъ изобразить дѣйствительность, для того, чтобъ выставить ея образъ, написалъ много, очень объемистыхъ сочиненій: если бъ онъ думалъ о ней,

что она всякому сама собою видна и замѣтна, онъ разумѣется, не сталъ бы ничего писать о ней: но уже самый трудъ, приложенный имъ къ ея выясненію, показываетъ, что она, въ его мнѣніи, вовсе не то, что видно, и что замѣтно; что первое слово, которое о ней слѣдуетъ высказать въ поученіе людямъ, это то, что въ противоположность реальности, она незамѣтна, не видна, не слышна; и что для того, чтобъ ее услышать, увидѣть, замѣтить, необходимо сперва научиться вниманію.

Но не одинъ г. Спенсеръ, но и Ст. Миль, и О. Конгъ, и вообще всѣ мыслители, какого бы толка они ни были, которые писали трактаты о дѣйствительности, тѣмъ самымъ ясно выражали, что дѣйствительность вовсе не то, что всѣ люди видятъ, о чемъ всѣ люди спорятъ, но напротивъ только то, о чемъ они никогда не спорятъ, и чего они въ большинствѣ случаевъ, по разсѣянности, вовсе не видятъ и не замѣчаютъ.

Полагая, что дѣйствительность есть именно та реальность, которую каждый изъ нихъ видитъ, и по поводу которой они другъ съ другомъ спорятъ, какъ о несообразности, люди воображаютъ, что дѣйствительность и есть ими видимое, чувственное и несообразное содержаніе, которое ихъ поражаетъ въ мірѣ или въ обществѣ: но оказывается, что дѣйствительность сама по себѣ и не чувственна и не видима, что она постигается только разумомъ, только вниманіемъ.

Иначе никто бы не сталъ писать по поводу ея такіе длинные и мудреные трактаты: само по себѣ ясное, видное и очевидное объяснять нечего.

Но всѣ умные люди, всѣ мыслители, матеріалисты, идеалисты, позитивисты, спиритуалисты, даже и реалисты вполнѣ согласны между собою въ томъ, что дѣйствительность необходимо разъяснить, что она скрыта отъ насъ туманами нашихъ заблужденій, нашихъ предразсудковъ и нашего невѣжества: что всѣ мы, — въ принимаемой нами за дѣйствительность, въ видимой нами реальности кромѣ этихъ тумановъ нашей чувственной раз-

сѣянности, ничего другаго и не видимъ, да и видѣть не въ состояніи; что эту чувственную матерію нашихъ заблужденій и нашего невѣжества необходимо разсѣять: для того, чтобъ мы могли увидѣть самую дѣйствительность въ ея истинномъ, нечувственномъ и невидимомъ образѣ.

Всѣ мыслители всевозможныхъ толковъ въ этомъ отношеніи вполнѣ между собою согласны: всѣ ихъ усилія и труды направлены именно къ тому, чтобъ освободить нашъ взоръ отъ чувственности его затуманивающаго невѣжества.

Если они въ томъ согласны и другъ съ другомъ не спорятъ, то уже и ихъ согласіе свидѣтельствуетъ о томъ, что въ этомъ отношеніи они стоятъ на почвѣ сообразности и что ихъ мысль вполнѣ сообразна съ дѣйствительностью; а потому и намъ тоже слѣдуетъ съ ними согласиться.

И дѣйствительно, нельзя не согласиться, что то, что всѣ видятъ, что реальность, которая всѣмъ мерещится, не есть самая дѣйствительность, а только ея грань, ея ограниченіе, ея опредѣленіе посредствомъ нашего невѣжества. Эти ограниченія, эти опредѣленія, эти грани очень видны и замѣтны: какъ видѣнъ и замѣтенъ и туманъ, застилающій собою и скрывающій всю мѣстность: но самое содержаніе, заключаемое въ этихъ граняхъ, но самая картина, обрамленная рамкою, какъ какая пустота, для большинства людей остаются не замѣтными.

Прекрасное, добро, истина не видны и не замѣтны тому, кто не научился видѣть ихъ; содержаніе дѣйствительности постоянно нами просматривается; мы не видимъ прекраснаго, но видимъ безобразіе; мы не видимъ добра, но видимъ зло; мы не видимъ истины, но видимъ ложь; мы во всемъ видимъ только одну реальность, или только чувственные туманы нашего невѣжества, которые застилаютъ намъ взоры наши. И хотя, кромѣ дѣйствительности, которая есть и красота и добро и истина, ничего нѣтъ другаго; но мы видимъ во всемъ только все

другое, только все то, что намъ мѣшаетъ видѣть ее, только наше собственное невѣжество.

Не напрасно уже давно было сказано, что только чистые сердцемъ Бога узрятъ. Чистый сердцемъ единственно и можетъ увидѣть чистое. Нечистые во всемъ видятъ только нечистое.

То, что всѣ видятъ, не есть дѣйствительность, а только реальность, о которой можно сказать, что она сама на себя не похожа: потому что каждый видитъ ее иначе, или только по своему, сообразно съ тѣмъ содержаніемъ, какое въ немъ самомъ находится.

Въ этомъ смыслѣ, очень вѣрно говорится, что міръ есть зеркало, въ которомъ каждый усматриваетъ только свой собственный образъ. Въ видѣ поясненія можно бы но бы прибавить, что міръ есть форма или сосудъ, или пожалуй рамка, которые каждый ныполняетъ своимъ собственнымъ содержаніемъ.

Всѣмъ давно извѣстно, что для радостнаго міръ сдается радостнымъ, для печальнаго — печальнымъ. Для суетнаго онъ является суетою, для нечистаго нечистью. Но вслѣдствіе того же всѣ грубые, всѣ пошлые, всѣ безсмысленные ни въ мірѣ, ни въ обществѣ ничего кромѣ грубости, пошлости и безсмыслія видѣть не способны. Да и способенъ ли Собакевичъ, гдѣ бы то ни было, усмотрѣть что другое?

Не всякій видитъ дѣйствительность, но только тотъ, кто научился видѣть ее. И природу также безъ ученья, безъ науки невозможно увидать въ ея истинно-научномъ образѣ. Ее невозможно увидѣть и въ ея живомъ образѣ безъ жизни. Живое всюду и видитъ живое; а мертвое видитъ только мертвое. Этой истинѣ поучалъ еще Кантъ, но его ученія недосмыслили по разсѣянности. То, что въ природѣ всякому, само собою, непосредственно, безъ науки видится или мерещится, есть, какъ всѣмъ извѣстно, только заблужденіе, обманъ чувствъ, только призракъ невѣжества. А между тѣмъ, видя только реальность, никто

не сомнѣвается въ томъ, что онъ видитъ самую дѣйствительность.

Но слѣдовало бы признать по крайней мѣрѣ, что дѣйствительность вовсе не видѣніе Собакевича; что его видѣніе не болѣе, какъ навожденіе его невѣжества: отъ его невѣжества было бы уже не такъ трудно перейти и къ уразумѣнію своего собственнаго.

Всякаго рода несообразность есть съ тѣмъ вмѣстѣ свидѣтельство и улика въ недѣйствительности: потому что все дѣйствительное есть по самому существу только вполнѣ сообразное: и какъ вся сообразность, дѣйствительность исполнена красотою.—Призраками и кошемарами жить невозможно; въ нихъ и между ними пропадаетъ жизнь: они убиваютъ ее; но дѣйствительность для жизни, какъ воздухъ для дыханія: ею всякая жизнь живетъ и дышетъ: какъ самый родникъ жизни дѣйствительность есть добро. Всякая ложь отрицаетъ жизнь: но жизнь есть утвержденіе дѣйствительности, а дѣйствительность есть утвержденіе самой жизни: по этому дѣйствительность есть вся истина.

Да и всякій человѣкъ, что бы онъ ни говорилъ и ни утверждалъ при случаѣ, въ самомъ себѣ всегда знаетъ, что дѣйствительность собственно и есть только дѣйствительность красоты, или образа жизни, только дѣйствительность добра, или содержанія жизни, только дѣйствительность истины, или постѣдняго смысла жизни; что иной дѣйствительности и быть не можетъ: всѣ искреннія утвержденія собственно только одно и утверждаютъ, что дѣйствительности нѣтъ ни въ безобразіи, ни въ злѣ, ни во лжи.

О содержаніи математическомъ говорятъ, что оно есть безусловно понятное, не потому, чтобъ всѣ понимали его, но только потому, что зная его, не понимать его невозможно. Такъ о дѣйствительности, можно сказать, что ея содержаніе есть безусловно любимое; не потому, чтобъ всѣ реально или въ въ самомъ дѣлѣ любили его; но по-

тому, что разъ познавъ его, его не любить невозможно. Если человѣкъ что любитъ, то разумѣется ничего болѣе, какъ только, что есть самое содержаніе дѣйствительности: человѣкъ ничего другаго любить не можетъ, потому что дѣйствительность есть дѣйствительность его самаго.

И при всемъ томъ дѣйствительности не знаютъ, и принимаютъ за нее реальность, или призраки невѣжества. Это потому, что проявленія невѣжества, грубости, пошлости, безсмыслія всегда поразительны и эфектны: ихъ свойство, какъ свойство всего матерьяльно-чувственнаго и видимаго, всѣмъ въ глаза бросаться, и быть очень замѣтными. Но дѣйствительность собою никогда не поражаетъ, она по существу своему невидима и не замѣтна: именно потому, что она есть всегда и неизмѣнно, полная сообразность съ собою; она есть истое, дѣйствительное бытье или самая истина бытья, которую очень рѣдко кто видитъ: потому что за чувственной матеріей и стихіей невѣжества, за туманами разсѣянности, видны не она, но только наши собственныя заблужденія, границы и предѣлы нашего разума или нашего вниманія, за которыми не видать ея дѣйствительнаго образа: тотъ, кому впервые открывается дѣйствительность, усматривая ее какъ нѣчто само собою разумѣющееся, гораздо склоннѣе воскликнуть, только то! только и всего! нежели прійти отъ ней въ восторгъ и въ восхищеніе. Какъ самая жизнь, такъ и образъ дѣйствительности прокрадываются въ душу, къ сознанію совершенно невидимымъ и незамѣтнымъ путемъ, и скорѣе съ ощущеніемъ страданія и боли, нежели радости. Потому что она не только утвержденіе самой истины; но прежде всего отрицаніе нашихъ глупостей, нашихъ самообольщеній и нашего невѣжества, съ которыми намъ всегда больно разставаться.

Дѣйствительность въ ея образѣ, вовсе не такая, какою люди ожидаютъ или воображаютъ ее. Они ожидаютъ нѣчто совсѣмъ другое, нѣчто соотвѣтствующее ихъ заблужденіямъ, ихъ мнѣніямъ и ихъ невѣжеству; а она обманываетъ всѣ ихъ ожиданія: ея несказанная, невидная и

бесконечная простота мало кого удовлетворяетъ: потому что можетъ ли невѣжество удовлетворяться истиною?

Для невѣжества точно также и природа въ ея невозмутимомъ, спокойномъ образѣ слишкомъ непонятно—проста: вотъ отчего люди и бываютъ столь склонны пополнять и изукрашать бесконечную простоту ея образа и всего бытья разнаго рода чрезвычайностями и чудесами. Еслибъ въ руки дикихъ случайнымъ образомъ попало изваяніе Веперы Милоской, они вѣроятно поспѣшили бы проткнуть ей ноздри и губы, чтобъ изукрасить ихъ серьгами и подвѣсками: что придало бы богинѣ много особой, чрезвычайной и поразительной красоты.

И еслибъ было въ волѣ и во власти людей, они бы не оставили однообразной лазури голубаго неба; но непремѣнно бы отмалевали его вохрою, сурикомъ и баканомъ; и расцвѣтили его въ полное соотвѣтствіе своего представленія о реальной красотѣ.

Еслибы Собакевичу было дано перестроить образъ общества сообразно съ лекаломъ души его, общество отъ такой перестройки, выиграло бы, разумѣется, только въ безобразіи. И наврядъ ли бы выиграло оно, что либо большее или лучшее, еслибъ новымъ людямъ и поборникамъ женскаго вопроса удалось перевоспитать на свой ладъ русскую женщину, и передѣлать на свой ладъ нашихъ великосвѣтскихъ дамъ и кисейныхъ барышень.

Умничаніе грубаго невѣжества надъ тѣмъ, что неизмѣримо выше его собственнаго склада и лада, надъ тѣмъ, чего оно, по своей крайней наивности, тѣснотѣ и ограниченности, понять не въ состояніи, возмутительно и ненавистно.

Все что въ обществѣ есть дѣйствительно, сталось въ немъ изъ глубины всей его прошедшей жизни; а женскій вопросъ, съ его новымъ ученіемъ о долгѣ, и о естественныхъ потребностяхъ, скомбинировался только вчера, и представляется чѣмъ то въ родѣ особаго лекала, на скоро сколоченнаго грубою и неумѣлою рукою: и такимъ то лекаломъ новые люди берутся выправить образъ жен-

щины, столь неудачно созданный самою дѣйствительностью. Ея образъ сталъ не по ихъ вкусу, онъ имъ не нравится; онъ вовсе не соотвѣтствуетъ ни ихъ понятіямъ, ни ихъ складу ума, ни ихъ требованіямъ и потребностямъ; онъ обставленъ цѣлымъ міромъ особыхъ условностей, искуственныхъ приличій и предразсудковъ, между которыми вся жизнь напрасно стѣсняется, между которыми имъ жить и двигаться нелегко и неудобно.

Развѣ не лучше было бы жить просто, по товарищески? Увидавъ женщину въ обществѣ, новые люди нашли ее вовсе не такою, какою они ожидали и представляли ее. Красота! да развѣ это красота? Что это за красота! въ этомъ ли красота? Нѣтъ, это совсѣмъ не то; это вовсе не по ихнему: ее слѣдуетъ исправить; ея общественный образъ никуда не годится; онъ слишкомъ бесцвѣтенъ: тутъ не достаетъ вохры, тутъ сурику не хватаетъ, а тутъ не мѣшало бы баканцу подпустить!

Матерьялъ все дешёвый; а между тѣмъ было бы и гораздо виднѣе и много сообразнѣе, разумѣется съ тѣмъ образомъ красоты, какая мерещится новымъ людямъ.

Говоря о Италіи, обыкновенно восхищаются бездонною, невозмутимою лазурью ея ничѣмъ не отуманеннаго, голубаго неба. У насъ, по сосѣдству съ полюсомъ, мы такое ясное небо болѣе воображаемъ, нежели видимъ. Наши голубыя небеса въ большинствѣ случаевъ застланы туманами, тучами, и совершенно невидимы за ихъ сѣроватосвинцовымъ покровомъ: конечно, постоянно приглядываясь къ столь сѣрой и тусклой безцвѣтности, мы очень склонны всѣ рѣчи и толки о ясной лазури небеснаго, голубаго свода принимать за реторику. Такимъ же образомъ очень немудрено, что намъ и наша дѣйствительность, вѣчно сокрытая отъ насъ за туманами нашей реальности, сдается только пустою реторикою.

Что грѣха таить, жизнь русскаго общества безспорно представляется во всѣхъ отношеніяхъ крайне убогою и нищенски недостаточною. Какъ въ нижнихъ слояхъ его, простой народъ едва, едва подымается надъ уровнемъ

крайности и голода; такъ и въ его верхнихъ слояхъ, то, что въ немъ именуется образованнымъ обществомъ, едва, едва удерживается, едва высится надъ общимъ уровнемъ крайняго невѣжества и мертвеннаго безсмыслія. Ужь на что Славянофилы, которые такъ высоко ставили все русское, но и они ничѣмъ инымъ передъ западными народами не похвалялись, какъ именно нашимъ крайнимъ убожествомъ.

Если ясное небо надъ нами гдѣ и виднѣется, то развѣ очень мало, и очень рѣдко. Это правда: Но за то мы твердо знаемъ, и даже не видя, вполнѣ убѣждены, что за этими сѣрыми и неприглядными туманами, есть надъ нами наше вѣчно голубое, наше ничѣмъ не затуманенное, ясное, ненаглядное небо. Въ другихъ странахъ люди избалованы постояннымъ привѣтомъ и всегдашнею ясностью своего неба; они на него и не смотрятъ, и о немъ не думаютъ. Но мы не избалованы своею реальностью; и потому мы о небѣ своемъ забыть не можемъ, и никто не мечтаетъ о прозрачной, невозмутимой ясности нашихъ лазурныхъ небесъ такъ сильно и съ такою неутолимою жаждою, какъ именно мы, русскіе.

Насъ русскихъ съ издавна упрекаютъ въ томъ, что мы своего роднаго не любимъ, и вмѣсто того, чтобъ отстаивать его отъ поклеповъ и нападокъ иноземцевъ, сами больше всѣхъ ругаемъ его. Иноземцы, тѣ любятъ свое отечество, стоятъ за него, и похваляются имъ, а мы, не жалѣя доброй славы нашей родины, наперерывъ другъ передъ другомъ спѣшимъ изобличить и выставить на показъ всѣ сокровенныя язвы ея; у насъ даже цѣлая изобличительная литература возникла.

Въ виду такого обвиненія, мы и въ самомъ дѣлѣ представляемся какими то выродками. Но наши обвинители и сами несправедливы и далеко не искренни: будто они и сами не знаютъ, что намъ рѣдко, очень рѣдко когда удается увидать ясное и чистое небо нашей родины, а восхищаться слякотью, мразью, хмурыми туманами и стужею, потому что они русскіе, мудрено; да и сами они

на врядъ ли восхищаются ими. Они насъ винятъ въ нелюбви къ нашей родинѣ; но подъ родиной разумѣютъ свои дѣла, свои выгоды, свои потребности или непотребности, свое невѣжество, и хотятъ, чтобъ мы, плѣняясь казенщиной, граціановщиной тожь, возлюбили всѣмъ помысломъ души своей самое ненавистное, потому де, что это и есть наше любезное отечество.

Впрочемъ, Богъ ихъ знаетъ, быть можетъ они, наши обвинители, дѣлаютъ это не изъ умысла, а только по невѣденію. Принимая свой базарный толкъ за умъ и за смыслъ, и внушаясь воззрѣніями современаго реализма, они, быть можетъ и въ самомъ дѣлѣ усматриваютъ свое отечество въ этой самой реальности, въ этой матеріи и стихіи невѣжества, которыми, какъ небо туманами, застлана и скрыта отъ насъ наша дѣйствительность Они не понимаютъ, что реальная среда, въ которой самъ человѣкъ является лишь призракомъ, сегодня здѣсь, а завтра не вѣдомо гдѣ, въ которой господствуютъ лишь сила вещей и насиліе, не есть дѣйствительность, не есть отечество, но только ненавистный кошемаръ, и пустой призракъ, дикое исчадіе нашего невѣжества и безсмыслія. Ее любить невозможно; и кто дѣйствительно любитъ свое отечество, свою родину, кто любитъ не призракъ, ее застилающій, не реальность, но самую дѣйствительность ея, тотъ, конечно, не можетъ иначе, какъ только ненавидѣть эту реальную среду, выдаваемую за отечество, это невѣжество, этотъ базарный толкъ, эту казенщину, посягающіе на самую дѣйствительность отечества, на самую святыню родины.

Кто жаждетъ въ помыслѣ своемъ самой дѣйствительности, тотъ ненавидитъ всѣ проявленія призрачной реальности. Но и ненавидѣть можно только образомъ любви: мы и ненавидимъ, потому что любимъ; а то, что мы любимъ не видимо, не реально; оно таится въ помыслѣ души нашей, какъ ея завѣтный образъ, въ немъ и наша родина.

Да наша родина не въ бозарномъ толкѣ, не въ ди-

кихъ проявленіяхъ его невѣжества, но только въ томъ завѣтномъ и святомъ образѣ, которымъ воспиталась и образовалась душа наша; которымъ она уже съ дѣтства проникнута и плѣнена какъ неизрѣченною мечтою своею, какъ образомъ любимаго, и всего, что только она можетъ любить. Этотъ завѣтный образъ не есть плодъ нашихъ разсужденій: но совершенно на оборотъ, всѣ наши разсужденія изъ него истекаютъ: мы взросли имъ, мы живемъ и дышимъ имъ, мы имъ любимъ, все что мы любимъ; мы имъ же и все разсуждаемъ, признаемъ то, что съ нимъ сходно, что съ нимъ сообразно; отрицаемъ и отвергаемъ все, что съ нимъ несообразно, все что ему противно.

Первоначальный, жизненный образъ, которымъ каждый человѣкъ есть то, что онъ есть, который есть въ немъ задушевный образъ и того что онъ любитъ, и того чѣмъ онъ любитъ, образъ самой жизни его, которою онъ живетъ, есть въ немъ по самому существу женскій образъ; потому что всякая жизнь идетъ отъ женщины, и относится къ женщинѣ: она, предварительно предъ всякимъ разсужденіемъ, какъ безусловный, жизненный предразсудокъ, какъ предразсудокъ жизни, предваряющій всякое разсужденіе, и есть сама то безусловно любимое, къ которому и всякая жизнь и всякая любовь относятся, какъ къ своему началу, и къ своему концу. Ея черты впослѣдствіи и становятся и проявляются очертаніями той родины, ради которой люди живутъ и умираютъ.

И если мы, русскіе, чѣмъ и можемъ хвалиться въ нашей убогой, жизненной средѣ, то именно только образомъ русской женщины. Конечно, ея образъ, какъ и наше небо, мы рѣдко видимъ во всей чистотѣ, во всей небесной ясности его: онъ большею частью сокрытъ отъ насъ застилающими его туманами нашего невѣжества, и призраками нашей реальности; но, какъ мы несомнѣнно знаемъ, что за облаками есть невозмутимо ясное небо, такъ точно мы, не сомнѣваясь ни на одно мгновеніе всею жизнью, всею душею знаемъ, что за нашимъ невѣжествомъ есть,

какъ самая дѣйствительность жизни нашей тотъ любимый, тотъ завѣтный образъ русской женщины, которымъ мы взросли, живемъ и дышимъ. Другаго, ей подобнаго, который бы мы могли такъ несказанно любить во всемъ мірѣ нѣтъ. Пусть на свѣтѣ есть много людей, которые не знаютъ его; тѣмъ хуже для нихъ: но мы, зная, боготворимъ его, и развѣ него иначе не знаемъ и знать не хотимъ; потому что мы всею душею свидѣтельствуемъ, и нашею любовью и нашею ненавистью, что только въ этомъ образѣ вся дѣйствительность наша, и вся красота, и все добро и вся истина русскаго общества, и наша родина, которую мы любимъ.

А новые люди предъявляютъ свое притязаніе преобразовать этотъ самый образъ по своей мѣрѣ, по своему лекалу! Они полагаютъ, что ему недостаетъ придатковъ и подвѣсковъ ихъ научности и учености; и выставляютъ въ замѣнъ его свой собственный образъ, всѣмъ извѣстный образъ современно-развитой барышни, которая уже не киснетъ въ своихъ идеалахъ, а бодро и развязно прохаживается по всякимъ ученостямъ, и идетъ индуктивнымъ путемъ къ преуспѣянію.

Это, пожалуй, своего рода тоже мечта, которая вмѣстѣ съ современностью лишь вчера народилась на почвѣ научности: но эта школьная и современная мечта едва ли вытѣснитъ изъ души ея завѣтную, ея жизненную мечту, которая сложилась въ ней самою жизнью, безъ вѣдома новыхъ людей, еще прежде чѣмъ они народились, и дышитъ всею дѣйствительностью.

Наша жизнь охвачена со всѣхъ сторонъ реальностью; но мы реальности нашей не любимъ, и любить не можемъ; мы въ нее и не вѣримъ; она есть лишь обманъ и призракъ; лишь продуктъ нашего невѣжества и проявленіе нашего безсмыслія. На перекоръ ея ненавистному содержанію мы утверждаемъ только то, что мы не можемъ не любить, что есть самая дѣйствительность и самая истина всей жизни нашей.

Жизнь есть безспорно утвержденіе своего жизненнаго

образа, среди всего другаго, мертваго или безжизненнаго: а то, что мы утверждаемъ нашею жизнью — въ средѣ реальности, есть только мечта, еще съ дѣтства навѣянная на носъ свѣтлымъ образомъ русской женщины: въ немъ мы имѣемъ наше живое свидѣтельство, нашу несомнѣнную увѣренность, что всѣ пророчества нашей юности сбудутся, не смотря на то, и на перекоръ тому, что наша реальность вынуждаетъ каждаго изъ насъ другъ за другомъ повторять

Не сбылись, мой другъ, пророчества
Пылкой юности моей!

Они сбудутся, если мы не утратимъ вѣры нашей: дѣйствительность того женскаго образа, который мы знаемъ и любимъ есть наше живое ручательство, что они сбудутся: покуда мы живы, мы въ этомъ и не сомнѣваемся: душа наша исполнена этимъ образомъ, и мечтою его; а чѣмъ душа полна, то и есть самое будущее, которое неминуемо свершится.

Любовь къ женщинѣ въ ея различныхъ образахъ, есть единственный родникъ всѣхъ другихъ любовей человѣка, единственный источникъ его участія къ жизни, и къ ея жизненному содержанію, къ мысли и къ ея безконечному умозрѣнію. И когда этотъ родникъ изсякаетъ, то съ нимъ вмѣстѣ изсякаютъ и вся жизнь, и весь умъ, и весь смыслъ. Остается за тѣмъ лишь одно праздное, тупое, мертвенное безсмысліе, изъ котораго никакая научность, никакія ученія и назиданія со всѣми ихъ ухищреніями не въ состояніи вызвать ни единой искорки жизни.

Новые люди кажется не вѣдаютъ столь простой и столь элементарной истины, которую во всѣхъ видахъ исповѣдываетъ и вся природа: а между тѣмъ, если только вѣрить ихъ утвержденіямъ, они питаютъ свой умъ только истинами естествознанія.

Быть можетъ оттого, что никто не можетъ думать иначе, какъ только ему присущимъ, роднымъ и завѣтнымъ образомъ, которымъ онъ выросъ, воспитался и об-

разовался, но всякій разъ, когда въ душѣ, въ ея воспоминаніи возникаетъ образъ русской женщины, черты которой намъ уже съ дѣтства знакомы, и такъ задушевно близки изъ разсказовъ, изъ домашней хроники о быломъ, изъ поэзіи, которая намъ открываетъ душу нашу, изъ самаго строя нашей души, изъ дѣйствительности, которою мы живемъ, — каждому изъ насъ невольно думается, что нигдѣ никогда не бывало, да нигдѣ и не можетъ быть женскаго образа чище, проще, задушевнѣе, величавѣе и прекраснѣе, чѣмъ тотъ образъ, который мы несемъ въ душѣ, и который подымаетъ душу нашу, чѣмъ образъ русской женщины; и что не намъ, неучамъ, исправлять его своимъ грубымъ лекаломъ, своимъ научнымъ безсмысліемъ: пусть ужь лучше онъ исправитъ, и образуетъ каждато изъ насъ своимъ ненаучнымъ, но жизненнымъ и вѣчнымъ смысломъ.

Другія женщины, нѣмки, англичанки, француженки, даже итальянки и испанки, всѣ подневольны, всѣ подвластны, и считаются только съ своими естественными, женскими слабостями: всѣхъ ихъ, съ головы до ногъ и со всею душою охватываетъ дерзкая лепорреловская похвальба: mille e tre! Каждая изъ нихъ въ глубинѣ души знаетъ, что она противъ столь дерзкаго нахальства устоять не въ силахъ. Когда баринъ зоветъ и кличетъ ее, она, какъ рабыня, хочетъ, не хочетъ, а должна бѣжать на кличь его. Потому что она слаба. Подъ видомъ чувственности и чувствительности, подъ видомъ упорности и резонерства, подъ видомъ юркости, бойкости, живости и легкомыслія, подъ видомъ неодолимой страстности, онѣ являютъ собою только разнородные виды все того же подчиненія, все той же приниженности, все того же подневольнаго рабства, то предъ побѣдно торжествующимъ преобладаніемъ мужчинъ, то предъ неодолимою силою вещей.

Одна только русская женщина является вполнѣ человѣкомъ, вполнѣ самой собою: въ своемъ невозмутимомъ, царственно свободномъ образѣ, она стоитъ недосягаемо

выше всякихъ страстностей, всякихъ слабостей и обояній, и, сознавая не слабость, но силу свою, вѣдается своею жизнью вовсе не съ мужчинами и не съ ихъ глупостями, и вовсе не съ реальностью, не съ силами, не съ ограниченностью вещей, — а только съ самою судьбою человѣка; и если она и предается жертвою, то только судьбѣ своей, предъ которою и мужчины смущаются, какъ малыя дѣти. Сила, властность, похвальба мужчинъ, обличаются предъ ея величавымъ образомъ, какъ непомѣрно жалкая слабость, и ея чувство къ нимъ есть прежде всего чувство жалости, и снисхожденія: потому что въ нихъ нѣтъ той силы, которую она имѣетъ въ себѣ самой.

Какъ ни мало, какъ ни рѣдко, однако мы все же видѣли ясное небо надъ собою, — и не можемъ забыть ясности, съ которою оно свѣтило намъ изъ неисповѣдимой глубины своей.

Мы не забыли, какъ въ смутную, тяжелую годину русскаго общества, когда всѣ растерялись и поникли головами предъ расходившеюся непомѣрною силою вещей, подъ ихъ внезапно разразившемся ударомъ, великосвѣтскія дамы, самый цвѣтъ высшаго общества, жены декабристовъ безъ всякой учености, не вѣдая никакихъ наукъ даже и по названію, слабо владѣя не только русскою грамматикою, но и русскою рѣчью, избалованныя, изнѣженныя, въ минуту рѣшенія, не задумываясь, безъ вопросовъ, безъ сожалѣній, оставили весь блескъ своего высокаго положенія, и, скинувъ съ себя наружный ореолъ, и знатности, и богатства, безъ страха и безъ колебаній, какъ само собою разумѣющееся дѣло, послѣдовали за мужьями своими на край свѣта, въ ихъ далекое изгнаніе, на каторгу, свершая свой царственный путь на стезѣ долга, такъ же просто и также величаво, какъ планеты небесныя свершаютъ свой въ междузвѣздномъ пространствѣ.

Онѣ не были какими нибудь особенными, необыкновенными метеорами; видныя только по своему высокому положенію, онѣ были совершенно такія же, какъ и всѣ

другія дамы изъ ихъ общества: и праздныя, и свѣтскія, и нарядныя, и пустыя; ихъ рѣшеніе не было внушено имъ ни особою влюбленностью, ни сердечною страстью; но лишь гордымъ сознаніемъ своего долга, и того, что имъ самимъ прилично: но онѣ ярко блеснули во мракѣ наступавшей ночи, потому что громко и безбоязненно выразили то, что думали, что знали и понимали всѣ русскія женщины. Что, еслибъ въ то время новые люди, которые тогда еще не народились, обратились къ этимъ великосвѣтскимъ дамамъ съ теоріей женскаго вопроса, и повѣдавъ имъ, въ какомъ онѣ заблужденіи, что полагаютъ свой долгъ въ пустомъ, общественномъ предразсудкѣ, стали бы ихъ учить, что имъ слѣдуетъ добиваться тѣхъ правъ, которыхъ онѣ, бѣдныя женщины, такъ несправедливо лишены въ силу предразсудковъ общества. Онѣ, несмотря и на горе, вѣроятно улыбнулись бы, и взглянули съ удивленіемъ на столь простодушно-наивныхъ педантовъ.

Онѣ, лишены правъ! Да, напротивъ, совсѣмъ; не онѣ ли одни подымаютъ голосъ свой, когда отъ ужаса, отъ страха всѣ примолкли, какъ бесправые; не онѣ ли громко свидѣтельствуютъ, что онѣ живой родникъ, изъ котораго истекаютъ всѣ права? Не онѣ ли сами душою своею, сознаніемъ своего безконечнаго долга создаютъ самое право? Не онѣ ли своею милостью даруютъ права не только тѣмъ, которые лишены всѣхъ правъ, но и тѣмъ, которые безъ нихъ и до нихъ никакихъ правъ и никакого понятія о правѣ не имѣли? Да и кто же не знаетъ, что дѣйствительнымъ правомъ бываетъ лишь то, что утверждается душею женщины, и нравами, которые, она же и установляетъ своею жизнью?

Возлѣ образа русской женщины, создающей и утверждающей право въ сферахъ полнаго бесправія, въ сферахъ, гдѣ о правѣ и не мерещилось, въ воспоминаніи возникаетъ еще и другой образъ, не менѣе завѣтный, не менѣе любимый: правда онъ принадлежитъ области поэзіи; но поэзія не выдумка, и не измышленіе, а только видѣніе, усматриваемое необыкновенно чуткимъ вниманіе-

емъ къ тому, что есть дѣйствительно. Поэтъ только тѣмъ и поэтъ, что онъ всѣ образы свои почерпаетъ прямо изъ самой дѣйствительности, но конечно не изъ реальности, изъ которой очень легко начерпаться грязи, но никакъ не поэзіи.

Этотъ другой, поэтическій образъ есть образъ одной изъ провинціальныхъ, кисейныхъ барышень, образъ Татьяны въ Онѣгинѣ. Она не только кисейная барышня, но къ тому еще и мечтательная дѣва, томно вздымающая очи на луну внимающая подъ окномъ пѣснямъ соловья, который, быть можетъ тамъ и не водится и не поетъ совсѣмъ.

При помощи научной индукціи можно доказать, какъ дважды два четыре, что эта сентиментальная дѣва и барышня, никогда не грезившая ни о женскомъ вопросѣ, ни о физіологіи, ни о борьбѣ за существованіе, ни о половомъ подборѣ, пустое и жалкое существо предъ любою современною и развитою дѣвицею, которая, не вѣдая никакихъ сентиментальностей, стоитъ твердою ногою на реальной почвѣ, и, исполненная всѣми реальностями, знаетъ, что любовь, что сентименты, что чувства и предчувствія, что самая жизнь, и душа и все, что въ душѣ шевелится, не болѣе, какъ рефлексы головнаго мозга· конечно доказать это не трудно: но только надо быть вполнѣ развитою дѣвицею, для того, чтобъ проникнуться и убѣдиться столь научнымъ доказательствомъ, потому что сужденія самой жизни имѣютъ своимъ основаніемъ нѣчто иное, чѣмъ научность.

Эта сентиментальная дѣва, съ своимъ сонникомъ въ рукахъ, уже и въ званіи кисейной барышни несказанно трогаетъ неподдѣльною простотою и полною дѣйствительностью своей жизни; и хотя она ни Бокля, ни Ст. Милля не читала, но отъ ней далеко кругомъ вѣетъ жизнью, и все, что входитъ въ ея жизненный кругъ невольно пробуждается къ жизни.

Потомъ, уже въ образѣ великосвѣтской дамы, она въ немногихъ словахъ высказываетъ все существо свое:

Я васъ люблю, къ чему лукавить,
Но я другому отдана,
И буду ввѣкъ ему вѣрна.

Да въ ней нѣтъ и тѣни лукавства. Но въ ея простомъ и бесповоротномъ, какъ судьба, рѣшеніи слышится нѣчто сродственное съ такими же рѣшеніями героевъ и героинь классическаго міра, и невольно вспоминается Антигона Софокла, которая также точно не можетъ отступиться отъ простой, не лукавой правды, и, любя жизнь всѣми упованіями юности, исполняетъ свой долгъ и безвозвратно предается судьбѣ своей.

Но Пушкинъ почерпалъ образы свои изъ дѣйствительности, а не изъ реальности. Его признаютъ самобытнымъ поэтомъ, полнымъ оригинальности! Но, чтожъ онъ за поэтъ, и въ чемъ его самобытность или оригинальность? Онъ своего ничего не измыслилъ: мотивъ, который онъ вложилъ въ уста Татьяны, всѣмъ намъ съ самаго дѣтства давно-знакомый мотивъ; онъ не сочинилъ его; онъ просто выкралъ его изъ глубины души, изъ самаго сердца русской женщины; это ея вѣрность самой себѣ, это мотивъ ея жизни, а онъ безстыднымъ образомъ выдаетъ его за свое сочиненье!

Этакъ пожалуй, чего добраго, и другіе поэты, не-Пушкины, тоже вздумали бы красть чужое и выдавать за свое: но, къ ихъ чести, они на чужее не посягаютъ, чужимъ не заимствуются, и предпочитаютъ въ самомъ дѣлѣ сочинять свое: и потому ихъ сочиненія — настоящія сочиненія.

Вся Татьяна въ каждомъ движеніи и въ каждомъ словѣ вовсе не сочиненіе; ее не называютъ плажіатомъ, только потому, что она удачно и красиво списана. Но она, вся какъ есть, взята изъ дѣйствительности; не то, чтобъ она была реально существующею особою; нѣтъ; но Пушкинъ, какъ всѣмъ извѣстно, безъ ума любилъ женщинъ, плѣнялся ихъ образомъ, льстилъ имъ, ухаживалъ за ними; онѣ ему довѣряли; а онъ, пользуясь ихъ довѣріемъ, безсовѣстно обокралъ ихъ душу. Его Татьяна вовсе

не его; она ихъ собственная мечта, она вся ихъ дѣйствительность; она дѣйствительная русская женщина, простая, не лукавая, жалостливая, снисходительная и съ тѣмъ вмѣстѣ неприступно гордая и холодная, какъ будто людскія слабости и глупости до нея вовсе не касаются.

Ея рѣчи, ея мысли, ея слова мы всѣ, гдѣ то и когда то давно уже слыхали; каждое изъ ея движеній, ея раздумье, ея улыбка, ея желанія, самые жесты ея намъ знакомы: мы ихъ видали прежде, мы ихъ и забыть, не забывъ всего существа своего, не можемъ: потому что только въ нихъ и высказывается задушевный мотивъ нашей жизни, и каждаго изъ ея внѣшнихъ проявленій.

Невольная о ней реминисценція была, по всей вѣроятности, участницей въ созданіи лица Лизы въ дворянскомъ гнѣздѣ И. С. Тургенева: по крайней мѣрѣ въ ней слышится тотъ же самый, можно сказать, античный мотивъ, которымъ дышитъ и дѣйствительно живетъ русская женщина. Лиза, точно также, безъ страха, безъ оглядокъ, что бы тамъ ни вышло, и столь же просто, столь же бесповоротно высказываетъ свой рѣшительный отказъ отъ всякаго рода сдѣлокъ съ совѣстью, отъ всякихъ водевилей, столь любезныхъ мѣщанскому духу современности, и ея научно-естественныхъ потребностей, и молча, безъ фразъ, видя, что все кончено, не ищетъ спасенія въ обманѣ, но заживо хоронитъ себя въ монастырѣ.

Да, это барышни, и притомъ кисейныя барышни: но однако же, вглядываясь въ нихъ, невольно думается, что и онѣ тоже, какъ царь Эдипъ, безбоязненно мѣряются бытьемъ своимъ съ бесконечною судьбою человѣка, и смотрятъ ей прямо въ лице, ни на единый мигъ не смущаясь и не отклоняя взора предъ ней.

Конечно, все это не реальность; конечно, все это только мечта: но однакожъ мы эту мечту знаемъ, и чуть она, кѣмъ высказывается, какъ Пушкинымъ, какъ Тургеневымъ, мы ее тотчасъ же и узнаемъ, какъ самую правду, которою дышетъ вся наша дѣйствительность; ея смыслъ— намъ понятный смыслъ; не имъ ли мы судимъ и измѣ-

ряемъ все остальное? Не заключается ли онъ въ томъ, что намъ по сердцу лишь простая и нелукавая правда, что ее одну мы и утверждаемъ всѣмъ нашимъ смысломъ, всѣми нашими убѣжденіями, когда бываемъ сами съ собою; что мы не терпимъ никакого двусмыслія; что на нашъ задушевный взглядъ и самая смерть лучше всякаго водевиля. Это мечта, —но вѣдь она наша дѣйствительность; и жизнь тоже мечта, но безъ ней вѣдь нѣтъ никакой дѣйствительности И еслибъ эту мечту, эту дѣйствительность нашего утвержденія правды на перекоръ всему, можно было вырвать изъ нашего сердца, чтожь бы тогда въ насъ осталось; чѣмъ и изъ за чего бы намъ было жить тогда?

Эту мечту мы восприняли вмѣстѣ съ жизнью: мы ей безсознательно внимали въ дѣтствѣ своемъ, мы ее выслушали изъ всѣхъ сказаній, изъ всѣхъ преданій, изъ всѣхъ воспоминаній нашего прошедшаго; она въ нравахъ нашихъ, въ нашихъ рѣченіяхъ; самый языкъ нашъ простой, величавый, настежь открытый, — но вовсе не гибкій, не скользскій, и очень неподатливый къ изворотамъ, ею сложился. Потому что въ ней самая сущность нашей жизни, сущность, которая еще осталась за нами, какъ залогъ и ручательство всего нашего будущаго, какъ то, чего мы еще не досказали и не повѣдали міру, и что намъ предстоитъ еще сказать ему, когда пройдетъ наше невѣжество, когда изъ сыраго матерьяла нашей почти еще не початой, еле, еле только оболваненной реальности возникнетъ наша дѣйствительность, когда изъ за хмурыхъ тумановъ, глянетъ на насъ наше безоблачное, ясное небо.

Особенность и самобытность русской женщины именно въ томъ, что она знаетъ и всего душею исповѣдуетъ единственно только долгъ свой, и чрезъ это своимъ невозмутимымъ образомъ устанавливаетъ и утверждаетъ всѣ права наши и всѣ наши упованія въ будущемъ. Наши права, какія у насъ есть, и какія у насъ будутъ, даруетъ намъ женщина, тѣмъ именно, что она свято, неприкосновенно хранитъ сознаніе о своемъ долгѣ въ сердцѣ своемъ. Мы, мужчины, держимъ и несемъ въ себѣ тоже сознаніе, —

но только теоріей а всякая теорія зыбка и вертлява. Женщина же держитъ его своею жизнью, ея бесконечнымъ свидѣтельствомъ, ея бесконечнымъ утвержденіемъ и то, что она утверждаетъ изъ глубины существа своего, ея утвержденіе, никогда не посрамится: оно уже есть дѣйствительность, оно же и исполнится какъ вся дѣйствительность.

О томъ, что такое и въ чемъ долгъ ея, русская женщина знаетъ изстари, хотя по выраженію Софокла, ни ей и никому другому невѣдомо, откуда онъ ведетъ начало свое, и кто установилъ его. Она знаетъ о немъ не чрезъ людей, и не по людскому установленію, но только отъ Бога, отъ чистаго, безначальнаго и неисповѣдимаго источника и самой жизни и всѣхъ ея утвержденій.

Оттого въ томъ, что касается ея долга никто не указываетъ ей, и не можетъ указывать: она внимаетъ ему повсюда при всякомъ дыханіи, при всякомъ шелестѣ и шопотѣ жизни своимъ бесконечно чуткимъ вниманіемъ, и знаетъ его сама собою безъ всякихъ указаній. Въ другихъ отношеніяхъ и особенно въ наукахъ и теоріяхъ, ей можно и должно давать надлежащія указанія: но въ томъ, что она должна дѣлать, и въ чемъ долгъ ея, никто ей не указчикъ. Родникъ, изъ котораго истекаетъ вода, орошающая землю, не нуждается, чтобъ кто нибудь наливалъ въ него воду: онъ иными, невидимыми путями получаетъ ее изъ самаго океана, въ которомъ нѣтъ недостатка въ водѣ.

Въ сознаніи и въ исполненіи своего долга между своею совѣстью и Богомъ своимъ, женщина безусловно свободна и самобытна: и потому она никогда не торгуется тѣмъ, что есть долгъ ея, и, ни на іоту не поступаясь имъ ни въ жизни, ни въ смерти, вѣрна ему до послѣдняго дыханія своего.

Но именно потому, что русская женщина вовсе не склонна, забывая свой долгъ, поддаваться сладкимъ влеченіямъ сердца, потому, что ей противно спускаться по естественному склону его позывовъ и обольстительныхъ

обояній, потому, что она сторонится отъ всякихъ соблазновъ, и стоитъ недосягаемо высоко надъ развитыми Вѣрочками, новые люди набросились на нее, и, преслѣдуя своими сарказмами, обличеніями, критикою, никакъ не могутъ простить ей, зачѣмъ она не стоитъ на высотѣ современнаго развитія, согласно съ указаніями положительной науки, зачѣмъ она не молится на Вѣрочку, которая такъ естественно любитъ валяться на мягкой постелькѣ, и кушать густыя сливочки.

Имъ непонятно, имъ даже обидно, какъ могутъ, какъ смѣютъ эти ничтожныя кисейныя барышни, эта глупая, сентиментальная Татьяна Пушкина, и эта еще глупѣйшая Лиза Тургенева ставить свой холодный безсердечный долгъ выше реальныхъ, естественныхъ потребностей сердца, выше того, что «хотя законы осуждаютъ». Имъ сдается такъ ненаучно, что онѣ, всѣ до одной и въ одинъ голосъ, наперекоръ ихъ указаніямъ, до самаго конца предпочитаютъ простую, горькую трагедію своей дѣйствительной судьбы всѣмъ сладостно-обоятельнымъ водевилямъ, которыя могли бы доставить имъ очень реальныя и солидныя наслажденія.

Для Вѣрочекъ въ этомъ есть нѣчто оскорбительное: съ ихъ научной точки зрѣнія нѣтъ мѣры выше мѣры естественныхъ позывовъ и потребностей, а тутъ, вдругъ проявляется какой то неумолимый, какой то высокомѣрный аристократизмъ стоическаго пренебреженія къ естественности, къ слабостямъ, къ поблажкамъ и соблазнамъ! аристократизмъ, снисходительно допускающій всѣмъ другимъ всякое пошлое, и тривіально естественное содержаніе, но отмѣривающій и выдѣляющій для себя нѣчто особое, недоступно высокое и по преимуществу человѣческое. Какъ будто не всѣ люди равны, и не во всѣхъ таже кровь течетъ!

Стихійное основаніе, на которомъ зиждется дѣйствительность общества есть, разумѣется, естественность или самая природа: но естественность, лежащая въ основаніи общества, ни коимъ образомъ не есть и самая дѣйстви-

тельность его. Такъ акустика можетъ быть признана естественнымъ основаніемъ для музыки, но она не есть самая музыка; такъ оптика служитъ естественнымъ основаніемъ для живописи, но она не есть самая живопись; такъ пластичность мрамора или инаго матерьяла, есть естественное основаніе для скульптуры, но не самая скульптура; такъ строительный матерьялъ и его особыя свойства, его природа даютъ естественное основаніе для архитектуры, но еще не составляютъ самой архитектуры; такъ наконецъ языкъ есть естественное основаніе для поэзіи, но не только не есть самая поэзія, но очень часто проявляется великою грубостью.

На стихійномъ основаніи естественности дѣйствительность общества утверждается только безконечнымъ утвержденіемъ долга, который есть отрицаніе естественныхъ потребностей, отрицаніе силы вещей, и вытекающаго изъ нихъ насилія, — а вовсе не ихъ признаніе, и всего менѣе потворство имъ. Дѣйствительность общества, которою утверждаются неприкосновенность, права и свобода человѣка, устанавливается не во имя, а на перекоръ естественныхъ потребностей, наперекоръ реальности, которыми и права, и неприкосновенность и свобода человѣка только отрицаются.

Образованность возникаетъ тоже на почвѣ невѣжества; но невѣжество не есть образованность. И если утвержденіе образованности высказывается какъ отрицаніе невѣжества, то точно также и утвержденіе невѣжества всегда оказывается отрицаніемъ образованности.

Но при свѣтѣ абстрактной схемы обобщенія, которая на практикѣ является демократизмомъ, а въ теоріи такъ называемой научностью матерьянизма, позитивизма или и реализма,—новые люди не понимаютъ безконечнаго различія между дѣйствительностью человѣка, и между мнимою дѣйствительностью вещей или реальностью, и смѣшивая и ту и другую въ одну абстракцію, не смыслятъ, что сознаніе долга есть въ человѣкѣ его безконечное утвержденіе своей свободы на перекоръ всей реальности и ея насилія.

et si totus illabitur orbis
impavidum ferient ruinae,

Совершенно чуждые дѣйствительности общества, утверждаемой во имя долга, новые люди утверждаютъ иное: на почвѣ реальности вся ихъ твердость, въ силу ихъ ученія, въ полной зависимости отъ твердости или отъ постоянства вещей или естественныхъ потребностей, въ которыхъ нѣтъ ни твердости ни постоянства Вслѣдствіе чего они, очень понятно, пару прочно сточеныхъ сапогъ предпочитаютъ всякой поэмѣ хотя бы и рас-Пушкина, не только въ области поэзіи, но и въ самой жизни: сапоги дѣло реальное; въ нихъ можно весь міръ исходить: поэмы же только словотолченіе, которое ихъ вовсе не плѣняетъ. Объ этомъ нечего и спорить; въ реальности одному нравится одно, другому другое; вкусы бываютъ всякіе; бываютъ и очень дурные вкусы.

c) Женскій вопросъ въ публикѣ и въ литературѣ.

Подъ закономъ нужды, и подъ внушеніемъ долга проявляется вся дѣйствительность общества: и тотъ и другой образъ ея проявленія имѣютъ между собою то общаго, что, если первый обусловливается, то второй одушевляется все тою же необходимостью бытья. Дѣло нужды и дѣло долга стоятъ между собою въ томъ же отношеніи, въ какомъ произведеніе работника стоитъ къ творенію художника. Ни въ произведеніяхъ перваго, ни въ твореніяхъ втораго нѣтъ произвола, а только одна необходимость. Ни работникъ, стоящій подъ закономъ нужды. ни художникъ, одушевляемый вдохновеніемъ, не произвольничаютъ; и тотъ и другой только повинуются тому, что имъ внушается самою необходимостью.

Но женскій вопросъ, со всѣми его мотивами, ни мало не связанъ ни съ тѣмъ, ни съ другимъ изъ этихъ образовъ необходимости: онъ не исходитъ ни отъ неволи, подъ давленіемъ нужды; ни отъ свободы, возникающей отъ со-

знанія долга. Въ немъ нѣтъ ничего необходимаго: онъ есть продуктъ вольнаго измышленія, которое совершенно чуждо и вполнѣ непонятно, какъ по отношенію къ образу дѣйствительности, опредѣляемому внѣшнимъ разумомъ нужды, такъ и по отношенію къ ея другому образу, осмысленному внутреннимъ разумомъ, или смысломъ долга. Его одинаково не понимаютъ ни въ сферѣ, гдѣ понятна нужда; ни въ сферѣ, гдѣ понятенъ долгъ. А изъ сего очевидно слѣдуетъ, что женскій вопросъ, не входя въ самую жизнь общества, и не затрогивая его дѣйствительности, возникаетъ и держится не въ самомъ обществѣ, а только при немъ, въ той особой средѣ его, которая уже выйдя изъ подъ давленія нужды, еще не доросла до сознанія долга: и пребывая нѣкоторымъ межеумкомъ между силою первой и между смысломъ втораго, всего приличнѣе можетъ быть названа публикою.

Публика не есть самое общество; она не связана и не освобождена его дѣйствительностью; но она неизбѣжно бываетъ и при обществѣ, и при дѣйствительности, какъ ихъ неизбѣжное марево.

Общества, съ нѣкоторымъ общественнымъ развитіемъ, при которомъ уже сказалось основное различіе между сферою нужды и сферою долга, безъ своей публики не бываетъ. Она составляется въ немъ средою тѣхъ людей, которые уже выйдя изъ подъ закона нужды, тѣмъ самымъ отрѣшились отъ силы обязательствъ внѣшняго разума: но не дойдя еще до сознанія долга, пребываютъ потому вольными, и ни мало не связанными ни смысломъ, ни логикою внутренняго разума.

Не стѣсняясь разумомъ, ни въ томъ, ни въ другомъ образѣ его проявленія, они за то тѣмъ безотвѣтнѣе подпадаютъ и подчиняются такъ называемымъ духу современности, и вѣянью времени.

Публика не стоитъ на почвѣ необходимости. Вся необходимость, какая есть въ обществѣ, вполнѣ исчерпывается въ проявленіяхъ его дѣйствительной нужды, и въ утвержденіи его дѣйствительнаго долга: за тѣмъ для пуб-

лики, чтобъ ей стоять и держаться, остается только почва вольнаго, ничѣмъ не связаннаго измышленія. Самый образъ или фасонъ измышленія опредѣляется ни нуждою, ни долгомъ, но чистымъ произволомъ, и потому находится въ полной зависимости отъ всевозможныхъ вѣяній времени, отъ моды, отъ расположеній и склонностей, отъ такой или иной закваски индивидовъ. Поэтому публика, не имѣя въ себѣ ничего твердаго, ничего незыблемаго, вся живетъ и выражается не столько утвержденіями, сколько вопросами. Она вся въ вопросахъ, и все бытье ея постоянно въ вопросѣ. Такъ что не было бы ничего удивительнаго, если бъ возникли сомнѣніе и вопросъ: да, какая такая публика? да, есть ли вообще публика, которая, будучи помимо общества, есть между тѣмъ при обществѣ? Не пустая ли это выдумка?

Но, нѣтъ, публика не вполнѣ выдумка: она только измышленіе, стоящее на почвѣ измышленія; ея существованіе самое сомнительное, безъ всякой дѣйствительности; но не подлежитъ сомнѣнію, что она есть.

Въ дѣйствительной средѣ общества не о чемъ спрашивать. Въ ней все утверждено, и все твердо; а въ публикѣ утверждать нечего, и обо всемъ только вопрошается; все, что въ ней есть, есть такъ, какъ будто его вовсе нѣтъ; есть очень сомнительно.

Въ публикѣ очень естественно, даже, можно сказать, совсѣмъ необходимо, хотя въ ней нѣтъ никакой необходимости, возникаетъ между прочимъ и женскій вопросъ, о которомъ тоже можно выразиться, что онъ есть, что онъ безспорно существуетъ; кто жь не слыхалъ о немъ? Женщины серьезно занимаются самыми научными предметами, посѣщаютъ курсы, требуютъ признанія своихъ правъ; каждое слово Mlle Гюбертинъ въ Парижѣ глубоко отзывается и разносится какъ эхо въ нашихъ русскихъ палестинахъ. А между тѣмъ, не смотря на все это, тотчасъ же можно съ полнымъ правомъ спросить: да полно, такъ ли? да есть ли это? есть ли у насъ женскій вопросъ въ самомъ дѣлѣ? Что о немъ пишутъ и

толкуютъ въ литеретурѣ, такъ вѣдь это литература! Литература на то и есть, чтобъ писать и толковать о пустякахъ!

Въ публикѣ въ ходу тревожный, женскій вопросъ: а такъ какъ самое прямое выраженіе публики находится въ литературѣ, которая въ своемъ существованіи столь же сомнительна, какъ и самая публика, то и женскій вопросъ есть по существу своему не женскій, а скорѣе литературный вопросъ.

Между природою женщины и между основнымъ характеромъ публики и ея литературы, есть во всѣхъ отношеніяхъ полнѣйшая несовмѣстность.

Во первыхъ ни публика, ни литература безъ полной, безъ беззавѣтной гласности немыслимы; между тѣмъ какъ для женщины безстыжая гласность ненавистна; ей не свойственно быть на виду, на показъ; она любитъ какъ и сама природа, таиться и скрываться во всемъ бытьи и въ дѣлахъ своихъ. Площадное существованіе для ней невыносимо.

Во вторыхъ женщина живетъ только вѣрою, т. е. непосредственнымъ утвержденіемъ своего существа и того, что ей дорого. Для ней, гдѣ слово, тамъ и дѣло; къ критикѣ, или къ разсужденію, къ различенію слова отъ дѣла, она вполнѣ неспособна; потому что не умѣетъ сомнѣваться. Если она вѣритъ, то ужь вѣритъ вполнѣ; если не вѣритъ, то ужь вполнѣ не вѣритъ. Каждое воспринимаемое ею слово она принимаетъ вполнѣ серьезнымъ образомъ за самое дѣло; или, если не принимаетъ, то ужь не принимаетъ его вовсе, какъ будто его никогда и не бывало, какъ будто она и не слыхала о нёмъ. Всѣ мы, напримѣръ, слыхали за послѣднее время о великихъ успѣхахъ положительнаго знанія, о послѣднихъ выводахъ науки; въ публикѣ и въ литературѣ объ этомъ очень много толковалось и писалось съ большею назидательностью. Но и въ публикѣ и въ литературѣ, кто же въ самомъ дѣлѣ вѣритъ этимъ послѣднимъ выводамъ науки?

Разумѣется никто, какъ опять только однѣ женщины, да развѣ немногіе юноши, мыслящіе еще по женски.

Женщина по существу своему есть чистая вѣра, не разсужденный, не разсуждаемый простой фактъ, ничѣмъ непосредствованнаго бытья, и полнѣйшее отсутствіе критики. А публика и вся его литература на оборотъ только одна критика, и ничего болѣе; не прекращаемое различеніе себя самой отъ своей литературы; своего дѣла или своей жизни отъ своего выраженія мысли или слова. Она вся извѣрилась, и, во имя слова, не вѣритъ въ свою жизнь, въ свое дѣло; а во имя дѣла и жизни не вѣритъ въ свои слова, и остается вѣчною критикою.

Пробѣгая листки нашей обыденной литературы, и прислушиваясь къ ея обычнымъ толкамъ, къ ея назиданіямъ, къ ея внушеніямъ, къ ея возгласамъ отъ имени общества, нравственности, религіи, науки, или философіи, къ ея инсинуаціямъ, къ ея угрозамъ. къ ея ругани, къ ея полемикѣ per fas et nefas, къ ея восторгамъ, къ ея воззваніямъ то вверхъ, то внизъ, къ громамъ и молніямъ ея воспаленныхъ и воспаляющихъ рѣчей, по наивности, на первый разъ, можно, и Богъ вѣсть, какія страсти подумать! Но, поразмысливъ и вспомня, что все это только литература, что у ней отъ слова до дѣла безконечно далеко, что между ея словами и между ея дѣлами нѣтъ никакого необходимаго отношенія, тотчасъ же и успокоиваешься съ сознаніемъ, что это лишь такъ себѣ, что тутъ нѣтъ и тѣни серьезнаго или дѣйствительнаго, лишь одинъ фасонъ.

На литературныя рѣчи, гнѣвныя и милостивыя, коварныя и великодушныя, карающія и всепрощающія, восторженныя или мрачныя, дѣловыя или легкомысленныя есть всегда готовое, общеизвѣстное, отъ времени до времени подновляемое, старое лекало: вся литература заправляется имъ, въ родѣ того, какъ наряды дамъ заправляются модою. Извѣстный фасонъ на нѣкоторое время держится, носится, бываетъ въ большомъ ходу; потомъ изнашивается, потомъ сдается въ бракъ, убирается въ

гардеробъ, и какъ будто бы замѣняется новымъ, а на дѣлѣ остается все тотъ же старый, только для вида чѣмъ нибудь поновленный.

Литература, какъ и самая публика, что ни говорить, всегда говоритъ отъ имени общества: общество хочетъ или не хочетъ: общество ожидаетъ или не ожидаетъ: общество обсуждаетъ или рукоплещетъ. А дѣйствительное общество, совсѣмъ не вѣдая того, что говорятъ отъ его имени, и вовсе въ томъ не повинное, — исполняетъ въ этомъ случаѣ жалкую роль того болвана въ игрѣ, игрою котораго распоряжаются остальные партнеры, по своему усмотрѣнію. Берутъ изъ его игры какую имъ вздумается карту, ходятъ за него, и говорятъ, болванъ сыгралъ: а онъ, бѣдняга, противъ того, что они сдѣлаютъ даже и протестовать не можетъ

Принимать публику и литературу за выраженіе самаго общества, все равно, что принимать призракъ за самую дѣйствительность, фасонъ за сущность, — оборотъ рѣченія за самый смыслъ.

Какъ публика, такъ и литература ничѣмъ не связаны, и пребываютъ вольно, въ свое полное удовольствіе; имъ собственно нѣтъ дѣла, ни до того, что требуетъ нужда, ни до того, къ чему побуждаетъ долгъ; но потому-то именно имъ до всего дѣло, и они могутъ касаться всѣхъ дѣлъ безъ разбора. Все ихъ касается, все ихъ заботитъ и тревожитъ, ихъ подвижная среда въ постоянномъ волненіи: откуда бы то ни было, малѣйшее дуновеніе вѣтра уже разводитъ въ ней зыбь: но эта зыбь вся на поверхности и самой глубины бытья общественнаго вовсе не затрогиваетъ.

И сама публика съ ея литературою отлично знаютъ про себя, что во всѣхъ ихъ толкахъ и волненіяхъ, собственно говоря, нѣтъ никакого толка, и ровно ничего серьезнаго; или если и есть, то только толкъ публики, только литературная, конвенціональная серьезность, надъ которыми онѣ же сами первыя и смѣются, смѣясь съ

тѣмъ вмѣстѣ и надъ тѣми, кто столь простъ и наивенъ, что вѣритъ имъ.

Такимъ образомъ среда публики или, какъ выраженіе ея, среда литературы, есть по существу своему самая пустая и самая бездушная среда, процвѣтающая всего болѣе, когда обществу всего тяжелѣе жить. Въ ней нѣтъ никакого содержанія: — она есть именно то безсодержательное легкомысліе, которое, ликуя, возносится надъ безмолвною серьезностью, надъ понурымъ молчаніемъ тяжко удрученнаго общества.

И однако безъ публики, безъ литературы общество, какъ человѣкъ безъ слова, безъ рѣчи, было бы только глухимъ и нѣмымъ обществомъ; оно бы неминуемо задохлось и заглохло въ себѣ самомъ, и замерло въ безмолвной тяготѣ своей неотклонимой нужды, и въ столь же нерѣчивой серьезности своего непреклоннаго долга. При его незыблимой, основательной, тяжелой неподвижности, ему для его дыханія, какъ воздушная атмосфера для земли, необходимы и вся подвижность публики и все легкомысліе ея литературы; тяжелою землею дышать невозможно, а необходимъ легкій воздухъ.

И какъ это ни странно, но слѣдуетъ признать, что, хотя вся жизнь публики не болѣе какъ пустой призракъ, а всѣ рѣчи, толки и слова литературы не болѣе какъ фраза безъ содержанія, однако серьезное и дѣйствительное общество, если только оно вышло изъ стихійнаго состоянія дикости, не можетъ быть, не можетъ жить безъ такого призрака, безъ такой фразы. Этотъ призракъ, эта фраза составляютъ при обществѣ то, что называется его образованностью, что, будучи лишь его мнимою образованностью, есть между тѣмъ признакъ или неизбѣжный отблескъ, безъ котораго не бываетъ и не обходится и его дѣйствительная образованность.

По свѣденьямъ, которыя изъ области науки проникаютъ въ публику, въ животномъ организмѣ находятся два органа; серьезная, меланхолическая, исполненная желчью печень, и легкомысленная селезенка. Говорятъ

будто селезенку, со всѣмъ ея легкомыслiемъ, можно устранить изъ организма, не причинивъ ему чрезъ то видимаго вреда. Такимъ же образомъ нѣкоторыя смѣлые экспериментаторы въ другой сферѣ, при помощи административныхъ мѣръ и цензуры, нерѣдко устраняютъ изъ общественнаго организма и его публику и его литературу. Дѣлается это съ тою мыслью, что легкомыслiе представляется въ обществѣ какимъ то излишнимъ и даже вреднымъ придаткомъ, безъ котораго можно и обойтись, пробавляясь одною, невозмутимою серьезностью. Но полному успѣху такого рода смѣлыхъ экспериментовъ какъ то не вѣрится; и, не будучи физiологомъ, невольно думается, что, если нѣкоторые субъекты и выдерживаютъ ихъ, то навѣрное не иначе, какъ впадая въ безисходную и мрачную меланхолiю.

Пусть селезенка — чистое легкомыслiе въ организмѣ; пусть публика—пустой призракъ, а литература безсодержательная фраза въ обществѣ: но все же вѣрнѣе, не вырѣзывая и не трогая ихъ, оставить ихъ какъ онѣ есть: ужь если онѣ есть, то на основанiи невольной, естественной телеологiи, приходится думать, что какъ для животнаго, — такъ и для общественнаго организма и такое легкомыслiе, и такая призрачность, и такая фраза необходимы.

Женщинѣ вовсе не свойственно и всего менѣе удобно жить и пробавляться на основанiи фразы: и однако именно только на такой фразѣ возникаетъ,—и легкомыслiемъ держится вся сущность женскаго вопроса: по этому его и слѣдуетъ разсматривать на этой почвѣ, въ ея духѣ и въ ея смыслѣ,—т. е. на почвѣ литературной, и въ смыслѣ литературномъ.

Изъ сказаннаго выше, само собою слѣдуетъ, что на этой почвѣ, для того, чтобъ оставаться вѣрнымъ ея характеру, всякое разсмотрѣнiе должно отзываться ея собственнымъ легкомыслiемъ, такъ какъ строгая серьезность была бы на ней не у мѣста. На литературной почвѣ и

въ литературномъ смыслѣ женскій вопросъ является провозглашеніемъ попранныхъ женскихъ правъ, и вообще ареною соперничества, состязанія и спора между мужчинами о ихъ взаимныхъ притязаніяхъ и преимуществахъ. Милые ссорятся, только тѣшатся; и пускай бы ихъ ссорились и тѣшились; они сами между собой скорѣй разберутся; и въ ихъ ссоры никому бы не слѣдовало вмѣшиваться. Но въ ссорѣ своей они ужь слишкомъ забылись, и до того разошлись, что вкругъ нихъ пыль столбомъ стоитъ, и застилаетъ глаза другимъ, особенно юнымъ и новымъ людямъ, которые, глядя на нихъ, смущаются, впадаютъ въ соблазнъ, и не знаютъ, что и думать. Къ тому же въ этотъ споръ, суррогатомъ и въ замѣну недостающаго въ немъ элемента серьезности, внесенъ элементъ научности, чрезъ что и достоинство самой науки скомпрометировано и поколеблено. Къ наукѣ всего бы ближе и приличнѣе примѣнить формулу qu'elle regne, mais ne gouverne pas; но, когда спорящіе хватаются за нее и, вовлекая ее въ столь неприличное для ней состязаніе, за недостаткомъ собственной, прикрываются ея серьезностью, то такой пріемъ можетъ послужить поводомъ къ великому соблазну юныхъ, новыхъ и вообще незнающихъ людей, которые, очень понятно, принимаютъ, да и должны принимать образъ научности, за образъ самой серьезности: книжка и должна быть для нихъ самымъ серьезнымъ дѣломъ.

Для рѣшенія спора на аренѣ женскаго вопроса, такъ какъ онъ поставленъ внѣ общественной дѣйствительности, за исходный пунктъ, или за основаніе уже нельзя принимать ни одно изъ началъ, на которыхъ опирается самая дѣйствительность общества; нельзя имѣть въ виду ни общественную нужду, ни общественный долгъ; а необходимо съ общественныхъ основъ сойти и спуститься къ самому общему, еще до общественному и чисто естественному основанію всякаго существованія. Такое общее основаніе дается и опредѣляется тѣмъ, что разумѣютъ подъ именемъ Природа, и въ данномъ случаѣ заключается въ

физіологіи человѣка, которая, какъ извѣстно, находится въ вѣденіи общей науки естествознанія.

Такимъ образомъ женскій вопросъ, задуманный сначала въ сферахъ религіи, общей морали и юриспруденціи, преобразуется по немногу въ предметъ естествознанія и разрѣшается не столько на основаніи человѣческой психологіи, сколько на положительныхъ данныхъ зоологіи. И въ самомъ дѣлѣ, поборники женскаго вопроса и новые люди по части всего цикла, такъ называемыхъ гуманистическихъ наукъ, не особенно тверды и свѣдущи: за то тѣмъ богаче запасъ ихъ антропологическихъ, зоотомическихъ и физіологическихъ свѣденій; ихъ ученіе, не будучи ни самою физіологіей, ни философіей, могло бы быть съ полнымъ правомъ названо физіологическою философемою, или философскимъ тезисомъ на основаніяхъ физіологіи: чистые физіологи этого ученія не принимаютъ, отбиваясь отъ навязываемой имъ философіи; чистые философы то же не принимаютъ его, отказываясь отъ подсовываемаго имъ физіологическаго основанія: и все ученіе виситъ между своими двумя положеніями, какъ между небомъ и землею. Оно слишкомъ легко, чтобъ стоять на землѣ, и слишкомъ тяжело чтобъ вознестись въ небо. Новые люди и представители новой теоріи, придерживаясь послѣднихъ выводовъ и данныхъ науки, главнымъ образомъ опираются на данныхъ физіологіи, но, не довольствуясь тѣмъ, что въ этой сферѣ знанія подтверждается исторіей, опытомъ и наблюденіемъ, и пользуясь современною теоріей о трансформизмѣ, они смѣло ссылаются, еще и на тѣ предстоящія измѣненія, которыя, по ихъ мнѣнію, неминуемо должны совершиться въ будущемъ. Они полагаютъ, что женщина имѣетъ свою исторически опредѣленную характеристику, свою физіономію, только въ слѣдствіе того, что къ ней до сихъ поръ всегда относились съ предвзятою мыслію, и давали именно такой склонъ всему ея развитію; что, потому, она непремѣнно измѣнится, и станетъ совершенно иною въ физіономіи, въ характерѣ, и въ цѣлости ея основной природы, какъ скоро

съ ней начнутъ иначе обращаться, и дадутъ ея естественнымъ способностямъ и свойству иное направленіе.

Въ доказательство вѣрности такихъ ожиданій приводятся измѣнчивость и улучшаемость голубей, и другихъ породъ животныхъ, которыя человѣкъ при надлежащемъ уходѣ, при соотвѣтствующемъ подборѣ, доводитъ до небывалаго совершенства. Можно овцу, напримѣръ, такъ содержать и воспитывать, чтобъ у ней въ изобиліи выросла тонкаго качества шерсть, или же такъ, чтобъ она усовершенствовалась по отношенію къ нѣжности и къ жиру ея мяса.

Почемужъ бы нельзя было такимъ же образомъ воспитать и перевоспитать и женщину? вопрошаютъ новые люди; она также же животное, какъ и другія; въ ней нѣтъ ничего особеннаго.

Предполагаемое перевоспитаніе женщинъ весьма возможно; и они берутся предпринять и осуществить его на дѣлѣ.

Въ этихъ же видахъ нѣкоторые, изъ извѣстнѣйшихъ современныхъ соціологовъ уже обращаютъ вниманіе общества на неосмотрительность и безсистемность, съ которыми заключаются браки: мужчины и женщины, сходясь другъ съ другомъ для совмѣстнаго сожительства въ качествѣ мужа и жены, имѣютъ въ виду болѣе свои собственныя, личныя соображенія, нежели общую цѣль улучшенія самой породы людей. А между тѣмъ столь важное дѣло, съ его огромными послѣдствіями для будущихъ поколѣній, никакъ бы не слѣдовало предоставлять личному усмотрѣнію, и случайному произволу людей.

Его бы слѣдовало регулировать опредѣленными правилами во имя блага общества, и подчинить вѣденію науки. При нѣкоторой твердости, при надлежащемъ наблюденіи, и подъ научнымъ надзоромъ, дѣло это можно бы было вести инымъ порядкомъ; и, взявъ его въ свои руки, ученые соціологи безъ сомнѣнія довели бы людскую породу до небывалаго совершенства, во всякомъ указанномъ направленіи. Этому мѣшаютъ еще нѣкоторые старые, не-

научные предразсудки: но отмѣнить ихъ ничего не стоитъ; и тогда женщина до того преобразится, что явится сама на себя не похожею, и далеко не тою, какою когда то плѣнялись старыя поколѣнія: ею вовсе не будутъ плѣняться; мужчины не только не будутъ гоняться за нею, но напротивъ будутъ обѣгать и обходить ее на три версты разстоянія: а браки будутъ заключаться научнымъ порядкомъ, по приговорамъ академій, не ради грѣха смёртнаго, и соблазна сатанинскаго, а только ради улучшенія человѣческой породы, на основаніяхъ наилучшаго половаго подбора.

И такимъ образомъ наука достигла бы того, чего не могло достичь католическое духовенство со всѣми суровостями и дисциплиною монашества.

Но покуда этого еще нѣтъ: и какъ бы ни было велико стремленіе достигнуть желаемаго, о томъ, что еще будетъ, сказать заранѣе нельзя; какими именно окажутся женщины въ ожидаемой ихъ трансформаціи подъ научною манипуляціей ученыхъ. и что для нихъ потребуется, когда она сбудется, предвидѣть въ настоящемъ наврядъ ли возможно даже и ученѣйшему изъ соціологовъ.

Къ тому же, какъ бы ни были высоки и далеки ожиданія ученыхъ въ сферѣ возможныхъ трансформацій, все же ни послѣдніе выводы науки, ни предположенія, выводимыя на ихъ основаніи, ни въ какомъ случаѣ не могутъ переступать за предѣлы той канвы, которая подставляется имъ самою природою. Какими бы ни были женщины прежде, и какими бы онѣ не стали въ послѣдствіи, если только существованію человѣческой породы суждено продолжаться, ихъ отношенія, или пожалуй ихъ соперничество въ правахъ съ мужчинами, какъ опредѣлялись прежде, такъ будутъ и впредь опредѣляться ни чѣмъ инымъ, какъ только родовымъ стремленіемъ, или и всякому животному присущимъ инстинктомъ упрочить породу свою размноженіемъ членовъ ея. Въ силу этого общаго инстинкта, одушевляющаго каждую отдѣльную особь, и человѣческій родъ тоже не оскудѣваетъ, но, какъ сказано,

плодится и множится. Родовой инстинктъ въ цѣлости всего рода есть залогъ и палладіумъ его дальнѣйшаго существованія, и его будущаго развитія: будетъ только то, что въ немъ заложено; все же, что отъ него уклоняется, хотя бы и во имя науки, не имѣетъ ни малѣйшаго шанса расчитывать на преуспѣяніе въ будущемъ.

Въ природѣ мужчинъ силою родоваго начала заложено неискоренимое стремленіе домогаться обладанія женщиной и его стремленію, успѣху его домогательства, способствуетъ его сила. Тѣмъ же началомъ, въ природѣ женщины заложено столь же неискоренимое желаніе нравиться, чему ей способствуетъ ея красота.

И мужчина и женщина своими способами и своими средствами, овладѣвая силою или плѣняя красотою, домогаются осуществленія своихъ желаній и тѣмъ самымъ стремятся къ осуществленію общей, родовой цѣли, присущей всему человѣческому роду. И это стремленіе и его данное направленіе едва ли возможно отклонить въ сторону или извратить какимъ бы то ни было образомъ.

Кому извѣстно значеніе нужды, и кто не чуждается смысла долга, кто признаетъ необходимость въ мірѣ, тотъ конечно прибавитъ: да, едвали и желательно.

Въ силу родоваго начала, и его неизмѣннаго, роковаго стремленія, мужчины вѣчно злоумышляютъ противъ женщинъ, и овладѣваютъ ими или силою, или хитростью, или лестью и обманомъ. Въ силу того же начала, и того же стремленія женщины вѣчно поддаются мужчинамъ, сами прельщаютъ и увлекаютъ ихъ, и не успокаиваются до тѣхъ поръ, пока не бываютъ ими обмануты. Изъ ихъ обоюднаго стремленія, изъ ихъ никогда не дремлющей страсти къ жизни, изъ сочетанія всѣхъ ихъ силъ и всѣхъ ихъ слабостей возникаютъ постепенно и всѣ обычаи и всѣ права, и всѣ образы отношеній въ существующемъ общественномъ установленіи. Новые люди, вѣдаясь болѣе съ теоріями, чѣмъ съ самою природою, очень часто полагаютъ, что законы природы отмѣняются столь же легко,

какъ положенія ошибочной теоріи; что какъ послѣдняя, такъ и первая подлежатъ исправленію.

Въ самомъ началѣ, пока общество еще не вполнѣ сложилось, и не установилась его властность, въ отношеніяхъ между мужчинами и женщинами безъ всякихъ прикрасъ и смягченій преобладала одна грубая сила. Въ послѣдствіи, съ установленіемъ общества, оно своею властностью сперва только смягчило грубую силу и дикость ея; потомъ укротило, и постепенно устраняя ея господство, по немногу взвѣшивало и выравнивало между собою съ одной стороны значеніе дикой силы мужчинъ, съ другой значеніе естественной слабости женщинъ.

При посредствѣ наростающей образованности, грубая сила мужчинъ обращалась въ возмутительную, въ недостойную слабость; и на оборотъ, естественная слабость женщинъ, облекаясь образомъ благообразія и приличія, обращалась въ ихъ плѣнительную, общественную силу.

Конечно такимъ изворотомъ общества, природа не давалась въ обманъ, и достигала при немъ и чрезъ него еще съ большимъ успѣхомъ своего общаго и родоваго предначертанія. Только необузданные, какъ и прежде мужчины, стали изворотливѣе, ловче, обходительнѣе; только слабыя, какъ и прежде, женщины, въ сознаніи своей слабости, стали достойнѣе всякаго искательства, и еще плѣнительнѣе поддавались ухищреніямъ мужчинъ.

За предпослѣднее время, общество, упорно преслѣдуя свою общественную цѣль сломить грубую силу, и вполнѣ освободить женщину отъ узъ естественности, отъ всякаго посягательства на ея самобытность, отъ дикости и отъ безобразія не только явного насилія, но и отъ всякаго тайнаго помышленія на ея человѣческое достоинство, облекло ее всею властностью общественнаго значенія, и, какъ на чело всѣми признанной царицы, возложило на ея чело весь ореолъ своего неприкосновеннаго величія: гдѣ бы она ни появлялась, съ нею вмѣстѣ, въ ея лицѣ присутствовало и все общество; кто ее оскорблялъ, тотъ оскорблялъ въ ней самое общество; ея присутствіемъ,

какъ присутствіемъ всего общества, все оправдывалось, самое зло искупалось и прощалось. Ею все освящалось; предъ нею все разступалось, ей вездѣ и во всемъ уступали и первый шагъ и первое мѣсто. Въ обществѣ и обществомъ она была вознесена на высокій пьедесталъ, и лучшіе люди въ обществѣ искали какъ чести, служить подножіемъ пьедестала, съ котораго она отъ всѣхъ принимала какъ должное воздаваемыя ей честь и поклоненіе.

Но разумѣется и при этомъ, какъ и прежде, природа не измѣнила закона своего, и не только не утратила ни іоты изъ своихъ древнихъ правъ, но какъ будто установила ихъ еще прочнѣе при новыхъ обстоятельствахъ. Ни на волосъ не отступаясь отъ своей общей цѣли размноженія рода человѣческаго, она стала достигать оной еще съ большимъ успѣхомъ и болѣе изысканнымъ образомъ. Коварные, злоумышляющіе мужчины оказывались еще коварнѣе, но и гораздо изысканнѣе въ своихъ фасонахъ и манерахъ; они отыскивали болѣе льстивые тоны, болѣе сладкія рѣчи,—и научались обманывать несравненно слаще прежняго. Съ другой стороны и женщины равнымъ образомъ возвели слабость свою на высшую степень силы и обоятельной прелести. Не довольствуясь красотою, онѣ къ тому же воспользовались и умомъ своимъ, и, сводя всѣхъ съ ума, обворожительно пользуясь своими общественными дамскими правами и привиллегіями, содѣйствовали въ широкомъ размѣрѣ развитію дѣйствительнаго ума, пониманію людей, вещей и жизни, и истинному, чуткому такту сужденія въ верхахъ общества. Ихъ женственнымъ вліяніемъ всѣ поумнѣли, всѣ какъ будто отрѣшились отъ докучливыхъ и печальныхъ путъ, какъ естественнаго натурализма, которымъ обусловливалось рабство женщинъ, такъ и отъ схолистическаго догматизма, которымъ обусловливался педантизмъ мужчинъ; всѣмъ стало легко жить, наступилъ лѣтній праздникъ жизни и мысли, каникулы школьниковъ—сначала лишь съ легкимъ опьяненіемъ на радостяхъ, что они вышли изъ подъ ферулы старого, вѣчно недовольнаго дядьки. Надъ нимъ и надъ его стра-

хами, предостереженіями и неумолкаемою воркотнею весело смѣялись, шутили, острили, при рукоплесканіи женщинъ. Педанты принуждены были смириться предъ превосходствомъ ихъ живаго, женскаго ума, и, открещиваясь отъ своего тяжелаго, нечеловѣческаго педантизма, признать безспорныя права самой жизни и ея здраваго смысла. Женщина царила въ обществѣ своимъ никогда не оскудѣвающимъ, вѣчно живымъ и женскимъ смысломъ. Предъ ея яснымъ взоромъ, предъ ея лукавою улыбкой, хмурый педантизмъ, заслонявшій собою всю жизнь и всю радость жизни, отступалъ и скрывался въ темныхъ углахъ и захолустьяхъ. Все оглашалось смѣхомъ, — смѣхомъ женской мысли, женскаго ума, женской жизни. Праздникъ торжествующей женщины сверкнулъ въ обществѣ лучемъ солнца; и свѣтомъ его радостно озарились и хижины, и нищета, и пропасти и болота, и невѣжество и развратъ, и всякія бѣды общественныя: все смѣялось и радовалось; все оглашалось смѣхомъ. Женскимъ умомъ и женскимъ смысломъ отзывается и смѣхъ Вольтера, этого всемірнаго представителя ума и здраваго смысла, этого Геркулеса новаго времени, вторично очищающаго міръ отъ разбойниковъ, отъ лернійскихъ львовъ, отъ ядовитой гидры, отъ нечистотъ Авгіевой конюшни. Въ его спасительномъ голосѣ, въ его заразительномъ смѣхѣ постоянно слышится живой умъ, живой голосъ, и неистощимое остроуміе прелестной и ученой маркизы. И разумѣется, не безъ ея вліянія, новый геркулесъ, исполненный жалости и милосердія къ людямъ, является и величайшимъ борцемъ за правду, и величайшимъ филантропомъ въ мірѣ Въ немъ и чрезъ него силы женщины, ея милосердіе, ея жалость, ея милость ко всему живому, ея ненависть ко всему мертвящему, ея вольнолюбивость оказались всемогущими въ обществѣ: своимъ смѣхомъ и своею милостью, повсюда признающею право жизни, женщины разбивали оковы его,— и міръ, повергнутый у ихъ ногъ, пробуждался къ сознанію своей свободы.

Но тѣмъ не менѣе и при всемъ умѣ своемъ, и въ

праздникъ своего торжества и преобладанія въ мірѣ, и на самомъ верху своего значенія и своей власти, своего величія, своего блеска, своихъ преимуществъ и правъ,— прелестныя дамы по прежнему или еще больше чѣмъ прежде плакались на вѣроломство коварныхъ мужчинъ: противъ ихъ льстиваго коварства, онѣ никакъ не могли оставаться жестокими и устоять на высотѣ своего положенія. Самая высота, на которую онѣ были вознесены обществомъ, казалось, служила имъ лишь для того, чтобы, сходя съ нея и поддаваясь коварству гнуснаго обмана, придать ею тѣмъ большую цѣну, той сладкой жертвѣ, которую онѣ, обреченныя, убранныя привиллегіями, правами, прелестью, фасонами, цвѣтами, кружевами, шелкомъ, бархатомъ, фижмами и робронами, приносили всесильной любви. Чѣмъ выше онѣ стояли, чѣмъ онѣ были недоступнѣе и недосягаемѣе, тѣмъ сильнѣе томились онѣ жаждою стать жертвами, и быть вѣроломно обманутыми.— Имъ думалось, къ чему и вся жизнь ихъ, если не для того, чтобъ отдать ее и не пожертвовать ею; и праву своему быть жестокими, онѣ всегда предпочитали свое призваніе быть милостивыми.

За тоже и былъ точно праздникъ: какъ въ лѣтнюю пору не успѣваешъ ни сосчитать, ни обозрѣть всѣ цвѣты несчетно другъ за другомъ порождаемые землею, и нежданно появляющіеся изъ за каждаго уголка въ садахъ, въ поляхъ, въ рощахъ, такъ въ эту солнечную пору высшаго общества совершенно теряешся въ генеалогическихъ счетахъ и догадкахъ, и недоумѣваешь, откуда берутся, когда успѣваютъ нарождаться эти полчища юныхъ маркизовъ, интересныхъ шевалье, и беспокойныхъ азарниковъ аббатовъ, которые, не смотря на многочисленность безбрачнаго духовенства, и всякаго рода монашествующихъ орденовъ, такъ и кишатъ во всѣхъ углахъ общества, и пополняютъ собою и безъ того уже черезъ край полную чашу общественной жизни.

Возведя женщину на невиданную высоту, гдѣ, казалось, на нее можно было только молиться, общество имѣло

въ виду изъять ее изъ подъ неволи естественныхъ потребностей, чтобъ, вытѣснивъ фатальность натурализма, въ которомъ она, въ силу радоваго начала, подпадаетъ подъ власть мужчинъ и ихъ грубыхъ инстинктовъ, замѣнить его полноправностью и свободою общественнаго строя, въ которомъ ужь не мужчина, ужъ не инстинктъ властвуютъ надъ нею, но она сама царитъ надъ мужчинами и ихъ инстинктами своимъ умомъ, тактомъ и смысломъ. Но лукавая природа въ обманъ не далась, и оттѣснить инстинктъ на задній планъ не позволила; и, приноровляясь ко времени, къ его нравамъ и обычаямъ, только измѣнила пріемы свои, и достигала цѣли своей въ изысканной средѣ маркизовъ, аббатовъ и разныхъ шевалье между принцессами, дюшессами, маркизами, контессами и виконтессами, съ большею вѣрностью и съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ когда либо прежде въ варварской средѣ неотесанныхъ и грубыхъ дикарей.

Послѣ революціонной бури, которою закончилось лѣто, и оборвался солнечный праздникъ высшаго европейскаго общества, для него настали, въ ожиданіи полной зимы, сумрачные, осенніе дни. Женское вліяніе дамъ какъ-то утратилось; было не до нихъ тогда: блестящіе кавалеры или устарѣли, или и совсѣмъ исчезли; вмѣсто непрерывнаго праздника, наступили нескончаемыя дѣла. Горькая нужда, если и не устраненная, но было уже оттѣсненная на время внизъ, — въ родѣ того, какъ на время бала изъ салоновъ удаляется вся стѣсняющая мебель, вновь поднялась изъ нижнихъ слоевъ въ верхній, съ заявленіемъ тѣхъ черствыхъ требованій, о которыя ломится всякая свобода жизни и движенія.

Какъ въ ненастный день все нахмурилось, все потускнѣло; слова, конечно, остались прежнія; но самый смыслъ и жизнь, одушевлявшіе ихъ, — выдохлись, и молча, безъ словъ обратились въ другую сторону: наступилъ XIX положительный, дѣловой вѣкъ, и съ нимъ настала эпоха такъ называемаго разочарованія. Всѣ умы, всѣ лиры пе-

рестроились на иной ладъ. Всѣ значенія измѣнились, но знаки оставались еще все тѣ же.

Женщины недоумѣвали; онѣ соскучились своимъ положеніемъ, и въ глубоко измѣненной средѣ, воспитанныя въ нѣгѣ и въ холѣ, совершенно перестали понимать, зачѣмъ онѣ пребываютъ на своемъ возвышенномъ пьедесталѣ. Старое общество, дававшее всему смыслъ, само какъ-то отступило на задній планъ, и его мѣсто заняла многоголосая публика. Со всѣхъ сторонъ заслышались толки и голоса, говорившіе уже не во имя нужды дѣйствительнаго общества, и не во имя дѣйствительнаго, общественнаго долга, которымъ оправдывались всѣ образы его реальнаго существованія, а только во имя естественныхъ потребностей природы, которая есть одинаково одна и та же природа, какъ для человѣка, такъ и для животныхъ.

Элементы животности никогда не пропадали въ обществѣ; они и прежде и всегда проявлялись въ немъ съ большею или съ меньшею силою. Но разность была въ томъ, что въ старомъ обществѣ господствовало ученіе, что ихъ слѣдуетъ оттѣснять изъ среды общественной, какъ возможно далѣе, назадъ и внизъ. Ихъ и оттѣсняли, какъ могли и какъ умѣли. Отъ нихъ и избавлялись средствами и пріемами, какіе находили лучшими; съ этой цѣлью прибѣгали то къ стоицизму долга, то къ аскетизму монашества, то къ рыцарству, то къ утонченной изысканности нравовъ, то къ чувствительности и къ добродѣтели Животность конечно не пропадала; но за нею не признавалось права бытья.

Въ наступившемъ, новомъ обществѣ совершенно на оборотъ: животность, на сколько человѣку возможно жить безъ ней, немного что не пропала; бѣшеные порывы ея страстей и побужденій укрощены и доведены почти до нуля. На за то право ея бытья не отрицается какъ прежде, но признается въ полной мѣрѣ. Въ новомъ, или лучше въ обновленномъ обществѣ, возникло и стало преобладающимъ ученіе о неотъемлемыхъ, и никакимъ пра-

вомъ давности неотмѣняемыхъ правахъ животнаго въ самомъ обществѣ.

Прежде общество преображало природу своимъ общественнымъ смысломъ; теперь же природа вновь возвращаетъ весь смыслъ общества къ естественнымъ законамъ и потребностямъ: и вмѣсто философіи, этики и эстетики въ умахъ господствуютъ указанія и назиданія изъ зоологіи, антропологіи, физіологіи и политической экономіи.

Такое направленіе сообщило всему циклу естественныхъ наукъ чрезвычайный толчекъ, и изученіе природы во всѣхъ образахъ ея проявленія, получивъ за послѣднее время небывалое развитіе, вызывало удивленіе своими блестящими успѣхами. Предъ этимъ неожиданнымъ блескомъ всей области естествовѣденія даже и блескъ самой математики, плѣнявшей предъ тѣмъ всѣ серьезные умы своею неподражаемою точностью, долженъ былъ нѣсколько померкнуть: слава математиковъ должна была отступить на задній планъ предъ юною славою экономистовъ, физиковъ, химиковъ и особенно біологовъ.

Все абстрактное, все формальное, все, гдѣ царствовало слово, занимавшее столь важное мѣсто въ прежнихъ умахъ, должно было отодвинуться и стушеваться предъ конкретнымъ, передъ содержательнымъ, предъ реальнымъ, предъ тѣмъ, что являлось дѣломъ: и новые умы, оставляя всѣ слова безъ вниманія, во всемъ и вездѣ хватаются только за самое дѣло.

Философія, мораль, ученіе о долгѣ оказались сами по себѣ лишь словами, лишь пустою формою, лишенною всякаго реальнаго содержанія, и новые люди, отбрасывая въ сторону всякія формы, отказываясь отъ пустаго переливанія воды изъ пустаго въ порожнее, отъ всѣхъ толковъ на счетъ вообще, накинулись съ особымъ пыломъ и съ большею ревностью на прямое, непосредственное содержаніе того, что есть. Неутомимый анализъ всего сущаго сталъ допытываться до послѣднихъ атомовъ бытія, чтобъ охватить самую реальность ея содержанія безъ всякой формы.

Но попытка схватить, откинувъ форму, одно чистое

содержаніе, совершенно подобно попыткѣ зачерпнуть воду, не имѣя на то никакого сосуда, ни даже простой, естественной пригоршни, каковою, въ сферѣ познаванія, служитъ всякое единичное ощущеніе

Если форма безъ содержанія пуста, то и на оборотъ никакое содержаніе безъ формы не черпается, не берется, не схватывается, но все безслѣдно ускользаетъ, разсѣевается, и разсыпается въ неуловимый прахъ. И чѣмъ обширнѣе содержаніе, которое предстоитъ охватить и поднять, тѣмъ шире должна быть и форма, которою оно охватывается и поднимается.

Содержаніе міра совершенно непонятно безъ философской формы пониманія; жизненное содержаніе общества, не смотря на всѣ ухищренія новѣйшихъ соціологовъ, совершенно неуловимо безъ сознанія, безъ опредѣленной формулы долга; какъ его ни сдерживать реальностями физики, химіи, біологіи, и даже политической экономіи, но безъ сознанія долга, оно все и безъ остатка разсыпается въ какую-то безимянную пыль, въ какой-то прахъ и песокъ безпредѣльнаго атомизма и жизни и мысли.

Изъ всего, что есть въ физическомъ содержаніи міра, то, что называется въ немъ атомомъ, есть не только самое непонятное, но непонятное безусловно, или самый принципъ всего непонятнаго. И между тѣмъ ученые люди и современные мыслители пытаются понять и міръ и общество именно въ смыслѣ этой безусловной непонятности! Это очень удивительно, и въ самомъ дѣлѣ совершенно не понятно.

Не имѣя, въ рукахъ какого нибудь сосуда, не только море безпредѣльное, но и самую жалкую лужу исчерпать невозможно. Но, склоняясь предъ господствующимъ направленіемъ, какъ деревья подъ дуновеніемъ вѣтра, мы, новые люди и современники, словно забыли о столь элементарной истинѣ, и, пренебрегая формами, пытаемся овладѣть однимъ содержаніемъ, его чистѣйшею реальностью.

Не вслѣдствіе логики, но вслѣдствіе безусловнаго отсутствія логики, — мы безъ всякихъ колебаній, безусловно вѣримъ, что такая реальность и есть дѣйствительность: и въ силу такой вѣры, приходя въ театръ, гдѣ дается драма Шекспира, для того, чтобъ лучше уразумѣть ея реальное содержаніе, отправляемся смотрѣть ее за кулисы: и собственными глазами, внимательно наблюдаемъ, какъ актеры и актрисы одѣваются, гримируются; прислушиваемся, какъ они по настоящему называются, какъ они говорятъ и двигаются на самомъ дѣлѣ, а не на сценѣ; присматриваемся ко всѣмъ подробностямъ и къ устройству закулиснаго освѣщенія, машинъ, уборныхъ; и усвоивъ себѣ все реальное содержаніе даваемой драмы, вполнѣ убѣждены, что мы въ ея реальности постигли и дѣйствительный смыслъ ея.

Такъ точно и современная наука раскрываетъ предъ нами все закулисное, все реальное содержаніе міра и общества; и мы, современная публика, вполнѣ овладѣваемъ имъ подъ именемъ и въ формѣ такъ называемыхъ послѣднихъ выводовъ науки. Это, разумѣется, опять же нѣкоторая форма; такъ какъ обойтись безъ ней вполнѣ, — въ концѣ концовъ оказывается все же невозможнымъ. Но это самая абстрактная, самая жалкая и самая щадная форма: она ничего и никого не связываетъ; и подъ нею всякому предоставляется связывать и подразумѣвать все, что ему и какъ ему угодно.

И этою же жалкою и щадною формою, этою же абстрактною неопредѣленностью такъ называемыхъ послѣднихъ выводовъ науки предоставляется, по новой теоріи жизни, жить и питаться и современной женщинѣ! И хотя всѣмъ намъ извѣстно, что науки юношей питаютъ, отраду въ старости даютъ, — но, соображая самую природу женщины, съ тѣмъ, что ей предлагается, невольно думается: ей никакъ не прожить, она непремѣнно отощаетъ и помретъ при столь скудной и малопитательной пищѣ!

Потому что питанье закулисными тайнами и махина-

ціями или реальностью, а не самою дѣйствительностью жизни, должно полагать, окажется на дѣлѣ вполнѣ призрачнымъ, — и даже и для женскаго легкомыслія уже черезъ чуръ легкимъ.

Однако женщины легко увлекаются; хотя онѣ консервативны по существу своему, но все новое манитъ ихъ; легко поддаваясь увлеченію, онѣ еще легче забываютъ о существенномъ, и на вѣру всякое слово принимаютъ за дѣло При нихъ не слѣдовало бы говорить ничего лишняго, ничего сомнительнаго.

Случалось нерѣдко, что дѣти, выслушавъ разсказы о томъ, какъ Робинзонъ проживалъ на пустынномъ, прекрасномъ островѣ, увлекались разсказомъ, и принимая его всѣмъ сердцемъ за истину, пытались сбѣжать на такой же островъ, чтобъ устроиться на немъ Робинзонами; и въ самомъ дѣлѣ сбѣгали, и въ продолженіи длиннаго дня до наступленія ночи, все пробавлялись пряничками, орѣшками, кусочками, какіе нашлись у нихъ съ собою въ карманахъ. Когда возникнулъ женскій вопросъ, такимъ же образомъ и многія изъ женщинъ, чуть о немъ заслышавъ, ни на мигъ не усумнились, и не подумали, что все это лишь литература, но напротивъ съ разу увѣровали всѣмъ существомъ своимъ, и тоже пытаются сбѣжать изъ общества въ какую нибудь непроходимую трущобу, о которой имъ повѣдали новые люди, съ надеждою и съ пламеннымъ желаніемъ устроиться въ ней по новому, по литературному, и проживать тѣми кусочками изъ науки, какіе онѣ захватили съ собою.

Надуманныя, абстрактныя теоріи, какъ пустыя хоромины: природа, подъ вліяніемъ своего строгаго, нынѣ отвергаемаго отвращенія къ пустому, horror vacui, — никакой пустоты не терпитъ; и будь то пустыя теоріи, будь то пустыя хоромины, она тотчасъ наполняетъ ихъ пустоту своимъ естественнымъ содержаніемъ; вслѣдствіе чего въ мірѣ теорій, очень нерѣдко оказываются самыя странныя, и совершенно неожиданныя извращенія.

Въ старину, на томъ пьедесталѣ, на который обще-

ство вознесло женщинъ, предварительно отстранивъ отъ нихъ все естественное, онѣ, пребывая въ искуственной средѣ, были недосягаемы и недоступны, какъ звѣзды небесныя; всякій могъ любоваться ими, или поклоняться имъ издали; но тронуть ихъ, къ нимъ прикоснуться, никто не имѣлъ ни власти, ни силы, ни права. И не смотря на то, коварные мужчины, все же отыскали приличные пріемы и способы, доставлявшіе имъ доступъ къ нимъ. Среда, въ которую они проникали была искуственна до крайности; и чѣмъ рѣшительнѣе исключалось изъ нея все естественное, тѣмъ свободнѣе открывался доступъ къ ней всему искуственному; они же были вполнѣ искуственные люди, ходили въ парикахъ и носили корсеты, — и не зная за собою грѣха естественности, легко проникали въ самое святое святыхъ общества, гдѣ жили неприступныя дамы. Окружая ихъ чествованіемъ и поклоненіемъ, недопуская, чтобъ онѣ спускались съ пьедестала въ толпу, пользуясь ихъ женскою наивностью и склонностью къ обману, негодные мужчины стараго времени, закуривали ихъ фиміамомъ лести, задабривали сладостями чувства, и дурачили до тѣхъ поръ, пока отуманенныя дамы ужь были не въ силахъ устоять на пьедесталѣ, и падая съ него, упадали прямо въ ихъ предательскія объятія.

Однако для успѣха даже такого предательства все же требовалось привиллегія званія, положенія, воспитанія, ума, страсти, знанія приличій, манеръ и фасоновъ; — но это все общественныя качества и отличія, которыя не у всѣхъ бываютъ; они даются не даромъ природы, а только долгою школою искуственнаго, общественнаго образованія, при которомъ природа и вся ея естественность, какъ нѣкоторая грубость, отстраняются далеко на задній дворъ.

Между тѣмъ въ новое время, при всеобщей популяризаціи и вульгаризаціи всей образованности, образовалась огромная публика: въ нее отвсюда прихлынуло великое множество новыхъ людей, не безъ граммотности,

и даже не безъ научности, но чуждыхъ всѣмъ пріемамъ, всѣхъ фасонамъ, всѣмъ приличіямъ, всякимъ тонкостямъ и деликатностямъ дамскаго обращенія И какъ въ старину, варвары разныхъ странъ добивались съ почвы juris gentium, пріобрѣсть и jus civile, такъ теперь эти пришельцы на основаніи своего натурализма, своихъ естественныхъ правъ и потребности, во имя общей научности, не вѣдающей въ людской породѣ ни классовъ, ни подраздѣленій, ни различій, ни исключительныхъ сферъ, заявили о своемъ естественномъ стремленіи и притязаніи быть признанными и въ той исключительной, искуственной сферѣ общества.

Прежде въ обществѣ были тонкія, искуственныя и очень нерѣдко совершенно условныя черты, которыми люди общества отдѣлялись отъ людей не общества. Кто эти черты признавалъ и отличалъ, тотъ и отличался и былъ признаваемъ обществомъ; тотъ же, кто ихъ не умѣлъ отличать, и не признавалъ, кто вовсе не связывался этими паутинными нитями общественныхъ тонкостей, и не замѣчая, проходилъ мимо и обрывалъ ихъ, того общество не признавало, не отличало, но смѣшивало со всею толпою, стоявшею за предѣлами его. Такъ и въ области искуствъ, чтобъ быть въ ней какъ дома, его знатоками и цѣнителями, требовалось умѣніе отличать въ его произведеніяхъ ихъ тонкія черты, которыя равнымъ образомъ довольно искуственны и нерѣдко совершенно условны, конвенціональны: напр. стихи, ихъ размѣръ, ихъ рифмы, все это вовсе не естественность, а чистѣйшая конвенціональность. А по тому въ старину, какъ въ область искуства, такъ и въ среду общества не всякій лезъ, не всякій проникалъ, и не всякій допускался. Требовалось для того имѣть очень образованное, чуткое и тонкое сужденіе: но далеко не всѣ могли судить такимъ образомъ, и само общество чутко различало тѣхъ, кто могъ такъ судить, отъ тѣхъ, кто такъ судить не могъ. Такое различеніе выражалось въ его представленіи о порядочности, о деликатности, объ образованности,

о тактѣ, о тонкости, и прочихъ качествахъ, которыя приобрѣтаются очень медленнымъ путемъ, воспитаніемъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, и долгою жизенью въ сферѣ общественнаго juris civilis, а вовсе не по праву рожденія на общемъ естественномъ основаніи juris gentium.

Но всѣ эти частности, всѣ эти особенности, всѣ эти тонкости съ ихъ въ тайнѣ, очень ревниво охраняемыми формулами, вслѣдствіе великаго процесса обобщенія смѣшались, перепутались и утратили свое отличающее значеніе: порядочность, тактъ, образованность смѣшались съ одной стороны съ представленіями о богатствѣ, состоятельности или о достаточности средствъ къ жизни; съ другой—съ тѣмъ, что имѣетъ обликъ образованности, съ граммотностью и научностью Кто можетъ держать свой экипажъ, и жить, не прибѣгая къ помощи ближнихъ, кто знаетъ о химіи, о физикѣ, о біологіи, кто говоритъ о предметахъ политической экономіи, о законахъ, о нравахъ, о политикѣ, кто читаетъ, не говоря ужь о томъ, кто и пишетъ статьи или книги о трудѣ, о капиталѣ, о соціологіи, тотъ тѣмъ самымъ уже обладаетъ всѣми атрибутами современной порядочности Чрезъ великое современное обобщеніе всѣ прежнія различія нынѣ являются или въ опредѣленіи имущественности или же въ опредѣленіи научности. Имущественность и научность представляютъ собою два полярныя типа, подъ которыми всего удобнѣе схватывается все содержаніе современной реальности. Опредѣляя общія качества человѣка, у насъ въ шутку объясняютъ, что онъ чернилъ не пьетъ, сала не ѣстъ, на заслонъ не молится, рогожей не утирается, стало быть, умный человѣкъ. Такимъ же образомъ и въ современной образованности,—о всякомъ человѣкѣ при нѣкоторыхъ средствахъ къ существованію, при нѣкоторой научности, т. е. при нѣкоторомъ школьномъ образованіи, если при томъ онъ не лишенъ ни слуха ни зрѣнія, полагается, что онъ можетъ обо всемъ, что онъ видитъ и слышитъ, имѣть и правильное сужденіе. Прежде, чтобъ имѣть право свое сужденіе имѣть, требовалось и лѣта

имѣть, и быть по крайней мѣрѣ генераломъ: потому что даже и полковники все еще отличались только легкомыслiемъ, а настоящей солидности сужденiя еще не имѣли. Теперь времена Молчалиныхъ миновали; теперь всякiй, при нѣкоторой научности или при возможности жить своимъ трудомъ и своими средствами, можетъ имѣть свое сужденiе обо всемъ, что угодно, на реальной подкладкѣ своихъ естественныхъ качествъ: глаза есть, уши есть, ну и суди обо всемъ; ничего больше и не надо; а тамъ всѣ эти тонкости, и всякаго рода различенiя, и соображенiя, все это чистѣйшiй вздоръ. Видишь картину! Нравится? ну, значитъ, хороша; не нравится; — ну значитъ, не надо ея, проваливай! — А все другое, тонкое и деликатное, и различаемое и неразличаемое, все это придумано, для того, чтобъ дураковъ морочить и въ рукахъ держать. Въ обществѣ равнымъ образомъ нѣтъ никакихъ тонкостей, никакихъ особенностей, никакихъ различенiй: имѣешъ средства жить,—знаешь, что черта нѣтъ, знаешь, что такое кислородъ и протоплазма; — ну, значитъ, ты и человѣкъ, — и человѣкъ вполнѣ, со всѣми правами его, во всѣхъ сферахъ и человѣчества и общества.

Такимъ образомъ въ старое общество съ его устарѣвшими обрядами, предразсудками и перегородками изъ паутинныхъ нитей, со всѣхъ сторонъ вторгались новые люди, и вносили въ него вмѣсто отжившаго свой вѣкъ стараго права, свой новый кодексъ, свое jus gentium,— свое естественное право единичныхъ, реально живущихъ людей подъ именемъ всеобщаго права человѣка.

А между тѣмъ Донъ-Жуаны и Селладоны стараго времени давно ужь и поизвелись, поустарѣли, и совсѣмъ обвѣтшали; тогда какъ новые люди были молоды, исполнены сознанiемъ своихъ правъ и естественныхъ потребностей, и богаты всѣми увлеченiями и надеждами будущаго. Не чувствуя, не понимая, не принимая въ расчетъ всѣхъ очертанiй, всѣхъ тонкостей и различiй, въ которыхъ выражалась самая организацiя общества, видя въ немъ только одно гуртовое и безразличное обобщенiе

жизни безъ всякихъ оттѣнковъ ея, они тѣмъ не менѣе въ силу необоримаго инстинкта, не смотря на всѣ свои теоріи, — невольно стремились ко всему, что въ немъ было лучшаго и самаго завѣтнаго. А великосвѣтскія дамы и кисейныя барышни, хотя онѣ и пребывали еще въ предразсудкахъ стараго преданія, хотя научность и не коснулась еще души ихъ, были однако много плѣнительнѣе всѣхъ преданныхъ дѣлу, трудовыхъ, научныхъ и развитыхъ дамъ и барышень новаго пошиба: несмотря на всѣ обобщенія абстрактной теоріи, дѣйствительность различаетъ содержаніе жизни своимъ дѣйствительнымъ образомъ, и различія, ею утверждаемыя, не стираются ни предъ какою теоріей, но пребываютъ во всей силѣ своей всегда дѣйствительными. И какимъ бы измышленіямъ человѣкъ не предавался, во имя научности или чего другаго, дѣйствительность самой жизни на перекоръ теоріи всегда клонится къ тому, чтобъ избавить и выручить его своими путями отъ его собственной глупости. И несмотря на то, что ее отвергали, что ея не признавали, она тѣмъ неменѣе, какъ будто на смѣхъ, и самихъ отрицателей плѣняла своими самыми завѣтными и лучшими образами. Передъ капустою, свеклою и морковью, конечно лиліи и розы совершенно праздныя и безполезныя растенія; и еслибъ всегда и строго разбирать и оцѣнивать вещи по ихъ реальному достоинству, — то лиліямъ и розамъ пришлось бы плохо: но люди несправедливы; и они безъ совѣсти, противъ, всякой правды, и противъ своихъ убѣжденій, — если только въ нихъ, возлѣ ихъ теоріи, осталось еще хоть капля живаго смысла, всегда плѣняются не тѣмъ, чѣмъ бы они въ силу своей теоріи должны были плѣняться, но только тѣмъ, что въ самомъ дѣлѣ плѣнительно.

Они и плѣнялись лучшимъ, что жило въ обществѣ, его любимыми, въ немъ сохранившимися образами его старой жизни, еще полной воспоминаніями прошедшаго: его великосвѣтскими дамами и его кисейными барышнями. Но въ тѣ сферы общества, гдѣ еще сохранялись

его лучшіе, плѣнительные и плѣняющіе образы жизни, гдѣ еще цвѣли его лиліи и розы, доступъ для новыхъ людей былъ затруднителенъ. Не потому только, что ихъ не допускали, но имъ самимъ претило входить въ эти сферы и встрѣчаться съ ихъ предразудками, съ ихъ приличіями и обрядами. Фаустъ, вступая подъ руководстомъ свѣтскаго кавалера, Мефистофеля, въ свѣтъ, въ которомъ только онъ и могъ встрѣтить и увидѣть свою Гретхенъ, былъ на первый разъ ошеломленъ и озадаченъ нестерпимою глупостью, пошлостью и галиматьею, которыми его обдало въ самомъ преддверьи этого свѣта. Но Фаустъ не совсѣмъ школяръ, онъ, особенно при мефистофелѣ могъ еще и стерпѣть и принаровиться къ столь необычному міру; но новые люди, не имѣя при себѣ ни мефистофеля, ни ума его, приноровляться къ свѣтской средѣ не могутъ; они слишкомъ честны, чтобъ прикидываться, и выражать уваженіе къ тому, чего они и не уважаютъ и не понимаютъ. А потому имъ было очень трудно найти доступъ къ своимъ Гретхенъ.

Въ этомъ отношеніи устарѣлые представители отшедшаго прошлаго имѣли за собою большее преимущество. Въ своемъ привиллегированномъ положеніи, дамы стояли выше всего площаднаго; въ этомъ и заключалась вся ихъ прелесть: но за то къ нимъ и не было подступа ни съ улицы, ни съ площади. Представители же стараго общества, сами взросли въ сферѣ стараго преданія, и до тонкости изучили всѣ бывшіе и возможные подступы ко всему, что въ ней есть лучшаго; они разумѣли въ совершенствѣ языкъ, нравы, приличія, обряды и предразсудки благовоспитаннаго общества,—и пользуясь своимъ разумѣніемъ, знали въ немъ всѣ ходы и выходы, и находились, какъ у себя дома въ салонахъ, гдѣ царили женщины.

Новые люди, придя прямо съ площади,—въ салонахъ и ступить не умѣли, отъ нихъ вѣяло уличною и площадною атмосферою; и потому имъ по неволѣ приходилось держаться по отдаль и въ сторонѣ отъ единствен-

ныхъ предметовъ, предъ лицемъ которыхъ грубости и несообразности ихъ новой теоріи уступали въ нихъ мѣсто дѣйствительно человѣческому стремленію, и человѣческой потребности.

Но сдѣлаться достойнымъ предмета своихъ желаній, пройти всю школу воспитанія, и добраться изъ естественной грубости и неотесанности, трудомъ, усиліями и заслугами, до той высоты, на которой стояли женщины въ старомъ обществѣ, для нашей молодой Россіи было бы и слишкомъ утомительно и слишкомъ долго. Къ достиженію цѣлей своихъ природа всегда идетъ самыми прямыми и самыми краткими путями. Самимъ подняться до той высоты было бы конечно не легко: но оказалось много легче, проще и удобнѣе спустить женщину съ ея неудобнаго возвышенія, внизъ, на тотъ уровень, гдѣ они, новые люди, сами пребывали. Все что ее надъ ними возвышаетъ, все, что ее отъ нихъ отдѣляетъ, — не болѣе какъ глупости и предразсудки: ни такихъ возвышеній, на такихъ различеній въ реальности нѣтъ, и быть не должно.

Старое общество, какъ оно складывалось жизнью и исторіей, представляло собою образъ страны изборожденной во всѣхъ направленіяхъ горами и низинами: ея неприступныя, горныя выси подавляли высотою своею слишкомъ смиренныя, и низменныя долины; голоса съ верху,— раздавались внизу какъ громъ, и потрясали собою всѣ окрестныя мѣстности; голоса же съ низу недостигая до верху, замирали и пропадали въ низинахъ безъ дальнихъ отголосковъ. Вслѣдствіе великаго жизненнаго и умственнаго обобщенія, свершившагося за послѣднее время,— типъ новаго общества изображается уже не горами, но плоскостью; въ немъ нѣтъ недоступныхъ вершинъ, съ ихъ непомѣрною гордынею; нѣтъ и низменныхъ долинъ съ приличною имъ смиренностью и скромностью; въ немъ все плоско. Новые люди вовсе не расположены къ уваженію того, что высится поверхъ ихъ сознанія; въ нихъ нѣтъ молчалинскихъ наклонностей; они все измѣряютъ своимъ аршиномъ, своею мѣрою, и все, что не совсѣмъ

плоско, что надъ плоскостью высится, какъ нѣчто для ихъ сознанія недоступное и непонятное, представляется имъ и глупостью и предразсудкомъ.

А такихъ предразсудковъ щадить не слѣдуетъ: необходимо избавиться отъ нихъ самому, и другихъ избавить отъ нихъ: въ этомъ главное призваніе новыхъ людей; въ своемъ сознаніи они обладаютъ непогрѣшимымъ нивелиромъ—мысли и жизни; ни тутъ, ни тамъ никакихъ горъ не требуется; пускай все будетъ плоско, и всѣмъ одинаково доступно.

Такимъ образомъ, удовлетворяя своему человѣческому влеченію ко всему лучшему, и своей теоріи, согласно съ требованіями справедливости и научности, новые люди и въ силу теоріи и въ силу инстинкта сманивали женщину съ ея пьедестала, и вразумляя ее, что она стоитъ лишь на пустомъ предразсудкѣ, — приглашали ее спуститься внизъ, чтобъ, сойдя на одинъ, обще-человѣческій уровень, встать вмѣстѣ съ ними на одну доску той же реальности.

— Для мужчинъ вообще нѣтъ дѣла болѣе заманчиваго какъ учить, назидать и просвѣщать дамъ и барышень: съ своей стороны и дамы и барышни ничего такъ не любятъ, какъ чтобъ мущины назидали, учили и просвѣщали ихъ.

Новое ученіе, пока оно держалось исключительно въ мужскихъ умахъ, было только теоріею, критикою и нѣкоторою полемикою противъ старыхъ тезисовъ стараго общества; — но когда оно коснулось и женщинъ, оно мгновенно обратилось въ страстное и въ жизненное увлеченіе; и тогда все какъ будто тронулось: полились со всѣхъ сторонъ и въ книгахъ и въ общежитіи обильныя, литературныя рѣчи о самостоятельности, о полноправности женщинъ, о необходимости откинуть никуда негодный хламъ и старье дикихъ предразсудковъ старой образованности, и всего стараго достоянія прошедшихъ вѣковъ, чтобъ выбиться изъ подъ мертваго устава общественнаго, гнилаго домостроя, и окунуться всѣмъ су-

ществомъ въ освѣжительныя струи неизвѣданнаго юнаго, будущаго міра.

И хотя новые люди, какъ и всякіе новаторы и реформаторы, прежде всего были ригористы, и отличаясь аскетизмомъ направленія, не только не предавались ни диллетантизму, ни эпикуреизму жизни, но въ рѣшительномъ протестѣ противъ всего сладкаго и нѣжнаго, скорѣй впадали въ особаго рода цинизмъ, который между ними не рѣдко принимался за самое точное выраженіе всей реальности, какъ она есть безъ всякихъ прикрасъ и подмалевокъ: но природа и тутъ, и при столь новомъ оборотѣ людскихъ тенденцій и стремленій, отъ своего начала не отступилась, и торжествовала, какъ и прежде хотя и при другихъ обстоятельствахъ: пускай люди измышляютъ, что имъ угодно и какъ имъ угодно; пускай дѣти тѣшатся и забавляются: это ихъ дѣло. Она же исполняетъ свое дѣло.

Мужчины вновь оказались коварными; и женщины, несмотря на научность, явились такими же легкомысленными, какъ и прежде. Онѣ съ прежнею готовностью, и съ прежнимъ увлеченіемъ поддались повому, а въ существѣ уже столько разъ извѣданному обману. Довѣрясь новымъ рѣчамъ, онѣ, сойдя съ пьедестали, спустились на землю; и, повинуясь требованіямъ новаго ученія, жить самостоятельно, и добывать хлѣбъ насущный трудомъ и въ потѣ лица своего, отступились и въ самомъ дѣлѣ отъ праздности, отъ роскоши, отъ привычекъ элегантности, и принимаясь за реальный трудъ, предались ему во всѣхъ видахъ его, и стали на самихъ себѣ испытывать всѣ тягости жизни съ большимъ усердіемъ, съ ревностью и съ страстнымъ увлеченіемъ. Онѣ и учились не для того, чтобъ узнать; но для того, чтобъ трудиться; и чѣмъ имъ приходилось труднѣе, тѣмъ имъ было лучше. Общимъ ихъ лозунгомъ стало, не слова говорить, но дѣло дѣлать! А самое дѣло это, было чѣмъ то далекимъ и мистическимъ; потому что при этомъ предполагалось, что

всѣ другіе, живущіе люди, дѣлающіе много дѣлъ,—реальнаго дѣла не дѣлаютъ.

Между тѣмъ поборники женскаго вопроса, ихъ наставники и учители ни чрезвычайному, ни особому трудолюбію не предавались, и соблюдая себя для лучшаго, никакихъ дѣлъ не дѣлали, а жили, какъ и обыкновенные люди: много говорили, почитывали на досугѣ книжки, и, обновляя общество рѣчами своими, были чрезвычайно довольны тѣмъ, что дамы и барышни изъ лучшаго общества внимаютъ имъ и, допуская ихъ близость и общеніе съ собою, безъ всякой щепетильной брезгливости спускаются къ нимъ и стоятъ съ ними на равной ногѣ, совершенно по товарищески, не требуя отъ нихъ не только никакихъ церемоній, но даже и обычной вѣжливости, которой они не понимаютъ, къ которой они не привыкли, и которая только бы напрасно стѣсняла ихъ.

И разумѣется, новые люди и не могли быть недовольными. Столь неприступныя дамы и барышни изъ лучшаго общества стали для нихъ вполнѣ доступными. Прежде, въ доброе старое время, требовалось множество крайне затруднительныхъ условій для того, чтобъ имѣть честь находиться въ ихъ заколдованномъ, для толпы недоступномъ кругу. Далеко не всякому было дано проникнуть въ него; онъ былъ вѣчно охраняемъ злобными, недремлющими драконами, и мильономъ китайскихъ обрядовъ и церемоній, придуманныхъ свѣтомъ для охраненія дѣвицъ и дамъ отъ всякаго соприкосновенія съ площадною грубостью. Перейти столь ревниво охраняемую черту и вступить въ заповѣдные предѣлы общества могли только свои, только привиллегированные по праву рожденія и воспитанія, или же избранные по праву особаго достоинства или особаго счастья. И сколько полагалось труда, усилій, заботъ, умѣнья, ловкости, качествъ или происковъ, чтобъ попасть въ тѣсно замкнутый кругъ привиллегированныхъ или избранныхъ, чтобъ считаться въ немъ тоже своимъ. Но съ тѣхъ поръ ревниво-охранительная строгость смѣ-

нилась большею снисходительностью. Самые замкнутые круги открыли настежъ свои двери, и широко распахнули свои объятія всѣмъ желающимъ: всюда ощутилось вѣяніе времени. Стать достойнымъ и избраннымъ стало вовсе не труднымъ и не мудренымъ дѣломъ. Принцессы и сами вышли за черту ихъ заколдованнаго круга: и тогда за современными юношами и вообще за новыми людьми само собою было признано право представляться предъ ихъ ясныя очи безъ дальнихъ и стѣснительныхъ обрядовъ за просто, au naturel, не только не во фракѣ, не только безъ перчатокъ, но мало что не въ халатѣ, вполнѣ по домашнему.

Новые люди и пользуются своимъ правомъ, и представляются, не стѣсняя себя ни умомъ, ни особыми познаніями, ни качествами, ни достоинствами, ни даже смысломъ, а по просту, безъ всякаго убранства, лишь съ тѣмъ, что въ нихъ есть отъ природы: съ своими потребностями, съ своими притязаніями, да съ папироской въ зубахъ.

Всѣ условности, всѣ ненатуральности, всѣ стѣсненія, эти фраки, эти галстуки, эти приличія и учтивости, эти любезности, эти изысканныя старанія быть лучше, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ, — все это сущій вздоръ, глупости, чистѣйшая ерунда, сапоги въ смятку! берите насъ какъ мы стали и съ тѣмъ, что въ насъ есть отъ природы, безъ прикрасъ, безъ убранства безъ фальши: мы и такъ хороши! а не хотите, такъ, какъ хотите! Хлопотать о томъ, чтобъ стать лучше, мы не желаемъ.

По чему бы тамъ ни было, но реалистическія воззрѣнія носятся въ воздухѣ и насыщаютъ собою умственную атмосферу общества. Сверху до низу всѣ умы извѣрились въ прочности и въ пригодности всего содержанія общественнаго строя, и люди, удручаемые праздностью и пустотою, жадно ищутъ новаго содержанія новыхъ взглядовъ, новыхъ мыслей и особенно новаго, еще неизвѣданнаго строя жизни. Въ домѣ за долгое время набралось столько стараго хлама, изъ всякаго рода повѣрій,

предразсудковъ, невѣжества, что онъ загромождаетъ жизнь, и за нимъ житъ негдѣ, дышать нечѣмъ. Домъ надо непремѣнно вывѣтрить, очистить, освѣжить. Все старое переполнено сплошь одною негодностью.

Новые люди, лишь недавно взойдя въ общество, и начиная всю жизнь съизнова, разумѣется, ничего стараго и не вѣдаютъ; въ ихъ представленіи вся исторія общества, и его жизнь и его мысль, очень естественно, начинаются лишь со вчерашняго дня, съ тѣхъ поръ, какъ они сами взошли въ него. Съ умомъ еще не тронутымъ сомнѣніемъ, они не доросли и до раздумья, но, полные наивностью своего незнанія, потому то именно и могутъ предстать предъ старымъ обществомъ во всеоружіи своей ни въ чемъ не сомнѣвающейся и ни надъ чѣмъ не задумывающейся увѣренности. Кто ничего не знаетъ тотъ и не сомнѣвается, и не задумывается.

Исчерпавъ все содержаніе жизни въ тѣсной обстановкѣ домашней жизни, въ школѣ, въ книжкахъ и въ журналахъ, въ текущей литературѣ, и особенно въ обращеніи, въ сожительствѣ, въ спорахъ и бесѣдахъ съ товарищами, новые люди въ образѣ натурализма или реализма и предлагаютъ старому обществу все богатство знанія и мысли, какимъ они сами обладаютъ: никто не можетъ дать больше того, что онъ самъ имѣетъ; а нищему уже и обладаемая имъ бездѣлица кажется богатствомъ.

Если, еще по сознанію старыхъ людей, старый домъ и въ самомъ дѣлѣ слѣдуетъ очистить отъ наполняющаго его стараго хлама, то, извольте принять, вотъ для его наполненія совершенно новое содержаніе, только что вышедшее изъ лабораторіи науки, и вполнѣ согласованное съ ея послѣдними выводами!

Что общество соблазняется этимъ содержаніемъ, что дамы и дѣвицы съ жадностью за него хватаются, и покидая свое привиллегированное общественное положеніе. спускаются на почву научности и естественности, въ этомъ новые люди не отвѣтственны и не виноваты: они предлагаютъ обществу лучшее, что сами имѣютъ, и берутъ за

то у общества лучшее, что оно имѣетъ. Дѣло самаго общества смотрѣть, что оно даетъ, и что оно получаетъ; и если при такомъ обмѣнѣ вся выгода на сторонѣ новыхъ людей, то въ этомъ только ихъ счастье, а вовсе не расчетъ. Для того чтобъ держать въ умѣ такой расчетъ, они еще слишкомъ юны. и не знаясь съ мефистофелемъ, вовсе не обладаютъ его умомъ. а отличаются только своею крайнею наивностью.

Но однакоже за старое общество выискались ярые заступники, которые и опрокинулись всею мощью своей противъ новыхъ людей за то, что они, не цѣня древнимъ хламомъ, тѣмъ не менѣе вымѣнивають у общества его настоящее золото за свои бусы и стеклушки, столь плѣнительныя для невѣжества. На нихъ набросились какъ на злодѣевъ, ихъ называли мальчишками, дерзкими, ничего не уважающими, недоученными гимназистами, которые потрясаютъ все общество въ основахъ его. И въ славный бой съ гимназистами выступали самые ученые профессора.—и, по пословицѣ, чѣмъ богаты, тѣмъ и рады, выливали на нихъ изъ души цѣлые ушаты грязи. Еще памятны всѣмъ тѣ свѣженькія брошюры объ источникахъ, изъ которыхъ будто бы негодная молодая Россія такъ безсовѣстно отравляетъ почтенную, старую. Но г.г. профессора въ своихъ нападкахъ и изобличеніяхъ, въ своихъ памфлетахъ и брошюрахъ противъ гимназистовъ и противъ молодой Россіи, оказываются нѣсколько опрометчивыми: если молодая Россія въ чемъ и виновата, такъ развѣ только въ томъ, что она прямая наслѣдница всего достоянія, завѣщаннаго ей старою Россіей, о которомъ поэтъ того времяни восклицалъ не даромъ:

Печально я гляжу на наше поколѣніе!

Послѣ цвѣта всякій благоразумный человѣкъ обыкновенно ожидаетъ плода, и было бы крайне странно, еслибъ бурьянъ, крапива и репейникъ, расплодились персиками, лимонами и ананасами; еслибъ печальныя казенщина, безобразіе и невѣжество ни съ того ни съ сего породили изъ себя образованность. Въ толкахъ по поводу женскаго вопроса

самыми обольстительными словами слышатся обыковенно самобытность, самостоятельность, независимость: и верхомъ всѣхъ стремленій и пожеланій развитой, современной женщины ей является именно ея самостоятельность, которой она и надѣится достигнуть, когда вполнѣ откажется отъ своего прежняго положенія: въ награду ей за ея рѣшимость отказаться отъ него, и за все, что она чрезъ то утрачиваетъ въ своей жизни при ея новыхъ условіяхъ. Новые люди сулятъ ей и полную самостоятельность во всѣхъ видахъ ея, и при томъ всѣ сокровища и послѣдніе выводы положительнаго знанія и науки.

Но и въ сферѣ положительной науки, и особенно въ сферахъ реальности, — самостоятельность и самобытность признаются пустыми, и не имѣющими смысла словами: потому что, откуда же взяться въ нихъ самобытности, — когда по собственному признанію позитивистовъ и реалистовъ въ мірѣ нѣтъ ничего самобытнаго, и все, что ни есть, только относительно и въ полной зависимости отъ другаго? Быть самимъ собою, быть самостоятельнымъ, это старыя выраженія, исполненныя метафизическимъ смысломъ; а по смыслу позитивизма, и реализма то, что ими выражается было бы чудомъ, котораго нигдѣ никогда не бывало, да и не можетъ быть. Все, что стоитъ, все, что держится, все, что есть, стоитъ, держится и опирается на чемъ нибудь другомъ, а никакъ не на самомъ себѣ.

Если же значеніе словъ самобытность, самостоятельность принять въ ихъ самомъ ограниченномъ смыслѣ, — въ смыслѣ обладанія своими, такъ называемыми собственными или независимыми средствами къ существованію, то такая самобытность, такая самостоятельность, за непризнаніемъ всѣхъ другихъ условій, признаваемыхъ обществомъ, и какъ протестъ противъ общественнаго строя, окажутся болѣе чѣмъ сомнительными. Собственникъ имущества, обладатель земли или капитала, — есть собственникъ и обладатель только въ обществѣ; работникъ, мастеръ, художникъ, ученый, докторъ, судья, адвокатъ имѣютъ средства къ жизни не сами собою, но во сколько есть и признается

общество, которое не только оплачиваетъ ихъ существованіе, но и производитъ ихъ, обучаетъ и образуетъ по мѣрѣ его надобности въ нихъ. Ни одинъ фельдшеръ, ни одинъ лѣкарь, ни одинъ судья, ни одинъ ученый, ни одинъ рабочій не производятъ сами себя, но творятся обществомъ не даромъ, но за дорогую цѣну, и опираются всѣмъ своимъ существованіемъ не на себѣ, но на обществѣ.

По этому всякая самостоятельность и самобытность въ образѣ протеста противъ общества есть нелѣпость.

Но то, что разумѣется подъ самобытностью и самостоятельностью женщинъ, ничего другаго не имѣетъ въ виду, какъ только, чтобъ женщины были въ обществѣ столь же самостоятельны какъ мужчины. При этомъ однако очень естественно можетъ возникнуть еще и иное требованіе: въ свою очередь и дѣти тоже могутъ захотѣть быть столь же самостоятельными какъ женщины.

Въ той мѣрѣ, въ какой самостоятельность мужчинъ существуетъ въ обществѣ, она существуетъ потому, что общество находитъ ее для себя нужною и полезною. Въ той мѣрѣ, въ какой самостоятельность женщинъ въ обществѣ не существуетъ, она не существуетъ потому, что общество находитъ ее для себя ненужною, безполезною, и излишнею.

Справедливость существуетъ только въ обществѣ, и только обществомъ; чего нибудь требовать можно только на основаніи справедливости, т. е. только тогда, когда это требуется самимъ обществомъ; такъ какъ внѣ общества справедливости нѣтъ. Но все, что общество требуетъ, оно всегда и имѣетъ А потому требовать самобытности женщинъ во имя справедливости, когда общество такой самобытности не даетъ и не признаетъ было бы верхомъ нелѣпости.

Можно убѣждать, склонять мысли, обращать понятія; это другое дѣло: но требовать нельзя: это было бы верхомъ несправедливости.

Но чѣмъ же женщины могутъ убѣдить, что самобытность, какой онѣ желаютъ достигнуть, въ самомъ дѣлѣ

необходима? Самобытность, самостоятельность, свобода, все это только образъ или форма бытья, потребная или необходимая для какого нибудь опредѣленнаго содержанія. Чтобъ рости, дубу потребно одно количество простора и времяни; розѣ, лиліи и всякой былинѣ иное; уровнять и просторъ и время для пользованія первому и послѣднимъ было бы очевидною нелѣпостью; въ средѣ вымѣренной для лилій, розъ и всякихъ былинъ, дубъ конечно бы задохся; наоборотъ розы, лиліи, былины всякія въ мѣру дуба никогда бы не выросли.

Какого рода содержаніе просится въ женщинахъ къ самобытности? Разныя реальности всего того, чего очень хочется, къ чему сердце клонится? Но всякаго рода реальности, — сами собою и находятъ свою надлежащую мѣру въ самой реальности. Въ реальномъ обществѣ всѣ его реальныя желанія, хотѣнія, стремленія давнымъ давно нашли свое надлежащее мѣсто, давнымъ давно измѣрены своею истинною мѣрою и опредѣлены въ своемъ дѣйствительномъ предѣлѣ: заступать за эту мѣру, и за эти предѣлы, значило бы выходить изъ сферы реальности, и вдаваться въ призракъ.

Но впрочемъ, по крайней мѣрѣ въ нашемъ обществѣ, ни самобытность, ни самостоятельность женщинъ никогда и ни въ чемъ не урѣзывались: каждой изъ нихъ предоставляется полное право не менѣе, чѣмъ мужчинамъ, жить какъ и чѣмъ ей угодно, разумѣется на свой собственный счетъ и рискъ; но ради ея притязаній или пожеланій образъ общественной жизни и общественныхъ установленій, конечно, не будетъ перестроиваться на ея ладъ. Лады и строй общественные идутъ своимъ порядкомъ, и никакъ не могутъ сообразоваться съ прихотливыми движеніями и расположеніями вѣчно увлекающагося женскаго сердца.

Но никто не мѣшаетъ женщинамъ жить по своему, развѣ только онѣ сами, потому что у нихъ своего очень мало; и онѣ, принимая за свое, — общеизвѣстныя ходячія мысли, вовсе не видятъ, что подъ ними скрывается нѣчто имъ совершенно чуждое, и потому и не осуще-

ствимое: но онѣ желаютъ его потому, что не знаютъ, что въ немъ дѣйствительно есть.

По отношенію къ ихъ самостоятельности, можно сказать, что многія изъ нихъ въ настоящее время занимаются, трудятся, живутъ сами по себѣ, и по указанію своихъ наставниковъ въ полной зависимости отъ внѣшнихъ обстоятельствъ.

И дѣйствительно, въ тѣхъ новыхъ условіяхъ, въ которыя онѣ захотѣли встать, очень часто безъ всякой нужды, а только по убѣжденію, на ихъ долю выпадаетъ не мало труда, работъ и тяжкихъ лишеній; но при всемъ томъ, вся ими добытая самостоятельность только въ томъ и состоитъ, что онѣ на самихъ себѣ экспериментируютъ чужія, имъ вовсе не сродныя и не свойственныя, но отъ другихъ съ большимъ увлеченіемъ и горячею вѣрою воспринятыя теоріи и мысли.

Покуда женщина не научится самостоятельно мыслить, до тѣхъ поръ она не способна къ самостоятельности. Но у насъ не только женщины, но и мужчины мыслятъ не самостоятельно, а больше по извѣстному лекалу.

Ходячія мысли и убѣжденія все равно, что облетѣвшій, падшій листъ по осени: подбирать ихъ и носиться съ ними, какъ будто съ своими мыслями и убѣжденіями, не значитъ мыслить; и внушаться, чужею, на полу подобранною теоріей не значитъ быть самостоятельнымъ.

Всего менѣе можно ожидать самостоятельности отъ мыслей, отъ теорій, которыя не несутъ въ себѣ своего собственнаго оправданія и расходятся съ логикою, — или съ тѣмъ самымъ, что ими утверждается.

Мысли же и теоріи, имѣющія болѣе въ виду легкую впечатлительность женщинъ и юношей, нежели холодную критику мужчинъ, обыкновенно крайне сомнительны по отношенію къ критикѣ, безъ которой, никакая самостоятельность немыслима.

А женщины между тѣмъ, въ силу ученія и теорій по поводу женскаго вопроса, если и достигаютъ нѣкоторой

независимости, то именно только независимости отъ логики, отъ мысли и отъ здраваго смысла; потому что внѣ общественнаго строя, сложеннаго самою дѣйствительностью, независимость, самостоятельность и свобода суть пустыя слова и призраки, которые никому и не требуются: какая надобность въ умѣніи плавать, когда находишься внѣ воды?

Протестуя противъ власти и опеки мужчинъ, женщины, поддавшіяся искушенію или тщеславію женскаго вопроса заявляютъ о своей правоспособности и желаніи во всемъ быть, все рѣшать, все исполнять сами собою. Онѣ съ негодованіемъ возстаютъ противъ установленныхъ нравовъ, обычаевъ и приличій, на основаніи которыхъ ихъ до сихъ поръ все охраняютъ, берегутъ, ведутъ, везутъ, несутъ, не допуская, чтобъ онѣ встали на свои собственныя ноги, и сами шли и направлялись, куда ихъ влекутъ ихъ собственныя влеченія и разсудокъ. Имъ несносно, что съ ними обращаются, какъ съ малолѣтними; межъ тѣмъ, какъ заявляя о своихъ требованіяхъ, онѣ тѣмъ самымъ свидѣтельствуютъ, что онѣ давно вышли изъ малолѣтства.

Ребенокъ, важно курящій въ отсутствіи взрослыхъ оставленныя ими сигару или папиросу, на основаніи своего баловства и своей шалости, тоже воображаетъ себя уже не малолѣтнимъ, и именно своимъ воображеніемъ свидѣтельствуетъ о своемъ малолѣтствѣ. Если бъ онъ захотѣлъ быть тѣмъ, что онъ есть въ самомъ дѣлѣ, — тогда, ставъ самимъ собою, онъ достигъ бы дѣйствительно не ребяческой самостоятельности. Если бъ женщины захотѣли быть женщинами, и не надѣвали на себя, какъ дѣти, вмѣсто своихъ башмаковъ и ботинокъ, мужскихъ сапогъ, не усиливались замѣнять свой голосъ и свою рѣчь грубымъ голосомъ и грубою рѣчью, и не мѣняли своей искренной мысли на имъ чуждыя научныя мысли, — для того, чтобъ казаться ничѣмъ не связанными какъ мужчины; то и онѣ, ставъ самими собою, — были бы дѣйствительно и вполнѣ самостоятельными. Всякое дерево, и всякія растенія ста-

новятся крѣпкими, сильными и достигаютъ своего полнаго роста и цвѣта, вовсе не тогда, когда они тянутся, но только пребывая въ мѣрѣ своей.

Тянуться выйти изъ мѣры своей, желать быть не самимъ собою, но другимъ, есть первый признакъ, и главное условіе для отсутствія самостоятельности.

Соревнованіе о правахъ и о самостоятельности между женщинами и мужчинами очень похоже на такое же соревнованіе между бариномъ и его кучеромъ. Сидя въ своемъ экипажѣ, межь тѣмъ какъ кучеръ сидѣлъ на козлахъ, баринъ возревновалъ къ кучеру, за то, что тотъ, исправляя свое кучерское дѣло, везетъ его, по своему усмотрѣнію, тамъ, гдѣ дорога лучше. И возревновавъ, приказалъ ему сойти съ козелъ и сѣсть въ экипажъ, а самъ возсѣлъ на козлы, взялъ возжи въ свои барскія руки и сталъ управлять лошадьми, чтобъ чрезъ это засвидѣтельствовать о своей самостоятельности. Разумѣется, при всякой надобности, при всякой случайности, при всякой невзгодѣ по пути, онъ самъ и слѣзалъ, гдѣ придется, и если въ грязь, такъ въ грязь; — открывалъ и затворялъ ворота, поправлялъ тяжи, шлеи, гужи, постромки, подвинчивалъ гайки, и не жалѣя барскихъ рукъ, пачкалъ ихъ въ дегтю и въ салѣ; и такимъ образомъ, исправляя не барское дѣло, утѣшался въ душѣ сознаніемъ о своей самостоятельности: такъ какъ и въ самомъ дѣлѣ уже не кучеръ везъ его, а онъ самъ везъ кучера. А между тѣмъ, всѣмъ было извѣстно, что прежде, если кучеръ и везъ его, и лошадьми управлялъ, и хомуты справлялъ, то не иначе, какъ только вслѣдствіе его господской воли, и его барскаго приказанія. И если бъ его стремленіе къ самостоятельности довесть, какъ слѣдуетъ, до конца, то ему бы не должно было довольствоваться только козлами; а слѣдовало бы возревновать еще и о мѣстѣ лошадей: потому что въ реальности самостоятельно везутъ экипажъ не баринъ и не кучеръ, а только лошади.

Женщины негодуютъ на мужчинъ, что они, лишая ихъ самостоятельности, ведутъ, несутъ, везутъ ихъ: но

кому жь бы лучше знать, какъ не женщинамъ, что, если мужчины и въ самомъ дѣлѣ ведутъ, несутъ и везутъ ихъ, то не иначе, какъ только куда имъ самимъ было угодно, чтобъ ихъ вели, несли или везли. Потому что ихъ вліяніе всесильно; онѣ въ рукахъ своихъ держатъ невидимыя, крѣпкія возжи, которыя общество, вручая имъ, постоянно и заботливо скрѣпляетъ всѣмъ своимъ умѣніемъ и всѣми находящимися въ его распоряженіи средствами, не смотря на строптивую брыкливость мужчинъ.

Для поверхностнаго взгляда обыкновенно кажется, что бѣдныя женщины съ ногъ до головы связаны общественнымъ уставомъ; и онѣ, увлекаясь своимъ легкомыслiемъ, то и дѣло, что пытаются порвать эти связи. Но если бъ онѣ могли взглянуть по внимательнѣе и по глубже, онѣ несомнѣнно убѣдились бы, что эти связи въ ихъ женскихъ рукахъ только возжи, которыя онѣ держатъ, и которыми онѣ сдерживаютъ мужчинъ; что ими связаны только мужчины, которые изъ всѣхъ силъ рвутся, какъ бы имъ развязаться и въ сласть погулять на всемъ раздольѣ своего дикаго произвола.

Мужчинамъ хорошо учить; имъ съ руки внушать женщинамъ стремленіе къ самостоятельности: имъ было бы любо, если бъ онѣ, повѣривъ ихъ внушеніямъ, выпустили изъ рукъ своихъ возжи, которыми онѣ управляютъ и сдерживаютъ самое общество; но осуществленіе такой самостоятельности было бы разгуломъ только для мужчинъ и полнѣйшимъ рабствомъ для женщинъ.

Кромѣ легкости и легкомыслія, съ которыми женщины обыкновенно такъ быстро воспринимаютъ и усвоиваютъ себѣ разныя теоріи и ученія, не потому чтобъ онѣ понимали, но именно потому, что онѣ не понимаютъ ихъ дѣйствительнаго смысла, онѣ къ тому же не чужды женскаго тщеславія и славолюбія, и любя наряды вообще, вовсе не прочь рядиться и обликомъ знанія и научности. Знаніе и научность для нихъ и въ самомъ дѣлѣ— мужскіе сапоги, и toga virilis.

Если ихъ такъ легко выманили изъ экипажа на козлы,

то это не только обѣщаніями практической самостоятельности, — но и особенно очень для нихъ чувствительною приманкою дѣйствительнаго знанія, какимъ пользуются мужчины, и всѣхъ сокровищъ современной положительной науки.

Въ старину, когда мужчины, важно облекаясь въ свое мужское достоинство, смотрѣли на женщинъ съ высоты своихъ положительныхъ познаній, и обзывали женщинъ мечтательницами: женщины съ своей стороны, полагаясь болѣе на умъ, нежели на ученость, и проникая своимъ тактомъ, и чуткимъ пониманіемъ всего живаго, въ самую глубь и въ самое существо вещей и людей, находили мужчинъ педантами и, лукаво издѣваясь надъ ихъ педантизмомъ и тяжеловѣсными притязаніями, исправляли своимъ легкомысліемъ, своимъ остроуміемъ, и своею жизненною мечтою ихъ тупоуміе, и мертвенность ихъ теорій и воззрѣній.

Онѣ научали мужчинъ подобающей имъ скромности, и не позволяя имъ важничать и заноситься учеными пустяками, тѣмъ самымъ избавляли общество отъ тяжкаго навожденія ихъ педантизма: такъ какъ по самому существу женской природы, онѣ его естественныя противницы. Женщина-педантъ, академикъ въ чепцѣ, семинаристъ въ желтой шали и до сихъ поръ, что бы тамъ ни утверждали новые люди, представляютъ собою нѣчто столь же несообразное, какъ и губернаторъ, выпивающій въ пяльцахъ. И тѣмъ не менѣе, скрывать не возможно, у женщинъ встрѣчается своего рода женская наклонность къ педантизму. Казалось бы, кому и охранять красоту свою отъ всякаго уродства, какъ не женщинамъ; а между тѣмъ онѣ сами и никто больше именно и искажаютъ ее съ какою-то дѣловитою ревностью всякими немыслимыми кринолинами, невыразимыми турнюрами, и невообразимымъ безвкусіемъ. Ихъ вкусы, ихъ увлеченія вообще очень не рѣдко напоминаютъ вкусы беременныхъ женщинъ: нѣтъ такой дряни на свѣтѣ, которая не могла

бы приглянуться, понравиться имъ, и возбудить въ нихъ страстныя пожеланія.

Нынче наука въ модѣ; никакого инаго содержанія не требуется кромѣ научнаго; и какъ было время, что въ Германіи не находилось ни однаго подмастерья, ни одного аптекаря, которые бы субъективно-объективно, трасцендентно и трансцендентально, иманентно и притязательно не бредили философіей, или философствующимъ жаргономъ, такъ въ настоящее время у насъ каждая модистка и та имѣетъ въ виду не иначе, какъ только научныя положенія. Такого рода общія повѣтрія и увлеченія впослѣдствіи очень плохо отзываются на предметахъ, по поводу которыхъ они возникаютъ. Хотя предметы эти сами по себѣ ни въ чемъ не повинны. Дай Богъ, чтобъ наука, избѣжала такой участи; но въ настоящую пору увлеченіе ею въ полномъ разгарѣ; всѣ ждутъ, всѣ надѣятся, или по крайней мѣрѣ всѣ говорятъ, что наука откроетъ новый міръ, и обратитъ древнюю юдоль страданія въ современное Эльдорадо.

Ученыхъ людей много никогда не бываетъ; въ обществѣ ихъ встрѣчаютъ очень рѣдко, потому, что они живутъ какъ отшельники, и ихъ жизнь не отъ міра сего. Но за то въ обществѣ встрѣчается тѣмъ болѣе людей, толкующихъ о наукѣ и по поводу науки. Публика, какъ въ лицѣ выдающихъ себя за старцевъ и наставниковъ, — такъ и въ лицѣ выдаваемыхъ ими за школьниковъ и мальчишекъ, науки вовсе не знаетъ, да и знать не хочетъ: но за то она съ тѣмъ большимъ вѣсомъ напираетъ на то, что ей извѣстно подъ именемъ научныхъ выводовъ и научности.

Самая сфера науки представляетъ собою содержаніе необъятное, какъ море; обозрѣть его въ его цѣлости никто не въ состояніи; оно обнимаетъ собою всю безпредѣльную даль и всѣ туманы, или матерію будущаго. Ея конца, ея послѣдняго вывода, никто никогда не увидитъ и не узнаетъ. Потому что пока будетъ оставаться

хотя бы только одинъ мигъ еще неистекшаго будущаго, до тѣхъ поръ будетъ оставаться и неизвѣданное, и неизвѣстное, и самая матерія невѣжества.

Изъ необъятнаго моря науки, каждый черпаетъ только въ мѣру его способности, только тѣмъ сосудомъ, какимъ онъ обладаетъ, и ни какъ не болѣе того, что въ немъ вмѣщается. Но у разныхъ людей вмѣстимость сосудовъ, которыми черпается научное содержаніе, не одинаково. У очень немногихъ она сравнительно бываетъ чрезвычайно великою; у большинства же людей она очень мелка и тѣсна; у всѣхъ она всегда въ точности соотвѣтствуетъ той глубинѣ, до которой дохватываетъ ихъ воспоминаніе въ прошедшемъ, и той высотѣ, которой достигаютъ ихъ ожиданія въ будущемъ, — и вся вполнѣ измѣряется ихъ вѣденьемъ и ихъ предвѣденіемъ. Но публика живетъ со дня на день, отъ сегодня на завтра: ни глубокихъ воспоминаній, ни высокихъ ожиданій не имѣетъ; и на свой обыденный обиходъ обладаетъ для нея вполнѣ достаточнымъ, не большимъ стаканчикомъ или просто своею пригоршнею, которыми она и черпаетъ все, что только возможно зачерпнуть ими, какъ изъ содержанія жизни, такъ и изъ содержанія науки. Что въ нихъ не вмѣщается то, разумѣется, льется мимо и для публики совершенно утрачено, и есть какъ бы его не было вовсе.

Своимъ очень невмѣстительнымъ стаканчикомъ публика черпаетъ всякое содержаніе не безъ расчета: такъ какъ все въ немъ не вмѣщается, то она и наполняетъ его сперва тѣмъ, что для неи всего интереснѣе, а за тѣмъ уже и другимъ содержаніемъ: сперва сливками и пѣнками жизни, пассажами изъ la belle Helène, а потомъ чѣмъ нибудь и изъ науки,—напр. рефлексами головнаго мозга. Для науки остается мѣста немного; но чѣмъ изъ ней менѣе попадаетъ въ стаканчикъ, ужъ чуть не до края наполненный всякимъ другимъ содержаніемъ, тѣмъ драгоцѣннѣе представляется это немногое, и тѣмъ пущая придается ему важность.

Важность значенія столь ничтожнаго кусочка изъ на-

уки достигаетъ въ публикѣ такихъ размѣровъ, что являясь сперва подъ именемъ научности, или же въ образѣ послѣднихъ выводовъ науки, она мало по малу разрождается въ громадное притязаніе, чтобъ предъ ними и самое общество и вся жизнь его понурились и покаялись въ своемъ легкомыслiи.

Народивъ изъ себя научное навожденіе, публика и сама уже не рада ему, потому что отъ него вѣетъ смертельною скукою; но отвязаться отъ него и возвратить его обратно въ темный міръ всѣхъ притязаній публика уже не можетъ: не можетъ потому, что женщины, подпадая подъ власть моды и современности, тоже ухватились за эту научность; бредятъ ею и не могутъ съ нею разстаться: а за что женщины схватились сердцемъ своимъ, то стоитъ твердо.

Не въ силу галлантерейности, а только вслѣдствіе всѣмъ понятнаго общественнаго благообразія, женщины первенствуютъ въ нашемъ обществѣ, и высясь надъ нами, какъ вершины горъ въ нагорной странѣ, всегда первыя озаряются лучами восходящей образованности, такъ какъ при ней имъ и жить и дышать легче, и первыя жъ и отражаютъ отъ себя весь свѣтъ ея въ лежащія подъ ними низины.

Наука разумѣется великое слово и великое дѣло; и съ нимъ связано одно изъ величайшихъ, человѣческихъ представленій: но женское сердце нашихъ великосвѣтскихъ дамъ, и кисейныхъ барышень схватывать и это слово, и это дѣло, и это представленіе съ свойственнымъ ему дамскимъ суевѣріемъ, съ однимъ увлеченіемъ и безъ малѣйшаго намека на критику: научность и предстала обществу въ образѣ всеспасительнаго знака: in hoc signo vinceris.

Неизбѣжная доля женщинъ, при всѣхъ изворотахъ, какіе общество принимаетъ,—все же въ томъ, чтобъ обманываться и быть обманутыми; въ этомъ ихъ несказанная прелесть; для того и существуютъ коварные и вѣчно злоумышляющіе мужчины; имъ, кромѣ какъ обманывать,

кажется другаго и дѣла нѣтъ: въ этомъ ихъ несомнѣнное право.

И современныя женщины своей участи тоже не избѣгли. Говорилось вкругъ нихъ все иное, совсѣмъ не то, что говорилось прежде; а вышло все тоже самое: потому что людскія слова и рѣчи законовъ природы измѣнять не могутъ.

Порхая радужными бабочками, хотя и въ довольно тѣсныхъ, имъ отведенныхъ палисадникахъ свѣтскаго салоннаго міра, упиваясь ароматомъ цвѣтовъ, амвросіей и нектаромъ своей солнечной, праздничной жизни, дамы и дѣвицы, по неосторожности, увлекаясь и не различая освѣщенія искуственнаго отъ натуральнаго, налетали иной разъ и на сальныя свѣчи, и нерѣдко обгарали или и совсѣмъ сгарали на нихъ.

Это, объясняли имъ, происходитъ отъ ихъ мечтательности, и пользуясь ихъ замкнутостью въ тѣсномъ салонѣ, ихъ скукою, ихъ потребностью болѣе существенной пищи, ихъ жаждою болѣе широкой жизни, ихъ выманили изъ ихъ тѣсныхъ палисадниковъ въ міръ реальности, гдѣ уже нѣтъ ни цвѣтовъ, ни ароматовъ, ни пѣсней соловья, ни луны, ни бальныхъ люстръ, ни сальныхъ свѣчъ, ни стѣснительныхъ приличій, ни галантерейности, ни конфектъ;— а лишь одна чистая реальность, голая правда безъ всякихъ прикрасъ. И для того, чтобъ онѣ могли скорѣй проникнуться всѣмъ смысломъ реальности, чтобъ онѣ не порхали по прежнему, и не налетали на сальныя свѣчи, у нихъ оборвали ихъ бархатныя крылушки, вырвали изъ ихъ сердца мечту, — и изъ воздушно порхавшихъ бабочекъ, на выворотъ природѣ понадѣлали, земныхъ, ползающихъ гусеницъ.

Ихъ засадили за уроки, за учебники, и заставили ходить въ классы: и онѣ обратились въ курсистокъ, въ гимназистокъ, въ школьниковъ, и нынѣ, какъ сущіе школьники, съ тетрадками, съ книжками, съ фоліантами, съ ташенъ-лексиконами, съ латинскими спряженіями и съ греческими склоненіями усердно и ревностно бѣгаютъ

слушать лекціи и поученія тѣхъ самыхъ господъ, профессоровъ и школяровъ, которыхъ онѣ сами учили бывало, и наставляли уму и разуму.

По общему признанію, онѣ учатся отлично; исполняютъ съ точностью все, что имъ ни зададутъ, и ни, ни! чтобъ когда или въ чемъ нибудь хоть на шагъ отступить отъ сказаннаго. Школьники, тѣ, извѣстное дѣло, лукавы, лѣнивы, самоувѣренны, дерзки, и только и выжидаютъ случая, чтобъ какъ нибудь поглумиться и поумничать надъ своимъ профессоромъ.. Но барышни, совсѣмъ другое дѣло; онѣ къ глумленію не способны; онѣ, слишкомъ благовоспитаны, и такъ сказать, всею душею висятъ на словѣ профессора, вѣрятъ ему, и съ полнымъ благоговѣніемъ готовы распинаться и умирать за каждое слово его.

За то же и професеора не нахвалятся ими. и на радостяхъ, что надъ ними не смѣются и не глумятся, что ихъ слушаютъ съ подобающимъ благоговѣніемъ, безъ всякой критики, чего отъ дерзкихъ мальчишекъ и во вѣки вѣковъ не дождешься, съ охотою излагаютъ предъ благовоспитанными слушательницами всѣ сокровища знанія и науки.

И онѣ съ назидательнымъ прилежаніемъ, одолѣвая трудности латинской грамматики, и изучая всю природу, какъ въ образѣ Макрокосма, такъ и въ образѣ Микрокосма, умудряются при посредствѣ индукціи и дедукціи настолько, что наконецъ познаютъ, что у кошки сверху шерсть и спинка, а снизу ножки; что лягушка, у которой вырѣзанъ мозгъ, тѣмъ не менѣе обтираетъ лапкою свою глупую мордочку, если ее помажутъ кислотою; что она съ тою же цѣлью пускаетъ въ ходъ и другую лапку, какъ скоро у ней отрѣжутъ первую; что хвостъ и даже лапка, отрѣзанные у одной крысы прививаются и приживаются на тѣлѣ другой, хотя эта другая вовсе и не желала такого приращенія; что у ней тоже есть и мозги, и мозговые рефлексы, какъ у человѣка; что человѣкъ, произойдя долговременною и постепенною эволюціею, въ силу борьбы за существованіе и подоваго под-

бора, изъ морской асцидіи, которая въ свою очередь отродилась отъ какихъ нибудь протозооновъ, напрасно воображаетъ, что онъ можетъ подвинуть или отодвинуть опредѣленный ходъ естественной, неизмѣнной эволюціи; что онъ въ своихъ нетерпѣливыхъ порывахъ и въ напрасныхъ усиліяхъ, въ которыхъ онъ, утруждая себя, только даромъ тратитъ силы свои, очень похожъ на сѣдока, ѣдущаго въ экипажѣ и сѣменящаго въ немъ ножками, съ цѣлью скорѣе поспѣть къ мѣсту назначенія; куда онъ однакожь поспѣетъ во всякомъ случаѣ, и что онъ ни дѣлай, никакъ не ранѣе и не позже того, какъ его довезетъ его везущій, безстрастный возница, которому нѣтъ никакого дѣла до его нетерпѣнія, страстей и порывовъ; что человѣкъ во всѣхъ своихъ стремленіяхъ, въ своей любви и въ своей ненависти, невольно и роковымъ порядкомъ всегда только повинуется слѣпой механикѣ и игрѣ такъ или иначе настроенныхъ нервовъ, которые въ ихъ рефлексахъ, акціяхъ и реакціяхъ управляются посторонними причинами, и подчинены неизмѣннымъ законамъ, неимѣющимъ никакого отношенія ни къ человѣку, ни къ тому, что именуется его призваніемъ: что и самъ человѣкъ вовсе не онъ самъ, а только производный продуктъ всего другаго; нѣкоторый довольно сложный распорядокъ и аппаратъ безчисленныхъ милліоновъ живыхъ клѣточекъ или ячеекъ; что все дѣло до него вовсе не касается, и вовсе не въ немъ, а только въ тѣхъ, въ немъ проживающихъ протистахъ, въ еле, еле видимыхъ бактеріяхъ, амебахъ, вибріонахъ, которые и сами однако опять же не сами, а въ свою очередь какое-то, еще не вполнѣ дознанное, четыре-сложное сочетаніе углерода, водорода, азота и кислорода; что и вся суть наконецъ вовсе не въ протистахъ, и не въ учащихся барышняхъ, и не въ ученыхъ дамахъ съ дипломами или безъ оныхъ, а только въ этихъ послѣднихъ элементахъ, въ этихъ ультраатомахъ, которые сами и все же не сами, а чортъ знаетъ, что такое! Какой-то дикій, невыразимо смутный сумбуръ, на которомъ, какъ на четырехъ китахъ, весь

міръ стоитъ, и ради котораго онѣ, современные дамы и барышни, бѣгутъ обучаться ему, назидаться имъ изъ устъ тѣхъ самыхъ господъ, которыхъ прежде онѣ сами учили, только не такому сумбуру.

Но, научаясь ему, онѣ его премудростью навсегда освобождаются отъ навожденій своей женской мечты, навѣянной на нихъ дыханіемъ жизни, и уразумѣваютъ наконецъ своимъ положительно научнымъ существомъ, что человѣкъ, только по невѣжеству такъ не научно заблуждался, мечтательно предполагая, будто въ немъ самомъ заключается неисповѣдимо глубокій смыслъ и весь трепетъ жизни, будто въ немъ и ему одному сказывается неизрѣченная, святая тайна бытія. Теперь уже обстоятельно, и научнымъ образомъ дознано, что все это пустой и очень неосновательный антропоморфизмъ; — что болѣе научный смыслъ, элиминируемый учеными изъ зооморфизма, изъ фитоморфизма, изъ литоморфизма, научаетъ человѣка болѣе правильному, нечеловѣческому сужденію, по которому вполнѣ очевидно, что самъ человѣкъ — сущій вздоръ; что въ немъ нѣтъ ничего ни святаго, ни тайнаго, ни неизрѣченнаго, ни неисповѣдимаго. Что съ нимъ и церемониться не-зачѣмъ; что, на научномъ основаніи и съ полнымъ правомъ, съ нимъ можно, и не церемонясь, обращаться какъ со скотиною, улучшенной породы, подлежащей чрезъ цѣлесообразную элевацію еще и дальнѣйшему улучшенію: только нечего смотрѣть на его требованія и притязанія. И лошади, и коровы, и овцы, если бъ ихъ спросить, вѣроятно тоже оказались бы неохочи до того улучшенія, которому ихъ подвергаютъ; но ихъ не спрашиваютъ; нечего и человѣка спрашивать. Его и не спрашиваютъ, съ нимъ и не церемонятся: потому что, извѣстное дѣло, онъ не ученъ и отдѣлаться отъ врожденнаго ему антропоморфизма, отвыкнуть отъ человѣческаго сужденія никакъ не можетъ.

Вотъ, что касается до атомовъ, это совсѣмъ иное дѣло; ихъ не спрашивать, съ ними не церемониться невозможно; потому что съ ними, какъ ни возись, ничего

не подѣлаешь, ничего не возьмешь: имъ и вся честь и все поклоненіе.

Отрекаясь отъ своей великосвѣтской и кисейной мечтательности, и поучаясь всей премудрости научнаго реализма, — дамы, барышни, и сами того не вѣдая, служатъ наукѣ еще и тѣмъ, что доставляютъ собою драгоцѣнный матеріалъ для важнаго, научнаго эксперимента, который надъ ними производится: онѣ отлично учатся, и удивительно стойко и хорошо выносятъ весь процессъ производимаго эксперимента. Экспериментаторы въ полномъ восхищеніи, и наблюдая необыкновенное преобразованіе барышень въ школьниковъ, заботливо заносятъ въ учёные протоколы всѣ его интересные фазисы, и обогащаютъ ими до сихъ поръ столь скудныя данныя экспериментальной физіологіи и психологіи. На основаніи произведенныхъ и тщательно записанныхъ экспериментовъ, оказывается, что женскому организму присущъ особаго рода sui generis, замѣчательный нервный психозъ, или психическій нервозъ, подъ вліяніемъ котораго онѣ весьма способны одолѣвать трудности учебниковъ и выслушивать строгія внушенія своихъ учителей.

Вслѣдствіе чего можно съ полнымъ правомъ надѣяться, что со временемъ изъ женщинъ выйдутъ, если не профессора и не мастера, то по крайней мѣрѣ очень способные ученики и подмастерья науки, которые подъ руководствомъ и при указаніи настоящихъ мастеровъ и профессоровъ, могутъ быть не безполезны и для самаго дѣла.

Новаго онѣ выдумать не выдумаютъ; но за то воспринятое старое соблюдутъ и сохранятъ, какъ догматъ во всей его неприкосновенности: потому что въ нихъ вѣра большая; и разскажи имъ даже вздоръ какой, онѣ безъ всякой критики и вздору вѣрить готовы; лишь бы предварительно вырвать съ корнемъ ихъ женскую мечтательность изъ сердца.

На эксперименты, надъ ними производимые, барышни до сихъ поръ не жалуются; онѣ напротивъ въ вос-

хищеніи отъ тѣхъ похвалъ, одобреній, свидѣтельствъ, атестатовъ и дипломовъ, которыми ихъ награждаютъ и за ихъ успѣхи и за ихъ благонравіе.

Если онѣ этимъ довольны, то кто же можетъ быть недовольнымъ; если онѣ не жалуются, то кому же и жаловаться?

Учатся барышни? — учатся. Учатся въ самомъ дѣлѣ и серьёзно? Да, серьёзно и въ самомъ дѣлѣ. И что жь, хорошо? Отчего жь не хорошо? Конечно хорошо! По крайней мѣрѣ до сихъ поръ ничего худаго не вышло. И только? И только; чего жь еще больше! Вотъ Пушкинъ, какимъ онъ вышелъ изъ рукъ и подъ вліяніемъ простой нянюшки, женщины неразвитой и лишенной всякаго научнаго образованія; а какимъ бы онъ вышелъ, если бъ онъ съ самаго дѣтства своего попалъ въ руки и подъ вліяніе научно-развитой барышни! И какъ будутъ счастливы дѣточки, которыя попадутъ такому сокровищу!

И однакожь, по свойственному русскому человѣку скептицизму, и духу Собакевича, невольно думается, что научная пища, которою нынѣ питаютъ современныхъ барышень съ классическимъ или съ реалистическимъ направленіями, съ латинскою грамматикой или съ физіологіей, не особенно питательна Если ихъ прежде питали больше сладостями и конфектами, что ихъ голода не утоляло; то въ наше время ихъ думаютъ прокормить продуктами ученой лабораторіи и аптекарскими припасами, отъ которыхъ онѣ быть можетъ и будутъ самодовольнѣе, но на врядъ ли сытнѣе: аптекарскіе припасы, хотя и горьше, но не питательнѣе конфектъ.

Для окончательнаго заключенія, конечно слѣдуетъ дождаться окончанія самаго эксперимента: но быть можетъ, уже и теперь барышнямъ не совсѣмъ по себѣ; несмотря на ихъ нервный психозъ, быть можетъ, взирая на новый міръ, и на его научную обстановку своимъ наивно-довѣрчивымъ взоромъ, и не понимая порядкомъ, что такое творится въ ихъ отуманенныхъ головкахъ, и онѣ тоже пытаются украдкой обтереть рукою съ своихъ

любопытно выпученныхъ рожицъ ту лабораторную кислоту, которою экспериментаторы безъ всякой жалости обдаютъ ихъ во славу науки.

Вспоминая старое общество съ его неномѣрною пустотою, съ его вѣчно праздничнымъ видомъ, съ его грѣхами, преступленіями и непрекращаемымъ смѣхомъ, въ виду нахлынувшей на него волны современной важности и научной серьезности, невольно приходитъ на умъ старинная, нынѣ забытая, крайне непристойная, хотя и остроумная выходка Парни, который въ своей la guerre des dieux въ сласть насмѣялся надъ навожденіемъ педантизма и его убійственными, семинарскими притязаніями

Новые люди, по недостатку въ нихъ логики и знанія, толкуя о реальности, исполнены однакоже чрезмѣрною мечтательностью: всякое невѣжество всегда мечтательно; — но ихъ мечтательность, по независящимъ отъ нихъ обстоятельствамъ, по крайней тѣснотѣ и ограниченности ихъ жизни дома, въ школѣ или между товарищами, очень невысокаго разряда; неглубокая по своему содержанію, она не представляетъ ничего плѣнительнаго и въ образѣ: извѣстное дѣло, какія мечтанія могутъ быть у человѣка, который еще ничего не видалъ кромѣ черствой грубости и еле, еле съ грѣхомъ пополамъ начинаетъ разбирать по складамъ первые азы человѣческаго общежитія: ему эти азы представляются, конечно, верхомъ премудрости; онъ ими, натурально, чрезвычайно важничаетъ; — но ученикамъ старшихъ классовъ, которые ужъ успѣли научиться кой чему другому и бо́льшему, мечтательная важность первоклассника, представляется и глупою, и забавною. Такъ и новые люди очень расположены важничать тѣми крохами знанія, которымъ они лишь вчера научились. Узнавъ азы общежитія, они по поводу ихъ предаются своей школьной мечтательности, и берутся выправить его и преобразовать по своему жизненную мечту женщинъ, которыя и родились, и взросли, и воспитались, и образовались въ самомъ обществѣ, которыя зна-

ютъ уже съ дѣтства, все то, что имъ дай Богъ узнать хотя бы только подъ старость.

Высшая степень невѣжества и незнанія человѣка, по мнѣнію Платона состоитъ не въ томъ, что онъ еще не знаетъ, а въ томъ, что онъ, ничего не зная, воображаетъ, что онъ знаетъ все.

Прежнее, исполненное скромности, сознаніе женщинъ, что онѣ не знаютъ, заключало въ себѣ безконечно болѣе смысла и знанія, чѣмъ имъ внушенная, школьная мысль, будто онѣ все знаютъ: такою мыслью двери въ сферу дѣйствительнаго знанія и дѣйствительной образованности наглухо запираются и запечатываются семью печатями.

II. Переходъ литературы въ философію.

Женскій вопросъ, не имѣя въ себѣ самомъ дѣйствительнаго смысла, есть не болѣе, какъ только одно изъ великаго множества выраженій общаго вопроса, или вопроса самой жизни.

Если такъ называемые послѣдніе выводы науки сами по себѣ не питательны, если ихъ мнимая питательность не болѣе, какъ только литературное мнѣніе, которому ни люди нужды, ни люди долга серьезно не вѣрятъ, то все же возникаетъ самъ собою болѣе общій вопросъ: чѣмъ же питаться, чѣмъ жить, что дѣлать?

Женскій вопросъ съ низу и до верха, отъ начала и до конца стоитъ на литературной почвѣ. А литературная почва отвѣтовъ никогда не даетъ; она сама и въ ширь, и въ даль, и въ глубь, вся сплошь есть только безотвѣтный вопросъ: на ней по необходимости только вопрошается о питаніи, о дѣлѣ человѣка; на ней и самая жизнь ставится въ вопросъ.

О значеніи литературы за послѣднее время много чего наговорили. Но слѣдовало бы понять наконецъ, что литература и дѣйствительность находятся другъ къ другу

въ обратномъ отношеніи. Незнаніе или вообще невѣжество не есть только отсутствіе знанія, только пустота; оно осуществляется всегда какъ нѣкоторое мнѣніе, считающее себя знаніемъ: выраженіе такого мнѣнія и есть литература, конечно не труды ученыхъ, не произведенія поэтовъ. но та обыденная литература, которою изо дня въ день пробавляется публика. Но невѣжество общества есть въ немъ только стихія, только матерія его реальности, его призрачное, или его недѣйствительное бытье. А потому насколько обществу присуща его дѣйствительность, на столько въ немъ нѣтъ почвы, нѣтъ мѣста, гдѣ бы могла стоять литература. Но на сколько въ обществѣ отсутствуетъ его дѣйствительность, на сколько оно не есть нѣчто самобытно сущее, а только мнится, и только тщится чѣмъ-то быть, на сколько оно мерещется, на сколько оно лживо и призрачно, на столько оно и представляетъ собою удобную почву для возникновенія литературы, которая, по самому существу своему, никогда не опираясь о дѣйствительность, всегда стоитъ только на самой призрачности общества.

Дѣйствительность общества вся въ томъ, что оно всею жизнью, и каждымъ проявленіемъ своей жизни утверждаетъ себя самаго, свою дѣйствитсльность, и какъ незыблимое самоутвержденіе, сказывается живою вѣрою, невѣдающею никакихъ вопросовъ, никакихъ сомнѣній, никакихъ колебаній, и всегда выражающеюся утвердительно полнымъ и яснымъ отвѣтомъ.

Литературное общество, или общество въ образѣ его подвижной, неугомонной публики на оборотъ всегда и во всемъ указываетъ именно только на призрачность бытья своего; оно извѣрилось въ себѣ самомъ и ничего не утверждая, не есть утвержденіе, а напротивъ только одно бездонное сомнѣніе, при которомъ ничего основательнаго быть не можетъ, такъ какъ въ немъ нѣтъ основанія; — въ которое оно само, по своей безосновательности, необходимымъ образомъ и неудержимо падаетъ какъ въ бездну: а изъ этой бездны и возникаютъ ему

всевозможные вопросы, или только одинъ сплошной вопросъ, который и есть самая литература.

Когда изсякли источники жизни, когда изсякла вѣра, когда нѣтъ ни силы, ни основанія что либо утверждать, когда ничто не стоитъ, а все колеблется, и есть только одно, необъятное сомнѣніе, когда всѣ извѣрились, когда дѣйствительность утрачена до того, что ужь и стоять не на чемъ, и все падаетъ, все валится; тогда что же и дѣлать, какъ не вопрошать; чѣмъ же и питаться, чѣмъ же и жить, какъ не вопросами и сомнѣніями?

А потому-то всѣ мы, сколько насъ ни есть, всѣ мы, публика, всѣ мы, литература, всѣ до послѣдняго человѣка и безъ единаго исключенія, какъ всеосуждающіе, такъ и всепрощающіе живемъ и пробавляемся только вопросами: а жизнь, какъ сокрытый ручей, течетъ и журчитъ помимо насъ, гдѣ-то въ сторонѣ; мы и слышимъ шумъ и журчанье, но найти его не можемъ; и, полные сомнѣнія и томимые жаждою, вопрошаемъ, гдѣ и въ чемъ наша дѣйствительность, на которой мы могли бы встать утвердительно, не шатаясь; на которой мы могли бы утолить жажду нашу дѣйствительною вѣрою, дѣйствительнымъ утвержденіемъ? Не знаетъ ли, не слыхалъ ли, не видалъ ли кто, гдѣ она?

Этотъ вопросъ не изъ тѣхъ, которые извѣстны въ литературѣ подъ именемъ животрепещущихъ вопросовъ современности; его голоса не слыхать въ шумѣ и въ возгласахъ нашей юной и тревожной гласности; онъ безъ выраженія, безъ голоса, онъ весь въ нѣмомъ молчаніи: но за шумомъ, за говоромъ, за всѣми голосами и рѣчами, онъ слышенъ какъ затаенное, ничѣмъ не отмѣнимое горе, о которомъ нечего говорить, и нечего сказать, которое поглотило собою всю радость жизни; такъ что затѣмъ, все о чемъ говорится и толкуется, о чемъ такъ шумятъ, что такъ возглашаютъ, сдается тайно, про себя, какъ безконечное праздноуміе.

Предъ всякимъ мыслящимъ, этотъ вопросъ открывается какъ зіяющая бездна, въ которую жизнь его, со

всѣмъ ея содержаніемъ, готова въ каждый мигъ опрокинуться; надъ нею, надъ ея бездонною глубиною всѣ голоса, и всѣ рѣчи, всѣ заявленія, всѣ радости, всѣ стремленія, вся смута, и весь шумъ тревожной современности отзывается совершенно инымъ значеніемъ, котораго ни другимъ передать, ни въ себѣ самомъ заглушить невозможно. Кто разъ взглянулъ въ эту бездну, тотъ, исполняясь ея невыразимымъ значеніемъ, возвращается въ шумную среду жизни, и принимаетъ въ ней участіе вполнѣ безучастно, уже не какъ живой человѣкъ, но какъ привидѣніе: потому что онъ узналъ и извѣдалъ душею, что вся жизнь его, которую онъ держитъ, которою онъ такъ радовался и такъ гордился, есть на рынкѣ всеобщаго бытія не далѣе какъ фальшивая ассигнація.

Эту бездну, предъ которою смущается жизнь, современный позитивизмъ, принимая на себя обликъ самой философіи, берется завалить и выполнить посредствомъ научности, и, не имѣя мѣры, которою бы онъ могъ вымѣрить всю глубину и всю ширину ея, вооружается послѣдними выводами науки, эволюціей, дифференціаціей, интеграціей, соціологіей, женскимъ вопросомъ, и другими снарядами учености, и какъ бойкій мальчикъ, изо всѣхъ силъ хлопочетъ и тащитъ свою дощечку, предлагая ее, чтобъ перейти по ней зіяющую бездну безбрежнаго моря. Онъ возится и носится съ своею дощечкою, и съ полною увѣренностью предлагаетъ ее людямъ только потому, что и самое море представляется ему по глубинѣ и по величинѣ всего-то въ мелкую лужу.

Между тѣмъ какъ Фаустъ, при посредствѣ Мефистофеля, Богъ знаетъ чего ни наговорилъ, ни натворилъ, и ни нагородилъ по поводу человѣка и человѣческой жизни, вся программа ея, на взглядъ позитивизма выполняется и разрѣшается очень просто: стоитъ лишь порядкомъ пройти курсъ математики, курсъ физики, механики и химіи, курсъ біологіи, да ознакомиться съ соціологіей, и все дѣло въ шляпѣ. Hic Rhodos et hic saltus.

Позитивизмъ, воображая, что онъ обладаетъ въ своей

научности, мѣрою, вполнѣ удовлетворительною, измѣряетъ ею весь міръ и все міровое содержаніе. Каждый человѣкъ, ученый или неученый, живетъ и мыслитъ, разумѣется не иначе, какъ въ свою мѣру; и если онъ самъ доволенъ тѣмъ, что онъ ею себѣ на свою долю отмѣриваетъ, то тѣмъ лучше для него: Но ни міра, ни общества, ни человѣка вообще не слѣдуетъ измѣрять своею ограниченностью, хотя бы она была и очень ученою. Потому что измѣреніе ограниченностью того, что безконечно является ненавистнымъ притязаніемъ и резонерствомъ педантизма.

Если ученые люди, за многочисленностью и разнородностью своихъ научныхъ изысканій и соображеній, не видятъ ничего далѣе своей учености и тѣсныхъ предѣловъ ея, то за то всѣ мыслящіе, хотя бы и вовсе не ученые люди, очень ясно видятъ и понимаютъ, что вся наличная ученость міра, со всѣми ея сокровищами знанія, съ ея аудиторіями, лабораторіями, обсерваторіями, кабинетами и академіями, не только въ міровой необъятности, но и въ тѣснотѣ сердца единичнаго человѣка занимаетъ очень скромный, незамѣтный и совершенно исчезающій уголокъ, выходя изъ-за котораго съ своими притязаніями, резонерствомъ и педантизмомъ, она оказывается и жалкою, и смѣшною.

Не ученость держитъ жизнь; но напротивъ жизнь держитъ всю ученость, и даетъ ей ея значеніе. Отъ значенія жизни зависитъ и все значеніе учености, которая въ концѣ концевъ есть нѣ болѣе, какъ только то, что такъ или иначе толкуется о жизни. Но самая жизнь и ея значеніе не измѣряются этими толками, и ихъ значеніями; напротивъ она есть ихъ безусловная мѣра.

Человѣкъ живетъ лишь тѣмъ, что онъ любитъ; любить же онъ можетъ лишь то, что онъ же самъ и признаетъ смысломъ и разумомъ своей жизни, достойными его любви

Но если самая жизнь съ ея эволюціями, дифференціяціями и интеграціями, съ ея прогрессами и регрес-

сами, со всѣми ея ре-ре-репрезентаціями сказывается его смыслу безсмыслицею, не стоющею не только любви, но и малѣйшаго его вниманія; то онъ ею ни довольствоваться, ни утѣшаться не можетъ. Пусть кто хочетъ утѣшается такою пошлостью; ему же ничего другаго не остается, какъ либо вслѣдъ за Шопенгауэромъ и Гартманомъ взирать на жизнь какъ на величайшее несчастіе, и стремиться, во что бы то ни стало, скорѣй отъ ней отдѣлаться; либо, предаваясь безсмыслію, и забывая всѣ эволюціи, всѣ эгоизмы и алтруизмы, по внушенію естественныхъ потребностей, побольше понахватать себѣ такихъ удовольствій и наслажденій, которыя вознаградили бы его за недочетъ жизни, а потомъ? — а потомъ и съ колокольни долой.

Дѣло въ томъ, что въ человѣкѣ издавно сложилось сказаніе, что образъ его есть образъ Божій; и по смыслу этого сказанія, онъ несетъ въ себѣ такое мѣрило, что никакъ не можетъ удовольствоваться, а тѣмъ менѣе восхищаться тѣмъ физическимъ или тѣмъ ученымъ кормомъ, который по завѣренію ученыхъ предоставляется ему на его обще-человѣческое пропитаніе и въ отличномъ качествѣ и въ достаточномъ количествѣ.

Цѣнность этаго корма все же вполнѣ зависитъ отъ цѣны самой жизни: еслижъ эта цѣна оказывается ниже всякой стоимости, то и цѣнность корма никакъ не можетъ стоять высоко. Цѣнность и самой простой и самой сложной дряни, хотя бы и разбавленной нескончаемымъ резонерствомъ, все же остается цѣнность дряни, и цѣна ея отъ учености не прибудетъ. Послѣ самыхъ длинныхъ разсужденій, объясненій, выводовъ, доказательствъ, все же на вопросъ, да о чемъ вы разсуждаете, о чемъ толкуете, о чемъ горячитесь? прійдется отвѣчать: да все о той же дряни; о томъ удовольствіи, съ которымъ протоплазма усвоиваетъ попадающее ей питательное вещество; о томъ, какъ это самое удовольствіе усложняется, конкретируется, становится много чувствительнѣе и прі-

лтнѣе и достигаетъ наконецъ до самаго блаженства человѣка.

И только то, скажутъ, — стоило-же разсуждать, толковать и тратить столько словъ по поводу такой дряни. И въ самомъ дѣлѣ, кто лишенъ способности смаковать, и пережевывать жвачку, посредствомъ усиленной ре-репрезентаціи, тотъ ни коимъ образомъ не будетъ въ состояніи оцѣнить, какъ слѣдуетъ, всѣхъ значеній жизни, предлагаемыхъ человѣку учеными.

Ich bin zu alt um nur zu spielen
Zu jung um ohne Wunsch zu sein.

Человѣка, пока онъ живъ, ученымъ позитивизмомъ заговорить невозможно; потому что невозможно хотя бы и самымъ геніальнымъ резонерствомъ завалить и выполнить ту зіяющую бездну, которая разверзается предъ взоромъ его, всякій разъ какъ только онъ задумается и спроситъ себя изъ за чего, къ чему и зачѣмъ онъ живетъ.

Кромѣ людей науки, разсѣянныхъ по аудиторіямъ и лабораторіямъ, живетъ еще великое множество другихъ вовсе неученымъ людей; одни изъ нихъ управляются внѣшнимъ разумомъ гнетущей нужды; другіе внушаются внутреннимъ разумомъ сознаваемаго долга. Но какъ тѣ, такъ и другіе одинаково замкнуты въ самихъ себѣ, одинаково не сообщительны, и отъ нихъ напрасно ожидать отвѣта, на вопросъ, котораго они не слышатъ. Они живутъ, а какъ они живутъ, и чѣмъ они живутъ, про то они сами знаютъ и ни кому не сказываютъ. О ихъ бытьи, о ихъ помышленіяхъ до поры, до времени никому ничего не вѣдомо. Ихъ какъ будто и нѣтъ вовсе; а что они есть, оказывается всегда внезапно при катастрофѣ, потрясающей самыя нѣдра дѣйствительности неожиданнымъ, подземнымъ изъ глубины идущимъ ударомъ. Еслибъ люди не умирали съ голода, еслибъ временами не вырывались на свѣтъ кровавыя драмы и трагедіи, мы, публика, проживая на поверхности, ничего бы и не знали ни о дѣйствительности нужды, ни о дѣйствительности

долга. Потому что дѣйствительность сбывается въ тишинѣ, молча, и до роковаго мгновенія проходитъ нѣмою и незамѣтною.

За тѣмъ, есть еще литература: какъ живое выраженіе неугомонной публики, она не заключаетъ въ себѣ ни научности, ни дѣйствительности; но не имѣя ничего въ себѣ самой, она за то обо всемъ знаетъ, обо всемъ говоритъ, и все по своему высказываетъ: и о томъ, что есть нужда, и о томъ, что есть долгъ, и о томъ, что есть наука. О ней можно сказать: что ей Гекуба? но она, какъ тотъ Графъ-Американецъ, когда о честности заговоритъ, самъ плачетъ, а мы всѣ рыдаемъ, и вмѣстѣ съ Репетиловымъ съ чувствомъ сознаемся, что мы дрянные люди, что мы извѣрились въ себѣ, что въ насъ ничего нѣтъ кромѣ водевиля и сомнѣнія во всемъ.

Литература насъ и повѣщаетъ, что наше сомнѣніе такая яма въ жизни, что прикрывать ее хворостомъ совсѣмъ напрасное дѣло: столько хворосту во всемъ мірѣ не найдется. Эту яму нынѣ прозываютъ нигилизмомъ, и видно позитивисты не вникли въ его бездонный смыслъ, что все пытаются перекинуть чрезъ нее свою ученую дощечку. Педантизмомъ можно напустить пыли въ глаза, да и то только глупымъ людямъ: но самой ямы имъ не выполнить.

Сомнѣніе не въ первый разъ посѣщаетъ наше общество. Еще въ концѣ XVIII-го и въ началѣ XIX-го столѣтій, мы были знакомы съ нимъ подъ именами Вольтерьянства или вообще esprit fort. Но тогда оно было въ ходу только между мужчинами; это значитъ только въ теоріи; женщины же, т. е. самая жизнь, напротивъ въ тоже самое время, пламенѣ ли самою возвышенною вѣрою: и на фонѣ ихъ живаго утвержденія, ихъ живой вѣры теорическое сомнѣніе и ольтерьянство, совпадая взаимно, производили своимъ сочетаніемъ стройный, жизненный консонансъ, въ которомъ общество находило свою дѣйствительность; и, внимая сомнѣнію, отвѣчало на него утвержденіемъ въ образахъ массонства, и множества дру-

гихъ подобныхъ союзовъ добра и правды. Въ томъ обществѣ сила утвержденія была никакъ не менѣе силы сомнѣнія и отрицанія. Бывшее въ немъ отрицаніе придавало лишь большую прелесть, и болѣе явный смыслъ его утверждению, т. е. жизни его. Въ то время нигилизмъ былъ немыслимою невозможностью: потому что и самое сомнѣніе было лишь призрачнымъ, а не дѣйствительнымъ сомнѣніемъ; его смутный обликъ былъ едва-ли не черезъ край переполненъ вѣрою, онъ переливалъ жизнью, и какъ ночь на исходѣ, былъ переполненъ жизненнымъ трепетомъ занимающагося, пророческаго утра.

Но утро не взошло; не сбылись его пророчества; наступила только ночь непросвѣтнѣе, непроницаемѣе прежняго, и темный призракъ ея поглотилъ собою всю дѣйствительность. Она вся безъ остатка потонула и исчезла въ наступившемъ непроглядномъ мракѣ. Осталось отъ ней лишь тусклое и блѣдное воспоминаніе, являвшееся еще въ образѣ какой-то неосновательной и вовсе непонятной фанаберіи, среди отовсюду окружавшихъ и подавлявшихъ ее очень основательныхъ и плотныхъ призраковъ и кошемаровъ.

Человѣка какъ будто не стало; онъ самъ обратился въ бесплотное привидѣніе, въ пустое притязаніе, въ образъ того, чего нѣтъ; въ пустой призракъ безъ сущности; такъ какъ *его человѣческая дѣйствительность и сила* были совершенно подавлены *силою и дѣйствительностью вещей*, или реализмомъ, который, торжествуя, попиралъ все человѣческое дикою выправкою безсмыслія и насилія: дѣйствительность и сила вещей, или реализмъ, всегда выражаются насиліемъ надъ человѣкомъ. Тогда при всякомъ словѣ, при всякомъ напоминаніи о мысли, которая не была отчеканена въ казенщину, люди были въ полномъ правѣ пожимать плечами, и восклицать, какія тамъ мысли, гдѣ вы видите мысли? Все это одна фанаберія,— потому что никакой мысли нѣтъ! — Вотъ вещи, другое дѣло; вещи точно есть; и въ нихъ настоящее дѣло; то-есть дѣло насилія и человѣкоубивства.

Въ себѣ самомъ человѣкъ ничего не нашелъ, ничего не засталъ, какъ только одно сплошное сомнѣніе; ни онъ обществу, ни общество ему ничего не могли повѣдать; сила вещей задушила ихъ мечту и обратила ее въ прахъ, разсѣяла и развѣяла въ пустое пространство. Свѣтъ погасъ окончательно; настало безпредѣльное господство тьмы. Даже старыхъ словъ повторять не было силы: фанаберія, все фанаберія; «лучше дѣломъ займитесь!» и стали заниматься дѣлами безъ всякой мысли, дѣлами безсмыслія.

Сомнѣніе охватило собою все; но на этотъ разъ, сомнѣніе уже не было призрачнымъ, какъ прежде: оно было слишкомъ дѣйствительно; какъ полное отсутствіе мысли, оно сказалось отсутствіемъ общества и человѣка, и свидѣтельствуя о несбывшихся упованіяхъ и пророчествахъ, свидѣтельствовало о рухнувшей дѣйствительности, о томъ что дѣйствительности вовсе нѣтъ, а есть только одна реальность.

Гдѣ общество, куда оно дѣвалось? еще вчера слышался его властный, его авторитетный голосъ: какое вамъ общество! Да вотъ княгиня Марья Алексѣевна; развѣ это не общество? да вотъ почтенный человѣкъ Максимъ Петровичъ, съ ключемъ и сыну ключь доставилъ; развѣ это не общество? да вотъ Сергѣй Сергѣевичъ, чѣмъ онъ не общество; кого вамъ еще нужно? У васъ въ головѣ все фанаберіи, а не дѣло; съ этимъ вы какъ разъ угодите въ заведеніе для умалишенныхъ. И дѣйствительно угождали: потому что въ извѣрившемся обществѣ, при его отсутствіи, всякая вѣра въ него представляется не иначе, какъ сумасшествіемъ.

Но за отбытіемъ дѣйствительнаго общества и его утвердительнаго авторитета, въ пустотѣ и въ анархіи, которыя за нимъ воспослѣдовали, въ реальности бездушныхъ вещей и ихъ вещныхъ другъ съ другомъ разложеній и сочетаній, отсутствіе мысли или сомнѣніе разрослось до безпредѣльности, и коснулось не только мужскихъ умовъ, не только теоріи, но проникло въ самую глубь жизни, до самыхъ родниковъ ея, и охвативъ своимъ от-

рицаніемъ душу и сердце женщины, сказалось въ образѣ нигилизма, или въ образѣ того бездоннаго вопроса, на который жизнь уже не находитъ въ себѣ силы утвержденія и отвѣта.

Въ обществѣ обыкновенно предполагается, что на всякій вопросъ должна отвѣчать литература: всѣ другія функціи общества всегда заняты своимъ дѣломъ, и имъ не до отвѣтовъ. Литература же ничѣмъ не занята, не имѣетъ никакого дѣла, ничѣмъ не связана, а потому именно ей, ради ея совершенной праздности, и вмѣняется въ обязанность отвѣчать за всё, про всё, и на все.

Послѣ погрома, гораздо позднѣе, какъ только она очнулась, она и стала пріискивать и пыталась дать отвѣтъ на нигилизмъ, охватившій общество. Но литература, какъ губка, принимающая и возвращающая воду, даетъ только то, чѣмъ ее наполняетъ публика. Чего нѣтъ въ самой публикѣ, того не можетъ найтись и въ литературѣ. Задача и предъявляемое къ ней требованіе были ей не по силамъ; за утратою дѣйствительности въ самомъ обществѣ, она постоянно смѣшивала ея утраченный образъ съ ярко отчеканеннымъ образомъ реальности

Напрасно, то чередуясь, то совмѣстно западники и славянофилы заглядывали съ края въ зіяющую бездну открытаго предъ ними вопроса нигилизма; имъ было нечѣмъ заполнить ее; даже и прикрыть ее они были не въ состояніи, и надъ нею ни одно изъ ихъ утвержденій не держалось. Если одни изъ нихъ ревностно предавались новаторству, то другіе столь же ревностно погружались въ археологію; и фригійская шапка первыхъ, какъ и шапка мурмолка вторыхъ одинаково обращали и тѣхъ и другихъ въ нарядчиковъ; и всякому, кто только слушалъ ихъ горячія рѣчи, невольно представлялось, что это они говорятъ не сами, и только по наряду, въ который облекаются. За отсутствіемъ и помимо живаго смысла настоящей дѣйствительности, ни надежды новаторства, ни воспоминанія археологизма не имѣютъ никакого содержанія; надѣется ли пустой призракъ или вспоминаетъ,

все равно: и всѣ надежды его и всѣ его воспоминанія одинаково призрачны; ему отъ своей собственной призрачности нѣтъ и не можетъ быть спасенія ни въ новаторскихъ надеждахъ, ни въ археологическихъ воспоминаніяхъ. Отвѣты западниковъ и славянофиловъ были и оказывались только литературою, литературною философіей или литературною вѣрою; и тѣ и другіе проводили свое, и проводя, проходили сами, хотя и не безбѣдно, но совсѣмъ безслѣдно чрезъ всѣ обычные фазисы и пріемы литературы: сначала торжество и ликованіе, проза и поэзія, споры и полемика, гнѣвъ и недоразумѣніе, брань и негодованіе, потомъ охлажденіе и разочарованіе; и въ концѣ концевъ оказалось, что все это совсѣмъ не то, не то что требовалось и что надо было. То была пора литературнаго идеализма, чистая сфера свѣтлыхъ воспоминаній и столь-же свѣтлыхъ надеждъ; въ ней разумѣется реальность инсинуацій и доносовъ была еще вполнѣ немыслимою; и при всемъ томъ, вся она, взятая вмѣстѣ, оставалась все же литературою, или какъ впослѣдствіи говорили: одни разговоры.

Напротивъ самое основаніе, на которомъ возникла эта литература съ ея идеализмомъ было не разговоромъ, а несомнѣннымъ фактомъ, фактомъ нигилизма, или фактомъ торжества силы вещей надъ смысломъ человѣка,— реальности надъ дѣйствительностію. Совершившагося факта разговорами, дыханіемъ и дуновеніемъ устъ отдунуть, отстранить невозможно. Онъ былъ тутъ, на лицо прежде разговоровъ, и остался тутъ-же, не тронулся съ мѣста и послѣ разговоровъ. Горы сдвинуть нельзя; и нынѣ уже никто не вѣритъ, будто горы сдвигаются вѣрою; да и вѣры взять не откуда. Вмѣстѣ со всею дѣйствительностью она рухнула и потонула въ той же безднѣ сомнѣнія.

И кто же возьмется, какъ тотъ Шиллеровскій юноша, во второй разъ ввергнуться въ ея бездонную пучину, чтобъ достать со дна ея и вынесть на свѣтъ вмѣстѣ съ царскимъ золотымъ кубкомъ и утраченную вѣру? Да и

гдѣ та царская дочь, которая могла бы плѣнить отважнаго юношу на столь безнадежный подвигъ?

Послѣ того, или къ тому же времени, какъ И. С. Тургеневъ популяризировалъ у насъ представленіе о нигилизмѣ, въ пустотѣ нашего общества объявились два направленія умовъ, противоположныя взаимно, какъ два полюса одной и той же сущности того же реализма. Одно изъ нихъ высказалось, какъ идеальное ученіе нигилистовъ, которые требуютъ, чтобъ человѣкъ, принявъ въ основаніе самую пустоту, восходилъ по ней, какъ по лѣстницѣ, къ благу общественному. Вслѣдствіе своего идеализма, они забыли, что даже и Петръ, несмотря на вѣру свою, всѣже усумнился идти по волнѣ морской; хотя зыбкая, морская волна все еще много плотнѣе и солиднѣе пустоты, по которой они предпринимаютъ шествовать. Другое направленіе наоборотъ высказывается въ крайне реальномъ ученіи спиритистовъ, которые, принимая дерево за самую полноту существованія, пытаются почерпать и заимствовать утраченные человѣкомъ смыслъ и разумъ отъ столовъ, отъ шкаповъ, и отъ прочей деревянной мебели.

Какъ отрицаніе самаго смысла, нигилизмъ и спиритизмъ являются въ двухъ полюсахъ полнѣйшимъ выраженіемъ реализма; и въ пустотѣ перваго и въ деревянной полнотѣ втораго провозглашается все тоже торжество вещей надъ смысломъ человѣка. Отражая въ себѣ и собою тотъ-же реализмъ, и вся литература, равнымъ образомъ, оставила область идей, и обратила свое вниманіе на существующій общественный фактъ, на реальный уставъ общественной жизни, и отнеслась къ нему сначала только либерально-критическимъ, а потомъ также, и охранительно-спасительнымъ образомъ: и раздѣлясь на два лагеря, внушалась и дѣйствовала пріемами и въ духѣ совершеннаго реализма: при этомъ, разумѣется, какъ средства реальныя, пошли въ дѣло и доносы, и клевета, и инсинуаціи, и брань и ругань и вся реальная грязь, какая кому представлялась сродною и сподручною.

Объектомъ спора и состязанія былъ или подразумѣвался казенный уставъ общественной жизни, при чемъ, какъ классики, стоявшіе за соблюденіе устава во всей его неприкосновенности, такъ и реалисты, толковавшіе о его исправленіи по частямъ или въ цѣлости, одинаково опирались только на реальности, не признавая никакаго инаго смысла, кромѣ очевиднаго, чувственно говорящаго смысла вещей: у тѣхъ и у другихъ на виду была только дѣйствительность вещей; что-же касается до дѣйствительности самаго человѣка, о ней литература вовсе забыла. Да и не могла не забыть. Потому что, какъ она ни называйся, либеральной-ли, на которую принято доносить и инсинуировать всѣми путями, что она де не благонамѣренна, что она въ связи съ нигилистами и съ ихъ подпольною интригою, что она де подмываетъ основы; или же спасительно-охранительною, которая заручилась правомъ доносить, инсинуировать, и охранять основы; она одинаково и съ той и съ другой стороны проникнута нигилизмомъ и опирается на нигилизмѣ. При вопросѣ о томъ, гдѣ и въ чемъ дѣйствительность, ея либеральная сторона, не зная ни что отвѣчать, ни что утверждать, путается, перебивается словами, смущается, оступается и неизбѣжно должна свалиться въ зіяющую предъ нею бездну, алкающую поглотить ее.

Другая, охранительная сторона, ни во что не вѣря, ни на что не надѣется и не расчитываетъ, какъ только на дюжій кляпъ, которымъ бы прочно зажать уста и рты всѣмъ вопрошающимъ, и заставивъ ихъ молчать, тѣмъ самымъ упразднить всѣ вопросы. Но развѣ это отвѣтъ?

Also fragen wir bestandig,
Bis man uns mit einer Handvoll
Erde endlich stopft die Mauler;
Aber ist das eine Antwort?

Нигилизмъ есть фактъ; отъ него никто не свободенъ, никто не избавленъ; онъ есть общая бѣда; заклепать ее ничѣмъ не возможно; да и притомъ, какъ и всякая бѣда, она всего опаснѣе и грознѣе, когда таится въ мертвой

тишинѣ нѣмаго молчанія. Нигилизмъ невозможно сломить насиліемъ; онъ самъ и есть самый фактъ насилія: можно сломить человѣка, и доказать ему, что онъ ничто; но въ этомъ именно, въ обращеніи человѣка въ ничто, въ презрѣніи къ нему и къ его достоинству и есть самая сущность и тайный смыслъ всего нигилизма. Его ученіе въ томъ и состоитъ, что съ человѣкомъ можно обращаться какъ со скотиною, потому что въ немъ нѣтъ ничего святаго, ничего неприкосновеннаго. Взывающій къ насилію подвергается насилію; онъ первый, научая людей презирать человѣка и человѣческое, насаждаетъ въ нихъ самый корень нигилизма. Они и начнутъ презирать человѣка, и когда ихъ презрѣніе разростется до послѣднихъ предѣловъ, они спросятъ, да съ чего-жь имъ уважать его? Скотъ бьютъ,—ну и его можно бить, когда къ тому ощущается потребность, и есть достаточное возжеланіе. Когда Чацкаго объявили сумасшедшимъ, нигилизмъ общества уже былъ въ полномъ разгарѣ. Потому что нигилистъ не тотъ, кто исповѣдуетъ нигилистическія воззрѣнія; дѣйствительный нигилистъ лишь тотъ, кто презирая человѣка и попирая, втаптывая въ грязь его человѣческое достоинство, пытается зажать ему ротъ и сломить насиліемъ его воззрѣніе, каково бы оно ни было. Нигилистъ лишь тотъ, кто посягая на душу человѣка, ставитъ между его душею и его истиною, или Богомъ его, своего жандарма. Русскій нигилизмъ издавна выражается въ томъ знакомомъ восклицаніи, которое при всякомъ случаѣ во всеуслышаніе раздается у насъ съ верху до низу: и, чего тутъ еще возжаться съ нимъ! чего смотрѣть на него! валяй его, фюить.

И эти восклицанія въ ходу особенно у людей, которые яко-бы искапываютъ корни нигилизма и берутся искоренить его. Они плохіе садоводы; на каждую вѣточку, которую они сверхъ земли срѣзаютъ, они насаждаютъ по сту свѣжихъ, сочныхъ корней въ глубь земли, и холятъ и поливаютъ ихъ своимъ безобразіемъ.

Нигилизмъ есть бездонное сомнѣніе, безотвѣтный во

просъ, современный сфинксъ, задающій всякому прохожему загадку о человѣкѣ. Въ самомъ дѣлѣ, за что, и съ чего уважать человѣка?—Что въ немъ такого есть, что въ немъ достойно уваженія? Кожа, кости, мускулы, нервы, мозги, печенка, легкія, сердце, желудокъ, лимфатическіе сосуды и всякая дрянь въ нихъ? да развѣ это такъ уважительно? или водородъ, углеродъ, кислородъ, азотъ, малая толика фосфора, желѣза, сѣры? Этого добра вездѣ много, и не видать, чтобъ люди, чтобъ звѣри, чтобъ вся природа въ образѣ своихъ бесчисленныхъ представителей, относились къ нему съ особымъ уваженіемъ. Каждый изъ такихъ элементовъ не предосудительно бить, сколько душѣ угодно, въ его отдѣльности; почему же не бить ихъ, а уважать ихъ въ ихъ сочетаніи? Въ это сочетаніе не прибываетъ же какая нибудь особая entitas, которою бы измѣнялись природа и существо самыхъ ингредіентовъ состава, или сочетанія? Или если не какая entitas, то ужь не эволюція ли измѣняетъ до такой степени вещи, что обращаетъ неуважительное, дрянное, липкое, скользкое, мокрое, плотоядное въ уважительное? Оттого, что протоплазма обратилась въ человѣка, такъ я и уважай ее! Да развѣ это возможно? Эволюція дряни при началѣ, развѣ можетъ содѣлать ее не дрянью въ концѣ; развѣ оберегать, холить, нѣжить и плодить такую дрянь можетъ быть кому нибудь пріятно?

Литература, выставляя на видъ чрезвычайную важность то одного, то другаго дѣла, толкуетъ очень поучительно и серьезно, а иногда и очень трогательно и съ большимъ паѳосомъ, то о семъ, то о другомъ, о встрѣчномъ и поперечномъ, и хватая животрепещущіе интересы современности, пытается сосредоточить на нихъ все вниманіе просвѣщенной публики. А изъ зіяющей подъ нею бездны безотвѣтнаго вопроса, нигилизмъ осклабляется на ея напускную важность, на ея поддѣльную серьезность, и приглашаетъ ее снова повторить всѣ слова свои, и всю столь давно извѣстную реторику о томъ, что съ одной стороны должно сознаться, а съ другой нельзя не приз-

нать, что хотя свобода дѣло хорошее, но въ ней много и бесчутства. Хорошія рѣчи слушать пріятно. Но за тѣмъ все же и приходится признать, и сознаться надо, что важность и серьезность дѣлъ, которыми человѣкъ и литература занимаются, вполнѣ зависятъ отъ важности и серьезности самаго человѣка; и что, если человѣкъ самъ по себѣ, помимо дѣлъ своихъ, не представляетъ собою никакой важности и никакой серьезности, то и всѣ дѣла его, а съ ними и литература, о нихъ толкующая, выѣденаго яйца не стоятъ.

Литература это отлично знаетъ, но она старается заговорить это знаніе и въ себѣ и въ другихъ; она, какъ дѣти, хочетъ сдѣлать, какъ будто бы, для того, чтобъ ей возможно было продолжать свою пустую игру.

So lasst mich scheinen, bis ich werde;
Zieht mir das weisse Kleid nicht aus!

Но нигилизмъ не терпитъ никакихъ нарядовъ, и особенно ненавидитъ нарядчиковъ, и ухмыляясь, безъ всякой жалости, обрываетъ съ нихъ парики и всякаго рода мантіи, въ которые они облекаются, чтобъ прикрыть ими свою наготу; и оборвавъ до послѣдней тряпки, выводитъ ихъ въ ихъ естественномъ видѣ передъ публику, и восклицаетъ: вотъ человѣкъ, уважайте, если можете, его и всѣ дѣла его. Если вы его уважать не можете, то перестаньте болтать пустяки, и молчите; если же вы его уважаете, то скажите, за что?

Вся литература, со всѣми ея словами, рѣчами и назиданіями, не рухнулась окончательно, только вслѣдствіе своей необыкновенной легкости; ея легкость и есть ея сила; все болѣе серьезное давно бы пропало, но она стоитъ и держится. Что бы то ни былъ человѣкъ въ существѣ своемъ, достойный ли предметъ уваженія или же жалкій предметъ презрѣнія, вся ли бесконечность или просто животное и ничтожество, надъ нимъ всегда витаетъ мысль его. Литература, равнымъ образомъ, всегда бываетъ при обществѣ, надъ его публикою. Она не болѣе какъ летучій, воздушный призракъ, паръ или туманъ рѣ-

ющій и витающій надъ зіяющею подъ нимъ бездною нигилизма, или дѣйствительнаго, невымышленнаго сомнѣнія человѣка не въ тѣхъ или другихъ дѣлахъ, не въ томъ или другомъ ученіи, а въ себѣ самомъ. Литература, какъ и каждый единичный человѣкъ, имѣютъ большое расположеніе разными словами, разными фразами, разными мыслями и измышленіями заговорить самихъ себя, говоря обо всемъ другомъ: но нигилизмъ неотступно напоминаетъ, что дѣло идетъ вовсе не о другомъ, а о себѣ самомъ: Пафнутій, гдѣ и какія твои права? самъ ли ты ихъ нашелъ, или кто другой сообщилъ тебѣ ихъ? и отстраняя все лишнее, согласно съ самымъ древнимъ предписаніемъ философіи, γνῶθι σεαυτον, обращается прямо къ вопросу: что есть человѣкъ? и рѣшаетъ, что онъ есть ничто Рѣшеніе, какъ и самое слово, его выражающее, чрезвычайно короткое; и послѣ полусотни томовъ самаго геніальнаго резонерства, и послѣ научныхъ загроможденій мысли всѣми трудами современныхъ позитивистовъ, это короткое слово, измышленное впервые сфинксомъ въ окрестностяхъ Θивъ, не заглушилось, но также рѣзко и ясно раздается и повторяется, какъ неумолкаемое эхо, въ каждомъ закоулкѣ мысли; и предъ нимъ вся литература и болѣе чѣмъ литература, всѣ дѣла и самая жизнь человѣка оказываются сущимъ вздоромъ.

Неужели же въ этомъ же словѣ должны вмѣститься и всѣ ожиданія человѣка, все его прошедшее и все его будущее? О чемъ же тогда хлопотать, волноваться, суетиться, толковать, говорить?

Лучше и достойнѣе замолчать. И въ самомъ дѣлѣ водворяется молчаніе и всякій шумъ притихаетъ. Но въ тишинѣ тотчасъ пробуждается вниманіе, которое не могло собраться при шумѣ; настаетъ глубокое раздумье и въ его сферѣ слышатся иные голоса, прежде не слышные.

Когда человѣкъ во всемъ усумнился, такъ что ему не осталось на чемъ самому стоять; когда предъ нимъ всѣ утвержденія рухнули, когда все его обмануло, когда всё обманываетъ, когда всюду вокругъ него только личины,

призраки, кошемары, и все тотъ же обманъ, когда мертвый левъ оказывается хуже живой собаки, когда Ахиллъ является не лучше Терсита, а Терситъ не хуже Ахилла, когда дѣла и того и другаго сказываются по истинѣ все тою же суетою суетъ; то въ концѣ концевъ все же есть нѣкто, кто былъ обманутъ, и однакожъ обманутъ не былъ, потому что онъ самъ, какъ истина, и знаетъ и судитъ, что все это обманъ: cogito, dubito ergo sum.

Призрачное бытье литературы, приведенной нигилизмомъ къ молчанію, само собою смыкается въ раздумье; а изъ ея раздумья возникаетъ философія. Утвержденіе философіи не опирается о недвижность твердо установленныхъ фактовъ, и не стоитъ на застывшей, незыблемой догмѣ; оно покоится лишь на самой зыби вѣчно подвижной, вѣчно колеблемой, всегда неустойчивой волнѣ беспокойныхъ, смутныхъ мыслей, сомнѣній и помысловъ человѣка.

Разсмотрѣвъ женскій вопросъ, какимъ онъ является, какъ реальное измышленіе, въ самой дѣйствительности, мы должны для полноты разсмотрѣть его et sub specie aeternitatis, по образу, въ какомъ онъ понимается въ свѣтломъ мірѣ понятія и его вѣчныхъ идеаловъ.

Естествознаніе и философія.

Въ сферѣ идеаловъ, въ сферѣ человѣческой мечты или философіи, собственно женскаго вопроса нѣтъ. Какъ и дѣйствительность, философія есть утвержденіе, но не вопросъ. Въ ней созерцаются назначеніе и судьбы человѣка, обнимающія собою, какъ призваніе женщины, такъ и призваніе мужчины, вовсе не въ ихъ мнимомъ соперничествѣ, но только въ дѣйствительности ихъ взаимной любви, которою творится и дѣйствительность общества.

Весь свѣтъ и все знаніе идутъ изъ недосягаемой глубины всего прошедшаго и озаряютъ собою непроглядную тьму будущаго. Прошедшее сказывается какъ бывшій опытъ, и какъ бесконечно великій опытъ. На основаніи

этого опыта существуетъ весь міръ. Потому что всѣ его опредѣленія полагаются на него только его прошедшимъ; а что имъ еще не опредѣлено, то и пребываетъ еще какъ неопредѣленность, которую познать невозможно. И потому, если что и утверждается какъ истина, то, разумѣется, не иначе, какъ на основаніи того, что было, что прошло, и изъ темной, чувственной и непонятной вещи обратилось въ свѣтлый и понятный смыслъ.

Вслѣдствіе сего дѣйствительное общество зиждется и стоитъ только на старомъ преданіи, и только изъ него почерпаетъ самый смыслъ своего существованія.

Но, когда человѣкъ, утративъ свое преданіе изъ прошедшаго, забываетъ съ нимъ и его бесконечно-великое утвержденіе, то отрѣшаясь отъ его вѣчнаго смысла, онъ по необходимости всею цѣлостью своего самосознанія обращается къ будущему, и на его смутной матеріи пытается установить свои новыя, матерьяльныя утвержденія. Но изъ ткани этой самой матеріи слагаются также и всѣ химеры, которыми человѣкъ радуетъ или пугаетъ себя; на ея основаніи можно по произволу, какъ все утверждать, такъ и все отрицать; потому что сама по себѣ она есть чистая неопредѣленность.

Какъ въ единичномъ человѣкѣ вся цѣлость его самосознанія и самая твердость его бытья хранятся его памятью о себѣ самомъ, такъ точно цѣлость и дѣйствительность общества утверждаются ему его исторіей, или памятью о его общественномъ преданіи.

Съ забвеніемъ преданія, забывается и исторія; а потому новыя утвержденія, не находя себѣ основанія въ исторіи, по необходимости становятся на другую, не историческую, но только естественную почву: на почву натуральнаго факта, на почву естественнаго реализма.

Равнымъ образомъ и женскій вопросъ возникаетъ совершенно помимо исторіи общества, и не на основаніи того, что въ немъ было и стало сознаніемъ и мыслью, но только на основаніи того, что есть реально; на основаніи тѣхъ неопредѣленныхъ зачатковъ вновь набросан-

ной науки, которая подъ именемъ соціологіи, берется разрѣшить всѣ общественные вопросы вообще, и женскій вопросъ въ частности, не смысломъ историческаго образа жизни, но смысломъ научнаго образа пониманія вещей.

Во сколько соціологія уже успѣла понабраться своимъ спеціальнымъ содержаніемъ, она именно представляется, какъ ученіе, которое, отвергая всякаго рода историческія, философскія или метафизическія воззрѣнія, устанавливаетъ *научный образъ воззрѣнія* на общество и его содержаніе.

Прежнія историческія или философскія ученія взирали на общество и судили о его содержаніи съ точки зрѣнія различныхъ умозрѣній, касательно разумности, нравственности и назначенія человѣка; въ каждое изъ такого рода сужденій всегда входили, какъ неизбѣжная примѣсь, субъективные элементы человѣческаго антропоморфизма, человѣческихъ вѣрованій, суевѣрій и предразсудковъ, которыми искажалось объективное содержаніе самыхъ фактовъ реальной человѣческой жизни.

А потому соціологія и выставляетъ свой научный образъ, которымъ по ея ученію должно взирать на общество и судить о его содержаніи, не искажая его реальной объективности ни повѣрьями, ни суевѣріями, ни иными предразсудками, навѣянными лишь невѣжествомъ.

Научный методъ или образъ сужденія, предлагаемый соціологіей, есть тотъ самый, которому до сихъ поръ уже слѣдовали всѣ положительныя науки, и которому онѣ обязаны столь блестящими успѣхами, достигнутыми ими въ сферѣ естествознанія. А такъ какъ соціологія, есть только частная отрасль всего естествознанія, то очевидно, что и общественное содержаніе и цѣлость общества должны судиться не иначе, какъ тѣмъ же самымъ научнымъ образомъ, и разсматриваться, не какъ исторія, а какъ не выходящій изъ условій естественности фактъ, какъ нѣкоторое естественное явленіе, на подобіе тому, какъ и всякіе другіе естественные факты и явленія раз-

сматриваются въ физикѣ, въ химіи, въ біологіи, въ зоологіи, въ антропологіи.

Для научнаго образа воззрѣнія, природа есть всеобщій фактъ, на которомъ зиждутся какъ общество, такъ и всякое иное существованіе. Но въ различіе отъ прочихъ существованій, въ существованіе человѣческаго общества факторомъ, опредѣляющимъ въ немъ такое или иное направленіе, входятъ еще и мысли, мнѣнія, представленія и понятія людей; а такъ какъ людскія мысли, мнѣнія, представленія и понятія о вещахъ не всегда сообразны съ самою природою вещей, то и существованіе общества, чрезъ участіе въ его жизни этого субъективнаго элемента, бываетъ не устойчивымъ, и подвергается множеству колебаній. Для того, чтобы избавиться отъ такихъ колебаній и получить устойчивость, общество должно въ каждомъ изъ своихъ проявленій, въ каждомъ изъ своихъ утвержденій, согласоваться не съ предразсудками невѣжества и не съ абстрактными понятіями, но только съ реальными условіями, опредѣленіями и законами, которые даются самою природою.

Но дѣйствительность природы вовсе не то, что каждому о ней мерещится и представляется: невѣжество неспособно представлять ее въ ея истинномъ видѣ; она представляется или усматривается, какъ она есть дѣйствительно и на самомъ дѣлѣ, только при посредствѣ научнаго образа или метода.

Съ научной точки зрѣнія, существующее общество, сложившись подъ вліяніемъ невѣжества случайно и гораздо прежде чѣмъ выяснился самый методъ научнаго сужденія, — при участіи не научнаго и совершенно неправильнаго сужденія людей, не могло сложиться правильнымъ образомъ; и есть во всей цѣлости своей не болѣе, какъ нѣкоторый случайный, вовсе не научный, хотя и очень реальный и физически необходимый нарость всякаго рода предразсудковъ, суевѣрій и заблужденій; и весь его уставъ и все его содержаніе должны быть вновь пересмотрѣны, исправлены, пополнены и

изданы вновь, но уже на научномъ основаніи и научнымъ образомъ.

Общества животныхъ, напримѣръ бобровъ, въ такомъ исправленіи не имѣютъ надобности; въ нихъ исправлять нечего, и все состоитъ въ совершенной исправности. Потому что у животныхъ нѣтъ ни ума, ни мысли на столько, чтобъ за удовлетвореніемъ естественныхъ потребностей, они могли еще обращаться въ суевѣрія, предразсудки и въ ложныя понятія и ученія.

Въ человѣческомъ обществѣ всѣ бѣды отъ мысли, все горе отъ ума: отъ излишка мысли, отъ излишка ума. Научный методъ главнымъ образомъ въ томъ и заключается чтобы по извѣстной ему нормѣ урѣзывать эти излишки и избавлять отъ нихъ страждущее человѣчество.

По воззрѣнію соціологіи и заключающагося въ ней, какъ ея часть, женскаго вопроса, научный методъ или научный образъ сужденія, признается высшимъ образомъ мышленія, и облекается правомъ суда надъ самимъ обществомъ во имя общаго естествознанія.

Прежде, напримѣръ, физіологія позволяла себѣ вскользь судить объ общественномъ содержаніи, придираясь только къ злоупотребленію женщинъ корсетами, и указывая какой вредъ причиняется ими здоровью и самому сложенію организма: нынѣ нѣтъ такой сферы въ обществѣ, практической или теоретической, гигіенической или политической, теологической или метафизической, о содержаніи и о положеніяхъ которой физіологи не судили бы и не рядили съ сознаніемъ своей полноправности.

Вслѣдствіе сего и самое имя науки, подъ которымъ особенно подразумѣвается вся цѣлость естествознанія, какъ область наукъ реальныхъ въ противуположность области классическихъ или гуманистическихъ наукъ. въ необъятномъ туманѣ всего недосказаннаго, обратилось для современныхъ умовъ въ великій, въ священный знакъ, на который и ссылаются всѣ современныя суевѣрія и новѣйшіе предразсудки, всѣ пламенныя надежды и воз-

дыханія, если не дѣйствительнаго общества, то по крайней мѣрѣ всего громаднаго большинства его современной и очень реальной публики, пробавляющейся намёками и набросками всего того, что преподается еще не состоявшимися доктринами соціологіи вообще и женскаго вопроса въ частности. In hoc signo vinceris! Предъ этимъ знакомъ преклоняются, на него взпрають, ему жертвуютъ, какъ преклонялись и жертвовали въ древнемъ классическомъ мірѣ предъ именемъ и предъ знаками Кесаря.

Но естествознаніе имѣетъ своимъ предметомъ всю природу; вся же природа выступаетъ безмѣрно далеко за предѣлы его и, хотя можетъ быть принята за предметъ знанія и нѣкоторыхъ предположеній — по отношенію къ тому, что изъ ея цѣлости уже вошло въ учебники; но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ есть гораздо болѣе предметъ незнанія, нежели знанія. И потому все естествознаніе, если и есть нѣкоторое знаніе, то только незаконченное и недосказанное знаніе; небольшой отрывокъ рѣчи, отъ котораго оторваны и ея начало и ея конецъ; такъ что изъ него и по нему невозможно дознаться до самаго смысла того, о чемъ въ ней говорится. Естествознаніе, постоянно вѣдаясь съ матеріей неизвѣстнаго и не вѣдомаго, которой предстоитъ раскрыться только въ будущемъ, есть и само самый образъ, самое представленіе всего будущаго, которое, наступая, предстоитъ человѣку и смущаетъ его смутою всего ему невѣдомаго. Это будущее, это естествознаніе, или положительное, реальное знаніе, на которое новые люди ссылаются, какъ на нѣчто твердое и опредѣленное, именно и есть самый принципъ и основаніе ихъ ученія и всѣхъ ихъ утвержденій; и является объективно, какъ самая матерія всего невѣдомаго, на которой воздвигаются теоріи положительнаго знанія и субъективно,—какъ самая матерія всего невѣжества.

Вотъ почему и соціологія съ волнуемымъ въ ея матеріи невѣдомаго и невѣжества женскимъ вопросомъ,

составляя часть естествознанія, находясь подъ знакомъ научнаго метода мышленія, чуждая преданію прошедшаго, обращена лицемъ и взорами въ будущее, имѣетъ свое основаніе, свой образъ и свое содержаніе въ будущемъ и вѣдается какъ объективно, такъ и субъективно только съ смутною и неопредѣленною матеріей, только съ предположительными ожиданіями будущаго.

Но о будущемъ ничего сказать невозможно, какъ только, что оно есть непроницаемая тьма всего невѣдомаго. Однако дѣти и юноши, по увлеченію иногда и женщины, очень склонны принимать тьму за свѣтъ, и наиболѣе смутное и невѣдомое за то, что каждому изъ нихъ очень ясно и просто само собою разумѣется.

Отклоняясь отъ сферы всего смутнаго и невѣдомаго, философія напротивъ пытается только вспомнить изъ глубины всего прошедшаго его древнее и завѣтное преданіе, чтобъ, уразумѣвъ во всей цѣлости смыслъ его нерѣдко иносказательнаго выраженія, возобновить его въ памяти столь забывчиваго юного поколѣнія, и проникнувъ мыслью непроницаемую матерію всего будущаго, озарить ея непроглядную тьму яснымъ и несомнѣннымъ свѣтомъ, текущемъ изъ прошедшаго.

1. Назначеніе и судьба человѣка.

Все что ни есть на свѣтѣ отъ самаго малаго и до самаго великаго, имѣетъ свою природу, свое опредѣленіе, свое назначеніе отъ прошедшаго, изъ котораго оно сталось, и свое совершеніе, свое осуществленіе, свой конецъ, свою судьбу въ будущемъ, въ которомъ сбывается, то чему предстоитъ сбыться.

Человѣкъ и все его существованіе равнымъ образомъ опредѣляются въ силу его назначенія, которое исходитъ изъ его прошедшаго, и въ силу его судьбы, которая постигаетъ его, наступая съ будущимъ. На назначеніе человѣка намекаютъ всякій разъ, когда возбуж-

дая въ комъ нибудь его бодрость, его энергію, требуютъ, чтобъ онъ былъ человѣкомъ, чтобъ онъ и въ тяжкихъ обстоятельствахъ поступалъ и велъ себя сообразно съ человѣческою природою. Природа человѣка, полагаемая въ немъ въ силу его назначенія, какъ его опредѣленіе изъ прошедшаго, неизмѣнна; ничто не можетъ поколебать или извратить ее; она есть въ немъ его незыблемый, неприкосновенный, самобытный человѣческій образъ его, недосягаемый въ его опредѣленіи, какъ недосягаемо само прошедшее. Передѣлать, переиначить, измѣнить то, что было, что прошло, что свершилось, и сдѣлать такъ, чтобъ его не было, невозможно. Напротивъ въ силу судьбы, которая темнымъ, невѣдомымъ образомъ затаена въ наступающемъ будущемъ, все существованіе человѣка предано всей неопредѣленности, всѣмъ воздѣйствіямъ, всѣмъ случайностямъ, всѣмъ превратностямъ внѣшности. Въ противуположность природы по назначенію, которая, какъ самый смыслъ всего того, что уже прошло, изъята отъ всякой внѣшности и ея прикосновеній, и пребываетъ только внутри,—опредѣляемость существа въ силу судьбы его, есть самая матерія его, или его внѣшняя, чувственная, вещественная природа, которая, какъ внѣшность, и предстоитъ внѣшнимъ образомъ, и предана всѣмъ воздѣйствіямъ силъ внѣшности.

Природа человѣка по назначенію, изъятая по существу своему отъ силъ внѣшности, есть то самое, что изстари называлось душею; его же природа, которой предстоитъ еще испытать и извѣдать судьбу свою въ наступающемъ будущемъ, или его внѣшность, преданная всякой внѣшности, есть то самое, что всегда противуполагалось душѣ человѣка, какъ его тѣло. Душею человѣкъ относится только къ своему назначенію, которое открыто ему въ его прошедшемъ, и есть самый смыслъ всего того, что есть; тѣломъ, чувственно, существованіе человѣка, какъ внѣшность, подлежитъ судьбѣ, которая сокрыта въ будущемъ, и предстоитъ субъективно, какъ невѣжество,

объективно, —какъ матерія невѣдомаго, или какъ невѣдомая матерія.

Идеалисты, говоря о человѣкѣ, имѣютъ въ виду его назначеніе, и болѣе или менѣе склонны забывать о его судьбѣ, предстоящей въ его матерьяльной природѣ. Напротивъ матерьялисты, имѣя въ виду всего болѣе матерьяльное опредѣленіе и внѣшнюю судьбу человѣка, болѣе или менѣе забываютъ о его назначеніи, которое, какъ уже состоявшееся опредѣленіе, какъ и иныя опредѣленія иныхъ существъ и существованій, пребываютъ неизмѣнными, и разъ навсегда изъяты отъ воздѣйствія внѣшности. О неизмѣнности природы, опредѣляемой назначеніемъ, матерьялисты, и послѣдователи иныхъ толковъ, имѣющихъ одно основаніе съ матерьялизмомъ, могли-бы судить уже изъ того, что они сами заявляютъ о законѣ или о имъ извѣстныхъ явленіяхъ наслѣдственности, которая, какъ глубокое воспоминаніе о томъ, что было, какъ неизгладимый слѣдъ прошедшаго, лежитъ въ основѣ всякаго не только органическаго, но даже и неорганическаго существованія.

Въ силу своего назначенія, человѣкъ есть безусловно самъ то, чѣмъ онъ себя мыслитъ, или вспоминаетъ себя изъ своего прошедшаго: чего не было, чего нѣтъ въ его прошедшемъ, онъ можетъ измыслить изъ внѣшности; но мыслить дѣйствительно, въ себѣ самомъ, не можетъ. Но что бы человѣкъ ни мыслилъ самъ о себѣ, чѣмъ бы онъ ни былъ по назначенію, въ своемъ an sich sein, онъ въ силу внѣшней судьбы, принужденъ влачить свое существованіе, всегда соображаясь съ тѣмъ, что вовсе не онъ самъ, не его собственный образъ, но совершенно другое, и образъ всего другаго, ему чуждаго, ему внѣшняго, для него совершенно посторонняго содержанія; и въ соображеніи своего существованія съ внѣшностью, онъ отторгается отъ своего an sich sein, или отъ своего бытья по назначенію, и впадаетъ въ свое sein für anderes, въ свое существованіе по опредѣленію внѣшней судьбы.

Самъ по себѣ человѣкъ есть то, чѣмъ онъ сталъ, исходя отъ предначальной причины бытія своего, отъ причины, которая присуща всему его безконечно далекому прошедшему. Но онъ же есть и то внѣшнее явленіе, которое, существуя во внѣшнемъ мірѣ, предано всей внѣшности, всѣмъ силамъ и превратностямъ ея, и имѣетъ, какъ чувственная матерія, въ себѣ самомъ свою темную, непроницаемую, и пока она не прошла и не свершилась, никому невѣдомую будущность.

О томъ, что человѣкъ есть, по своему назначенію, всякій знаетъ и можетъ сказать, что онъ такое: потому что его назначеніе ни отъ него, ни отъ другихъ людей не затаено, но, какъ для него, такъ и для другихъ, вполнѣ явлено, явно и ясно высказано въ причинѣ бытія его или въ томъ прошедшемъ, изъ котораго онъ и сталъ самимъ собою тѣмъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ есть. Потому что его прошедшее и есть самая причина, или самая сущность его бытія, и эта сущность неизмѣнна и недосягаема для внѣшности: того, что было, что прошло, что сталось, коснуться, или отмѣнить ничто и никто не можетъ; оно было, оно сталось, и потому есть вѣчно.

Прошедшее вполнѣ опредѣлено, вполнѣ совершено, вполнѣ ясно. Кто не знаетъ его? кто можетъ не знать его? Развѣ только тотъ, кто никогда не мыслилъ. Мыслить именно и значитъ вспоминать и знать прошедшее, для того, чтобъ жить на основаніи извѣстнаго опыта. Вообще, если что можно знать, то, разумѣется, не иное что, какъ только прошедшее. Знать можно не то, что еще не исполнилось, не то, что еще не совершилось; не то, чему еще предстоитъ пройти; но только то, что уже прошло и есть въ самомъ дѣлѣ уже не что нибудь мнимое, не призракъ предположенія, но вполнѣ извѣстная сущность, которая, какъ самый смыслъ всего, что прошло, есть вѣчно. Всякое дѣйствительное знаніе имѣетъ въ своемъ основаніи опытъ; а опытъ и есть свидѣтельство изъ прошедшаго: на такое свидѣтельсто и можно и слѣдуетъ полагаться. Того, что не прошло и не стало

опытомъ, знать невозможно, о нёмъ можно имѣть только мнимое знаніе, т. е. не знаніе, а только невѣжество. Основаніе, на которомъ зиждется ученіе матеріализма есть матерія. Но матерія и есть именно то невѣдомое, которое еще не прошло, и которому еще предстоитъ пройти, т. е. будущее, которое наступаетъ, и проходитъ, но котораго никто не знаетъ и не можетъ знать, пока оно еще не прошло. Полагать въ основаніе матерію, значитъ основываться на невѣдомомъ. Если есть что невѣдомаго и неизвѣстнаго, такъ это только матерія. Что такое матерія? тоже самое что будущее; то, что невѣдомо, или самое невѣжество, являющееся объективно, во внѣшнемъ образѣ матеріи. Что такое невѣжество? не болѣе какъ мнѣніе, принимающее матерію, или вообще невѣдомое за основаніе; или мнимая матерія, которая внутренно, субъективнымъ образомъ и есть самое невѣжество.

Говорятъ вся матерія проходитъ: это значитъ проходитъ невѣжество и становится знаніе; но насколько еще не всё прошло, насколько еще предстоитъ наступающее будущее, настолько въ мірѣ есть еще и невѣдомая матерія, а потому и невѣжество.

Всѣмъ явно, всѣмъ извѣстно что такое человѣкъ по природѣ своей отъ назначенія; во имя его, всѣмъ извѣстной природы, всѣ и предъявляютъ ему требованіе, чтобъ онъ былъ человѣкомъ, когда онъ въ жизни, въ дѣлахъ или въ поступкахъ проявляется не по человѣчески. Но о томъ, чѣмъ человѣкъ будетъ, и что съ нимъ станется, никто не знаетъ, и никто ничего сказать не можетъ. Выдавать за знаніе свои предположенія, гаданія или мнѣнія о невѣдомомъ, свойственно только невѣжеству. Знающій знаетъ, что сокрытаго въ будущемъ, онъ не знаетъ и не можетъ знать. Будущность человѣка затаена, и вполнѣ сокрыта отъ взоровъ, отъ знанія въ непроницаемыхъ туманахъ всего наступающаго. Она есть его внѣшнее явленіе, его матерьяльное существованіе во внѣшности, въ которомъ затаена чувственная, еще не совершенная природа его. Ея неизвѣданная матерія пре-

исполнена смутою всякаго рода ожиданій, гаданій, страховъ и ужасовъ всего невѣдомаго, всего наступающаго.

При видѣ юношества, при видѣ юнаго, наступающаго поколѣнія, кто знаетъ, кто можетъ сказать, что таится въ немъ! Оно объято еще тьмою матеріи и туманами невѣжества, и все его существованіе, какъ чрезъ край налитая чаша, чревато и обѣщаніями и угрозами. Оно только впослѣдствіи, когда свершатся судьбы его, разрѣшится или радостью или бѣдами и горемъ.

Страхъ и опасенія предъ невѣдомой стихіей наступающаго будущаго обращаются въ свѣтлыя надежды только въ мѣру того, насколько свѣтъ изъ прошедшаго проникаетъ и озаряетъ лучемъ своей мысли и своего знанія непроглядный мракъ его смутно волнующихся тумановъ. Но само юношество слишкомъ склонно принимать за свѣтъ самый мракъ, обдающій его. Потому что все озаряющій источникъ свѣта, самъ по себѣ не видимъ, и свѣтъ его становится видимымъ, только на той тьмѣ, на томъ мракѣ, которые имъ озаряются.

Назначеніе человѣка свѣтло и ясно; но судьба, его постигающая, темна и никому невѣдома. И самъ человѣкъ во всемъ своемъ существованіи есть непрерывная, ни на одинъ мигъ не прекращаемая борьба между его внутреннимъ, неизмѣннымъ назначеніемъ и между его превратною, никому невѣдомою, темною судьбою: или какъ это выражалось изстари между свѣтлыми внушеніями его души, и между тёмными побужденіями его тѣла.

И прошедшимъ и будущимъ одинаково выражается время; но несомнѣнно, что прошедшее и будущее во времени различаются; и если отвергать, какъ не научное, различіе между душою и тѣломъ, между назначеніемъ и судьбою, то научнымъ-же образомъ слѣдовало бы отвергать и различіе между прошедшимъ и будущимъ. Потому что это одно и тоже различіе, одно и тоже отношеніе, одна и таже связь, и для разсѣянія всякихъ научныхъ возраженій или сомнѣній на счетъ дѣйствительности раз-

личія между душою и тѣломъ, достаточно было-бы удостовѣриться въ томъ, что каждый человѣкъ, ученый или неученый, на вопросъ, гдѣ его прошедшее, и гдѣ его будущее, непремѣнно укажетъ въ двѣ діаметрально противуположныя стороны и ни за что на свѣтѣ не согласится, чтобы это было одно и тоже, хотя ему извѣстно, что все будущее становится прошедшимъ и всякая матерія—смысломъ.

О желудѣ, упавшемъ съ дуба, всякому явно, и вполнѣ открыто, всякому извѣстно или можетъ быть извѣстно, покрайней мѣрѣ вовсе не тайна, что изъ него, по его неизмѣнно предопредѣленному назначенію, взойдетъ молодой дубокъ, который раскинется въ свое время могучимъ деревомъ, дастъ въ своихъ вѣтвяхъ и развѣтвленіяхъ, подъ густымъ покровомъ своей зеленой листвы, пріютъ многочисленному населенію пернатыхъ, которые будутъ оглашать его тѣнистые, лучами солнца пронизанные, зеленые своды радостнымъ пѣньемъ и неумолкаемыми кликами жизни, что онъ простоитъ много годовъ, много вѣковъ; что надъ его головою пронесутся и прошумятъ и много бурь и много грозъ, которыя, потрясая его въ самомъ основаніи до самыхъ корней его, однако не сломятъ и не свалятъ его; что наконецъ, передавъ жизнь свою многимъ новымъ поколѣніямъ дубовъ, выполнивъ и совершивъ до конца все свое назначеніе, онъ утомится жизнью, и дыханіе ея отлетитъ отъ его стараго, обожженнаго грозами и обвѣяннаго бурями, полуизсохшаго пня. Это назначеніе, заложенное въ самомъ желудѣ, какъ его сущность, какъ то, что въ немъ окончательно и безповоротно рѣшено, какъ то, что уже совершено и опредѣлено еще гораздо ранѣе самаго начала его бытья и о чемъ онъ только вспоминаетъ своею жизнью, какъ о своемъ неизмѣнномъ жизненномъ образѣ, — это назначеніе всякому извѣстно, ни для кого не тайна; стоитъ лишь вспомнить, что прежде было, чтобъ знать, что будетъ и впередъ отъ начала и до самаго конца. Что въ желудѣ, или въ иномъ существѣ есть наиболѣе глубокаго, неиз-

мѣннаго и самаго внутренняго бытья, что въ немъ душа всего его существованія, то именно въ немъ и есть самое ясное, самое явное и самое открытое для всѣхъ.

Но это еще только назначеніе; а у желудя, какъ и у всякаго инаго существа, въ силу его внѣшняго, матерьяльнаго опредѣленія, есть еще и его судьба, которая, пока не исполнилась, никому не вѣдома. Все, что о желудѣ такъ несомнѣнно извѣстно по его назначенію, быть можетъ и не сбудется вовсе. Кто знаетъ судьбу его? кто можетъ сказать, что съ нимъ станется! Быть можетъ, тамъ, гдѣ онъ упалъ на землю, пройдетъ свинья и пожретъ его, со всѣми его предвѣщаніями и воспоминаніями. Быть можетъ вмѣсто того, чтобъ развиться въ могучее дерево, аптекарь-нѣмецъ найдетъ его, и сожжетъ на желудовой кофе, который и разопьетъ на здоровье съ женою и съ дѣтьми, толкуя о томъ, что въ мірѣ все устроено къ лучшему, и что разумный человѣкъ изъ всего можетъ добыть себѣ удовольствіе. И дуба не будетъ; и не сбудется ни одно изъ тѣхъ обѣтованій, которыя быть можетъ уже грезились желудю, которыя несомнѣнно были въ немъ, какъ его назначеніе. Но кромѣ своего глубокаго, внутренняго назначенія, кромѣ души своей, онъ имѣетъ еще и свое внѣшнее тѣло, свою поверхностную, чувственную сторону бытія, которая, какъ внѣшность, и предана во власть внѣшности и всякихъ ея случайностей.

Кажется матерія, или внѣшнее, видимое вещество, тѣло желудя, есть то, что въ немъ наиболѣе виднаго и явнаго; за это тѣло его можно даже въ руки взять, руками осязать, мѣрить, вѣсить, анализировать. Но потому то именно его точно также, можетъ взять и все другое, и все то, чему до его назначенія нѣтъ ни малѣйшаго дѣла; а что именно, какое другое, какая внѣшность возмутъ его, никому впередъ неизвѣстно, и принадлежитъ матеріи всего невѣдомаго, или будущему. Будущность всякаго существа таится именно не въ его глубинѣ, но напротивъ въ его самомъ наружномъ, и въ самомъ по-

верхностномъ существованіи, въ его матеріи, которая мерещится невѣжеству, какъ то, что есть самаго извѣстнаго, самаго опредѣленнаго и самаго понятнаго, но есть напротивъ самая неизвѣстность, самая неопредѣленность, самая непонятность; то, надъ чѣмъ господствуетъ невѣдомая, неотклонимая и всесильная судьба.

Назначеніе и судьба спорятъ между собою о существованіи всякаго существа; и самое существо и есть арена для ихъ нескончаемаго спора. Ихъ споръ всегда идетъ о томъ, что сбудется съ существомъ: будетъ-ли его существованіе согласно съ опредѣленіемъ его назначенія, или же согласно съ чѣмъ нибудь другимъ, съ какою нибудь набѣжавшею случайностью по опредѣленію судьбы.

Всякое существо есть, или живетъ утвердительно, вспоминая изъ глубины бытья своего, что оно есть само собою, по своему назначенію; и всѣми силами порывается быть не иначе, какъ своимъ образомъ, самимъ собою. Но, какъ внѣшнее существованіе, преданное во власть внѣшности и ея внѣшнихъ силъ, оно въ своихъ порывахъ и стремленіяхъ встрѣчается съ опредѣленіями его судьбы. И потому его назначеніе и его судьба рвутъ его между собою, и все его существованіе есть ихъ непрерывный споръ, съ его различными изворотами, перипетіями, и его рѣшающимъ, окончательнымъ заключеніемъ.

И чѣмъ выше ступень, на которой стоитъ существо въ іерархіи, или на лѣстницѣ всѣхъ существъ, тѣмъ шире отводится въ немъ и самая арена для спора, и тѣмъ значительнѣе и самое назначеніе и самая судьба, спорящія въ немъ другъ съ другомъ о его существованіи.

Значительность назначенія, или глубина его, и значительность судьбы, или ея обширность всегда взаимно соразмѣрны, и соизмѣряются другъ другомъ.

Всѣ существа находятся внѣшнимъ образомъ въ одномъ и томъ-же мірѣ: но содержаніе міра касается каждаго изъ существъ, въ немъ живущихъ, не въ одинаковой мѣрѣ, не въ одинаковой степени; а только въ той, въ какой этому существу присуще вниманіе къ тому, что

происходитъ въ мірѣ; въ какой ему есть дѣло до того, что въ мірѣ дѣлается.

Какъ отзывается, какимъ образомъ, какимъ порядкомъ сказывается назначеніе, присущее всѣмъ прочимъ существамъ, животнымъ или растеніямъ, или наконецъ и веществу, образъ бытья котораго совершенно непроницаемъ, намъ неизвѣстно; мы можемъ развѣ только гадать о томъ: но не смотря на всѣ гаданія наши, эта неизвѣстность остается для насъ все же не разгаданною, и по отношенію къ животнымъ и растеніямъ очень смутною, а по отношенію къ неорганическому веществу и совершенно непроницаемою матеріей. Ни физика съ механикою и съ химіей, ни біологія, въ области фитологіи и зоологіи, не опредѣляютъ ни степени вниманія, которымъ одушевлены вещество и живущія существа, ни точной мѣры, въ которой содержаніе міра касается ихъ существованія.

Но человѣка касается весь міръ всею цѣлостью своего содержанія, всею своею внѣшностью и всею своею сущностью; человѣку есть дѣло до всего, что дѣлается или что происходитъ въ мірѣ; и въ мірѣ ничего нѣтъ, что бы не относилось къ человѣку. А потому въ его безпредѣльномъ вниманіи, весь міръ совпадаетъ въ образъ его самосознанія, и съ одной стороны сказывается въ немъ, какъ все то, что прошло и уже совершилось, смысломъ всего сущаго, а съ другой, какъ все то, что еще не прошло и не совершилось, чему предстоитъ пройти, но что еще только наступаетъ, только сбывается и есть самая внѣшность всего существованія.

Въ человѣческомъ самосознаніи смыслъ всего сущаго и внѣшность всего существованія предстоятъ другъ другу и вѣдаются другъ съ другомъ какъ бесконечный образъ его назначенія и какъ бесконечный же образъ его судьбы.

Все то, что уже сталось, и сказалось смысломъ и есть смыслъ назначенія, которымъ человѣкъ живетъ; а все то, что еще только сбывается, что наступаетъ, что проходитъ, весь существующій внѣшній міръ, и есть та

внѣшность, въ которой человѣкъ влачитъ свое существованіе, та внѣшняя судьба, силамъ которой его существованіе предано на землѣ.

Самъ человѣкъ есть необъятная безпредѣльная арена, для той нескончаемой распри, въ которой о немъ же самомъ, какъ о призѣ и ведется и рѣшается споръ между бесконечнымъ смысломъ его назначенія, и между бесконечною, внѣшнею силою и тьмою его судьбы.

Смыслъ назначенія человѣка, сказывается въ немъ ему самому его безмѣрною мечтательностью, или его безмѣрнымъ притязаніемъ, въ которыхъ онъ сознаетъ себя существомъ бесконечнымъ, объемлющимъ собою весь міръ. Онъ самому себѣ является на лѣстницѣ міроваго развитія, исполненія и совершенія послѣднимъ явленіемъ, послѣднимъ звѣномъ, заключающимъ въ себѣ все, что до него было, всю полноту, и все совершенство всѣхъ исполненій и всѣхъ совершенствъ міра. Все остальное существованіе и земля и небеса, отъ самаго начала ихъ въ сѣдой, недосягаемой древности, до послѣдняго мгновенія въ настоящемъ, все прошедшее, которое прошло, со всѣмъ, что въ немъ прошло и состоялось, имѣло его предъ собою въ виду, и есть лишь бесконечное сужденіе, стремившееся къ нему, какъ къ своему полнѣйшему заключенію, есть бесконечная, его произведшая, вызвавшая его къ бытію, причина. Но этой причины нѣтъ гдѣ нибудь въ сторонѣ, гдѣ нибудь вдали, внѣ или сзади его: она вся только въ немъ одномъ; во всемъ остальномъ мірѣ она только отчасти; но въ немъ она вся всею цѣлостью, всею полностью своею. Онъ это знаетъ, онъ это вспоминаетъ въ себѣ самомъ; кому же это и знать и вспоминать, какъ не ему? Онъ самъ же, вѣдь и есть явленіе этой причины; въ немъ ничего нѣтъ, ни одного атома, ни единаго мига бытья, которые не были бы отъ ней; все, что въ немъ есть, только отъ ней и есть: какъ же ему не знать и не помнить о ней? Явленіе причины, не было бы ея явленіемъ, еслибъ оно не знало и не помнило о ней? Ученые, пытающіеся объяс-

нить или опредѣлить какое нибудь существованіе, развѣ они не обращаются мысленно къ причинѣ его, къ его генезису, къ тѣмъ образамъ бытія, изъ которыхъ оно вытекло, какъ ихъ явленіе? Человѣкъ равнымъ образомъ, объясняя себѣ себя самаго, опредѣляя себя, узнаетъ, что онъ такое есть, только тѣмъ, что онъ углубляется своимъ воспоминаніемъ въ бесконечность прошедшаго, изъ котораго онъ вышелъ, и пробѣгая по слѣдамъ весь истекшій, бесконечный опытъ всего міроваго бытья до самой причины причинъ его, въ смыслѣ всего сущаго, изъ его недосягаемой глубины вспоминаетъ и бесконечный смыслъ своего человѣческаго назначенія.

Глубинѣ воспоминанія человѣка нѣтъ предѣла; какъ глубоко идетъ прошедшее, такъ же глубоко идетъ и воспоминаніе: потому что все прошедшее и есть только самое воспоминаніе, и помимо воспоминанія, внѣ или со стороны, нѣтъ прошедшаго. Изъ воспоминанія, какъ училъ еще Платонъ, возникли, возникаютъ и возникнутъ, еще въ глубинѣ его затаенныя знанія, всѣ науки, весь міръ со всѣмъ его содержаніемъ, самъ человѣкъ, земля, на которой онъ стоитъ, небеса въ которыхъ она тонетъ, и о которыхъ онъ мечтаетъ, въ воспоминаніи находится и есть самый смыслъ всего, что прошло, всего, что когда нибудь было, всего, что исполнилось, что совершилось, что сказалось, какъ бывшій опытъ, что прозвучало, и оставило свой слѣдъ: по этому слѣду человѣкъ прослѣживаетъ и всѣ свои предчувствія, и всѣ мечты своего помысла, и всю свою любовь, а за всѣмъ этимъ необъятнымъ содержаніемъ, и тотъ предвѣчный смыслъ, образомъ котораго сталось все, что есть.

И этотъ предвѣчный смыслъ всего мірозданія, и смыслъ назначенія человѣка есть одинъ и тотъ же смыслъ, потому что смыслъ причины и смыслъ явленія, не могутъ быть различными смыслами; между ними не можетъ быть никакого двусмыслія.

Ученые позитивисты положили въ своемъ совѣтѣ, поставить предѣлы человѣческому воспоминанію, и нала-

гаютъ на человѣка обязательство отнюдь не простирать своихъ воспоминаній далѣе того, что они сами помнятъ и знаютъ, и выставляя свою ограниченность вмѣсто самой истины, хотятъ взмѣрить ею всю бесконечность. Ихъ научность въ томъ и состоитъ, чтобъ запрещать человѣку вѣдать о томъ, что переступаетъ мѣру ихъ ограниченности. Обращаясь къ человѣку какъ къ школьнику, сидящему въ ихъ аудиторіи и внимающему ихъ премудрости, они указываютъ, что онъ по книжкѣ узнаетъ и вытвердитъ вотъ на эстолько, и отмѣтивъ ногтемъ, строго настрого воспрещаютъ ему читать и узнавать далѣе, подъ предлогомъ, что это будетъ не научно.

Но ихъ положительное знаніе есть тѣсный песчаный островокъ, исчезающій въ необъятномъ океанѣ жизни и мысли: и ограничивать этотъ океанъ предѣлами такого островка, можетъ прійдти на умъ только уму совершенно стѣсненному научнымъ образомъ. Вся наука чрезвычайно великое дѣло, пока ее считаютъ заслуживающею нѣкотораго спеціальнаго вниманія людей, ей преданныхъ и ею занимающихся; но она мгновенно превращается въ ничто, въ пустоту, въ обманъ и въ ложь, какъ скоро о ней воображаютъ, что она все, что она охватываетъ собою предѣлы бытья.

Человѣкъ, какъ явленіе, ставшее отъ бесконечной причины, отъ ея необъятнаго содержанія, какъ бытія, и отъ ея предвѣчнаго образа, какъ смысла, есть только ею оставленный, ея образомъ, ея всесовершеніемъ начертанный слѣдъ. И потому онъ въ себѣ самомъ, вспоминая, находитъ и прослѣживаетъ слѣды ея, и чрезъ нихъ познаетъ и свое назначеніе. Вся исторія всего бывшаго есть исторія человѣка: и этой исторіи нигдѣ нѣтъ въ ея дѣйствительности, какъ только въ самомъ человѣкѣ; какъ причина въ своемъ явленіи, она вся до послѣдней черты своей, только въ немъ и написана; и онъ самъ въ себѣ есть не иное что, какъ живая скрижаль міровой исторіи: вслѣдствіе чего онъ, и его существо не объясняются міромъ, существованіемъ животныхъ,

растеній, камней, зоологіей, фитологіей, химіей, механикой, физикой или хотя бы и математикой; но на оборотъ только имъ однимъ, только его существомъ, только *антропоморфизмомъ* объясняются міръ и все его содержаніе. Никогда наукамъ не измѣрить человѣка: онъ измѣряетъ ихъ, и отводитъ имъ ихъ ограниченное мѣсто, ихъ частное значеніе въ необъятности своей жизни, въ бесконечности своего назначенія, своею мѣрою и своимъ смысломъ.

2. Противурѣчіе между назначеніемъ и судьбою человѣка.

О желудѣ говорится, какъ о продуктѣ, какъ о явленіи, и указывая на дубъ, произростившій его, объясняютъ, что онъ есть или что въ немъ находится причина, произведшая то явленіе.

Но между тѣмъ пришли дровосѣки, порубили дубъ на дрова, и сожгли его. Не слѣдовало ли послѣ этого думать и утверждать, что порублена и пожжена самая причина желудя; такъ, что онъ теперь существуетъ безъ своей причины, которой не стало и болѣе нѣтъ?

Нѣтъ этого не слѣдуетъ ни думать, ни утверждать. Дровосѣки срубили и сожгли только то, что рубится, и что сожигается; только внѣшнюю матерію дуба, предоставленную во власть внѣшности, и досягаемой топору и огню. Но они не могли коснуться причины, которая недосягаема, какъ недосягаемо прошедшее, въ которомъ она находится. При томъ она же находится и въ желудѣ, какъ его назначеніе, о которомъ онъ вспомнитъ, когда настанетъ время.

Люди обыкновенно говорятъ о минувшемъ, *далекомъ* прошедшемъ, и о туманномъ, *въ дали* предстоящемъ будущемъ, по отношенію къ тому, что имъ представляется или лучше мерещится непосредственною *близостью* на-

стоящаго Но дѣйствительно ни въ прошедшемъ ни въ будущемъ нѣтъ никакой дали, или же она есть мнимая даль.

Она вся объемлется и заключается кругомъ однаго и того же самосознанія; при разсѣянности, — въ немъ все его знаніе, все его воспоминанье, все его ожиданіе представляются очень смутнымъ образомъ, и сквозь смуту кажутся далекими; но стоитъ только вниманію собраться съ собою, и выйти изъ обычной разсѣянности, которая все разсѣеваетъ, при которой и самое близкое отстоитъ далеко другъ отъ друга, стоитъ только вникнуть, подумать глубже, узнать яснѣе и отчетливѣе, и все далекое прошлое и все далекое будущее, мгновенно выступаютъ изъ туманной дали и взаимно сближаются: при всесближающемъ вниманіи вся разсѣянная даль прошедшаго мгновенно смыкается въ жизненную близость, и изъ ней, какъ изъ мгновенно сжатаго воздуха, возникаютъ и пламень и свѣтъ мысли, которая лучами своими тотчасъ же проникаетъ и туманную даль будущаго, и обращая ее въ ясныя, въ свѣтлыя надежды, близитъ ихъ всею близостью самой жизни. При разсѣянности, весь міръ мерещится безпредѣльно расходящеюся внѣшностью чувственно матеріальнаго бытья; все его содержаніе растеряно въ недосягаемой дали; все тамъ и тогда, далеко: а здѣсь и близко, тутъ, возлѣ, теперь, у себя и съ собою ничего нѣтъ. Но при полномъ вниманіи весь міръ тутъ, и есть безусловная близость и наличность смысла все собою обнимающаго и все въ себѣ заключающаго самосознанія.

Въ дѣйствительности, которая открывается только вниманію, нѣтъ ни далекаго прошедшаго, ни далекаго будущаго; ихъ мнимая даль есть оптическій обманъ, по недостатку вниманія, призракъ, который мерещится предъ разсѣянностью, матерія безсмыслія. Есть всегда только одно настоящее: оно преисполнено своимъ прошедшимъ; оно же, по выраженію Лейбница, чревато и своимъ бу-

дущимъ; и есть не во времени и не въ пространствѣ, но вѣчно въ безвременномъ, и въ беспространственномъ помыслѣ, живущаго самосознанія.

Силою воспоминанія о своемъ назначеніи, возникшая жизнь уносится столь же далеко впередъ, въ свое будущее, сколь глубоко оно проникло назадъ, въ свое прошедшее, — и обращаетъ въ свѣтъ и въ надежду самый мракъ и страхи невѣдомаго, наступающаго. Но также и на оборотъ наступающее будущее, наступая, и обвѣвая жизнь смутою неопредѣленнаго и невѣдомаго, разсѣеваетъ и гаситъ въ ней ея воспоминаніе. и смущаетъ ее страхами и сомнѣніями предъ тѣмъ. что будетъ. предъ неотразимою судьбою.

И смотря по тому, кто надъ кѣмъ беретъ верхъ, кто кого одолѣваетъ, сила ли назначенія—силу судьбы, или наоборотъ сила судьбы—силу назначенія, или самая жизнь и смыслъ жизни смыкаютъ всю необъятную даль и внѣшность всего существующаго въ непосредственную близость съ собою, и озаряютъ ее своимъ свѣтомъ, своимъ смысломъ; или же на оборотъ, эта самая даль своею внѣшностью разсѣеваетъ жизнь въ необъятность своего мрака, безсмыслія и ничтожества (le néant).

Вся бесконечность прошедшаго, и по содержанію и по образу, и какъ то, что непосредственно чувствуется жизнью, и какъ то, что мыслится какъ бытье и какъ смыслъ бытья, прозвучала предъ человѣкомъ. и отзывается въ немъ, въ его бездонной мечтательности неумолкаемою музыкою, неизгладимымъ начертаніемъ его истиннаго, его самаго внутренняго, его задушевнаго бытія. По своему назначенію, обнимая въ своей мечтательности весь міръ, всю ширь, всю даль, всю высь и всю глубь его, человѣкъ сознаетъ безусловную свободу своего существа: потому что ничего нѣтъ внѣ его, ничего нѣтъ, чего бы онъ не обнималъ бесконечнымъ кругомъ своего самосознанія, своего живаго помысла; потому что только онъ все и вяжетъ самимъ собою; его же никто и ничто вязать не можетъ: онъ самъ есть вѣчный смыслъ, и вѣ-

чное предначертаніе всего; его смысломъ все держится, все исполняется, помимо смысла его ничего не можетъ быть: онъ самъ есть Богъ всемогущій; такъ какъ всемогущество и есть самый смыслъ свободы.

Но въ то же время человѣкъ, какъ внѣшнее явленіе, не самъ собою родился, не самъ себя сотворилъ: онъ родился безъ своего вѣдома, и безъ воли своей отъ природы, отъ общей матери всѣхъ временныхъ и чувственныхъ явленій; и при томъ родился во внѣшнемъ мірѣ, и въ общемъ ряду и наравнѣ съ самомалѣйшимъ изъ его явленій, подчиненъ всѣмъ условіямъ и всѣмъ законамъ внѣшняго существованія.

Въ существующемъ внѣшнемъ мірѣ ради человѣка, находящагося въ немъ, нѣтъ ни малѣйшаго изъятія изъ общаго, міроваго порядка: помимо воли своей человѣкъ вынужденъ терпѣть все, что въ немъ дѣлается и творится; онъ въ немъ ничего ни измѣнить, ни отмѣнить не можетъ. И стужа, и палящій жаръ, и бури и ненастье, и вода и огонь и землетрясеніе, и наводненіе и безводныя пустыни, и неприступныя горы, и непроходимые лѣса, и гады, и дикіе звѣри и враждебные люди, и нужда, и голодъ, и жажда, и болѣзни и страданія, наконецъ и самая смерть слишкомъ явно, сурово и грозно извѣщаютъ его, что его свобода, что его всемогущество, что его божество есть на дѣлѣ только самое пустое притязаніе его жалкаго убожества, пустая мечта его помысла безъ тѣни содержанія, безъ тѣни какаго бы то ни было оправданія.

Конечно, если съ одной стороны свобода, которую человѣкъ считаетъ своимъ назначеніемъ не болѣе какъ только мечта, мысль или представленіе его помысла, то съ другой стороны и вся внѣшность, или все внѣшнее существованіе равнымъ образомъ не вещь, не реальность, а только другое представленіе, другое помышленіе того же самаго помысла: что бы то ни думалось, мечты ли пустыя, или, какъ говорится, самыя положительныя вещи, и тѣ и другія суть одинаково только мысли мыслящаго

помысла. И вся внѣшность со всѣмъ ея содержаніемъ, внѣшность, которой въ противуположность внутренней, мечтаемой мысли, приписывается положительная реальность, и которая такъ смущаетъ человѣка и его притязанія, есть, разумѣется, только одна изъ мыслей или одно изъ представленій его помысла: но эта мысль, это представленіе отличаются отъ всѣхъ другихъ тѣмъ, что ихъ не мыслить нельзя; представленіе о свободѣ можно и мыслить, можно и совершенно забыть; но мысль о внѣшности и о ея содержаніи забыть невозможно, до тѣхъ поръ, покрайней мѣрѣ, пока мыслящій, живой помыслъ не переставъ быть живымъ помысломъ: отдѣлаться отъ этой мысли, отъ мысли, что внѣшность реальна, невозможно потому, что она, не спрашивая хочетъ ли, или не хочетъ человѣкъ, навязывается его помыслу насильственно, необходимостью

Человѣкъ, сознавая, что онъ не имѣетъ никакой власти надъ этого рода помышленіями, что они отъ него, отъ его помысла вовсе не зависятъ, поневолѣ признаетъ ихъ уже не своими помышленіями, то есть не такими, о которыхъ бы онъ могъ, какъ ему вздумается, и мыслить, и не мыслить, мыслить однимъ или инымъ образомъ, — но чуждыми, внѣ его помысла находящимися, или вообще внѣшними. Этимъ различеніемъ въ себѣ самомъ своихъ, отъ него зависящихъ, и не своихъ, отъ него независящихъ, внѣшнихъ помышленій, различается и самая цѣлость его помысла, и сказывается въ двухъ образахъ помысла: внутреннимъ помысломъ, или помысломъ самосознанія, и ему чуждымъ помысломъ, помысломъ всей внѣшности, всего внѣшняго міра: какъ бы человѣкъ ни мыслилъ самъ себя, своимъ собственнымъ, самосознательнымъ помысломъ, внѣшній міръ, своимъ внѣшнимъ помысломъ, мыслитъ его совершенно инымъ образомъ; и человѣкъ не можетъ отклонить отъ себя и не вѣдать иныхъ мыслей, этого внѣшняго, міроваго помысла.

Да, все внѣшнее существованіе, навязываемое человѣку насильственно, не смотря на его назначеніе и даже

въ противность ему,-есть міровой помыслъ; но помыслъ, являющійся ему съ характеромъ и съ силою необходимости, или какъ сама необходимость, о которую ломится его свобода, въ которой пропадаетъ его назначеніе, которая сказывается ему, какъ его непреклонная судьба.

Другія существованія, вся матерія, всякое вещество, минералы, растенія, животныя, находясь своимъ внѣшнимъ образомъ во внѣшнемъ мірѣ, тоже подлежатъ всѣмъ условіямъ и всѣмъ законамъ, имѣющимъ силу во внѣшности; надъ ними царитъ все таже необходимость. Но внѣшній міръ не проникаетъ имъ внутрь необходимымъ образомъ бытія своего, и не становится въ ихъ собственномъ помыслѣ имъ чуждымъ помысломъ; а по тому онъ и не тревожитъ и не смущаетъ ихъ бытья. Они, не вѣдая о немъ, какъ о силѣ необходимости, вполнѣ сживаются съ нимъ и не отличаютъ себя отъ него, какъ будто онъ и они—одно и тоже.

Напротивъ самосознаніе человѣка обнимаетъ собою весь міръ и все, что въ немъ находится, и человѣкъ находитъ и себя самаго, какъ существо, живущее въ этомъ мірѣ, съ своими двумя другъ друга исключающими и другъ друга ломящими помыслами: внутреннимъ помысломъ, не вѣдающимъ никакой необходимости, кромѣ свободы, и внѣшнимъ помысломъ, не вѣдающимъ никакой свободы кромѣ одной внѣшней необходимости.

Изъ недосягаемой глубины своего назначенія, человѣкъ рождается съ помысломъ о своей свободѣ: не нужно, чтобъ кто нибудь ему о ней сказывалъ; онъ ее знаетъ изъ себя самаго и самимъ собою; потому что онъ въ себѣ самомъ мыслитъ весь міръ, который со всѣмъ его содержаніемъ, какъ оно ему ни чуждо, все же есть не болѣе, какъ одно изъ помышленій его помысла. Онъ не можетъ ничего измѣнить, ничего отмѣнить изъ содержанія мыслимой имъ внѣшности; это правда; но и эту немощь свою онъ сознаетъ только въ виду своей, имъ сознаваемой свободы, предъ которою только эта немощь и изобличается, какъ немощь; еслибъ онъ не былъ свобо-

день самъ въ себѣ, онъ ничего не могъ бы знать и о своей немощи, какъ о ней ничего не знаютъ животныя, которыя однако несравненно немощнѣе его. Все, что человѣкъ сознаетъ, онъ сознаетъ только свободою своею, и только въ виду своей свободы. Его свобода есть тотъ свѣтлый фонъ, на которомъ только рисуются и обозначаются тѣни его несвободы и всего другаго внѣшняго существованія; безъ своего свѣтлаго фона, онъ не могъ бы видѣть ни тѣней, ни всей цѣлости этаго рисунка, называемаго внѣшнимъ міромъ.

Свобода его сказывается человѣку, какъ единственный смыслъ и какъ его собственный образъ бытья. Онъ можетъ или быть самимъ собою, своимъ образомъ, т. е. свободнымъ, самобытнымъ существомъ; или же не быть вовсе; другимъ, чѣмъ онъ самъ, т. е. несвободнымъ, онъ быть не можетъ.—Быть несвободнымъ не означаетъ ли это быть немыслящимъ, быть какъ животное, и имѣть все содержаніе міра уже не въ виду безусловно свободнаго суда мысли, не въ виду самой истины, а только въ виду своего чувственнаго пристрастія, и естественной частности своихъ естественныхъ потребностей? Мыслить міръ не своимъ человѣческимъ образомъ свободной мысли, а нѣкоторымъ другимъ, частнымъ пристрастнымъ и животнымъ образомъ, не значитъ ли для человѣка не быть человѣкомъ, а чѣмъ то другимъ? но въ опредѣленіи другаго ему невозможно быть, онъ долженъ неминуемо пропасть.

Желудь, пробуждаясь къ жизни, непосредственно развивается въ образъ дуба: во что другое, напримѣръ въ осину или въ березу, онъ развиться не можетъ; онъ не неможетъ измѣнить своему назначенію, и развиваться наперекоръ природѣ своей. Онъ или будетъ самимъ собою, т. е. дубомъ; или же, если это въ силу судьбы невозможно, то онъ не будетъ развиваться, а пропадетъ. И неисчислимое множество всякаго рода зачатковъ изъ міра растительнаго и изъ міра животныхъ, такимъ образомъ и пропадаетъ. Все что не можетъ быть своимъ образомъ, самимъ собою,

т. е. свободнымъ, то не растетъ, не живетъ, не мыслитъ, но пропадаетъ и обращается въ прахъ.

Человѣкъ, безъ сомнѣнія, какъ и всѣ прочія существа, тоже можетъ быть только своимъ образомъ, а не какимъ инымъ: Но его образъ бытія есть самая свобода; несвободнымъ онъ быть не можетъ; въ несвободѣ онъ можетъ только пропасть.

Онъ и пропадаетъ; потому что его свобода отрицается всею цѣлостью міра, всѣми его законами и каждымъ изъ его явленій; въ мірѣ нѣтъ такой жалкой былинки, которая бы не отрицала свободы его; не говоря уже о бактеріяхъ, амебахъ и вибріанахъ, не отрицается ли свобода человѣка и научнымъ мышленіемъ, и учеными позитивистами и неучеными реалистами? Да и вся наука, даже и помимо всякой научности, не есть ли она по самой необходимости, которою она внушается, только утвержденіе внѣшняго, міроваго помысла, и его необходимости, и полное отрицаніе внутренняго, человѣческаго помысла и его мечты о свободѣ? Человѣкъ живетъ во внѣшнемъ мірѣ, управляемомъ одною необходимостью: гдѣ же быть его свободѣ? а еслибъ въ самомъ дѣлѣ была его свобода, то не оказалась ли бы она непонятнымъ чудомъ, и безусловнымъ отрицаніемъ науки, и всѣхъ ея самыхъ несомнѣнныхъ положеній и утвержденій?

Свободѣ человѣка въ мірѣ нѣтъ мѣста; а потому человѣкъ и пропадаетъ, и жить въ мірѣ не можетъ.

Съ первымъ его дыханіемъ, его со всѣхъ сторонъ обступаетъ непреклонная необходимость, господствующая во внѣшнемъ существованіи. Какъ внѣшнее, какъ вещественное существо, самъ человѣкъ преданъ во власть всей вещественной внѣшности, его окружающей, его на себѣ несущей. Пусть онъ знаетъ, чѣмъ онъ долженъ, чѣмъ онъ стремится быть; но чѣмъ онъ въ самомъ дѣлѣ будетъ, это отъ него не зависитъ, этого онъ не знаетъ: это отъ него сокрыто въ будущемъ; а надъ его будущимъ царитъ ему невѣдомая, неотразимая судьба его.

Безъ вѣдома своего, помимо воли своей, вызванный

къ бытію, человѣкъ находитъ себя затерянным въ необозримомъ мірѣ и царствѣ необходимости, и, какъ щепка, которою играетъ морская волна, является на волнахъ безсмыслія игралищемъ какой то непонятной, дикой, безстрастной, ни чему не внемлющей, ко всему равнодушной силы. Ему ли мѣриться съ нею; ему ли противиться ей своими слабыми силами, своимъ человѣческимъ смысломъ? Не преданъ ли онъ весь во власть ея? Не несетъ ли она его, какъ всесильный титанъ — беспомощнаго ребенка на могучихъ рукахъ своихъ, и не играетъ ли съ нимъ безотвѣтною игрою своего титаническаго безсмыслія?

Весь видимый, неорганическій міръ въ его нѣмомъ накопленіи, въ нагроможденныхъ массахъ и образахъ мертваго вещества, являющагося въ видѣ необъятныхъ степей и пустынь, въ видѣ горъ, равнинъ и долинъ, въ видѣ водъ въ рѣкахъ, моряхъ и въ океанахъ; въ видѣ необозримаго небеснаго свода съ его міріадами звѣздъ и свѣтилъ небесныхъ, вся міровая даль и ширь, глубь и высь, какъ будто снисходя къ немомѣрному ребячеству человѣческихъ помысловъ, предоставляютъ человѣку восхищаться или содрагаться предъ ихъ внѣшнею немомѣрностью, дивиться невозмутимости ея кристаллическаго строя, утѣшаться или ужасаться ея случайными, пустыми игрушками. Человѣкъ можетъ по произволу играть, забавляться ими, смущаться ими, — а самый міръ, ничего не вѣдая, ни о чемъ не заботясь, безстрастный, равнодушный, чуждый всякому помыслу и всякому смыслу, какъ какой титанъ безъ цѣли, безъ желанья, только безсмысленно взвѣшиваетъ свою безмѣрную громадину, и вымѣряя ею безмѣрность пустаго времени и пустаго пространства, равняетъ себя съ ихъ пустотою, покоится на ней, и ровно ничего не домогается въ ней.

На груди этого титаническаго существованія, на его высотахъ и низинахъ, на землѣ, на камнѣ, въ водѣ жмется и примыкаетъ къ нему нѣмой растительный міръ,

и убираясь тутъ и тамъ, невѣдомо зачѣмъ, невѣдомо къ чему, всею прелестью зелени, листвы и благоухающаго цвѣта, какъ нѣкая добровольная жертва, безотвѣтно, безъ малѣйшаго упорства предается во власть всѣмъ силамъ внѣшняго міра, и подчиняясь невѣдомому жребію судьбы своей, совсѣмъ напрасно, безцѣльно выводитъ по канвѣ существованія свои запутанные и причудливые узоры.

Но что оставалось невидимымъ и незамѣтнымъ въ неопредѣленности на все податливаго образа растительнаго міра, то выступаетъ со всею страстностью жизни, и становится и явнымъ и слышнымъ въ мірѣ животныхъ. Въ немъ всѣ образы приспособленія, принаровленія, примѣненія однаго къ другому, проявляются, какъ выраженіе закона необходимости, и силы властительной нужды, которыя, господствуя во внѣшнемъ мірѣ, соображаютъ и самую жизнь и самый смыслъ, только съ физикой, съ механикой, съ химіей и съ безсмысліемъ мертваго вещества.

Уже при первомъ взглядѣ на кишащій міръ насѣкомыхъ, невольно думается, что въ нихъ осуществлены не живыя существа, а только нѣкія орудія и инструменты жизни, образъ которой является въ нихъ подавленнымъ, скрученнымъ, сбитымъ, сломаннымъ, сжатымъ, скованнымъ только одною нуждою. Ничто въ мірѣ не напоминаетъ до такой степени общаго вида инструментальной, механической или хирургической лавки, какъ именно порядочная коллекція насѣкомыхъ: и тутъ и тамъ виднѣются только разнородные ножи, прямыя и кривыя ножницы, рѣзцы, ланцеты, насосы, клещи, сонды, пилы, щипцы, крючки, сверла, бурава, со всѣми возможными кривизнами, рукоятками, рычагами; и если натуралисты, съ точки зрѣнія интересовъ естествознанія и любознательности, любуются и даже восхищаются такимъ зрѣлищемъ, то для живаго человѣка, въ которомъ смыслъ самой жизни еще не вытѣсненъ тѣснымъ смысломъ научности или даже и самой учености, остроумно-инструментальный видъ насѣкомыхъ, со всѣми ихъ аппаратами, возбуждаетъ скорѣе неодолимое отвращеніе и омерзеніе.

На высшей ступени животной жизни, въ средѣ рыбъ, пернатыхъ и млекопитающихся, инструментальный видъ ихъ органовъ существованія какъ будто бы отчасти сглаженъ подъ оболочкою уже болѣе свободно проступающей жизни. Но и между ними,—у рыбъ, эти безжизненные, рыбьи глаза; у птицъ, эти птичьи клювы, зобы, когти,—у звѣрей, эти звѣриныя морды, рыла, пасти съ ихъ рѣзцами, съ ихъ клыками, эти копыта, эти лапы, и вновь эти когти, вонзающіеся и рѣжущіе на подобіе ножей, опять и еще съ большею силою свидѣтельствуютъ о томъ, что образъ жизни во внѣшнемъ мірѣ подчиненъ необходимости, и не взвѣшивается самъ изъ себя, самимъ собою, своимъ собственнымъ смысломъ, но, вытекая изъ нужды, сломанъ, скрученъ и искаженъ ея всесильнымъ гяготѣніемъ.

При взглядѣ на внѣшній міръ, на его содержаніе, и на всѣ образы имъ являемые, даже и говорить или помышлять о свободѣ, все равно что помышлять и говорить о свѣтѣ лучезарнаго дня, когда на дворѣ непроглядная ночь.

И въ этомъ то мірѣ, подъ опредѣленіемъ его естественныхъ условій и законовъ, позднѣе всѣхъ другихъ существъ, какъ нынѣ думаютъ, является наконецъ и самъ человѣкъ, этотъ образъ и подобіе Божье: онъ не пригнутъ къ землѣ, но взираетъ прямо въ небеса и облеченъ въ полное благообразіе лица человѣческаго, которое каждою чертою своею выражаетъ его собственный смыслъ, то, что въ немъ самомъ чувствуется и мыслится, а не давленіе, не гнетъ окружающей его внѣшности; онъ всегда и повсюду всѣмъ силамъ ея противупоставляетъ свою смышленность, и свое человѣческое мужество. Онъ, какъ будто бы по самому признанію всей природы, сознаетъ въ себѣ самомъ, въ недосягаемой глубинѣ своего назначенія, свое неотъемлемое, свое несомнѣнное, свое бесконечное право на безусловную свободу.

Но на самомъ дѣлѣ, но реальнымъ образомъ и въ

силу господства силы вещей во внѣшнемъ мірѣ, это безконечное право человѣка оказывается только его необъятнымъ, и безконечно пустымъ притязаніемъ; и чѣмъ оно въ немъ необъятнѣе, чѣмъ оно въ немъ безконечнѣе, тѣмъ ему труднѣе, тѣмъ ему невозможнѣе отстоять его противъ безмѣрной силы необходимости и опредѣленій судьбы его.

— Ужь не лучше ли ему отъ него отказаться? Не лучше ли ему сбавить по крайней мѣрѣ его необъятный размахъ въ безконечность, и смиряясь предъ неодолимымъ, рѣшиться жить, какъ одно изъ животныхъ, разумѣется какъ высшее изъ животныхъ, для того, чтобъ вмѣстѣ съ ними раздѣлять ихъ общее достояніе отъ природы, ихъ земныя участь, радости и горе?

По своему антропоморфизму, человѣкъ очень склоненъ взирать на себя, какъ на особое, на единственное, на исключительное существо въ мірѣ, и думать, что онъ несетъ въ себѣ только ему одному принадлежащій образъ безконечнаго бытія. Однако не только человѣкъ, но и всѣ другія существа, не только животныя, но и растенія также, и не только растенія, но даже и минералы и все, что ни есть въ живой или въ неживой природѣ отстаиваютъ по своему, и выгораживаютъ своими средствами и способами свой образъ бытія противъ силъ внѣшности. Все, что являетъ нѣкоторую твердость, нѣкоторое упорство, живое ли оно, или неживое, въ этой твердости, въ этомъ упорствѣ быть по своему, уже являетъ собою то начало, которое въ высшихъ сферахъ бытія именуется уже самосохраненіемъ, вниманіемъ и наконецъ и любовью. Все, что ни есть, отстаиваетъ себя, какъ можетъ противъ напора наступающихъ на него, ломящихъ или искажающихъ силъ внѣшности. Человѣкъ стоитъ въ одномъ ряду со всѣми этими существами; не могъ бы развѣ и онъ, въ мѣру своего естественнаго опредѣленія, отстаивать вмѣстѣ съ ними тоже, что они, и также какъ они всѣ отстаиваютъ? Не могъ бы онъ развѣ быть и довольнымъ и счастливымъ долею бытія, на него отмѣренною,

не пускаясь въ безмѣрности и не теряясь въ бесконечностяхъ, о которыхъ другія существа и не помышляютъ, а между тѣмъ пребываютъ и довольными и счастливыми? Но все то, что другія существа, и низшія и высшія, отстаиваютъ въ своемъ существованіи и по образу и по содержанію для помысла, или пожалуй для бесконечнаго притязанія человѣка такъ немного, и такъ ничтожно, что онъ въ каждое мгновеніе готовъ отказаться отъ всего, что есть наилучшаго въ ихъ физическомъ, въ ихъ растительномъ, и въ ихъ животномъ достояніи; онъ не дорожитъ ни физическимъ бытьемъ, ни растительнымъ прозябаніемъ, ни даже животною жизнью; ея блага и обѣщанія его не прельщаютъ: и еслибъ ему предстояло ими довольствоваться, или же потонуть въ безусловномъ ничтожествѣ, онъ предпочелъ бы послѣднее.

Онъ отстаиваетъ единственно только бесконечный смыслъ бытія своего, онъ отстаиваетъ свой разумъ, и отстаивая ихъ, тѣмъ самымъ отстаиваетъ и смыслъ всей жизни и разумъ всего міра противъ бесконечнаго безсмыслія неразумныхъ, титаническихъ силъ внѣшняго существованія.

Но того, что онъ отстаиваетъ, онъ самъ въ реальности не имѣетъ: онъ отстаиваетъ свой смыслъ и разумъ всего міра, лишь вѣря въ дѣйствительность своего назначенія; и самая свобода его есть лишь на столько, на сколько онъ самъ утверждаетъ ее силою вѣры своей и на перекоръ реальности.

Себя отстаивать, и упорствовать на своемъ онъ, разумѣется, можетъ; случается и дѣтямъ отстаивать капризы свои, и упорствовать на своемъ противъ всѣхъ уговоровъ нянюшки.

Но можетъ ли онъ и въ самомъ дѣлѣ отстоять себя? Не лучше ли ему смириться душею, и попросту, вставъ въ ряды животныхъ, вмѣстѣ съ ними признать надъ собою господство необходимости? Развѣ онъ титанъ какой, чтобъ мѣриться съ природою и ея титаническими силами? Природы и ея необходимости отмѣнить невоз-

можно; поэтому ему остается только отмѣнить въ помыслѣ своемъ мечту свою, или свой капризъ, и уже не стоять такъ упорно на своемъ притязаніи свободы, для которой нѣтъ, и не можетъ быть мѣста въ мірѣ.

Или, быть можетъ, онъ полагаетъ возможнымъ когда нибудь сообразить и сомкнуть своимъ усиліемъ, въ своей груди смертнаго, въ одинъ порядокъ, въ одинъ строй, въ одинъ живой образъ весь тайный смыслъ своего бесконечнаго помысла съ явнымъ безсмысліемъ бесконечно великаго, внѣшняго существованія? всю свободу свою съ неотвратимою силою очевидной, хотя безсмысленной и непонятной необходимости?

Но смыслъ и безсмыслие; свобода и необходимость; назначеніе и судьба несообразны другъ съ другомъ, и несмыкаемы взаимно: между ними вся бесконечность противурѣчія, и грудь смертнаго не въ силахъ ни сомкнуть, ни сообразить его въ единый образъ: прежде чѣмъ онъ, конечное, ничтожное существо, сможетъ сомкнуть собою эту бесконечность, ея бесконечное противурѣчіе разорветъ и надломитъ грудь его и разрѣшитъ всю жизнь его и всѣ ея смыслы въ безобразіе и въ безсмысліе.

Пусть онъ и Богъ, и всемогущь и свободенъ какъ Богъ въ своемъ помыслѣ, въ своихъ мечтаніяхъ! Но кому же неизвѣстно, что этотъ всемогущій, свободный Богъ, — при всемъ разумѣ своемъ, давно уже, съ тѣхъ поръ какъ міръ стоитъ, прикованъ въ образѣ Прометея къ незыблимой скалѣ необходимости, и что его собственный помыслъ о его всемогуществѣ и свободѣ ежеденно въ видѣ коршуна слетаетъ на него, чтобъ терзать его внутренности невыносимыми скорбью, мученіями и страданьями?

Чѣмъ вѣчно жить въ скорби, въ мученіяхъ и въ страданіяхъ, не лучше ли ему смириться, и скорѣе выдать свою человѣческую, смертельную тайну высшимъ богамъ, и отказавшись предъ ихъ лицемъ отъ своего божества, признать всѣмъ существомъ своимъ одну необходимость, чтобъ, ставъ животнымъ, тѣмъ самымъ, какъ

животное безъ помысловъ и безъ пристрастія, избавиться отъ невыносимыхъ, человѣческихъ терзаній и мученій?

Съ тѣхъ поръ, какъ міръ стоитъ, онъ уже отъ сѣдой, классической древности и до сего дня изъ края до края весь оглашается неумолкаемою, трагическою жалобою человѣка на нестерпимость претерпѣваемыхъ имъ мученій и страданій по волѣ безжалостной, неумолимой судьбы. Онъ не хочетъ перестать быть человѣкомъ, онъ не хочетъ выдать высшимъ богамъ непсповѣдимую тайну своего человѣческаго назначенія, не хочетъ, отказавшись отъ ней, стать животнымъ и тѣмъ избавиться отъ мученій; а неумолимая судьба за то приковала его къ скалѣ и предаетъ его всѣмъ терзаніямъ лютой скорби.

И мудрые люди, понимая почему и откуда происходитъ эта скорбь, съ ея мученіями и терзаніями, не только нынѣ, въ наше время, но уже и тогда при первомъ пробужденіи къ сознанію, учили его, и совѣтывали отказаться отъ пустыхъ и праздныхъ мечтаній, не вѣрить въ свой смыслъ, который есть лишь обманчивый призракъ антропоморфизма, субъективизма, идеализма, призракъ измышляющей діалектики ума, безъ всякаго положительнаго основанія, безъ всякой реальности, безъ всякой объективности; и оставя такого рода бредни, положиться на твердый и положительный фактъ объективной необходимости, которая не причастна никакимъ субъективнымъ образамъ жизни, мысли или смысла, и есть лишь очевидная физика, механика, химія, да физіологія чистой матеріи и всего ея безсмыслія.

И безъ сомнѣнія, откажись человѣкъ отъ своей мечтательности, отъ подстрекательствъ своего смысла, и отъ своихъ вѣрованій въ свободу, и признай одну механику и ея необходимость, онъ тѣмъ самымъ, вычеркивая одинъ изъ терминовъ противорѣчія, прекратитъ и самое противорѣчіе, и терзанія изъ него вытекающія, —и будетъ благоденствовать въ качествѣ животнаго.

Но, не взирая на ученье и совѣты ученыхъ мудре-

цовъ, пытающихся избавить человѣка отъ его страданій посредствомъ хлороформа безсмыслія и цѣною его человѣчества, онъ до сихъ поръ еще никакъ не можетъ, да и не хочетъ совсѣмъ отдѣлаться отъ смысла, чтобъ забыться въ сладости безсмыслія: и все еще крѣпко и упорно держится за свою мысль: точно будто онъ не понимаетъ, что его мысль, есть только другой образъ того, что въ естественной жизни животныхъ является подъ видомъ смерти, предъ образомъ которой вся природа содрагается въ ужасѣ; и что, удерживая мысль въ груди своей, онъ собственно держитъ въ себѣ смерть, со всѣми сопровождающими ее страданіями: животныя умираютъ, но покрайней мѣрѣ они живутъ, не страдая; а онъ страдаетъ, и тѣмъ не менѣе умираетъ естественною смертью. И всякому человѣку вѣроятно не разъ приходилось помыслить, за чѣмъ онъ понапрасну страдаетъ? не лучше ли и въ самомъ дѣлѣ все позабыть, и пить, ѣсть и веселиться? Но онъ не можетъ забыть, не можетъ разсѣять въ себѣ своего смысла: онъ въ немъ постоянно проступаетъ сквозь всю его разсѣянность, и проступая, вѣчно вновь возвращаетъ его отъ веселья къ страданію, и къ жалобѣ и плачу на невыносимость страданія.

Еслибъ человѣкъ могъ, развѣ онъ не забылся бы и не разсѣялся отъ своей мысли, которая въ немъ какъ смерть, отъ своего смысла, который въ немъ его страданіе? Но это то же фактъ, и фактъ несомнѣнный: что онъ ни дѣлай, онъ не можетъ отдѣлаться отъ мысли, не можетъ разсѣяться отъ своего смысла: онъ связанъ съ ними необходимостью, и эта необходимость онъ самъ.

Другаго толка тоже ученые и мудрые какъ пытались прежде, такъ еще и нынѣ и въ наше время пытаются устранить противорѣчіе, и исходящія изъ него страданія обратнымъ путемъ. Они учатъ и совѣтуютъ, какъ уже и прежде учили и совѣтывали, чтобы человѣкъ добровольно ослѣпилъ себя, и наперекоръ свидѣтельству своихъ чувствъ, отказался бы отъ своего другаго помысла

о реальномъ существованіи внѣшняго міра съ его механическою необходимостью; чтобъ онъ все это существованіе, всю эту внѣшность, коихъ образъ и содержаніе не болѣе, какъ только его помышленіе на основаніи обмана чувствъ, помыслилъ въ себѣ не существующими дѣйствительно, а только мелькающими предъ нимъ, обманчивыми призраками его собственной чувственности, призраками, лишенными всякой сущности. Тогда сила внѣшней необходимости отмѣнится, въ немъ явится могущество творить чудеса, жало нужды притупится, онъ изъ душевнаго человѣка станетъ человѣкомъ духовнымъ, и избавится, какъ отъ смуты и терзаній жизни, такъ и отъ страха смерти: чего ему бояться, если онъ уже добровольно умеръ въ жизни естественной, и чувственной, и живетъ только духовною жизнью, преодолѣвшею смерть? Противорѣчіе прекратится; онъ въ несомнѣнности своего духовнаго, никакою внѣшностью, никакою чувственностью не отуманеннаго смысла, найдетъ самую сущность, и узритъ невозмутимый, идеальный образъ, образъ вѣчной истины, которая и есть то, что было, что есть, и что будетъ; единственная дѣйствительность, явно проступающая для духовнаго взора изо всего, что только мерещится и есть не дѣйствительно, а только призрачно, только какъ будто бы, только обманъ, прахъ и суета.

Надежда на полную отмѣну закона механическаго и его необходимости, надежда на духовное отрѣшеніе отъ неволи и тягостныхъ путъ ея, на полное и уже безспорное торжество ничѣмъ не прерываемаго, ничѣмъ не затемняемаго, ни чѣмъ не ограничиваемаго единаго и вѣчнаго смысла жизни, всегда плѣняла и прельщала умы людей, своими обѣтованіями: люди всею душею отдавались ей, и въ ней искали своего спасенія отъ силъ и обмановъ внѣшняго міра съ его искушеніями, и съ его злобою.

Но чистый смыслъ, вполнѣ отрѣшенный отъ всякихъ очертаній, знаковъ, предѣловъ и опредѣленій внѣшняго

міра, и вслѣдствіе этого *далекій отъ всякой необходимости*, тѣмъ самымъ есть лишь неопредѣленный смыслъ, *преданный и всякому произволу*. Столь неопредѣленный смыслъ можетъ исполниться и всякимъ произвольнымъ, ни съ чѣмъ несообразнымъ измышленіемъ, и оказаться съ одинаковымъ правомъ, какъ несказанно высокимъ, превыспренно-заоблачнымъ, такъ и невыразимо низменнымъ, и презрѣннымъ смысломъ; какъ чистымъ восторгомъ бесплотныхъ ангеловъ, утопающихъ въ небесахъ и хвалящихъ Творца вселенной, такъ точно и разнузданною страстностью Калибана, утопающаго въ своей животности.

Если что есть твердаго и неизмѣннаго въ образахъ внѣшняго существованія, такъ это именно ихъ опредѣленная, для всѣхъ очевидная, въ очертаніяхъ необходимости проявляющаяся внѣшность. Изъ глубины, изъ самыхъ источниковъ жизни, изъ ея безконечнаго смысла исходящіе порывы и позывы сами по себѣ не имѣютъ ни своихъ словъ, ни своего выраженія, ни своего языка. Они полны значенія, но ихъ значеніе само по себѣ не обозначено своимъ знакомъ, и имѣетъ образъ невыразимой, несказанной, а потому смутной и неопредѣленной мечты, которая не иначе можетъ найти свое выраженіе, какъ только чрезъ прикосновеніе къ внѣшнему міру, къ его отчетливымъ и опредѣленнымъ образамъ бытія. — Смыслъ жизни, съ ея жизненною мечтою, исполненъ глубокимъ значеніемъ; но его значеніе, за отсутствіемъ твердо опредѣленнаго знака, не способно выразиться.

Безъ внѣшняго знака всякій смыслъ, всякая жизнь, всякая мечта, каково бы ни было ихъ значеніе, какъ содержаніе безъ своего образа, остаются втунѣ, неисполненнымъ, не дѣйствительнымъ, совершенно пустымъ, хотя быть можетъ и необъятнымъ притязаніемъ. И большинство людей, исполненные и смысломъ и всѣмъ значеніемъ своего человѣческаго смысла, мечтаютъ сами о себѣ, и остаются при необъятности своихъ притязаній.

Въ пустую хоромину, неопредѣленную своею принад-

лежностью тому или другому, можетъ войти и поселиться герой, и наполнить ее образами и содержаніемъ своего героическаго бытья; но въ нее же можетъ залезть и каждый сверчокъ, и наполнить и огласить ее своимъ нескончаемымъ чириканьемъ: за неизвѣстностью, чья это хоромина, за необозначеніемъ ея никакимъ знакомъ, въ ней можетъ помѣщаться одинаково, какъ самое высокое, такъ и самое низкое содержаніе. Такъ точно и пустое притязаніе способно все вмѣщать въ себѣ, потому что въ немъ еще ничего нѣтъ: одна неопредѣленность безъ своего положительнаго знака.

Этотъ поэтъ, быть можетъ онъ второй Пушкинъ, только онъ не нашелъ еще знаковъ для выраженія ими своего высокаго содержанія; этотъ музыкантъ, быть можетъ онъ второй Бетговенъ, но только онъ еще не осилилъ, не овладѣлъ музыкальнымъ выраженіемъ: въ немъ весь смыслъ музыки, только безъ ея внѣшнихъ знаковъ, безъ образовъ ея выраженія. Каждый единичный человѣкъ, самъ по себѣ, въ силу своего назначенія, есть уже вся бесконечность; и никто лучше, какъ онъ самъ, не знаетъ этого. Но онъ бесконеченъ только in potentia, его бесконечность въ немъ лишь его притязаніе; необъятный образъ самосознанія, способный вмѣщать въ себѣ весь міръ, и еще ничего въ себѣ не вмѣщающій, какъ развѣ только одну, другую пару чирикающихъ сверчковъ; на дѣлѣ же, in actu, въ силу неумолимой судьбы, которая приковала его къ несокрушимой скалѣ обыденной необходимости, очень конеченъ, даже слишкомъ конеченъ. Онъ конеченъ потому, что не можетъ, не умѣетъ найти тѣхъ внѣшнихъ знаковъ, которыми онъ могъ бы поднять со дна души своей и выразить свою бесконечность. Но, и оставаясь при сверчкахъ, онъ все же, разумѣется не для другихъ, а только для себя исполненъ своимъ бесконечнымъ значеніемъ, и ни мало въ немъ не сомнѣвается; и самое чириканье сверчковъ, которому онъ въ себѣ внимаетъ, сдается ему голосомъ бесконечности и истины.

О себѣ самомъ, въ тайнѣ души своей, каждый единичный человѣкъ и богъвѣсть что мечтаетъ; для себя онъ нигдѣ и ни въ чемъ не находитъ мѣры, которою-бы было возможно вымѣрить неизмѣримую глубину существа его. Но для внѣшности, для другихъ онъ очень хорошо имъ знакомый, добрѣйшій Иванъ Ивановичъ, и такой смѣшной еще, особенно, когда пускается въ философію, и начинаетъ завираться и путать околесицу. Но еслибъ только онъ могъ найти знаки выраженія, еслибъ онъ могъ влить въ нихъ все, что шевелится и волнуется въ немъ, въ той глубинѣ его, о которой никто не вѣдаетъ, которая есть глубокая, сокровенная тайна его жизни: тогда-бы онъ показалъ, что онъ такое въ самомъ дѣлѣ; тогда бы всѣ узнали и признали кто онъ! Но онъ этихъ знаковъ найти не въ силахъ, а потому и остается все тѣмъ-же смѣшнымъ Иванъ Ивановичемъ, какимъ всѣ знаютъ его.

Все внутреннее содержаніе жизни и весь ея глубокій смыслъ есть еще въ глубинѣ затаенное значеніе, значеніе бесконечное, но только значеніе. Вся внѣшность, со всею необходимостью ея опредѣленнаго и неизмѣннаго строя, есть наружный, явный знакъ, знакъ необъятный, знакъ бесконечный, но только знакъ.

Значеніе само по себѣ, какъ бы оно ни было глубоко въ своемъ интенсивномъ бытіи, и какъ бы оно ни представлялось,—глубиною ли назначенія, глубиною ли смысла, или вообще бесконечною жизненною мечтою, безъ своего внѣшняго знака, въ которомъ бы оно выражалось и становилось явнымъ и опредѣленнымъ значеніемъ, не можетъ быть дѣйствительнымъ; но неминуемо должно задохнуться, заглохнуть и пропасть, въ родѣ того, какъ пропадаетъ дерево, когда оно безсильно развить изъ себя свое внѣшнее проявленіе въ своемъ листѣ, цвѣтѣ и плодѣ.

Съ другой стороны, и внѣшній знакъ бытія, вся видимая внѣшность существованія, вся необходимость внѣшняго, міроваго явленія, о которомъ вѣдаетъ наука, какъ

бы оно нибыло безмѣрно въ своемъ экстенсивномъ распространеніи, безъ своего внутренняго значенія вполнѣ уподобляется длинной и очень складно текущей рѣчи, но, за недостаткомъ въ ней и ея начала и ея конца, не приводящей ни къ какому заключенію, и лишенной всякаго смысла.

Если человѣкъ не можетъ забыть о бесконечномъ смыслѣ своего внутренняго назначенія, о своемъ человѣческомъ достоинствѣ, чтобъ всею цѣлостью беззавѣтно предаться реальности своего внѣшняго или чувственнаго существованія; то съ другой стороны, онъ точно также не можетъ и отрицать всей реальности бесконечнаго внѣшняго существованія, для того чтобъ невозбранно предаться ничѣмъ не возмущаемому смыслу своего назначенія. Онъ не можетъ отказаться ни отъ самаго значенія, ни отъ самаго знака своей жизни, не уничтоживъ или не растерявъ самой жизни: а между тѣмъ бесконечное значеніе и смыслъ его жизни есть его свобода, а бесконечный знакъ всего существованія есть міровая необходимость.

Свобода и необходимость, какъ два термина противорѣчія, не совпадаютъ, не совмѣщаются другъ съ другомъ, но удалены, расторжены другъ отъ друга на всю даль, всю ширь, всю глубь и всю высь беспредѣльности необъятнаго міра; и сомкнуть въ себѣ, въ единство себя съ самимъ собою, оба термина этого противорѣчія и свободу и необходимость, значило бы сомкнуть въ себѣ, въ груди своей въ единый образъ жизни самую бесконечность, и то самое противорѣчіе, которое, не вмѣщаясь въ мірѣ, раскинуло его въ необъятность его временъ и пространствъ.

Устранять насильственно или искусственно, черезъ безсмысліе или черезъ абстракцію, который нибудь изъ терминовъ—или свободу или необходимость, значило бы устранять самую дѣйствительность и замѣнять ее безсмысліемъ или абстракціей. А между тѣмъ, сомкнуть оба термина въ единый, въ дѣйствительный, какъ свободою, такъ

и необходимостью исполняемый образъ жизни представляется безусловно невозможнымъ.

Но это невозможное и составляетъ самую проблему жизни: жить, т. е. жить дѣйствительнымъ образомъ, и значитъ именно обратить эту невозможность не только въ возможность, но и въ полную дѣйствительность. Человѣку дѣйствительно предстоитъ всю бесконечность, всю необъятность противорѣчія, которое и самый міръ не въ силахъ вмѣстить въ себѣ, отъ котораго онъ только разсѣевается въ безпредѣльность, сомкнуть своею грудью, грудью смертнаго, къ полному, къ живому и къ дѣйствительному единству: иначе же вся жизнь его будетъ лишь нескончаемымъ страданіемъ и мучительнымъ навожденіемъ всякаго рода призраковъ и кошемаровъ.

Разумѣется, еслибъ онъ могъ забыть! — но онъ не можетъ забыть, и не смотря на зависть боговъ, не можетъ выдать имъ тайну своего высокаго, человѣческаго назначенія: и потому, какъ Атласъ несущій на себѣ всю тяжесть міра, выноситъ невозможное, и страдаетъ въ ожиданіи Геркулеса, который своею человѣческою доблестью хотя-бы на единый мигъ освободилъ его отъ той невыносимой тяжести, которая давно уже подавляетъ его.

3. Реальность.

Но люди живутъ и безъ Геркулеса, и еслибъ онъ пришелъ къ нимъ, они едва-ли бы нашлись сказать, что ему дѣлать. Они живутъ, какъ и прежде жили; и каждый изъ нихъ, не смущаясь трудностью жизни, страдая или не страдая, терзаясь или не терзаясь, отчасти и по своему рѣшаетъ ея грозную проблему.

Уже тѣмъ, что человѣкъ живетъ, онъ и рѣшаетъ ее; но рѣшаетъ только отчасти: отчасти въ силу ему присущаго, ему болѣе или менѣе яснаго, внутренняго назначенія; отчасти же въ силу внѣшняго давленія и гнета всесильной необходимости, господствующей надъ случайностями его существованія.

Свобода и необходимость, эти два полюса міроваго бытія, могутъ быть представлены, какъ два бесконечно великіе круга, надвигаемые другъ на друга самою жизнью человѣка. И во сколько онъ возмогъ или успѣлъ ихъ другъ на друга надвинуть, на столько ему и осуществляется его дѣйствительность, дѣйствительность не вполнѣ, но отчасти, дѣйствительность, исполненная двусмыслія и неизбѣжной двойственности; такъ какъ она по необходимости двоится между своими двумя истинами, между истиною круга свободы и между истиною круга необходимости. Потому что ограниченая часть совмѣстности и того и другаго круга въ равной степени относится какъ къ своей цѣлости, какъ къ своему необходимому дополненію, къ обѣимъ сферамъ круговъ, которыя остались за чертою совмѣщенія, и которыя представляютъ собою съ одной стороны чистую реальность бытья безъ всякаго смысла, а съ другой—столь же чистую мысль, или абстрактный смыслъ безъ всякой реальности. Первая сторона сказывается чистѣйшею объективностью, міромъ внѣшней видимой природы, стоящимъ подъ закономъ всеобщей необходимости и тѣхъ непреложныхъ законовъ ея, о которыхъ вѣдаетъ отчасти положительная наука; другая сторона наоборотъ, какъ чистѣйшая субъективность, является внутреннимъ міромъ всякаго рода соображеній и измышленій, которыя, во имя свободы мысли, вѣдаются отчасти доктриною всеобщаго умозрѣнія, и выражаются разными догмами, ученіями и философемами. Первая изъ этихъ сторонъ могла бы быть названа чистѣйшею, т. е. самою абстрактною реальностью; вторая напротивъ чистѣйшею, т. е. самою реальною абстракціей: но люди не вполнѣ, не строго послѣдовательны, и не живутъ ни абстрактною реальностью, ни реальною абстракціей; хотя они и внушаются тѣмъ, что имѣетъ значеніе научности; хотя съ другой стороны они и заявляютъ свое притязаніе быть логичными; но самая жизнь ихъ не есть ни вполнѣ научное, ни чисто умозрительное дѣло; она управляется скорѣе нѣкоторыми установившимися предраз-

судками, въ которыхъ то реализмъ внѣшней среды, то нѣкоторая логика ума принимаютъ, чередуясь, то большее, то меньшее участіе. Люди живутъ не въ силу чистыхъ опредѣленій разсудка, но болѣе въ силу реальной нужды и реальныхъ внушеній природы, давшихъ нѣкоторый складъ ихъ жизни предразсудочно, т. е. еще прежде, чѣмъ они научились разсуждать. Но они живутъ однакожь и не безъ разсудка; потому что въ теченіи жизни, они каждое изъ ея положеній, опредѣленій и установленій постоянно обсуждаютъ, и иное отвергаютъ, иное утверждаютъ, если и не абстрактнымъ разсудкомъ, то по крайней мѣрѣ его жизненнымъ предразсудкомъ.

Такимъ образомъ, средній уровень жизни людей устанавливается отчасти нѣкоторою разсудительною рутиною, отчасти нѣкоторымъ рутиннымъ разсудкомъ; и жизнь, соотвѣтствующая такому установленію, называется вполнѣ резонною жизнью. Обыкновенный здравый смыслъ людей, избѣгая крайностей, держится вдали, какъ отъ абстрактностей отвлеченнаго теоретизма, такъ и отъ реальностей слишкомъ откровеннаго реализма, и предпочитаетъ пребывать на серединѣ между тѣмъ и другимъ; по отношенію къ морали его правило въ томъ, чтобъ не быть ни эгоистомъ не въ мѣру, ни алтруистомъ не въ мѣру. Но самой мѣры однакоже ни для того, ни для другаго онъ не знаетъ, да и не можетъ узнать, а идетъ осторожно, ощупью, чтобъ не наткнуться ни тутъ, ни тамъ, и неизбѣжнымъ образомъ натыкается и тутъ и тамъ на разныя непріятности.

Такъ какъ каждое изъ утвержденій и положеній резонной жизни одинаково принадлежитъ и къ міру вещественныхъ реальностей, и къ міру отвлеченныхъ абстракцій, и къ міру необходимости, и къ міру произвольныхъ измышленій, то каждое изъ нихъ, подпадая подъ власть и того и другого, противнаго начала, необходимо между ними двоится, и отзывается въ себѣ самомъ ихъ двусмысліемъ: вслѣдствіе чего всѣ образы и все содержаніе въ сферѣ реальнаго существованія, не имѣя въ самихъ

себѣ единства и согласія съ самими собою, сдерживаются только внѣшнимъ, искуственнымъ или насильственнымъ, а не изъ себя самихъ, не дѣйствительнымъ образомъ: или лучше—они и не сдерживаются вовсе, а постоянно валятся и распадаются.

Все реальное существованіе, или реальное бытье, имѣетъ свое значеніе и свой смыслъ вовсе не въ томъ, что оно есть, а только въ томъ, что оно проходитъ, уносится, пропадаетъ, умираетъ. Это міръ Гераклита, неудержимое, безостановочное прехожденіе, измѣненіе, сгораніе, умираніе, возрожденіе; то, о чемъ ни на единый мигъ нельзя сказать, что оно есть: оно всегда прошло, и всегда стало, чтобъ пройти. Его удержать невозможно, оно есть только неудержимое, безостановочное теченіе.

Реализмъ, *какъ мысль, какъ ученіе*, тѣмъ не менѣе пытается установиться и встать на этомъ мірѣ преходящаго, на этомъ мелькающемъ призракѣ, какъ на твердой основѣ, какъ на самой дѣйствительности; и весь стоитъ на мнимой дѣйствительности, или на несообразности, которая держаться не можетъ.

Весь реальный міръ исполненъ и исполняется невѣжествомъ; невѣжество, какъ и всякая реальность проходитъ; оно есть то, что въ пространствѣ представляется какъ матерія, а во времени какъ будущее; и разумѣется, весь его смыслъ не въ томъ, чтобъ быть, а только въ томъ, чтобъ проходить. Но реализмъ задерживаетъ невѣжество, какъ твердую матерію, какъ вполнѣ надежное будущее, и консолидируя его въ своемъ мнѣніи, принимаетъ за самое знаніе; такимъ образомъ въ соотвѣтствіе мнимой дѣйствительности является и утверждающее ее невѣжество или мнимое знаніе; и весь реальный міръ, сплоченный изъ элементовъ мнимой дѣйствительности и столь же мнимаго знанія, является во всѣхъ отношеніяхъ полнѣйшею несообразностью.

Въ большинствѣ случаевъ своей жизни большинство людей, или такъ называемый, нормальный, или средній человѣкъ общества, который, не вдаваясь въ крайности,

всегда держится середины, aurea mediocritas, и опираются на эту несообразность и всегда имѣютъ ее предъ собою въ виду, какъ то, что есть несомнѣнно, т. е. реально, какъ самое основаніе ихъ основательности.

Но то, что есть у всѣхъ въ виду, то, что всѣмъ видно и слышно и на что всѣ указываютъ, и есть именно безусловная несообразность, или бесконечное противорѣчіе между свободою, о которой мыслитъ человѣкъ, и между необходимостью, которая находится въ мірѣ. О реальности этой несказанной несообразности, этого необъятнаго несообразимаго противорѣчія, всякій свидѣтельствуетъ, какъ о всѣмъ и всякому наглядно извѣстной, всемірной, тривіальной пошлости; никто не можетъ не вѣдать этой пошлости, потому что на ней весь міръ стоитъ; и всѣ стремленія отъ ней избавиться всегда оказывались пустыми мечтами и утопіями; а положительный, ученый и неученый реализмъ прибавляетъ къ тому, что и нѣтъ никакой надобности избавляться отъ ней; что и при ней, и съ нею, и въ ней, и на ней можно отлично свой вѣкъ скоротать и пользоваться всякими удовольствіями и благами жизни.

Всякія соображенія, до тѣхъ поръ пока бесконечнымъ соображеніемъ не соображены между собою къ полной сообразности, къ полной дѣйствительности, безусловная свобода и безусловная необходимость, должны основываться только на ихъ бесконечной несообразности, какъ на самомъ основаніи всѣхъ несообразностей: вслѣдствіи чего ихъ наибольшая основательность должна по необходимости быть и наибольшею пошлостью, для того, чтобъ находиться въ наибольшемъ соотвѣтствіи съ тою основною пошлостью, на которой, какъ всѣмъ извѣстно, самый міръ стоитъ.

Всѣмъ уже изстари извѣстно было, да и кто же нынѣ не знаетъ, что міръ стоитъ на четырехъ китахъ: и потому всякое соображеніе, которое не соотвѣтствовало бы столь общеизвѣстной истинѣ, ни коимъ образомъ не могло бы идти за основательное.

А между тѣмъ, въ томъ же мірѣ, за всѣми призраками его мнимой дѣйствительности, и за всѣмъ невѣжествомъ его мнимаго знанія, предстоятъ другъ предъ другомъ его два постоянные, непреходящіе образа: съ одной стороны образъ его смысла, его бесконечный субъектъ, и самый родникъ всей субъективности міра, сказывающійся въ внутреннемъ бесконечномъ притязаніи человѣка на свободу и на всемогущество; съ другой—образъ его бытья, его бесконечный объектъ, и основаніе всей объективности міра, проявляющійся во внѣшней, бесконечной необходимости, господствующей надъ содержаніемъ всего существованія. Этихъ двухъ образовъ, не уничтоживъ человѣка, или самаго міра, вычеркнуть изъ него невозможно.

Но сами собою, реально, они другъ съ другомъ несовмѣщаются и несообразны: субъективное, человѣческое притязаніе не признаетъ міровой необходимости; а объективная міровая необходимость отвергаетъ человѣческое притязаніе.

Но при реальности ихъ взаимнаго другъ другомъ отрицанія, всѣ внѣшнія опредѣленія необходимости, не соображенныя съ живымъ смысломъ свободы, оказываются лишь наличною несообразностью необъятнаго безсмыслія; а живой смыслъ свободы, не соображенный съ опредѣленіями необходимости, весь высказывается въ такой же несообразности беспредѣльнаго произвола всякаго рода измышленій и празднаго, нескончаемаго резонерства.

Собственно эти два образа несообразности — есть несообразность одного и того же невѣжества, которое и выступаетъ съ одной стороны объективно, какъ самая его матерія, или безсмыслiе, а съ другой — субъективно, въ образѣ ничѣмъ не сдержанной мысли, въ произволѣ всякаго рода мнѣній и измышленій, въ основательномъ доктринёрствѣ и резонерствѣ, во всякаго рода соображеніяхъ на основаніи самой несообразности.

Какъ самая матерія безсмыслія, такъ и ея резонный, обоснованный образъ, въ видѣ резонерства, доктринер-

ства, или же такъ называемой современной научности, въ мѣру ихъ отдаленности отъ самой дѣйствительности, исполнены нѣкотораго рода потугами, или напряженіемъ или притязаніемъ быть тѣмъ, что они не суть. Но такъ какъ всякое напряженіе, встрѣчаясь съ другими, такими же, но съ нимъ несовмѣстными напряженіями, очень склонно добиваться своего признанія при помощи насилія надъ другими; такъ какъ и всякое притязаніе, встрѣчаясь съ другими, такими же, но съ нимъ несовмѣстными притязаніями, очень расположено домогаться своего признанія чрезъ посредство умничанья надъ другими, и такъ какъ во всякой средѣ чѣмъ менѣе дѣйствительности, тѣмъ болѣе всякаго рода напряженій и притязаній, которыя встрѣчаясь, самихъ себя въ другихъ не признаютъ, но только ломятъ, давятъ и гнетутъ другъ друга; то и реальный міръ, и по образу и по содержанію, во всѣхъ сферахъ бытья своего представляется не иначе, какъ, безпредѣльною толкотнею всякаго рода напряженій и притязаній, ломящихъ, давящихъ и отрицающихъ взаимно другъ друга всѣми видами насилія, всѣми образами умничанья; какимъ то несообразимымъ утвержденіемъ все того же невѣжества, все той же несообразности, все той же пустоты.

Но ни умничаньемъ, ни насиліемъ схватить отсутствующую дѣйствительность невозможно. Всякое умничаніе, какъ и всякое насиліе, есть лишь ея отрицаніе и утвержденіе мнимой дѣйствительности, дѣйствительной несообразности, или реальности: отъ ней вѣетъ всегда смертью; она всегда исполнена всѣми значеніями и всѣми знаками мертваго: разложеніемъ, тлѣніемъ и гніеніемъ. Она во всей цѣлости своей есть несказанный тривіализмъ, невыразимая пошлость всякой мертвечины, отъ которой и смыслъ жизни, и жизнь смысла отвращаются съ инстинктивнымъ омерзеніемъ. И эту то мертвечину ученые люди и мыслители глубоко соображаютъ, и свои соображенія излагаютъ міру, чтобъ и онъ также, какъ они, назидался ею.—А стремленіе избавиться отъ такой мер-

твечины считается пустою мечтою и утопіей, о которыхъ лучше и не думать.

Въ мірѣ политическомъ, Гизо, этотъ геніальный представитель тѣсно-протестантской сообразительности и мѣщанскаго, положительнаго благоразумія, всѣмъ до тошноты, смертельно надоѣлъ своимъ знаменитымъ положеніемъ: liberté, oui, mais l'ordre.., свобода, но порядокъ! какъ будто вся свобода не полный порядокъ, какъ будто весь порядокъ не въ полной свободѣ! — Но въ томъ то и дѣло, что нѣтъ: въ такомъ сужденіи, по его неосновательности, совершенно забывается, что есть суровая, неумолимая необходимость, которая ломитъ свободу и превращаетъ ее въ мертвую регламентацію. Безъ регламентаціи въ благоустроенномъ обществѣ обойтись невозможно; потому что безъ ней свобода сама по себѣ есть не болѣе какъ распутство и разнузданность дикихъ страстей, всякаго рода напряженій и притязаній: всѣ бы стали умничать, путаться не въ свое дѣло, и посягать на право всѣхъ и каждаго; и были бы лишь насиліе и умничанье сверху, да насиліе же и умничаніе снизу, между которыми не осталось бы и середины, куда бы можно было укрыться отъ нихъ. И если съ одной стороны полагаютъ возможнымъ установить свободу на насиліи, то почемуже съ другой—не искать опоры для благонамѣренности, благонадежности, и добропорядочности въ безстыдствѣ, въ продажности, въ безсовѣстности и въ развратѣ? Не возможно требовать, чтобъ соображенія, основанныя на несообразности были бы и въ самомъ дѣлѣ сообразны съ логикою или съ жизнью: достаточно и того, что они удобны на этотъ случай; для другаго случая въ свое время найдутся и другія соображенія, столь же несообразныя по существу своему.

Гизо смертельно всѣмъ надоѣлъ; но тѣмъ не менѣе онъ былъ правъ, и соображать несообразность, на которой весь міръ стоитъ, иначе, чѣмъ онъ соображалъ, невозможно.

Въ мірѣ нравственномъ оказывается тоже самое: всѣ

настоящіе моралисты, и особливо моралисты протестантскаго толка, разрѣшаютъ жизни ея вольное дыханіе, но только съ оговоркою и подъ условіемъ соблюденія твердаго правила: безъ правила, которое однако ломитъ и искажаетъ жизнь, она обращается въ дикое игралище необузданныхъ страстей; и потому гораздо благоразумнѣе полагаться на благовидное лицемѣріе, нежели поощрять своевольныя выходки, хотя бы и искренняго сердца. Соблюдайте видъ и дѣлайте что хотите, и Боже васъ упаси дѣлать хотя бы и доброе, не соблюдая вида; не оскверняйте субботы добрыми дѣлами. При несообразности, лежащей въ основаніи всей жизни, лучшаго правила сообразить невозможно.

Въ произведеніяхъ художественныхъ равнымъ образомъ требуются и непринужденность, и вольность движенія, и вольность выраженія; но такъ какъ все это требуется подъ непремѣннымъ условіемъ соблюденія правилъ піитики, риторики, пластики, безъ которыхъ на свѣтъ проявлялись бы лишь дикія и уродливыя фантазіи распутнаго, ни чѣмъ несдержаннаго воображенія, то большинство художественныхъ произведеній всегда и оказываются не вылитыми изъ вдохновенія души, а только дѣланными, сбитыми, сколоченными, вымученными изъ вольности, подавленной правиломъ, и изъ правила, сломаннаго и искаженнаго вольностью. Потому что вольность и правило вмѣстѣ идти не могутъ; какъ несовмѣстимыя, они только ломятся другъ о друга.

И куда бы человѣкъ ни оглянулся, во всѣхъ сферахъ и проявленіяхъ реальной жизни, вездѣ онъ находитъ только на видъ измѣненное подтвержденіе той апофтегмы, исповѣданіемъ которой нѣмцы стали такъ могущественны, что покорили весь міръ. Они повсюду являлись истыми представителями всей реальности: Ja wohl, ich bin ein freier Mann, aber doch!... Вотъ этотъ doch, которымъ человѣкъ самодовольно признаетъ, что онъ хотя и человѣкъ, но все же—скотина, эта роковая, всеизвращающая оговорка, и запятая, приставляемая необходимостью

ко всякому дыханію, ко всякому порыву человѣка и ко всему значенію его жизни, это убійство его человѣческаго смысла нечеловѣческимъ безсмыслiемъ всей окружающей его внѣшности, являясь всегда и повсюду самою реальностью міра, подъ именемъ реализма и свидѣтельствуетъ на всѣ образы о бесконечной несообразности, о безусловной несогласимости другъ съ другомъ глубокаго смысла свободы съ внѣшнимъ поверхностнымъ явленіемъ необходимости.

Весь міръ не смогъ сообразить или согласить ихъ къ единству, и только раздался въ безмѣрность своего внѣшняго распространенія, чтобы хоть чрезъ свою экстенсивность выразить всю необъятность того противорѣчія, которое, въ образѣ его двухъ между собою несовмѣстныхъ началъ, субъективнаго начала свободы и объективнаго начала необходимости, лишь разсѣеваетъ и расторгаетъ его въ безсмысленную, въ несообразимую внѣшность.

Если міръ не могъ ни согласить, ни сообразить такого противорѣчія, то кто же сообразитъ его въ дѣйствительное единство? Кто вызоветъ самую дѣйствительность изъ его реальныхъ другъ друга отрицающихъ началъ? кто сотворитъ дѣйствительность, которой міръ въ себѣ самой тщетно ищетъ и не находитъ? кто исполнитъ, кто осуществитъ мечту міра, и тѣмъ избавитъ его, какъ отъ смерти въ безсмыслiи мертваго правила механической необходимости, такъ и отъ смерти въ дикомъ распутствѣ, ни чѣмъ не сдерживаемаго жизненнаго произволенія?

Призрачный, недѣйствительный міръ реальнаго существованія есть міръ ограниченности, тѣсноты и всеобщаго давленія: въ немъ *Одно* и *Другое* другъ друга не терпятъ, другъ съ другомъ, въ силу взаимной непроницаемости, по закону всякой внѣшности, не совмѣщаются, а только тѣснятъ себя взаимно, и сталкиваясь другъ съ другомъ, насильственно, со всею непомѣрностью своихъ несовмѣстныхъ напряженій и притязаній, хаотически громоздятся и ломятся другъ о друга, то противорѣчивыми

утвержденіями, то столь же противорѣчивыми отрицаніями; и чѣмъ упорнѣе *Одно* изъ нихъ стоитъ на своемъ, именемъ свободы своей, тѣмъ неизбѣжнѣе оно стирается и пропадаетъ подъ давленіемъ *Другого*, въ силу необходимости: вслѣдствіе чего и самое бытье является невозможностью, и вся цѣлость міроваго содержанія дикимъ, ни съ чѣмъ несообразнымъ призракомъ и кошемаромъ: мертвыми атомами чего то непонятно, но необходимо и беспутно толкающагося въ необъятной пустынѣ пустыхъ временъ и пространствъ.

Такимъ образомъ, жалкая доля, щадная мѣра въ реальности осуществленной жизни, уже по самой недостаточности и по неполнотѣ своей сферы, всегда имѣетъ своимъ необходимымъ дополненіемъ беспредѣльную сферу всего еще неосуществленнаго, и поневолѣ вынуждена вѣдаться и считаться со всѣми призраками бытья, которые со всѣхъ сторонъ и тѣснятъ ее или подъ видомъ нужды и всѣхъ неотстранимыхъ напряженій еще не насыщенной необходимости; или же подъ видомъ всякаго рода произвольныхъ измышленій и всѣхъ неотклонимыхъ притязаній еще не состоявшейся свободы и самобытности. При такой тѣснотѣ, при такомъ давленіи, жалкая доля осуществленной жизни, какъ неполная мѣра дѣйствительности, не находя въ себѣ своего оправданія, оказываясь сама лишь утвержденіемъ въ себѣ того, что она сама въ другомъ отрицаетъ, и лишь отрицаніемъ въ себѣ, что она же сама въ другомъ утверждаетъ, оказывается и для себя самой вовсе не дѣйствительностью, а только такимъ же дикимъ напряженіемъ и столь же пустымъ притязаніемъ, какъ тѣ напряженія и притязанія, противъ внѣшняго давленія которыхъ, она себя отстаиваетъ совсѣмъ напрасно: такъ какъ она сама въ себѣ самой все тоже самое противурѣчіе, и таже несообразность, и таже несостоятельная ложь, которыя ей мерещатся снаружи.

А. Понятіе или образъ дѣйствительности.

1) Прекрасное.

Но есть люди, которые, вслѣдствіе многихъ благопріятныхъ условій, уже отъ природы одарены необыкновенно чуткимъ вниманіемъ, при посредствѣ котораго они, усматривая и то, что ускользаетъ отъ слабаго вниманія большинства людей, находятъ въ образахъ внѣшности, вылитой и очерченной лишь силою необходимости, тѣ же самыя черты, въ которыхъ имъ сказывается и глубокій внутренній смыслъ ихъ собственнаго назначенія; — такъ что для нихъ вся внѣшность бытья и всѣхъ его проявленій оказывается лишь бесконечнымъ знакомъ того самаго бесконечнаго значенія жизни, которымъ они исполнены. Во внѣшнемъ знакѣ внѣшняго бытья *затаенъ въ разспянности* самый смыслъ его значенія; въ глубинѣ внутренняго назначенія *затаены въ его неопредѣленности* образы и знаки его выраженія: художникъ своимъ необыкновенно чуткимъ вниманіемъ усматриваетъ это затаенное, какъ съ той, такъ и съ другой стороны,—и узнаетъ какъ затаенный смыслъ внѣшности, которая казалась лишь безсмысліемъ необходимаго, такъ и затаенные знаки и образы глубокаго назначенія жизни, которая сдавалась лишь ни чѣмъ не сдержанною неопредѣленностью произвола.

Отвращаясь отъ лжи всего реально-призрачнаго и недѣйствительнаго существованія, отъ его напряженій и притязаній въ пустотѣ, художникъ силою своего чуткаго вниманія, весь теряется и весь находится, какъ во всей цѣлости, такъ и въ малѣйшемъ проявленіи внѣшняго міра, и охватывая и себя самаго, и всѣ внѣшніе образы существованія своимъ всеобщимъ глубокимъ раздумьемъ, находитъ въ немъ самый образъ еще отъ всѣхъ сокрытой истины, образъ которой и есть дѣйствитель-

ный образъ не только вполнѣ съ собою сообразнаго, но и вполнѣ благообразнаго и бесконечно прекраснаго міра.

При отсутствіи вниманія, сквозь туманъ разсѣянности все искажается, все извращается: самый образъ міра и все его содержаніе разсѣеваются и распадаются въ смутную неопредѣленность призрачныхъ, ни чѣмъ не сдерживаемыхъ, разорванныхъ, несообразныхъ и безобразныхъ образовъ. Но вниманіе сдерживаетъ весь міръ, находитъ все растерянное, связываетъ все разорванное, согласуетъ, сообразуетъ и смыкаетъ къ единству образа жизни *одно* и *другое*, все то, что казалось несогласнымъ, несообразимымъ и несовмѣстимымъ. Оно уже въ началѣ является инстинктомъ самосохраненія, или способностью, соображая все другое съ собою и себя съ другимъ, находиться, не теряясь, во всемъ другомъ, и находить все другое въ себѣ самомъ. Далѣе оно же становится разумомъ, или силою понимать все другое своимъ всеобщимъ образомъ; — и наконецъ оно же есть и любовь, или самое творчество жизни, которымъ непроницаемыя одно и другое, разумъ и внѣшность, смыслъ свободы и знакъ необходимости сообразуются и смыкаются другъ съ другомъ въ дѣйствительность безусловнаго единства.

И жизнь, и разумъ, и любовь — это только образы одного и того же вниманія, которымъ связывается и сдерживается весь міръ, и безъ котораго все есть лишь несказанное безобразіе.

Безъ вниманія не только умъ, но и самая жизнь пропадаетъ, и жить ничего другаго не значитъ, какъ быть внимательнымъ къ себѣ и къ другимъ.

Вниманіе художника состоитъ въ томъ, что онъ въ бесчисленныхъ образахъ внѣшняго существованія ни на одинъ мигъ не теряется, но всегда и вполнѣ, всѣмъ существомъ своимъ находится, и самъ находитъ въ нихъ несказанный смыслъ своего глубокаго человѣческаго назначенія.

Истина, которую впервые усматриваетъ художникъ, есть самая дѣйствительность, или самая правда бытья:

уже не напряженіе и не притязаніе его, но самое исполненіе, самое совершеніе; сущій, дѣйствительный міръ есть во всякій мигъ своего существованія вполнѣ законченный, вполнѣ завершенный актъ бесконечнаго творчества. Въ немъ самый смыслъ свободы и каждое дыханіе жизни облечены въ необходимость, какъ въ сферу бытья своего, какъ въ свое полное выраженіе; въ немъ и самая необходимость дышетъ свободою, какъ ея собственнымъ и единственнымъ смысломъ: она, со стороны, для постороннихъ, для разсѣянныхъ, для невнимательныхъ, для непонимающихъ чудится чужою, гнетущею необходимостью; но для внимательнаго и для понимающаго всѣ ея выраженія, ея образы и знаки—не чуждые, но свои собственные; ими означается, ими выражается самый смыслъ его свободы: лишь для своего проявленія вся бесконечная субъективность міра облекается въ свою же бесконечную объективность. Образы и знаки чужаго языка, пока ему не научишся, и не сдѣлаешь его своимъ, равнымъ образомъ сдаются дикимъ, непонятнымъ безсмысліемъ: но когда онъ усвоенъ, все, что въ немъ казалось безсмысліемъ, является самымъ точнымъ выраженіемъ всего смысла.

Художникъ, постигнувъ истину дѣйствительной жизни въ тайнѣ своего вдохновенія или въ глубинѣ своего всеобъемлющаго раздумья, актомъ творчества воспроизводитъ ее въ своихъ произведеніяхъ явною и очевидною для всѣхъ. Художественное произведеніе есть откровеніе: чрезъ него открывается и становится для всѣхъ явною недоступная и сокровенная тайна жизни боговъ: эта тайна и есть самая красота, или безусловная сообразность того самаго содержанія бытья и жизни, необходимости и свободы, которое въ реальномъ мірѣ представляется вполнѣ несообразимымъ.

Въ мірѣ красоты, которая и есть дѣйствительный образъ, соображающій и смыкающій собою въ недѣлимое, въ живое единство смыслъ свободы и явленіе необходимости, нѣтъ ни спора, ни стѣсненія, ни толкотни, ни ломки одного другимъ; онъ есть невозмутимый, небесный

космосъ, преисполненный музыкой и гармоніей сферъ, всеобъемлющая полнота и совмѣстность *Одного* и *Другого*. Въ немъ *Одно* и *Другое* стоятъ, держатся, утверждаются и хранятся только другъ въ другѣ, и только другъ другомъ; проявляются безусловно *свободно* одною всеобщею *необходимостью*, и высказываются *необходимо* единымъ смысломъ *всеобщей свободы*. Сфера красоты не есть сфера спора, но сфера бесконечнаго плѣненія, которому все беззавѣтно, все безгранично отдается, отъ котораго никто не хочетъ, и всѣ боятся избавиться и освободиться.

Не всякій способенъ открыть и увидать лицомъ къ лицу истинный образъ самой дѣйствительности; въ большинствѣ случаевъ, предъ большинствомъ людей, по недостатку въ нихъ вниманія, дѣйствительность остается незамѣтною; видна и замѣтна бываетъ только реальность, только несообразность, только мертвый, разбитый и безсмысленный матерьялъ дѣйствительности; а не она сама, какъ полная сообразность въ ея цѣлости и красотѣ. Оттого то, по поводу ея истиннаго образа, между людьми возникаютъ большія сомнѣнія и ведутся нескончаемые споры; каждому мерещится, что онъ то только и видитъ ее, что остальные для нея всѣ слѣпы. А между тѣмъ, несмотря на то, обыкновенно полагаютъ, что достаточно существовать и открыть глаза для того, чтобъ ужь и увидѣть дѣйствительность: но такимъ образомъ виднѣются только призраки, которые обыкновенно и принимаются и выдаются за самую дѣйствительность. Самое обыкновенное между людьми, что обманы и ложь идутъ за истину.

Впрочемъ, пожалуй, въ нѣкоторомъ смыслѣ совершенно справедливо, что всякій какъ есть, такъ и видитъ, дѣйствительность; но въ этомъ смыслѣ, не только человѣкъ, но и каждое животное, даже и растеніе, и что ужь совершенно непонятно, но думать должно, и самый камень усматриваютъ дѣйствительность, или относятся къ ней по своему, т. е. тѣмъ ограниченнымъ образомъ, какимъ каждое существо или вещество способно относиться изъ себя къ другому и усматривать образъ его.

Но въ своемъ произведеніи, художникъ открываетъ дѣйствительность для всѣхъ въ ея истинномъ образѣ, и въ художественномъ произведеніи всѣ способны увидѣть ее истиннымъ образомъ, или образомъ самой бесконечной истины.

Красота, или безусловная сообразность свободы и необходимости, есть истинный образъ дѣйствительности; и въ прекрасныхъ образахъ, вызываемыхъ на свѣтъ изъ невѣдомой глубины и тайны жизни, художникъ обнаруживаетъ въявѣ, предъявляетъ всю дѣйствительность, какъ прекрасный человѣческій обликъ, исполненный и просвѣтленный всею бесконечною сущностью божественнаго смысла. Что это есть въ самомъ дѣлѣ самая дѣйствительность,—въ томъ невозможно сомнѣваться; достаточно взглянуть, чтобъ тотчасъ признать ее, какъ тотъ образъ, что давно уже и смутно лежалъ въ душѣ; чтобъ тотчасъ вспомнить о ней изъ себя самаго, чтобъ всѣмъ существомъ подтвердить, что это она; она, которую онъ давно, которую онъ всегда зналъ; что это и есть самая правда, и вся правда, вся несомнѣнная правда; что никакой иной правды нѣтъ и быть не можетъ; что все другое есть явная ложь и грубая, дикая несообразность. Предъ нею же нѣтъ и быть не можетъ ни споровъ, ни сомнѣній; все и всѣ признаютъ ее изъ самой глубины сердца своего за свой завѣтный, за свой любимой образъ, и плѣняются безвозвратно ея плѣнительнымъ образомъ.

У насъ, между людьми новаго толка, довольно распространено мнѣніе, что людямъ надо какъ можно болѣе и какъ можно рѣзче предъявлять или изобличать всѣ существующія безобразія и несообразности, для того, чтобъ они, насытясь ими, могли уразумѣть прекрасное; вслѣдствіе того, многіе писатели и даже поэты изощряются въ реальныхъ описаніяхъ, изображеніяхъ и лицедѣйствіяхъ всякаго рода несообразностей и безобразій. Но такое мнѣніе очень не вѣрно. Безобразіе и несообразность не свѣтъ, но тьма, при которой ровно ничего не видно, и ею гораздо легче затмить, нежели просвѣ-

тить кого бы то ни было. Истиннымъ, дѣйствительно все освѣщающимъ свѣтомъ является только красота: предъ ея лицомъ всякая пошлость, всякое безобразіе сами собою изобличаются и становятся явными; и для того, чтобъ научиться понимать и различать хотя бы и самое безобразіе и самыя несообразности, необходимо начать съ ученія понимать и видѣть прекрасное. Иліада Гомера была началомъ и самымъ вступленіемъ того высокаго развитія, котораго греки достигли въ своей жизни; а вовсе не слѣдствіемъ тѣхъ бесчисленныхъ безобразій, которыми была такъ обильна ихъ жизнь въ позднѣйшія времена ея разложенія

Изъ знающихъ людей, помнится, кто то сказывалъ, что по статуямъ древнихъ художниковъ можно изучать мускулатуру. анатомію, все строеніе, самую физіологію человѣческаго тѣла: потому что ихъ волшебный рѣзецъ имѣлъ въ виду не пустое измышленіе, не абстракцію, не произвольное фантазерство, но самую природу во всей ея строгости и неподдѣльности, ту самую природу, которую каждый изъ насъ и видитъ и осязаетъ, въ которой повсюду господствуетъ вѣчный, низмѣнный порядокъ ея непреложныхъ законовъ и безстрастной, неуклонной необходимости.

А между тѣмъ, этотъ самый мраморъ, выйдя изъ подъ рѣзца художника, дышетъ жизнью; а между тѣмъ, въ этомъ изваяніи, которое въ малѣйшемъ изъ своихъ очертаній являетъ всю неподдѣльность самой природы и всю ея правду, проступаетъ весь смыслъ бесконечности; а между тѣмъ, изъ этого человѣческаго облика Венеры Милоской, соображенной и изваянной рѣзцомъ самой необходимости, смотритъ дѣйствительно богиня, и дышетъ всею несомнѣнностью своей божественной свободы, своего божественнаго всемогущества.

Красота есть чудо, котораго реализмъ не понимаетъ, и не можетъ допустить ни на одно мгновеніе: она есть совершенная, бесконечная гармонія бесконечнаго противорѣчія; она есть безусловная сообразность не сообра-

зимаго; бесконечный образъ избавленія всего міра отъ несообразностей безсмыслія и отъ несообразностей произвола: въ ней свобода и необходимость являются соображенными въ одинъ и тотъ же бесконечный смыслъ жизни.

И потому нѣтъ ничего удивительнаго, что въ то раннее утро человѣческой жизни, древніе греки вполнѣ вѣрили, что боги и богини жили съ ними и ходили между ними; благообразіе красоты своимъ божественнымъ обаяніемъ повсюду вѣяло ихъ присутствіемъ, повсюду свидѣтельствовало, что они тутъ, что они на лице вездѣ, гдѣ понятенъ языкъ Гомера. Вся жизнь прекрасной Греціи складывалась, разумѣется, необходимостью; но эта необходимость, во всѣхъ образахъ ея проявленія, являлась всюду лишь полнымъ, яснымъ, и радостнымъ смысломъ свободы: такъ что даже трудно рѣшить, свобода ли держалась необходимостью, или наоборотъ вся необходимость держалась только свободою; и та и другая держались другъ другомъ въ безусловной, взаимной сообразности, въ полномъ благообразіи, въ бесконечной красотѣ.

Жизнь Греціи, этого яснаго утра всего человѣчества, потому и была такъ радостна, что въ ея основаніи была сообразность т. е. красота; и въ этой человѣческой радости въ то время вмѣстѣ съ человѣкомъ принимала полное участіе и вся природа: и небо, и море, и земля съ ихъ обитателями—все ликовало одною общею, неподдѣльною радостью.

Не мудрено вовсе, что греки вѣрили, когда и мы тоже, уже на вечерьи жизни нашей, и имѣя подъ собою въ своемъ основаніи несообразность, и своею почвою реальность, тѣмъ не менѣе сами вполнѣ готовы вѣрить вмѣстѣ съ греками, что дѣйствительно боги и богини жили между ними; ихъ божественный говоръ и лучи свѣта отъ ихъ лучезарныхъ обликовъ изъ той дали еще какъ будто долетаютъ, доносятся до насъ, и волнуя, затрогивая всю душу, какъ будто уличаютъ ее въ какой то неправдѣ, въ какомъ то несостоятельномъ двусмы-

слiи. Наши напряженiя, наши притязанiя, наши вопросы, наши потуги жить,—развѣ это дѣйствительность?

Красота есть безспорно чудо; въ ней совершается невозможное; въ ней невозможное — есть дѣйствительность: но вѣра въ нее не есть суевѣрiе, потому что она есть несомнѣнная и дѣйствительная истина, обнимающая весь мiръ своею всеобщностью, предъ которою всѣ такъ называемыя научныя обобщенiя—не болѣе, какъ абстрактный и школьный вздоръ. Не вѣрить въ дѣйствительность красоты невозможно; надо быть мертвымъ, чтобъ не вѣрить ей, чтобъ не утверждать ее каждымъ помышленiемъ своимъ. Да и чему же вѣрить если не ей? да и что же утверждать, если не ее? ужь не тѣ ли научныя обобщенiя? ужь не то ли научное резонѣрство? ужь не догматы ли современнаго схоластицизма, имѣющаго въ виду отсторонить человѣка отъ жизни и отъ общества подъ предлогомъ его неискоренимаго антропоморфизма, этого первороднаго грѣха противъ научности?

Но не человѣкъ для субботы, а самая суббота, самая научность только для человѣка и ради человѣка. Помимо человѣка, научность не имѣетъ никакого смысла; свой смыслъ она можетъ найти не иначе, какъ только въ самомъ образѣ человѣка, только въ его антропоморфизмѣ.

Человѣческiй же образъ выражается только красотою, и потому красота не нуждается, чтобъ ее разъясняла или оправдывала научность; но научность очень нуждается, чтобъ красота объяснила и оправдала ее своимъ смысломъ и образомъ.

Въ широкомъ значенiи слова, въ дѣйствительности, жизнь не есть реальность, о которой толкуютъ реалисты; реальность есть та противорѣчивая несообразность, которая всюду находится, какъ естественно данное отъ природы. Всякая жизнь есть уже нѣкоторый образъ разрѣшенiя этой естественной несообразности реальнаго существованiя; дѣйствительная же жизнь есть ея полное рѣшенiе бесконечнымъ актомъ вдохновенiя и творчества.

Дѣйствительность жизни не есть то, что непосредственно находится, она всегда творится, и есть произведеніе человѣка; человѣческое назначеніе и есть самое вдохновеніе, побуждающее его къ творчеству. Въ силу своего назначенія каждый человѣкъ призванъ быть художникомъ, или творцемъ дѣйствительной жизни.

Если мраморъ, краски, звуки и самое слово представляютъ собою очень пластическій, чрезвычайно способный и податливый матерьялъ для художественнаго творчества въ собственномъ смыслѣ, то въ болѣе широкомъ смыслѣ, такой матерьялъ каждый человѣкъ имѣетъ въ реальности своей собственной жизни, во всѣхъ сферахъ ея проявленія въ индивидуальности, въ семейномъ, домашнемъ кругу, въ обществѣ, въ человѣчествѣ. Для каждаго человѣка онъ самъ, его домъ, общество и самое человѣчество есть грубый, сырой, несообразный матерьялъ, который онъ, какъ художникъ, долженъ сообразить и преобразить своимъ человѣческимъ смысломъ, своимъ человѣческимъ образомъ красоты и благообразія; для того, чтобъ бесконечнымъ, творческимъ актомъ человѣческаго всемогущества создать дѣйствительность или образъ прекраснаго, божественнаго бытья, въ которомъ бы свобода заявлялась какъ необходимость; и необходимость дышала всею свободою: для того, чтобъ боги жили и ходили между нами.

Иначе и онъ самъ, и домъ его, и общество, и все человѣчество не будутъ дѣйствительностью, но останутся призракомъ и кошемаромъ реальности, или безпредѣльною несообразностью, невыносимымъ безобразіемъ.

Всѣ люди призваны къ своему творческому, жизненному дѣлу; ни одинъ человѣкъ не можетъ уклоняться отъ своего участія въ немъ, если не хочетъ уклониться и отъ самой жизни, и быть какъ мертвый среди тлѣнія и смрада мертвечины. Всякій человѣкъ есть художникъ по призванію: но много званныхъ, и мало избранныхъ. Задача, на рѣшеніе которой человѣкъ призванъ, состоитъ въ томъ, чтобъ грудью своею сомкнуть несмыкаемое,

чтобъ обнять необъятное, чтобъ связать, согласить, сообразить къ единству одного живаго, прекраснаго образа, всегда распадающееся, всегда разрозненное, несогласимое, ни съ чѣмъ несообразное міровое противорѣчіе между свободою и необходимостью. Чтобы быть въ самомъ дѣлѣ художникомъ, чтобъ въ самомъ дѣлѣ обратить несообразную реальность въ дѣйствительность, требуется, чтобъ человѣкъ обнялъ всю бесконечность и замкнулъ ее въ себѣ самомъ, грудью конечнаго существа.

Человѣкъ призванъ къ тому, чтобъ одолѣть и побѣдить судьбу свою, которая всюду одолѣваетъ его, и, не взирая на то, что его назначеніе въ томъ, чтобъ жить свободнымъ человѣкомъ въ сферѣ полной красоты и совершенной дѣйствительности, вынуждаетъ его томиться между призраками и кошемарами.

Отъ реальности, предоставляемой человѣку его судьбою, до всѣхъ обѣтованій его назначенія бесконечно далеко: сообразить свою судьбу съ своимъ назначеніемъ дѣло трудное, требующее всего человѣческаго смысла и вниманія и дѣйствительнаго творчества, а не плажіата, не поддѣлки.

Большинство же людей, если и пытается, то развѣ только обойти противорѣчіе, а не одолѣть его. Люди не боги, они боятся боли и страданія, отъ которыхъ ломится грудь слабыхъ смертныхъ; они въ Прометеи не лѣзутъ, и художниками не называются, помня жалкую участь Марсіаса.

Обѣгая самую задачу жизни, они стараются только не видѣть противорѣчія и его несообразности, и придумываютъ разныя теоріи и ученія, чтобъ только поспокойнѣе шествовать жизненнымъ, тернистымъ путемъ.

Одни изъ нихъ, отрицая судьбу и необходимость, господствующую въ мірѣ, углубляются въ пустоту притязаній своей духовной, мнимой свободы и пробавляясь въ ней призраками своего произвольнаго измышленія, полагаютъ въ ихъ призрачности самую духовность своего спиритуализма. Другіе наоборотъ отрицаютъ назна-

ченіе человѣка, и не признавая его свободы, исповѣдуютъ самую несообразность реальнаго существованія in crudo, какъ оно имъ дается, и пытаются жить однимъ внѣшнимъ строемъ его, примѣняясь къ его необходимости, и не вѣдая, не заботясь ни о какомъ смыслѣ, вполнѣ довольствуются механически-физическимъ безсмыслiемъ, исповѣдуемымъ ими подъ именемъ реализма.

Третьи наконецъ вдаются въ эклектизмъ, и полагая возможнымъ сообразить всю бесконечность міроваго противорѣчія своею положительною ограниченностью, благоразумно стараются всѣ положенія спиритуализма надломить силою реализма; и всѣ утвержденія реализма подкосить назиданіями спиритуализма; съ тѣмъ, чтобъ жить ни духовнымъ, ни реальнымъ, а только конвенціональнымъ образомъ, по нормѣ нѣкоего мнимаго, средняго человѣка, равно избѣгающаго всякой крайности.

И при томъ каждый изъ нихъ и спиритуалистъ, и реалистъ, и эклектикъ, оставляя самый матерьялъ творчества въ сторонѣ, и имѣя въ виду только свою догму, берутся за дѣло самоувѣренно, какъ истые мастера, и обращаясь съ самою жизнью, какъ обращались, бывало, генералы съ своими подчиненными, обрываютъ ее на каждомъ шагу по своему начальническому усмотрѣнію.

Но оттого вся реальная жизнь, какъ какое навожденіе, является и сверху и снизу сломанною, искаженною, сущимъ безобразіемъ и дѣломъ умничанья и насилія всѣхъ надъ всѣми, и всякаго надъ всякимъ.

Такъ что Шопенгауэръ, а позднѣе и Гартманъ имѣли достаточное основаніе для того, чтобъ вмѣстѣ съ прежними пессимистами, учить, что жизнь — такая пустая и жалкая шутка, что наилучшимъ дѣломъ было бы какъ можно скорѣй отъ ней избавиться.

Но ихъ ученіе оказывается излишнимъ: мы и безъ нихъ, и сами собою только то и знаемъ, только то и дѣлаемъ, что отдѣлываемся и избавляемся, какъ умѣемъ, отъ ней и отъ ея непосильной задачи.

Художникъ знаетъ истинную дѣйствительность и жи-

ветъ въ ея чистой сферѣ: въ ней ея божественный смыслъ всесильно плѣняетъ свою красотою и все другое существованіе, такъ что и малѣйшее изъ самыхъ единичныхъ явленій находитъ въ ней свое полное оправданіе и право быть. Сфера красоты есть великая поэма, изъ которой нельзя выкинуть ни единаго, ни малѣйшаго слова или знака ея. Въ ней все на мѣстѣ, все есть какъ должно быть, все проникнуто и все плѣнено бесконечнымъ благообразіемъ или образомъ красоты.

Въ призрачной сферѣ реальнаго существованія, на почвѣ несообразности, среди дикихъ напряженій ея грубыхъ реальностей съ ихъ естественными потребностями, среди безмѣрныхъ притязаній ея пустыхъ абстракцій и обобщеній съ ихъ произвольными измышленіями, съ ихъ научнымъ педантизмомъ, всякій единичный образъ бытія, всякое единичное явленіе жизни исполнены страхомъ и стыдомъ за себя; ради лжи, которая въ нихъ, имъ совѣстно быть, въ нихъ нѣтъ смѣлости, нѣтъ дерзости быть самими собою; они принуждены искать извиненія и оправданія себѣ внѣ себя, во всемъ другомъ и постороннемъ; свое притязаніе, свое напряженіе быть имъ приходится извинять и оправдывать предъ лицемъ всѣхъ другихъ притязаній и напряженій: они только съ позволенія сказать; безъ оправданія, безъ извиненія передъ другими имъ совѣстно и стыдно быть.

И требуется большое безстыдство, явное нахальство, чтобъ, находясь въ сферѣ призраковъ, живя и питаясь призраками, ихъ ложью и ихъ несообразностью, являясь то безсмысліемъ, то произволомъ, не стараться сокрыть себя предъ свѣтомъ какимъ нибудь извиненіемъ, какимъ нибудь, хотя бы и довольно прозрачнымъ, покрываломъ. Потому что въ сферѣ реальности, каждое единичное явленіе надломлено, искажено, изуродовано, и есть лишь образъ возмутительнаго безобразія, въ которомъ нельзя не бояться предстать на свѣтъ, не ставъ нахальнымъ или безстыжимъ.

Но въ сферѣ дѣйствительности нѣтъ ни стыда, ни страха за себя; въ ней полная, безбоязненная и непо-

стыдимая свобода; въ ней каждое единичное явленіе, каждое движеніе, каждое дыханіе объято, проникнуто, плѣнено чистымъ образомъ красоты, которая всегда и всюду не только прилична, но есть еще и самое начало, самый источникъ, изъ которыхъ приличіе рождается; предъ нею все другое, ею неоправданное, ею не плѣненное, является грубостью и неприличіемъ, и не можетъ стоять безъ смущенія, безъ извиненія предъ ея божественнымъ образомъ. Все же, что оправдано, соображено и плѣнено ею, ни въ какомъ иномъ оправданіи не нуждается, и, какъ самая истина, какъ самая дѣйствительность, является и пребываетъ явно, смѣло, всецѣло, ни предъ чѣмъ не вѣдая ни стыда, ни страха.

Да и мѣсто ли страху, мѣсто ли стыду или какимъ стѣсняющимъ соображеніямъ тамъ, гдѣ красота исполнила и душу и сердце своимъ божественнымъ образомъ свободы? Не она ли сама и самая правда и самый источникъ всякаго оправданія для всего другаго?

Но люди, привыкнувъ къ зависимости отъ всего другаго, опираясь только на другое, и сознавая, что они самими собою держаться и стоять не могутъ, очень склонны думать, что и міръ тоже не можетъ быть самимъ собою: что ему необходима подпорка четырехъ китовъ, которыхъ они и пытаются подъискать въ наукности.

2. Развитіе и критика прекраснаго образа.

Въ мірѣ прекраснаго художникъ живетъ жизнью боговъ; боги и богини посѣщаютъ его, какъ своего, и знаются съ нимъ, и живутъ съ нимъ, какъ когда то въ старину они жили на землѣ, и ходили между людьми и обитателями классической Греціи. Не была ли тогда вся дѣйствительность на лице? Она была, сомнѣнья нѣтъ. Оттуда доносится къ намъ тотъ плѣнительный говоръ бесѣды людей съ небожителями; оттуда льется намъ

то чудное сказаніе о первомъ человѣческомъ, ясномъ утрѣ, котораго человѣчество и до сихъ поръ забыть не можетъ; оттуда свѣтятъ намъ тѣ плѣнительныя, душу образующіе образы, которые насъ трогаютъ, плѣняютъ и возвращаютъ къ человѣчности.

Намъ невозможно сомнѣваться въ томъ, что дѣйствительность была. Но указать самое мѣсто, и обозначить точно время, гдѣ и когда именно она была, невозможно.

Она была, мелькнула и уже нѣтъ ея. Говорятъ, что и каждому человѣку изъ всей его жизни, гдѣ нибудь въ недосягаемой дали, въ дѣтствѣ, въ юности, утромъ, вечеромъ, или въ иную пору, всегда мерещится нѣкоторый волшебный мигъ, въ который вся жизнь его была озарена лучемъ радости, счастья, красоты, въ который онъ и самъ былъ какъ богъ, и жилъ и бесѣдовалъ съ богами.

Но это только мигъ, и при томъ неуловимый мигъ; задержать его, или даже указать, гдѣ онъ былъ и когда именно, нѣтъ возможности. Все, что о немъ можно сказать, это только, что онъ былъ, былъ несомнѣнно; потому что отъ него исходитъ весь свѣтъ на остальную жизнь: но если примешься разыскивать его обстоятельно, да какъ, да почему, cur, quo modo, quando, quibus auxiliis, то обыкновенно оказывается, что тамъ ничего особеннаго не было, а все по обыкновенному, какъ и всегда бываетъ. Царь Эдипъ, Антигона, Электра, Орестъ, Гекторъ, Ахиллъ, Одиссей и прекрасная Елена, и всѣ другіе герои, именно все только герои, и представляются героями издали, вслѣдствіе всѣмъ извѣстнаго оптическаго обмана: когда глядишь чрезъ волшебную призму отдаленія, всякая даль всегда представляется какою то идеально прекрасною далью; а если подойти къ ней и присмотрѣться поближе, то въ ней, какъ и во всякой близи, оказываются и таже грязь, и таже пыль, и тоже убожество. Къ классической Греціи тоже не надо присматриваться слишкомъ близко; вблизи обаяніе, навѣваемое на насъ ея далекимъ утреннимъ обликомъ, скоро

пропадаетъ, и ея герои обращаются въ очень обыкновенныхъ и довольно грубоватыхъ людей, которые развѣ только тѣмъ и правы, что они грабятъ, рѣжутъ, лгутъ, ломятъ, терзаютъ, бьютъ и убиваютъ, жгутъ, и какъ безжалостныя дѣти, вовсе и не горюютъ и не сожалѣютъ о томъ, и безъ зазрѣнія совѣсти, безъ стыда и страха, еще и похваляются тѣмъ зломъ, которое они надѣлали.

Въ минуту творчества художника озаряетъ красота, и ея несказанная дѣйствительность есть ему несомнѣнное свидѣтельство о полнотѣ его жизни. Но эта минута не продолжительна, она мелькаетъ, какъ единый мигъ; и посѣщеніе прекраснаго, которымъ душа не успѣваетъ насытиться, длится не долѣе мига, и съ нимъ же и исчезаетъ, какъ мимолетное, неуловимое видѣніе

А за тѣмъ идетъ работа, анализъ, изученіе, терпѣніе; и проходятъ годы прежде чѣмъ такое мгновеніе вновь повторится, и можетъ быть, оно уже болѣе никогда и не повторится.

Астрономы и геологи утверждаютъ, что мильоны вѣковъ прошли, прежде чѣмъ земля стала обитаемой; и что послѣ того, какъ она перестанетъ быть обитаемою, опять потекутъ другіе мильоны вѣковъ, въ которые на ней жизни не будетъ. И соображая это, оказывается, что жизнь, ее одушевляющая, лишь краткій, мимолетный мигъ, затерянный въ необъятной, совершенно безжизненной пустынѣ времени. Отъ времени то же самое слѣдуетъ заключить и по отношенію къ пространству; по всей вѣроятности такимъ же образомъ, и въ средѣ бесчисленныхъ, необитаемыхъ міровъ и міровыхъ системъ, земля, воодушевленная жизнью, есть лишь ничтожный, живущій атомъ, затерянный въ необъятности столь же безжизненной пустыни пространствъ.

Единый мигъ и атомъ, озаренный лучемъ жизни, радости и счастья, и объятый со всѣхъ сторонъ непроглядною, беспредѣльною ночью! И въ такой то мигъ требуется внести и объять имъ всю безконечность!

Моралистамъ, спиритуалистамъ, отрицающимъ то, чего

они не знаютъ, хорошо говорить и поучать; но пусть они сами и исполнятъ это на самомъ дѣлѣ; пусть онѣ одолѣютъ всѣ сомнѣнія, охватывающія душу необъятною ночью, въ которой она затеряна, и утвердятъ дѣйствительность среди ея непроглядной тьмы!

Дѣйствительность не находится какъ данное отъ природы; она только творится, и есть не болѣе, какъ на сколько есть самое творчество; длится не долѣе одного мига, и этотъ одинъ мигъ, полный красоты жизни и всей ея дѣйствительности, этотъ одинъ мигъ на лице присущей истины затерянъ въ обнимающей его со всѣхъ сторонъ, беспредѣльной средѣ всякаго рода безжизненныхъ абстракцій, реальностей, притязаній и напряженій, пустоты и безсмыслія, призраковъ и кошемаровъ.

Такого рода сопоставленія и помышленія невольнымъ образомъ навязываются на душу, и навѣвая смуту, разсѣеваютъ ея помыслъ съ его утвержденіями въ непреодолимое сомнѣніе.

Художникъ, изливъ всю душу свою въ мраморъ, въ Венеру Милоскую, въ Юпитера Олимпійскаго, самъ за тѣмъ остается, какъ посторонній, въ сторонѣ отъ своего собственнаго произведенія. Онъ вдохнулъ въ него свое вдохновеніе; чрезъ него холодная глыба мрамора обратилась въ бога, въ богиню; но онъ долженъ отойти отъ нихъ: между нимъ и между этимъ богомъ, между этою богинею, нѣтъ ничего общаго, имъ не жить вмѣстѣ; они, какъ боги, будутъ пребывать въ храмѣ, а онъ, какъ смертный, пойдетъ къ себѣ домой, вернется къ своей реальной, естественной жизни, для того чтобъ жить всѣми ея реальностями.

Мигъ творчества, мигъ дѣйствительности, потому дѣйствителенъ, что онъ въ одномъ дыханіи обнимаетъ собою не только произведеніе художника, но и самаго художника, который вдохнулъ въ него жизнь свою. Но тѣмъ не менѣе, по завершеніи творчества, его содержаніе распадается, а съ тѣмъ вмѣстѣ и самая дѣйствительность двоится: съ одной стороны, вотъ исполненное произведе-

ніе, а съ другой — вотъ и самый художникъ, творецъ этого произведенія. Но самъ художникъ и его произведеніе ни мало не связаны между собою, и стоятъ врозь, въ сторонѣ другъ отъ друга. А между тѣмъ, безъ художника не можетъ быть произведенія, а безъ художественнаго произведенія нѣтъ и самаго художника: другъ безъ друга они немыслимы. Вотъ эта Венера Милоская, конечно, на ней несомѣнный обликъ богини: но кому же неизвѣстно, что собственно это только холодный, безжизненный мраморъ, истуканъ, и притомъ же еще и разбитый истуканъ. Съ другой стороны, художникъ, разумѣется художникъ, творецъ, исполнившій это божественное произведеніе, и вдохнувшій въ него всю жизнь свою; но потому то, видно, при немъ и не осталось ничего божественнаго; все его вдохновеніе выдохнулось на его произведеніе, и онъ остался безъ всякаго вдохновенія самымъ простымъ и обыкновеннымъ смертнымъ. Быть можетъ у него въ эту минуту голова, животъ или зубы болятъ, быть можетъ онъ страдаетъ и мучается гемороемъ, или ревматизмомъ; во всякомъ случаѣ онъ дышетъ не творческимъ вдохновеніемъ, а самымъ обыкновеннымъ воздухомъ; питается и утоляетъ жажду не амвросіей и не нектаромъ безсмертныхъ, а просто хлѣбомъ, картофелемъ, водою, квасомъ; быть можетъ у него даже и порядочнаго вина нѣтъ. И живетъ онъ вовсе не божественною, а самою обыкновенною жизнью, подверженною всѣмъ случайностямъ и превратностямъ внѣшняго существованія: она тянется, какъ и жизнь всѣхъ людей, въ нескончаемой, мелочной вознѣ со всякаго рода невзгодами, нуждами, болѣзнями, бѣдами. Взглянувъ на него, на врядъ ли кто признаетъ въ немъ художника.

Его боги и богини дѣйствительно имѣютъ божественный обликъ, но именно только обликъ; а настоящей жизни въ нихъ нѣтъ. Какъ еще святые отцы указывали, они ни пить, ни ѣсть, ни видѣть, ни слышать не могутъ; и, какъ есть, совсѣмъ истуканы. Въ немъ, въ художникѣ, конечно есть жизнь, настоящая, реальная

жизнь: но въ ней нѣтъ ничего божественнаго; и весь видъ его самый обыденный, самый обыкновенный: между нимъ и между его богами и богинями нѣтъ ничего общаго.

У насъ, еще не слишкомъ давно, сложилось было повѣрье, что истинный художникъ и пьетъ и ѣстъ и говоритъ совсѣмъ не какъ люди; что онъ отъ прочихъ смертныхъ отличается своимъ вдохновеннымъ видомъ, проявляющимся въ его растрепанности, непорядливости, и даже неприличности; и нѣкоторые художники вслѣдствіе того намѣренно предавались пьянству, распутству и всякаго рода безобразіямъ. Такое дикое повѣрье долго держаться не могло; оно скоро и пропало. Но въ немъ все же высказывалось нѣчто въ родѣ требованія или ожиданія, чтобы художникъ и былъ художникомъ, не только въ своихъ произведеніяхъ, но и въ своей жизни, и во всемъ существѣ своемъ. Потому что, такъ какъ его произведенія при немъ не находятся, и онъ ихъ съ собою не носитъ, и съ ними не носится; то надобно, чтобы онъ самимъ собою, своимъ видомъ, и помимо своихъ произведеній, являлся художникомъ. Но этого никогда не бываетъ; художники ни по виду, ни по существу отъ другихъ людей не отличаются, и даже и говорятъ очень обыкновенною рѣчью, никогда не прибѣгая къ высокому слогу.

Но тѣмъ не менѣе, художника, по крайней мѣрѣ мысленно, все же пытаются облечь въ какую нибудь особую, театральную мантію; никому не вѣрится, чтобъ онъ могъ въ самомъ дѣлѣ довольствоваться тою будничною средою, въ которой онъ живетъ; и всѣ навязываютъ ему, всѣ подсказываютъ за него неодолимое желаніе инаго образа жизни, который въ немъ предчувствуется или подозрѣвается.

Болѣе полнымъ и особенно болѣе пластичнымъ выраженіемъ требованія, чтобы творчество художника обнимало собою и преобразовывало не только безжизненную глыбу мрамора, но и самую жизнь, является древнее сказаніе о томъ, какъ Пигмаліонъ, боготворя красоту имъ

изваянной Галатеи, до того любилъ ее, что любовью своею вдохнулъ въ нее дыханіе настоящей жизни, и такимъ образомъ сомкнулъ уже не мраморъ только, не мертвый матерьялъ, но самую жизнь съ красотою. Но это, разумѣется, мифъ, и притомъ вполнѣ неосуществимый мифъ: при всѣхъ своихъ желаніяхъ и порываніяхъ, художникъ въ реальности все же остается совершенно обыкновеннымъ человѣкомъ и изваянная имъ статуя также остается все тою же глыбою холоднаго и безжизненнаго мрамора.

И за невозможностью осуществленія такого мифа, за невозможностью чтобъ и самая жизнь, во всей цѣлости своей, стала и исполнилась красотою, реальная жизнь художника, какъ и жизнь всѣхъ людей вообще, является чѣмъ то въ родѣ смутнаго сновидѣнія, въ которомъ прекрасное, какъ неуловимая мечта, мелькаетъ на мигъ и за тѣмъ исчезаетъ: и человѣку приходится жить уже не всею цѣлостью, не всею дѣйствительностью жизни, а только разбитыми и дробными кусочками, въ которыхъ вся дѣйствительность обрѣтается не болѣе того, какъ обрѣтается и вся красота въ обрывкахъ изорванной картины или въ осколкахъ въ дребезги разбитой статуи.

Съ одной стороны, человѣкъ живетъ дѣйствительною жизнью только образомъ прекраснаго, — или только на основаніи полной сообразности всего смысла свободы со всѣмъ содержаніемъ необходимости: внѣ этого образа его жизнь есть лишь несообразность безсмыслія, грубости, неприличія, и всѣхъ призраковъ и кошемаровъ безобразія. Съ другой—величайшія произведенія искуства и художества имѣютъ и находятъ свой смыслъ только въ жизни человѣка; внѣ его жизни, напримѣръ для камней, для растеній, для животныхъ они не имѣютъ никакого смысла, никакого значенія. А потому необходимо, чтобъ жизнь человѣка и ея прекрасное изображеніе сомкнулись другъ съ другомъ въ одно недѣлимое бытье; иначе, при разъединеніи и обособленіи ихъ другъ отъ друга, когда жизнь человѣка сама по себѣ,—особый порядокъ, а прекрасный образъ жизни тоже самъ по себѣ,—другой особый поря-

докъ, оба такіе порядка бытья являются одинаково безсмысленными или пустыми.

Прекрасное истинно прекрасно только въ жизни человѣка, а вовсе не въ какомъ нибудь мраморѣ, не на полотнѣ, не въ камняхъ, не въ книгахъ, какъ бы оно тамъ прекрасно ни было. Жизни до красоты, отъ нее самой отдѣленной и обособленной, никакого дѣла нѣтъ, да и быть не можетъ. А комужъ еще можетъ быть дѣло до того, до чего нѣтъ дѣла самой жизни?

Все прекрасное, которое сказалось человѣку въ произведеніяхъ художества, неудержимо увлекается въ жизнь потокомъ самой жизни. Но диллетантизмъ или эстетическое наслажденіе знатоковъ и цѣнителей прекраснаго, изъ страха предъ различающею силою жизни, предъ ея беспокойною, никогда не дремлющею, ничего не сожалѣющею діалектикою, пытаясь сохранить образы прекраснаго неприкосновенными, вдали и независимо отъ жизни, по необходимости самъ осуждаетъ себя на вѣчное и совершенно бесплодное смакованіе художественныхъ красотъ; и уподобляется слишкомъ боязливому земледѣльцу, который, охраняя сѣмена отъ всякой порчи, носится съ ними и всего болѣе боится уронить ихъ въ сырую землю, чтобъ они въ ней не испортились. Но кто же не знаетъ, что назначеніе сѣмянъ вовсе не въ томъ, чтобъ навѣкъ оставаться сѣменами; они должны пасть въ землю для того, чтобъ взойти жизнью: иначе они задохнутся и утратятъ свой смыслъ.

Произведеніе искуства, какъ бы оно ни было прекрасно, и жизнь человѣка, въ угоду самаго яраго диллентантизма, слиться въ одно никакъ не могутъ. Не можетъ же въ самомъ дѣлѣ живой человѣкъ на вѣкъ уставиться глазами хотя бы и на Венеру Милоскую, стоять, млѣть и пропадать передъ нею; у него кромѣ этого есть еще и другія дѣла. Какъ бы ни былъ плѣнителенъ чарующій душу его образъ, ему наскучитъ видѣть и созерцать все одно и тоже; онъ непремѣнно, по необходимости уйдетъ: потому что самая жизнь зоветъ его.

Но уходя, онъ унесетъ съ собою образъ прекраснаго, конечно не какъ статую, не какъ картину, не какъ то или другое произведеніе, которыми онъ любовался: унесть ихъ съ собою въ ихъ реальности ему не позволятъ; но онъ унесетъ съ собою смыслъ, ихъ внушившій, онъ унесетъ съ собою ихъ дѣйствительность, какъ свой собственный, образомъ прекраснаго преобразованный помыслъ, который и скажется ему въ его самосознаніи, какъ его живой, ему присущій судъ и надъ самимъ собою, и надъ всѣмъ его окружающимъ, внѣшнимъ содержаніемъ. При свѣтѣ прекраснаго, или безусловно сообразнаго, онъ въ состояніи будетъ усмотрѣть и отмѣтить и всѣ несообразности, съ которыми ему приходится вѣдаться и дѣло имѣть.

Изъ чистой сферы художества прекрасное нисходитъ въ жизнь, какъ сужденіе о ней; въ сужденіи образъ прекраснаго исчезаетъ, раздробляется во множество частныхъ сужденій по поводу жизненнаго содержанія, но съ тѣмъ, чтобъ вновь возникнуть изъ жизни ея собственною красотою.

Многіе полагаютъ, и такое мнѣніе въ большомъ ходу среди людей, изобличающихъ общество въ его несообразностяхъ, что достаточно указать на безобразіе, для того чтобъ развить смыслъ прекраснаго, что достаточно увидѣть зло, чтобъ признать добро. Но отъ зла происходитъ только зло; за безобразіемъ слѣдуетъ только безобразіе. Доброе и прекрасное не происходятъ и не рождаются отъ зла и безобразія; а только отъ добра и отъ прекраснаго. И покуда человѣкъ не узналъ смысла прекраснаго въ самомъ помыслѣ своего самосознанія, до тѣхъ поръ онъ ни на что доброе, ни на что прекрасное не способенъ, и никакія изученія зла и безобразія не сдѣлаютъ его способнѣе. Чтобъ стать способнымъ къ добру или къ прекрасному, необходимо предварительно полюбить прекрасное, плѣниться образомъ добра; безъ его плѣняющаго образа не можетъ статься и его доброе содержаніе.

Смыслъ прекраснаго, являясь въ жизненномъ помыслѣ человѣка его судомъ надъ самимъ собою и надъ всѣмъ,

что его окружаетъ, судитъ обыденную жизнь человѣка со всѣми ея реальностями и абстракціями, во всѣхъ ея напряженіяхъ и во всѣхъ ея притязаніяхъ: и предъ судомъ такого идеала настоящее содержаніе жизни оказывается несообразностью, или безобразіемъ пустоты и безсмыслія.

Но это только одна сторона сужденія; audiatur et altera pars. Съ другой стороны и самая жизнь, исполняясь смысломъ прекраснаго или дѣйствительнаго, съ высотъ своего жизненнаго идеала, указываетъ на образы лелѣемые фантазіей художника, какъ на обманчивые образы, какъ на мечту, не соотвѣтствующую тому, что есть на самомъ дѣлѣ. Всѣ художественныя произведенія и занятія художествами, конечно, могутъ служить нѣкоторымъ пріятнымъ развлеченіемъ и полезнымъ отдохновеніемъ отъ трудовъ настоящей жизни; они могли бы даже направлять человѣка и къ добру, еслибъ только они находились подъ надзоромъ и подъ страхомъ строгаго ментора: но въ нихъ нѣтъ ничего серьезнаго.

Художники серьезнымъ дѣломъ жизни не занимаются, и не проникаютъ въ ея глубь: оставаясь на ея поверхности, обращая вниманіе только на наружный обликъ, они изыскиваютъ въ жизни только то, что пріятно, что льститъ чувствамъ, что забавляетъ въ ней, иногда, конечно невиннымъ и даже привлекательнымъ, но гораздо чаще совершенно предосудительнымъ и очень вреднымъ образомъ.

Въ большинствѣ случаевъ и за рѣдкими исключеніями, искуство является льстивымъ искуствомъ, которое, въ видѣ препровожденія времени праздныхъ людей, только поблажаетъ и потворствуетъ ихъ страстямъ и порочнымъ наклонностямъ. И строгіе люди, серьезные мыслители, философы и моралисты, со свойственною имъ суровостью сужденія, гонятъ художество и мечты его съ ихъ обольстительнымъ обманомъ; предаютъ сожженію творенія поэтовъ, и, какъ иконоборцы, сбираются разбить въ дребезги всѣ прекрасныя изваянія боговъ и богинь. Вмѣ-

сто этихъ мечтательныхъ и недостойныхъ человѣка призраковъ, они, гоня искуство для искуства, стремятся поставить на пьедесталъ предъ человѣчествомъ, для его назиданія, точное знаніе, строго положительную науку, съ ея безобманнымъ, научнымъ, индуктивнымъ методомъ.

Предъ столь неумолимымъ судомъ, идеалы прекраснаго должны бы были исчезнуть съ лица земли: они бы и исчезли, имъ бы не устоять противъ такой критики; еслибъ женщина, избавляя все прекрасное отъ столь жестокаго приговора, не пріютила его на груди своей, въ своей собственной жизни.

По отношенію къ самой жизни и къ завѣтной мечтѣ ея, мужчина уже отъ природы родился варваромъ и педантомъ; какъ представитель начала необходимости, онъ противникъ всякой мечтательности и свободы, и всегда склоненъ думать, что его индуктивный методъ не только равняется въ своемъ значеніи значенію прекрасныхъ обликовъ Венеры Милоской или Юпитера Олимпійскаго, но несравненно значительнѣе и важнѣе сотни такихъ обликовъ.

Вслѣдствіе своихъ естественныхъ качествъ, онъ живетъ во внѣшности, имѣетъ дѣло съ внѣшностью, и обо всемъ и судитъ своимъ внѣшнимъ образомъ. Внутрь, въ себѣ самомъ онъ ни творить, ни производить ничего не можетъ. Его дѣла и творенія суть только внѣшнія дѣла и внѣшнія творенія; онъ вѣдается всегда со всѣмъ *другимъ*, а потому и признаетъ во всемъ законы *всего другаго*, законы необходимости; своеволія же ни въ чемъ не терпитъ.

По тому же физіологическому опредѣленію, женщина на оборотъ во всѣхъ дѣлахъ, во всякомъ твореніи всегда направлена и обращена внутрь самой себя: она и творить и производитъ въ себѣ самой, въ самомъ существѣ своемъ, въ самой жизни своей: для мужчины жизнь есть лишь его орудіе; для женщины же жизнь есть самая цѣль, а все другое только средства и орудія для жизни. И потому, между тѣмъ какъ мужчина, занятый всегда

внѣшнимъ дѣломъ, касаясь къ жизни только внѣшнимъ образомъ, остается чуждымъ для ея интимнаго, внутренняго или жизненнаго образа, дѣло самой жизни пребываетъ исключительно женскимъ дѣломъ; и женщина творитъ не дѣло, но только самую жизнь, ради которой и всѣ дѣла существуютъ. Она господствуетъ надъ всею областью жизни, и помимо ея никто не можетъ проникнуть въ эту заповѣдную область: безъ ней въ жизни ничто не можетъ осуществиться.

Для женщины, говорятъ, законъ не писанъ: это пожалуй и правда, потому что всякій законъ есть выраженіе необходимости, а собственный смыслъ жизни есть свобода. И женщина, не споря съ необходимостью, совсѣмъ ея не вѣдаетъ, и есть ужь отъ природы представительница воли, своеволья и самаго начала свободы. Въ старину мужчину любили приравнивать къ могучему дубу, а женщину къ плющу, къ винограду, къ ліанѣ, или вообще къ какому нибудь слабому, цѣпляющемуся или вьющемуся растенію. Могучій дубъ растетъ по строгому и неизмѣнному правилу и баловства въ себѣ противъ своего правила не допускаетъ. А виноградъ, плющи и ліаны, въ противуположность ему, какъ будто кромѣ баловства и прихоти ничего не знаютъ, и живутъ по своему произволу, то изукрашая дубъ гирляндами благоуханныхъ цвѣтовъ, то подавляя его своимъ всезахватывающимъ, жизненнымъ развитіемъ.

Какъ все остальное, такъ и красота и самый смыслъ всего прекраснаго проникаютъ изъ внѣшней сферы художества во внутреннюю сферу самой жизни, и становятся дѣйствительнымъ смысломъ и живою красотою не иначе, какъ чрезъ женщину.

Женщина не обладаетъ достаточною физическою силою, чтобъ одолѣвать ею окружающее ее *все другое*, чтобъ самой справляться съ внѣшнимъ матерьяломъ существованія; но она достаточно гибка и пластична, чтобъ, не ломая себя, во всемъ приноровляться къ другому. Она, какъ растеніе, не измѣняетъ своею силою внѣшней, ее

окружающей среды, но только сообразуется съ нею, примѣняется къ ней, и примѣняясь, остается самой собою.

По естественному опредѣленію, такъ какъ она живетъ въ средѣ другаго и отъ него зависитъ, ей свойственно нравиться другому, такъ, что и самый нравъ ея образуется по природѣ того другаго, которому она нравится, и природу котораго она плѣняетъ образомъ своей природы.

И если для мужчины наиболѣе важное всегда выражается въ теоріи или въ практикѣ по отношенію къ другому въ образахъ его мыслей и его дѣлъ, съ которыми онъ относится къ внѣшности; то для женщины самое важное всегда заключается въ нравахъ, или въ образахъ самой жизни, которыми опредѣляется ея состояніе, ея бытье, или ея содержаніе: въ нравахъ выражается не что либо другое, не что либо внѣшнее, а самое существо женщины; она живетъ и дышетъ нравами; а потому она же и охраняетъ нравы, и являясь въ ихъ сферѣ своенравною, тѣмъ самымъ отражаетъ отъ себя всякаго рода притязанія и посягательства внѣшнихъ силъ ей чуждаго міра.

Нравиться исключительно тому или другому единичному человѣку значило бы съ тѣмъ вмѣстѣ поддаваться его ограниченности, и поддѣлываясь въ угоду ему къ границѣ его естественныхъ опредѣленій, обрамливать свой образъ бытья, свой нравъ, грубымъ лекаломъ его притязаній, его домогательствъ и всего того, что въ немъ для всѣхъ несносно, и столь же противно нравамъ, какъ было бы противно смыслу прекраснаго, еслибъ художникъ вздумалъ соображать свои произведенія съ тѣмъ, что нравится, что пріятно, или по вкусу тому или другому, единичному человѣку.

Какъ смыслъ прекраснаго, такъ и образъ бытья, обращающійся въ нравы, стоятъ одинаково въ живомъ соотношеніи съ тѣмъ, что нравится: но какъ прекрасное, такъ точно и нравы вовсе не въ томъ, что приходится по вкусу той или другой, ограниченной единичности, ко-

торая въ силу своего реализма и своихъ естественныхъ потребностей, вся стоитъ еще на почвѣ несообразности; но именно на оборотъ, только въ томъ, что есть уже полное разрѣшеніе этой естественной несообразности, и что само является полнотою благообразія.

Нравы составляютъ собою самую атмосферу, или то общее предрасположеніе, изъ которыхъ возникаютъ и смыслъ, и вдохновеніе, и творчество художника: они какъ безпредѣльныя небеса, которыя держатъ и порождаютъ изъ лона своего солнце и всѣ свѣтила небесныя, ихъ освѣщающія: нравы еще не самый свѣтъ художественно-прекраснаго образа; но безъ нихъ ни прекрасный образъ, ни свѣтъ его не могли бы осуществиться, не могли бы никогда статься.

Художественное исполненіе есть всегда дѣло мужское: оно исполняется силою и намѣреннымъ рѣшеніемъ, опредѣленнымъ актомъ воли; нравы напротивъ суть женское дѣло; они образуются незамѣтно, самымъ дыханіемъ жизни, и своимъ жизненнымъ образомъ осуществляютъ ту же самую сообразность, или дѣйствительность бытья, но уже въ самомъ содержаніи, а не только въ общихъ образахъ жизни, какъ художество.

Поэтому совершенно справедливо говорятъ, что художественное творчество состоитъ въ изображеніи или въ воспроизведеніи существующихъ нравовъ.

Боги и богини, изображаемые художникомъ въ ихъ явныхъ, для всѣхъ очевидныхъ образахъ, уже прежде того, не явнымъ, но мистически-религіознымъ образомъ пребывали въ нравахъ; и то самое, что въ художествѣ проявлялось какъ прекрасное, уже было въ нравахъ какъ святое, въ которомъ смутно уже сказывался еще въ тайнѣ сокрытый глубокій смыслъ человѣческаго назначенія.

Позывы физіологическіе и естественныя побужденія неволятъ женщину нравиться другому и приноровляться ему въ угоду къ его естественной ограниченности: и въ этой неволѣ и находится основаніе того, что разумѣется,

какъ ея несвобода и ея подчиненность: она несвободна въ силу своихъ естественныхъ потребностей, и на сколько она признаетъ ихъ права, на столько она и подпадаетъ силѣ и ограниченности всего другаго. Въ своемъ естественномъ опредѣленіи ей по необходимости приходится сносить и терпѣть все ей чуждое, все ей противное, грубое, дикое и несообразное.

Но въ нравственномъ опредѣленіи, когда она свой образъ бытья, свой нравъ соображаетъ не съ грубымъ произволомъ единичности, но съ нравами, она становится вполнѣ самой собою, свободною и самобытною: потому что въ нравахъ выражаются дыханіе ея собственной жизни и весь смыслъ ея существа, который есть безусловная свобода отъ всякой естественности: вотъ отчего всякая женщина гораздо охотнѣе впадаетъ въ манерность, въ фасоны, даже въ жеманство, чѣмъ въ грубости естественнаго натурализма, который инстинктивно претитъ ей; такъ какъ въ немъ таится какъ самое основаніе, такъ и всѣ условія къ ея рабству; вотъ почему она и является представительницею и охранительницею нравовъ, приличій, тона, даже моды и всего того, что, отдаляя отъ ней грубую естественность, защищаетъ ее отъ всѣхъ поползновеній и посягательствъ ея реализма.

Мужчина, какъ мастеръ или какъ художникъ, творитъ свои произведенія во внѣшнемъ матерьялѣ: для его творчества ему необходимы камень, мраморъ, краски, холстъ, звуки, инструменты, или по крайней мѣрѣ слова и рѣченія Женщина тоже художникъ: но она творитъ не въ мраморѣ и не въ металлѣ: единственнымъ матерьяломъ для ея творчества ей служитъ она сама и вообще вся матерія самой жизни: матерія ея собственной жизни, жизни ея семьи, жизни общества и жизни всего человѣчества. Она изъ ней творитъ нравы, помимо и внѣ которыхъ нигдѣ ничего человѣческаго совершиться не можетъ. Для своего живаго творчества, женщина, кромѣ матеріи самой жизни,—ни въ какомъ иномъ, внѣшнемъ матерьялѣ не нуждается.

Проникаясь смысломъ святаго и прекраснаго, какъ смысломъ всей дѣйствительности, и самымъ образомъ благообразія, достоинства и всего, что пристойно, что прилично. что нравится безусловно, она изъ своего естественнаго существа, какъ бы изъ глыбы мрамора, безъ рѣзца и безъ молота, единственно своимъ тактомъ и чуткимъ пониманіемъ всего другаго и природы его, воспроизводитъ самое себя, какъ живое, художественное произведеніе, ею самой изъ себя пересозданное и преображенное.

Творчество ея въ томъ и состоитъ, что она самое себя, свою природу, свою естественность, свою душу и свое сердце, все существо свое, свои помышленія, свои порывы, малѣйшее изъ своихъ проявленій, каждое движеніе, самое дыханіе свое бесконечно плѣняетъ безусловнымъ образомъ красоты божественной; и, преобразуя себя, тѣмъ самымъ осуществляетъ въ себѣ и въ своей жизни неосуществимую мечту художника, и сама является дѣйствительною живою Галатеею, богинею самосознательно сіяющею и всѣмъ достоинствомъ, и всею красотою, и всею милостью богини.

Плѣнивъ самое себя и все существо свое смысломъ святаго и образомъ прекраснаго и, какъ богиня изъ пѣны морской, исходя преображенною изъ смутной среды естественности, женщина въ полномъ обаяніи красоты, достоинства, граціи и женственной милости, какъ мечтаемый идеалъ, какъ дѣйствительный образъ всего любимаго, какъ то, что нравится безусловно, плѣняетъ весь міръ, плѣняетъ и человѣка и преобразуетъ его тѣмъ бесконечнымъ смысломъ, который прежде только смутно таился въ путахъ ея стихійной естественности, а теперь явно высказывается въ ея красотѣ. Прежде, въ опредѣленіяхъ естественности, она жила въ полномъ порабощеніи и, какъ раба, съ угодливостью приноровляясь къ ограниченности и къ естественности другаго, терпѣла по неволѣ и то, что ей было противно. Предаваясь несвобод-

ному существованію, она по необходимости воспринимала на себя его несвободный образъ.

Но предаваясь вся безвозвратно смыслу прекраснаго, какъ самой судьбѣ своей, она въ немъ находитъ свой истинный образъ бытья и, облеченная его благообразіемъ, красотою, свободою и плѣнительностью. не превозносится собою. но, съ смиреніемъ сердца воспринимая величіе свое отъ судьбы, сама, какъ богиня. какъ царица, относитъ воздаваемыя ей честь и поклоненіе не себѣ, но только смыслу прекраснаго, котораго она сама стала живымъ и дѣйствительнымъ образомъ, и сознаетъ душею своей, что уже не ей приноровляться ко всему другому, не ей унижаться до угодливости: отнынѣ весь міръ и все ее окружающее будетъ къ ней приноровляться, — и ея образомъ преобразовываться; потому что она сама является истинною мѣрою всего благообразія, всего что прилично и всего что пристойно; что можетъ быть предъ лицемъ ея, что сообразно съ ея образомъ, то тѣмъ самымъ оправдано въ бытьи своемъ; — что не можетъ быть предъ лицемъ ея. что не сообразно съ ея образомъ, то тѣмъ самымъ уже осуждается, какъ неприличное, какъ непристойное, какъ постыдное безобразіе, котораго быть не должно, которое не имѣетъ права быть.

Какъ то, что безусловно плѣняетъ всѣхъ, какъ безусловно любимое, женщина своимъ женственнымъ образомъ смиряетъ предъ собою дикій міръ насилія, и преобразовываетъ его въ новый человѣческій міръ не силою, не насиліемъ, но безпредѣльною милостью и жалостью къ человѣку.

Красота женщины распространяется также и на ея внѣшній видъ, на ея видимый, наружный обликъ: но внѣшняя, наружная красота ея облика въ противоположность художественной красотѣ, изваянной въ мраморѣ, не долговѣчна и мимолетна какъ дыханіе жизни: ея удѣлъ и смыслъ не въ томъ, чтобъ длиться и пребывать неизмѣнною; но напротивъ лишь въ томъ, чтобъ взойти

какъ ясное утро, блеснуть на одинъ мигъ, и какъ краткое же утро изчезнуть, померкнуть вмѣстѣ съ юностью. Задержать и сохранить ее, какъ красоту мрамора или бронзы, невозможно: потому что жизнь не задерживается, и задержанная жизнь была бы ужь не жизнью. Даже и въ расцвѣтшей розѣ, ея высшая, жизненная прелесть именно въ томъ, что ей не суждено быть постоянно въ цвѣту, подобно искусственнымъ, картоннымъ цвѣтамъ, въ томъ что она разцвѣтаетъ, отцвѣтаетъ и блекнетъ. Источникъ жизненной красоты не единственно только въ жизни; въ жизни только ея поверхность, вся ея глубина въ смерти. И безъ смерти вся земная жизнь на землѣ обратилась бы въ безобразіе. Оттого то не даровитые писатели и драматурги, которые знаютъ это или слыхали объ этомъ, и заканчиваютъ свои драмы или повѣствованія непремѣнно всеобщимъ и поголовнымъ побоищемъ и смертоубійствомъ. они надѣются, что смерть навѣетъ на ихъ слабыя сочиненія ту прелесть, которой недостаетъ въ нихъ. Потому что несомнѣнно, что въ вѣяніи смерти надъ жизнью таится глубокая, несказанная прелесть. Напротивъ неумирающія, картонныя розы, или картонныя женщины, или вообще картонные люди способны навѣять только смертельную скуку.

Женственному смыслу красоты противно, какъ безобразіе, какъ грубая ложь, когда мимолетный мигъ юнаго и живаго образа красоты, служащій только намекомъ и указаніемъ на истину, стараются задержать, какъ нѣчто пребывающее, и утверждать, какъ самую истину. Задерживать мимолетное и ускользающее — значитъ задерживать и утверждать призракъ; а утверждать призракъ — значитъ отрицать истину: красота же, отрицающая истину, красота — ложь была бы верхомъ несообразности и безобразія. Какъ диллетантизмъ, пытающійся охранить красоту художественныхъ произведеній отъ всеувлекающаго, и всеразлагающаго потока жизни, только пропадаетъ въ бесплодномъ смакованіи прекраснаго; такъ точно въ жизненной сферѣ, эротизмъ, пытающійся задержать ея ле-

лучія мгновенія, обращаетъ чрезъ это самую жизнь и все ея творчество въ ложь и въ развратъ.

Истинный, дѣйствительный смыслъ красоты весь заключается въ бесконечной милости, съ которою она вся безъ сознанія предаетъ себя другому, — проходитъ, и проходя, обращается въ добро

Коренное значеніе слова милость заключаетъ въ себѣ много значеній, и каждое изъ нихъ есть собственное содержаніе истинной красоты. Оно означаетъ собою вопервыхъ ту чарующую грацію, которою красота все плѣняетъ вокругъ себя; во вторыхъ имъ же означается та снисходительность, та жалость къ другому, которою красота непомѣрно трогаетъ душу; въ третьихъ милость есть самая любовь, и особенно, преимущественно любовь женщины, которою она не торжествуетъ, не ликуетъ побѣдно надъ жизнью, но которою она ее спасаетъ и обращаетъ въ добро, являясь жертвою или полнымъ самоотрицаніемъ самой себя.

Въ любви женщины высказывается не только все ликованіе жизни, но также и все глубокое значеніе и бесконечное раздумье, навѣваемыя образомъ смерти; не только радостное утро, но и задумчивый вечеръ, или вся цѣлость содержанія человѣческой жизни отъ ея начала до ея конца.

Любовь мужчины въ большинствѣ случаевъ есть только ликованіе и торжество жизни, ея наивная, самодовольная и, по отношенію къ ея бесконечному смыслу, нѣкоторымъ образомъ непростительная грубость; но женщина милостью своей любви прощаетъ эту естественную грубость, и спасая ее отъ нея самой, выкупаетъ ее своею жертвою для высшаго назначенія жизни. Вотъ отчего истинная любовь женщины вмѣсто того, чтобъ быть столь же наивнымъ ликованіемъ, какъ она обыкновенно бываетъ у мужчинъ, полна глубокаго раздумья и образами смерти.

Чрезъ всю природу, какъ знакъ ея единства, какъ общая нить, связующая одною сущностью отъ низшаго

и до высшаго всѣ существа и всѣ существованія, пробѣгаетъ любовь, и всюду является всеобщимъ, неизсякаемымъ источникомъ и залогомъ вѣчно вновь возрождающейся жизни. Тоже общее значеніе она, разумѣется, имѣетъ и для жизни человѣка; но, какъ полное выраженіе всего существа и всего его содержанія, любовь человѣка полна человѣческимъ значеніемъ и, какъ и вся дѣйствительность человѣка, протекаетъ и проявляется въ бесконечной, чистой сферѣ красоты и свободы.

По абстрактной схемѣ научности, ничто самобытное само по себѣ непонятно, и всякое явленіе, всякій образъ бытья осмысливаются и объясняются не самими собою, но только чрезъ все другое, порядкомъ механическимъ. На этомъ основаніи, по схемѣ научнаго пониманія, любовь человѣка приравнивается къ любви животныхъ, и обобщается въ общій смыслъ родоваго инстинкта воспроизведенія.

Въ мірѣ животныхъ любовь есть необходимое слѣдствіе всей цѣлости физіологическихъ опредѣленій и потребностей, и имѣетъ характеръ неодолимаго, роковаго влеченія, которому животное отдается по неволѣ: потому что не отдаться ему, устоять противъ него, оно не можетъ. Такъ, тяжелая масса, наклоненная въ сторону отъ своего центра тяжести, не можетъ устоять, но должна упасть именно въ сторону наклона. Животные организмы уже отъ рожденія опредѣлены такимъ наклономъ, и противъ него устоять не могутъ: этотъ наклонъ развивается въ нихъ во всей силѣ въ опредѣленную пору ихъ возраста; но дѣйствіемъ чисто механическихъ или химическихъ средствъ можно въ животномъ организмѣ, по желанію, ускорить или замедлить, усилить или ослабить такое развитіе, но мимо воли, желанія или помышленій о томъ самаго животнаго; конечно болѣе или менѣе ко вреду его здоровья, но въ полное и ясное подтвержденіе истины, что любовь животныхъ есть дѣло совершенно невольное и отъ мысли, отъ сознанія, отъ души, нимало не зависящее: все въ ней зависитъ отъ

всего другаго, отъ физіологическихъ опредѣленій организма и отъ физическихъ условій дѣйствующей на него внѣшности.

Въ любовномъ настроеніи животнаго, произведеннаго въ немъ натурально или искусственно, его охватываетъ сила или, пожалуй, законъ того, что выражается словомъ родовое начало; въ немъ развивается общее всѣмъ животнымъ стремленіе, или позывъ, похоть къ самовоспроизведенію. Всякое животное, конечно въ томъ числѣ и человѣкъ, живя подъ общимъ закономъ родоваго начала, какъ ему безусловно подчиненное явленіе, должно повиноваться и падать въ сторону, по направленію ему ихъ природою предозначеннаго наклона. Весь смыслъ, все дѣло бытья, вся важность существованія животнаго заключаются вовсе не въ томъ, что въ немъ есть или можетъ быть помимо его подчиненія его общему родовому началу, вовсе не въ какомъ нибудь особомъ опредѣленіи его, какъ этой единичности, какъ этой индивидуальности, а именно только въ самомъ родовомъ началѣ, въ общемъ законѣ воспроизведенія и сохраненія рода его.

Несмотря на знаменитый протестъ номиналистовъ противъ безсодержательности и пустоты обобщеній, протестъ, который еще и нынѣ продолжается, вся наука опирается лишь на силѣ обобщеній; потому что, какъ невозможно зачерпнуть воды, не имѣя на то никакого сосуда, такъ точно научнымъ образомъ невозможно схватить ничего единичнаго, ничего индивидуальнаго иначе, какъ чрезъ большее или меньшее обобщеніе. Самый научный образъ, которымъ наука пытается охватить содержаніе міра, есть уже одно изъ очень абстрактныхъ обобщеній.

Поэтому съ научной точки зрѣнія, индивидъ, въ самой его единичности, какъ нѣчто самобытное, какъ личность, въ смыслѣ обобщенія, подъ знакомъ или подъ господствомъ общаго родоваго начала, подъ общимъ закономъ животнаго существованія, самъ по себѣ и въ себѣ самомъ, въ своемъ необобщенномъ содержаніи, никакого смысла, никакого значенія не имѣетъ. На его

единичности, на единичности именно этого индивида, никакого акцента не полагается; его личная единичность есть въ немъ величина, совершенно исчезающая и въ расчетъ не принимаемая. По отношенію къ любви, или подъ вліяніемъ общаго родоваго начала, животное находится вовсе не въ качествѣ этого индивида, но совершенно безлично, не самобытно, только въ качествѣ нѣкотораго индивида вообще, все равно того или другаго, ему подобнаго. Потому что въ родовомъ и въ научномъ опредѣленіи животнаго до его личной индивидуальности, или до него самаго, нѣтъ никакого дѣла. Животное въ своемъ любовномъ настроеніи, не смотря на половой подборъ, вовсе и не разбираетъ индивидуальности въ ея интимномъ смыслѣ, и принимая ее, согласно съ схемою обобщенія по ея общимъ, отличительнымъ признакамъ, не стоитъ именно за того или за другаго индивида, но сходится то съ тѣмъ, то съ другимъ, на нѣкоторое время, и покидая его, когда срокъ любовнаго настроенія кончается, когда требованія закона выполнены, какъ ученый философъ, соображаетъ только абстрактно общее, и пренебрегая значеніями частнаго и единичнаго, исповѣдуетъ своимъ помысломъ только такъ называемую свободную или вольную любовь.

Оно любитъ пока любится, и любитъ то того, то другаго, или же цѣлое собраніе другихъ индивидовъ за разъ.

Вольная, или свободная любовь животныхъ свободна отъ мысли; и потому въ ней и не можетъ быть ничего твердаго, ничего постояннаго. Она вытекаетъ, какъ роковое послѣдствіе натурализма, изъ неволи, изъ безсмыслія, или изъ полнаго подчиненія силѣ и побужденіямъ естественныхъ потребностей, и все ея значеніе, какъ и абстрактное значеніе всего натурализма, состоитъ въ признаніи или въ утвержденіи, что единичный индивидъ въ себѣ самомъ никакого смысла не имѣетъ, что въ немъ нѣтъ личности самосознанія, что его самого вовсе нѣтъ, а есть только все другое, только то, въ чемъ смысла

нѣтъ, только безсмысліе, подпираемое другимъ безсмысліемъ; а общая сумма всѣхъ безсмыслій, которыя сами собою стоять и держаться, разумѣется, не могутъ, покоится на четырехъ китахъ.

Что касается до животныхъ, то отрицаніе личности въ ихъ индивидуальныхъ отношеніяхъ, быть можетъ, до нѣкоторой степени, и имѣетъ свое основаніе; ихъ личность почти вовсе ускользаетъ отъ наблюденія, и вся ихъ жизнь, по крайней мѣрѣ въ ея внѣшнихъ проявленіяхъ. довольно удобно и довольно полно укладываясь въ абстрактную схему натурализма, безъ особаго напряженія легко становится предметомъ зоологіи; во сколько она доступна наблюденію, жизнь животнаго въ своей цѣлости есть только нѣкоторый намекъ и нѣкоторое указаніе на дѣйствительность, а еще не самая дѣйствительность; какъ нѣкая абстракція, еще не выполненная своимъ смысломъ, она вся подпадаетъ подъ власть или подъ законъ другой, высшей абстракціи, и потому легко совпадаетъ съ системою зоологическихъ обобщеній.

Съ точки зрѣнія естествознанія, антропологія мало чѣмъ отличается отъ зоологіи; и потому научное стремленіе объяснить человѣка, все существо его, и всѣ его проявленія по той же зоологической схемѣ, тѣмъ самымъ образомъ бытья, который усматривается въ жизни животныхъ, — очень естественно.

По схемѣ научнаго пониманія, ничто не можетъ быть понимаемо или объясняемо самимъ собою, или смысломъ, а только чрезъ что нибудь другое; а потому въ ней и человѣкъ понимается и объясняется не иначе, какъ по образу животнаго.

Между тѣмъ, не требуется много размышленія, чтобъ усмотрѣть, что существо человѣка не исчерпывается ни всею сферою естествознанія, ни, тѣмъ менѣе, зоологіей. Его не только одинъ рядъ животныхъ, но съ нимъ вмѣстѣ и всѣ ряды растеній, и всѣ ряды другихъ существованій всего міра не изъясняютъ и не освѣщаютъ. Совершенно наоборотъ, самъ человѣкъ, изъ себя самого

и самимъ собою объясняетъ всѣ ряды существованій и все содержаніе и самый образъ бытія всего міра: онъ изобрѣлъ и физику, и химію, и геологію, и зоологію; изъ его существа, изъ его человѣческаго смысла льется свѣтъ на всю міровую темень, которая безъ него такъ бы теменью и осталась. И, извращая такое отношеніе, принимать всеобъясняющее и всеосвѣщающее за объясняемое и за освѣщаемое, и на оборотъ, по малой мѣрѣ странно. Не человѣкъ ли разъяснилъ что такое животное? какимъ же образомъ предполагать, что животное способно объяснить что такое человѣкъ?

Ни кто не подумаетъ, чтобъ самый свѣтъ могъ быть освѣщаемъ теменью; чтобъ самый смыслъ могъ быть осмысленъ безсмысліемъ; и наибольшее, что можно сказать, такъ развѣ только то, что свѣту нечего было бы освѣщать, что смыслу нечего было бы смыслить, еслибъ не было темени безсмыслія.

Для человѣка, его родовое начало, его племя, его родъ, и самое человѣчество, какъ реальное распространеніе его породы на землѣ, всѣ зоологическіе или антропологическіе мотивы и опредѣленія его натуральнаго, естественнаго существованія имѣютъ тоже самое значеніе, какое для него имѣетъ внѣшность вообще; она, подъ видомъ міра, природы, органическаго, неорганическаго вещества и его различныхъ отношеній, подъ видомъ земли, горъ, водъ, морей, рѣкъ, луговъ, лѣсовъ, насѣкомыхъ, рыбъ, птицъ, звѣрей, людей, представляется ему, какъ предметъ для его наблюденій и размышленій; онъ распредѣляетъ и обсуждаетъ это содержаніе своимъ смысломъ; но самъ имъ не судится; оно для него лишь нѣкоторый естественный матерьялъ, который онъ преобразуетъ своимъ человѣческимъ образомъ. Онъ какъ поэтъ, какъ художникъ, конечно не измышляетъ, не выдумываетъ своего матерьяла, но беретъ его, какъ онъ ему дается природою, и творитъ изъ него своимъ человѣческимъ вдохновеніемъ свое художественное произведеніе, поэму своей человѣческой жизни. И его произведе-

ніе, въ отличіе отъ всего естественнаго и стихійнаго существованія, связаннаго неволею, всегда отмѣчено знакомъ его инаго, божественнаго происхожденія, свободою и красотою.

Чтобы не приравнивать любви человѣка къ физіологически-половымъ отношеніямъ животныхъ, людямъ научнаго образованія слѣдовало бы припомнить, что значеніе и содержаніе такихъ отношеній для каждаго существа измѣряются только самою амплитудою или размахомъ ихъ жизни.

Жизненное содержаніе каждаго животнаго или все, чѣмъ оно живетъ, все, что оно усвоиваетъ себѣ или увлекаетъ съ собою въ круговоротъ своей жизни, ея амплитуда или размахъ вполнѣ опредѣляются его нуждою, его приспособленіями къ тому, что ему нужно для его существованія, его потребностями или его инстинктами. Такъ какъ его потребности, какъ бы онѣ ни были разнообразны, всегда относятся къ вещному содержанію внѣшнихъ и видимыхъ предметовъ, то онѣ, всегда представляя собою очень точно опредѣлимое содержаніе, во всей цѣлости и во всѣхъ подробностяхъ очень легко излагаются въ общей ли зоологіи или въ зоологическихъ, не чрезвычайно объемистыхъ монографіяхъ.

Разъ изучивъ о какомъ нибудь животномъ его монографію съ нѣкоторыми болѣе подробными или болѣе спеціальными къ ней дополненіями, можно удовольствоваться такимъ изученіемъ, и быть вполнѣ увѣреннымъ, что предметъ его достаточно исчерпанъ, и уже особенно важнаго, новаго ничего собою представить не можетъ. О собакахъ, о лошадяхъ, которыя однакожъ изъ самыхъ видныхъ животныхъ, зоологія высказалась уже вполнѣ, и новаго о ихъ жизни, о ихъ бытіи, о ихъ представленіяхъ и способностяхъ сказать болѣе ничего не находитъ; а потому она, оставляя этотъ предметъ, какъ исчерпанный, предпочитаетъ обращать свое вниманіе на невидимый міръ животныхъ микроскопическихъ, и надѣется

найти между ними болѣе интересное содержаніе, чѣмъ въ той избитой, въ досталь исчерпанной матеріи.

Но что касается до жизненнаго содержанія и интересовъ человѣка, не говоря уже о томъ, что въ него, какъ незамѣтная величина, впадаютъ въ своей цѣлости и вся зоологія, и всѣ другія науки, — оно, по всему что видно, и до сихъ поръ еще не исчерпано, и не только не вмѣщается въ какой нибудь книжкѣ или въ какомъ нибудь трактатѣ, но не можетъ вмѣститься и во всѣхъ книгахъ, и во всѣхъ трактатахъ, когда либо на всей землѣ писанныхъ, изданныхъ или не изданныхъ. Содержаніе человѣческой жизни раздается до того безмѣрно во всѣхъ направленіяхъ и въ ширь, и въ даль, и въ глубь, и въ высь, и по отношенію къ тому, что видимо, и по отношенію къ тому, что невидимо, и къ самому условному, призрачному явленію бытья, и къ ея безусловной сущности, — что кажется глазами видишь, какъ самые прочные трактаты, самыя глубокомысленныя системы, самыя объемистыя изложенія о человѣкѣ, о его природѣ, о его смыслѣ, о его заблужденіяхъ, о его стремленіяхъ, о его разумѣ, о его безсмыслiи, о его порокахъ, о его добродѣтели, о его знаніи, о его невѣжествѣ, о его назначеніи и о его судьбѣ, рвутся и разлезаются по швамъ, въ тщетномъ усиліи вмѣстить и сдержать въ себѣ столь необъятное содержаніе. Да и какъ не рваться книгамъ, трактатамъ и ученымъ системамъ, когда рвется и самый міръ, оказываясь слишкомъ тѣснымъ, чтобъ вмѣстить въ себѣ безпредѣльное человѣческое раздумье, обнимающее собою и землю и небо, и начало и конецъ міра.

Амплитуда или размахъ человѣческой жизни между его предѣлами отъ ея неуловимой заоблачной мечты, до послѣдней мелочи и пошлости ея реальнаго существованія на землѣ, въ своемъ безмѣрномъ круговоротѣ захватываетъ въ себя всю бесконечность: и въ ней весь міръ, съ землею и съ небесами, съ жизнью и смертью тонутъ безслѣдно.

Любовь есть высшій жизненный актъ, при которомъ всякое существо, выходя изъ неопредѣленной разсѣянности своего существованія, сбирается, сосредоточивается съ самимъ собою къ своему полному вниманію. Любовь человѣческая, равнымъ образомъ, есть въ немъ полное присутствіе, полная наличность всего его существа; въ актѣ любви его сосредоточивается вся его бесконечность, и онъ любитъ не родовымъ началомъ, но всею бесконечностью, всѣмъ бесконечнымъ воспоминаніемъ и всѣмъ бесконечнымъ ожиданіемъ своей человѣческой жизни.

Такъ называемое родовое начало, или естественное стремленіе къ воспроизведенію своего рода, въ любви человѣческой есть затерянная, исчезающая частность, и когда человѣкъ дѣйствительно любитъ, то онъ любитъ вовсе не родъ свой, не вообще и не обобщеніе, а только самую дѣйствительность человѣка, его бесконечную личность, именно этого, а не какого другого индивида.

Есть люди, которые, по неполнотѣ своего вниманія или изъ разсѣянности, любятъ все прекрасное, все художественное только вообще, только въ туманной неопредѣленности ихъ обобщенія; для нихъ всякая живопись, всякое скульптурное произведеніе есть художество; всякіе стихи — поэзія; всякое пѣнье, при подобающей обстановкѣ, что бы тамъ ни пѣлось, въ равной степени музыка: они любятъ все прекрасное вообще, все художественное вообще, и потому дѣйствительно ничего не любятъ и ничего не понимаютъ; потому что произведенія художествъ не вообще, какъ произведенія столярныя или мѣбельныя, а имѣютъ каждое свою особую, личную индивидуальность; и относиться къ нимъ вообще, чрезъ абстрактную среду гуртоваго обобщенія есть великая грубость и крайняя невнимательность.

Любить человѣка вообще, помимо его особой личности, помимо его собственнаго индивидуальнаго смысла, чрезъ обобщеніе, особливо въ любви между мужчиною и женщиной, есть величайшая грубость; она, безъ зазрѣ-

нія совѣсти, принимаетъ виньетки англійскихъ кипсековъ за дѣйствительную живопись.

Всякого рода абстракціи и обобщенія, и особенно обобщенія научныя, являются несносною грубостью уже и по отношенію къ жизни: въ сферѣ же любви эта самая грубость является въ степени бесконечной.

Любовь между мужчиною и женщиною есть вдохновеніе жизни, или та предварительная жизненная программа человѣка, въ которой, хотя и неопредѣленно, уже обозначаются всѣ главныя очертанія его ему предстоящей и имѣющей совершиться дѣйствительности. Потому что его дѣйствительность должна быть его свободнымъ, самосознательнымъ творчествомъ: но никакое творчество безъ предварительнаго вдохновенія состояться не можетъ.

Какъ плохія вирши, мимолетные наброски, эскизы, экспромты, шалости, буриме и т. п., еще не составляя поэзіи, являются лишь плодомъ нѣкотораго остроумія, досуга или же праздности; такъ точно и всякая влюбленность, и всякое увлеченіе, и всякая фантазія на любовную тему, еще не представляютъ собою дѣйствительной любви: ея дѣйствительность исходитъ только отъ самой дѣйствительности, а никакъ не отъ тѣхъ призраковъ, которыми люди въ большинствѣ случаевъ пробавляются. И тотъ, кто не схватилъ душею своею бесконечнаго смысла дѣйствительности, тотъ дѣйствительно любить не въ состояніи; тотъ во всей жизни своей, на подобіе мнимаго поэта, изольется во множествѣ самыхъ разнообразныхъ влюбленностей, увлеченій, фантазій любви, набросковъ, экспромтовъ, эскизовъ, и мадригалловъ жизни; но ни поэзіи дѣйствительной жизни, ни дѣйствительной любви не узнаетъ.

Поэзія и любовь, которая есть поэзія или творчество жизни, возникаютъ только на почвѣ дѣйствительности: а ихъ суррогаты, яко бы любовь, яко бы поэзія, легко возрастаютъ и на почвѣ реальности и подымаются силою ея притязаній и напряженій.

Дѣйствительная любовь человѣка, какъ высшая степень его жизненнаго вниманія, или своего соображенія себя съ другимъ, охватывая собою все существо его. всю цѣлость его жизни, все его прошедшее, — въ образѣ его бесконечнаго воспоминанія, и все его будущее, въ образѣ его бесконечнаго ожиданія, не оставляетъ въ немъ ни мѣста, ни времени, ни воли, ни смысла для какой нибудь еще иной любви, и есть въ немъ его человѣческая, единственная и неизмѣнная любовь на всю жизнь: она ни коимъ образомъ не можетъ перейти въ немъ въ такъ называемую свободную любовь животныхъ: потому что, если и правда, что животное любитъ въ силу родоваго начала, то несомнѣнно, что человѣкъ любитъ только своею бесконечностью и только бесконечнымъ образомъ.

Мужчина и женщина во взаимномъ другъ къ другу отношеніи, представляютъ собою не только физическую или физіологическую, но и метафизическую противоположность. Если искать намековъ и указаній изъ области естественной физіологіи для объясненія ими различій въ невидимой, духовной природѣ человѣка, то можно сказать, что мужской смыслъ ближе всего можетъ быть уподобленъ алкающему голоду, ищущему своего насыщенія, своего удовлетворенія во внѣшности; женскій же смыслъ, наоборотъ, есть уже въ самомъ себѣ вполнѣ успокоенный и удовлетворенный образъ; какъ уже насыщенный всѣмъ содержаніемъ бытья и жизни, какъ совершенное исполненіе, онъ не нуждается во внѣшнемъ дополненіи, но исполненъ собственнымъ смысломъ, и тайными, внутренними грезами жизни, дѣйствительности, красоты и безусловнаго совершенства.

По этому то мужчина и живетъ внѣшнимъ образомъ, и пребывая во внѣшности, жаждетъ неутолимою жаждою и ищетъ самаго смысла;—онъ постоянно, всею жизнью вѣдается съ вѣчно вновь наступающимъ, стихійнымъ содержаніемъ существованія, и полный смуты, страховъ, заботъ и ожиданій всего того, что будетъ, любитъ женщину своею надеждою найти въ ея спокойномъ и глу-

бокомъ образѣ свое назначеніе и тотъ смыслъ, ту дѣйствительность, которыхъ онъ не находитъ ни въ себѣ, ни во внѣшности.

Женщина, напротивъ, живетъ во внутреннемъ мірѣ всего того, что человѣкъ узналъ и вспомнилъ, какъ самый смыслъ и какъ самое назначеніе всей его жизни, въ живомъ воспоминаніи всего того, что ему дорого и что онъ любитъ; она есть живое и жизненное преданіе о безусловно любимомъ и, храня его въ сердцѣ своемъ, какъ свое задушевное и завѣтное содержаніе, предана внѣшности, какъ ей чуждому и неизвѣстному, со всѣхъ сторонъ ее обступающему міру; и если въ этомъ внѣшнемъ мірѣ ей встрѣчается тотъ, которому она готова предаться какъ судьбѣ своей, который является ей суженымъ и достойнымъ любви ея, то она любитъ его въ силу всего того, что она уже давно любила, скорѣй своимъ воспоминаніемъ о томъ, что уже прошло, чѣмъ надеждою того, что еще будетъ. Въ ея суженомъ она узнаетъ того, кто ужъ давно былъ дорогъ ей; онъ для нея не новый, но давнишній образъ изъ ея прошедшаго. Положительные и ученые люди не могутъ воздержаться отъ иронической или снисходительной улыбки при изъявленіи барышень, что онѣ еще до встрѣчи съ суженымъ уже знали его, что онъ являлся имъ уже прежде (Евг. Он. надъ изголовьемъ...), какъ самый предметъ ихъ души и сердца во снѣ, на яву, мистическимъ образомъ,—что онѣ по первому взгляду узнавали, что это онъ!

Но жизнь, вслѣдствіе своей мечтательности, ни коимъ образомъ не поддается и не подходитъ подъ научные пріемы людей положительныхъ, которые по отношенію къ ней и къ ея жизненному содержанію совершенно не компетентны. О любви, особливо о женской любви, они судятъ только на основаніи физіологическаго начала, и судятъ вкривь и вкось; по тѣмъ даннымъ, которыя они почерпнули, проходя курсы реторики, философіи, и теологіи, они самоувѣренно готовы утверждать, что любви вовсе нѣтъ, что она не болѣе, какъ пустая

мечта и призракъ воображенія, которыхъ сами они никогда не испытывали, не ощущали и не понимаютъ. Разумѣется не понимаютъ; и хотя то, что они понимаютъ, далеко еще не самый предѣлъ міра,—однако же и они также, какъ и большинство людей, стремятся измѣрить весь міръ своею ограниченностью, и очень наивно принимаютъ свою ограниченность за бесконечность.

Дѣйствительная жизнь, и тѣмъ болѣе дѣйствительная любовь, само собою разумѣется, не есть реальность, которая всѣмъ и всякому дается, всѣмъ и всякому въ глаза бросается; а только мечта, и притомъ наименѣе реальная мечта: но безъ этой мечты не для чего было бы и жить: потому что всякая жизнь безъ ней неминуемо обрывается въ тупоуміе.

Сама по себѣ, помимо любви, которая есть первообразъ и самый родникъ для всѣхъ другихъ любвей человѣка, даже и его любви къ наукѣ, жизнь мужчины еще не полная дѣйствительность, а скорѣе реальность, или нѣкоторый чувственный, голодный призракъ, алкающій насытить голодъ свой дѣйствительностью и исполнить ея содержаніемъ пустоту свою.

Помимо любви и жизнь женщины равнымъ образомъ еще не самая дѣйствительность, но только мечта, совершенно идеальная мечта; исполненная самоотрѣченія милость и готовность предать самую себя, чтобъ дать жизнь всему, что окружаетъ ее, чтобъ все ее окружающее жило и могло жить, питаясь и исполняясь образомъ красоты.

Въ мірѣ реальностей и въ жизни человѣка надъ всѣми опредѣленіями преобладаетъ опредѣленіе физіологическое; и при немъ человѣкъ имѣетъ только абстрактное, или, что все равно, только чувственное значеніе, подъ которое, какъ подъ общее лекало жизни, одинаково и безъ разбора подходятъ всѣ люди. И потому очень естественно, что какъ въ реальномъ мірѣ, который обыкновенно принимается за самую дѣйствительность, такъ и въ реалистическихъ воззрѣніяхъ, и въ ходячихъ, обыденныхъ сужденіяхъ, за несомнѣнную истину принимается та об-

щеизвѣстная, широкая, міровая пошлость, на основаніи которой всякая незамужняя женщина, всякая дѣвушка должны непзбѣжнымъ образомъ всегда томиться страстнымъ желаніемъ найти жениха и выйти замужъ. При этомъ, само собою разумѣется, желаннымъ, ожидаемымъ женихомъ можетъ быть, безъ ближайшихъ опредѣленій, тотъ или другой мужчина; о его личной индивидуальности даже и не спрашивается; она при этомъ не имѣетъ никакого значенія; тотъ или другой женихъ, при нѣкоторыхъ общеизвѣстныхъ условіяхъ положенія, богатства, нѣкоторой представительности, лишь бы онъ не былъ совсѣмъ уродомъ, чѣмъ не женихъ? и можетъ вполнѣ удовлетворительно отвѣчать всѣмъ любовнымъ воздыханіямъ млѣющей въ ожиданіи дѣвицы. Ея женихъ цѣнится не въ качествѣ его личнаго опредѣленія, а только по общему лекалу мужчинъ, пригодныхъ для гименея въ смыслѣ общаго родового начала, въ вѣденіи и подъ вѣденіемъ котораго собственно и состоятъ всѣ такого рода гименеи. При нихъ бываетъ, если не любовь Ромео или Юліи, то по крайней мѣрѣ то, что въ мірѣ реальномъ сходитъ за любовь: какъ такая любовь обыкновенно проявляется—довольно вѣрно и не безъ остроумія изложено Гартманомъ въ его философіи безсознательнаго.

Эти реальности всѣмъ хорошо извѣстны; не терять ихъ изъ памяти, всегда имѣть ихъ въ виду, составляетъ въ большинствѣ случаевъ то, что выдается за великую опытность и мудрость людей, знающихъ свѣтъ. Эти реальности повсюду встрѣчаются, и почти невозможно прожить на свѣтѣ, чтобъ на нихъ не наткнуться. Все другое, не реальное, но дѣйствительное, встрѣчается очень рѣдко. Дѣйствительность до того незамѣтна, что въ ней очень легко усумниться: а если поэты и художники и выражаютъ ее въ своихъ твореніяхъ, то всякому извѣстно, что у художниковъ и поэтовъ голова полна бреднями.

Дѣйствительность таится въ образѣ недосягаемой мечты: она то, что человѣкъ безусловно любитъ, чего не любить

невозможно, въ родѣ того какъ невозможно не понимать истинъ математики; какъ математика есть безусловно понятное, такъ эта жизненная мечта, изъ которой истекаетъ вся дѣйствительность, есть безусловно любимое. Если дѣйствительность есть любимое, котораго не любить невозможно; то реальность на оборотъ есть то, чего невозможно любить, — не дѣйствительность, а только безплодныя потуги напряженій и притязаній: и въ реальномъ мірѣ напряженій и притязаній дѣйствительность разумѣется и не можетъ быть ни чѣмъ инымъ какъ только мечтою.

Не мудрено, что люди почти совсѣмъ не вѣрятъ дѣйствительности: ея красота, ея свобода совершенно чужды, совершенно невѣдомы для общаго площаднаго существованія обыденной людской жизни.

Сама женщина, преображенная бесконечнымъ смысломъ святаго и прекраснаго, есть дѣйствительная мечта жизни, которую конечно не встрѣтишь и не увидишь на площади всѣхъ реальностей. Ея на площади и среди площаднаго содержанія никогда не бываетъ; она живетъ дома и скрывается въ тайнѣ и недоступно далеко отъ всего площаднаго. Надо войти и проникнуть въ тайну ея дома, чтобъ тамъ увидать и узнать ее.

Домашній кровъ,—гдѣ возрастаетъ и образуется женщина, гдѣ занимается самое утро и начало ея жизни, есть воспоминаніе объ отжившемъ; онъ исполненъ глубокимъ, давнишнимъ преданіемъ изъ старины; въ немъ прозвучала давно минувшая любовь, и ея таинственный голосъ изъ прошедшаго какъ будто еще повторяется въ стѣнахъ его. И юность дѣвушки, живущей въ немъ, какъ у себя дома, есть въ немъ живой отголосокъ всего, что въ немъ миновало.

Въ противуположность юношамъ, коихъ жизнь, полная стремленія и надеждъ на будущее, неудержимо рвется наружу, ея жизнь является скорѣе глубокимъ раздумьемъ о томъ, что было, что прошло и стало смысломъ, который уже не проходитъ; и между тѣмъ какъ юноши,

братья, заняты чрезъ край души всѣми разнообразными, временными интересами наступающаго содержанія и мгновенія, душа дѣвушки, ихъ сестры, переполнена смысломъ и значеніемъ вѣчности.

Дома, подъ домашнимъ кровомъ, она исполняетъ его своимъ благообразіемъ и, являясь въ немъ ея красотою и свободою, есть въ немъ самая мечта, самая задушевность и средоточіе всей его жизни, его завѣтное и любимое содержаніе. Всѣ домашніе знаютъ и понимаютъ это; все что возлѣ ней и вокругъ ней, все, что составляетъ обстановку ея жизни и ея дома, ею дышетъ, къ ней стремится, для ней живетъ. Потому что она у себя дома—какъ все озаряющій, все оживляющій солнечный лучь въ пейзажѣ. Ея дыханіе, ея радость, ея присутствіе есть для всѣхъ и для каждаго самый свѣтъ и самое дыханіе жизни. Потому что все, что человѣкъ понимаетъ, все что онъ мыслитъ, все что онъ любитъ, она то самое и есть, но уже не какъ мысль, которая только мыслится; но какъ самое бытье, которое есть исполненіе и совершеніе мысли, какъ то, чѣмъ живется.

По этому въ дѣйствительности, или, что все равно, пожалуй въ мечтѣ, на перекоръ реальному представленію о женщинѣ, млѣющей въ страстномъ ожиданіи желаннаго жениха, дѣвушка вовсе не млѣетъ, не томится и даже не мечтаетъ. Вся сила родоваго начала падаетъ въ безсильи предъ ея чистотою и является въ ней преображенною въ бесконечную милость ея, изливающую кругомъ себя и жизнь, и радость жизни, и исполненную дѣйствительной, не мечтательной свободы и невозмутимой красоты.

Какъ всякій городъ, не смотря на его беззаконія, держится и не пропадаетъ тѣмъ, что въ средѣ его находятся десять праведниковъ; такъ и всякое заблужденіе держится только тою долею правды, которая въ немъ заключается. Въ современныхъ толкахъ объ эмансипаціи женщины тоже есть доля правды: женщина должна быть свободною; но свобода ея вся заключается въ ея неза-

висимости отъ реальной силы родоваго начала; въ томъ, что она вовсе не мечтаетъ о женихахъ и не млѣетъ въ ихъ ожиданіи; въ томъ, что она вышла изъ подъ закона естественныхъ потребностей и, не скучая дома въ своемъ одинокомъ дѣвичествѣ, не томится жаждою вкусить содержанія жизни и ея треволненій въ необозримомъ мірѣ внѣшняго существованія. Но, разумѣется, ея свобода не есть пустота и отсутствіе содержанія: при нигилизмѣ свобода невозможна; потому что всякая пустота всегда и неминуемо наполняется какимъ нибудь посторонниимъ, реальнымъ содержаніемъ, тѣми же естественными потребностями, тою же жаждою жизни. Свобода женщины—только въ ея красотѣ и въ ея милости, творящей жизнь и радость, въ безусловной независимости отъ жениховъ и соблазнительной прелести всего новаго и внѣшняго.

Въ дѣйствительности, этихъ томленій и неутолимыхъ жажданій жизни и не бываетъ, а есть только вся полнота жизни. У себя дома, въ кругу близкихъ своихъ, своихъ родныхъ и друзей, дѣвушка вполнѣ свободна: потому что ей ничего другаго не нужно; она ничего другаго не ищетъ, не жаждетъ и не желаетъ: но она сама всѣмъ нужна, всѣ ее ищутъ, всѣ ее желаютъ; потому что отъ ней всѣмъ вѣетъ жизнью.

Въ дѣвственной, невозмутимой чистотѣ, она какъ вѣчные снѣга на вершинахъ Альпъ, знается только съ небесами и, какъ ихъ родная дочь, играетъ съ лучами солнца, воспринимая ихъ прямо изъ небесъ и отражая ихъ отъ себя далеко кругомъ, чтобы свѣтить людямъ въ даль, чтобъ освѣщать имъ ихъ путь къ вершинамъ жизни, вверхъ къ небесамъ ея, къ тому, чѣмъ она сама дышетъ, что она бесконечно любитъ, что она утверждаетъ самою жизнью своею: потому что ея жизнь есть утвержденіе самой истины, не той истины, о которой люди знаютъ и толкуютъ, которою они переполнены въ своей реальной низинѣ, но той живой и безусловной истины,

о которой они ничего не знаютъ, да и узнать, тамъ внизу не могутъ.

Живя въ своей горней высотѣ, она въ себѣ самой находитъ всю полноту жизни; ничто не манитъ ее туда, внизъ: ей нѣтъ ни малѣйшей надобности и ни малѣйшей охоты искать чего нибудь другаго и удаляться изъ дому. Дома у себя она довольна и радостна, и не только радостна, но и самая радость всего ее окружающаго. И какъ дочь, и какъ сестра, она сама есть самое дорогое и самою любимое для всѣхъ своихъ: не потому что ее любятъ, но потому что не любить ее невозможно; въ ней есть смыслъ, неволящій всякого любить ее; но неволя, налагаемая ею — не неволя, но напротивъ освобожденіе. И потому дома она какъ царица: на нее всѣ взираютъ, для ней всѣ живутъ, ей всѣ хотятъ быть угодными, отъ ней всѣ ожидаютъ привѣта ея, ея улыбки одобренія. Все становится и добрымъ, и яснымъ, и хорошимъ, что она одобряетъ, до чего она касается: въ ея образѣ всякое дѣло, всякая жизнь находятъ или свое полное оправданіе, или свое полное осужденіе; что можетъ быть при ней, то значитъ хорошо; что при ней быть не можетъ, то значитъ дурно и быть не должно. Все живущее съ нею пьетъ отъ ней и радость и самую душу своей жизни.

Нѣтъ, ей самой ничего не надо, кромѣ того, что она уже полностью имѣетъ. Когда заходитъ рѣчь о замужествѣ, все ревнуетъ ее; и отецъ, и братья, и сестры, даже и самый домъ взираютъ на объявляющихся или только подозрѣваемыхъ жениховъ, какъ на враговъ; и имъ было бы лучше скрыть свои неумѣстныя притязанія и совсѣмъ не являться. Она сама говоритъ, что вовсе не намѣрена и не желаетъ выходить замужъ; что ей ничего другаго не надо; все другое ей чуждо и противно; и лучше того, что она имѣетъ, она нигдѣ не найдетъ.

Дѣвицы, барышни, всѣ за урядъ завѣряютъ, что онѣ никогда не выйдутъ замужъ, и особенно наканунѣ ихъ замужества. Въ реальномъ мірѣ до того привыкли къ

такимъ завѣреніямъ, что на нихъ никто и вниманья не обращаетъ, какъ на ничего не значущее жеманство или извѣстную façon de parler всѣхъ барышень.

Но въ дѣйствительности, дѣвушка, которая всѣхъ любитъ и всѣхъ плѣняетъ своею милостью и красотою, дѣвушка, которую дома всѣ любятъ до обожанія, дѣйствительно вовсе не расположена выходить замужъ: ей хорошо; зачѣмъ она пойдетъ въ чужь, гдѣ для нея все такъ незнакомо, такъ смутно, такъ странно? Родной домъ ея весь до послѣдней мелочи исполненъ ея плѣнительнымъ образомъ и плѣняетъ ее самую безпредѣльно: она изъ него, само собою разумѣется, никуда и ни за кого не пойдетъ; чѣмъ изъ него идти, чѣмъ покинуть все родное и любимое, она лучше въ монастырь уйдетъ, лучше въ пустыню скроется, ей умереть легче. Она смертельно боится покинуть родной домъ, оторваться отъ своихъ и отдаться чужему.

И всякій чужой, питающій надежды или притязанія овладѣть ея сердцемъ, долженъ вопервыхъ задобрить всѣхъ ее охраняющихъ, домашнихъ пенатовъ, расположить ихъ и сдѣлать себѣ благопріятными. А это не легкое дѣло; домашній геній, всѣ домашніе и самый домъ, отъ прихожей и до чердака, зачуявъ въ немъ его непомѣрное притязаніе, встрѣчаютъ его и относятся къ нему враждебно. Она, предметъ его искательствъ, конечно свободна; это собственно ея дѣло; но и она, даже и допуская его быть при ней, всѣми силами своими опирается противъ него о свои родныя и домашнія силы; и онъ въ сердцѣ ея долженъ спорить съ ними и бороться съ ихъ давними правами: своимъ ненавистнымъ притязаніемъ онъ раздражаетъ и самыя стѣны стараго дома; отъ нихъ вѣетъ ему и сквозь самое гостепріимство, обыкновенно столь радушное, недружелюбно и непривѣтливо. Пришельцу, чужанину, входящему въ домъ, подъ родной кровъ ея, съ притязаніемъ на его завѣтное сокровище, не легко одолѣть его непріязненность, не легко усыпить его бдительность; еще труднѣе снискать благосклонность, или

хотя бы нѣкоторый нейтралитетъ при его покушеніи исхитить изъ него и усвоить себѣ самую душу его.

Надо имѣть много правъ, много достоинствъ, большую силу любви, даже чтобъ только проникнуть въ домъ, столь ревниво охраняемый, чтобъ быть въ немъ терпимымъ. — Съ мужчинами въ немъ требуется вести себя осмотрительно, политично и съ большимъ тактомъ; они тайно раздражены и крайне придирчивы; женщины, тѣ добрѣе и снисходительнѣе, ихъ участіе задобрить легче; при томъ же любовь ихъ всегда трогаетъ: въ ней всегда таится и подтверждается признаніе ихъ женской силы и власти. И хорошо отважному искателю, если ему посчастливилось заручиться содѣйствіемъ хотя бы одной изъ нихъ.

Но и выигравъ первый шагъ, и даже утвердясь въ самомъ домѣ, искатель, какъ говорится въ сказкахъ, еще только коснулся трудной задачи своей; самое трудное предстоитъ ему еще впереди; и сто разъ приступая къ нему, въ немъ сто разъ сердце падаетъ, и онъ отступаетъ назадъ съ рѣшеніемъ отказаться отъ своихъ притязаній. Да и съ чего онъ взялъ, что можетъ тронуть сердце и возмутить невозмутимое спокойствіе предмета своихъ исканій; она радостно живетъ дома: и преодолѣть въ ней ея непреодолимое отвращеніе къ чужему, склонить ее, чтобъ она, оставивъ родное, отдалась невѣдомому, наступающему, смутному, почти труднѣе чѣмъ добраться до снѣговыхъ вершинъ Альпъ, и разогрѣть, растаить ихъ своимъ дыханіемъ.

Бѣдный, жалкій искатель! что такого можетъ онъ представить или предложить ей, которая бесконечно счастлива своею любовью ко всѣмъ и любовью къ ней всѣхъ, чтобъ тронуть сердце ея? Какія у него права, или достоинства, чтобы перевѣсить ими все то, что она уже имѣетъ, что она знаетъ и любитъ дома? И не лучше ли ему заблаговременно стушеваться и сгинуть съ его притязаніями, съ ихъ неумѣстностью, пока еще есть возможность, чѣмъ, дождавшись положительнаго отвѣта, найтись

вынужденнымъ удалиться, когда ужъ не станетъ и силы удаляться?

И стоятъ ли всѣ его достоинства, хотя бы ихъ и удесятерить еще, той радости и того счастья, которыя она, свободная, прекрасная, невозмутимая, несетъ въ единой улыбкѣ своей? — Но онъ, если онъ дѣйствительно любитъ, на свои достоинства и не расчитываетъ; онъ ихъ имѣетъ лишь съ тѣмъ, чтобъ скинувъ съ себя, повергнуть ихъ къ ея ногамъ, и оставаясь предъ нею безъ всякихъ достоинствъ, безъ всякихъ правъ, жить и дышать единственно ея милостью, единственно тѣмъ достоинствомъ и тѣмъ правомъ, которыя она сама отъ себя сообщаетъ ему. Во всемъ остальномъ, онъ домогается силою исполненія желаній и стремленій своихъ; но своего счастья, своей жизни у ней онъ только вымаливаетъ; во всѣхъ другихъ отношеніяхъ онъ есть сильный, она же — слабая; но въ этомъ отношеніи наоборотъ, она является силою, а онъ предъ нею непомѣрною слабостью.

Такое извращеніе отношенія силы и слабости есть явное свидѣтельство ея свободы: никто и ничто не заставляетъ, никто не нудитъ ее: въ ней нѣтъ и намека на млѣніе или томленіе, нѣтъ ни смутныхъ пожеланій, ни внушеній, ни малѣйшаго признака естественности или физіологіи: а только красота и свобода. И, какъ вполнѣ свободная, она сама и рѣшаетъ судьбу свою.

Если смѣлый искатель ея руки и сердца оказался и сильнымъ и достойнымъ, если онъ удостоился ея вниманія, если онъ съумѣлъ полюбить и признать душею все, что она знаетъ и любитъ, если въ немъ на бесконечность, которою она живетъ, отозвалась вся бесконечность его души, такъ что вся любовь его къ ней сказалась ей, какъ его религія, тогда она изъ милости, изъ одной жалости къ нему, для того, чтобъ и онъ тоже жилъ ею, свободно и властнымъ актомъ воли своей, предаетъ ему себя, свое обаяніе, свою красоту, предаетъ ему свою жизнь, свою свободу, самое достоинство свое, чтобъ онъ поступилъ съ нею, какъ онъ хочетъ: конечно такое пре-

даніе самой себя не можетъ совершиться иначе, какъ только безусловною вѣрою въ религію того, кому она отдается: женщина, предаваясь мужчинѣ, которому ввѣряетъ жизнь свою, предается своей судьбѣ; мужчина воспринимая женщину, которая предается ему, воспринимаетъ въ ней свое назначеніе. Невѣдомая судьба иногда ломитъ человѣческую жизнь и всѣ ея обѣщанія; силою и смысломъ назначенія, напротивъ, человѣкъ возрождается къ жизни. А потому очень естественно, что на дѣвушку, вступающую въ брачный союзъ, всѣ люди всегда взирали какъ на добровольную жертву, въ которой она сама себя предавала, ради того другаго, которому она предается.

Но предаваясь ему, она предается не прихоти, не временному и преходящему увлеченію, не пустой влюбленности; такое предаваніе себя временному и преходящему было бы только поруганіемъ надъ ея красотою и свободою. Она можетъ предать себя и съ собою всю бесконечность своего назначенія только всей бесконечности, которую она въ немъ обрѣтаетъ, какъ самую судьбу свою, и становится въ ней безвозвратною жертвою ради всего того, что она любила и любитъ.

Изъ ея бесконечной жертвы самой собою не ради временнаго или конечнаго, но ради бесконечнаго другаго, возникаетъ дѣйствительность самаго добра.

B. Сужденіе или содержаніе дѣйствительности. Добро.

1. Семья.

Прекрасное, свободною жертвою самаго себя, изъ милости ради другаго, ради всего, что осуществляется и живетъ имъ, становится добромъ, благомъ: красота была только образомъ дѣйствительности или полной сообразности; ея содержаніе развивается какъ самое добро.

Переходя изъ сферы художества въ сферу жизни и осуществляясь въ ней какъ красота женщины, какъ дыханьемъ любви оживленная Галатея, эстетически прекрасное не можетъ оставаться только прекраснымъ; собственная судьба красоты и ея назначеніе, т. е. ея дѣйствительность и ея истина въ томъ, чтобъ предаться другому, и ставъ бесконечною жертвою всей бесконечности, возникнуть и раскрыться какъ исполненіе, какъ совершеніе добра.

Первый образъ добра и осуществляется въ образѣ дѣйствительной человѣческой семьи. Семья, ея домашній кровъ и очагъ, тамъ гдѣ человѣкъ бываетъ дома, у себя, съ собою, есть первое творчество, создаваемое вдохновеніемъ или творческою силою любви.

Если образъ красоты трогаетъ, то это именно потому, что уже въ самомъ обликѣ ея угадывается и предчувствуется творческій смыслъ ея одушевляющей любви и бесконечной милости, которою она вся разрѣшается въ добро.

Семья, домашній очагъ, домъ, укрывающій подъ кровомъ своимъ все любимое и самое завѣтное содержаніе человѣческой жизни или самую душу ея, и есть самое добро: оно осуществляется только жертвою, или оно и есть только бесконечная жертва женщины своею красотою, своею свободою на благо другому человѣку, которому она отдалась, ради бесконечности, обнимающей собою и всеобщее благо всѣхъ людей.

Всѣмъ довольно извѣстны многочисленные литературные приговоры и изрѣченія, высказывающіе, что бракъ есть могила любви, могила всѣхъ радостей жизни. Какъ же не могила? Вѣдь въ немъ увядаетъ, вѣдь въ немъ пропадаетъ красота женщины. Извѣстны также и болѣе современныя, если еще не ученья,—то по крайней мѣрѣ на научномъ основаніи высказываемыя мнѣнія, которыми и бракъ и самая семья отстраняются, какъ устарѣлый анахронизмъ, какъ остатки варварства и невѣжества, которыя до сихъ поръ еще препятствуютъ полному осу-

ществленію человѣческаго счастья: несносныя обязательства, налагаемыя на человѣка бракомъ и семьею, союзомъ, освящаемымъ религіею и означаемымъ ею какъ святое, неприкосновенное и неразрывное, при чемъ его естественныя, измѣнчивыя потребности не принимаются вовсе къ соображенію,—по смыслу ходячихъ современныхъ мнѣній, совершенно уничтожаютъ свободу человѣка, препятствуютъ полному развитію его разнообразныхъ позывовъ и стремленій, вяжутъ его, и являются тормазомъ, задерживающимъ все общество на пути его развитія и прогресса.

Не только нынѣ, но и всегда люди бывали расположены сѣтовать и плакаться на тяжкія обязательства, налагаемыя на нихъ обществомъ; всегда люди бывали очень склонны нарушать и обрывать эти несносныя обязательства: но въ старину, такія сѣтованія, такія жалобы, такія нарушенія признавались человѣческою слабостью, которая взывала только къ снисходительности общества, въ виду неумолимой строгости его общественныхъ приговоровъ и осужденій противъ того, что всѣми сознавалось какъ слабость, какъ зло, какъ грѣхъ.

Нынѣ же, за полною утратою самаго образа дѣйствительности, когда реалистическіе толки пытаются твердо установиться на несообразности реальнаго бытья, очень замѣтно проявляется и поползновеніе научнымъ образомъ выяснить за самую добродѣтель и за достоинство то самое, въ чемъ прежде сознавали только грѣхъ,—обратить въ добро, въ чемъ прежде находили только зло,—признать за силу, что прежде считалось только слабостью.

Дѣла и поступки людей въ жизни особенно противъ прежняго еще не измѣнились; какъ они жили прежде, такъ они еще и теперь живутъ; но измѣнилось ихъ сознаніе, значительно измѣнился образъ ихъ мысли, и былое утвержденіе бесконечнаго, или самобытной свободы, замѣнилось утвержденіемъ конечныхъ, реальныхъ, временныхъ мотивовъ бытія, признаніемъ безусловной зави-

симости человѣка отъ естественныхъ опредѣленій противорѣчивой, съ его смысломъ несообразной внѣшности.

Погода на землѣ продолжаетъ еще быть тою же благорастворенною, какою она была эа эти дни; также тепло, также хорошо живется: но только замутилось въ небесахъ; произошла большая перемѣна въ высшихъ слояхъ атмосферы; эта перемѣна не пройдетъ даромъ; она спустится до земли, и можно съ увѣренностью ожидать, что вслѣдствіе этой перемѣны и внизу тоже настанутъ стужа и ненастье.

Между мыслью человѣка и между его жизнью есть неразрывная связь; и хотя и не съ разу, но въ продолженіи времени то, что человѣкъ дѣлаетъ и какъ онъ живетъ и поступаетъ, оказывается въ совершенной зависимости отъ того, что и какъ онъ думаетъ, и если онъ утверждаетъ несообразное, то жизнь его неминуемо проявится въ несообразностяхъ.

Если не мыслить, не утверждать какъ самую дѣйствительность безконечную самобытность безусловной красоты, безусловнаго добра и безусловной свободы человѣка, то необходимо приходится мыслить несообразность и утверждать, что міръ стоитъ на четырехъ китахъ. Потому что иначе, на чемъ же и стоять ему?

Научное воззрѣніе, развиваясь по схемѣ положительности, должно по необходимости отрицать все, что утверждалось о грѣхѣ, о злѣ, о слабостяхъ; все это не болѣе, какъ закономѣрное и неизбѣжное проявленіе все тѣхъ же естественныхъ потребностей; ихъ вольнаго проявленія и полнаго развитія затруднять или задерживать ни чѣмъ не слѣдуетъ; такъ какъ въ общей научной схемѣ нѣтъ ничего такого, во имя чего ихъ было бы можно задерживать.

И потому, разумѣется, всякаго рода обязательства, налагаемыя обществомъ, а также и обязательства, вытекающія, какъ слѣдствія, изъ семейнаго союза, не могутъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только напраснымъ и предразсудочнымъ стѣсненіемъ.

Всякій семейный союзъ есть временное сочетаніе естественныхъ потребностей мужчины и женщины, сочетаніе самое непостоянное, по природѣ элементовъ, изъ которыхъ оно слагается; и потому, было бы очень противоестественно обращать его насильственнымъ путемъ или во имя предразсудковъ въ неразрывную и постоянную связь: оно слагается временно, существуетъ на время, и временемъ же и расторгается, согласно съ разнообразною игрою тѣхъ естественныхъ потребностей, которыя лежатъ въ его основаніи; еслибъ онѣ были неизмѣнны по существу своему, то и семейный союзъ, на нихъ основанный, былъ бы постоянною, неизмѣнною связью; но такъ какъ онѣ очень измѣнчивы, подвижны и непостоянны, то и семейный союзъ заключается только на время, на срокъ, и во всякое мгновеніе можетъ быть разорванъ.

Было бы великою несообразностью, еслибъ нѣчто болѣе сообразное вытекало изъ самой несообразности: послѣдователи ученія о четырехъ китахъ обязаны утверждать ихъ дѣйствительность въ каждомъ изъ своихъ частныхъ утвержденій.

И потому болѣе смѣлыми и тѣми, кого можно признать les enfants terribles современныхъ толковъ и ученій, на основаніи научности и утверждается, что всякого рода обязательства, налагаемыя во имя нерушимости семейнаго союза, слѣдуетъ отмѣнить и устранить; съ ихъ устраненіемъ человѣку будетъ вольнѣе жить, и способнѣе наслаждаться всею красотою и всѣмъ обаяніемъ вольной жизни, вольной любви. Что же касается до дѣтей и до ихъ воспитанія, то это дѣло, говорятъ, вовсе не частное, но чисто государственное или общественное дѣло, и его всецѣло слѣдуетъ возложить на попеченіе и на обязанность общества. Оно обязано чрезъ посредство общественныхъ учрежденій, установленныхъ на строго научномъ основаніи, воспринимать, выкармливать, воспитывать, обучать и образовывать всѣхъ дѣтей и все вновь нарождающееся поколѣніе. Затѣмъ, каждый

свободный гражданинъ, уже не связанный никакими обязательствами, живя на полной волѣ своей, откроетъ у себя дома увеселительное заведеніе.

Такого рода смѣлыя предположенія, само собою разумѣется, ни на одинъ мигъ не въ состояніи продержаться, какъ дѣйствительныя и серьезныя утвержденія: и тѣмъ не менѣе они, хотя и не утверждаются, но мерещатся, и мелькомъ, подъ часъ, въ образѣ плѣнительной мечты, въ видѣ предвкушаемой утопіи, высказываются, какъ, конечно кто говоритъ, очень трудно достижимое, но безспорно великое и желательное усовершенствованіе.

Обязательства семейнаго союза, какъ могила жизни, мѣшаютъ жить; это все равно, что сказать, что жизнь, что ея дѣйствительность мѣшаютъ жизни; а потому дѣйствительную жизнь слѣдуетъ устранить, чтобъ предоставить всю свободу и полную волю пустотѣ и ея призракамъ. Пустоту каждому будетъ вольно наполнить беззаботнымъ, ничѣмъ не прерываемымъ наслажденіемъ и удовольствіями совершеннѣйшаго диллетантизма и полнѣйшаго эротизма жизни, которыя, при громадныхъ средствахъ современной науки, можно легко довесть до неслыханной степени.

Хотя полному осуществленію столь заманчивой мечты современнаго реализма препятствуетъ только тотъ коренной предразсудокъ жизни, который, въ образѣ ея назначенія, сложился прежде, чѣмъ наука разсудила ея содержаніе, прежде чѣмъ сложилась самая наука, въ эпоху невѣжества и преобладанія теологіи и метафизики, однако вполнѣ устранить его, не устранивъ предварительно самого человѣка и всей природы его, едва ли возможно.

Все, что существуетъ, существуетъ не иначе какъ въ своемъ опредѣленіи; опредѣленіе всякаго существа складывается изъ исторіи его прошедшаго; конечныя и частныя опредѣленія происходятъ изъ частнаго прошедшаго; опредѣленіе мысли, мыслящей безусловную истину, складывается только всею цѣлостью всего прошедшаго и

всею его бесконечностью: и потому, что бы и какъ бы человѣкъ ни думалъ, какъ бы онъ ни ухищрялся мыслить реально, или положительно, онъ все же не въ силахъ устранить бесконечность изъ своего помысла: она есть принципъ, или самое начало, самый законъ каждой изъ его мыслей: нетолько ограниченность позитивизма, нетолько представленіе или теоретизмъ научности, но и самая схема нигилизма мыслятся только образомъ бесконечности и являются въ сферѣ мышленія тѣмъ же самымъ, чѣмъ въ сферѣ математики являются математическія недоумѣнія или софизмы,—тѣмъ же, чѣмъ въ сферѣ жизни являются всякаго рода недомыслія: всѣ такого рода недоумѣнія и недомыслія, какъ доказательства черезъ абсурдъ, служатъ только доказательствомъ утвержденію бесконечнаго, въ силу котораго, пока оно не изъято вовсе изъ человѣческаго помысла, человѣкъ не въ состояніи соображать образъ своей жизни иначе, какъ образомъ самой бесконечности, или бесконечно сообразнымъ образомъ безусловной красоты, безусловной свободы, безусловнаго добра. И все противное такому образу всегда будетъ имѣть значеніе только слабости, только зла, только грѣха противъ самаго назначенія человѣка.

Всякое творчество вяжетъ и полно обязательствомъ; безъ обязательства ничто не можетъ твориться; художническое творчество по вдохновенію считается самымъ свободнымъ; въ отличіе отъ другихъ дѣлъ, трудовъ и занятій, оно такъ и называется свободнымъ творчествомъ, свободнымъ искуствомъ: но и оно однако же преисполнено строгими и неизмѣнными обязательствами, и всего менѣе поддается ничѣмъ не связанному, вольному измышленію, любезному произволу и всеизвращающему распутству.

Дѣйствительная жизнь, полная образовъ минувшаго и образовъ смерти, забываться не можетъ и сама серьезна какъ смерть. И ея дѣйствительное содержаніе, являющееся во первыхъ въ взаимной любви мужчины и женщины, въ ихъ свободномъ семейномъ союзѣ, въ беско-

нечномъ соображеніи всего назначенія человѣка со всею его судьбою, исполняется и исполнено обязательствомъ безконечнымъ, или долгомъ.

Семья основывается вовсе не на основаніи договора; всякій договоръ есть лишь выраженіе нужды и неволи подъ закономъ необходимости. Семейный союзъ есть напротивъ полное выраженіе и осуществленіе въ жизни свободы человѣка; въ немъ нѣтъ ни малѣйшаго торга, но лишь одинъ безусловно-свободный актъ человѣческой воли, вдохновенный бесконечнымъ смысломъ всей жизни. Мужчина взялъ эту женщину и сдѣлалъ ее своею; потому что онъ хотѣлъ взять ее и сдѣлать своею. Женщина отдала себя этому мужчинѣ, отдала ему свою красоту, свою свободу, свою жизнь; потому что она хотѣла отдать ему всю себя безъ остатка, безъ оговорокъ; и отдаваясь ему, отдалась такъ безусловно, что при ней не осталось даже и клочка бумаги, гдѣ бы она могла начертать договорныя условія, на которыхъ она отдалась ему.

Онъ взялъ ее, она отдалась ему не потому, чтобъ имъ это хотѣлось, но потому, что они оба этого хотѣли: то, что человѣку только хочется, можетъ хотѣться въ силу его временныхъ расположеній и потребностей, безъ всякаго участія его человѣческаго смысла: и потому можетъ также легко и расхотѣться. Содержаніе всего того, что хочется, отъ самого человѣка не зависитъ; но то, что человѣкъ хочетъ, онъ уже расхотѣть не можетъ; потому что онъ хочетъ только въ силу свободы своей, всѣмъ бесконечнымъ смысломъ существа своего; и расхотѣть это самое было бы для него все равно, что отказаться отъ смысла своего, отъ своей свободы и добровольно предаться безсмыслію.

Въ семейномъ союзѣ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда договора; всякая договорность изъ него исключается какъ безобразіе, какъ явная непристойность. Въ немъ чистая, безусловная жертва; на ея святомъ алтарѣ возникаетъ

лишь бесконечное обязательство на жизнь и на смерть, ни жизнью ни смертью не нарушимый, вѣчный долгъ.

Но въ мірѣ реальностей нѣтъ ничего святаго; потому что въ немъ нѣтъ ни красоты, ни свободы; потому въ немъ не можетъ быть и долга, а есть только болѣе или менѣе обязательные договоры, срочные или безсрочные векселя на жизнь, которые можно предъявить и ко взысканію, которые не исключаютъ возможности такихъ или иныхъ сдѣлокъ, по соглашенію сторонъ. А потому въ реальной сферѣ, какъ естественное послѣдствіе все той же нужды или неволи, разводы представляются не только возможными, но и совершенно необходимыми, какъ неизбѣжное зло. Судьба и необходимость очень часто ломятъ человѣка; и большинство людей, не обладая творческою силою художника, вовсе не способны сообразить содержаніе своего человѣческаго назначенія съ своею внѣшнею судьбою: они не поэты, а только средней руки стихотворцы; нельзя ожидать, а тѣмъ менѣе требовать отъ нихъ, чтобъ ихъ жизненныя произведенія были въ самомъ дѣлѣ поэмами, или высокими выраженіями человѣческаго долга; нельзя требовать, чтобъ они понимали то, что для нихъ непонятно: достаточно уже и того, если они жизнью своею творятъ не слишкомъ безобразныя вирши и, умѣя сочувствовать истинной поэзіи, не увлекаются мнѣніемъ, будто бы пара хорошо сточенныхъ сапогъ лучше и достойнѣе всякихъ поэмъ.

Въ реальномъ мірѣ нѣтъ ничего истинно живаго, или дѣйствительно недѣлимаго: въ немъ все, что есть, всякое сочетаніе только болѣе или менѣе удачно, только тѣмъ или инымъ соображеніемъ скомпоновано, и такъ же легко и удачно можетъ быть разъято какимъ нибудь другимъ соображеніемъ.

Но въ мірѣ дѣйствительности, красоты и свободы, связанное любовью есть безусловно недѣлимое; даже и смерть не въ силахъ раздѣлить его; потому что и самые осколки разбитой статуи, несмотря на то, что они разрознены, разбросаны и растеряны, тѣмъ не менѣе при-

надлежать другъ другу и только другъ въ другѣ имѣютъ смыслъ свой.

А потому, въ мірѣ дѣйствительномъ и брачные договоры, и брачные разводы — одинаково лишь безобразіе, и связанное свободою связано самою бесконечностью, связано безусловно и навсегда самымъ смысломъ свободы, изъ котораго вытекаетъ не временное или конечное обязательство, но только бесконечный долгъ.

Замкнутый смыслъ всего того, что заключалось въ первомъ, непосредственномъ понятіи дѣйствительности, въ образѣ прекраснаго, жертвою женщины самой себя, погружается въ самую жизнь и, развиваясь въ ней какъ живое сужденіе, различаетъ и раскрываетъ все свое содержаніе, какъ самую дѣйствительность добра.

Такимъ образомъ, прекрасное есть еще только понятіе дѣйствительности; а добро есть уже самое сужденіе ея: оно развивается изъ своего понятія именно тѣмъ, что понятіе въ жизни расчленяется и оказываетъ явно все, что въ немъ было замкнуто и сокрыто въ тайнѣ.

Какъ сѣмя пропадаетъ въ землѣ, чтобы возникнуть изъ ней въ видѣ расчлененнаго растенія, обнаруживающаго явно все, что въ сѣмени было сокрыто тайно; такъ точно и всякое понятіе, падая изъ области мышленія въ самую жизнь, тонетъ и пропадаетъ въ ней, но только для того, чтобъ вновь изъ ней возникнуть въ образѣ его расчлененнаго сужденія, въ которомъ уже явно все то, что въ понятіи было еще тайно.

Образъ прекраснаго имѣетъ свое значеніе и весь смыслъ только въ жизни человѣка; а потому онъ изъ сферы художественнаго помысла падаетъ въ самую жизнь и погружаясь, тонетъ, исчезаетъ, пропадаетъ въ ней; въ человѣкѣ, въ которомъ живъ смыслъ всего прекраснаго, собственно образа прекраснаго уже не видать, уже не замѣтно. Но оно возникаетъ изъ жизни его, какъ разсужденный смыслъ всего прекраснаго, и является содержаніемъ добра.

Первый образъ осуществленнаго добра въ томъ и яв-

ляется, что мужчина и женщина, связанные другъ съ другомъ любовью, составляютъ живую недѣлимость семейнаго союза: въ немъ женщина есть любимое; въ немъ мужчина есть любящее; любящее и любимое не могутъ быть разъяты и оторваны другъ отъ друга безъ утраты и всего смысла и всей жизни. Мужъ и жена принадлежатъ безусловно другъ другу; отнять жену у мужа все равно, что лишить его жизни; отнять мужа у жены все равно, что лишить ее смысла. Какъ нѣтъ смысла безъ жизни, такъ не можетъ быть и жизни безъ смысла.

Не можетъ быть въ дѣйствительности, хотя въ реальности и то, и другое сплошь да рядомъ бываетъ: довольно и мысли безжизненной, довольно и жизни безсмысленной.

Какъ одинокій, мужчина могъ жить и пробавляться какъ и чѣмъ случится. Всякое логовище служило кровомъ ему; всякій горящій костеръ былъ ему очагомъ его. Въ его бродячей, скитальческой жизни, ни что не имѣло для него своего постояннаго значенія; все существо его было разсѣяно во внѣшности и въ ея случайныхъ опредѣленіяхъ. Для него все опредѣлялось на срокъ и на время, либо случайно набѣжавшею нуждою, либо появившеюся въ немъ охотою, прихотью, расположеніемъ, своеволіемъ: въ своемъ безпредѣльномъ скитаніи по міровому раздолью, онъ жилъ безъ цѣли и безъ предмета въ своей жизни.

Но когда его вольный, широкій и беспредметный просторъ сомкнулся его любовью въ тѣсноту семейнаго союза, то въ этой тѣснотѣ между имъ, любящимъ, и между нею, любимою, вспыхнулъ пламень, которымъ и зажегся неугасимый огонь ихъ домашняго очага, ихъ задушевной, осмысленной жизни.

Внѣшняя судьба совпала съ смысломъ внутренняго назначенія; мужчина, изъ своей беспредѣльной разсѣянности во внѣшности, вошелъ въ домъ свой, и для него

началась жизнь дома у себя, съ собою, съ своимъ смысломъ.

Задушевная жизнь человѣка съ самимъ собою и дома у себя, а не во внѣшности, есть глубокая тайна, изъ которой, какъ изъ глубокаго родника, вытекаетъ все дальнѣйшее развитіе человѣческой дѣйствительности; въ ней, не только въ образѣ, но и на самомъ дѣлѣ, совершается невозможное; въ ней непримиримое и несогласимое противорѣчіе, разрывающее собою весь міръ, соглашается, примиряется и является въ образѣ высшаго согласія, высшаго міра, въ образѣ полнаго и живаго единства, не по договору отъ внѣшности, но по самому существу и въ самомъ смыслѣ, въ образѣ бесконечной гармоніи, въ которой жизнь, какъ судьба человѣка, совпадаетъ въ одинъ недѣлимый образъ съ его же жизнью, какъ его назначеніемъ; вслѣдствіе чего, сама необходимость является свободою, и самая свобода, переставая быть только охотою и произволомъ, вся выливается въ законы и въ правила необходимости. Въ этой жизненной тайнѣ бесконечной любви человѣческой, человѣкъ, побѣждая судьбу свою съ ея внѣшнею необходимостью, преобразуетъ ее въ задушевный смыслъ и въ свободу своего назначенія. *Одно и другое*, которыя въ реальности другъ съ другомъ несовмѣстны и только взаимно исключаютъ себя, тутъ не только совмѣщаются, но и проникаются взаимно другъ другомъ и составляютъ между собою одну живую недѣлимость. То самое невозможное, которое уже было исполнено, какъ образъ въ образѣ прекраснаго, въ сферѣ художества, исполняется здѣсь вторично, но уже какъ самое содержаніе дѣйствительности, какъ содержаніе жизни, какъ ея добро, ради котораго предалась и въ которое преобразилась вся красота.

Въ семейномъ союзѣ вся бесконечность связывается съ бесконечностью бесконечнымъ образомъ; въ живой недѣлимости любящаго съ любимою, того, кто томится жаждою любви съ тою, которую нельзя не любить, самымъ вдохновеніемъ любви человѣческой вся бесконечность роковой необходимости или внѣшней, неодолимой

судьбы, связывается, какъ тѣло съ душею, въ одинъ бесконечный образъ бытья со всею бесконечностью свободы человѣческаго назначенія.

Всѣмъ извѣстныя и въ свое время столь обильныя, не только въ романахъ и стихотвореніяхъ, но и въ обыденной жизни, выраженія, завѣренія и клятвы въ любви, въ которыхъ слова: бесконечность, вѣчность, на жизнь и смерть, до гроба, за гробомъ, сліяніе душъ, и небо и земля, и первый день созданья, и послѣдній—бытія, и ангелы въ надзвѣздномъ мірѣ, и демоны въ преисподней, составляли особый, очень объемистый лексиконъ любовью освященныхъ рѣченій, нынѣ обратились въ пышную декорацію, годную развѣ для оперъ, въ полузабытыя, превыспреннія фразы, которыя, если еще и въ ходу, то развѣ только въ самыхъ низменныхъ и полуграмотныхъ сферахъ. Такого рода рѣченія, даже и при самой пылкой любви, нынѣ являются чрезвычайно притязательными и крайне смѣшными. Въ нихъ такъ и слышится устарѣлая реторика сердца, не умѣющаго иначе изъясняться, какъ только складомъ самаго высокаго слога.

Но въ старину, должно полагать, и столь высокій слогъ вполнѣ соотвѣтствовалъ и равномѣрно высокому настроенію самаго сердца; и тогда, и самыя напыщенныя изъ его рѣченій, только что только приходились въ мѣру самому размаху его живыхъ и сердечныхъ порывовъ. И то смѣшное, которымъ они отзываются нынѣ, лежитъ не столько въ ихъ напыщенности, или въ ихъ непростотѣ, сколько въ несоотвѣтствіи между ихъ широкимъ и тяжеловѣснымъ значеніемъ и между легкостью и тѣснотою того сердечка, которое напрягается, чтобъ поднять его.

Прислушиваясь къ столь широковѣщательной реторикѣ и къ ея нескончаемымъ тирадамъ, невольно думается о тѣхъ нескончаемыхъ анфиладахъ пышныхъ залъ и золоченыхъ салоновъ въ старинныхъ, нынѣ нежилыхъ дворцахъ, которые равно поражаютъ и размахомъ былой въ нихъ жизни и пустотою своею. Въ этой пустотѣ, въ

этой анфиладѣ залъ и салоновъ, какъ то странно встрѣчать современнаго человѣка: онъ представляется какимъ то жалкимъ и совершенно неспособнымъ выполнить столь пышную пустоту своими скромными, реальными и нѣсколько мѣщанскими интересами.

Ничего нѣтъ смѣшнѣе какъ великій знакъ, исполненный крошечнымъ значеніемъ; ничего нѣтъ жальче, какъ крохотное сердечко, которому не подъ силу приподнять и поддержать и самое заурядное содержаніе нашей не широкой и не глубокой жизни, и которое между тѣмъ пыжется и пытается взвѣсить собою тѣ тяжеловѣсные образы, которыми люди инаго времени и закала пытались спорить съ силами бесконечной судьбы.

Но съ другой стороны, не менѣе смѣшно и жалко, когда человѣкъ самую ограниченность свою самоувѣренно предъявляетъ за полную мѣру, для измѣренія ею всего безмѣрнаго.

Дѣйствительность жизни есть безспорно любовь, и для полнаго выраженія всего въ ней заключающагося содержанія вся реторика слова оказывается скорѣе безсильною и недостаточною, чѣмъ слишкомъ много сказывающею; хотя безспорно и то, что реторика очень часто служитъ для того, чтобъ своею фразеологіей замаскировать, заслонить совершенную пустоту.

Въ человѣческой любви весь смыслъ человѣка и вся природа совпадаютъ въ одно бесконечное самоутвержденіе и самооправданіе; въ ней вся природа свидѣтельствуетъ о человѣческомъ смыслѣ, сокрытомъ въ тайнѣ его назначенія, какъ о несомнѣнной правдѣ; въ ней и человѣческій смыслъ утверждаетъ, какъ свою правду, всѣ законы и всѣ внѣшнія проявленія природы и оправдываетъ собою и самую физіологію: вслѣдствіе чего человѣческій смыслъ оказывается разумомъ, исполненнымъ всею логикою необходимости; а природа является радостною средою всей красоты и всей свободы

Бесконечный образъ любви своимъ вдохновеннымъ творчествомъ развиваетъ и чертитъ свой жизненный узоръ

по канвѣ необходимости и творитъ въ ней не только свободный союзъ недѣлимой человѣческой семьи, но и свободное человѣческое общество, и всю дѣйствительность человѣка, или человѣчества.

Образованіе общества.

Святое и полезное.

Семейный союзъ образуетъ собою частный кругъ существованія человѣка, и въ этомъ кругѣ, въ его содержаніи, уже съ самаго начала—при первомъ вступленіи его въ жизнь, то, что въ немъ составляетъ самый мотивъ и самую цѣль жизни, или самый ея смыслъ, отличается отъ того, что въ ней служитъ средствомъ, пріемами и способами къ жизни.

Начало семейнаго союза есть жертва, которою женщина предаетъ себя ради блага и добра того, котораго она любитъ: а потому она въ этомъ союзѣ и есть самое любимое, чрезъ которое и ради котораго союзъ образовался и существуетъ. Для ней зажигается огонь на домашнемъ очагѣ; для ней и надъ нею сооружается домашній кровъ: она въ немъ и первый мотивъ, и послѣдняя цѣль для всей дѣятельности мужчины; она ему отдалась вся безраздѣльно, какъ самой судьбѣ своей, какъ своему мужу; его вѣрность ей есть въ немъ его вѣрность своему назначенію; и потому онъ хранитъ и охраняетъ ее, какъ свое любимое, какъ свое завѣтное добро, какъ самый предметъ его жизни, безъ котораго ни его дѣятельность, ни самая жизнь его не имѣли бы никакого смысла.

У домашняго очага, подъ домашнимъ кровомъ дома, онъ охраняетъ и ограждаетъ все, что онъ любитъ, отъ всякой внѣшней напасти. Женщина, какъ самый смыслъ, какъ то, что есть самое любимое и завѣтное домашняго крова, ради которой онъ и воздвигнутъ, находится въ

самомъ центрѣ его, и есть въ немъ его неприкосновенное и святое содержаніе, самая интимность или тайна жизни; чрезъ нее домашній кровъ, ее охраняющій, становится неприкосновеннымъ святилищемъ. Въ немъ горитъ неугасимый, чистый, все очищающій огонь любви, пламень котораго согрѣваетъ и освѣщаетъ всю жизнь, не только подъ кровомъ, вблизи у очага, но и въ даль и въ чужь, далеко за предѣлы самаго крова.

Мужчина, охраняющій неприкосновенность святилища и дома своего, ради самой охраны, ради огражденія его, какъ вѣрный и неусыпный стражъ, стоитъ по необходимости съ внѣшней стороны дома, на его окраинахъ. Именно потому, что онъ живетъ и дышетъ только тѣмъ и только для того, что онъ имѣетъ и хранитъ дома, онъ и держится постоянно на сторонѣ, внѣ дома. Стихійныя силы внѣшности, проявляясь какъ неизбѣжное, какъ неодолимое, какъ необходимое, злобны, лукавы, никогда не дремлютъ и вѣчно подстерегаютъ человѣка и его человѣческое дѣло; вѣчно угрожаютъ, вѣчно готовятъ и несутъ ему бѣду, гибель и разореніе: онѣ не терпятъ его дѣлъ. И человѣку стоитъ только на одно мгновеніе забыться или задремать, чтобъ онѣ обрушились на него, одолѣли его и уничтожили, сломили, исказили все, что онъ съ такою любовью, съ такимъ терпѣньемъ и съ такимъ напряженіемъ силъ творилъ, устроивалъ, сооружалъ. А потому мужчинѣ вовсе и не приходится сидѣть и забываться дома; онъ постоянно бываетъ внѣ дома и стоитъ на чеку, вѣдаясь съ извнѣ наступающими на него, на домъ и на дѣла его силами внѣшности и нужды.

Его постоянное дѣло въ томъ, чтобъ отражать нужду отъ дома своего, чтобъ охранять и оберегать отъ ней то, что онъ любитъ, то, для чего онъ живетъ и что есть самый смыслъ его жизни: ея святое.

Еслибъ и женщина тоже вышла изъ дома въ наружу, чтобъ и съ своей стороны тоже вѣдаться съ внѣшними дѣлами, то домъ опустѣлъ бы, и мужчинѣ не изъ за чего было бы трудиться и работать: всѣ дѣла его, лишенныя

своего смысла, оказались бы безсмысліемъ: онъ тотчасъ бы отъ нихъ отказался, какъ отъ безсмыслія и, утративъ свое средоточіе, обратился бы вновь въ беспредѣльное раздолье и ничѣмъ не сдерживаемую разсѣянность скитальческой и беспредметной жизни.

Женщина не покидаетъ дома своего, но соблюдая его своимъ женственнымъ образомъ, исполняетъ его всѣмъ смысломъ и всѣмъ значеніемъ святаго. А мужчина, помышляя и заботясь о всемъ, что служитъ къ охраненію его святаго содержанія въ неприкосновенности противъ всего внѣшняго, не теряется въ разсѣянности и въ напрасномъ скитаніи, но, имѣя въ виду все для дома необходимое и нужное, вѣдаетъ со всѣми внѣшними дѣлами и творитъ полезное.

Такимъ образомъ, все содержаніе семейнаго союза, или перваго образа осуществленнаго добра, уже при самомъ началѣ разсуждается или расчленяется на область святаго и на область полезнаго.

Полезное есть не ради себя; оно только служитъ, оно полезно святому. Святое безполезно въ томъ смыслѣ, что оно ни чему не служитъ, и что напротивъ все, что ни есть, только ему одному служитъ. Оно полно смысломъ въ себѣ самомъ и есть для себя; оно свято своею святостью. Но въ томъ смыслѣ, что оно есть самый смыслъ, которымъ живетъ и дышетъ все остальное, что безъ него все полезное было бы лишь безсмысленно и безполезно, какъ средство безъ цѣли, въ томъ смыслѣ, что оно есть самый родникъ, изъ котораго на все льется самое оживленіе, — святое бесконечно полезно. По отношенію къ ручьямъ, къ рѣчкамъ и къ рѣкамъ, океанъ, все въ себя принимающій, равнымъ образомъ кажется сущею безполезностью. И однако же безъ океана всѣ хлопотливые ручьи, всѣ дѣятельныя рѣчки, всѣ великія рѣки неминуемо бы изсякли. Потому что всѣ ихъ родники и источники почерпаютъ свое оживленіе только отъ океана, и его кажущаяся безполезность есть напротивъ бесконечная польза.

Святымъ живетъ и дышетъ женщина: оно льется изъ сердца ея въ ея беспредѣльной преданности другому; своею бесконечною жертвою самой себя ради всего другаго она творитъ святое; вся жизнь ея есть эта жертва; она сама и самобытна въ помыслѣ своей бесконечной милости именно тѣмъ, что она не для себя живетъ, но для всего другаго. А потому все святое и есть непосредственно ея женское дѣло, которое она одна вѣдаетъ и осуществляетъ въ тайнѣ, внутри у святаго очага ея домашняго крова. Дома, женщина и какъ жена, и какъ мать, самымъ существомъ своимъ творитъ, образуетъ и даруетъ жизнь всѣмъ окружающимъ ее, и является сама, какъ богиня Веста, творящая, хранящая и изливающая вѣчный, чистый, святой пламень жизни.

Какъ святое состоитъ въ вѣденіи женщины, такъ все полезное находится въ вѣденіи мужчины и есть по преимуществу его мужское дѣло. Ради пользы мужчина не живетъ дома, но движется и обращается во внѣшней средѣ внѣшнихъ дѣлъ и заботъ: дома же онъ только отдыхаетъ и собирается съ смысломъ и съ силами своими, чтобъ отстаивать ими свое завѣтное и святое содержаніе противъ силъ внѣшности.

Всѣ его внѣшнія дѣла, касающіяся полезнаго, совершаются и имѣютъ мѣсто внѣ дома, на рынкѣ, на общей площади; тамъ, гдѣ происходятъ всѣ обобщенія жизни, всѣ сборища людей, гдѣ стекаются и разбираются, сличаются и различаются всѣ разнородныя нужды и пользы ихъ общаго, естественнаго существованія, куда приходятъ и гдѣ встрѣчаются и друзья и враги, и союзники и противники, гдѣ сталкиваются и уравновѣшиваются всѣ разнообразные, согласные и несогласные между собою, людскіе интересы, надобности и стремленія.

Въ противоположность святаго, кровнаго и женскаго дѣла жизни, на площади развивается мужское, площадное дѣло съ его площадными условіями и проявленіями. Жизнь на площади, по самому существу своему и по преобладанію въ ней внѣшней нужды, какъ ея основ-

наго начала, является всестороннимъ обобщеніемъ и нескончаемою толкотнею всѣхъ интересовъ, всѣхъ эгоизмовъ, всѣхъ алтруизмовъ, всѣхъ страстей, всѣхъ усилій, всѣхъ домогательствъ, всѣхъ напряженій и всѣхъ притязаній людскаго существованія. И какъ мужчина мало способенъ къ чисто домашнему и святому дѣлу, такъ точно женщина, по самой природѣ своей и по своему призванію, вовсе не пригодна къ внѣшнему, площадному дѣлу.

2. Общество, форумъ, справедливость.

Однако чисто внѣшнее и площадное дѣло исполняется не ради себя самаго: оно имѣетъ въ виду только внутреннее, святое содержаніе, которому оно служитъ, которое оно охраняетъ, которому оно полезно: а потому въ своей полезности, оно не можетъ быть до того своекорыстно-полезнымъ, чтобъ своимъ своекорыстіемъ нарушать самое святое, ради котораго оно есть. Вслѣдствіе чего оно само, въ своей внѣшней сферѣ, проникается смысломъ и значеніемъ изъ сферы внутренней и, переставая быть только все другое исключающею политическою экономіей, переставая быть чистымъ своекорыстіемъ пользы одного, обращается въ дѣло, полезное для всѣхъ. Въ тѣсномъ смыслѣ своекорыстія, полезное для всѣхъ уже не есть прямо и непосредственно полезное; напротивъ, оно разомкнуло эту тѣсноту и восприняло въ себя и другое, т. е. не полезное, а то, чѣмъ польза ограничивается, отрицается и опредѣляется. Полезное для всѣхъ — есть обобщеніе частныхъ и единичныхъ пользъ и, какъ обобщеніе, оно по необходимости является и отвлеченіемъ отъ частнаго и единичнаго. Въ такомъ обобщеніи дѣло полезное изъ непосредственнаго и исключительнаго своекорыстія становится дѣломъ справедливости.

Справедливость есть собственно самое святое, но уже обращенное не внутрь, къ самому смыслу своему, но въ

наружу, ко всей внѣшности, къ площади, къ ея площаднымъ дѣламъ и значеніямъ. Святое на площади, въ образѣ справедливости, получаетъ свое мужское, внѣшнее или отрицательное значеніе: уже не утвердительное значеніе творчества, какое имѣетъ сама творящая жизнь, — но только опредѣлительное и отрицательное значеніе всего того, чего творить, дѣлать нельзя; потому что это было бы уже нарушеніемъ самаго творчества: и потому справедливость, предполагая святое, внутреннее содержаніе самой жизни — само собою разумѣющимся, устанавливаетъ только предѣлы, только законы, которыхъ переступать нельзя. И при томъ — она получаетъ значеніе уголовнаго установленія, когда высказывается закономъ, охраняющимъ неприкосновенность самой жизни и жилища гражданъ отъ всякаго святотатственнаго вторженія въ ихъ святыню;—и значеніе установленія гражданскаго, когда она является закономъ, охраняющимъ пользы и права́ гражданъ по отношенію и въ предѣлахъ къ пользамъ и правамъ другихъ гражданъ на той же площади.

По мѣрѣ того, какъ справедливость охватываетъ и проникаетъ собою всю цѣлость и всѣ явленія площаднаго дѣла и общаго устава его, постепенно — и самая площадь обращается изъ площаднаго рынка въ форумъ, и жизнь форума, т. е. площадная жизнь принимаетъ образъ общества. Общество и устанавливаетъ и отправляетъ справедливость; и въ его смыслѣ, т. е. въ смыслѣ общественномъ, дѣло справедливости, т. е. уже не польза въ ея тѣсномъ значеніи своекорыстія, а самое святое жизни, стоитъ впереди и выше всякихъ своекорыстныхъ видовъ, побужденій и дѣлъ.

Сначала и особенно какъ дѣвушка, женщина живетъ въ себѣ самой замкнутымъ образомъ; знаясь только съ родными и домашними своими и сливаясь въ одно нераздѣльное бытіе со всею сферою, со всѣмъ благообразіемъ своего роднаго дома, она, какъ его собственное

дыханіе, отъ него не отдѣляется и, не имѣя никакого внѣшняго или спеціальнаго дѣла, кромѣ развѣ незамѣтныхъ и невидныхъ домашнихъ дѣлъ и заботъ о домашнемъ и о своемъ, занята по преимуществу самой собою и тайнымъ смысломъ жизни, ее наполняющимъ.

Она сама, ея внутренній образъ бытія и есть ея самое важное и главное дѣло; въ ней совершается тайная работа преобразованія самой себя изъ смутнаго естественнаго образа мечтою всего ею любимаго въ свободный образъ самого любимаго. И до тѣхъ поръ, пока эта работа не завершилась, ни другое, внѣшнее до нея, ни она до внѣшняго не прикасаются. Какъ полная чаша, она вся черезъ край исполнена самой собою или мечтою своею: въ ней для другаго нѣтъ мѣста; и надо, чтобъ въ ней уже предварительно была пустота, для того чтобъ какое-либо внѣшнее содержаніе или какіе-либо внѣшніе образы бытія могли имѣть мѣсто въ душѣ ея, могли трогать или волновать ее. Она для внѣшности вполнѣ закрыта. И если ея мечта, если размахъ ея самосознанія нейдутъ далѣе, глубже и выше, чѣмъ ея вчера и ея завтра, если струны ея жизни натянуты лишь ежедневными интересами того, что ей понравилось или не понравилось и того, чего ей хочется и желается, то и тонъ и строй ея жизни, при ея исключительномъ занятіи самой собою, отзываются непремѣнно мелочностью и тѣснотою тщеславія, обнимающаго собою лишь призраки, притязанія, мелочи и пустяки жизни. — Но если напротивъ ея мечта и живой размахъ ея самосознанія обнимаютъ собою и все назначеніе, и всю судьбу человѣка, если струны жизни ея натянуты между недосягаемо-глубокимъ воспоминаніемъ и между столь же недосягаемо высокимъ ожиданіемъ и надеждою человѣка, то, и при исключительномъ пребываніи въ самой себѣ, весь тонъ и весь строй ея жизни отзываются всею бесконечностью, всѣмъ содержаніемъ и смысломъ жизни человѣка.

Но и при всей необъятности, какъ и при крайней узкости своего жизненнаго содержанія, все же дѣвушка,

пребывая въ себѣ самой, въ своей женской мечтательности, ни къ чему другому не касается, ничего другаго не вѣдаетъ и въ своемъ невѣденіи, какъ говорятъ, витаетъ въ пространствахъ. Такое невѣденіе и такое витаніе не мѣшаютъ ей быть въ ея домашнемъ кругу полною нѣжности и вниманія ко всему, что ее окружаетъ; отъ ней вѣетъ небесами, въ которыхъ она живетъ, и бесконечнымъ смысломъ ея небесъ всѣмъ, кого она любитъ. И тѣмъ не менѣе, хотя и не велятъ называть ее небесной и отнимать у земли, она все же землѣ не принадлежитъ и живетъ не на землѣ. Потому что, замкнутая самой собою, прислушиваясь только къ музыкѣ и къ поэзіи души своей, она не вѣдаетъ другаго и остается ему чуждою.

Но когда она полюбила и вполнѣ предалась другому, она выходитъ изъ замкнутаго круга пребыванія въ самой себѣ; или лучше—въ этотъ живой кругъ ея мечты и ея внутренной жизни, ея нѣжности, ея любви, самостоятельное и отъ ней отдѣльное другое вступаетъ въ образѣ ея дѣтей. Матерью, она уже не занимается сама собою и уже не витаетъ въ пространствахъ: но доходя до полнаго самозабвеніи въ своемъ попеченіи, въ своихъ заботахъ о другомъ, она ради дѣтей своихъ въ самомъ дѣлѣ спускается на землю, и передавая имъ все, что она узнала тамъ, въ небесахъ, передавая имъ несказанное содержаніе всей бесконечности, вливая въ нихъ всю мечту своей жизни, весь смыслъ ея, она ради нихъ и чрезъ нихъ соприкасается близко и со всѣмъ земнымъ, со всѣмъ низменнымъ содержаніемъ всего другаго, всего необходимаго, всего нужнаго и полезнаго: она сама, всѣмъ существомъ своимъ, входитъ во все другое и проникаетъ его своимъ смысломъ святаго и прекраснаго.

Тѣсный кругъ частной домашней жизни подъ роднымъ кровомъ, сомкнутый ея любовью, ея же любовью и размыкается, чтобы излиться потокомъ жизненнаго смысла въ обширный кругъ площадныхъ дѣлъ и общественнаго бытія.

Еще Аристотель находилъ въ общественности существенный признакъ человѣческой природы; но къ этому должно еще прибавить, что импульсъ или стремленіе къ общественности въ женщинѣ высказывается нѣкоторымъ образомъ сильнѣе, чѣмъ въ мужчинѣ; она не можетъ не имѣть участія въ средѣ, гдѣ живутъ ея дѣти. Между тѣмъ какъ мужчина большею частью *теряется* въ частностяхъ и спеціальностяхъ общественнаго содержанія, женщина, на оборотъ, вся *находится*, какъ у себя дома, какъ въ своей сферѣ, въ средѣ всеобщихъ и существенныхъ интересовъ всей цѣлости общества.

Не даромъ и не безъ послѣдствій Периклъ искалъ общества и бесѣды съ Аспазіей: въ бесѣдахъ съ нею онъ, проникаясь женскимъ смысломъ, научался искуству управлять свободнымъ обществомъ. И вѣкъ Перикла былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и вѣкомъ Аспазіи.

Огнемъ съ очага домашняго, горящаго въ тайнѣ домашняго крова, его святынею зажигается и освящается и огонь на очагѣ общественномъ; и первоначальная, своекорыстная толкотня случайнаго рынка съ его площадною жизнью обращаются въ жизнь общества, въ его общественный смыслъ, въ его общественную святыню. Для каждаго изъ гражданъ въ самомъ обществѣ становится явнымъ тотъ самый образъ любимаго, который онъ прежде видѣлъ, зналъ и любилъ только въ тайнѣ своего дома. Въ обществѣ граждане узнаютъ, что они любятъ одно и тоже, что всѣ они связаны однимъ и тѣмъ же, что всѣ они стоятъ за одно и тоже; и что это одно и тоже и есть самое святое, ихъ общее любимое, и первый мотивъ и послѣдняя цѣль ихъ жизни: ради него въ каждомъ изъ нихъ, въ каждое мгновеніе живетъ и дышетъ полная готовность отдать все имущество и самую жизнь свою.

Тѣмъ, что граждане, защищая общественную святыню, идутъ на смерть и радостно умираютъ за нее, ихъ жертвою жизни на ея алтарѣ, каждый изъ нихъ творитъ свое отечество, которое собственно и есть незабвенный образъ ихъ беспредѣльной жертвы.

Въ какой бы то ни было средѣ, святое есть всегда жертва самимъ собою ради любимаго другаго, и первообразъ ея, изъ котораго возникаютъ въ послѣдствіи и всѣ другія жертвы, творящія и общество и отечество, есть женщина, предающая себя въ жертву своей любви, своей милости къ другому. И не напрасно всѣ народы и во всѣ времена въ символическомъ образѣ жертвы и жертвоприношенія провидѣли свое спасеніе.

Женщины на площадь не выходятъ; онѣ не принимаютъ прямаго участія въ дѣлахъ общественныхъ; онѣ не судятъ, не рядятъ и на войну не ходятъ; онѣ живутъ дома; но святое живетъ въ сердцѣ ихъ и за одно съ ихъ жизнью льется не только дома и у себя, но и въ даль, за предѣлы ихъ домашняго крова, въ самое существо всего общества, которое безъ святаго, какъ пустой домъ безъ хозяина, какъ пустая хоромина безъ жизни и безъ смысла, только рушится и валится.

Во всемъ, что живетъ и дышетъ свободно, т. е. отъ себя самого, образъ его не опредѣляется давленіемъ извнѣ, но дается ему только самымъ смысломъ, исполняющимъ его извнутри, только своимъ собственнымъ смысломъ. Смысломъ своей жизни, милостью и любовью, женщина во первыхъ исполняетъ свой домашній кровъ; ея домъ полонъ ея присутствіемъ; она своимъ образомъ сообщаетъ ему его живой, его индивидуальный, задушевный образъ, или тотъ домашній геній, который живетъ въ домѣ и вліянію котораго подпадаетъ, вліяніемъ котораго образуется все, живущее въ этомъ домѣ; его всеодушевляющій и всеобразующій геній и есть собственно жизнь женщины, царящей въ домѣ и все исполняющей въ немъ женскимъ смысломъ святаго.

Но женщины исполняютъ смысломъ своимъ не только домъ свой, но еще и все общество; онѣ сообщаютъ ему его общественный образъ, который есть лишь проявленіе того самаго смысла святаго, который онѣ въ него вдыхаютъ Явный образъ общества есть всегда лишь совершеніе всего того, что женщины въ тайнѣ, у себя дома

возлюбили, и къ чему онѣ склонили душу свою: ихъ собственный смыслъ, ихъ жизненное дыханіе проявляются во всей цѣлости общества; весь общественный уставъ, или нравы общественные, есть собственно ихъ уставъ. Онѣ въ обществѣ—его тайно образующія и животворящія, невидимыя силы

Сначала каждый домашній кровъ, ревниво скрывая при своемъ очагѣ свою особую, завѣтную тайну, которая собственно и есть его жизнь и его религія, его святое повѣрье, стоитъ въ строгой, въ себѣ замкнутой неприступности для всего другаго, для всего посторонняго,— и не допускаетъ никакого участія въ своей интимной, домашней жизни со стороны другихъ, чужихъ домовъ, которые съ своей стороны, равнымъ образомъ, тоже замкнуты въ самихъ себѣ, и тоже живутъ своею особою, отдѣльною жизнью. Особая, самобытная жизнь каждаго отдѣльнаго крова, со всѣми его повѣрьями, складывается постепенно въ самый образъ души его, въ то особое, въ тайнѣ хранимое преданіе, которымъ онъ стоитъ и держится

Но по мѣрѣ того, какъ внѣшнее общественное дѣло все болѣе и болѣе развивается и получаетъ все опредѣленнѣе значеніе роднаго общества, роднаго города или общаго для всѣхъ отечества, въ любви къ которому всѣ равно участвуютъ, по мѣрѣ того, какъ всѣ отдѣльности и особенности признаютъ, что оно исполнено образомъ и смысломъ того самаго, что есть для всѣхъ и для каждаго его безусловно любимое, его святое содержаніе жизни,—исключительная замкнутость въ себѣ особой и частной жизни постепенно стирается, и вмѣсто оной выступаетъ все шире и все полнѣе захватывающее общежитіе. Образъ всеобщаго любимаго обнимаетъ собою и растворяетъ въ себѣ всѣ частные и всѣ особые образы любимаго; такъ что смыслъ общественной жизни находитъ и свое подтвержденіе и свое исполненіе въ смыслѣ частной жизни и, на оборотъ, всѣ смыслы и всѣ значе-

нія частной жизни вполнѣ подтверждаются и совершаются всеобщимъ смысломъ общественной жизни.

Но сліяніе или раствореніе другъ въ другѣ начала частнаго или семейнаго и начала всеобщаго или общественнаго состоитъ вовсе не въ томъ, что одно другимъ поглощается, что одно въ другомъ пропадаетъ; но совершенно наоборотъ, и именно только въ томъ, что одно въ другомъ живетъ, что и то и другое взаимно другъ другомъ держатся.

Въ этомъ собственно и заключается различіе дѣйствительной всеобщности, которая, смысломъ и силою своего жизненнаго вниманія соображая все другое съ своимъ образомъ бытія, съ тѣмъ вмѣстѣ и заодно соображаетъ и свой образъ со всѣмъ другимъ и хранитъ въ себѣ какъ то, такъ и другое въ ихъ неприкосновенности,— отъ абстрактныхъ образовъ такъ называемыхъ обобщеній, при которыхъ либо единичное пропадаетъ въ общемъ, либо общее пропадаетъ въ единичномъ.

Такого рода обобщенія встрѣчаются не только въ сферѣ научности, гдѣ они очень обыкновенны и даже неизбѣжны, но нерѣдко и въ сферахъ жизни, когда ея живое, все соображающее вниманіе, разлагается и разсѣевается въ его стихійные элементы, когда общество замираетъ.

При недостаткѣ жизни, при слабости ея жизненнаго утвержденія, когда дѣйствительность общества исчезаетъ и на мѣсто ея выступаетъ реальность, общественное разложеніе проявляется или въ томъ, что семейное начало поглощаетъ своимъ частнымъ значеніемъ кровнаго родства начало общественное, и тогда цѣлость общества подтачивается и рушится тлѣтворнымъ вліяніемъ непотизма, который всего чаще встрѣчается при теократическомъ строѣ общества;—или же на оборотъ въ томъ, что начало общественное, съ своимъ общимъ толкомъ всего рыночнаго, базарнаго, площаднаго или казеннаго, вторгается въ неприкосновенную святыню частнаго, семейнаго крова и расторгаетъ завѣтный смыслъ самой жизни, обращая ее въ свое беззавѣтное торжище и на-

силіе: и тогда цѣлость общества ломится въ бездушномъ безсмыслiи и въ дикой пошлости деспотизма, полагающаго святое во внѣшней силѣ: этотъ второй родъ разложенія наиболѣе свойственъ обществамъ, охваченнымъ духомъ военщины.

Преобладающее вліяніе кровнаго или женскаго начала обыкновенно клонитъ общество къ непотизму; на оборотъ, преобладающее вліяніе площаднаго или мужскаго начала тотчасъ же ломитъ и искажаетъ жизнь и самый смыслъ общества безсмыслiемъ и насиліемъ деспотизма.

Безъ самого человѣка нѣтъ никакого общества: оно начинается, оно творится, оно и заключается только жизнью самого человѣка: и въ мѣру того, какъ развивается или же какъ глохнетъ и изсякаетъ самобытный и завѣтный смыслъ человѣческой жизни, развивается или глохнетъ и изсякаетъ и весь смыслъ жизни общественной.

Но, тогда какъ завѣтный и самобытный смыслъ всей жизни самого человѣка сосредоточивается и высказывается въ томъ глубокомъ преданіи, которымъ стоитъ и держится домашній кровъ его,—все внѣшнее содержаніе общественной жизни напротивъ измѣряется и устанавливается только внѣшними законоположеніями, въ которыхъ общество выражаетъ свое разумѣніе справедливости.

Какъ семейное преданіе, или непосредственное выраженіе кровной жизни того, изъ за чего человѣкъ живетъ, такъ и законы общественные, устанавливающіе во имя справедливости внѣшній образъ проявленія жизни человѣка, имѣютъ одинаково въ виду только то, что для человѣка есть его завѣтное и любимое, безъ котораго ему не было бы изъ за чего и жить. И преданіе и законы имѣютъ въ виду одно и тоже святое содержаніе человѣческой жизни; но въ кровномъ преданіи оно выражается непосредственно, какъ то, что и есть единственное утвержденіе и единственный смыслъ самой жизни, какъ то, чѣмъ все остальное объясняется и оправдывается, отъ чего все другое зависитъ и чѣмъ оно держится; законы же общественные имѣютъ значеніе только

рамки, которою это содержаніе обрамливаются снаружи; и еслибъ не было самого содержанія, то само собою разумѣется, что не нужно было бы и рамки.

Въ рамкѣ, самой для себя, нѣтъ никакой надобности; всѣ законы, какъ рамки для жизненнаго содержанія, конечно только ради жизни, а не ради самихъ себя; и если нѣтъ самой жизни, жизни съ ея собственнымъ смысломъ и собственнымъ интимнымъ содержаніемъ, то безъ ней не къ чему бы и законамъ быть. Если нѣтъ самого святого, то къ чему тогда всѣ пользы?

Въ законахъ выражается только отношеніе самой жизни или ея кровнаго, жизненнаго преданія къ внѣшности; но, если съ одной стороны, безъ самой жизни, одна чистая внѣшность была бы только явностью безсмыслія; то съ другой стороны и самая жизнь, изъятая отъ всякой внѣшности, какъ значеніе безъ своего знака, была бы только тайностью невыразимой неопредѣленности, которая ни для кого и ни для чего ничего бы не означала.

По этому внутреннее и кровное преданіе жизни не можетъ оставаться замкнутымъ въ себѣ; но должно для собственнаго опредѣленія прикоснуться къ внѣшности, въ которой оно по необходимости и обрамливаетъ себя ея внѣшнимъ образомъ, внѣшними знаками законовъ общественныхъ или границами внѣшности. Съ другой стороны и законы или внѣшніе знаки и границы жизни, рамки, въ которыя она вставляется, обнимая собою, какъ свое содержаніе, какъ свой смыслъ, самую жизнь и ея преданіе,—не могутъ оставаться только внѣшними опредѣленіями и узаконеніями, но проникаются и самымъ смысломъ жизненнаго преданія и являются твердыми установленіями общей нравственности.

Такимъ образомъ, вслѣдствіе расширенія круга общежитія, вслѣдствіе сліянія и растворенія всѣхъ исключительныхъ частностей особаго бытія въ всеобщей жизни цѣлаго общества, съ одной стороны всеобщій, всѣмъ извѣстный, все проникающій и все обнимающій завѣтный

смыслъ святаго, кровнаго преданія получаетъ все значеніе и всю властность всеобще признаннаго и для всѣхъ самимъ собою разумѣющагося, нравственнаго закона; а съ другой стороны, и внѣшнія рамки жизни или общіе законы справедливости, подразумѣвая и подтверждая собою и святое, являются тоже съ жизненнымъ значеніемъ самой собою разумѣющейся нравственности и безнравственными ни въ какомъ случаѣ быть не могутъ. Какъ бы ни была велика или безгранична общественная властность, она ни коимъ образомъ не властна установить безнравственныхъ законовъ.

Существенное различіе нравственнаго закона, непосредственно истекающаго изъ самаго преданія, отъ законовъ, устанавливаемыхъ властностью общества, состоитъ въ томъ, что послѣдніе, исходя отъ внѣшности, отъ внѣшней нужды или пользы, издаются по мѣрѣ надобности, въ видѣ многихъ и различныхъ узаконеній, на время, на срокъ, для той или другой мѣстности, и притомъ издаются людьми, которые могутъ въ другое время, при другихъ обстоятельствамъ, и отмѣнить все ими установляемое. Напротивъ, нравственный законъ, исходящій отъ самого преданія, какъ дыханіе самой жизни, есть единый, неизмѣнный и вѣчный законъ: его никто не издавалъ, никто не устанавливалъ; а потому никто ни отмѣнить, ни измѣнить его не можетъ. Онъ стоитъ самъ собою отъ вѣчности и есть безусловное утвержденіе, идущее непосредственно отъ завѣтнаго смысла самой жизни и выражающее ея бесконечное назначеніе, независимо отъ всѣхъ треволненій, колебаній и превратности измѣнчивой и зыбкой среды внѣшняго существованія. Тѣ внѣшнія, временныя и измѣнчивыя узаконенія — суть только людскія человѣческія установленія, въ которыхъ мужчины, не вѣдающіе святаго и движимые только временными побужденіями, выражаютъ свои временныя соображенія о томъ, что слѣдуетъ и чего не слѣдуетъ, о томъ, что, по ихъ мнѣнію, хорошо и справедливо, и что — худо и несправеливо. Но женщина не внушается и

не руководится временными соображеніями: она вѣдаетъ только вѣчный и неизмѣнный смыслъ святаго и, сливаясь всѣмъ существомъ своимъ съ кровнымъ преданіемъ, слѣдуетъ только одному никѣмъ не изданному, но и никѣмъ не отмѣнимому, предвѣчному, божественному и божескому закону, который есть самое основаніе для всего человѣчества

Кровное преданіе, или нравственный законъ, даже и облекаясь въ образъ властнаго закона, все же сохраняетъ въ себѣ свой первоначальный смыслъ безусловной самобытности или полной свободы бытія; и для безпредѣльнаго развитія всего его содержанія, по смыслу его свободы въ себѣ самомъ, всѣ границы, всѣ рамки, извнѣ на него налагаемыя, являются только внѣшнимъ стѣсненіемъ. Съ другой стороны, и законы, временно устанавливаемые властностью общества, и въ образѣ опредѣленій самой нравственности, все же несутъ съ собою значеніе предѣловъ; и для ихъ ограничивающаго и опредѣляющаго смысла, требующаго лишь того, что есть необходимость, всякая ими неопредѣленная самобытность жизненнаго явленія, представляется какъ нѣчто неопредѣленное, своевольное и потому самому незаконное.

Вслѣдствіе чего самый смыслъ или содержаніе закона, въ образѣ кровнаго преданія жизни, и внѣшнее выраженіе этого же закона, которымъ налагается рамка, граница или мѣра безмѣрному жизненному содержанію, состоятъ другъ съ другомъ въ постоянномъ антагонизмѣ, въ которомъ свобода внутренняго и необходимость внѣшняго бытья другъ другомъ отрицаются, колеблются, возмущаются или стѣсняются. То внутренняя жизнь съ своими требованіями и порывами, переступая предѣлы, стремится раздаться въ непомѣрное бытіе; то на оборотъ, внѣшнее выраженіе жизни въ образѣ ея временныхъ постановленій, мѣръ и законовъ, пытается стѣснить и самое содержаніе жизни въ стѣснительныхъ предѣлахъ своей внѣшней рамки, своего внѣшняго обобщенія.

Внутреннее или жизненное начало всего обществен-

наго бытія выливается въ нравы общества; а его внѣшнее существованіе опредѣляется его временными законами: нравы общества, какъ само собою разумѣется, не могутъ быть противными общественнымъ законамъ; они должны не только согласоваться съ законами, но и въ самомъ существѣ своемъ быть законными. Точно также никакіе законы не могутъ стоять въ противность нравамъ. Законы, извѣстное дѣло, не только по общему смыслу своему, но и въ каждомъ особомъ проявленіи, какъ такое или иное узаконеніе, должны быть непремѣнно нравственными.

Такъ что содержаніе, утверждаемое нравами, должно бы всегда являться въ образѣ законности, а всѣ устанавливаемые законы должны бы имѣть своею сущностью самую нравственность.

Но что должно быть само по себѣ есть еще только требованіе или только назначеніе, но еще не самое исполненіе; то, что должно быть, быть можетъ и есть, но только невидимо, тайно и внутри; а видимымъ образомъ, на самомъ дѣлѣ и явно, оно можетъ и не быть, и очень часто не бываетъ. Отъ всего, что бываетъ въ самомъ дѣлѣ, отъ всего, что есть явнымъ образомъ настоящее и реальное бытье, на то, что должно быть—въ большинствѣ случаевъ только указываютъ, только ссылаются или какъ на завѣтъ прошедшаго, въ которомъ добро *было* дѣйствительностью, или же какъ на ожиданіе въ будущемъ, въ которомъ, вслѣдствіе развитія и прогресса, добро *будетъ* дѣйствительностью.

Художникъ подобнымъ образомъ можетъ быть тайно исполненъ мыслью о великомъ художественномъ произведеніи, которое въ немъ или какъ воспоминаніе изъ прошедшихъ образовъ, или же какъ ожиданіе исполненія въ будущемъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ имѣть передъ собою явно только полу-отесанную или полу-оболваненную глыбу мрамора, которая вовсе не то, что должно быть. Предъ этою глыбою онъ, съ готовностью работать, съ рѣзцомъ въ рукахъ, стоитъ, исполненный своимъ тай-

нымъ вдохновеніемъ, которое когда то прозвучало ему, какъ сказаніе изъ былаго, и столь же тайною надеждою выполнить явно то, къ чему онъ стремится въ себѣ самомъ. Но неотесанная глыба, по природѣ своей, не имѣетъ ничего общаго съ образомъ его вдохновенія и его ожиданія. Рука художника уже занесена; руководимый своимъ вдохновеніемъ и соображая строеніе и природу мраморной глыбы, онъ уже готовъ нанесть ударъ; но руку его останавливаетъ страхъ: этимъ ударомъ онъ или смутитъ его невидимо одушевляющій образъ, или исказитъ и сдѣлаетъ негодною ту глыбу мрамора, надъ которою онъ уже потратилъ не мало труда. И рука его падаетъ въ нерѣшительности и въ сомнѣніи. Онъ долженъ былъ бы рѣшиться неотлагательно, но необдуманнымъ, поспѣшнымъ, несоображеннымъ рѣшеніемъ онъ можетъ и все испортить.

Художникъ однакожь, если его вдохновеніе не особенно живо, если его одолѣваетъ сомнѣніе, все же имѣетъ возможность отложить до болѣе счастливой минуты исполненіе задуманнаго имъ творенія. Но общество своей жизни и своего творческаго дѣла не можетъ откладывать ни на одинъ мигъ; оно вынуждено необходимостью, ничего не выжидая, въ каждое текущее мгновеніе или рѣшать дѣло свое и творить свою свободу, свою дѣйствительность въ смыслѣ своего назначенія, или же подчиняться внѣшнимъ силамъ и враждебному давленію неумолимой, никогда не дремлющей судьбы.

Общественная, безотлагательно рѣшающая сила есть въ обществѣ его авторитетная властность, безъ которой оно не могло бы существовать. Своею властностью общество и издаетъ всѣ свои узаконенія и постановленія, которыми оно, какъ ударами рѣзца, изсѣкаетъ изъ неотесанной глыбы своего реальнаго, естественнаго существованія свой дѣйствительный человѣчески-общественный образъ бытія.

Но властность, присущая обществу, и опредѣляющая, измѣряющая его жизнь издаваемыми ею законами,

внушается или по крайней мѣрѣ должна внушаться не пустотою своихъ отвлеченныхъ или произвольныхъ измышленій и обобщеній, но только дѣйствительнымъ и живымъ соображеніемъ живаго смысла существующихъ нравовъ съ настоятельными, разнообразными требованіями безостановочно текущаго мгновенія.

Но между самымъ смысломъ существующихъ нравовъ и между потребностями каждаго мгновенія вовсе нѣтъ никакой сообразности, или есть лишь такая сообразность, какая можетъ быть между безусловною самобытностью и между безусловною необходимостью, между полною свободою и между совершеннымъ порядкомъ.

То самое противорѣчіе, которое прежде предстояло лишь въ противорѣчивыхъ образахъ самосознательнаго помысла, является въ обществѣ въ реально общественныхъ образахъ его бытія. Но вся властность общества не властна сообразить этого реальнаго противорѣчія дѣйствительнымъ или истиннымъ образомъ; и потому она по необходимости прибѣгаетъ только къ временнымъ мѣрамъ, которыми и пытается, если не вполнѣ удовлетворить, то по крайней мѣрѣ отстранить хотя на время настоятельную злобу дня и, чередуясь, или указываетъ и ссылается на незыблемое добро, всѣмъ извѣстное по завѣту изъ прошедшаго и, усиленно направляя въ томъ смыслѣ свои властныя дѣйствія, старается охранять существующіе нравы отъ порчи, отъ растлѣнія, отъ подмывающихъ вліяній современности; или же на оборотъ, возлагаетъ всѣ надежды свои на успѣхи развитія въ будущемъ и съ силою подвигаетъ все общество по пути преобразованій и прогресса; и такимъ образомъ, смотря по обстоятельствамъ, колеблясь то въ ту, то въ другую сторону, попадаетъ то въ одну, то въ другую несообразность.

Общественные нравы и ихъ завѣтный смыслъ святаго всегда отстаютъ отъ текущаго мгновенія и, какъ отсталое, обыкновенно отзываясь нѣкоторымъ имъ свой-

ственнымъ архаизмомъ, относятся, если не вполнѣ враждебно, то во всякомъ случаѣ съ крайнимъ недовѣріемъ, къ современнымъ стремленіямъ и ко всякому новшеству. Строго и сурово во всемъ придерживаясь старины, когда все было и лучше и проще, когда жилось и шире и веселѣе, и честнѣе и сильнѣе, они крѣпко стоятъ, опираясь на тотъ святой завѣтъ, который, исходя изъ глубокой древности всего прошедшаго, представляется во всеобъемлющемъ образѣ религіи и благочестія къ богамъ.

Религія, какъ бы она впрочемъ ни выражалась внѣшнимъ образомъ и содержаніемъ своей догматики, своей символистики, своихъ мистерій, своихъ обрядовъ, своихъ повѣрій и суевѣрій,—есть по существу своему всегда непосредственный отзывъ души человѣка и всей его жизни на всю бесконечность, или то въ бесконечность уходящее, то недосягаемо-глубокое преданіе, въ которомъ человѣкъ, зная и помня о своемъ бесконечномъ назначеніи, о своемъ бесконечномъ человѣческомъ достоинствѣ, утверждаетъ на перекоръ всякой реальности, что только безусловно святое есть начало и конецъ, первый мотивъ и источникъ и послѣдняя цѣль, и безусловная истина всего его существованія; что за тѣмъ все остальное есть только грубая и стихійная матерія, естественность, реальность, тьма невѣжества, которыя ему предстоитъ проникнуть, просвѣтить и преобразовать своимъ свѣтлымъ и бесконечнымъ образомъ.

Но религіозное преданіе, уже по самой глубинѣ своей, всегда представляется очень отдаленнымъ отъ настоящаго, отъ современно-текущаго мгновенія. Безъ чрезвычайно великаго вниманія, въ разсѣянности естественнаго реализма, его очень трудно помнить въ средѣ вѣчно вновь наступающихъ, настоятельныхъ нуждъ и заботъ существованія; и потому оно обыкновенно, ото дня на день, все болѣе и болѣе забывается, все болѣе удаляется, по мѣрѣ того, какъ нужда и забота ежедневной жизни все близятся, все ближе и ближе наступаютъ на душу, сжимая ее все тѣснѣе и тѣснѣе желѣзнымъ кольцемъ

своихъ неотложныхъ настояній: такъ что наконецъ, когда эти требованія и настоянія обращаются въ самую наличность и въ самую насущность всей жизни человѣка, живой смыслъ его завѣтнаго и религіознаго преданія уходитъ въ столь бесконечную даль и представляется до того древнимъ, до того глубокимъ и далекимъ отъ всего, что есть въ самомъ дѣлѣ такъ настоятельно, такъ реально и такъ близко, что онъ въ этой глубинѣ и дали какъ бы и совсѣмъ теряется изъ вида, забывается, разсѣевается и исчезаетъ: отъ него остаются въ памяти только нѣкоторые архаическіе слова и знаки, стараго значенія которыхъ уже почти никто и не понимаетъ; подъ нихъ обыкновенно подкладывается иное, новое значеніе, болѣе реальное и болѣе сообразное съ тѣмъ, что является самою реальностью.

Но чѣмъ далѣе отходитъ, чѣмъ болѣе исчезаетъ въ дали завѣтное, святое преданіе, тѣмъ усиленнѣе, тѣмъ напряженнѣе стараются сохранить о немъ память, удержать его, какъ святыню и какъ самое основаніе общественнаго строя, нѣкоторые, немногіе патриціанскіе роды, которые вообще, взирая съ неохотою на зыбкую неустойчивость и непостоянство шаткаго и вѣчно колеблющагося, современнаго строя и его направленія, тѣмъ тверже, тѣмъ неподвижнѣе устанавливаются на почвѣ древняго преданія и на всѣхъ его архаизмахъ и, уклоняясь отъ всякаго участія въ дѣлахъ современности, тѣмъ болѣе живутъ воспоминаніемъ о минувшихъ дѣлахъ прошедшаго.

Памятующая о своемъ родѣ аристократія общества есть въ немъ съ тѣмъ вмѣстѣ и представительница свободы или самобытности человѣка противъ всѣхъ посягательствъ внѣшняго, общественнаго строя и его распорядковъ. Смысломъ свободы полагается или предполагается бесконечное достоинство человѣка, вслѣдствіе котораго онъ самъ по себѣ есть неприкосновенное и святое; такъ что всякое насиліе и всякое посягательство на него являются святотатствомъ. Въ гордомъ сознаніи

своего особаго, человѣческаго достоинства, ставящаго его выше всякой естественности, всякое отдѣльное лице получаетъ значеніе особы: а потому аристократія патриціанскихъ родовъ держится и стоитъ нѣсколько поодаль отъ остальныхъ группъ общества и, не поддаваясь его отвлеченному обобщенію, не смѣшивается съ его общегражданскимъ содержаніемъ.

Но такъ какъ дѣйствительный смыслъ святаго заключается въ томъ, что оно есть безусловная жертва любви и милости, предающая себя ради спасенія всего другаго, то за отдѣленіемъ себя отъ всего другаго и вслѣдствіе своей особой исключительности, аристократія, впадая вмѣсто милости въ высокомѣріе, исполняетъ свое назначеніе не дѣйствительно, но только формально. Ея дѣйствительный смыслъ не пребываетъ въ ней, какъ ея настоящее содержаніе, а только указывается, только предполагается ею, какъ нѣчто, что въ самомъ дѣлѣ было въ минувшемъ прошедшемъ и что долженствовало бы быть и нынѣ, но чего однако къ сожалѣнію нѣтъ: а есть напротивъ все другое, вовсе не достойное, вовсе не святое, а какъ и повсюду, столь же реальное и пошлое содержаніе, только прикрытое тонкою, ничего не скрывающею оболочкою нѣкоторой, еще удержанной обрядности и приличности, нѣкотораго условнаго лицемѣрія, нѣкотораго приличнаго образа, исполненнаго ему вовсе не приличнымъ содержаніемъ.

Въ противоположность аристократіи, которая стоитъ и держится за старые нравы, за ихъ строгое охраненіе противъ всякой порчи и противъ нововведеній, вся масса плебеевъ, вся многолюдная толпа, все большинство людей, не помнящихъ родства своего и не имѣющихъ прошедшаго,—имѣя болѣе въ виду все нужное и полезное нежели святое, не измѣряютъ и не опредѣляютъ своихъ потребностей нравами, а наоборотъ самые нравы свои принаравливаютъ къ своимъ надобностямъ и къ тому, что считаютъ нужнымъ и полезнымъ.

Разнородные слои плебеевъ или той многообразной

массы людей всякаго состоянія и положенія, живущей, движущейся, тѣснящейся и толкающейся подъ разными наименованіями, въ разныхъ званіяхъ, за тѣсно и ревниво замкнутыми предѣлами аристократіи, составляютъ демократію общества, которая вся живетъ и дышетъ не воспоминаніемъ изъ прошедшаго, а напротивъ только своими ожиданіями, своими страхами или надеждами въ наступающемъ будущемъ.

Въ противоположность прошедшему, которое, какъ опытъ, какъ знаніе, какъ свѣтъ, есть образъ невозмутимаго, отъ посягательствъ и колебаній внѣшности изъятаго бытія, будущее является непроглядною тьмою и смутою, матеріею неопредѣленности и тумановъ невѣжества, стихіею, о которой никому невѣдомо, что въ ней таится, и которая подвластна внѣшней судьбѣ.

Аристократизмъ, какъ общественное сознаніе о бытіи завершенномъ, весь опираясь о смыслъ и преданіе изъ прошедшаго, стоитъ и держится за то, что должно быть, или за самое назначеніе человѣка и естественно находится въ самомъ рѣзкомъ антагонизмѣ съ демократизмомъ, который, какъ противное, общественное сознаніе о несовершенномъ, реально-естественномъ существованіи общества, испытывая на себѣ всю силу реальныхъ вещей, живетъ смутными ожиданіями, страхами и надеждами, и опираясь о смутную матерію будущаго, вмѣстѣ съ нею подпадаетъ подъ власть невѣдомой, всесильной судьбы.

Аристократія патриціанскихъ родовъ, гордая сознаніемъ о своемъ древнемъ происхожденіи, и демократія народа, состоящая изъ стихійной массы людей, не помнящихъ родства и не имѣющихъ ни прошедшаго, ни его преданія, предстоятъ другъ другу въ обществѣ какъ назначеніе человѣка и какъ судьба его; и во взаимномъ антагонизмѣ ихъ противоположныхъ направленій, притязаній и утвержденій, въ ихъ борьбѣ и спорѣ другъ съ другомъ, развивается и истекаетъ великій общественный споръ между внутреннимъ смысломъ свободы и между внѣшними требованіями необходимости, нужды и неволи.

Смыслъ свободы есть смыслъ не для всѣхъ и не для каждаго одинаково понятный; а потому онъ всегда и представляется особымъ, не для всѣхъ и не для каждаго доступнымъ смысломъ. Напротивъ, требованія необходимости, нужды и неволи всѣмъ и каждому вполнѣ понятны и высказываются въ обществѣ, какъ его широкое, всѣмъ одинаково извѣстное, всѣмъ одинаково доступное обобщеніе.

Аристократизмъ общества, утверждаясь на почвѣ святаго преданія и подразумѣвая въ немъ истинный смыслъ свободы, отстаиваетъ, какъ самую нравственность, свое особое, святое значеніе противъ посягательствъ внѣшняго, все обобщающаго закона. Въ его средѣ, именно въ силу ея особенности, выдвигается и выростаетъ особое и преобладающее значеніе женщины. Демократизмъ, напротивъ, стоитъ только за общій законъ и требуетъ, помимо всякихъ особенностей и привиллегій, только общей, вполнѣ равномѣрной законности. Его стихійно-реальные элементы, проявляясь въ обществѣ его реальнымъ или, что все равно, его абстрактнымъ обобщеніемъ, не признаютъ ни въ себѣ самихъ и ни въ чемъ другомъ ничего особаго, ничего святаго и все измѣряютъ на одну общую мѣру внѣшней полезности. Въ этой сферѣ всѣ права и самое достоинство человѣка вовсе не въ немъ самомъ и ужъ никакъ не въ его особѣ, а только въ его значеніи для другаго и въ силу его признанія другимъ, въ мѣру его большей или меньшей полезности: измѣряемыя на этотъ аршинъ достоинство и значеніе, а съ тѣмъ вмѣстѣ и права женщины, оказываются наименьшими; а потому въ реальной средѣ демократизма, практически — женщина находится въ постоянномъ подчиненіи предъ преобладающимъ значеніемъ мужчины и ея права вполнѣ естественно во всемъ уступаютъ и подчиняются его правамъ. Но съ другой стороны, тотъ же демократизмъ, измѣряя все и всѣхъ на одинъ общій аршинъ, не признавая ни въ комъ никакихъ особенностей, отрицая самую личность человѣка, доводитъ свое обобщеніе до теоретизма

научности, въ которомъ, подъ опредѣленіемъ: *человѣкъ вообще*, разумѣется нѣкоторое абстрактное обобщеніе, отрицающее всѣ особенности и между прочими также и особенность, отличающую женщину отъ мужчины; на этой почвѣ, уже теоретическаго обобщенія, возникаетъ ученіе о полномъ равенствѣ правъ мужчины и женщины. Но такое ученіе вытекаетъ не изъ сознанія о ихъ полноправности, а напротивъ только изъ сознанія общей безправности человѣка. Въ сферѣ, гдѣ нѣтъ никакого права, а только одна нужда, всѣ по необходимости оказываются равноправными.

На реально-естественной или, что все равно, на абстрактно научной почвѣ, человѣкъ самъ по себѣ и въ себѣ самомъ не заключаетъ никакого смысла, не имѣетъ никакого значенія, никакого достоинства и не можетъ быть признаваемъ за что нибудь самъ отъ себя и самъ собою. Его мнимая особность, опираясь на которой онъ воображаетъ быть самобытностью, въ сферѣ обобщенія оказывается лишь его пустымъ и несноснымъ притязаніемъ, котораго она въ немъ не допускаетъ и не терпитъ. Въ немъ, извѣстное дѣло, кромѣ общихъ, естественныхъ потребностей, свойственныхъ ему, какъ и всѣмъ людямъ, нѣтъ ничего особаго, ничего самобытнаго, и ничто никому такъ не претитъ, какъ именно его притязаніе быть особою и не мѣриться тѣмъ же аршиномъ, которымъ и всѣ мѣрятся.

Въ этой средѣ демократическаго обобщенія и безправія человѣкъ не считается особою и не можетъ быть свободнымъ: о его свободѣ не можетъ быть и рѣчи, потому что, кто онъ и что онъ такое, чтобъ быть свободнымъ и чтобъ выдѣлять себя изъ общаго строя полнѣйшей зависимости отъ всего другаго? самъ по себѣ онъ — ничто и ни въ какомъ отношеніи не можетъ быть самобытно самимъ собою. Въ немъ нѣтъ никакого основанія для его свободы; и какъ теоретическое сознаніе демократизма, научность положительно удостовѣряетъ, что свобода пустой мифъ, что ея вовсе нѣтъ и столь

же мало въ обществѣ, какъ и во всей природѣ. Она есть лишь пустое измышленіе теологіи и метафизики, а положительная наука не можетъ указать для ней ни мѣста, ни времени. Свободы человѣка нѣтъ; есть вещи, есть сила вещей, порядки вещей, отношенія вещей, есть реальность, и въ ней — ни единаго уголка, ни единаго мгновенія для свободы.

А потому, несвободная, движимая только побужденіями своихъ нуждъ и потребностей масса людей является игралищемъ внѣшнихъ силъ и страстей своихъ; она совершенно безотвѣтна; ей совершенно напрасно толковать о долгѣ, въ ней нѣтъ почвы для нравственности; она придерживается и законности, потому что законностью всего лучше и всего тверже обеспечиваются корыстные виды, въ которыхъ и высказываются всѣ мотивы ея реальнаго, демократическаго бытія. Подчиняясь дѣйствующимъ въ ней побужденіямъ и силѣ необходимости, она беззавѣтно отдается тому или тѣмъ, кто умѣетъ льстить ея страстямъ, кто держитъ въ рукахъ своихъ возможность и средства удовлетворить или по крайней мѣрѣ обмануть обѣщаніями ея гнетущую нужду, ея корыстныя ожиданія. Вслѣдствіе чего ее очень возможно смутить, встревожить, взволновать во всякое время; при нѣкоторомъ умѣніи обращаться съ нею, ее всегда возможно купить: цѣна ея всегда выставлена на томъ рынкѣ, гдѣ производятся и купля, и продажа всего на свѣтѣ, гдѣ и человѣкъ, со всѣми его достоинствами, правами и притязаніями, продается и покупается по впередъ обозначенной, рыночной цѣнѣ. Потому что, не имѣя ничего особаго, ничего святаго въ себѣ самомъ, онъ есть продажная вещь.

Несвободная, естественная масса, которую всегда разумѣютъ подъ общимъ наименованіемъ люди, исповѣдуея пользу ради пользы, всегда расположена продать человѣческое право первородства за блюдо чечевицы, дѣйствительность за реальность. Она составляетъ собою то большинство общества, на которое обыкновенно ссы-

лается демократизмъ, какъ на силу свою, и которое между тѣмъ само по себѣ совершенно неуловимо; такъ какъ именемъ его, по самой его неопредѣленности, можно безразлично выставлять и поддерживать всѣ возможныя и самыя противорѣчивыя утвержденія.

Стихійная масса общественнаго большинства, легко поддаваясь всякому образу бытія, вслѣдствіе самой стихійности своей, своего дѣйствительнаго и опредѣленнаго образа собственно не имѣетъ, но постоянно къ нему стремится; онъ ей мерещется въ видѣ той образованности, въ которой она нуждается, которою ей слѣдуетъ проникнуться: но образующій образъ сокрытъ отъ ней и хранится въ далекой, въ невозмутимой сферѣ прошедшаго; она же сама, какъ самая стихія будущаго, какъ реальная матерія естественнаго бытья, есть только сфера всего настоящаго невѣжества, въ которой нѣтъ ни образованности, ни образующаго образа. И потому она изъ себя только ссылается, только указываетъ на образованность, какъ на нѣчто желаемое и предстоящее вдали, какъ на предметъ своихъ стремленій, ожиданій, надеждъ, исполненіе которыхъ предвидится только въ отдаленномъ будущемъ. О томъ, что такое и въ чемъ состоитъ самая образованность, невѣжественная, необразованная масса судитъ, разумѣется, своимъ невѣжественнымъ образомъ, только по недостатку, только чрезъ отсутствіе въ ней образованности, и знаетъ такъ, какъ можно знать о томъ, что отстоитъ недосягаемо далеко.

Но если все, лежащее въ далекомъ прошедшемъ, еще болѣе удаляется чрезъ забвеніе, то на оборотъ, все отдаленное въ будущемъ — силою ожиданія и живыхъ надеждъ все болѣе приближается. Вслѣдствіе чего уже и самая потребность образованности и самое стремленіе къ ней непремѣнно складываются въ видъ и въ образъ наличной образованности. Сильное желаніе, стремленіе и надежда обладать чѣмъ-нибудь сплошь да рядомъ мерещутся уже и самымъ обладаніемъ. Конечно, образованность, которая мерещется, вслѣдствіе надеждъ и стрем-

ленія къ ней, еще не есть дѣйствительная образованность, а только призракъ ея, который въ демократизмѣ и проявляется, какъ нѣкоторый ему свойственный теоретизмъ, смотря по господствующему направленію, или въ видѣ всѣмъ извѣстной, ходячей философіи, какъ то было въ XVIII столѣтіи, или же въ видѣ всѣмъ извѣстной и столь же ходячей научности съ притязаніемъ на положительное знаніе, которою отличается наше время.

Хотя и не съ такимъ пыломъ увлеченія и съ несравненно большимъ благонравіемъ, но и современная научность, какъ и бывшая въ ходу философія, является въ своемъ основаніи все тѣмъ же абстрактнымъ обобщеніемъ, которое, подводя человѣка подъ общее правило всякаго естественнаго существованія и отрицая дѣйствительность человѣческаго образа, тѣмъ самымъ оказывается только мнимою образованностью, самымъ невѣжествомъ, или же научнымъ отрицаніемъ образованности. Потому что помимо человѣческаго образа, который и есть утвержденіе образованности, никакой образованности, кромѣ мнимой, состояться не можетъ.

Но мнимая образованность, или та научность, тотъ призракъ образованности, на которые демократизмъ ссылается, имѣютъ въ его сферѣ то же значеніе, какое имѣютъ нравы или та нравственность вообще, на которую ссылается аристократизмъ въ своей сферѣ. Какъ та образованность, такъ и эта нравственность — одинаково призрачны: съ тѣмъ различіемъ, что первая есть демократическій —, а вторая — аристократическій призракъ.

Мнимая нравственность аристократіи и столь же мнимая образованность демократіи служатъ для каждой изъ сторонъ не только основаніемъ, на которое онѣ опираются, но и оружіемъ противъ противной стороны: консерватизмъ аристократіи во имя нравственности враждуетъ противъ радикализма и безнравственности демократіи, которая съ своей стороны во имя образованности враждуетъ съ обскурантизмомъ, съ предразсудками и закоснѣлымъ невѣжествомъ аристократіи.

Хотя и образованность демократіи—не дѣйствительная, а только мнимая, или какъ будто бы образованность, хотя и нравственность аристократіи, равнымъ образомъ, не дѣйствительная, а только мнимая, или какъ-будто бы нравственность; но тѣмъ не менѣе, каждая изъ сторонъ требуетъ, чтобы ея мнимому *какъ-будто бы* придавалось все значеніе дѣйствительности, и уличая ей противную сторону въ ея неправдѣ, никакъ не видитъ или не хочетъ увидѣть, что она и сама грѣшитъ все тою же неправдою, выдавая свою ложь за истину. Ни аристократія не вѣритъ въ свою нравственность, ни демократія не вѣритъ въ свою образованность, развѣ только по наивности, а между тѣмъ и та и другая изъ себя выходятъ, чтобы заставить всѣхъ другихъ увѣровать въ то, во что онѣ сами не вѣрятъ. Изъ всѣхъ обмановъ этотъ видъ обмана есть наихудшій: кто имъ обманываетъ, тотъ и самъ не входитъ въ правду и не допускаетъ, чтобъ и другіе входили въ нее.

Не смотря на благонамѣренныя усилія посредниковъ, которые съ цѣлью пріискать сносный образъ примиренія, modus vivendi, берутъ половинную неправду одной изъ сторонъ и урѣзываютъ ее половинною неправдою отъ другой, и тѣмъ возстановляютъ противъ себя и ту и другую, противныя, другъ съ другомъ враждующія стороны ни на какомъ компромиссѣ успокоиться и удовлетвориться не могутъ.

И нравственность аристократіи, и образованность демократіи предстоятъ другъ другу въ обществѣ, какъ два другъ другу враждебные и одинаково ненавистные призрака. И та и другая взаимно просматриваютъ другъ друга насквозь. Каждая изъ нихъ очень легко обманывается по отношенію къ себѣ самой; но насчетъ другой, противной стороны, она обмануться никакъ не можетъ: ея ложь ей слишкомъ явно видна.

Въ образованности демократіи — аристократія ясно видитъ лишь безстыдное безобразіе разнузданныхъ, буйныхъ, ни чѣмъ не сдерживаемыхъ страстей, притязаній,

поползновеній, безсовѣстную продажность, развратъ, распутство и отъявленное, непомѣрно-заносчивое невѣжество.

Съ своей стороны и демократія въ мнимой нравственности аристократіи видитъ только лицемѣріе, обманъ, своекорыстіе и нестерпимое, ненавистное высокомѣріе.

Всѣмъ отлично извѣстно, что патриціи одно только имѣютъ въ виду, какъ бы имъ забрать весь народъ въ свои руки, какъ бы подъ предлогомъ охраненія нравовъ наложить на всѣхъ печать молчанія, чтобы беззаботно жить въ роскоши и въ удовольствіи потомъ и кровью тѣхъ, кого они угнетаютъ. Но покуда демосъ живъ, онъ зорко слѣдитъ за ихъ махинаціями, происками и домогательствами и не допуститъ осуществиться ихъ кознямъ и злоумышленіямъ.

Въ этой борьбѣ плебсъ конечно имѣетъ на своей сторонѣ стихійное большинство, состоящее изъ всѣхъ элементовъ невѣжества и необразованности. Но съ своей стороны патриціи, хотя ихъ и несравненно меньше числомъ, хотя физически — стихійная сила со всею ея научностью противъ нихъ, владѣютъ знакомъ и смысломъ религіи и посредствомъ оной держатъ великое большинство народа и самые глубокіе слои его въ своихъ рукахъ.

Народъ предается тѣмъ или слѣдуетъ за тѣми, кто обладаетъ средствами и способами дѣйствовать на него или прельщать его надеждами или обѣщаніями, касающимися настоятельныхъ нуждъ, пользъ или потребностей его жизни. Но между всѣми нуждами и пользами смыслъ, надежды и обѣщанія религіи сказываются народу столь безусловно и столь бесконечно нужными и полезными, что безъ нихъ онъ обходиться не можетъ. — Взаимное треніе и сопротивленіе другъ другу всѣхъ вещей, всѣхъ реальныхъ отношеній и всѣхъ существъ внѣшняго міра

бесконечно велики: никакая конечная сила преодолѣть ихъ не въ состояніи. И много-умный, хитрый и смышленый человѣкъ, въ постоянномъ спорѣ своемъ и въ непрекращаемой брани съ титаническими силами вещнаго и внѣшняго міра, былъ бы ими неминуемо стертъ въ ничтожество, его человѣческій міръ рухнулъ бы и пропалъ безслѣдно, если бъ онъ не могъ, какъ Геркулесъ Антея, взвѣсить на себѣ самомъ всѣ силы земли бесконечною силою, почерпаемою имъ изъ смысла религіи, изъ смысла того глубокаго воспоминанія, которое одно и говоритъ ему о бесконечности его человѣческаго назначенія. Бесконечность взвѣшивается и можетъ быть взвѣшена только бесконечностью. И человѣкъ взвѣшиваетъ всю экстенсивную бесконечность внѣшняго міра, только интенсивною бесконечностью живущаго въ немъ смысла, который и есть въ немъ его Геркулесовская мощь и его всемогущество.

Сила внѣшней судьбы, гнетущей человѣка, бесконечно велика; и измѣрить всю ея бесконечность, устоять противъ ней въ настоящемъ, питаясь надеждою одолѣть ее когда-нибудь въ будущемъ, человѣкъ въ состояніи только внутреннею силою той бесконечности, которая присуща ему самому, какъ его бесконечное человѣческое назначеніе, какъ незыблемое утвержденіе его религіи.

Чѣмъ болѣе народъ вѣдается и имѣетъ дѣло съ неодолимою силою внѣшности, чѣмъ сильнѣе онъ испытываетъ черствое, непомѣрное треніе вещей, тѣмъ болѣе онъ нуждается въ знакахъ, въ словахъ и въ смыслѣ религіи: но этими знаками, этими словами, и этимъ смысломъ обладаютъ только патриціанскіе роды; мѣщанство не имѣетъ о нихъ ни малѣйшаго понятія. И потому народъ въ своей цѣлости никогда не можетъ оторваться отъ ненавистной ему аристократіи: она держитъ въ рукахъ своихъ самый образъ его существованія, тотъ образъ, безъ котораго это существованіе было бы лишь раздавлено непомѣрностью необоримаго насилія.

И если не въ образѣ мѣщанства, то по крайней

мѣрѣ въ образѣ всеобщей стихіи народа, демократія накрѣпко, неразрывно связана съ аристократіей.

Съ другой стороны и аристократія, отрицая безобразіе, представляющееся ей въ призрачной образованности демократіи,—научается различать въ ней мѣщанство, или ничѣмъ не сдержанную публику, эту самую внѣшнюю и самую поверхностную оболочку народа, отъ самаго народа, разумѣемаго подъ обозначеніемъ—простой или настоящій народъ. И чѣмъ ей противнѣе всѣ мѣщанскія притязанія, тѣмъ она стремится глубже проникнуть въ дѣйствительное содержаніе настоящей, народной жизни. Но, признавая дѣйствительную жизнь и дѣйствительную нужду народа, аристократія съ тѣмъ вмѣстѣ и по необходимости признаетъ и то, что она сама есть не для самой себя, что пребывая въ своемъ исключительномъ, особомъ и высокомѣрномъ бытіи—лишь для себя самой, она становится пустымъ образомъ, лишеннымъ всякаго содержанія, призракомъ лицемѣрія, не заключающимъ въ себѣ никакой святости.

Аристократическое сознаніе, имѣя въ виду только одно святое, для того чтобы обладать имъ безъ всякой примѣси посторонняго содержанія, исключало изъ своей сферы все другое: но когда святое было достигнуто во всей чистотѣ его образа обособленіемъ его отъ всего другаго, тогда самая святость удалилась отъ него и оно осталось при пустомъ образѣ святаго, безъ самой святости, которая затерялась въ бесконечной дали прошедшаго. И вновь приблизить ее такъ, чтобы самый образъ святаго не оставался только пустымъ образомъ лицемѣрія, возможно лишь при условіи, чтобъ этотъ образъ былъ не только образомъ всего святаго, но сталъ бы вмѣстѣ и образомъ всего полезнаго. Святое невозможно удержать въ наличной близости иначе какъ только его полезностью, его служеніемъ другому. И всякій разъ, когда полезное не держитъ его на землѣ своимъ низменнымъ содержаніемъ, оно улетучивается и исчезаетъ въ выси заоблачной, въ дали бесконечной.

Такимъ образомъ и аристократія съ своей стороны приходитъ также къ сознанію, что она въ обществѣ не для самой себя, что она тоже для другаго; она держитъ и хранитъ святое дѣйствительнымъ, а не пустымъ образомъ только въ мѣру того, какъ она полезна обществу и народу.

И оказывается, что въ дѣйствительности ни демократія не можетъ отрѣшиться отъ ненавистной ей аристократіи, ни аристократія не можетъ отрѣшиться отъ презрѣнной демократіи: ихъ отрѣшеніе другъ отъ друга, отъ того, что каждая изъ нихъ другъ въ другѣ ненавидитъ или презираетъ, было бы лишь ихъ отрѣшеніемъ отъ самой дѣйствительности общества, отрѣшеніемъ отъ добра, и торжествомъ пустыхъ призраковъ безобразія и насилія.

Придерживаясь смысла святаго преданія, отстаивая въ обществѣ противъ внѣшнихъ посягательствъ его всеобобщающаго закона то особое значеніе, которымъ подразумѣвается вся свобода человѣка, аристократизмъ непреклонно стоитъ за особность своего бытія. Демократизмъ держится напротивъ только за общій законъ, и во всемъ требуетъ только той-же самой общей законности.

Между образомъ человѣка, который по очень древнему преданію есть образъ Божій, и между естественнымъ содержаніемъ жизни всѣхъ людей есть не только несоотвѣтствіе, но и полная несовмѣстность. Реальныя требованія, или такъ называемыя потребности естественнаго содержанія всѣхъ людей, какъ отрицаніе всякаго особаго значенія человѣка, сказываются по отношенію къ его человѣческому образу крайне оскорбительною, невыносимою грубостью. Но съ другой стороны и притязанія на высшій, особый образъ значенія человѣка, являясь высокомѣрнымъ пренебреженіемъ къ его обыденному труду и къ низменнымъ заботамъ о хлѣбѣ насущномъ, оказываются столь-же оскорбительною грубостью по отношенію къ содержанію жизни.

Оскорбительность обоюдной грубости, какъ въ аристократическомъ притязаніи на особность по отношенію

къ демократизму, такъ и въ демократическихъ требованіяхъ безразличнаго обобщенія, по отношенію къ аристократизму, сохраняя туже сущность, становится еще чувствительнѣе и проявляется болѣе острымъ характеромъ въ тѣснотѣ задушевныхъ отношеній между женщиною и мужчиною. Для женщины ничто не можетъ быть такъ оскорбительно какъ грубость мужчины, который съ свойственнымъ ему демократизмомъ, отрицая въ ея аристократической природѣ ея права и притязанія на особность бытія, подводитъ ее подъ общій уровень, или подъ обобщеніе закона безразличной естественности. И равнымъ образомъ, ничто такъ не раздражаетъ мужчины, какъ аристократическое высокомѣріе и верхоглядство женщины, когда она, во имя своихъ притязаній на высшую или на особую природу, взираетъ свысока и съ пренебреженіемъ на его обыденный трудъ и на его заботы о насущномъ хлѣбѣ.

Антагонизмъ и борьба между аристократическимъ и демократическимъ направленіями, разрывая собою цѣлость общества, проникаютъ сверхъ того еще и въ самую интимность его, проявляясь почти тѣмъ же самымъ образомъ и съ тѣмъ же значеніемъ и въ каждомъ изъ атомовъ его бытія.

Устранить этотъ антагонизмъ изъ среды общества, не устранивъ предварительно самаго общества, невозможно: потому что только въ немъ и заключается не только развитіе, но и самовоспроизведеніе общества.

Общество складывается смысломъ святаго на почвѣ полезнаго; но, хотя всѣ въ томъ согласны, что общество не можетъ существовать иначе, какъ на основаніи полезности, многіе и даже большинство людей, уже вышедшихъ изъ стихійнаго бытія въ сферу сознанія, полагаютъ, что общество могло-бы обойтись и безъ особаго значенія святаго, которое по видимому не представляетъ собою никакой полезности.

Аристократизмъ и демократизмъ состоятъ другъ къ другу въ отношеніи подобномъ тому, въ какомъ нахо-

дятся поэзія и проза: въ сферѣ поэзіи очень хорошо извѣстно, что прозы устранить невозможно: такъ какъ она есть стихійная почва, дающая возможность возникнуть и поэзіи. Но прозаики, съ точки зрѣнія всякой прозы, очень удобно могутъ находить поэзію вполнѣ безполезною, излишнею, никому не нужною, вовсе ничего не разъясняющею, но лишь напрасно затемняющею и дѣло, и рѣчь человѣка, и притомъ требовать чтобъ, упразднивъ всякую поэзію, всѣ люди изъяснялись не иначе какъ простою прозою, что для всѣхъ будетъ и понятнѣе, и проще, и много способнѣе.

Аристократизмъ самъ по себѣ конечно еще далеко не поэзія и не рѣдко очень жалкая проза; но онъ имѣетъ особое значеніе, на которомъ возникаютъ какъ достоинство, такъ и свобода человѣка; понятно само собою, что безъ особаго значенія святаго никакая порода скота, какъ бы она ни была улучшена или образована, не можетъ имѣть ни малѣйшаго притязанія ни на достоинство, ни на свободу; однако демократизмъ, указывая на совершенную безполезность аристократизма, на его пустую и лицемѣрную притязательность и особливо на его тормозящее вліяніе въ развитіи жизни общественной, очень рѣшительно настаиваетъ на его полномъ и немедленномъ упраздненіи: отмѣна аристократизма была-бы лишь отмѣною пустаго, празднаго и крайне вреднаго предразсудка и возстановленіемъ справедливости, попираемой захватомъ и невѣжествомъ.

Аристократизмъ напрягаетъ силы свои, чтобъ говорить велерѣчивымъ языкомъ поэзіи о предметахъ высокихъ, которые по существу своему очень немногимъ доступны и понятны. Но демократизмъ, не нуждаясь въ велерѣчіи поэзіи, предпочитаетъ изъясняться всѣмъ понятною, простою прозою и притомъ не о высокихъ, но о самыхъ обыкновенныхъ и всѣмъ доступныхъ предметахъ.

Святое, высокое, не всѣмъ доступное значеніе человѣка и общества само собою складывается въ особое, или въ аристократическое содержаніе; но современное направ-

леніе умовъ вовсе не расположено къ аристократизму, но очень склоняясь и теоретически и практически къ демократизму, повсюду складывается въ смыслѣ демократическаго обобщенія и отрицанія всякаго рода особностей.

Въ общей средѣ всего естественнаго, міроваго содержанія, какъ въ явленіяхъ природы, такъ и въ явленіяхъ общества, все, что проявляется не общимъ, съ прочимъ содержаніемъ не совпадающимъ образомъ, или порядкомъ, имѣя значеніе особности, исключительности или чрезвычайности, не есть нѣчто реально-существующее, — такъ какъ въ природѣ ни исключительнаго, ни чрезвычайнаго ничего не бываетъ, — а только пустой наростъ и продуктъ невѣжества, который самъ собою тотчасъ-же и пропадаетъ, какъ только сфера знанія расширяется; и то, что сдавалось особымъ и чрезвычайнымъ, немедленно подводится или и само-собою подходитъ подъ общее правило, которому подчинено и все существующее другое.

Прежде, при младенческомъ состояніи знанія, такихъ особенностей, такихъ мнимыхъ чрезвычайностей было очень много; онѣ повсюду встрѣчались и, принимаемыя за нѣчто высокое, изъ ряда вонъ выходящее, приводили умы въ недоумѣніе и въ естественномъ и въ общественномъ мірѣ. Не говоря уже о прочемъ, и самъ человѣкъ очень долгое время тоже считался нѣкоторою особенностью и нѣкоторымъ привиллегированнымъ исключеніемъ въ общемъ порядкѣ естественнаго существованія.

Существенное предположеніе, на которомъ стоитъ и держится наука, безъ котораго она не была бы и наукою, вполнѣ высказывается чрезъ отрицаніе въ мірѣ возможности чудесъ. Въ своей сферѣ наука не можетъ допускать никакихъ особностей, которыя бы не подходили подъ общее правило, и есть именно самое разрѣшеніе мнимой чудесности или чрезвычайности и подведеніе ея подъ общее правило. Какъ антитезъ чудесности въ сознаніи складывается представленіе о научности, которая собственно и есть самое широкое обобщеніе всѣхъ смысловъ, всѣхъ явленій, всѣхъ существованій подъ одно об-

щее правило, отрицающее всякую подъ него неподходящую особность, какъ нѣчто не реальное.

Демократизмъ, имѣя свою почву въ естестественности общественнаго существованія, въ естественныхъ потребностяхъ, стремленіяхъ, нуждахъ, домогательствахъ, развивается поверхъ этой почвы въ образѣ демократическаго теоретизма и предъявляетъ свои требованія именемъ научности, вполнѣ замѣнившей собою то самое представленіе, которое въ старину было извѣстно подъ именемъ раціонализма. По смыслу научности, или по схемѣ ея абстрактнаго обобщенія, ни въ чемъ не допускающаго никакихъ особенностей, общество должно быть преобразовано чрезъ упраздненіе въ немъ всего, что не подходитъ подъ общее правило.

Отправляясь отъ общаго положенія, что всѣ люди однаковымъ образомъ люди,—что женщина точно такой же человѣкъ, какъ и мужчина, демократизмъ указываетъ, что допускать въ обществѣ между людьми вообще и въ частности между женщинами и мужчинами какія бы то ни было основныя и существенныя различія, особенности, привилегіи или ограниченія, значитъ поступать не раціональнымъ или не научнымъ образомъ.

Если истина вполнѣ выражается чрезъ обобщеніе, или чрезъ поведеніе всего подъ общее правило, то и уставъ общества, разумѣется, долженъ сложиться въ образъ полнѣйшаго уравненія и подчиненія всего одному общему закону; а что подъ него не подходитъ, то подлежитъ отмѣнѣ.

Жизнь, существованіе, всѣ явленія и всѣ порядки общества, по этой же схемѣ обобщенія, признаются не болѣе какъ только частнымъ случаемъ зоологіи; и такимъ же образомъ и вся психологія — только частнымъ отдѣломъ физіологіи.

А потому, на основаніи научности, всѣ особыя утвержденія аристократизма, всѣ его притязанія на высшій образъ жизни, на самобытность, на свободу отъ нужды, отъ тѣхъ заботъ и той тѣсности взглядовъ, которыми удручена жизнь простыхъ смертныхъ, а также и тѣ раз-

личія, тѣ особенности, тѣ привилегіи и ограниченія, которыми обусловлено все существованіе женщины,—какъ будто она не такой же точно человѣкъ, какъ и мужчина, какъ будто и она и онъ не подъ тѣмъ же самымъ закономъ общей естественности и ея внушеній,—и вообще всякаго рода неравенства въ обществѣ, не имѣя въ немъ своего научнаго основанія, не оправдываемыя ни зоологіей, ни физіологіей, должны быть устранены какъ наросты невѣжества или какъ захваты насилія. Вмѣсто того, чтобы имѣть складъ и образъ нагорной страны съ ея недоступными вершинами и съ ея бездонными пропастями, съ ея высями и низинами, общество должно быть выровнено и сглажено въ совершенную плоскость демократическаго, научнаго пониманія міра.

Наука доказала, что въ мірѣ нигдѣ и ни въ чемъ нѣтъ дуализма, что нѣтъ въ немъ мнимаго раздѣленія какой то особой души, живущей особымъ, не естественнымъ, духовнымъ порядкомъ, отъ какого то бездушнаго тѣла, живущаго совсѣмъ инымъ, естественнымъ, физическимъ и матерьяльнымъ порядкомъ;—что во всей цѣлости міра только одинъ порядокъ и есть, именно общій, матерьяльно—естественный порядокъ, который изслѣдуется, изучается и излагается наукою. А потому естественность и должна быть признана за единственное основаніе, на которомъ существуютъ вся природа и ея частныя явленія, человѣкъ и человѣческое общество. Чтобы не впадать въ несообразность или въ противорѣчіе съ общимъ естественнымъ основаніемъ всего бытія, чтобы ни въ чемъ не уклоняться отъ общаго правила и закона всей природы, слѣдуетъ въ руководство принять научность или научное пониманіе вещей, которое одно и способно избавить человѣка отъ всякой узкости, отъ всякихъ особенностей и чрезвычайностей его частныхъ или предразсудочныхъ воззрѣній.

Наука, безъ сомнѣнія, представляетъ собою нѣкоторый образъ абстрактнаго соображенія, чрезъ посредство котораго все необозримое разнообразіе видимаго міра

соображается къ общему, научному единству. При научномъ соображеніи всѣ особенности, всѣ различія, всѣ поразительныя чрезвычайности міроваго содержанія формально или какъ будто бы стираются и пропадаютъ и изъ ихъ хаотически разсѣянной, разрозненной и еще не соображенной среды постепенно возникаетъ уже соображенный, цѣлостный и единый образъ міра мыслимаго, который и предстоитъ соображенію, какъ обобщенный предметъ его научнаго созерцанія.

Но не должно забывать, что такое единство въ образѣ созерцаемаго міра достигается, какъ всѣмъ извѣстно, не иначе, какъ чрезъ пріемъ отвлеченія или обобщенія; и, не умаляя ни достоинства, ни заслугъ, ни пользы научныхъ пріемовъ, трудовъ и изысканій, не слѣдуетъ также забывать и того, что различія и особенности, отъ которыхъ ради научнаго обобщенія отвлекается, этимъ пріемомъ отвлеченія въ ихъ бытіи ни мало не отмѣняются: научное отвлеченіе самого существа міра не только не измѣняетъ, но даже и не касается вовсе.

Для научнаго соображенія очень полезно, даже необходимо обобщать путемъ отвлеченія всякаго рода находимыя въ мірѣ различія и особенности; но это незначитъ, чтобы такимъ образомъ обобщаемое содержаніе утрачивало чрезъ то свои различія и свои особенности: напротивъ, можно сказать, что степенью научнаго труда и напряженія, которыми добываются научныя обобщенія, собственно и измѣряются дѣйствительное значеніе и дѣйствительная величина всѣхъ находимыхъ въ мірѣ его особенностей и различій.

Если бы въ мірѣ вовсе не было такихъ особенностей и различій, то наукѣ нечего было бы и соображать, и ея бы не было вовсе: но уже одно то, что она есть и находитъ достаточный предметъ для своего соображенія, предъявляетъ не отрицаніе, но напротивъ самое полное подтвержденіе, что міръ преисполненъ различіями и особенностями.

Безъ сомнѣнія всѣ люди — люди; но весь интересъ та-

кого сужденія въ томъ и состоитъ, что оно произносится именно въ виду всѣхъ бесчисленныхъ различій, которыми они отличаются другъ отъ друга. Иначе такое сужденіе не имѣло бы никакого смысла. Такимъ же образомъ никто не споритъ, въ томъ, что женщина такой же человѣкъ, какъ и мужчина; но весь смыслъ такого утвержденія лежитъ именно только въ тѣхъ различіяхъ, которыми женщина такъ рѣзко отличается отъ мужчины.

Всякое что нибудь сказывающее сужденіе предполагаетъ въ своемъ основаніи нѣкоторое различіе, которое оно преодолѣваетъ нѣкоторымъ трудомъ соображенія: гдѣ нѣтъ никакого различія, о томъ и соображать нечего, нечего дѣлать и сужденія; таутологическое или безразличное сужденіе не заключаетъ въ себѣ никакого смысла сужденія. Затѣмъ, въ мѣру амплитуды различія, полагаемаго въ основаніе сужденія, и по степени особенности содержанія, которое въ немъ различается и соображается къ единству, возрастаютъ и самый интересъ и самое значеніе дѣлаемаго сужденія и тѣмъ больше требуется труда и напряженія, чтобы умственно сложить его.

Наука есть великое сужденіе, которое захватывая собою все высшія степени особенности, все большія амплитуды различія, постоянно развивается и стремится достигнуть предѣла своего въ бесконечномъ сужденіи, которое бы соображало собою уже не частное, но бесконечное различіе или самое противорѣчіе, амплитуда котораго есть уже вся бесконечность міра. Такимъ образомъ, живое сужденіе науки постоянно движется отъ предѣла пустой таутологіи къ соображенію бесконечнаго различія или всей цѣлости міроваго противорѣчія.

Но такъ называемая научность, или современный позитивизмъ, утративъ живой смыслъ науки, движется въ совершенно обратномъ направленіи. Ея сужденіе, отворачиваясь отъ дѣйствительнаго содержанія міра и отрѣшаясь отъ его бесконечнаго различія, направляется отъ бесконечности его глуби и выси, шири и дали въ пу-

стоту тавтологіи и стремится высказать, что въ мірѣ собственно нѣтъ никакихъ различій, никакихъ особенностей, что въ немъ все одно и тоже, все одна безразличная матерія.

Демократическое сознаніе, сливаясь въ одно съ теоретизмомъ или съ позитивизмомъ научности, равнымъ образомъ утверждаетъ, что въ обществѣ нѣтъ никакихъ особенностей, никакихъ различій, что въ немъ все одно и тоже, что оно есть по существу своему самая пустая тавтологія.

Ошибка такого сужденія обусловливается тѣмъ, что человѣкъ дѣйствительно все содержаніе міра по необходимости всегда усматриваетъ своимъ образомъ, который собственно и есть въ немъ принципъ всякаго обобщенія: но если бъ усматриваемое имъ содержаніе не заключало въ себѣ никакихъ различаемыхъ особенностей, то оно не могло бы стать и предметомъ обобщенія. Своимъ единымъ образомъ человѣкъ усматриваетъ самое различное содержаніе и безъ его различій онъ не могъ бы ничего усмотрѣть и тѣмъ менѣе что нибудь сообразить въ немъ.

Усматривая различіе близи и дали, онъ усматриваетъ чрезъ него и образъ пространства, котораго онъ не могъ бы усмотрѣть, если бъ въ немъ уже не предполагалось такого различія. Всякое дѣйствительное соображеніе, какой бы степени обобщенія оно ни достигало, всегда основано на различіи, которое присуще ему, какъ самая почва, на которой оно возникаетъ. И потому для исправленія той грубой ошибки, въ которую вдается научный позитивизмъ, разрѣшая всѣ проблемы міра чрезъ устраненіе самаго міра и всего его содержанія изъ своего разрѣшенія, слѣдуетъ указать что разрѣшеніе требуется не для отсутствія, не для безразличности, но именно только для полнаго присутствія всего міроваго содержанія, всѣхъ его различій и особенностей.

Міръ есть не научное обобщеніе, основанное на отрицаніи различій и особенностей, напротивъ самое дѣй-

ствительное различеніе всѣхъ особенностей своего содержанія, различеніе постоянно развивающееся и доходящее до бесконечнаго различія, или до противорѣчія. А потому быть, жить, развиваться вовсе не значитъ обобщаться и впадать въ плоскость безразличности, но означаетъ напротивъ различаться, различаться во всю ширь бытія своего, различаться до самой бесконечности.

Уже и жизнь растенія, которое за отсутствіемъ въ немъ памяти, живетъ, такъ сказать, только въ пространствѣ, а еще не во времени, проявляется въ его стремленіи раскинуть всѣ элементы бытія своего какъ возможно шире и далѣе, чтобъ выразить ими всѣ различія, всѣ особенности своего жизненнаго содержанія во всей ихъ опредѣленности: потому что только чрезъ посредство его до послѣднихъ предѣловъ выраженныхъ особенностей и различій растеніе въ состояніи дѣйствительно охватить всю долю принадлежащей ему жизни. Оно живетъ не тѣмъ, что его корни, его стебли, его листья, его цвѣтъ, и его плоды все одно и тоже, а только тѣмъ, что они различились, какъ только могли различиться.

Но смыслъ бытія, какъ возрастающаго различенія всего явственнѣе проявляется въ элементарномъ, неустранимомъ различеніи всего времени на его прошедшее и на его будущее. Этимъ элементарнымъ, различіемъ предполагаются и всѣ другія различія, которыхъ отмѣнить столь же невозможно, сколь невозможно отмѣнить различія между прошедшимъ и будущимъ. Оно бесконечно и, представляясь съ одной стороны, какъ бесконечность всего прошедшаго, и съ другой, какъ такая же бесконечность всего будущаго, является міровымъ противорѣчіемъ, утверждающимъ и что уже все свершилось и закончено, и что еще не свершилось ничего, что еще всему предстоитъ совершаться. Это противорѣчіе между вѣчнымъ смысломъ всего совершеннаго и между необъятною, непроницаемою матеріею всего наступающаго и несовершеннаго непрестанно и раздается, и повторяется

многоголосымъ эхо во всѣхъ бесчисленныхъ образахъ міроваго существованія.

Этоже самое противорѣчіе является и въ основаніи различія между назначеніемъ, которое отъ прошедшаго, и между судьбою, которая въ будущемъ; оно же сказывается противорѣчивою антиноміей не только между свободою и между необходимостью, но и между душею, которая для свободы, и тѣломъ, которое для необходимости; оно же, складываясь въ противоположность другъ другу женскаго и мужскаго образа, развивается въ общественной сферѣ въ живой антагонизмъ между ея аристократическимъ и демократическимъ направленіями, которыми какъ будто бы, по крайней мѣрѣ для научнаго воззрѣнія, разрывается самая цѣлость общества.

Предчувствуя въ этихъ различіяхъ несообразимыя антиноміи, или самое противорѣчіе, или просто несообразность, научный позитивизмъ пытается сообразить ихъ и для этого предварительно устраняетъ изъ нихъ все ихъ содержаніе, а потомъ смѣло утверждаетъ, что въ этихъ различіяхъ нѣтъ ничего особеннаго, ничего существеннаго, что это все одно и тоже, все таже самая матерія, таже плоскость.

Таже самая матерія и есть самый обыкновенный продуктъ абстрактнаго мышленія, которое, устраняя самую дѣйствительность жизни, всегда мыслитъ какъ помимо жизни, такъ и помимо смысла единственно образами того, что мертво и что безсмысленно.

Разумѣется, если въ человѣкѣ ничего болѣе не видѣть какъ кругооборотъ, или естественный физико-химическій процессъ матеріи, то ни о немъ, ни о различіяхъ, ни о особенностяхъ содержанія его жизни и жизни общества много распространяться нечего: терминомъ — общія видоизмѣненія матеріи, съ отсылкою въ физику, въ химію или въ механику для разныхъ поясненій, все будетъ достаточно сказано и больше за тѣмъ говорить не о чемъ.

Но совсѣмъ иное дѣло, если вспомнить, что чело-

кѣвъ есть живой самосознательный помыслъ, который жизненнымъ ритмомъ, какъ неумолкаемое эхо, раздается между всею глубиною воспоминаній и всею высотою надеждъ, —что онъ постоянно ростетъ, по мѣрѣ того какъ воспоминаніе углубляется, какъ надежда возвышается и, разростаясь въ неисповѣдимую глубь и въ недосягаемую высь, вовлекаетъ съ собою какъ всѣ образы минувшаго прошедшаго, такъ и все содержаніе наступающаго будущаго въ свой страстный, жизненный круговоротъ и, захватывая все міровое бытье все большими и большими кругами, раздвигаетъ размахъ и самую амплитуду своей жизни до ея послѣднихъ предѣловъ, до тѣхъ поръ пока она не охватитъ собою всей бесконечности и не обратится вся въ религію. Вникая ближе въ самую природу человѣческаго, самосознательнаго помысла и его необъятнаго содержанія, нельзя не увидѣть, что въ немъ должны осуществляться и всѣ особенности, и всѣ различія и всѣ противорѣчія міра.

Но и объективно, уже въ самой естественности существованія, дѣйствительность человѣческаго бытія осуществляется въ различіи мужескаго и женскаго образа, и требуется большая слѣпота, чтобъ приписывать это различіе и различную природу, или самобытную особенность каждаго изъ этихъ образовъ только внѣшнимъ обстоятельствамъ и случайностямъ.

Существо человѣка уже самою природою, физіологически раздвинуто въ женскій и въ мужской образъ; и ихъ различіе, по мѣрѣ того, какъ развивается общество, не только не стирается, но становится и выражается и глубже и опредѣленнѣе и, какъ жизненное сужденіе, ни какъ не можетъ быть оборвано въ силу абстракціи обобщенія или уравненія: оно идетъ на всю бесконечность и развивается въ бесконечное различіе для того только, чтобъ охвативъ имъ самую бесконечность бытія, сомкнуть ее силою жизненнаго объятія или заключенія въ бесконечность любви, которая не есть потребность организма, но религія.

Въ наше время, многіе мечтаютъ о безразличности между природою или призваніемъ мужчины и женщины, не соображая того, что такою безразличностью не только ихъ человѣческая, но даже и ихъ естественная, животная доля существованія не охватывается.

По схемѣ абстрактно научнаго пониманія все, что ни есть въ мірѣ, не есть самобытно, но только въ силу опредѣленія и воздѣйствія всего другаго. Въ этомъ смыслѣ существо не имѣетъ значенія существа, а только значеніе внѣшнимъ образомъ опредѣляемой вещи. Въ этомъ же вещномъ смыслѣ разумѣютъ и женщину, когда утверждаютъ, что она имѣетъ свой настоящій, женскій образъ не самобытно, но только въ силу воздѣйствія на нее разныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ и вліяній.

Но въ качествѣ человѣка, женщина, какимъ бы внѣшнимъ вліяніямъ она ни подвергалась, если только она существо мыслящее, всегда остается сама собою; какъ субъектъ бесконечно свободный, она воспринимаетъ всѣ вліянія и всѣ воздѣйствія на нее внѣшнихъ силъ и всей внѣшности по своему и только своимъ женскимъ образомъ, котораго въ ней никакія силы ни отмѣнить, ни измѣнить не въ состояніи; потому что всѣ возможныя внѣшнія объективности со всѣми ихъ силами и опредѣленіями тонутъ безслѣдно въ недосягаемой глубинѣ ея бесконечной субъективности.

Думать же, по абстрактной схемѣ нѣкоторыхъ теорій и обобщеній, не вѣдающихъ ни природы, ни смысла, эманципированныхъ какъ отъ внѣшняго, такъ и отъ внутренняго разума, что женщину возможно разными къ ней приспособленными пріемами перепначить на другой ладъ и образецъ, значитъ съ тѣмъ вмѣстѣ думать, что она, не включая въ себѣ человѣческой всеобщности, не способна мыслить и не есть человѣкъ.

Во всей природѣ воспроизведеніе рода или породы высшихъ существъ обусловлено различіемъ половъ. И чѣмъ выше стоитъ существо на лѣстницѣ развитія существъ, тѣмъ это различіе выражается въ немъ яснѣе и

опредѣленнѣе. По отношенію же къ человѣку это самое различіе не ограничивается только его физіологическимъ опредѣленіемъ, но продолжается еще и въ его духовную или въ его общественную природу: и на немъ основано не только воспроизведеніе человѣка, какъ породы, но и воспроизведеніе человѣческаго образа въ самомъ обществѣ чрезъ воспитаніе и образованіе; безъ этого основнаго различія въ обществѣ не могло бы статься и общественной образованности.

Человѣкъ сталъ не только отъ природы, въ силу ея естественности, но и отъ всего прошедшаго, отъ всей бесконечности, которая прошла предъ нимъ: чему свидѣтельствомъ служитъ его всеобщій помыслъ, которымъ онъ обнимаетъ не часть міра, какъ животныя, но всю цѣлость міра, какъ ее обнимаетъ только человѣкъ, который какъ прямой наслѣдникъ обладаетъ всѣмъ достояніемъ всего, что въ мірѣ сталось и свершилось.

Но это всемірное и всеобщее достояніе досталось, хотя и во всей цѣлости, но въ различныхъ образахъ женщинѣ и мужчинѣ

Вся пассивность бытія, все прошедшее горе, все прошедшее страданіе заложило въ душу женщины, завѣщало ей, какъ ея святой завѣтъ, ея беспредѣльное состраданіе, ея жалость, ея милость ко всему живущему; для ней всякое дыханіе свято и неприкосновенно; она самымъ существомъ своимъ несетъ милость всему и въ своей милости обнимаетъ, вяжетъ весь міръ красотою своею или образомъ своего бесконечнаго милосердія. Конечно, научность говоритъ иное; но что бы тамъ ни говорили, всеобщій, всѣмъ понятный, всѣми боготворимый символъ ея, какъ былъ прежде, такъ и всегда будетъ въ образѣ матери, обнимающей и охраняющей своею любовью младенца, котораго она держитъ на рукахъ своихъ: а этотъ младенецъ и Богъ и человѣкъ.

Своею красотою, исполненною неизрѣченной милости, женщина держитъ, обнимаетъ, вяжетъ весь міръ и всю его истину на рукахъ своихъ и вскармливаетъ, оживляетъ

его своею жизнью, своимъ дыханьемъ святой любви; она сама въ себѣ самой есть и явный, всѣми разумѣемый образъ, и глубоко сокровенный смыслъ святаго; въ ней нѣтъ силы сужденія, она и не судитъ міра; но только спасаетъ его, только избавляетъ его отъ зла своею милостью.

Напротивъ, вся активность бытья, весь смыслъ и вся сила сужденія осуществляются во всей полнотѣ своей въ мужчинѣ. Онъ не остается ни при явномъ образѣ прекраснаго, ни при сокровенномъ смыслѣ святаго; но разсуждаетъ все содержаніе міра на его частныя значенія необходимаго, нужнаго, полезнаго; и, направляя всю жизнь и всю дѣятельность на полезное, чрезъ его посредство соблюдаетъ и святое. Его символъ, его идеалъ изображается въ могущественномъ, миѳическомъ образѣ Геркулеса, усматривающаго всю жизнь на ея распутьи между добромъ и зломъ и рѣшающаго идти стезею добра, чтобы избавить землю отъ зла своими подвигами. Ему некогда предаваться мечтамъ, ему и дома, у себя, быть не приходится; онъ всегда въ наружѣ и живетъ внѣшними дѣлами, во внѣшнемъ мірѣ, въ вѣчномъ состязаніи съ судьбою и съ ея враждебными, стихійными силами. Своею силою, своимъ мужествомъ онъ избавляетъ прекрасное и святое отъ посягательства внѣшнихъ силъ зла и неправды, съ которыми онъ борется до тѣхъ поръ, пока не одолѣетъ гнетущей его, враждебной судьбы.

Между древними уже было пробѣжалъ слухъ, будто онъ стрѣлою изъ могучаго лука своего уже убилъ коршуна, который терзаетъ внутренности человѣка — Прометея. Но слухъ этотъ оказался невѣрнымъ, или какъ официально выражаются, не своевременнымъ. Потому что и до сего дня еще тотъ коршунъ все летаетъ на волѣ по поднебесью; а человѣкъ по прежнему въ неволѣ, прикованный все къ той же скалѣ необходимости, преданъ все тѣмъ же терзаніямъ, которымъ онъ былъ преданъ уже изстари въ глубокой древности.

Женщина уже по самому существу ея, отъ природы,

и еще болѣе развивающимся, жизненнымъ сужденіемъ общества, гдѣ бы она ни была, между патриціями или между плебеями, всегда и повсюду есть истинная, кровная представительница аристократизма; въ ней всегда течетъ кровь патриціевъ. Вмѣстѣ съ патриціями, она является скорѣе живою силою предразсудка изъ глубокаго, неприкосновеннаго и неизмѣннаго прошедшаго, нежели дѣятельною разсудочностью настоящаго и современнаго; съ патриціями же она раздѣляетъ и всѣ грѣхи ихъ и очень склонна принимать образъ, поверхностный обликъ и пустой обрядъ за самое дѣло и сущность. Мужчина напротивъ, гдѣ бы онъ ни былъ, и между патриціями и между плебеями, и по назначенію отъ природы и по призванію общества, есть кровный представитель демократизма; въ немъ всегда течетъ кровь плебея, труженика и работника, живущаго ради всего положительно полезнаго: онъ рѣдко смотритъ назадъ, въ прошедшее; взоръ его постоянно направленъ въ будущее, потому что онъ постоянно имѣетъ дѣло съ его матеріей и съ его туманами. Съ плебеями онъ раздѣляетъ и ихъ грѣхи, и пороки и, какъ они, очень склоненъ принимать и свою черствую грубость, и свое невѣжество, и свое безобразіе за самую положительность, за настоящее дѣло и относиться съ презрѣніемъ ко всему высшему, смысла котораго онъ не понимаетъ.

Всю долю своего человѣческаго бытія человѣкъ охватываетъ не иначе, какъ распадаясь въ свои два образа проявленія, въ женскій и въ мужской образъ; и чѣмъ больше, чѣмъ шире и глубже обозначается различіе между его женскимъ и его мужскимъ образами существованія, тѣмъ большую долю бытія онъ обращаетъ въ свою дѣйствительность: и все общество развивается вовсе не ихъ уравненіемъ, но напротивъ только ихъ различеніемъ. Жизнь общества вообще не есть ни уравненіе, ни обобщеніе; не поддаваясь ни подъ какія абстракціи, она выражается напротивъ все болѣе и болѣе разростающимся разсужденіемъ, или различеніемъ всего своего содержанія.

Человѣкъ живетъ только образомъ своего самосознанія; и все развитіе его жизни заключается въ томъ, что онъ, раздвигая свой самосознательный образъ или помыслъ, съ одной стороны углубляетъ свое воспоминаніе въ бесконечную глубь и даль всего прошедшаго до его безначальнаго начала; а съ другой — возноситъ свои ожиданія и надежды въ столь же бесконечную даль и высь всего будущаго до его бесконечнаго конца въ вѣчности; и раздвинувъ жизненный размахъ или амплитуду своего самосознанія на всю бесконечность, отъ начальнаго предѣла всего прошедшаго до послѣдняго предѣла всего будущаго, смыкаетъ ее утвердительнымъ актомъ своей жизни такъ, чтобъ она вся сверкнула въ немъ, какъ молнія, свѣтомъ знанія, смысломъ свободы и пламенемъ любви всего въ ней разсѣяннаго бытія.

Самосознательный помыслъ человѣка въ полнотѣ своего жизненнаго развитія есть религія: со стороны его прошедшаго предѣломъ всѣхъ его воспоминаній, всего его знанія и всей его мысли предъ нимъ, какъ бесконечный свѣтъ, загарается образъ предвѣчнаго смысла, и онъ самъ произноситъ имя Бога, которымъ онъ дѣйствительно познаетъ самаго себя; со стороны же его будущаго, въ другомъ предѣлѣ самосознанія, предъ нимъ возникаетъ его собственный образъ, или образъ человѣка съ его смутою ожиданій, страховъ и надеждъ, съ его страстнымъ желаніемъ, съ его неутолимою любовью, алкающею утолиться и насытиться всѣмъ содержаніемъ безусловной истины и вѣчной жизни.

Богъ и человѣкъ, предвѣчный смыслъ и на одинъ мигъ мелькнувшая и въ тотъ же мигъ угасающая человѣческая жизнь, обозначаютъ собою оба предѣла, между которыми живетъ и движется вся цѣлость самосознательнаго человѣческаго помысла; и жизненный ритмъ его, какъ живое біеніе сердца, вполнѣ высказываясь, то замираетъ, то снова оживаетъ между своими двумя значеніями: во первыхъ, для человѣческой природы, для страстнаго, человѣческаго сердца, предвѣчный смыслъ, кото-

рый не можетъ вмѣститься въ преходящемъ, мелькающемъ мгновеніи, является человѣку какъ непостижимое, какъ непонятное и, потому самому, какъ бесконечно удаленное отъ него всею далью самой бесконечности. Но во вторыхъ, это самое преходящее мгновеніе, это смутное человѣческое сердце, силою и полнотою своего вниманія усматриваетъ, прозрѣваетъ и то, къ чему оно было слѣпо: и смыслъ вѣчности изъ непостижимаго, изъ безпредѣльно далекаго становится самою наличною, самою непосредственною близью его, тѣмъ самымъ, что въ немъ сказывается, какъ само собою разумѣющееся, какъ безусловно и единственно само собою понятное, какъ тотъ несомнѣнный смыслъ всего сущаго, чрезъ который и которымъ и все остальное становится понятнымъ.

Въ самосознаніи, ставшемъ религіею, человѣкъ постигаетъ, разумѣетъ Бога сердцемъ своимъ; и разумѣетъ, постигаетъ себя самаго или сердце свое, свою человѣческую природу, всего человѣка только образомъ Бога.

Богъ есть истина; и всякій, кто понимаетъ что бы то ни было не самою истиною, не ея бесконечнымъ образомъ и вѣчнымъ смысломъ, само собою разумѣется, понимаетъ какимъ нибудь образомъ заблужденія или недомыслія, понимаетъ ложно.

Человѣкъ всѣмъ существомъ своимъ стремится къ безусловной истинѣ: въ этомъ стремленіи вся жизнь его: но память единичнаго человѣка слишкомъ коротка и вниманіе его слишкомъ слабо; поэтому и самосознаніе его достигаетъ предѣловъ своихъ и становится религіею не непосредственно въ его единичности, а только чрезъ посредство всей цѣлости общества, воспоминаніемъ и надеждами котораго, сливаясь съ ними въ одно, дополняются и продолжаются его личныя воспоминанія и надежды.

Тѣмъ же самымъ живымъ сужденіемъ, которымъ всякая жизнь различаетъ свое содержаніе, и вся цѣлость общества разсуждается и раздается въ двѣ стороны бытія

своего, одинаково въ немъ существенныя, и проявляется въ *образѣ* аристократизма патриціевъ, помнящихъ прошедшее и его преданіе, и въ *содержаніи* демократизма плебеевъ, не помнящихъ ни родства своего, ни прошедшаго и взирающихъ всѣми ожиданіями своими въ будущее, съ смутною матеріею котораго они обращаются и практически и теоретически, и жизненнымъ и научнымъ порядками. Но общество разсуждается въ эти стороны бытія своего не такъ, чтобъ самому окончательно расколоться на свой отдѣльный образъ, который бы былъ не причастенъ къ своему содержанію, и на свое отдѣльное содержаніе, которое было бы непричастно къ своему образу. При такомъ расколѣ всей сущности общества, въ немъ бы пропала самая дѣйствительность добра и остались бы съ одной стороны совершенно безсодержательный и пустой образъ лицемѣрія, личина святости; съ другой — только содержаніе полнѣйшаго безобразія; а между ними, на краткій срокъ, какъ самобытный образъ разложенія и растлѣнія вымирающаго общества, торжествующее резонерство, облеченное властнымъ авторитетомъ и научностью для того, чтобъ властно и научно рѣшать между произволомъ, насиліемъ, бесиутствомъ, между личинами безобразія и призраками безсмыслія.

Но живое общество, какъ здоровой организмъ, отъ своего развитія не распадается и не умираетъ; но напротивъ, разсужденіемъ въявь всѣхъ сокрытыхъ сторонъ бытія своего — оно живетъ еще полнѣйшею жизнью.

Раскидываясь своимъ жизненнымъ сужденіемъ въ обѣ стороны бытія своего — въ патриціанскій аристократизмъ съ его смысломъ красоты, свободы и святости и — въ плебейскій демократизмъ съ его реалистическимъ и научнымъ пониманіемъ всего необходимаго, нужнаго и полезнаго, общество раздвигаетъ и ту, и другую до послѣдней крайности, какъ можно далѣе, какъ можно шире, во всю силу и мощь ихъ особеннаго значенія, во всю полноту лежащаго между ними необъятнаго противорѣчія, лишь для того, чтобъ этими другъ другу противными

сторонами и значеніями существа своего, какъ широко отверзтыми руками, тѣмъ тѣснѣе, тѣмъ сильнѣе охватить и сомкнуть все лежащее между ними бесконечное содержаніе всей дѣйствительности всесильнымъ объятіемъ жизни своей.

Женщина и мужчина не мыслимы отдѣльно другъ отъ друга; ихъ дѣйствительность осуществляется въ полной мѣрѣ не въ ихъ отдѣльности другъ отъ друга, не въ ихъ спорѣ другъ съ другомъ о нравахъ и преимуществахъ: но только въ ихъ живомъ единеніи ихъ взаимной любовію, когда образъ святаго проникаетъ и образуетъ собою все содержаніе полезнаго; когда полезное исполняетъ своимъ содержаніемъ образъ всего святаго.

Почти въ такомъ же отношеніи стоятъ другъ къ другу въ обществѣ его аристократизмъ и его демократизмъ; въ ихъ взаимной отрѣшенности другъ отъ друга, когда аристократизмъ, опираясь на свою особность, стремится только къ исключительному обособленію себя отъ всего другаго, когда демократизмъ, отстаивая значеніе своей общности, стремится все поглотить въ безразличности своего площаднаго обобщенія, — въ ихъ упорномъ и враждебномъ антагонизмѣ, какъ тотъ такъ и другой одинаково мертвы и бесплодны.

Но какъ свѣтъ, ничему не свѣтящій и ничего не освѣщающій, есть только тьма; такъ точно и особое святое, хранимое аристократизмомъ, помимо, или особо отъ того общаго содержанія, которое оно освящаетъ и образуетъ своимъ образомъ, есть лишь пустой образъ, или только личина святаго безъ дѣйствительной святости. Съ другой стороны и общее значеніе всего полезнаго, осуществляемаго демократизмомъ помимо того особаго смысла бытія, которому и въ которомъ онъ есть полезное, теряетъ всякое значеніе и, являясь праздною, пустою полезностью, оказывается вмѣстѣ съ тѣмъ и самою общею плоскостью для процвѣтанія и приспособленія на ней всякаго тривіализма и всякаго безсмыслія.

Демократически, у насъ очень не дурно издѣвались

надъ аристократическими притязаніями высокаго художества, которое отмѣчали извѣстнымъ девизомъ «искусство для искуства». Стоило набрать вереницу нѣсколькихъ болѣе или менѣе созвучныхъ, хотя бы и не вполнѣ подходящихъ другъ къ другу словъ и, опуская глаголъ и опредѣленность, закончить ихъ болѣе или менѣе удачное накопленіе троекратно повтореннымъ словомъ заря, и выходила чистая поэзія Само собою разумѣется, что фраза для фразы, реторика для реторики, пиитика для пиитики, какъ и всякая личина, какъ и всякій пустой обрядъ, какъ и всякое приличіе безъ содержанія, по всей справедливости, вызываютъ противъ себя и критику, и насмѣшку. Но и со стороны аристократизма можно бы было столь же справедливо замѣтить. что нѣтъ ничего жальче и смѣшнѣе противоположнаго, демократическаго притязанія, высказывающагося въ своемъ девизѣ— польза ради пользы: какъ будто возможное дѣло, чтобъ люди трудились, страдали и умирали изъ за стремленія быть полезными безсмыслію.

3. Религія и образованіе.

Первое понятіе дѣйствительности, заключавшееся въ чистомъ образѣ прекраснаго, осуществляясь какъ дѣйствительное добро, развивается или разсуждается жизненнымъ сужденіемъ въ два значенія общественнаго бытія: въ аристократизмъ и въ демократизмъ; но это сужденіе, двигаясь далѣе путемъ жизненной логики и развиваясь до крайнихъ предѣловъ своихъ, не остается только образомъ сужденія, но переходитъ къ своему заключенію, которое, какъ плодъ на деревѣ, есть окончательный результатъ всякаго развитія, всякаго сужденія, всякой жизни.

Въ живомъ, дѣйствительно развивающемся, а не разлагающемся обществѣ весь его аристократизмъ и весь его демократизмъ не раздѣляются въ ихъ взаимномъ антагонизмѣ до окончательнаго раскола, въ которомъ бы ра-

зорвалась и самая дѣйствительность общества, но развившись каждый съ своей стороны до всей полноты выраженія его одушевляющаго начала и сдерживаясь взаимно имъ присущими мѣрою и разумомъ жизни, склоняются другъ къ другу и другъ въ другѣ находятъ исполненіе и завершеніе всѣхъ стремленій, которыми оба живутъ и движутся.

Аристократизмъ и демократизмъ, не ограничиваясь единственно тѣмъ сословнымъ раздѣленіемъ общества на то, что въ немъ въ собственномъ смыслѣ называется его аристократіею и его демократіею, являются еще какъ элементы, проникающіе безразлично всѣ сферы общества своими различными значеніями. Все, что въ обществѣ опирается о прошедшее и живетъ его преданіемъ, все что въ немъ отзывается консерватизмомъ, есть въ немъ его аристократическій элементъ.

Напротивъ все, что въ немъ ожиданіями или надеждами относится къ будущему, что еще не проникнуто ни смысломъ, ни образомъ общественнаго преданія, а живетъ только обѣщаніями и смутою, вѣющими изъ невѣдомой и непроницаемой матеріи всего того, что еще наступаетъ, что еще не совершилось; все, что еще не стоитъ само собою, а держится только за реальный образъ внѣшности, за естественность, за натурализмъ, за научность, все, что въ немъ отзывается стремленіями радикализма, есть въ обществѣ его демократическій элементъ.

Въ этомъ смыслѣ, кромѣ того, что въ обществѣ называется аристократіей въ смыслѣ общественномъ, представителями аристократизма въ порядкѣ естественномъ сами собою являются женщины, старое, отживающее поколѣніе и вообще всѣ тѣ члены общества, которые подразумѣваются подъ общимъ наименованіемъ отцевъ. И точно также съ другой стороны, кромѣ того, что именуется демократіей въ смыслѣ общественномъ, представителями демократизма въ обществѣ въ порядкѣ естественномъ являются мужчины, юное, наступающее поко-

лѣніе и тѣ члены общества, которые вообще подразумѣваются подъ именемъ дѣтей.

Уже издавна извѣстно, что женщины составляютъ въ обществѣ всю элементарную силу консерватизма; напротивъ мужчины очень легко вдаются въ радикализмъ. Объ аристократизмѣ — стараго поколѣнія и отцевъ, въ противоположность естественнаго демократизма юнаго поколѣнія и дѣтей, объяснять не предстоитъ ни малѣйшей надобности: всѣ упованія и всѣ воззванія общественныхъ реформаторовъ и обновителей всегда относятся къ юному поколѣнію; потому что всѣмъ хорошо извѣстно, что если старчество недовѣрчиво, осторожно и руководится эгоизмомъ, то на оборотъ юношество великодушно, опрометчиво и готово, очертя голову, во всякую минуту вдаться въ любую химеру и глупость.

Жизнь общества, какъ и жизнь всякаго существа, какъ непрерывное теченіе или наступаніе, постоянно вновь воспроизводится, возрождается, образуется: постоянство ея образа, какъ постоянство радуги надъ водопадомъ, или какъ постоянство органическаго образа въ непрерывномъ кругооборотѣ матеріи, обусловливается только непрерывностью потока или наступанія новыхъ стихійныхъ элементовъ, которые, по мѣрѣ того, какъ они вступаютъ въ ея сферу, немедленно охватываются уже состоявшимся образомъ ея опредѣленія и существованія. Видимый обликъ каждаго жизненнаго явленія въ каждое мгновеніе его существованія постоянно вновь образуется опредѣленнымъ образомъ всего его прошедшаго изъ неопредѣленнаго содержанія непрерывно вновь наступающей матеріи, или стихіи будущаго.

Въ мірѣ неорганическаго вещества, его жизнь совершенно незамѣтна, потому что ея образующій образъ еще не находится, а только теряется въ беспредѣльной разсѣянности чисто матеріальнаго бытія. Въ мірѣ растеній жизнь уже замѣтна, но ея образующій образъ въ растеніи, какъ хозяинъ, распорядительность котораго уже

видна, но который самъ находится только въ постоянномъ отсутствіи, такъ что застать его, чтобъ онъ былъ дома и на лице, никоимъ образомъ не возможно. Въ жизни животныхъ ея образующій образъ замѣтенъ вполнѣ, и предъявляется съ полнѣйшею опредѣленностью; но въ этой опредѣленности онъ, какъ нѣкоторая частность, исполненная и озабоченная значеніями всего другаго, не достигая до своего всеобщаго смысла, остается потому непонятнымъ, нѣмымъ и лишеннымъ своего всеобщаго выраженія словомъ.

Въ жизни человѣка наконецъ ея образующій образъ, отрѣшаясь вполнѣ изъ смутной сферы и тьмы стихійной разсѣянности, сбирается съ собою къ полнотѣ своего вниманія, къ полнотѣ своей жизни и является полнымъ смысломъ или тѣмъ, что само собою понятно, что само собою разумѣется; что не только вполнѣ освѣщено, но и какъ самый свѣтъ освѣщаетъ, дѣлаетъ яснымъ и понятнымъ все остальное, всю беспредѣльную міровую тьму.

Этотъ всеосвѣщающій образъ, этотъ самъ собою разумѣющійся смыслъ человѣческой жизни складывается въ обществѣ какъ его глубокое преданіе изъ прошедшаго; и всѣ элементы общественнаго аристократизма всегда и выражаютъ собою это преданіе. Элементы же общественнаго демократизма составляютъ собою только темную стихійную, непрерывно притекающую и наступающую матерію, которой и предстоитъ образоваться и освѣтиться тѣмъ свѣтлымъ образомъ, который и есть единственный смыслъ всего аристократизма.

Но изъ среды демократизма ради обобщенія и именемъ все обобщающей научности возникаетъ другой демократическій толкъ, который, забывая, что человѣкъ все объясняетъ свѣтомъ своего человѣческаго образа и смысла, полагаетъ, что внѣшнее, матерьяльное существованіе, что стихійная міровая тьма свѣтитъ, издаетъ свѣтъ и уясняетъ не только разнообразное, смутное содержаніе природы и ея явленій, но и самаго человѣка и самую сущность его смысла. На основаніи такого толка возни-

кают ученія и взгляды, развиваемые какъ матеріализмъ, какъ реализмъ или какъ позитивизмъ, общее направленіе которыхъ состоитъ въ утвержденіи, что вмѣсто того, чтобъ освѣщать тьму свѣтомъ и смысломъ, слѣдуетъ на оборотъ — самый свѣтъ и самый смыслъ освѣщать тьмою и безсмысліемъ.

Такіе толки, взгляды, ученія въ обществѣ неизбѣжны: потому что стихійные элементы, въ видѣ вновь наступающей, неопредѣленной матеріи будущаго, въ видѣ новыхъ людей, въ видѣ юнаго поколѣнія, постоянно приливая въ него изъ внѣшности, осаждаются въ его средѣ, какъ самая матерія или естественность общества, какъ его недомысліе, необразованность и невѣжество. Аристократизмъ общества, хранящій въ немъ его святое преданіе изъ прошедшаго, есть въ немъ его образующій образъ и свѣтъ; имъ образуются, имъ освѣщаются все естественное содержаніе общества, вся наступающая матерія будущаго, которая и является въ немъ его демократизмомъ.

Но при этомъ происходитъ очень естественный оптическій обманъ: свѣтлымъ и яснымъ представляется не самый свѣтъ, который свѣтитъ и объясняетъ, но только то, что имъ освѣщено и объяснено. Образующій образъ общественнаго аристократизма самъ по себѣ не видѣнъ и не замѣтенъ; онъ имѣетъ видъ или значеніе отсталыхъ предразсудковъ, отжившихъ преданій и сказаній или всего того, что не современно по отношенію къ самой современности, являющейся въ обществѣ какъ его образованность. Конечно эта образованность есть только освѣщенная матерія, которая будучи сама по себѣ темною, свѣтитъ не своимъ свѣтомъ: но тѣмъ не менѣе она свѣтла; тотъ же образъ, который освѣщаетъ ее, сокрытъ за горизонтомъ и не видѣнъ.

Въ этомъ отношеніи первоначальныя значенія аристократизма и демократизма совершенно извращаются и, между тѣмъ какъ демократизмъ выступаетъ представителемъ всей образованности — аристократизмъ напротивъ

оказывается на сторонѣ всякаго обскурантизма, противникомъ свѣта и знанія.

Чрезъ такое извращеніе первоначальныхъ значеній естественный антагонизмъ между обѣими сторонами общественнаго сужденія заостряется по отношенію другъ къ другу до ненавистности.

Аристократизмъ, какъ одна изъ сторонъ общественнаго сознанія, обладая въ себѣ самымъ смысломъ бытія, есть въ тоже время и самый родникъ дѣйствительнаго образованія, которое заключается именно въ томъ, чтобъ раздвинуть амплитуду или размахъ человѣческаго самосознанія до его послѣднихъ предѣловъ въ образѣ религіи, до полноты его смысла: такъ, чтобъ человѣкъ, выйдя изъ стихійной разсѣянности, вполнѣ собрался съ самимъ собою и силою своего вниманія увидѣлъ уже не обманчивый призракъ реальности, которая есть самое условіе его рабства и неволи, въ которой онъ самъ себѣ является лишь роковымъ явленіемъ внѣшней необходимости, но дѣйствительную истину, въ которой и которою онъ есть существо безусловно свободное. Дѣйствительное образованіе, образуя человѣка къ свободѣ, именно и дѣлаетъ его человѣкомъ. Въ этомъ только и заключается весь смыслъ того, что утверждается аристократизмомъ, а между тѣмъ, его направленіе осуждено роковымъ порядкомъ представляться обскурантизмомъ, который гонитъ и свѣтъ и свободу.

Демократизмъ напротивъ, какъ другая сторона общественнаго сознанія, имѣющаго въ виду все другое, отрѣшаясь отъ смысла самого человѣка, тѣмъ сильнѣе выставляетъ смыслъ, значеніе и силу вещей и во имя научнаго обобщенія, признавая тоже вещное значеніе и за человѣкомъ, во всемъ бытіи исповѣдуетъ только одну реальность, или непосредственную естественность и, отвергая всѣ значенія религіознаго и святого, какъ пустыя притязанія человѣка, стѣсняетъ, съуживаетъ его самосознаніе до сознанія себя случайнымъ, частнымъ явленіемъ, вполнѣ подчиненнымъ силѣ внѣшней необходимости и на-

силію вещей. Въ этомъ собственно и заключается весь смыслъ того, что утверждается демократизмомъ; а между тѣмъ, его направленіе несетъ на себѣ весь обликъ современной образованности и тѣмъ же роковымъ порядкомъ имѣетъ право выступать въ образѣ современнаго либерализма, который несетъ съ собою свѣтъ и прокладываетъ пути для свободы.

Но свѣтъ, которымъ отрицается самый источникъ свѣта, есть только мнимый свѣтъ; но образованность, которою отрицается образующій образъ, есть только мнимая образованность. Невѣжество, сознающее о себѣ, что оно невѣжество, что оно не знаетъ, уже тѣмъ самымъ есть знаніе и даже глубокое самосознаніе, — а уже не невѣжество: въ немъ, въ его живомъ образѣ, уже движутся, уже сказываются всѣ обѣщанія и всѣ надежды образованности. Напротивъ, невѣжество, обращающее свою невѣжественность въ теорію и выступающее какъ знаніе, есть дѣйствительное невѣжество; въ его мертвомъ образѣ нѣтъ никакихъ надеждъ, оно для образонности безнадежно.

И въ этомъ то образѣ безнадежности демократизмъ, какъ представитель и поборникъ всей современной образованности, выступаетъ противъ обскурантизма, или мраколюбія аристократизма, являясь подъ видомъ мѣщанства, которое есть, такъ сказать, заостренная вершина и воинствующая сила всего демократизма. Съ своей стороны и аристократизмъ заостряется противъ демократизма въ образъ того, что можно въ противуположность мѣщанству обозначить словомъ барства. Между аристократическимъ барствомъ и демократическимъ мѣщанствомъ, между призраками и притязаніями аристократизма и демократизма не можетъ быть никакого общенія, а есть только обоюдное, другъ противъ друга неодолимое отвращеніе и непримиримый антагонизмъ.

Ничто такъ не противно правдѣ, какъ пустое притязаніе, выдающее себя за самую правду; ничто такъ не противно истинѣ, какъ обманъ и призракъ, какъ обликъ

и личина истины; ничто такъ не противно образованности, какъ самое невѣжество, выступающее съ значеніемъ образованности.

Но не только въ такихъ ненавистныхъ призракахъ и личинахъ, а и въ самомъ существѣ своемъ весь аристократизмъ, проникающій общество своимъ образующимъ образомъ и весь демократизмъ, находящійся въ обществѣ, какъ его естественная, постоянно вновь наступающая матерія, какъ его содержаніе, подлежащее образованію, представляютъ собою въ общественной сферѣ тѣже термины противорѣчія, между которыми человѣческое существо разорвано и двоится уже при первомъ своемъ вступленіи въ міръ: весь бесконечный смыслъ назначенія и свободы человѣка находитъ свое полное выраженіе въ аристократизмѣ; вся бесконечная сила судьбы и необходимости вполнѣ проявляется въ демократизмѣ.

Въ ихъ взаимномъ другъ съ другомъ противоборствѣ и состязаніи вопросъ идетъ именно о томъ, человѣкъ ли одолѣетъ смысломъ своего идеализма силу вещей или, на оборотъ, вещи силою ихъ реализма одолѣютъ человѣка? Восторжествуетъ ли свобода человѣка или же напротивъ необходимость сотретъ всѣ его притязанія и обратитъ его въ одно изъ частныхъ, ей подчиненныхъ явленій? Состоится ли чудо, въ которое человѣкъ вѣритъ на перекоръ всей реальности, которое онъ ожидаетъ и утверждаетъ всѣмъ существомъ своимъ, и весь міръ окажется исполненнымъ его человѣческимъ смысломъ, тѣмъ, что въ немъ само собою разумѣется или, на оборотъ, окажется, что въ мірѣ никакихъ чудесъ, никакихъ особыхъ чрезвычайностей нѣтъ и не бываетъ, что научность вполнѣ права въ ея утвержденіяхъ, которыми она все на свѣтѣ, а въ томъ числѣ и человѣка подводитъ подъ общее правило одного и того же безспорнаго безсмыслія?

Но цѣлость самаго общества этимъ противорѣчіемъ двухъ сторонъ его бытія и сознанія не разрывается, а напротивъ оно только смыкается само съ собою къ высшей степени его вниманія. Соображая свой смыслъ и образъ

бытія съ своимъ естественнымъ и реальнымъ содержаніемъ и свое реальное содержаніе съ самимъ собою, съ своимъ смысломъ и образомъ, соображая все преданіе, всѣ вѣрованія свои и все свое прошедшее, со всѣми надеждами и ожиданіями своими со всѣмъ своимъ будущимъ, общество охватываетъ все противорѣчіе расторгающихъ его сторонъ и значеній единымъ образомъ своей самосознательной религіи — и самымъ актомъ его религіи является его самовоспроизведеніе, его самовозрожденіе себя чрезъ воспитаніе и образованіе.

Живой актъ общественнаго образованія, которымъ общество воспроизводитъ и возрождаетъ само себя, исходя отъ его религіи, поглощаетъ и обнимаетъ въ себѣ всю дѣйствительность общества и не можетъ состояться въ немъ иначе, какъ при полномъ участіи всего наличнаго аристократизма и всего наличнаго демократизма, всего смысла и всей природы его, и притомъ лишь тогда, когда они склоняясь другъ къ другу, проникаясь собою взаимно, находятъ и узнаютъ себя другъ въ другѣ.

Всякая дѣйствительная жизнь есть собственно дѣйствительность любви, въ которой одно есть не иначе какъ въ другомъ и чрезъ другое, — любви, которая смыкаетъ и сообразуетъ своимъ жизненнымъ образомъ, образомъ красоты все, что само по себѣ разронено — и вслѣдствіе такой разрозненности несообразно и безобразно, въ полное благообразіе, въ дѣйствительное творчество жизни.

Въ исторіи былъ одинъ моментъ, до того исполненный свѣтомъ, что и до сихъ поръ еще его отсвѣтъ льется оттуда на весь міръ. Въ тотъ моментъ, который послѣ не повторялся, лице человѣческое впервые озарилось человѣческою улыбкою и этой радостной улыбки никто до сихъ поръ забыть не можетъ; она улыбается самою жизнью въ душу каждаго человѣка, и подъ лучемъ ея мгновенно исчезаютъ всѣ омрачающіе ее призраки и кошемары реальнаго существованія.

Въ тотъ моментъ аристократизмъ общества высказалъ явно и предъявилъ всему демократизму не только общества, но и человѣчества всю божественную красоту, всю неизрѣченную святость своего задушевнаго, аристократическаго образа; и демократизмъ, плѣняясь этимъ образомъ, воспринялъ его въ душу свою, какъ свой образующій образъ, какъ первое и послѣднее слово всего образованія, за которымъ всѣ иныя слова излишни. Въ тотъ же моментъ съ своей стороны и демократизмъ, одушевляемый мужествомъ и готовностью предать не только всякаго рода полезности, но и самую жизнь ради спасенія прекраснаго, святаго и любимаго, исполнилъ весь аристократизмъ и женственный образъ его не только въ обществѣ, но и въ человѣчествѣ, мужественнымъ содержаніемъ и значеніемъ самоотверженно себя забывающей силы труда, терпѣнія, твердости и невозмутимаго присутствія духа. Въ мужественномъ содержаніи, предъявляемомъ каждымъ труженикомъ, работникомъ, плебеемъ, живущимъ и работающимъ для полезнаго, аристократизмъ нашелъ и узналъ исполненіе своего образа и осуществленіе той завѣтной мечты его, о которой онъ до того лишь напрасно вздыхалъ, какъ о томъ, осуществленіе чего бесконечно далеко.

Въ этотъ моментъ, единственный въ исторіи, святое и полезное, обыкновенно расходящіяся и несовмѣстныя другъ съ другомъ, оказались вполнѣ сообразнымъ, единымъ образомъ дѣйствительности, исполненной всѣмъ ея содержаніемъ; такъ что и всѣ мечты и всѣ ожиданія уже не терялись, какъ бываетъ, въ недосягаемой дали будущаго или прошедшаго, но были сдвинуты въ непосредственную близость наличной, настоящей жизни и находились тутъ, возлѣ, теперь, какъ исполненное добро, сіяющее на весь міръ своею несказанною, плѣнительною красотою.

Этотъ историческій моментъ по всей справедливости называется вѣкомъ Перикла и, всматриваясь въ его далекій, минувшій образъ, можно ясно уразумѣть, какъ тво-

рится образованіе и что такое тотъ жизненный, творческій актъ, которымъ общество рождаетъ и воспроизводитъ себя.

Если спросить въ чемъ именно заключается жизнь или самый актъ жизни, которымъ живетъ организмъ, то, не вдаваясь въ научную область анатоміи и физіологіи, можно съ достаточнымъ основаніемъ и вполнѣ вразумительно отвѣчать, что самый актъ жизни состоитъ въ томъ, что вся стихійная матерія, захватываемая организмомъ изъ внѣшности, какъ его естественный матерьялъ, преобразуется въ немъ его идеальнымъ, жизненнымъ образомъ въ дѣйствительный образъ жизни.

Точно такъ, если спросить въ чемъ именно заключается жизненный актъ общества, то, не вдаваясь ни въ политику, ни въ политическую экомонію, ни въ соціологію современнаго строя, можно съ полнымъ основаніемъ вразумительно отвѣчать, что онъ состоитъ въ томъ, что вся стихійная матерія, постоянно наступающая изъ будущаго въ живой организмъ общества, въ видѣ дѣтей, въ видѣ молодыхъ поколѣній, въ видѣ возрастающаго юношества, въ видѣ новыхъ людей съ ихъ незнаніемъ и невѣжествомъ, съ ихъ естественнымъ матерьялизмомъ, тотчасъ же охватывается въ немъ образомъ его святаго преданія и преобразуется имъ чрезъ воспитаніе и образованіе въ полную сообразность съ тѣмъ, что уже сталось въ обществѣ какъ его наличная образованность.

Образованіе, или творчество общественной образованности, обусловлено тѣмъ, что въ силу религіи, смыслъ и образъ всего общественнаго аристократизма и все естественное содержаніе демократизма неудержимо склоняются другъ къ другу и, сообразуясь другъ съ другомъ въ полную взаимную сообразность, являются въ ней полнотою самоутвержденія и самооправданія всей цѣлости общества.

Въ живущемъ здоровою жизнью и въ развивающемся обществѣ женщины и мужчины, старое, отживающее и юное, наступающее поколѣнія, отцы и дѣти, естественнымъ и самимъ собою разумѣющимся порядкомъ вза-

имно склоняются, взаимно стремятся и движутся другъ къ другу силою полнаго, взаимнаго и невозмутимаго довѣрія, которымъ проникнуты какъ вся цѣлость, такъ и каждый изъ отдѣльныхъ членовъ общества. Это взаимное довѣріе, въ образѣ вездѣ сущей, все проникающей и все одушевляющей религіозности, есть самая душа общества и его жизненный пунктъ, связывающій въ немъ его прошедшее съ его будущимъ.

Актъ общественнаго образованія, въ которомъ общество постоянно вновь творитъ, воспроизводитъ, рождаетъ само себя своимъ образомъ, есть его задушевное, сердечное, жизненное отправленіе: въ немъ всѣ его воспоминанія, весь смыслъ его совпадаютъ со всѣми его надеждами; въ немъ вся вѣчность сливается въ одно съ однимъ мгновеніемъ: въ немъ Богъ сходится съ человѣкомъ.

До сердца касаться нельзя; отъ грубаго прикосновенія къ нему слѣдуетъ смерть.

Общество можетъ быть глубоко возмущено и разорвано всякаго рода политическими, юридическими, религіозными, теоретическими, матерьялистическими, пожалуй и нигилистическими толками, спорами или ученіями; въ немъ можетъ быть самое рѣзкое разъединеніе партій, направленій, стремленій: оно отъ того еще не умираетъ и не разрушается. Оно очень выносливо и очень живуче. Нерѣдко, именно вслѣдствіе такого разъединенія и разсужденія всѣхъ элементовъ бытія его въ различія, оно только тѣмъ сильнѣе развиваетъ мощный образъ своей дѣйствительной жизни.

Но если прикасаются и къ его сердечному отправленію, если вмѣшиваются въ его задушевное дѣло и искажаютъ его внѣшнимъ, ненавистнымъ умничаньемъ невѣжества; если насильственно извращаютъ самый смыслъ его святого преданія и, обрывая молодые, зеленые побѣги юной жизни, разрываютъ жизненную связь между воспоминаніемъ и между надеждою, между преданіемъ и между новымъ умственнымъ движеніемъ, между старымъ

и юнымъ поколѣніемъ, между отцами и дѣтьми, тогда общество уже не можетъ жить, оно неминуемо должно умереть, оно и умираетъ, если только жизнь его не была жизнью полипа. Полипа можно рѣзать какъ угодно; онъ отъ того не умираетъ, а только плодится и пріумножается: ему даже пріятно, когда его изворачиваютъ на выворотъ; потому что, выворачивая, ему все же какъ будто даютъ нѣкоторый шансъ избавиться отъ полипной жизни.

Но живое общество уже инстинктомъ самосохраненія знаетъ, что дѣло общественнаго образованія есть воплощеніе его души въ его тѣло; что въ немъ можетъ принимать участіе только его наличная мудрость, присущая ему въ образѣ отцевъ его, и не терпитъ, не можетъ терпѣть, чтобъ грубая, нечистая рука прикасалась къ его святому дѣлу. Для него нѣтъ и не можетъ быть ничего ненавистнѣе, какъ когда оно подпадаетъ насилію, умничанью и искаженію невѣжества съ его мертворожденными теоріями и грубыми притязаніями.

Дѣло общественнаго образованія принадлежитъ самому обществу въ той же мѣрѣ, какъ дѣло дыханія принадлежитъ дышущему: насильственное въ него вмѣшательство внѣ и помимо общества стоящихъ, непризванныхъ и неумытыхъ людей есть преступленіе и святотатство. Возрожденіе общества образованіемъ всецѣло и исключительно лежитъ на обязанности отцевъ, на обязанности стараго поколѣнія: потому что только имъ извѣстно святое преданіе, которымъ дышетъ и живетъ общество; только они и призваны воспитать дѣтей и образовать юношество его завѣтнымъ образомъ.

Всѣ посторонніе должны быть устранены отъ этого жизненнаго дѣла, какъ не смыслящіе и неспособные понимать святыню общества и живую связь между его отцами и его дѣтьми.

И всякій разъ, какъ только живительная, образующая струя, текущая, какъ свѣтъ прошедшаго во тьму будущаго, отъ воспоминаній къ надеждамъ общества пре-

рывается грубыми манипуляціями людей, не смыслящихъ ни его прошедшаго, ни его будущаго, всякій разъ, какъ вслѣдствіе того, отцы перестаютъ надѣяться на дѣтей и не понимаютъ ихъ дѣтскаго толка,— когда дѣти, не довѣряя отцамъ, становятся неспособны понимать ихъ смысла,— когда наконецъ самое преданіе въ обществѣ оборвано,— общество неминуемо умираетъ и разлагается: въ немъ и за тѣмъ еще могутъ очень долго оставаться разнообразныя реальности его существованія, оно еще нѣкоторое время можетъ сохранять личину жизни; но самой жизни въ немъ уже не будетъ, изъ его разлагающихся останковъ будутъ выдыхаться уже не жизнь, но только смерть и ядовитые міазмы, которыми дышетъ все мертвое.

О значеніи женщины какъ въ воспитаніи, такъ и въ образованіи, нѣтъ никакой надобности распространяться: всѣ сознаютъ, что въ этомъ дѣлѣ заключается самое существенное призваніе ея. Но не всѣ однако съ достаточною ясностью различаютъ — что въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ женщинѣ и что — собственно мужчинѣ: потому что, не смотря на педагогику, не для всѣхъ ясны содержаніе, значеніе и самый смыслъ того, что есть воспитаніе и образованіе, которыя сплошь да рядомъ смѣшиваются съ обученіемъ.

У древнихъ все воспитаніе ограничивалось воскормленіемъ дѣтей, за окончаніемъ котораго непосредственно слѣдовало ихъ образованіе чисто общественнымъ образомъ.

Въ этомъ отношеніи, древніе почти вполнѣ раздѣляли взгляды, свойственные нашимъ крестьянамъ, которые, руководствуясь внѣшнимъ разумомъ всеобщей нужды, очень справедливо полагаютъ, что ребенка слѣдуетъ сперва вскормить и взростить, а потомъ, если это мальчикъ, вышколить, пріучая его по немногу къ дѣлу или отдавъ въ люди на выучку, въ науку; а если это дѣвочка, то отдавать ее никуда не надо; она должна,

оставаясь дома, безъ всякой науки, одною жизнью и сама собою научиться всему, что для ней нужно; она можетъ своимъ умомъ дойти до пониманія всего человѣческаго содержанія жизни. Какъ не грѣшатъ крестьяне, такъ и древніе отнюдь не грѣшили и не доѣзжали дѣтей особою педагогикою. Ихъ жизнь развивалась не въ тѣснотѣ нашихъ городовъ, а на полномъ просторѣ настежь предъ ними раскрытаго божьяго міра. Въ то время, какъ извѣстно изъ исторіи, дѣтей выпрощали и хоронили боги; но въ наше время боговъ поразогнали, и мѣсто ихъ заступили стѣснительныя условія и опасливыя внушенія ежедневной мѣщанской жизни, выражающейся вверху — требованіями такъ называемой образованности, или цивилизаціи, а внизу — требованіями горькой, неотступной нужды. Такъ что нынѣ, и особенно въ городахъ, гдѣ и цивилизація и нужда идутъ рука объ руку, дѣтей, не смотря и на педагогику, поневолѣ приходится воспитывать.

У древнихъ индивидуальность человѣка еще не имѣла своего полнаго значенія и, оставаясь поверхностнымъ, приличнымъ образомъ по отношенію къ общему благообразію, въ родѣ того какъ она и у нашихъ крестьянъ бываетъ только пригожею по отношенію къ общей пригодности,—еще не достигала всей глубины своей. Но, съ тѣхъ поръ какъ по всему міру внезапно пронеслась и огласилась необычайная вѣсть, что Панъ, что великій Панъ умеръ, съ тѣхъ поръ, какъ классическій образъ Прометея, прикованнаго судьбою къ скалѣ необходимости и терзаемаго древнимъ коршуномъ неотвязной скорби и тоски, замѣнился въ человѣческомъ самосознаніи образомъ Распятаго на крестѣ, жизнь человѣка, какъ вешній потокъ, переполненный водою, широко разлилась и, выступивъ изъ береговъ своего классическаго русла, изрыла его на невѣдомую прежде глубину. Человѣкъ сталъ другимъ человѣкомъ. За пригожествомъ всего, что пригодно, за приличіемъ всего, что сообразно и благообразно, ему сказался другой, беско-

нечно глубокій смыслъ; предписаніе дельфійскаго оракула γνῶθι σέαυτον, познай себя самого, исполнилось: человѣкъ дѣйствительно позналъ себя самого. Cogito ergo sum; выразивъ и уразумѣвъ въ этомъ рѣченіи всю самобытность и всю безусловность своей субъективной индивидуальности, онъ вбилъ ее, словно гвоздь, въ твердь небесную, въ ту самую необходимость, къ которой былъ когда то прикованъ Прометей, и на ней, на этомъ незыблемо вколоченномъ гвоздѣ, привѣсилъ и укрѣпилъ весь необъятный міръ съ его явленіями, съ его бесчисленными образами бытія, съ его сущностями и феноменами.

Съ тѣхъ поръ, воспитаніе стало необходимостію: бездонную глубину, которую жизнь изрыла въ руслѣ своемъ, необходимо наполнить ей соотвѣтствующимъ содержаніемъ; иначе она останется бесконечною пустотою, способною наполняться и всякою ложью, и всякимъ безсмысліемъ.

Малолѣтнія дѣти, пока они еще не обладаютъ сознательнымъ сужденіемъ, само собою разумѣется, принадлежатъ исключительно вѣденью женщины. Между ребенкомъ и его матерью образуется тайный заговоръ, въ которомъ они оба научаются имъ однимъ извѣстными знаками понимать другъ друга и быть между собою какъ особая, сама собою разумѣющаяся недѣлимость. Своимъ женственнымъ образомъ, образомъ красоты, святости и беспредѣльной милости, женщина — мать вторично рождаетъ дѣтей своихъ; она естественно есть первый образъ ихъ любимаго, ради котораго ихъ сердце, симпатическою заразою отъ матери къ ребенку, наполняется любовью ко всему, что она сама любитъ, — образуется тѣмъ бесконечнымъ образомъ, которымъ впослѣдствіи они будутъ понимать все, что имъ представится для пониманія.

Г. Спенсеръ, который обо всемъ трактуетъ, не могъ, конечно, обойти молчаніемъ и тему о воспитаніи дѣтей; излагая свои воззрѣнія по этому поводу, онъ особенно на-

ставаетъ на важности физическаго воспитанія, чрезъ которое дѣти научаются дышать, пить, ѣсть, спать, лежать, сидѣть, ходить, бѣгать и вообще пользоваться научнымъ образомъ какъ членами, такъ и всею цѣлостью своего организма. Эту самую науку должно проходить и, разумѣется, проходитъ въ дѣтскомъ возрастѣ и каждое животное: и удивительно, почему г. Спенсеръ, излагая систему физическаго воспитанія дѣтей для женщины, не счелъ нужнымъ изложить ее также и на пользу животныхъ — для собакъ, для кошекъ, которыя, какъ всякому извѣстно, тоже чрезвычайно озабочены правильнымъ физическимъ воспитаніемъ своихъ щенятъ и котятъ. Или, быть можетъ, г. Спенсеръ полагаетъ, что учить этому собакъ и кошекъ нечего, такъ какъ онѣ свое дѣло, по всей вѣроятности, лучше его знаютъ; а женщинъ надо учить ихъ дѣлу, такъ какъ онѣ, по его мнѣнію, ничего не смыслятъ, и много глупѣе собакъ и кошекъ?

Сквозь туманы будущаго научность мерещется ученымъ людямъ въ какомъ то апотеозѣ и очень не рѣдко, подъ предлогомъ гигіэны, физіологіи и педагогики, совсѣмъ сбиваетъ ихъ съ толку, такъ что они пускаются учить матерей и тому, что не только мать, но и каждая кормилица лучше ихъ знаетъ.

Какъ болото порождаетъ туманы, которые убиваютъ жизнь, такъ невѣжество растворяется и исходитъ непомѣрнымъ умничаньемъ надъ всѣмъ и надъ всѣми. Оно стоитъ на томъ, что люди ничего не знаютъ, чему оно ихъ не научило и, полагая ихъ въ постоянномъ несовершеннолѣтіи — неправоспособными, стремится забрать ихъ подъ свою опеку, чтобъ они жили не иначе, какъ подъ его указаніемъ, — подъ его школьною ферулою. Умничанье, вооруженное къ тому же научностью, хуже чѣмъ всякое насиліе убиваетъ свободу; потому что, если и въ самомъ дѣлѣ люди неученые ничего не знаютъ и сами собою ничего кромѣ вздора и глупости дѣлать не въ состояніи, то, само собою разумѣется, что они не могутъ и не должны быть свободными, что они не

должны смѣть жить по своему и распоряжаться своею жизнью и тѣмъ менѣе — жизнью цѣлаго общества: они во всемъ и всегда должны только повиноваться людямъ умнымъ и ученымъ. А умнымъ и ученымъ тотъ и считается, кто больше всѣхъ умничаетъ, кто пытается научить и мать и отца, какъ любить и соблюдать дѣтей своихъ. Какъ въ старину между дѣтьми и родителями, между мужемъ и женою, между человѣкомъ и его совѣстью, его душою, его истиною, его Богомъ, стояли монахъ или жандармъ, такъ теперь встанутъ ученые физіологи, педагоги и соціологи: и отъ того — свободы въ мірѣ будетъ не больше.

Въ жизни творится безусловно святое: и предъ его бесконечнымъ образомъ человѣкъ, не смотря на всю ученость свою, невольно и съ любовью сознается, что онъ ничего не знаетъ, — что не онъ измѣряетъ бесконечность своею ограниченностью, но что напротивъ, бесконечность обнимаетъ, охватываетъ и проникаетъ его, что она научаетъ его — понимать свободу и быть свободнымъ человѣкомъ. Во имя научности, всѣхъ не только можно, но даже должно учить: чѣмъ и открываются двери къ безпредѣльному умничанью. Во имя бесконечности, которою дышетъ самая жизнь, всякое умничанье осаждается, какъ непозволительное неприличіе, и никто никого учить не можетъ и не смѣетъ.

Первоначальное воспитаніе, въ которомъ самая неученая женщина своимъ непосредственнымъ, женским образомъ вливаетъ въ душу дѣтей тотъ образъ по манія, которымъ они впослѣдствіи поймутъ все, что когда-либо понимать будутъ, есть магическое, для мужчинъ непонятное и недоступное воспитаніе; оно есть женское творчество; имъ мать творитъ самую душу или образъ души своего ребенка; безсмысленный ребенокъ, едва умѣющій или неумѣющій вовсе видѣть и слышать, въ матери своей видитъ, слышитъ и узнаетъ всю душу ея; онъ читаетъ ея мысль, пьетъ ея жизнь на груди ея, во взорѣ ея, въ ея улыбкѣ, въ малѣйшемъ жестѣ, въ малѣйшемъ ея движеніи; какъ заговорщикъ заговорщика,

онъ понимаетъ ее по малѣйшему знаку ея, когда посторонніе ничего понять не могутъ; онъ понимаетъ все то, что она поняла: потому что понимать — значитъ жить; а онъ живетъ ею и исполняется всѣмъ существомъ ея. Въ послѣдствіи, когда въ ребенкѣ просыпается его сознательное сужденіе, въ немъ оказывается уже вполнѣ завершенный образъ пониманія, которымъ онъ и будетъ и судить и понимать все дальнѣйшее. Но завершенность его образа пониманія заключается не въ объемѣ, а именно только въ образности его; — не въ томъ, что онъ понимаетъ, а только въ томъ, какъ онъ понимаетъ. Вслѣдствіе такой образности, каждый человѣкъ является индивидуально, вполнѣ самобытнымъ образомъ бытія; что и обусловливаетъ во всемъ существѣ его личную, неподражаемую особность.

Входя постепенно въ возрастъ, ребенокъ приходитъ все въ большее и большее соприкосновеніе съ внѣшностью, которая, если и прикасалась къ нему прежде, то не иначе, какъ самымъ образомъ его матери. Его самобытная особность въ себѣ самой еще не имѣетъ ни своего языка, ни своего выраженія. Внѣшняя же среда, въ которой онъ обрѣтается, уже имѣетъ свое полное выраженіе въ готовомъ языкѣ, въ опредѣленныхъ образахъ жизни, въ ея порядкахъ и условныхъ символахъ, въ правилахъ, въ обычаяхъ, въ нравахъ, въ представленіяхъ, во всей цѣлости какъ ея домашняго, такъ и общественнаго строя. А потому ребенокъ, вступая своею жизнью въ эту внѣшнюю среду, принужденъ, примѣняясь къ ней, выражать ея выраженьями, ея языкомъ, ея знаками все содержаніе своей индивидуальности, все значеніе своей задушевной особности. Но между жизненнымъ, особымъ значеніемъ души ребенка и между общимъ значеніемъ и общими знаками внѣшней среды нѣтъ взаимнаго соотвѣтствія, нѣтъ сообразности: и потому, встрѣчаясь, они ломятъ и искажаютъ другъ друга взаимно. У ребенка еще нѣтъ ни достаточного смысла, ни достаточной силы для того, чтобы, овладѣвъ и своимъ

особымъ, задушевнымъ значеніемъ и общимъ, отчасти условнымъ, конвенціональнымъ знакомъ внѣшней среды, сочетать и сообразить ихъ въ дѣйствительность своего жизненнаго образа; ему непонятно — что отъ него требуютъ, что ему говорятъ и что его учатъ говорить: все это для него внѣшнее и вовсе не то, что онъ есть самъ въ себѣ, что онъ въ себѣ самомъ думаетъ и знаетъ. И, чтобы быть самимъ собою, ему приходится быть супротивнымъ, непослушнымъ, упорнымъ и, преступая внѣшній порядокъ и уставъ жизни, то и дѣло нарушать все, что отъ него ожидается и требуется. Для того же чтобъ быть кроткимъ и послушнымъ, онъ долженъ, нарушая самое существо свое, прикидываться другимъ, принимать обликъ того, чего онъ въ самомъ дѣлѣ не имѣетъ въ себѣ. Но его неволятъ, и онъ, не находя иного выхода, поневолѣ впадаетъ въ ложь. Принципъ, или самое начало лжи въ томъ именно и состоитъ, что человѣкъ, расходясь съ собою, распадается и двоится въ себѣ на два существа, изъ коихъ однимъ — онъ обращается къ внѣшности, другимъ — къ себѣ самому. Гдѣ нѣтъ воспитанія, тамъ нѣтъ по крайней мѣрѣ и этой лжи. Но въ сферахъ, гдѣ на воспитаніе обращено должное вниманіе и гдѣ оно проводится еще и съ педагогикой, ложь вызывается искуственно и образуется не просто, а педагогически со всѣми прикрасами и оттѣнками тщеславія и лицемѣрія. Вслѣдствіе чего и бываетъ, какъ уже издавна всѣмъ извѣстно, что дѣти — шалуны и повѣсы, которыя такъ несносны своимъ повѣсничаньемъ, въ большинствѣ случаевъ оказываются и лучше, и способнѣе тихонь, умницъ и пай-дѣтей.

Только одна любовь матери, только одна любовь женщины избавляетъ и въ состояніи избавить дѣтей отъ лжи, которою безъ ней неминуемо искажаются и дѣтство и самое существо ихъ. Дѣти сами собою, разумѣется, еще ничего не смыслятъ: но чрезъ женскую душу и милостью любви ея и непонятное становится имъ понятнымъ. Не даромъ же женщина носитъ дѣтей на

рукахъ своихъ: быть на рукахъ, не стоять самому есть признакъ и выраженіе полнѣйшей зависимости; но дѣти, отдаваясь въ руки матери съ безусловнымъ довѣріемъ, этой зависимости любви, этой привязанности къ своей матери не боятся, но напротивъ требуютъ оной: потомучто, предаваясь ей, они въ ней своего существа не теряютъ, но напротивъ находятъ: въ своей полнѣйшей зависимости, они по милости любви, находятъ свою полнѣйшую свободу; а въ свободѣ кромѣ одной правды ничего не можетъ быть; ложь исключена изъ ней безусловно. Мать въ своемъ ребенкѣ находитъ самую себя во всей его слабости; за то ребенокъ находитъ самаго себя въ своей матери во всей ея силѣ: потому что милость снисхожденія сильнаго къ слабому всегда обращается въ слабомъ въ силу его восхожденія къ сильному; и мать безпредѣльно слаба къ своему ребенку, для того чтобъ онъ, оставаясь вполнѣ свободнымъ, вполнѣ самимъ собою, становился силенъ всею ея силою. Женщина беретъ и на рукахъ своихъ поднимаетъ ребенка въ сферу бытія, куда безъ ней онъ самъ собою не могъ бы подняться: но, поднятый ея любовью, онъ на крыльяхъ любви ея вмѣстѣ съ нею возносится на высоту пониманія, недосягаемую не только для него, бѣднаго ребенка, но и для умныхъ, и для ученыхъ людей, которые, хотя уже давно вышли изъ дѣтскаго возраста, но все еще не понимаютъ, что любить — именно и значитъ понимать вполнѣ;—что непонятно только то, въ чемъ нѣтъ любви,—что любовь есть истинный образъ понятія, которымъ и самое непонятное понимается.

Несообразность или несоотвѣтствіе между внѣшнимъ знакомъ и внутреннимъ значеніемъ жизни, между ея словомъ и ея дѣломъ, есть самое начало лжи, изъ котораго въ послѣдствіи развиваются всѣ ея дальнѣйшіе образы и виды. Лживое начало закладывается еще въ дѣтскомъ возрастѣ, съ самого того момента, когда внѣшняя среда только что начинаетъ предъявлять дѣтямъ свои первыя требованія, когда дѣти и съ вида какъ будто утрачиваютъ свой ангельскій образъ. Несоотвѣтствіе и разногласіе

между внѣшними требованіями и между самымъ существомъ жизни, или дѣтская ложь, съ развитіемъ въ ребенкѣ сознанія, ума или разсудка, не проходитъ, не сглаживается, какъ многіе предполагаютъ, но напротивъ — только болѣе и болѣе разростается; въ родѣ того, какъ и расходящіяся линіи въ ихъ продолженіи не сходятся, а напротивъ еще болѣе расходятся и не перестаютъ расходиться пока не разойдутся наконецъ на всю бесконечность. Ложь, такимъ же образомъ, являясь въ самомъ началѣ бесконечно малымъ расколомъ между душою и ея выраженіемъ и сущимъ ребячествомъ, въ концѣ концевъ разростается въ ложь бесконечную, отрицающую въ человѣкѣ не только все святое, но и его самаго, самую сущность, самую истину бытія его, самое человѣчество человѣка; вслѣдствіе чего, человѣкъ признается за скотину и другіе, подобные скоты, съ полнымъ правомъ обращаются съ нимъ какъ со скотиною: такъ какъ въ немъ нѣтъ ни красоты, ни свободы, ни истины, нѣтъ никакой дѣйствительности, а только одна сплошная ложь.

Противъ предательски вертлявой лжи и ея бесконечнаго отрицанія — правда утверждается только вѣрою. Утвержденіе всѣмъ существомъ своимъ правды и есть самая вѣра. Кто извѣрился въ себѣ самомъ, въ томъ правды нѣтъ и не можетъ быть, и тому вѣрить нельзя; вѣрить можно только тому, кто самъ вѣритъ, кто, утверждая собою правду, не двоится во лжи. Вѣра есть бесконечное утвержденіе самой жизни, она проявляется живымъ актомъ, утверждающимъ дѣйствительность и ея бесконечную истину. Вѣрою жизнь человѣка утверждается какъ несомнѣнная истина въ необъятномъ царствѣ лжи и смерти; вѣрою утверждается бесконечный помыслъ человѣка, несмотря на невѣроятность и наперекоръ всей реальности; вѣрою утверждается безусловная свобода человѣка въ сферѣ безпредѣльнаго рабства. Вѣра есть невообразимая сила и дерзость человѣка — жить и дышать помысломъ о непостижимой высотѣ его назначенія въ самой средѣ непомѣрной низости. Credo quia absurdum est.

Ребенку ли понять своею ребяческою душею помыслъ, котораго не въ состояніи понять и взрослые люди? Ребенку ли повѣрить въ то, во что и мудрецы не въ силахъ увѣровать? а если онъ не поймет, если онъ не увѣруетъ, если онъ не проникнется всѣмъ смысломъ и всею дерзостью этого помысла,—помысла утверждающаго непонятное, немыслимое, невозможное,—помысла, утверждающаго чудо, то какимъ же образомъ можетъ онъ быть избавленъ отъ наступающей на него лжи и ея отрицанія?

Но и самая жизнь уже есть утвержденіе невозможнаго и чудо: она есть, есть несомнѣнно; а кто же понимаетъ, кто же можетъ понять, кто же въ силахъ вымѣрить своею ограниченностью и сказать какъ есть и что такое есть жизнь? Предъ лицемъ всего знанія и всей науки она есть непонятное, необъяснимое чудо, то самое, чего быть не можетъ.—Любовь есть еще сильнѣйшее утвержденіе еще большей невозможности,—чудо еще высшей степени. Вѣра же есть помыслъ любви и бесконечное утвержденіе того, что безъ ней казалось бы только бесконечною невозможностью, она есть бесконечное чудо.

А жизнь, любовь и вѣра женщины есть утвержденіе самой бесконечности; въ ней и ею безусловно невозможное и несообразимое становится ежедневною, сущею правдою, самою дѣйствительностью; она каждымъ дыханіемъ передаетъ своему ребенку вмѣстѣ съ своею жизнью и всю любовь, и всю вѣру свою.

Своею вѣрою, своимъ жизненнымъ утвержденіемъ она утверждаетъ въ немъ его собственную жизнь и всю дѣйствительность, всю правду его жизни. Въ ея вѣрѣ, ея вѣрою ребенокъ ея вторично рождается и, воспринимая отъ ней образъ своего пониманія всего другаго, ея же образомъ утверждаетъ себя, свое существо и всю правду свою во внѣшности и противъ внѣшности.

Вмѣсто лжи, которая неминуемо должна была бы встать между его внутреннимъ существомъ и между его выраженіемъ во внѣшней средѣ, между ними становится

бесконечный помыслъ и образъ его матери. И ея помысломъ, ея любящимъ и любимымъ образомъ, въ которомъ ребенокъ бесконечно свободенъ, онъ избавляется отъ лжи, утверждается въ существѣ своемъ, воспитывается и научается въ мѣру дѣтскихъ силъ своихъ утверждать правду своимъ утвержденіемъ, своею вѣрою, своею жизнью.

Дѣтская правда, которую дѣти, во сколько они живутъ, утверждаютъ своимъ дѣтскимъ образомъ, есть дѣтская — не потому, чтобы она была не полною, половинною и только для дѣтей приспособленною правдою Какъ нѣтъ не полной жизни, такъ не можетъ быть и не полной правды; неполная правда была бы только полною ложью. Чистая ложь во всякомъ случаѣ лучше нежели правда попаламъ съ ложью; путь къ утвержденію правды отъ чистаго нигилизма несравненно ближе, чѣмъ отъ двусмыслія его казенныхъ обличителей, искажающихъ правду своею лживостью.

Дѣтская правда есть вполнѣ правда и вся правда. какъ и чистота не есть чистота съ примѣсью грязи, а только вся чистота. Но правда дѣтей есть еще дѣтская правда только потому, что она вся опирается о сердце ихъ матери и носитъ на себѣ только ея образъ, смотритъ ея взоромъ, говоритъ ея голосомъ, сказывается ея роднымъ выраженіемъ, утверждается ея утвержденіемъ.

Съ дальнѣйшимъ развитіемъ дѣтей, ихъ дѣтская правда становится постепенно самобытнѣе; она находитъ себѣ и другія, болѣе общія, болѣе отвлеченныя основанія: самый завѣтный голосъ ея, конечно, всегда будетъ сливаться съ роднымъ голосомъ матери, самыя задушевныя черты ея всегда будутъ любимыми чертами ея образа; но точкой опоры ея, кромѣ сердца матери, окажется и все ближайшее къ ней, и все, что она любитъ и любила. Тотъ же голосъ правды дѣти услышатъ и отъ сестеръ и братьевъ своихъ; весь домъ и всѣ домашніе повторятъ имъ туже правду, они услышатъ ее изъ среды общества; ея же голосомъ отзовутся имъ и природа, и художество, и наука и наконецъ весь міръ своимъ міро-

вымъ голосомъ засвидѣтельствуетъ имъ, что особая правда ихъ матери есть всеобщая міровая правда.

Дѣти, живя правдою, о которой имъ неотступно говоритъ все окружающее, все любящее ихъ, устанавливаются ею и сами утверждаютъ ее своимъ дѣтскимъ образомъ; и имъ постепенно открывается, что правда эта и есть то глубокое преданіе, изъ за котораго жили, работали, страдали и умирали другъ за другомъ всѣ поколѣнія людей, которымъ живетъ и дышетъ общество, которое есть неисповѣдимая, никогда не умирающая мечта человѣка, человѣчества и всего міра.

Еще воспитаніе дѣтей не вполнѣ закончено, какъ уже начинается ихъ ученіе, или ихъ обученіе, которое постепенно и подготовляетъ ихъ къ образованію.

У насъ за послѣднее время ученіе, или расширеніе круга сознанія, очень часто смѣшиваютъ съ тѣмъ, что есть образованіе: между тѣмъ и то и другое, какъ ни близки другъ къ другу, какъ ни сливаются взаимно, идя другъ съ другомъ почти рука объ руку, по самому существу своему — два совершенно различныя отправленія.

Ученіе есть лишь экстенсивное распространеніе круга представленій, знаній, свѣденій, или вообще круга сознанія; — лишь ознакомленіе съ внѣшностью, или со сценою и съ обстановкою сцены человѣческой жизни. Образованіе же, имѣя въ виду самую жизнь человѣка, относится къ его самосознанію, или къ тому образу, которымъ онъ живетъ, соображаетъ и понимаетъ все то, что знаетъ.

Самые ученые люди очень нерѣдко бываютъ очень мало образованными и на оборотъ, люди не ученые могутъ быть глубоко образованными людьми: потому что ученость, имѣя въ виду только матерьялъ, только содержаніе міра, доставляемые знаніемъ, суда надъ обладаемымъ ею матерьяломъ не имѣетъ и не знаетъ образа, которымъ его слѣдуетъ судить: вслѣдствіе чего, ученые люди вовсе не гарантированы ученостью отъ возможно-

сти утверждать великія нелѣпости, самую пошлую казенщину мысли и самые мертвенные тривіализмы жизни.

Напротивъ, образованность, обладая лишь тѣмъ матерьяломъ, который каждому человѣку представляется и по мимо науки самою жизнью, имѣетъ въ виду только тотъ истинный образъ, которымъ этотъ матерьялъ судится: вотъ почему Вольтеръ, который былъ не повиненъ въ учености, былъ самымъ образованнымъ человѣкомъ своего времени; а его другъ и великій ученый Мопертюи, президентъ академіи наукъ въ Берлинѣ, предъявлялъ собою разительный примѣръ весьма ученой необразованности.

Въ мірѣ находится всякая всячина, всякіе люди, всякія дѣла: въ немъ живутъ Терситъ и Ахиллъ, Неронъ и Сократъ, г-жа Дюбари и Жанна д'Аркъ; въ немъ бываютъ всякія дѣла: и защита Термопилъ, и открытіе Америки, и Варѳоломеевская ночь, и геройство, и предательство; въ немъ процвѣтаютъ всякія ученія, встрѣчаются всякаго рода утвержденія и отрицанія. Знать все это содержаніе, имѣть его въ своемъ сознаніи, какъ нѣчто извѣстное и знакомое, составляетъ собственно ученость, и достигается ученіемъ. Но какою мѣрою все это мѣрить, какимъ судомъ это судить — никакая наука указать не можетъ, такъ какъ она не знаетъ ни этой мѣры, ни этого суда. Они даются только образованіемъ, которое и указываетъ истинный образъ, которымъ все что есть и мѣрится и судится.

Что касается собственно до ученія, то оно есть чисто женское дѣло до тѣхъ поръ, пока дѣти еще не способны къ уразумѣнію абстракціи, которая есть самый ключь отпирающій двери во всю научную область.

До развитія въ дѣтяхъ способности понимать абстрактное и замѣнять самое значеніе вещи его отвлеченнымъ знакомъ, дѣти должны учиться подъ руководствомъ женщины; и что бы тамъ ни говорили о наглядномъ обученіи или о другихъ методахъ педагогики, любовь женщины и ея душа, прилегающая этою любовью непосредственно къ дѣтской душѣ, при нѣкоторой внимательно-

сти, которая есть прямое выраженіе всякой любви, есть единственная наглядность, потому что ею душа глядитъ въ душу, и единственная разумная педагогика, которыя способны развивать дѣтское пониманіе и предъ которыми всѣ другія — съ ихъ конками и собаками — только сущее уродство, глумленіе надъ дѣтьми и безобразіе педантизма.

Но какъ скоро ребенокъ одолѣлъ первыя абстракціи знаковъ изученіемъ грамоты и четырехъ правилъ ариѳметики и научился читать, писать и считать, тогда наступаетъ его пора поступить въ мужскія руки, въ руки учителей, хотя бы они и грѣшили имъ свойственнымъ педантизмомъ.

Конечно, до поры до времени, пока еще нѣтъ учителя, учить дѣтей можетъ и учительница; но, строго говоря, преподаваніе наукъ вовсе не женское дѣло. Всѣ науки, даже на сколько оныя заключены въ учебникахъ, представляютъ собою только разнообразныя системы абстракцій: женщина же отъ природы слишкомъ наивна, конечно не въ жизни, но въ дѣлѣ учености,— слишкомъ искренна для того, чтобы обладать какъ мастеръ смысломъ абстракціи. Всѣ науки, особенно въ ихъ изложеніи въ учебникахъ,— отчасти тоже самое, что и низкопробная монета, имѣющая одну конвенціональную цѣну въ обращеніи на рынкѣ, и совершенно иную, настоящую, въ самомъ источникѣ ея производства, на монетномъ дворѣ. Если бы казна была достаточно богата золотомъ и серебромъ, то ей бы не зачѣмъ было прибѣгать къ издѣлью конвенціональной монеты: но бѣдность неволитъ ее. Но если уже и казна не можетъ похвалиться избыткомъ обладаемаго ею благороднаго метала, то, по сравненію съ ея бѣдностью и съ ея недостаткомъ, бѣдность и недостатокъ въ обладаніи чистою истиною въ сферахъ положительнаго знанія должны быть признаны положительнымъ банкротствомъ. Вслѣдствіе чего научная сфера и принуждена вмѣсто самой истины пускать въ ходъ истины условныя, конвенціональныя или вообще

абстракціи. Мужчина, отлично знаетъ о конвенціональномъ значеніи преподаваемыхъ имъ научныхъ истинъ; такъ какъ онъ судитъ о ихъ достоинствѣ по самому источнику, откуда онѣ истекаютъ: а при этомъ источникѣ, ему отлично извѣстно, что вмѣсто свѣта и дѣйствительнаго знанія преобладаютъ смута, недоумѣніе и сомнѣніе. А потому, зная съ чѣмъ онъ имѣетъ дѣло, онъ и въ преподаваніи излагаетъ великія истины и строгую дисциплину ввѣренной ему науки съ приличною улыбкою и, оттѣняя, подчеркивая ею въ умахъ учащихся точное значеніе и достоинство преподаваемыхъ имъ абстракцій, опредѣляетъ во что ихъ должно цѣнить и какъ съ ними слѣдуетъ обращаться. Онъ ясно и понятно выражаетъ, что ради множества разныхъ причинъ, поводовъ и условій надо, чтобы учащіеся знали то, чему онъ ихъ учитъ, но что въ сущности, если они чего и не будутъ знать, то въ этомъ большой важности нѣтъ.

Женщина не владѣетъ абстракціей и не разумѣетъ ничего конвенціональнаго. Для нея всякая отчеканенная монета есть серебро и золото; за что она ходитъ, то она для нея и есть; и всякое научное положеніе, выслушанное или вычитанное ею, она принимаетъ за несомнѣнную истину, къ которой относится какъ къ предмету вѣры, какъ къ святынѣ,—съ полнымъ благоговѣніемъ, безъ глумленія и безъ малѣйшей критики.

Женщина и въ этомъ остается вѣрна самой себѣ: своему предмету она предается вся, всѣмъ существомъ своимъ; такъ что предметъ владѣетъ ею, но она не владѣетъ предметомъ своимъ. Ей недостаетъ способности абстракціи, которою предметъ овладѣвается. А потому она, сверхъ элементарнаго обученія чтенію, письму и счету, къ дальнѣйшему преподаванію наукъ совершенно неспособна.

Что, кажется, проще преподаванія географіи и исторіи? Но и тутъ, не имѣя въ виду абстрактныхъ мѣръ и отношеній пространства и времени, она не умѣетъ соблюдать надлежащей перспективы; вслѣдствіе чего, какъ

легко можно подмѣтить, въ ея преподаваніи и различныя страны съ ихъ очертаніями, и различныя событія съ ихъ обстоятельствами, постоянно выскакивая изъ своихъ предѣловъ, изъ своихъ орбитъ, стѣсняютъ и загромождаютъ другъ друга: далекое и близкое, большое и малое, давнишнее и недавнее, долгое и краткое смѣшиваются и путаются другъ съ другомъ, являясь какими то ни съ чѣмъ не сообразными, отдѣльно стоящими, географическими или историческими кусками, или картинами въ китайскомъ вкусѣ.

Преподаваніе наукъ вовсе не женское дѣло. За то сверхъ воспитанія и дѣло дѣйствительнаго образованія тѣмъ болѣе принадлежитъ женщинѣ, если только вліяніемъ и теченіемъ времени она не сорвалась съ своей собственной орбиты и не попала изъ сферы женскаго идеализма въ тупую сферу мужскаго педантизма.

До нѣкотораго возраста дѣти безразлично и дѣвочки, и мальчики воспитываются и учатся вмѣстѣ. Но, какъ говорятъ, дѣвочки развиваются быстрѣе, и наконецъ, само собою приходитъ время, когда онѣ и совсѣмъ отдѣляются отъ мальчиковъ: становятся серьезными, разумными, впадаютъ въ резонерство и начинаютъ уже умничать, судить и подмѣчать самыя черты жизни, когда мальчики пребываютъ еще вполнѣ глупыми школьниками

Сестры проникаются гораздо ранѣе братьевъ разумомъ дѣйствительности; онѣ скорѣе догадываются о томъ, что есть образъ истины. Въ молчаливости отца, въ озабоченности матери, въ ихъ вскользь брошенныхъ словахъ, въ ихъ занятіяхъ, въ радости и печали, въ ихъ гнѣвѣ, въ ихъ негодованіи, во всемъ существѣ ихъ и всего болѣе въ томъ, о чемъ отецъ и мать умалчиваютъ, внимательныя дѣвочки почти невольно читаютъ тайную думу жизни и, еще не разбирая ея вполнѣ, уже усвоиваютъ себѣ знаки ея: такъ какъ эти имъ еще непонятные знаки уже намекаютъ имъ на чтото для нихъ очень понятное. Онѣ тише, спокойнѣе мальчиковъ, и потому несравненно внимательнѣе ихъ и при своей чуткости

уже бываютъ задумчивы и, углубляясь въ настоящій смыслъ жизни, не рѣдко разбираютъ, хотя еще и по складамъ, загадку дѣйствительности, тогда какъ ихъ братья, и не рѣдко даже старшіе братья, еще ничего не смысля, какъ ни въ чемъ не бывало, ѣздятъ верхомъ на какой нибудь палочкѣ, повѣсничаютъ, шумятъ и, преслѣдуя, издѣваются надъ сестрами, надъ ихъ притязаньемъ быть большими, умными и серьезными.

А между тѣмъ ученіе какъ сестеръ, такъ и братьевъ подвигается; сестры предъ братьями идутъ обыкновенно нѣсколькими шагами впередъ: потому что онѣ послушнѣе, скромнѣе, тише и внимательнѣе. И наконецъ, для успѣха и полнаго развитія и тѣхъ, и другихъ настаетъ время, когда ученіе дѣвочекъ совершенно отдѣляется отъ ученія мальчиковъ.

При первобытной грубости, при большой бѣдности и самой жизни, и средствъ къ жизни, когда женскій образъ еще очень слабо и недостаточно различился въ обществѣ отъ образа мужскаго, сплошь да рядомъ случается, что дѣвочки подвергаются совершенно такому же обученію и при тѣхъ же условіяхъ какъ и мальчики: бѣдному обществу еще не до различій, еще не до тонкостей: ему лишь бы только въ чернѣ, лишь бы только гуртовымъ порядкомъ исполнить дѣло свое, лишь бы и мальчиковъ и дѣвочекъ простымъ азамъ научить. И по нуждѣ, когда еще и сами родители полуграмотны или и безграмотны, и живутъ черствою и стихійною жизнью въ средѣ безпредѣльнаго невѣжества, дѣвочки учатся на одинаковыхъ основаніяхъ, въ одинаковыхъ условіяхъ и тѣмъ же порядкомъ, какъ и мальчики: ходятъ въ школы, зубрятъ уроки, держатъ экзамены, проваливаются или выдерживаютъ ихъ, удостоиваются разныхъ дипломовъ, поступаютъ на высшіе курсы, слушаютъ лекціи и, пріобрѣтая нѣкоторую научную выправку по части разныхъ наукъ, какъ и студенты, получаютъ право считаться и учеными, и образованными.

Должно думать, что и такого рода гуртовое, школь-

ное ученіе и образованіе окажется для дѣвочекъ, по крайней мѣрѣ для очень многихъ изъ нихъ, и лучше, и выгоднѣе, чѣмъ ихъ пребываніе въ ихъ естественной сферѣ грубости и невѣжества; хотя самая жизнь и научаетъ очень многому и болѣе важному, чѣмъ то, чему можно научиться въ школахъ. Но во всякомъ случаѣ, такое ученіе, такіе пріемы образованія являются только дѣломъ нужды и недостатка; и при нихъ женская природа, женскій образъ еще совершенно не вѣдаются, какъ нѣчто еще не выдѣленное и не существующее.

Отсутствіе въ обществѣ женскаго образа есть въ немъ самая сущность его необразованности; и пріемы, которыми онъ болѣе и болѣе стирается, если и могутъ считаться ведущими къ образованности, то развѣ только чрезвычайно окольнымъ путемъ.

Всякаго рода бѣдность, всякаго рода недостатки, всякаго рода отсутствіе и пустота во всякой средѣ проявляются обыкновенно подъ схемою обобщенія, которая, какъ общая могила, принимаетъ въ себя безразлично всякое содержаніе. Нищета, невѣжество и тривіализмъ общества, или его отсутствіе, всего яснѣе высказываются въ обобщеніи въ немъ женскаго образа съ образомъ мужскимъ. Но на это самое обобщеніе, въ которомъ пропадаетъ общественная жизнь по ея безсилію, въ наше время очень многіе указываютъ съ торжествомъ, какъ на знаменье великой современной образованности. Жизнь чутко различаетъ дѣйствительное развитіе, или преобразованіе безразличной, стихійной матеріи въ различенные и опредѣленные образы, отъ разложенія этихъ образовъ и ихъ распаденія въ безразличность стихійной матеріи; но абстрактныя, научныя воззрѣнія, не обладая чуткостью жизни, по свойственному имъ духу обобщенія смѣшивая и то и другое, привѣтствуютъ наступающую образованность въ томъ, что есть полнѣйшее проявленіе необразованности.

Женская природа есть полная и совершенная противоположность природѣ мужской, и полезное для по-

слѣдней часто оказывается противоестественнымъ, вреднымъ и неприличнымъ для первой: схема обобщенія, или подведеніе подъ общее правило, столь пригодныя при обученіи мальчиковъ, не только не пригодны, но совершенно противны всѣмъ свойствамъ и качествамъ женственности при обученіи дѣвочекъ; онѣ научаются чему нибудь вовсе не чрезъ ихъ гуртовое обобщеніе, а напротивъ только и исключительно чрезъ ихъ индивидуальное обособленіе. Къ мальчикамъ можно и должно относиться общимъ, гуртовымъ порядкомъ; они слишкомъ повѣсливы, шумны и мало внимательны, чтобъ замѣчать тонкія, нѣжныя, индивидуальныя черты и опредѣленія; для нихъ замѣтны только абстрактныя, базарныя и гуртовыя опредѣленія; самого образа жизни они понимать не въ состояніи. Но относиться чрезъ базарное обобщеніе, гуртовымъ, абстрактнымъ порядкомъ и къ дѣвочкамъ есть базарная грубость; и ничто такъ не противно имъ, какъ гуртовое обращеніе съ ними: онѣ живутъ не вообще, не шумомъ, не повѣсничаньемъ; онѣ затихаютъ очень рано отъ ребяческаго шума и повѣсничанья; и въ ихъ затишьи, рано пробуждается внимательность, съ которою онѣ внимаютъ всѣмъ голосамъ, всѣмъ проявленіямъ жизни. Образъ ея волнуетъ душу ихъ и исполняетъ ее совершенно особою, вполнѣ индивидуальною задумчивостью: и въ этой задумчивости таится вся дѣйствительность, вся серьезность наступающаго общества.

Для мальчиковъ — ихъ главное всегда въ томъ, что они имѣютъ вообще, вмѣстѣ съ товарищами и въ правилахъ товарищества. Для дѣвочекъ — находиться постоянно въ гурьбѣ, хотя бы и съ подругами, есть отчасти уже неволя и принужденіе, въ которомъ онѣ и сами невольно грубѣютъ: такъ какъ въ такомъ общеніи ихъ женская природа не развивается, а только стирается и сводится подъ общее, имъ вовсе не свойственное лекало. Для нихъ — ихъ главное вовсе не то, что онѣ имѣютъ вообще и вмѣстѣ съ подругами, а только то, что каждая изъ нихъ имѣетъ особо, что каждая изъ нихъ находитъ у

себя дома. Если мальчики живутъ общеніемъ и образуются обобщеніемъ, то дѣвочки напротивъ живутъ и образуются только своей особностью.

Всякое обобщеніе есть для нихъ грубая тривіальность, отъ которой онѣ инстинктивно отвращаются, потомучто, въ силу ихъ естественнаго аристократизма, въ каждой изъ нихъ уже чувствуется потребность быть особою и не смѣшиваться съ толпою

Лучшее воспитаніе для дѣвочекъ, но разумѣется и самое дорогое, есть безспорно домашнее воспитаніе; и всякое дѣйствительное общество, по мѣрѣ силъ своихъ, по мѣрѣ своего богатства и своей образованности, на сколько въ немъ есть дѣйствительности, стремится къ осуществленію такого воспитанія: его не могутъ замѣнить никакія женскія школы, никакіе пансіоны или монастыри, никакіе женскіе курсы или университеты.

Сообразно съ общественнымъ призваніемъ для мальчиковъ, при ихъ обученіи, имѣется въ виду ихъ спеціальное образованіе: они готовятся быть въ обществѣ работниками, справлять какую нибудь частную должность, исполнять какое нибудь нужное и полезное дѣло, имѣть какое нибудь спеціальное занятіе; и потому, имъ нельзя пребывать вообще, они должны спеціализироваться и сомкнуться, сложиться умомъ, способностью, всѣмъ существомъ своимъ въ какую нибудь спеціальность: быть военнымъ, быть администраторомъ, быть юристомъ, быть докторомъ, быть ученымъ, быть фабрикантомъ, быть купцомъ, быть агрономомъ или техникомъ, быть вообще въ какой нибудь части или области различныхъ общественныхъ отправленій свѣдущимъ и умѣлымъ человѣкомъ. Потомучто призваніе мужчины состоитъ въ томъ, чтобъ вѣдаться съ внѣшними дѣлами, съ вещами, со всѣмъ тѣмъ, что есть матерія, матерьялъ и средства для жизни.

Призваніе женщины напротивъ въ томъ, чтобъ вѣдаться съ человѣкомъ и съ самою жизнью. Развитіе и образованіе женщины не имѣютъ въ виду никакой спеціальности; всякая спеціальность всегда съуживаетъ и

ограничиваетъ человѣческій образъ; а женское образованіе имѣетъ своею цѣлью именно только разширеніе человѣческаго образа въ сознаніи женщины до послѣднихъ предѣловъ, до полной, ничѣмъ не стѣсненной свободы его, до его божественности, такъ какъ онъ есть образъ и подобіе Божіе.

Женщина образуется вовсе не съ тѣмъ, чтобъ стать способною къ отправленію какихъ нибудь внѣшнихъ, частныхъ или общественныхъ дѣлъ,—вовсе не для внѣшности, а только для самой себя, чтобъ стать въ себѣ самой живымъ, дѣйствительнымъ, бесконечнымъ образомъ, изъ котораго, какъ изъ своего источника, исходитъ и вся образованность общества.

Жизнь человѣческую съ многоразличными нуждами, дѣлами, заботами, трудами, напастями, волненіями и бурями, которымъ она подвергается, не даромъ и не разъ уподобляли кораблю, готовящемуся къ плаванію или уже плывущему по бурному океану. На кораблѣ безъ капитана, который знаетъ свое дѣло и имѣетъ всѣ качества, чтобъ командовать и управлять командою, обойтись не возможно. Но женщинѣ, хотя бы она въ совершенствѣ обладала всею теоріей навигаціи, никогда не вручатъ команды надъ кораблемъ. Не ея рукъ это дѣло.

Для абстрактныхъ теорій, по отсутствію въ нихъ дѣйствительнаго содержанія и образа человѣческаго, все представляется очень возможнымъ.

И въ теоретическомъ обобщеніи, изрекающемъ, что женщина такой же человѣкъ, какъ и мужчина, при чемъ однако жь ни чѣмъ не опредѣлено, что значитъ быть человѣкомъ, положительно не видать — почему жь бы и женщинѣ не исправлять всѣ тѣ дѣла, которыя исправляются мужчиною, почему бы и ей тоже не командовать на кораблѣ въ его плаваньи по океану?

Такого рода обобщенія, такого рода смѣшенія призванія женщинъ съ призваніемъ мужчинъ, такая стихійная безразличность существенно различнаго, являются всегда главнымъ признакомъ и свидѣтельствомъ необразо-

ванности. А дѣйствительная цѣль, дѣйствительный смыслъ образованія женщины въ томъ именно и заключаются, чтобъ эту матерію общественной необразованности и общественнаго невѣжества обратить своимъ свѣтлымъ образомъ въ дѣйствительную образованность, въ свѣтъ истиннаго знанія.

Образованное общество хорошо знаетъ своимъ общественнымъ смысломъ, что во всякаго рода внѣшнихъ дѣлахъ и отправленіяхъ женщины могутъ заступать мужчинъ не иначе, какъ только въ качествѣ болѣе дешеваго на первый взглядъ и болѣе или менѣе сноснаго, подставнаго суррогата; потомучто даже и въ такомъ дѣлѣ, какъ комбинированіе и сочетаніе дамскихъ нарядовъ и модъ, пальма первенства самими дамами признается не за женщинами, а за мужчинами.

Если женщины въ качествѣ сестеръ милосердія, фельдшерицъ, быть можетъ и въ качествѣ докторовъ, при уходѣ за ранеными и больными, и заслуживаютъ всеобщее признаніе, то конечно не въ силу обширности и глубины своихъ теоретическихъ познаній, а совершенно напротивъ, только въ силу ихъ неспособности къ грубымъ, мужскимъ абстракціямъ, отвлеченіямъ и обобщеніямъ: для нихъ раненый или больной никогда не становится нумеромъ, интереснымъ или неинтереснымъ субъектомъ, но всегда остается человѣкомъ, къ которому онѣ относятся всею цѣлостью существа своего, не абстрактно, но по человѣчески, съ женскою нѣжностью, съ женскою милостью, съ женскою готовностью къ самозабвенію, съ женскимъ сознаніемъ, что онѣ исполняютъ не какое нибудь постороннее или внѣшнее дѣло, но самое дѣло души своей, свой безусловный, святой долгъ.

Но поэтому самому, имъ никогда не вручится, да и не можетъ быть вручена команда надъ кораблемъ: онѣ всегда останутся между экипажемъ, его незамѣтною, его невидимою, его всеодушевляющею душою.

Матерію, вещество, тѣла можно и должно подвергать всякаго рода испытаніямъ: надо испытывать и про-

вѣрять ихъ качества, ихъ силу, ихъ крѣпость, чтобъ узнать можно ли имъ довѣриться, можно ли на нихъ положиться, можно ли что возложить на нихъ: но душу испытывать или подвергать испытаніямъ нельзя.

Вслѣдствіе преобладанія въ современномъ обществѣ абстрактной схемы обобщенія, у насъ и учащихся дѣвочекъ, на подобіе мальчиковъ, подвергаютъ экзаменамъ и также награждаютъ разными свидѣтельствами и дипломами. Но въ смыслѣ дѣйствительной образованности, по отношенію къ дѣвочкамъ и къ дѣвушкамъ всякіе экзамены, всякія свидѣтельства и выдаваемые имъ ученые дипломы являются чрезвычайнымъ, изъ всякой мѣры вышедшимъ педантизмомъ, совершенно напрасною грубостью, и великимъ, ничѣмъ не оправдываемымъ невѣжествомъ.

Объ образованности дѣвушки или женщины ни въ какомъ случаѣ нельзя судить по выдержанному или не выдержанному ею экзамену. Да и кромѣ отца и матери ея никому нѣтъ никакого дѣла до того, что она знаетъ или не знаетъ; все, что она знаетъ или не знаетъ, она и знаетъ и незнаетъ не на сторону, не для другихъ, а только для себя самой и никогда казеннымъ, а только своимъ собственнымъ образомъ, предъ которымъ всѣ другіе, казенные или обобщенные образы знанія суть только пошлость и грубость. И профессора, учителя или иного званія школяры, экзаменующіе ее и присуждающіе ей, по ея отвѣтамъ и по своему соображенію, свидѣтельства и дипломы на степень ея образованности, оказываются крайне невѣжественными въ своемъ притязаніи взмѣривать ея образованность своими школьными пріемами. Они, видно, несмотря на ученость свою, еще не дознали, что она сама есть живая и дѣйствительная мѣра всей образованности и несетъ въ самой себѣ и вѣрный судъ, и настоящее свидѣтельство о томъ, принадлежитъ ли ея экзаменаторъ къ категоріи людей образованныхъ или нѣтъ.

На нашемъ небольшомъ и крайне стѣсненномъ форумѣ еще недавно велись жаркія пренія о преобладаніи въ школахъ классицизма или реализма.

По обстоятельствамъ и по времени, для обученія надлежащимъ образомъ мальчиковъ, быть можетъ, и въ самомъ дѣлѣ реальныя школы — всего пригоднѣе. При реальномъ направленіи, ученіе имѣетъ въ виду собственно дѣловое или вещное знаніе, при немъ вовсе не требуется философіи, которая при немъ была бы скорѣе помѣхою, во всякомъ случаѣ излишествомъ, а не пособіемъ; въ немъ все вниманіе обращается главнымъ образомъ на самыя вещи, и на вещныя или фактическія отношенія, съ цѣлью практическаго обхожденія съ вещами и вовсе не для философскаго пониманія ихъ смысла. Реальное направленіе въ обученіи есть всегда самое любезное для всѣхъ, кто особенно заботится объ утвержденіи въ обществѣ преобладающаго значенія властности. Потомучто при немъ ученіе всегда преподается въ строго дисциплинарномъ порядкѣ и представляется, какъ цѣлый рядъ точно опредѣленныхъ дисциплинъ, проходя чрезъ которыя, мальчикъ всего удобнѣе опредѣляется и становится тѣмъ, что называютъ дѣловымъ человѣкомъ. Реальное образованіе собственно и имѣетъ въ виду дѣловыхъ людей и практиковъ. При немъ къ тому же экзамены и всякаго рода испытанія сами собою представляются вполнѣ сподручнымъ и очень опредѣленнымъ средствомъ для всесторонней провѣрки степени успѣха достигнутаго учащимися.

Но, что пригодно для мальчиковъ, то вовсе не пригодно для дѣвочекъ: сообразно съ ихъ женскою природою, обращенною болѣе внутрь въ самое себя, нежели во внѣшность, ихъ развитію и образованію всего болѣе соотвѣтствуетъ широкій классицизмъ; разумѣется, не тотъ классицизмъ, которымъ у насъ нѣкоторое, не малое время до того назойливо донимали наши школы, что на многія поколѣнія и самое имя классицизма сдѣлали ненавистнымъ;—но дѣйствительный классицизмъ, имѣющій въ виду отнюдь не спеціальныя познанія, но универсальное или всеобщее образованіе, то, которое уже не школьнымъ, но совершенно свободнымъ образомъ преподается или должно бы было преподаваться въ университетахъ.

Подъ классицизмомъ разумѣется цѣлый, полный циклъ тѣхъ, такъ называемыхъ гуманистическихъ наукъ или ученій, которыя имѣя предметомъ и самымъ центромъ своимъ самого человѣка, не столько обращаютъ вниманіе на вещи и на вещныя отношенія, сколько на самый смыслъ вещей и ихъ отношеній, и развиваются не столько въ экстенсивной сферѣ сознанія о внѣшнемъ содержаніи міра, сколько въ интенсивной сферѣ самосознанія о внутреннемъ значеніи міра, дѣйствительности и человѣка.

Поэтому классицизмъ въ обученіи немыслимъ безъ философіи; понимая философію въ ея широкомъ значеніи, можно сказать, что дѣйствительный классицизмъ, или человѣческій взглядъ на міръ, на его назначеніе и на судьбы его, и есть самая философія. Но философія не есть дисциплина и въ дисциплинарномъ порядкѣ преподаваться не можетъ; даже и въ университетахъ, хотя и возможно въ видѣ исторіи излагать различные философскіе взгляды и воззрѣнія, но быть профессоромъ философіи и излагать ее съ кафедры, въ лекціямъ, на подобіе другихъ научныхъ предметовъ, не только неудобно, но и несообразно. Сдавать экзамены по философіи и получать по ея предмету балы и отмѣтки, равнымъ образомъ, — немыслимо; потому что философія не дисциплина, даже не наука, а совершенно вольное, ни чѣмъ не связанное воззрѣніе, или самый образъ самосознанія. Будь профессоръ философъ въ своихъ воззрѣніяхъ пессимистъ, а экзаменующійся у него студентъ — напротивъ оптимистъ, то неужели профессоръ отмѣтитъ ему за то единицу по философіи? Но это была бы очевидно уже не философія, а жалкая безсмыслица. Философія не имѣетъ въ своемъ основаніи застывшихъ въ недвижности фактовъ; она вся покоится только на зыбкой волнѣ жизни и мысли и опирается только на ихъ свободѣ. Самый невидный и самый смиренный человѣкъ, если только онъ человѣкъ, есть вполнѣ философъ, хотя быть можетъ онъ ни писать, ни читать не умѣетъ, и его философія стоитъ полноправною и ничѣмъ не уступающею предъ философіей

любаго изъ знаменитѣйшихъ профессоровъ философіи. Всякая истинная философія, какимъ бы выраженіемъ она ни облекалась, есть только выраженіе бесконечнаго человѣческаго образа и учитъ человѣка быть самимъ собою, или свободнымъ. По ея предмету нѣтъ экзамена и никакіе профессора, если они только понимаютъ что такое философія, экзаменовать не въ состояніи.

Классицизмъ въ своей цѣлости есть самая почва, на которой возникаетъ философія, или ученіе о свободѣ человѣка, которою онъ обладаетъ не потому, что онъ знаетъ физику, химію, физіологію, математику или другія науки, а только потому, что онъ человѣкъ, только потому, что онъ мыслитъ, только потому, что свобода есть смыслъ его существа и человѣческій, бесконечный образъ бытія.

Реальнымъ образомъ, въ силу различія положеній, состояній, способностей, ума, обладаемыхъ научныхъ познаній, всѣ люди неравны: и выдаваемыя разнаго рода свидѣтельства, аттестаты, дипломы и другія привилегіи и свидѣтельствуютъ именно объ этомъ неравенствѣ. Но дѣйствительнымъ образомъ, въ образѣ человѣческой свободы, которая и есть единственная дѣйствительность, всѣ люди равны, такъ какъ они измѣряются лишь одною бесконечностью ихъ человѣческаго достоинства и человѣческаго образа: всѣ же различія и неравенства, ихъ раздѣляющія, — только пустые призраки ихъ невѣжества, исчезающіе по мѣрѣ того, какъ исчезаетъ невѣжество и какъ наступаетъ образованность.

Женщина уже отъ самаго начала, уже сердцемъ своимъ, уже самымъ смысломъ своей бесконечной милости или жалости къ людямъ, къ жизни вообще, знаетъ и утверждаетъ эту истину; и ея развитіе и образованіе состоятъ въ томъ, что ея непосредственное знаніе подтверждается для ней и всеобщимъ образомъ, и всеобщимъ утвержденіемъ міра.

Сначала, по ея незнанію, всеобщее міровое бытіе представляется ей внѣшнимъ, чуждымъ и противорѣчивымъ по отношенію къ тому, что она въ себѣ самой

знаетъ: но по мѣрѣ того, какъ она узнаетъ и то, чего она не знала; всеобщій міровой образъ бытія открывается ей, какъ полное оправданіе всего, что она знала, всего, что въ сердцѣ ея таилось, какъ задушевный смыслъ всей ея жизни; и она въ свою очередь подтверждаетъ и оправдываетъ своимъ сердечнымъ смысломъ — всеобщій смыслъ міроваго бытія: оно для ней является какъ безконечный знакъ, который она весь до края и черезъ край наполняетъ своимъ безконечнымъ значеніемъ, значеніемъ красоты, милости и свободы.

Свое познаніе о мірѣ и о человѣкѣ она почерпаетъ однако же не школьнымъ и не дисциплинарнымъ порядкомъ: она дѣйствительно узнаетъ только то, что она въ себѣ самой понимаетъ, только то, что она узнаетъ своею душею, своимъ сердцемъ, что для ней становится образомъ самой жизни и любви ея: безконечнымъ же образомъ самой жизни и любви она узнаетъ и понимаетъ не на публикѣ, не въ шумѣ, но только въ тиши, у себя, тамъ, гдѣ она бываетъ сама съ собою и дома. Публичныя лекціи или лекціи на многолюдныхъ университетскихъ аудиторіяхъ, въ толпѣ, хотя бы даже въ толпѣ женщинъ, для нея не могутъ имѣть инаго значенія, какъ развѣ только значеніе публичныхъ концертовъ, на которыхъ она можетъ наслаждаться музыкой, если она уже прежде того, уже дома, узнала и полюбила музыку.

Чего же она не узнала и не поняла дома, того она никогда не узнаетъ и не пойметъ на публикѣ.

Всему, что дѣвушка или женщина знаетъ и понимаетъ онѣ научаются, какъ будто вовсе не учась, незамѣтнымъ образомъ, изъ воздуха дыханіемъ самой жизни. Такъ растеніе питается, развиваетъ свой образъ, растетъ, цвѣтетъ и приноситъ плодъ, хотя никто не знаетъ и не видитъ когда и какимъ образомъ оно принимаетъ въ себя внѣшній матерьялъ, которымъ питается, который оно преобразуетъ въ свой образъ.

Ни чѣмъ особеннымъ, никакою ученостью не выдѣляясь изъ естественнаго, смиреннаго и простаго строя

еженной жизни, выполняя всѣ ея обязательства, дѣвушка научается и образуется дома, при нѣкоторыхъ назначенныхъ урокахъ, при нѣкоторыхъ указаніяхъ и руководствѣ, но всего болѣе изъ разговоровъ, изъ бесѣдъ, изъ чтенія, чрезъ размышленіе при помощи той чуткой внимательности, которая дѣлаетъ ее способною видѣть и слышать, соображать и понимать то, что она видитъ и слышитъ. Она не учится особо, или особымъ порядкомъ отъ жизни; она учится — живя, и ея ученіе отъ самаго теченія ея жизни нисколько не отличается, такъ что, чтобы она ни знала, она никогда не бываетъ ученою.

Любуясь природою и наслаждаясь ея красотою, она узнаетъ ее постепенно и въ ея всеобщемъ образѣ,—какъ ту канву необходимости, на которой развиваются судьбы человѣка.

Съ судьбами человѣка и со всѣми сказаніями и иносказаніями его человѣческаго смысла она знакомится чтеніемъ исторіи.

Развитіемъ вкуса въ области прекраснаго, развитіемъ здраваго смысла и разсудка въ сужденіяхъ о добрѣ, о злѣ, объ обычаяхъ, о нравахъ, о нравственности и ихъ разнообразныхъ проявленіяхъ въ мірѣ, она стираетъ съ себя ту ограниченность и тѣсноту пониманія, которыя свойственны какъ всякой особенности естественнаго домашняго обихода жизни, такъ и всякому ходячему обобщенію ея абстрактно-научнаго теоретизма, и становится душею своею въ уровень съ дѣйствительнымъ міровымъ сужденіемъ, которымъ весь міръ и вся жизнь его раздаются на всю бесконечность.

Но эта самая бесконечность, которая такъ смущаетъ людей, ея души не смущаетъ: она ей давно знакома въ образѣ бесконечнаго звѣзднаго неба, въ образѣ необъятной дали; каждая мечта ея, какъ тѣ падучія звѣзды, возникала изъ бесконечности и уходила въ бесконечность. Иначе, какъ образомъ бесконечности и въ образѣ бесконечности, она бы ничего и понять не могла: во всякаго

рода реализмѣ она не понимаетъ ничего, а только тупѣетъ.

Бесконечность же міра, которая необъятно раскидывается предъ нею и въ ширь, и въ даль, и въ глубь, и въ высь, предстоитъ ей въ ея сознаніи какъ чистое зеркало, въ которое она смотрится, и въ невозмутимой. прозрачной глубинѣ котораго ей отражается ея собственный образъ, ея собственный смыслъ — предвѣчнымъ смысломъ безусловно любимаго, предвѣчнымъ образомъ безусловно святаго, сущею истиною всей дѣйствительности

Есть не мертвая матерія, есть не тупая реальность, не безсмысліе атомовъ, подвигаемое безсмысліемъ механики: есть только бесконечная жизнь и ея вѣчный, живой, все собою исполняющій помыслъ: къ нему, какъ къ своему источнику, относятся всѣ ея помышленія, все ея знаніе, всѣ мечты ея. Послѣднее слово всего ея развитія и образованія есть ея вѣра, или утвержденіе истины.

Весь міръ, раскинувшійся предъ ея сознаніемъ въ бесконечность экстенсивнаго бытія, актомъ и силою ея вниманія смыкается въ ея самосознаніи въ интенсивную бесконечность и становится въ ней ея вѣрою, ея утвержденіемъ и живымъ свидѣтельствомъ вѣчной истины.

Образованіе женщины совершается незамѣтнымъ, жизненнымъ образомъ; какъ въ тиши и незамѣтно развивающееся растеніе внезапно появляется все въ цвѣту, такъ она неожиданно является образованною и проникнутою во всемъ существѣ своимъ бесконечнымъ, женственнымъ образомъ.

Въ общей домашней жизни, сестры и братья живутъ и развиваются вмѣстѣ; но между ними равенства нѣтъ: братья обыкновенно больше знаютъ, потомучто больше учатся и больше соприкасаются съ внѣшнимъ міромъ сознанія; но сестры больше понимаютъ, потомучто глубже образуются и ближе соприкасаются съ внутреннимъ міромъ самосознанія: силою и глубиною пониманія онѣ предъ братьями, нерѣдко и предъ старшими,

идутъ нѣсколькими шагами впередъ, что имъ впрочемъ не мѣшаетъ, а скорѣе еще болѣе побуждаетъ любить другъ друга; и братья не только не обижаются первенствомъ сестеръ надъ собою, но, и издѣваясь на видъ, втайнѣ и про себя гордятся ими и ихъ превосходствомъ, подражаютъ имъ, слушаютъ ихъ и только горячо стараются превзойти ихъ своими школьными познаніями въ наукахъ съ особенно мудреными наименованіями: они съ усиліемъ взбираются на нихъ, словно на высокое дерево, изъ вѣтвистыхъ вершинъ котораго они и выкликаютъ сестеръ, чтобъ онѣ посмотрѣли, какъ они высоко забрались, хорошо зная, что сестры не полѣзутъ за ними на такую высь, такъ какъ она считается для нихъ недоступною. Сестры обыкновенно туда и не лѣзутъ не потому, чтобъ не могли, но потому, что не въ ихъ природѣ, не въ ихъ вкусѣ лазить по деревьямъ.

Но онѣ радуются успѣхамъ братьевъ больше чѣмъ своимъ собственнымъ; и, никогда не отказывая имъ въ удовольствіи удивлять и поражать ихъ, глупыхъ дѣвушекъ, головоломною, для нихъ недоступною премудростью,—и удивляются и поражаются, признаваясь охотно въ своемъ невѣжествѣ предъ лицемъ ихъ косинусовъ, ихъ коэфиціэнтовъ, ихъ функцій, ихъ дифференціальныхъ исчисленій, ихъ невообразимыхъ аппаратовъ и всякой иной ученой и научной тарабарщины, поощряютъ ихъ своимъ невѣжествомъ къ дальнѣйшему преуспѣянію и къ мужественному преодолѣнію трудностей, лежащихъ на пути ихъ обученія.

И еслибъ сестры не дивились высокимъ и глубокимъ познаніямъ братьевъ, еслибъ онѣ не смущались умомъ предъ недоступностью стремнистыхъ вершинъ науки и не взирали на нее съ благоговѣніемъ, изъ за чего жь бы братья стали трудиться и учиться? Если бы не сестры, которыя сердцемъ своимъ высоко держатъ надъ ними суровый образъ науки и тѣмъ привлекаютъ ихъ къ ней, они, сами собою ничего не понимая еще, отсту-

шлись бы отъ нея и предались бы праздности, беспутству и всякаго рода пьянству.

Недоступное всегда возбуждаетъ благоговѣніе и тѣмъ самымъ манитъ къ себѣ человѣка. Такъ снѣжныя вершины альповъ, долгое время считавшіяся недоступными, всегда манили къ себѣ людей именно своею недоступностью: но съ тѣхъ поръ, какъ и каждому аптекарю стало вполнѣ доступно и способно взбираться на ихъ высоту и изукрашать свою шляпу пучкомъ леонтоподіума, Альпы какъ будто утратили свою чарующую прелесть, и отважные любители и искатели недоступнаго, покинувъ ихъ, обратились въ другія страны, къ другимъ высотамъ и къ другимъ стремнинамъ.

Въ сущности, какъ нѣтъ недоступныхъ горныхъ вершинъ, такъ нѣтъ и недоступныхъ научныхъ высотъ; и при нѣкоторыхъ условіяхъ, каждый аптекарь всегда можетъ взобраться на нихъ. Есть конечно популярная наука; она безразлично доступна всѣмъ, и каждый дюжинный умъ съ полнымъ сознаніемъ, что не святые горшки лѣпили, легко можетъ побывать на любой изъ высоть ея; на эти высоты нынѣ и женщины всходятъ. Но дѣйствительная, серьезная наука и общедоступная популярная наука также различны между собою, какъ у древнихъ различались Venus Urania и Venus popularis. Дѣйствительная наука съ ея таинственными высотами, окутанными туманами и вѣчными снѣгами, и нынѣ еще также недоступна, какъ и прежде, какъ и всегда была и всегда будетъ. Ни одному дюжинному уму не дано взобраться на ея дѣвственныя высоты и попрать ихъ ногою своею. Женщины никогда на нихъ не всходятъ; потому что путь къ нимъ — не ихъ путь. Жоржъ-Сандовская Лелія, хоть она куда какъ была смѣла и дерзка, однако предстала лишь жалкою, глупою и притязательною пародіей на Манфреда и на Фауста и очевидно подтвердила, что пускаться въ ту сторону, вслѣдъ за пытливымъ, мужскимъ умомъ, женщинѣ отнюдь нейдетъ, а идти однимъ путемъ въ собесѣдничествѣ съ романтически настроеннымъ, дю-

жиннымъ умомъ аптекарей и подмастерьевъ она наврядъ ли захочетъ; такое сопутствіе и сообщество слишкомъ претятъ ея врожденному аристократизму, и никакая пошлость ея путемъ быть не можетъ.

Но если женщина не всходитъ сама на эти голыя и стремнистыя вершины, то никто какъ она не въ состояніи указать путь, ведущій къ нимъ, и придать силы и бодрости всякому, кто идетъ этимъ путемъ.

Ея притязаніе самой идти этимъ путемъ обращаетъ его въ пошлость; ея указаніе на него обращаютъ его въ подвигъ.

Сестры и братья, первыя дома, у себя, вторые въ школахъ, внѣ дома, въ товариществѣ, развиваютъ свои понятія, пріобрѣтаютъ познанія въ наукахъ и постепенно изъ періода ученія переходятъ въ періодъ и въ сферу образованія. Въ эту пору, между ними уже возникаютъ продолжительные толки и споры о томъ, что въ мірѣ правда и неправда, что быть должно и что не должно быть, что справедливо и что не справедливо, что прекрасно и что безобразно, что слѣдуетъ любить и что ненавистно. Въ этихъ толкахъ и спорахъ смыслъ, логика и утвержденіе самой жизни какъ бы входятъ въ состязаніе съ смысломъ, съ логикою и съ сомнѣніями теоріи и науки; изъ споровъ, изъ разговоровъ выступаютъ съ большею опредѣленностью различныя значенія какъ жизни, такъ и теоріи, и между юношами постепенно, для нихъ самихъ незамѣтно, начинаютъ складываться элементы того суда, которымъ имъ предстоитъ судить въ послѣдствіи все содержаніе, всѣ дѣла міра. Въ своемъ первоначальномъ сужденіи, какъ оно вытекаетъ изъ домашней внутренней и изъ школьной, товарищеской, внѣшней жизни,—юноши высказываютъ и утверждаютъ своими положеніями и отрицаніями собственно только то, что они успѣли полюбить, чѣмъ они плѣнились въ своей протекшей жизни.

Въ плѣняющемъ ихъ образѣ можно прослѣдить неизгладимыя родныя черты ихъ воспитавшаго, ихъ пер-

ваго любимаго образа; но этотъ самый образъ является имъ уже усложненнымъ и многими другими чертами и стоящимъ на болѣе общемъ и широкомъ основаніи.

Ихъ родной домъ, куда они спѣшатъ—вздохнуть отъ трудовъ на время ферій, вся его обстановка, все домашнее и знакомое, что они въ немъ любятъ, ихъ мать, ихъ отецъ, сестры, братья, друзья, предъ которыми они впервые являются уже не дѣтьми, не школьниками, а студентами, малымъ чѣмъ не облаченными въ тогу виpильную,—все отзывается, все говоритъ имъ голосомъ и привѣтомъ того, что они еще въ дѣтствѣ, когда-то безвременно полюбили. И самая природа, ихъ окружающая своимъ, шумомъ, своимъ молчаніемъ, своею жизнью, своею смертью, своими жизненными кликами и торжествомъ и своимъ невыразимымъ раздумьемъ, порою какъ-будто внезапно раскрываетъ имъ, порою скрываетъ отъ нихъ и таитъ въ себѣ тотъ ненаглядный, тотъ неуловимый образъ всего любимаго, къ которому вся душа ихъ неудержимо стремится.

Въ эту пору естественныхъ порывовъ и раздумья, юношамъ дѣлается доступною сфера прекраснаго, сфера художества и поэзіи: душа ихъ уже тронута, и ихъ любимое выступаетъ предъ ними въ образѣ прекраснаго; прекрасному они отдаются нераздѣльно всѣмъ существомъ; прекрасное волнуетъ ихъ до дна души: Шиллеръ, вѣчный поэтъ вѣчной юности, становится ихъ поэтомъ; онъ знаетъ все, о чемъ они думаютъ, онъ имъ подсказываетъ и всѣ ихъ чувства, и всѣ ихъ мысли; онъ же оказывается для нихъ и самымъ вѣрнымъ проводникомъ на туманныя, крутыя и заманчивыя стези, по которымъ блуждали и Фаустъ, и Манфредъ, и еще прежде нихъ праведный Іовъ, и путеводителемъ въ непроницаемыя, безисходныя дебри и трущобы метафизики.

Въ эту самую пору, когда юноши, пьянѣя своею собственною юностью, колеблются и шатаются между поэзіею красоты и между глубиною метафизики и уже съ любопытствомъ засматриваютъ въ политику общественнаго

строя, они, все еще продолжая быть длинноволосыми, въ какую-то тайну посвященными студентами, переступаютъ изъ-за порога школы и всѣхъ ея премудростей въ область самой жизни: предъ ними раскрывается общество, если не въ его полномъ, то по крайней мѣрѣ въ его женскомъ, или въ его салонномъ опредѣленіи.

Въ такомъ опредѣленіи — общество не есть еще площадь, не есть площадной, общественный форумъ; но — только салонная, отчасти домашняя форма совмѣстнаго общежитія людей, женскій форумъ и вмѣстѣ съ тѣмъ форумъ мышленія и всей наличной образованности общества.

На немъ различныя мысли, теоріи, воззрѣнія, ученія, утвержденія, встрѣчаясь другъ съ другомъ, высказываются, судятся, признаются или отвергаются; на немъ возникаетъ и образуется та волна общественной жизни, которая, подъ именемъ общественнаго мнѣнія, является въ обществѣ вездѣ присущею властностью его авторитета, по мимо котораго въ средѣ общественной и на самой площади ни что ни свершиться, ни устоять не можетъ.

Тутъ общество бываетъ на лице, тутъ осуществляется въ ея полномъ выраженіи та доля досуга, какую общество успѣло себѣ выгородить изъ среды своего существованія, затѣсненнаго трудомъ, работою и нуждою. Тутъ, въ минуты своего досуга, общество находитъ возможность свободно вздохнуть тою жизнью, какая въ немъ есть въ дѣйствительной наличности. На этомъ форумѣ общественнаго досуга и досужества никакія дѣла не производятся; но уже проступаютъ тѣни всего того, что должно, что можетъ и что будетъ дѣлаться, свершаться или твориться: тутъ проявляется и вся полнота, и вся пустота общества, вся глубина его жизни или же вся его мелкость.

Если въ обществѣ самой жизни нѣтъ, то ему разумѣется и вздохнуть нечѣмъ, и его досугъ по необходимости обращается въ пустую и тяжелую праздность, а

иногда и въ худшее. Современное общество и особливо высшее общество, соблюдая обрядъ общежитія, до сихъ поръ еще проводитъ свои досуги въ салонахъ и ведетъ свою обычную, салонную жизнь: говорятъ, будто его салоны томятъ смертельною скукою и что его салонная жизнь является лишь жалкимъ, блѣднымъ спектромъ жизни, въ которой недостаетъ ума и на столько, чтобъ только поднять имъ и сдержать собою столь напрасно загромождающую ее обрядность: она и безъ ней уже еле, еле дышетъ, а тутъ на нее наваливаютъ еще и тяжесть, которая и сильному не всегда бываетъ подъ силу.

Фаустъ для того, чтобъ отрѣшиться отъ учености, въ которой онъ питался только смертью, и для того, чтобъ вкусить элексира жизни, долженъ былъ пройти чрезъ большой свѣтъ, который подъ руководствомъ Мефистофеля и предсталъ ему въ образѣ вертепа старой колдуньи, со всею его стряпнею, со всѣми его несообразностями и нелѣпостями: отъ нихъ у Фауста пошла голова кругомъ и онъ былъ радъ радешенекъ, что могъ избавиться отъ такого навожденія. Но свѣтскіе люди со всѣмъ сживаются и, привыкая ко всему, не чувствуютъ ни тоски, ни томленія Фауста.

А между тѣмъ, въ большомъ ли свѣтѣ и въ его салонахъ или въ инаго рода сборищахъ, въ среднихъ слояхъ общественной жизни, но живое общество, въ мѣру самой жизни своей, настоятельно требуетъ образа и мѣста своего полнаго присутствія, гдѣ бы оно могло бывать на лице во всей своей цѣлости, гдѣ бы оно могло проявляться свободно отъ дѣлъ нужды, тѣмъ смысломъ жизни своей, который въ немъ его нуждою не поглощается.

Для полнаго проявленія общественной жизни обществу одной внѣшней площади съ преобладающимъ на ней значеніемъ мужчинъ еще недостаточно; для уравновѣшенья ихъ чисто площаднаго значенія ему необходимо, чтобъ въ немъ была хотя и столь же общая, но одушевленная инымъ образомъ и инымъ значеніемъ сфера бытія

и общественныхъ проявленій; и въ противуположность мужскому форуму, въ обществѣ возникаетъ иной форумъ, на которомъ преобладаетъ и царитъ женщина.

Человѣкъ въ самомъ дѣлѣ живетъ не ради нужды, не ради пользы, но только ради той цѣли и ради того смысла, которымъ и всякая польза служитъ. Назначеніе мужчины—въ томъ, чтобъ исправлять все нужное и полезное; поэтому его преобладанію, вполнѣ сообразно съ его природою, и отводится мѣсто на площади: на ней онъ вѣдаетъ всѣ площадные дѣла и интересы. Но женщина есть представительница всего смысла и самой цѣли жизни; а потому, сообразно съ ея природою, она съ полнымъ правомъ царитъ тамъ, гдѣ главнымъ является уже не средство къ жизни, а самая жизнь и самый смыслъ ея.

Всѣ такъ называемые высшіе интересы, — интересы умственные, интересы нравственные, интересы художества, поэзіи, литературы, науки, права, политики, философіи, религіи, на площади, загроможденной вещами и дѣлами, не находятъ мѣста; тамъ заниматься ими недосугъ и считается пустымъ, праздным и ни къ чему не ведущимъ дѣломъ. И если ими еще и интересуются сколько, то развѣ только среди женскаго общества, тамъ гдѣ бываетъ досугъ отъ дѣлъ и отъ нужды жизни. Дома, женщины имѣютъ свой интимный, жизненный интересъ, но ради воздуха и въ каждомъ домѣ отворяются окна и двери, и женщины тоже дышатъ атмосферою всеобщаго бытія и, прикасаясь дыханіемъ своей интимной жизни къ этимъ высшимъ интересамъ, воспламеняютъ ихъ, на подобіе тому, какъ тлѣющій огонь воспламеняется приливомъ въ него дыханія воздуха.

Нынѣ всѣ согласны въ томъ, что все, что утверждается какъ мысль, какъ научная теорія, какъ философское воззрѣніе или ученіе, необходимо нуждается въ провѣркѣ или въ оправданіи самымъ фактомъ бытія,—тѣмъ, что есть въ самомъ дѣлѣ. Такое фактическое оправданіе самымъ бытіемъ, самою жизнью—всѣ высшіе интересы и все развиваемое и утверждаемое въ ихъ умствен-

ной сферѣ и находятъ себѣ въ сочувствіи, какое къ нимъ имѣетъ, и въ участіи, какое въ нихъ принимаетъ своею жизнью женщина.

Искуство, поэзія, религія, наука, политика, философія въ своихъ сферахъ, своими пріемами суть только различные образы выраженія того самаго содержанія, которымъ женщина живетъ, которое въ ней есть самая жизнь: и сообразность самаго содержанія съ его мыслимымъ образомъ, дѣла — съ его выражающимъ словомъ, жизни — съ ее обнимающею мыслью, конечно, и есть единственная повѣрка, единственный судъ, которыми всѣ умственные образы, всѣ слова, выраженія и знаки жизни судятся и утверждаются какъ правда.

А потому, ни чуть не удивительно, что всѣ высшіе интересы общественной и человѣческой жизни, въ какомъ бы образѣ они ни являлись, не находя себѣ мѣста на площади и задыхаясь по недостатку воздуха въ академіяхъ и кабинетахъ, всегда готовы предстать на судъ женскаго смысла, на судъ вовсе не ученыхъ и очень легкомысленныхъ женщинъ, которыя на видъ кромѣ своихъ нарядовъ, своей болтовни и вѣчной возни со всякаго рода глупостями никакихъ высокихъ интересовъ не знаютъ, да и знать не хотятъ.

И изъ умственныхъ сферъ, обнимающихъ собою высшіе интересы человѣка, именно наука, которая всего далѣе отъ легкомыслія жизни, которая на видъ ничего не знаетъ и ничего знать не хочетъ кромѣ своей научной важности и серьезности, какъ будто бы особо заискиваетъ предъ этимъ легкомысліемъ и представляетъ на его судъ всю свою ученость. Мысль и теорія нуждаются въ оправданіи жизнью, а жизнь въ ея чистомъ, не научномъ образѣ проявляется именно въ сферахъ, гдѣ преобладаютъ и смыслъ, и значеніе женщины.

Въ современномъ обществѣ, многія женщины именно съ тѣмъ, чтобъ стать болѣе способными къ сужденію о современномъ, научномъ содержаніи знанія и мысли, пытаясь и съ своей стороны достигнуть учености,

сами становятся учеными женщинами. — Но при этихъ попыткахъ онѣ съ женскимъ увлеченіемъ впадаютъ въ жестокое заблужденіе. Ихъ учености ни кому не надо. Общество и безъ ихъ учености, съ тою, какая у него уже есть въ наличности, не знаетъ куда дѣваться и, не будучи въ состояніи пустить ее въ оборотъ, по крайнему убожеству своей жизни, соблюдаетъ ее какъ мертвый капиталъ, не приносящій никакихъ процентовъ, и въ новыхъ вкладахъ въ свою сокровищницу не нуждается: для него было бы гораздо полезнѣе, еслибъ женщины, чѣмъ быть учеными, предпочли быть больше женщинами: какъ растеніе развивается на счетъ почвы, такъ и ученость достигается не иначе, какъ на счетъ ума. А въ умѣ у насъ и то большой недостатокъ; за его отсутствіемъ наша жизнь со всѣмъ захирѣла.

Самая ученость требуетъ своего подтвержденія, своего оправданія отъ жизни. На вопросъ объ учености, или, когда самая ученость поставлена въ вопросъ, нельзя же отвѣтствовать опять все тою же ученостью; ученость учености — не отвѣтъ; такой отвѣтъ былъ бы лишь пустою, ничего не сказывающею таутологіею. Еслибъ на вопросъ, что есть жизнь? отвѣчать таутологически, — она есть жизнь, то такимъ отвѣтомъ никто бы не удовлетворился. А потому на вопросъ о жизни и отвѣчаетъ, какъ можетъ и какъ умѣетъ, ученость, потому что она не жизнь, а нѣчто другое. Такимъ же образомъ, и вся ученость, являясь предъ лице самой жизни, въ ея самомъ свѣтломъ и ясномъ образѣ, ожидаетъ отвѣта и суда вовсе не отъ учености и не въ таутологіи, а только отъ самой жизни, въ ея собственномъ образѣ, въ ея полнѣйшемъ различіи отъ всякой учености. Мужской смыслъ пониманія вещей, міра, человѣка, требуетъ себѣ въ образѣ вопроса и можетъ удовлетвориться только отвѣтомъ отъ него различнаго женскаго смысла пониманія въ образахъ самой жизни, а не какъ не въ образѣ его же абстрактныхъ теорій и научныхъ воззрѣній.

Рѣка, оживляющая въ своемъ теченіи всю прибреж-

ную страну, ея сады, ея луга, ея поля и рощи, сама по себѣ не берегъ, не садъ, не лугъ, не роща, — но именно только рѣка, неудержимо стремящаяся къ истоку своему, въ море; и потому, что она не тоже самое, а другое, исполненное своимъ собственнымъ, самобытнымъ стремленіемъ, она и обладаетъ силою оживлять все, къ чему она прикасается въ своемъ теченіи. И жизнь, какъ рѣка, исполнена своимъ самобытнымъ, жизненнымъ стремленіемъ къ идеалу, который есть исходъ ея, но прикасаясь въ своемъ теченіи ко всѣмъ умственнымъ интересамъ общества и человѣка, къ интересамъ искуства, науки, религіи, философіи, политики, она, будучи другое чѣмъ онѣ, оживляетъ ихъ своею жизненною струею и, отражая ихъ образъ въ своей свѣтлой и прозрачной глубинѣ, отражаетъ имъ его назадъ идеализированнымъ, преображеннымъ ея смысломъ, ея идеаломъ. Еслибъ она, остановясь въ своемъ теченіи, задалась бы желаніемъ стать какъ онѣ, она бы затопила ихъ и стала бы топью и болотомъ, а не жизнью. Всякая жизнь, всякое движеніе обусловливаются различіемъ; чѣмъ больше различіе, тѣмъ больше и жизнь и ея движеніе; бесконечная жизнь, бесконечное движеніе имѣютъ своимъ условіемъ, или сферою, въ которой происходитъ ихъ теченіе и развитіе, бесконечное различіе, или самое противорѣчіе: изъ противорѣчія течетъ жизнь. Отъ таутологіи исходитъ только бездвижность и смерть; обобщеніе всего въ одно есть мертвая абстракція и отзывается лишь мертвечиною.

Къ чему бы были всѣ художества, поэзія, наука, философія, религія, политика, къ чему бы были вообще всѣ выраженія мысли и самосознанія, еслибъ не было самаго помысла, самаго самосознанія, самой жизни всѣхъ этихъ помышленій и мыслей, еслибъ не было жизни, въ томъ ея свѣтломъ, невыразимомъ образѣ, въ какомъ она неудержимо течетъ и струится въ сердцѣ женщины?

Мужчина на всѣ лады, всѣми пріемами, только говоритъ, только объясняется о жизни; еслибъ не было живущаго субъекта жизни, ему бы не о чемъ было говорить

и объясняться; но между его словами, его объясненіями, его мыслями и между самою жизнью, между самимъ субъектомъ его словъ, его объясненій, его мыслей присуще бесконечное различіе. Женщина о жизни не говоритъ, она живетъ, она сама и есть жизнь, о которой говорятъ и мыслятъ, она и оправданіе или осужденіе всего, что говорится и мыслится о жизни.

Жизнь, человѣкъ, общество, міръ и вообще все, что составляетъ предметъ мышленія и знанія, во всякій мигъ существованія, существуетъ не отчасти, но всею цѣлостью, всею полнотою бытія своего. А потому дѣйствительный смыслъ или самая дѣйствительность всего, что есть, находятся и могутъ быть найдены только во всей цѣлости, во всей полнотѣ сущаго, а никакъ не въ его урѣзкахъ, не въ его отрывкахъ, не въ его частяхъ и не въ его частностяхъ. Если что есть въ мірѣ недѣлимаго, то это прежде всего самый міръ: части его, отдѣльно взятыя и не пріуроченныя ко всей цѣлости его, сами по себѣ непонятны, потому что въ нихъ, какъ въ частяхъ, не находится ихъ собственнаго смысла. Понимать собственно и значитъ пріурочивать, относить часть къ ея цѣлости. Вся наука имѣетъ въ своемъ основаніи предположеніе, что въ міровомъ содержаніи нѣтъ ни одного явленія, нѣтъ ни малѣйшей частности, которыя бы не были въ неразрывной связи недѣлимаго со всѣмъ остальнымъ содержаніемъ міра; уразумѣть и показать эту связь—и значитъ понять, объяснить это явленіе: оно необъяснимо, непонятно до тѣхъ поръ, пока оно является отдѣльнымъ, со всѣмъ другимъ несвязаннымъ.

Многія явленія въ природѣ и до сихъ поръ еще для науки непонятны; потому что она еще не успѣла открыть ихъ причины, или той связи, въ которой они находятся по отношенію ко всему остальному. Но, еще и не зная настоящей причины нѣкоторыхъ явленій, наука не считаетъ ихъ беспричинными; напротивъ, она твердо

стоитъ на своемъ основномъ предположеніи, что въ мірѣ нѣтъ ничего беспричиннаго, ничего нѣтъ необъяснимаго по существу, ничего нѣтъ чудеснаго; что все, что въ мірѣ есть, находится всегда въ неразрывной связи со всѣмъ другимъ; что если въ томъ или въ другомъ случаѣ, связь явленія со всѣмъ остальнымъ, или его причина, еще и не познана въ настоящемъ, то тѣмъ не менѣе она несомнѣнно есть и будетъ познана позднѣе. Для науки недѣлимость міра есть, хотя и недоказанная, но несомнѣнная, основная истина, на которой она утверждается и безъ которой она сама была бы невозможностью; и если наука отвергаетъ всѣ чудеса, какъ невозможное, то именно только на основаніи своей вѣры, что въ мірѣ ничего не можетъ быть, что не было бы связано его недѣлимымъ образомъ бытія со всѣмъ остальнымъ содержаніемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, все, оторванное отъ своей цѣлости, необходимо является безсмысленнымъ: какой понятный смыслъ можетъ быть найденъ, напримѣръ, въ рукѣ, оторванной отъ цѣлаго организма, до тѣхъ поръ, пока она не пріурочена къ нему мысленно или самымъ фактомъ ея нахожденія? Или какой смыслъ можетъ быть найденъ въ осколкѣ разбитой статуи до тѣхъ поръ, пока онъ не пріуроченъ къ возстановленному образу цѣлой статуи?

Но вся цѣлость міра и по образу, и по содержанію велика необъятно, и то, что изъ всего ея содержанія обнимается сознаніемъ, что изъ него становится долею положительнаго знанія, есть всегда только часть и притомъ бесконечно малая часть по отношенію къ ея бесконечно великому цѣлому. И сколько бы такихъ частей ни набиралось при постепенномъ накопленіи количества знанія, изъ нихъ сложить и возстановить всю цѣлость міра невозможно: потому что величина бесконечная никогда не можетъ быть ни выполнена, ни измѣрена никакимъ конечнымъ или опредѣленнымъ числомъ.

Какъ бы ни было велико число частей міра, которыя стали достояніемъ положительнаго знанія, въ нихъ, какъ

въ частяхъ, ихъ дѣйствительнаго смысла все же не находится, да и невозможно, чтобъ онъ когда нибудь, развѣ только въ бесконечно великое время, нашелся во всей суммѣ ихъ: такъ какъ и самая сумма ихъ все же только часть; а дѣйствительный смыслъ принадлежитъ только всей цѣлости, а не частямъ и не частной суммѣ изъ частей.

Такимъ образомъ все, что мы положительно знаемъ, мы всегда знаемъ только отчасти, и все наше положительное знаніе есть всегда только очень частное или относительное знаніе и всеобщее или безусловное невѣжество.

До того времени, когда Кювье возстановилъ цѣлость палеонтологическаго міра, о его находимыхъ останкахъ знали только отчасти; знали о ихъ фигурѣ, о ихъ величинѣ, о ихъ физическихъ свойствахъ, о ихъ химическомъ составѣ, — знали всю ихъ матерію, но еще ничего не знали о нихъ по отношенію къ ихъ цѣлости и потому, при всемъ, что о нихъ уже знали, о нихъ собственно еще ничего не знали: такъ какъ не знали ихъ дѣйствительнаго смысла, то есть не знали именно того, что въ нихъ единственно и было интересно знать.

О мірѣ, равнымъ образомъ, уже очень многое узнали; узнали все, что въ немъ сказалось опытомъ прошедшаго: но еще не узнали его непроницаемой матеріи, не узнали того, что остается теменью всего его будущаго; и потому, его не знаютъ еще по отношенію къ его цѣлости: въ немъ знаютъ уже все, только не знаютъ еще самаго смысла его, т. е. того, что въ немъ единственно и интересно узнать; такъ что въ сущности — о немъ еще ничего не знаютъ.

Это не значитъ однако, что не зная о немъ всего, не слѣдовало бы узнавать и то, что о немъ знаютъ. Какъ бы ни было не полно и недостаточно пріобрѣтенное знаніе, имъ пренебрегать не должно: потому что оно и самою неполнотою своею указываетъ отъ себя на другое, большее знаніе; если оно еще не самая цѣль, то по

крайней мѣрѣ путь къ цѣли; только должно знать, что оно есть еще незнаніе.

Ограниченные умы не сознаютъ, конечно, всей недостаточности обладаемаго или положительнаго знанія; самодовольно пребывая въ учености учебниковъ, они очень склонны самую ограниченность своего знанія принимать и выдавать за его полноту: но потому-то они и оказываются только незнающими и невѣжественными педантами.

Истинно ученые, напротивъ, при всей громадности обладаемаго ими знанія, прежде всего знаютъ о бесконечности своего незнанія.

И замѣчательно, что Гумбольдъ въ своемъ космосѣ гораздо болѣе говоритъ о томъ, чего онъ не знаетъ, нежели о томъ, что знаетъ и что ужь успѣло стать достояніемъ учебниковъ. Этимъ достояніемъ онъ не хвалится и не дорожится, и если и опирается о него, какъ о твердую землю, то только для того, чтобъ погружаться своею мыслью и направлять свой умственный взоръ въ необъятныя небеса всего невѣдомаго.

Все положительное знаніе, которымъ мы обладаемъ есть въ сущности лишь тѣсный, песчаный островокъ, затерянный среди беспредѣльнаго океана нашего незнанія. Неумолкаемый прибой его волнъ, подмывающій отвсюду берега песчаной отмели, на которой мы стоимъ, какъ на нашемъ положительномъ знаніи, очень слышенъ и днемъ и ночью для чуткаго и внимательнаго слуха мыслящихъ и истинно ученыхъ, которые стремятся къ дѣйствительному знанію. Но его не слышатъ школяры и педанты, которые, оглохнувъ въ своей на глухо заколоченной ограниченности, совсѣмъ отупѣли къ голосамъ и къ звукамъ міровой жизни. Музыка сферъ для нихъ непонятное, пустое выраженіе, она въ душѣ ихъ ни чѣмъ не отзывается. Какъ же имъ и не отрицать всего, что они слышать не въ состояніи?

Ограниченность, не нуждаясь въ дѣйствительномъ смыслѣ, можетъ не только довольствоваться, но и вели-

чаться своимъ мнимымъ знаніемъ. Но всякій мыслящій, не только ученый, но и неученый человѣкъ, обдаваемый дыханіемъ и чуя голосъ самой жизни, исполняется глубокимъ раздумьемъ; и зная то, что онъ знаетъ, въ каждое мгновеніе чутко слышитъ и все то, чего онъ не знаетъ. И такимъ образомъ, пребывая на самой грани между своимъ знаніемъ и между своимъ незнаніемъ, обнимаетъ дѣйствительный смыслъ міроваго содержанія тѣмъ, что его знаніе все насквозь проникнуто образомъ его великаго незнанія; вслѣдствіе чего, въ свою очередь и самое его незнаніе переполняется образомъ его знанія. Потому что кто знаетъ въ себѣ самомъ, что онъ не знаетъ ничего, тотъ уже вмѣщаетъ въ себѣ великое знаніе.

Кто въ ограниченности своего знанія знаетъ, что онъ ничего не знаетъ, тотъ въ безпредѣльности своего незнанія обладаетъ бесконечнымъ образомъ всякаго знанія, который вмѣщаетъ въ себѣ то, что никакое положительное знаніе въ себѣ вмѣстить не можетъ.

Когда художникъ по нѣкоторымъ обломкамъ разбитой статуи угадываетъ и возстановляетъ художественнымъ смысломъ ея цѣлостный образъ, то онъ въ этомъ угадывающемъ смыслѣ, хотя и не положительно, а только мечтательно, имѣетъ несравненно болѣе, чѣмъ все, что онъ имѣетъ въ имъ осязаемыхъ и видимыхъ обломкахъ. Эти обломки сами по себѣ безсмысленны и имѣютъ важность и значеніе развѣ только для педанта, который обходясь и безъ смысла, можетъ довольствоваться и пробавляться и тѣмъ, что его не имѣетъ.

Всѣ частныя, точныя или положительныя науки, математика, механика, физика, химія, біологія, фитологія, зоологія, антропологія представляютъ собою не болѣе какъ только частное знаніе или знаніе о частяхъ, которое не заключаетъ въ себѣ смысла того, что есть, и даже не намекаетъ на него. И если бы поверхъ, надъ нимъ, не было еще и безпредѣльныхъ небесъ незнанія, то жизнь неминуемо бы задохнулась въ его тѣснотѣ и ограничен-

ности: потому что она сама есть смыслъ, живетъ во всякій мигъ не отчасти только, но вполнѣ всею цѣлостью всего бытія и можетъ жить только всею полнотою смысла, а никакъ не нѣкоторою, положительною частью безсмыслія.

Ни одинъ живой человѣкъ никогда и не живетъ тѣсною ограниченностью того, что называется положительнымъ знаніемъ; но только временно на немъ опираясь, взираетъ съ него далеко за его предѣлы, въ безпредѣльную область всего другаго и невѣдомаго, въ которой таится самая истина или дѣйствительный смыслъ всего, что есть, всего, что и въ предѣлахъ находится.

То, что таится въ необъятной сферѣ невѣдомаго, разумѣется, никогда не дается какъ положительное знаніе; оно только угадывается чуткимъ жизненнымъ тактомъ, какъ несказанная мечта всей дѣйствительности, всей жизни, какъ тотъ неуловимый образъ бытія, которымъ все сущее живетъ и дышетъ въ каждое свое дыханіе, который есть и самая истина, и самая мѣра всего, что есть и всего, что можетъ быть, всего, что уже извѣстно и всего, что еще неизвѣстно. Эта мечта, о которой только мечтается въ живомъ помыслѣ человѣка, есть тотъ чуткій, живой смыслъ художника, которымъ онъ безошибочно, не колеблясь, отличаетъ все истинное, все дѣйствительное отъ всего, что ложно и недѣйствительно, отъ всякаго празднаго и пустаго измышленія. Ужь куда какъ, кажется, творецъ Ругоновъ и иныхъ реальныхъ твореній, Зола старался влить самую суть дѣйствительности въ свои писанія; а между тѣмъ, не чуя самаго смысла ея, онъ успѣлъ излить въ притязательныя рамки имъ измышленнаго эмпирическаго романа лишь ушаты грязи, грубостей и реальностей, подобранныхъ имъ съ улицы, какъ сокровища. Бойкіе беллетристы, не обладающіе чуткимъ смысломъ художника, могутъ наполнять свои произведенія всякаго рода несообразностями, пошлостями и безобразіями именно потому, что, не имѣя въ своемъ сознаніи ни образа, ни мѣры самой истины, они могутъ

безъ зазрѣнія совѣсти измышлять, подбирать, хватать все, что имъ попадается подъ руку,—все, что только имъ вздумается: въ мірѣ всего — довольно, и одно столь же реально, какъ и совершенно другое; и безобразіе, и грязь, пожалуй, еще реальнѣе и гораздо виднѣе, чѣмъ красота. Напротивъ, художникъ крѣпко связанъ въ своей творческой фантазіи образомъ и мѣрою истины и потому, ничего не можетъ творить, какъ только то, что съ нею сообразно, только прекрасное и только дѣйствительное.

Между учеными людьми не мало такихъ, которые, обладая научнымъ знаніемъ, тѣмъ не менѣе нисколько не ограждены имъ отъ самаго дикаго фантазерства и сплошь да рядомъ самымъ положительнымъ образомъ, при помощи индукціи, впадаютъ въ спиритизмъ, вызываютъ чрезъ посредство спиритовъ и разной неодушевленной мебели съ того свѣта духовъ покойниковъ, съ вѣрою вопрошаютъ ихъ, бесѣдуютъ съ ними и, допытываясь отъ нихъ недосягаемой премудрости и послѣдняго слова всего мірозданія, завязываютъ узлы на веревкѣ съ припечатанными концами. Поколебать ихъ суевѣріе, раскрыть предъ ними всю нелѣпость его на основаніи данныхъ положительной науки невозможно: потомучто они всегда имѣютъ и возможность, и право указать на факты, которые для нихъ несомнѣнны, и притомъ сослаться на беспредѣльную среду всего невѣдомаго, въ которой очень можетъ быть возможно и то, что представляется невозможнымъ въ тѣсной средѣ всего вѣдомаго и знакомаго.

А тамъ, въ средѣ невѣдомаго, мало ли что можетъ быть и что бываетъ; она, какъ бѣлый листъ бумаги, которая все терпитъ; на ней можно невозбранно начертить и самыя дикія, и самыя несообразныя измышленія; на ней можно найти полное оправданіе чему угодно. Вставъ на эту почву всего невѣдомаго, можно оправдать не то что говорящіе столы, но пожалуй и инквизицію съ ея кострами, какъ это уже не разъ и бывало въ

мірѣ. Тамъ, гдѣ нѣтъ ни мѣры, ни образа, а только одна беспредѣльность, тамъ все можетъ быть, тамъ все можно утверждать и устанавливать съ одинаковымъ правомъ; тамъ для самой чудовищной нелѣпости всегда довольно мѣста и основанія.

Беспредѣльная сфера всего невѣдомаго, обнимающая, какъ необъятный океанъ, всю тѣсную сферу положительнаго знанія, въ теоріи обыкновенно представляется, какъ чистая, бѣлая бумага, какъ tabula rasa, какъ пустота, какъ чистое отсутствіе, какъ безусловная неопредѣленность: въ такомъ образѣ почему жь бы ей не быть и полнымъ оправданіемъ и всякой нелѣпости и всякаго сумасбродства?

Вы не вѣрите ни чудесамъ, ни четвертому измѣренію, ни духамъ спиритизма; не вѣрите потому, что на основаніи всего, что вамъ извѣстно, ихъ быть не можетъ. Но вамъ не все извѣстно; и они очень удобно могутъ быть на основаніи всего, что вамъ неизвѣстно.

Такимъ же образомъ, на томъ же основаніи, покойный графъ Хвостовъ писалъ свои стихотворенія и съ полнымъ правомъ, безъ тѣни сомнѣнія считалъ и выдавалъ ихъ за поэзію. И почему жь бы имъ и не быть поэзіей, пока нѣтъ критеріума, пока никому положительно неизвѣстно, въ чемъ мѣра дѣйствительнаго, въ чемъ образъ прекраснаго?

Но, не говоря уже о поэтахъ и художникахъ, и всякій мыслящій, и всякій живой человѣкъ уже единымъ свидѣтельствомъ своей жизни знаетъ, что беспредѣльная область невѣдомаго не есть ни пустота, ни отсутствіе всего, ни tabula rosa для наполненія чѣмъ, кому и какъ вздумается. Ихъ мысль, во сколько она есть живая мысль, всегда прикасается къ той невыразимой мечтѣ, которою и жизнь и вся дѣйствительность дышатъ, которая необходима для нихъ, какъ воздухъ для дыханія; и въ этой жизненной мечтѣ самой дѣйствительности, они, хотя и мечтательно, но безошибочно и опредѣленно чувствуютъ, видятъ, слышатъ, осязаютъ живую мѣру и истинный

образъ всего дѣйствительно сущаго. Представьте имъ какіе угодно призраки и измышленія, какія угодно личины правды, они, лишь взглянувъ на нихъ, тотчасъ скажутъ, это не то, совсѣмъ не то; представьте имъ дѣйствительную правду въ дѣлахъ ли Вашингтона или Гарибальди, или въ произведеніяхъ художниковъ и поэтовъ, они тотчасъ признаютъ дѣйствительность и скажутъ, это именно то; они подтвердятъ ее своею душею, которая сама и есть сущая правда.

Идея Платона не пустое имя, не абстрактное обобщеніе, но живой знакъ, исполненный бесконечнымъ значеніемъ. Имъ отличается все истинное и все дѣйствительное отъ всего поддѣльнаго, отъ всего ложнаго, отъ всего измышленнаго.

Для ученыхъ мужей, которые этимъ знакомъ не обладаютъ, которые за великою ученостью утратили чуткость души, нелѣпости и несообразности спиритизма могутъ представляться несомнѣнною, фактическою дѣйствительностью; точно также, какъ и поэзія графа Хвостова могла представляться ему образцемъ поэзіи; точно также, какъ нѣкоторымъ изъ корифеевъ нашей современной публицистики мертвенная казенщина, внушаемая имъ ихъ базарнымъ смысломъ, представляется государственною мудростію и глубокою философіею. За отсутствіемъ того знака бесконечности, за отсутствіемъ критеріума дѣйствительности, за отсутствіемъ совѣсти, никакія нелѣпости, никакія базарныя изрыганія, никакія негодности ни мало не претятъ.

Истинное, или дѣйствительное знаніе, исключающее смысломъ бесконечнаго все нелѣпое, все безобразное, все негодное, не есть только частное или положительное знаніе; оно есть всеобщее знаніе и, охватывая собою, всю цѣлость міра, складывается, какъ изъ элементовъ того, что собственно и называется знаніемъ, такъ и изъ элементовъ того, что являясь незнаніемъ, есть однако по своему значенію тоже знаніе, но только знаніе высшаго порядка: живое предчувствіе, живая мечта, сви-

дѣтельство самой жизни, о всемъ томъ, что еще не дознано въ образахъ положительнаго знанія.

Въ сферахъ количества и величины, вся математика развивается и строится не значеніемъ частныхъ величинъ или конечныхъ чиселъ, но только смысломъ той бесконечной величины, того бесконечно-великаго или малаго числа, только смысломъ количественной бесконечности, до которой никакое конечное число никогда досчитаться не можетъ, но безъ которой ни одна изъ конечныхъ величинъ и ни одно изъ ея отношеній къ другимъ величинамъ своего смысла не имѣютъ и понятными быть не могутъ.

Всякое знаніе, которое въ своей положительной ограниченности вовсе не относится и не проглядываетъ въ сферу незнанія, гдѣ таятся самыя аксіомы его и знакъ и смыслъ бесконечности, есть по истинѣ только ложное знаніе, знаніе безъ истины и безъ смысла, самое незнаніе, или сплошное невѣжество.

Напротивъ, незнаніе, свидѣтельствующее и знающее объ ограниченности, о тѣснотѣ всей сферы положительнаго знанія, есть тѣмъ самымъ уже дѣйствительное знаніе: оно не ведетъ ни къ какимъ научнымъ открытіямъ въ положительной сферѣ, и въ этомъ отношеніи оно совершенно безполезно; малѣйшее, взятое изъ учебниковъ свѣдѣніе и полезнѣе и плодотворнѣе его. Но оно вливаетъ смыслъ и значеніе жизни во всю область положительнаго знанія: безъ него всякое конечное знаніе, не имѣя предъ собою никакой цѣли, ставъ бездушнымъ и безсмысленнымъ, неминуемо бы замерло и оборвалось бы въ своемъ дальнѣйшемъ теченіи: такъ какъ ему было бы некуда течь. И въ этомъ смыслѣ, знаніе въ незнаніи, дающее жизнь всему конечному знанію, есть бесконечно-полезное знаніе: безъ него всякое иное знаніе было бы мертвымъ знаніемъ.

Знаніе, невѣдующее о своей ограниченности, и потому преисполненное невѣдѣніемъ или незнаніемъ, называется положительнымъ знаніемъ и, какъ полная система,

составляетъ самую науку, подъ именемъ положительной философіи. Напротивъ, незнаніе, преисполненное знаніемъ объ ограниченности положительнаго знанія, не имѣетъ никакого притязанія на положительность; чутко познавая самый смыслъ и самую жизнь всего познаваемаго и всего непознаваемаго, оно есть мечтательное, умозрительное или спекулативное знаніе: съ одной стороны оно является непосредственною наивностью жизни, ея невольною мечтою; съ другой же стороны оно же сказывается и всею глубиною философіи. И если вся философія есть лишь бесконечная мечта, то за то и наоборотъ, наивная, непосредственная мечта жизни и ея свидѣтельство есть вся философія.

Ученые люди и особенно тѣ изъ нихъ, которые придерживаются современнаго позитивизма, происшедшаго, какъ нѣкоторый гибридъ, изъ поверхностнаго знакомства съ ученіемъ Э. Канта и неправильнаго взгляда на ученіе О. Конта, относятся съ горделивымъ презрѣніемъ какъ къ мечтательному, такъ и особенно къ умозрительному знанію. Они, соображая, что ихъ утвержденія имѣютъ подъ собою незыблемое, какъ камень недвижное, фактическое основаніе, до того слѣпы слѣпотою учености, что совершенно не видятъ, что они стоятъ на такой почвѣ, на которой съ одной стороны, они научнымъ порядкомъ отказываются отъ самаго смысла того, что есть дѣйствительно, а съ другой, тоже научнымъ порядкомъ, очень наивно, съ головою предаются всякой нелѣпости, всякому безсмыслію и вязнутъ въ нихъ безъисходно, какъ въ топкомъ болотѣ. Отказываясь отъ самаго смысла всего существующаго, они по необходимости всю силу сужденія и самый судъ предоставляютъ фактамъ; а факты, къ которымъ они взываютъ, сами по себѣ нѣмы и, не имѣя иного смысла кромѣ того, который въ нихъ именно вкладывается, какъ вьючный скотъ, покорно и смиренно несутъ на себѣ все, что кому случится или что кому угодно взвалить на нихъ.

Современный позитивизмъ есть выродившееся, слабое

дѣтище матерьялизма XVIII-го столѣтія; онъ уже не обладаетъ ни силою, ни умомъ, ни жизненнымъ духомъ своего страшнаго и могучаго родителя; онъ весь выдохнулся и съ полнымъ благонравіемъ, съ совершенною наивностью себя не сознающаго безсмыслія, съ напускною важностью произноситъ разныя научныя формулы, смысла и значенія которыхъ онъ не понимаетъ и даже и не настаиваетъ, чтобъ ихъ понимали.

Въ позитивизмѣ, забывшемъ изъ-за чего человѣкъ хочетъ знать и наивно воображающемъ, что при научности можно прожить одною благонравностью, приправленною педантизмомъ, нѣтъ знанія, нѣтъ по крайней мѣрѣ человѣческаго знанія. Живое и дѣйствительное знаніе, какъ самое дыханіе жизни, дышетъ мечтою: то, что въ немъ называется положительнымъ и научнымъ знаніемъ, есть только тѣло его, только внѣшніе образы, пріемы и знаки для выраженія ими самаго значенія, самаго смысла мечты, одушевляющей ихъ, безъ которой они бы были лишь пустымъ нагроможденіемъ ничего не значущихъ и безсмысленныхъ знаковъ.

По физіологическому предрасположенію отъ природы, мужчины гораздо болѣе склонны стоять и опираться на почвѣ положительнаго знанія; съ его основанія, какъ съ твердыни, имъ свойственно относиться съ извѣстнымъ, мужскимъ пренебреженіемъ къ женской мечтательности. Женщины на оборотъ, полагаясь на свой умъ, на свой тактъ, на свою чуткость къ жизни, имѣютъ болѣе склонности отдаваться своей живой мечтѣ, чѣмъ загромождать душу свою подмостками учености, и относятся съ женскою насмѣшкою къ тяжеловѣсному мужскому педантизму.

Мужчинамъ свойственно кичиться своимъ положительнымъ знаніемъ; оно достается имъ не легко и не даромъ; нельзя же не цѣнить того, на что потрачено и столько силъ и столько напряженія; къ тому же въ нихъ недостаетъ легкости и они ужъ отъ природы не любятъ, да

имъ было бы и не прилично, вовсе не къ лицу, заноситься въ облака и витать въ пространствахъ; у нихъ и одежа совсѣмъ не такая. И потому они обыкновенно и предпочитаютъ стоять на твердой землѣ положительнаго знанія, хотя бы оно и было тѣсною ограниченностью.

Съ ихъ природою всего сообразнѣе во всемъ полагаться на силу свою; они охотнѣе берутся за то, что могутъ схватить и сдержать руками и силою рукъ своихъ. За неосязаемою мечтою имъ было бы трудно угнаться: она для нихъ неуловима и, если и мелькаетъ на мигъ, то въ тотъ же мигъ и ускользаетъ изъ подъ ихъ грубыхъ пріемовъ. Имъ несравненно легче одолѣть всю премудрую ерунду латинскихъ герундіевъ, которыя все же не летаютъ, нежели уловить образъ мечты, въ которой нѣтъ ничего осязательнаго, ничего чувственнаго.

Полагаясь особенно на теоретизмъ ума своего, они до всего допытываются или силою отвлеченій абстрактнаго мышленія, при помощи распредѣленій, обобщеній, классификацій по всѣмъ категоріямъ; или же ощупью экспериментальнаго эмпиризма, при помощи анализа, чрезъ разложеніе, чрезъ вивисекціи, скальпелями, ретортами, батареями, микроскопами, спектроскопами, другими инструментами и насиліемъ надъ природою вымогаютъ, можно сказать вымучиваютъ у ней свое знаніе. Чему свидѣтелями могутъ предстать несчетное множество замученныхъ ими въ жертву науки кроликовъ, собакъ, голубей и особенно несчастныхъ лягушекъ, надъ терзаніемъ и судорожнымъ трепетомъ которыхъ изучались отправленія нервовъ, нервныхъ узловъ и головнаго мозга.

Насиліемъ, разумѣется, можно переворошить весь матерьялъ жизни; но самая жизнь и смыслъ ея насилію не даются. Достаточно имѣть уши и слухъ, чтобъ разслышать звуки и ихъ интонаціи, слова и стихи; но чтобъ услышать самую музыку и самую поэзію, кромѣ ушей и слуха, требуется еще вниманіе высшаго порядка, вниманіе, очень рѣдко совмѣстное съ пріемами насилія.

Мужскими пріемами, путемъ абстрактныхъ отвлеченій,

или эмпиризмомъ экспериментаціи, познается только абстрактный или только чувственный матерьялъ жизни, и то только до извѣстныхъ предѣловъ, за которыми уже начинается метафизика: но самый смыслъ жизни отъ такихъ пріемовъ ускользаетъ и остается непознаннымъ и непонятнымъ.

Познаваемое такимъ образомъ есть очень ограниченное содержаніе, имѣющее значеніе только по отношенію къ полезности, какъ нѣкоторое техническое умѣнье; по отношенію же къ дѣйствительному знанію или пониманію сущности оно представляется тѣмъ большимъ невѣжествомъ, чѣмъ болѣе ему приписывается значеніе философскаго вывода.

Пока человѣкъ не считаетъ своего эмпирическаго или абстрактнаго знанія послѣднимъ предѣломъ или самою философіей всего знанія, пока онъ самъ не ограничиваетъ смысла своей жизни, своего существа и своего живаго, самосознательнаго помысла мѣрою своей ограниченности, до тѣхъ поръ онъ ею не связанъ и, какъ бы ни былъ тѣсенъ кругъ его знанія и пониманія, онъ еще не лишенъ способности выходить своимъ существомъ за предѣлы его и находиться въ общеніи съ бесконечностію дѣйствительной жизни: душа его открыта всѣмъ ея внушеніямъ и чутка ко всѣмъ голосамъ ея.

Но полагая свою ограниченность за послѣдній предѣлъ всего знанія и возводя ее въ бесконечную теорію, въ ученіе позитивизма или въ философію, чтобъ мѣрить ею все, что есть,—весь міръ, весь смыслъ и всю дѣйствительность, онъ самъ замыкаетъ себя и все существо свое въ тѣсный кругъ ограниченности и тѣмъ обращаетъ все свое знаніе въ педантизмъ.

Мужчины по природѣ своей расположены къ педантизму, т. е. къ неномѣрному важничанью и умничанью тѣми жалкими крохами знанія, которыя достались ему цѣною столькихъ трудовъ и такого неустаннаго напряженія. Труженику простительно хвалиться плодами труда своего, онъ не знаетъ что такое жизнь, но онъ достав-

ляетъ ей средства, безъ которыхъ она обойтись не можетъ, и съ полнымъ правомъ ожидаетъ, чтобъ она оцѣнила труды его. Ему не въ укоръ и его грубые пріемы, и его черствыя руки; они свидѣтельствуютъ о трудахъ его; лишь бы только онъ не вздумалъ и эту черствость, и эту грубость возводить въ знаки совершенства.

Какъ ко всему другому, такъ точно и къ знанію и ко всей сферѣ наукъ, женщина, по сравненію съ мужчинами и съ мужскимъ умомъ, стоитъ въ обратномъ отношеніи. Ей ни въ чемъ не свойственно полагаться на силу свою и она инстинктивно избѣгаетъ всего, гдѣ требуется сила. Ея природѣ противно какъ теоретическое, такъ и эмпирическое насиліе и она не въ состояніи вымучивать свое познаніе изъ истерзанныхъ, трепещущихъ страданіемъ живыхъ существъ. Но ея знаніе дается ей инымъ, не насильственнымъ, но болѣе справедливымъ и полнымъ образомъ. Въ противоположность грубымъ мужскимъ пріемамъ, женщина познаетъ міръ, овладѣваетъ и его содержаніемъ, и его смысломъ не насиліемъ, но только высшаго порядка вниманіемъ, исполненнымъ жалости, милости и любви ко всему живущему.

Всякое насиліе воздвигаетъ насиліе; противъ силы возстаетъ сила: и тамъ, гдѣ мужской, насильственный умъ воображаетъ, что онъ одолѣлъ сопротивленіе и побѣдилъ строптивость неподатливой природы, что онъ позналъ ее, онъ встрѣчаетъ отъ ней только ея протестъ, только ея несокрушимое упорство въ образѣ не разрѣшимаго спора и несообразимаго противурѣчія.

Какъ нѣкоторые полководцы, онъ пишетъ и разсылаетъ длинныя реляціи о своемъ торжествѣ, о своихъ побѣдахъ надъ нею, и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщаетъ, что онъ не можетъ тронуться съ мѣста, что онъ связанъ по рукамъ и по ногамъ, что онъ весь во власти природы, что, охваченный со всѣхъ сторонъ несметными полчищами ея матерьяльныхъ силъ, онъ лишенъ свободы и принужденъ отказаться отъ своего человѣческаго права и достоинства, какъ отъ несбыточныхъ и пустыхъ мечтаній.

А между тѣмъ, всю природу и всю матерію онъ переворошилъ изъ конца въ конецъ; онъ разложилъ самыя внутренности ея и узналъ не болѣе того, что уже и древніе авгуры узнавали во внутренностяхъ жертвъ, приносимыхъ богамъ. Онъ узналъ, что природа есть природа, что необходимость есть необходимость, что матерія есть матерія, что сила есть сила и всегда и вездѣ остается все тою же силою.

Изъ за такого знанія стоило ли такъ напрягаться—и въ напряженіи утратить свободу? Вѣдь это таутологія? Въ ней конечно выражаются полное согласіе, полная сообразность безошибочно правильнаго сужденія. Но въ этомъ согласіи, въ этой сообразности, въ этомъ сужденіи ровно ничего не сказано. Оно есть мертвое сужденіе и мертвое согласіе съ самимъ собою сообразнаго и ничего не сказывающаго, упорно молчащаго мертвеца, который былъ землею и землею сталъ.

Насиліе, какъ и деспотизмъ, своими грубыми и черствыми пріемами не въ силахъ, не въ состояніи добиться ни живаго согласія, ни сообразности жизни

Мужчина, чтобъ узнать, убиваетъ жизнь и потому онъ и узнаетъ только всѣ голоса смерти. Женщина напротивъ, чтобъ узнать, живетъ и любитъ, и потому она узнаетъ всѣ голоса жизни и въ самомъ царствѣ смерти всегда утверждаетъ только жизнь.

Женщина природы не терзаетъ и не вымучиваетъ у ней тайны ея, но за то весь смыслъ и вся жизнь природы, и безъ ея насилія, но вольно сами собою отдаются ей и живутъ въ ней, какъ ея невозмутимая вѣра.

Она, конечно, не обладаетъ положительнымъ знаніемъ; не потому, чтобъ она не могла обладать имъ; бывали женщины, которыя имъ обладали; но потому, что она, обладая вѣрою, не нуждается въ его мертвенной таутологіи. Ей нужно согласіе, но только согласіе живаго; положительнымъ знаніемъ, какъ положительною ограниченностью, она ни жить, ни питаться не можетъ; чѣмъ жить такою ограниченностью, она лучше останется при своемъ не-

знаніи: но ея незнаніе исполнено всею бесконечностью и даетъ мѣсто всему живому. Оно въ ней есть ея бесконечное вниманіе и ея чуткая внимательность ко всему: въ ея чутко отзывчивомъ сердцѣ всѣ голоса жизни отзываются, какъ ея собственная жизнь, и ея жизнью весь міръ живетъ и сказывается въ ней, какъ ея состраданіе, какъ ея жалость, какъ ея всеобъемлющая милость и любовь ко всему живущему, какъ тотъ несказанный, тотъ бесконечный образъ безусловно любимаго, къ которому она обращена всѣмъ существомъ, всѣмъ теченіемъ жизни своей, какъ растеніе къ своему солнцу.

Бесконечный образъ, который она любитъ и которымъ она любитъ и знаетъ все другое, которымъ она всему сочувствуетъ и сострадаетъ, которымъ она обнимаетъ и оживляетъ весь міръ, есть конечно только мечта ея; но ея мечта есть живая и творческая мечта – мечта, творящая и жизнь, и мысль. Женщина не обладаетъ знаніемъ и не ищетъ знанія: потому что то, къ чему всякое знаніе стремится, то, что требуется познать и что есть самый предметъ всякаго знанія, и есть самая мечта ея, которая въ ней живетъ и ею утверждается.

Безъ наполняющей ея душу, живительной, женской мечты, все знаніе, какъ бы оно ни было положительно, неминуемо обратилось бы, да и обращается въ самую тривіальную пошлость, въ мертвечину тупоумія и безсмыслія.

Живое знаніе, до тѣхъ поръ, пока оно есть живое, живетъ и дышетъ лишь упованіемъ усвоить, понять эту непонятную мечту самой жизни; пока оно ее видитъ предъ собою, какъ изъ бесконечной дали ему свѣтящее, ему брежжущее пламя, оно къ ней стремится и въ этомъ стремленіи развивается. И не достигая ея, ни на чемъ не можетъ установиться, нигдѣ не можетъ остаться и пребывать какъ дома; развѣ только въ видѣ временной пріостановки, какъ на станціи для отдыха и для новой посылки оттуда къ дальнѣйшему, а затѣмъ еще къ дальнѣйшему, туда, откуда мерцаетъ неугасимый, но и не-

уловимый пламень, свѣтлый образъ, вѣчно манящій мечты безусловной жизни, безусловнаго смысла.

Это стремленіе въ даль бесконечнаго не можетъ прекратиться, пока не изсякнетъ до послѣдняго мига своего вся темень и вся матерія будущаго, пока оно не обратится въ безусловный свѣтъ безусловнаго знанія.

Но знаніе тотчасъ же замираетъ и обращается въ педантизмъ, въ тупоуміе и безсмысліе, какъ только вздумаетъ принимать мелькающіе ему по пути верстовые столбы или станціонные дома за послѣднее пристанище, гдѣ оно можетъ остаться какъ дома.

Знаніе есть дѣйствительное знаніе до тѣхъ поръ, покуда оно одухотворено и осмыслено мечтою, живущею въ сердцѣ женщины, въ самомъ ея незнаніи: всякое положительное знаніе во всѣхъ фазисахъ своихъ находится всегда не дома, но только въ пути; оно обставлено со всѣхъ сторонъ знаками вопроса и есть только сомнѣніе, потому что вся темень будущаго, или непроницаемая матерія, всегда предстоитъ ему, какъ бесконечный, какъ безотвѣтный вопросъ. Ея же незнаніе исполнено самымъ образомъ ея жизни,—ея несомнѣнною вѣрою и тѣмъ бесконечнымъ утвержденіемъ истины или дѣйствительности, котораго знаніе ищетъ, къ которому оно стремится.

Сколько юношей, школяровъ или школьниковъ, вслѣдствіе естественнаго соревнованія, усиленнаго еще и самолюбіемъ, этимъ обычнымъ возбудителемъ и подспорьемъ всякаго усиленнаго напряженія, окончивъ съ успѣхомъ, съ отличіемъ и съ аттестатами полный курсъ ученія, удостоясь серебрянныхъ и золотыхъ медалей, роковымъ образомъ впадаютъ въ самое пошлое заблужденіе и, вообразивъ, что они уже и въ самомъ дѣлѣ все произошли, что они знаютъ и даже все знаютъ, охватываются тупоуміемъ педантизма, носятся съ своими медалями и, принимая школьную казенщину учебниковъ, ихъ мертвенный классицизмъ или столь же мертвенный реализмъ за самую истину, —абстрактный матерьялъ познанія за самое знаніе, въ своей

нечеловѣческой, школьной гордынѣ отступаются отъ жизни, отъ смысла и отъ всего человѣческаго.

Нѣтъ болѣе жалкаго и болѣе ненавистнаго невѣжества, какъ именно невѣжество педантизма. Это ходячій гробъ науки и знанія; надъ нимъ бы слѣдовало прописать, lasciate ogni speranza voi ch' entrate.

И счастливъ тотъ преисполненный знаніемъ юноша, которому, на его жизненномъ пути развитія и образованія, повстрѣчалась женщина, великосвѣтская ли дама или кисейная барышня, съ ея глубокимъ незнаніемъ.

Счастливъ онъ вдвойнѣ, если ему посчастливилось всю гордыню своего знанія и своего нечеловѣческаго педантизма со всѣми медалями его скинуть съ себя и сложить въ прахъ къ ногамъ ея, чтобъ уразумѣть все ихъ тупое безсмыслiе, чтобъ исповѣдывать и свое невѣжество, и свою непроходимую глупость предъ бесконечнымъ смысломъ той жизненной мечты, которою исполнено ея всеобъемлющее, какъ небеса глубокое незнаніе.

Счастливъ онъ втройнѣ, если онъ могъ, смиреніемъ предъ нею всего существа своего, понять и узнать въ глубинѣ души все то, что она знаетъ и понимаетъ, и возстать отъ ней и чрезъ нея человѣкомъ.

Если жь онъ этого не могъ, если онъ, въ ослѣпленіи своею ограниченностью и педантизмомъ, пропустилъ этотъ случай и не скинулъ, не сронилъ съ себя своей школьной гордыни, то она непремѣнно задавитъ его, и человѣкомъ ему ужь никогда не бывать.

Женская мечтательность спасаетъ общество отъ мертвящаго давленія мужскаго педантизма: ея жизненнымъ, одушевляющимъ вѣяньемъ живетъ и дышетъ и самая наука; а безъ ней она бы стала тѣмъ же, чѣмъ бы стала земля безъ неба и безъ солнца.

Въ этомъ отношеніи чрезвычайно поучительна автобіографическая исповѣдь Ст. Милля.

Въ самую дѣятельную пору своей жизни, въ самомъ разгарѣ всѣхъ стремленій и надеждъ своей юности, онъ

разъ, въ минуту раздумья, задалъ себѣ вопросъ: а что, если бъ все къ чему онъ такъ пламенно стремится, изъ за чего онъ такъ неустанно работаетъ и трудится, предстало предъ нимъ, какъ вся исполненная дѣйствительность; сталъ ли бы онъ отъ того счастливѣе, нашелъ ли бы онъ въ этомъ исполненіи, въ этомъ достиженіи послѣдней цѣли своихъ желаній, свое блаженство? И ставъ предъ судъ души своей, въ ея тайномъ, глубокомъ помыслѣ, съ этимъ задушевнымъ вопросомъ человѣка, онъ отвѣчалъ на него изъ той же глубины отрицательнымъ нѣтъ! Исполненіе всѣхъ его надеждъ, осуществленіе всѣхъ его стремленій и ожиданій не доставили бы ему ни счастья, ни блаженства. Выслушавъ такой приговоръ въ себѣ самомъ себѣ самому, Ст. Миллъ, какъ онъ самъ передаетъ, задумался и долго, до самой встрѣчи съ мистрисъ Тэлоръ, все помышлялъ о прекращеніи напрасной жизни своей самоубійствомъ. Но мистрисъ Тэлоръ своимъ женскимъ участіемъ спасла его и возвратила его вновь къ смыслу жизни и къ ея бесконечному утвержденію истины и дѣйствительности. Она возвратила обществу одного изъ замѣчательнѣйшихъ мыслителей, одного изъ лучшихъ людей современности, ужъ разумѣется, не посредствомъ учености.

Утверждать, т. е. творить дѣйствительность въ средѣ призраковъ и кошемаровъ реальности, вѣрить назначенію жизни, несмотря на реальность и наперекоръ всякой реальности, есть высшій идеализмъ самой жизни: и всѣ высшіе интересы общества только имъ движутся, только имъ держатся, только имъ дышутъ, только имъ исполняются; безъ его живительнаго дыханія все, что называется трудомъ, стремленіемъ, искуствомъ, наукою, религіей, политикой, философіей, сливается въ кучу, въ мусоръ мертвенныхъ останковъ жизни и не имѣетъ силы жить.

То, что человѣкъ любитъ всѣмъ существомъ своимъ, всегда становится самымъ образомъ его. Но съ одной стороны, нѣтъ такой дряни на свѣтѣ, къ которой бы онъ

не могъ привязаться всѣми силами своей бесконечной души, а съ другой — нѣтъ и такой бесконечности, которую онъ былъ бы неспособенъ обнять, охватить любовью своею. Полюбивъ бесконечнымъ образомъ какую нибудь дрянь, человѣкъ весь наполняется ея содержаніемъ и принимая въ себя образъ ея, самъ становится бесконечно дряннымъ человѣкомъ. Если онъ возлюбитъ своимъ бесконечнымъ образомъ какія вещи, то, наполняясь ихъ вещнымъ содержаніемъ, онъ самъ становится вещью и, какъ вещь, отдается и подпадаетъ всякому насилію, которое есть законъ вещей. И, напротивъ, полюбивъ бесконечнымъ образомъ бытія своего самую бесконечность, онъ весь и исполняется самымъ содержаніемъ бесконечнаго и, какъ самый принципъ, какъ властное начало надъ всѣми вещами, надъ всѣмъ конечнымъ содержаніемъ міра, самъ становится святымъ, неприкосновеннымъ, дѣйствительнымъ образомъ бесконечной свободы.

Въ женщинѣ важно вовсе не то, что она знаетъ; вовсе не теоріи, которыя она можетъ имѣть и не имѣть, вовсе не слова и знаки, которые она умѣетъ или не умѣетъ выражать: въ ней важно только ее наполняющее значеніе, только несказанное содержаніе ея жизни; въ ней важно только, что она бесконечнымъ порывомъ жизни своей любитъ бесконечно любимое и, любя его, какъ свою завѣтную мечту, какъ первообразъ всего, что можно и что должно любить, тѣмъ самымъ творитъ и утверждаетъ весь идеализмъ общества, или его вѣру въ дѣйствительность наперекоръ всей реальности,— его бесконечное утвержденіе истины въ средѣ призраковъ, обмановъ и лжи,— его свободу на самой почвѣ безмѣрнаго насилія и рабства.

Въ обществѣ, женщина есть представительница его идеализма; въ невозмутимой сферѣ своей, вдали отъ всего площаднаго, дыханіе ея жизни, какъ пламень неугасимой лампады, неуклонно возносится въ высоту, къ предвѣчному образу безусловно любимаго, какъ къ самому началу и самому концу всякой жизни.

И вся образованность общества, проявляющаяся только въ его любви, только въ его стремленіи къ красотѣ, къ благообразію, къ приличности, къ достоинству, къ добру, къ справедливости, къ свободѣ, къ самоуваженію, къ истинѣ, рождается только бесконечнымъ идеализмомъ женщины, только чистымъ дыханіемъ ея жизни: не даромъ все человѣчество, въ болѣе грубой или въ болѣе изящной формѣ представленія, догматически или мифически, знаетъ и исповѣдуетъ, что все божественное рождается только отъ чистаго.

Все воспитанное и уже обученое юношество образуется въ обществѣ только образомъ женщины: и его образованіе есть именно только его проникновеніе ея бесконечнымъ идеализмомъ.

Развитіе человѣка начинается его воспитаніемъ и завершается его образованіемъ: но и начало его въ воспитаніи и его конецъ въ образованіи есть одинаково дѣло и творчество женщины. Идеализмъ, которымъ она дышетъ въ обществѣ, даетъ юношеству желаніе и силу жить; оно въ немъ находитъ и сознаетъ тотъ жизненный мотивъ, который, осмысливая его жизнь, вливаетъ въ него и волю, и мужество переносить трудъ, утомленіе, страданіе, всѣ лишенія, чтобъ только проникнуться дѣйствительнымъ образомъ образованности.

У насъ, за послѣднее время, ходило много толковъ объ образовательномъ значеніи юнаго поколѣнія: вслѣдствіе чего юное поколѣніе, по праву своей юности, и возмечтало о самомъ себѣ, что въ немъ лежатъ всѣ задатки будущаго прогресса, развитія и обновленія общества.

Всѣ надежды будущаго дѣйствительно заключаются въ юномъ поколѣніи. Но самое будущее есть еще только неопредѣленная, темная и безобразная матерія: оно въ своемъ собственномъ видѣ есть самая стихія невѣжества; и до тѣхъ поръ, пока юное поволѣніе охвачено только этимъ невѣжествомъ, пока оно не образовано образомъ самаго общества, оно остается по необходимости только

надеждою, только ожиданіемъ того, чего еще нѣтъ на самомъ дѣлѣ.

Эти надежды, эти ожиданія могутъ легко оказаться праздными надеждами и тщетными ожиданіями. Если же юное поколѣніе, отклоняя отъ себя общественный образъ и упорствуя въ своемъ невѣжествѣ, задумаетъ отрицать самую образованность для того, чтобъ пребывать въ своемъ естественномъ, натуральномъ видѣ, чтобъ оставаться самимъ собою, какимъ оно отъ природы стало, то изъ этого неминуемо настаетъ уже не будущее, а вполнѣ настоящее безобразіе.

Пустое притязаніе, какъ и притязаніе пустаго, не могутъ ничего творить кромѣ безобразія. Чтобъ творить прекрасное, необходимо имѣть прекрасное въ себѣ самомъ; чтобъ имѣть его въ себѣ самомъ, необходимо любить его; но чтобъ его любить, его необходимо сначала узнать. Узнается же оно только въ обществѣ и притомъ не на площади, а только въ той средѣ, гдѣ проявляется весь идеализмъ его.

Въ давнишнемъ литературномъ спорѣ между славянофилами и западниками, на сколько ученія тѣхъ и другихъ можно признать опредѣленными ученіями, несмотря на то, что въ частностяхъ первые не рѣдко очень основательно возражали своимъ противникамъ, которые однако не всегда имѣли возможность высказываться до конца и отвѣчать во всю душу свою, въ цѣлости западники были бесконечно правы: и правота ихъ была въ томъ, что они, какъ умѣли и какъ могли, всею душею отстаивали противъ сторонниковъ допетровскаго преданія Московскаго Царства и противъ его иконописнаго смиренномудрія бесконечный идеализмъ человѣка, въ силу котораго оріентальное порабощеніе женщины отрицается, какъ самое основаніе невѣжества и вмѣсто него, какъ самое начало образованности, признается и утверждается поклоненіе женщинѣ; конечно не въ томъ видѣ, какъ оно было въ романтической Европѣ, на западѣ, въ стихахъ

въ романсахъ и въ романахъ, но какъ оно могло осуществиться только въ отсталой Россіи, безъ фразъ, простодушно и искренно, на самомъ дѣлѣ и самою жизнью.

Идеализмъ, какъ сфера бытія, какъ жизненное направленіе, творится только женщиною; безъ ней онъ немыслимъ: какъ самая сущность, какъ чистое дыханіе ея жизни, онъ проявляется только въ той средѣ общества, гдѣ женщина дышетъ вполнѣ свободно, гдѣ въ противоположность мужскому, базарно площадному началу царитъ ея женственный образъ.

И только идеализмомъ, только вліяніемъ женщины творится въ обществѣ его образованность и образуются юноши и все наступающее юное поколѣніе.

Въ мірѣ реальностей, женщина есть только слабость и сочетаніе всѣхъ слабостей, которыя такъ и называются женскими слабостями. Но въ дѣйствительности, она есть безконечная сила, противъ которой нѣтъ и не можетъ быть спора; ей все предается и подчиняется безспорно самымъ стремленіемъ и порывомъ жизни: потому что въ подчиненіи ей находится свобода. Идеализмъ женщины есть собственно ея вѣра, или ея утвержденіе въ обществѣ, наперекоръ всей его реальности, безусловной дѣйствительности красоты, добра и истины.

Она никого и ничему не учитъ, но она всѣхъ одушевляетъ, и преобразуетъ своимъ образомъ не мысли, не помышленія, но самое существо человѣка—существо, отъ котораго зависятъ всѣ его мысли и всѣ его помышленія; своимъ образомъ она образуетъ въ юношествѣ его вкусы и научаетъ его отличать прекрасное отъ безобразнаго,—доброе отъ злаго,—истинное отъ ложнаго,—самую сущность отъ обступающихъ ее призраковъ,—идеалъ и дѣйствительность отъ пошлой реальности.

Въ ея чистой атмосферѣ, при свѣтѣ ея идеализма, силою ея утвержденія, предъ юношею раскрывается весь міръ во всѣхъ его значеніяхъ; и онъ различаетъ въ немъ его реальный образъ, въ какомъ онъ мерещется и теряется предъ разсѣянностью ощущеній и чувственныхъ взглядовъ

всего реализма, отъ его идеальнаго образа, въ какомъ онъ дѣйствительно находится и предстоитъ для полноты вниманія, сосредоточеннаго идеализмомъ. Содержаніе, усматриваемое при разсѣянности,—вовсе не тоже самое, что усматривается при вниманіи; въ разсѣянности усматривается только реальность или разорванный, ни съ чѣмъ не сообразный образъ міра; при вниманіи, усматривается самая дѣйствительность міра, или его красота, его добро, его свобода, его истина. Вся образованность собственно въ томъ и состоитъ, чтобъ научиться различать навожденія и привидѣнія своихъ разсѣянныхъ или чувственныхъ взглядовъ и воззрѣній отъ дѣйствительности, которая видима только вниманію. Такому различенію никакая наука научить не въ состояніи; наука можетъ быть дѣйствительною наукою только послѣ того, какъ уже сталось вниманіе, которымъ различается призракъ отъ дѣйствительности; безъ него и наука будетъ лишь утвержденіемъ призраковъ и заблужденій—непосредственнымъ реализмомъ, или же его научнымъ видомъ—ученымъ позитивизмомъ.

Научиться различать дѣйствительность отъ призраковъ реальности можно только жизненнымъ образомъ, только развитіемъ вкусовъ, сообразныхъ съ истиннымъ образомъ самой жизни. Не то прекрасно, не то добро, не то истинно, что нравится, что любится, что приглянулось: понравиться, полюбиться, приглянуться можетъ все на свѣтѣ и всякая дрянь; предъ человѣкомъ, разсѣяннымъ своею чувственностью, и Терситъ можетъ предстать Ахилломъ. Но истинный вкусъ отъ ложныхъ вкусовъ всегда отличается своимъ созвучіемъ съ женственнымъ образомъ или съ идеализмомъ женщины: все, что не можетъ быть въ ея присутствіи, все, что исключается изъ ея чистой сферы, все, что не можетъ предстать предъ ея образомъ, что ей противно, чѣмъ нарушается ея свобода, тѣмъ самымъ уже осуждается какъ ложь, какъ зло, какъ безобразіе: только въ ея женской сферѣ образуются въ юношествѣ истинные и правильные вкусы: только въ ея

сферѣ оно научается чувствовать и видѣть, что реальное существованіе сплошь исполнено глупостью, безобразіемъ, ложью, пошлостью, низостью,—что его нельзя хватать и черпать въ себя безъ разбора и безъ вниманья: какъ разъ начерпаешся и нахватаешся всякой грязи; потому что реальна всякая всячина; вполнѣ реальны и казенщина, и базарный толкъ, и невѣжество: но въ этой реальности нѣтъ и тѣни дѣйствительности, а образованный человѣкъ утверждаетъ своею жизнью не то, что реально, а только то, что дѣйствительно, и что въ женщинѣ живетъ, какъ ея невыразимая мечта, какъ ея бесконечная вѣра, какъ идеализмъ и бесконечный помыслъ ея женственнаго образа.

Дѣйствительная религія.

Въ дѣйствительномъ обществѣ, когда вся его дѣйствительность на лице, въ самомъ присутствіи всего прекраснаго, добраго и истиннаго, предъ его живымъ свидѣтельствомъ никакое сомнѣніе невозможно, а есть лишь одна несомнѣнная достовѣрность и полная увѣренность. Любящій предъ лицемъ любимой женщины не сомнѣвается ни въ чемъ; каждое его дыханіе при ней есть его утвержденіе всей его жизни, всей любви его.

Но наличная близость дается только бесконечною силою вниманія; въ реальномъ же мірѣ господствуетъ стихія разсѣянности, выражаемая далью пространства и далью времени; конечное вниманіе не въ силахъ сомкнуть ихъ въ непосредственную близость наличнаго бытія, а потому для него, присутствіе всего любимаго и дѣйствительнаго очень часто заступается ихъ отсутствіемъ.

Въ отсутствіи дѣйствительности, въ отсутствіи любимаго образа, въ разсѣянности жизни, ночью, когда солнце скрылось, когда, быть можетъ, и небо, и звѣзды померкли за тучами, когда человѣка со всѣхъ сторонъ обступаетъ тьма и призраки тьмы, когда предъ нимъ вы-

ступаютъ всѣ реальности,—онъ остается одинъ на одинъ съ самимъ собою и съ своимъ утверждающимъ помысломъ; между тѣмъ какъ все его окружающее отрицаетъ всѣ утвержденія его помысла—и все, что онъ любитъ, и все, что онъ знаетъ, и его самаго со всѣми его помышленіями.

Болонскій камень, насытясь солнечнымъ свѣтомъ, нѣкоторое время свѣтитъ еще и во тьмѣ; но, теряя исподволь свой запасъ свѣта, онъ наконецъ совсѣмъ гаснетъ.

Не то же ли повторяется и съ человѣкомъ? воспитанный, обученый, образованный, весь насыщенный свѣтомъ святаго, высокаго идеала, исполненный бесконечнымъ образомъ всего любимаго, онъ переступаетъ за порогъ своей протекшей юности съ ея волшебными грезами и мечтами, съ ея очарованіемъ, въ которомъ красота, добро, истина были на лице и на яву, и, выходя съ полнымъ атестатомъ, не то что гимназической или университетской, а всей человѣческой зрѣлости на широкую, на беспредѣльную площадь общественной жизни, спускается изъ области идеальныхъ мечтаній въ область грубыхъ реальностей.

Юность съ ея золотыми снами мелькнула и прошла, какъ и все проходитъ. Было невыразимо ясное, несказанно свѣтлое утро; но насталъ бѣлый день, а за нимъ наступаетъ смутное, темное, сумрачное будущее. По отношенію къ тому, что было, то, что настало и еще наступаетъ, есть совсѣмъ не то, совсѣмъ другое. Тамъ, въ томъ, что прошло, человѣкъ имѣлъ предъ собою бесконечно плѣнительный образъ; тамъ онъ зналъ, онъ воочію видѣлъ святое; тамъ онъ любилъ бесконечно любимое. Теперь, все это прошло, миновало, кончилось и настало совсѣмъ другое. Куда же дѣвалось то, что прошло? Чтожъ отъ него осталось? Гдѣ оно? Оно еще брежжетъ въ воспоминаніи, оно хранится въ памяти, и люди провозглашаютъ ему—вѣчная память! Но то, что въ памяти, то уже не такъ, какъ оно было въ самой жизни, когда оно было на лице, на яву, живое, въ полнотѣ

своего присутствія. Что такое память въ сравненіи съ самою жизнью? Кладбище, могила. Что такое воспоминаніе? Только гробъ, въ которомъ схоронено то, что прежде жило, а теперь умерло и есть мертвое. Гробъ, надъ которымъ можно только плакать объ утраченномъ, но которымъ жить невозможно.

Теперь предстоитъ и обступаетъ совсѣмъ другое: все, чѣмъ прежде жилось, все, что прежде думалось, все, что прежде такъ бесконечно любилось, прошло безвозвратно; его не стало, его не видно, его нѣтъ: есть и видно все другое; есть то, что любить невозможно. Это другое, нелюбимое, оно повсюду, оно явно, оно очевидно; о немъ все свидѣтельствуетъ, о немъ всѣ люди говорятъ и всегда говорили, о немъ же и вся наука толкуетъ: кромѣ него нигдѣ ничего нѣтъ.

Да и было ли что въ самомъ дѣлѣ кромѣ этого другаго? То, о чемъ еще помнится, какъ о минувшемъ, точно ли оно было? и не было ль оно лишь иллюзіею юности—ея естественнымъ ослѣпленіемъ? возможно ль было быть столь наивнымъ, чтобъ принимать призраки ослѣпленія за настоящую дѣйствительность? Призраковъ нѣтъ, есть только то, что всегда съ нами, что можно всюду видѣть, что можно всегда осязать. Гоняться за призраками—смѣшно и простительно только юношамъ, не знающимъ настоящей жизни и настоящаго ея содержанія. Издали и пыль, освѣщенная лучемъ солнца, сдается золотою пылью; а вблизи она самая обыкновенная пыль.

Тогда, въ то время юношескихъ мечтаній и ослѣпленія, такъ серьезно думалось, сердце такъ тревожно порывалось заключить весь міръ въ свои объятія, тогда вмѣстѣ съ Шиллеромъ и вмѣстѣ съ Бетговеномъ изъ всей души хотѣлось кликнуть:

Freude! schöner Götter-funken aus Elysium!

А теперь не до того; въ душѣ не находишь никакой охоты обнимать реальность, эту бездушную мразь, эту холодную слякоть, эту болотину, и все думается, какъ бы только самому отъ ней избавиться. А она—безстыдная,

нахальная, грубая, черствая, ненавистная, злобная, низкая, лживая, продажная наступаетъ со всѣхъ сторонъ со всею грязью своею и лѣзетъ цѣловаться, пытаясь задушить въ своихъ объятіяхъ всѣхъ, кого цѣлуетъ.

Реальность не привлекательна; сливаться съ нею—противно; она, какъ какая то тошь, втягиваетъ, всасываетъ въ себя человѣка: во что бъ то ни стало, человѣкъ долженъ отдѣлаться отъ ней; неужелижь въ немъ не хватитъ силы, и онъ смѣшается, сольется съ нею въ одно, и будетъ и самъ какъ она? У него, уже отъ одного представленія о такой возможности вся душа замираетъ и вздымается отъ негодованія: чтобы онъ когда нибудь слился съ нею! — чтобы онъ сталъ какъ она! нѣтъ, — онъ лучше умретъ, онъ лучше сгинетъ и пропадетъ, но этого никогда не будетъ, съ презрѣнною реальностью онъ не сольется и никогда не будетъ съ нею за одно!

Но однако же, кто же онъ самъ, которому такъ претитъ эта реальность, и котораго она такъ смущаетъ своимъ безобразіемъ?

Люди, мужчины, женщины, старые, молодые, даже и дѣти—всѣ несносно пошлы, низки, продажны, мелочны, эгоисты, себялюбцы; въ нихъ нѣтъ ничего святаго. А что же—онъ самъ? чѣмъ онъ ихъ лучше? развѣ онъ не тоже самое—что и они? развѣ въ немъ самомъ есть что другое, чего въ нихъ нѣтъ? Ему думается, что онъ совсѣмъ не то, что они; что въ немъ—нѣчто совершенно особенное. Но этимъ самомнѣніемъ, этимъ помысломъ своимъ, которымъ онъ считаетъ себя и лучше и выше другихъ, онъ именно и есть тоже самое—что есть и каждый изъ нихъ: развѣ не каждый изъ нихъ думаетъ тоже самое о себѣ самомъ? развѣ не этимъ самолюбивымъ помысломъ—они и эгоисты, и мелочны, и продажны, и низки, и пошлы? Каждый изъ нихъ не исполненъ ли тѣмъ же самымъ притязаніемъ, которое и его наполняетъ? Каждый изъ нихъ въ себѣ самомъ не считаетъ ли эту пустоту, это бесправіе своего бесконечнаго притязанія за нѣчто дѣйствительное, за богатство и пре-

восходство свое надъ другими? Такъ что, если не по себѣ, то по крайней мѣрѣ по нимъ каждый могъ бы видѣть и судить, что это мнимое, высокое превосходство есть самое пустое ничто. И если кто дѣйствительно имѣетъ въ себѣ нѣчто иное, а не тоже пошлое и низкое содержаніе, не тотъ же обильный родникъ и всякой пошлости, и всякой низости, если въ немъ въ самомъ дѣлѣ есть истинное достоинство, то не долженъ ли онъ прежде всего отказаться отъ своего мнимаго особаго превосходства, которымъ онъ, нисколько ни отъ кого не отличаясь, напротивъ, только сливается и смѣшивается съ тѣмъ самымъ тривіализмомъ пустыхъ напряженій и притязаній, которыя такъ противны ему? То, что противно въ другихъ, нельзя держать и имѣть въ себѣ самомъ какъ особое достоинство.

И потому, чтобъ не быть причастнымъ общему тривіализму всей реальности, онъ долженъ бросить всякое помышленіе о своемъ мнимомъ превосходствѣ надъ другими; носиться съ нимъ—значило бы быть какъ они; онъ долженъ его скинуть съ себя и уронить въ общую землю всякой реальности: чтобъ не носиться съ нимъ по пустому, чтобъ не возноситься самому по поводу его мнимости своею ни чѣмъ не оправданною, пустою и во всякомъ случаѣ тяжелою и несносною гордынею.

Онъ мнилъ въ себѣ быть дѣйствительно чѣмъ нибудь превосходнымъ, потому что у него было свое особое помышленіе, съ которымъ онъ носился, какъ съ содержаніемъ, которое будто бы отличало его отъ всѣхъ другихъ; но такое помышленіе о себѣ и про себя и каждый человѣкъ имѣетъ и тоже носится съ нимъ: оттого то и проистекаетъ общая пошлость, что каждый мнитъ себя быть особенностью. Но помышляемыя особенности, какъ сѣмена, не могутъ произрастать, но остаются безплодными и тщетными, пока съ ними только носятся, пока подымаютъ руками и сердцемъ ихъ тяжкую ношу, чтобъ въ пустѣ самому возноситься или отличаться ею,

въ родѣ того, какъ пустые люди отличаются и возносятся особымъ покроемъ платья.

Отъ тщетной тяжести такихъ помышленій слѣдуетъ избавиться, какъ отъ пустаго притязанія; ихъ слѣдуетъ скинуть съ себя и, уронивъ въ общую землю, потерять въ ней: чтобъ они въ ней умерли—какъ пустое притязаніе и произросли изъ ней—какъ дѣйствительность.

Человѣкъ, именно потому, что онъ образованъ образомъ всего лучшаго, долженъ отказаться отъ своей особенности между людьми и стать съ ними за одно. Чтобъ стать дѣйствительно человѣкомъ, онъ долженъ не отдѣляться, не обособляться отъ людей, но, теряясь между ними, слиться съ ними въ одной, общей человѣческой судьбѣ.

Если онъ, дорожа собою, боится за себя и не рѣшается, бросивъ себя самаго, затеряться и умереть въ обыденной общности всего существующаго, въ общей землѣ, на которой и все живетъ, и все умираетъ, и все находится, и все теряется, то это прямо значетъ, что въ немъ недостаетъ вѣры, нѣтъ живой силы утвержденія; и въ такомъ случаѣ, ему не съ чего ни бояться, ни рѣшаться: онъ, уже все равно, и такъ умеръ; и отъ смерти его не избавятъ ни его страхи, ни его рѣшенія. Сѣмена, потерявшія силу произрастанія, уже не взойдутъ ни покуда съ ними носятся на рукахъ, ни въ землѣ, если ихъ кинуть въ нее; на рукахъ они лишь высохнутъ, въ землѣ же сгніютъ.

Но живое помышленіе, помышленіе съ которымъ всего страшнѣе разстаться, которое живитъ самую душу, которое наполняетъ собою самый помыслъ самосознанія, которое есть въ немъ его идеалъ, залогъ и обѣтованіе всего лучшаго, всего любимаго, брошенное въ общую землю реальности, въ ней не изсохнетъ и не сгніетъ, но взойдетъ изъ ней и разростется въ дѣйствительность.

Особое, завѣтное, задушевное помышленіе человѣка, которое, какъ свѣтлый образъ любимаго, какъ его иде-

алъ, озаряло лучами своими юность его, было въ немъ самою жизнью души его, его религіею: но эта идеальная религія, кромѣ бесконечной мечты, которою живетъ и дышетъ все человѣчество, еще не подымала собою никакой реальной тяжести, не вѣдалась ни съ какимъ сомнѣніемъ, ни съ какою нуждою, ни съ какимъ страданьемъ, ни съ какою необходимостью: она еще не заглядывала прямо въ очи самой судьбѣ человѣка и еще не смущалась, еще не опечалилась предъ строгимъ и печальнымъ, какъ смерть, ликомъ ея. А потому эта религія есть еще только первый помыслъ религіи, который по безусловному прообразу всякой религіи еще долженъ быть распятъ на крестѣ дѣйствительнаго сомнѣнія и страданія, еще долженъ дѣйствительно умереть для того, чтобъ дѣйствительно воскреснуть.

Въ самыхъ верхахъ общественной жизни, въ пышныхъ салонахъ, между образами художествъ и поэзіи, въ средѣ, которой наука преподноситъ всѣ результаты трудовъ своихъ, гдѣ сосредоточиваются всѣ надежды людей, въ сферѣ всеобщихъ политическихъ соображеній, въ области глубокаго раздумья, навѣваемаго всѣми ученіями философіи, развивающійся, какъ послѣднее слово всей образованности, идеализмъ, или глубокій религіозный помыслъ, есть не для самого себя, а для всего другого, которому онъ долженъ быть преданъ, который ему предстоитъ обнять и поднять собою.

Весь его смыслъ отъ начала и до конца есть смыслъ бесконечной жертвы, и дѣйствительная святость его вся въ томъ, что онъ самъ всею цѣлостью своею становится жертвою, приносится въ жертву и предается всему другому, всему реально-площадному, всему невѣжественному народу.

Этотъ помыслъ идеализма, помыслъ всей образованности, не есть пустой помыслъ, не—фраза, какъ онъ сдается для тѣхъ, кто еще не дорось до него душею: въ немъ напротивъ, — какъ сущность дерева въ сѣмени, заключена бесконечность всей жизни и всей мысли

человѣка; вся красота, все добро, вся истина: но именно потому, что въ немъ—бесконечно великое содержаніе, онъ и долженъ—не отдѣляться въ своей особенности, но смѣшаться и слиться съ общею землею, съ обыкновенными пылью и прахомъ реальности: онъ долженъ предать себя въ жертву.

Пустая фраза не могла бы стать жертвою; но и самый высокій помыслъ обращается въ фразу, если въ немъ недостаетъ вѣры, если онъ боится за себя и не рѣшается испытать общую судьбу всего земнаго.

Да, вся образованность, не ея призракъ, но вся ея дѣйствительность, не потому, что въ ней ничего нѣтъ, не потому, что она пустая и ничего не стоитъ, но потому, что въ ней все, потому, что въ ней бесконечная цѣна всей жизни, всей мысли, всей вѣры человѣка, должна, какъ спѣлый плодъ, сама оторваться отъ своего утвержденія и предать себя въ жертву ради всей необразованности, чтобъ тѣмъ явить силу любви своей: для того, чтобъ добро, мечтаемое ею, чтобъ вся ея красота, стали истиною и дѣйствительностью.

Не такъ ли точно и женщина предается и предаетъ красоту свою, или мечтаемое ею добро, тому, кого она полюбила? Не такъ ли точно изъ ея жертвы самой собою, или своею красотою, осуществляется первое дѣйствительное добро, которое является въ обществѣ?

Весь циклъ, или какъ нынѣ говорятъ, вся эволюція общественнаго бытія—заключается въ томъ, что 1) понятіе дѣйствительности, являясь въ художественномъ творчествѣ чистымъ образомъ прекраснаго, становится въ женщинѣ самою жизнью, ея красотою; но женщина красоты своей не хранитъ, но предаетъ ее въ жертву тому, что она любитъ, своему любимому. Этою первою жертвою прекрасное обращается 2) въ живое сужденіе дѣйствительности, въ сужденіе, раскрывающее явно все, что въ образѣ прекраснаго было его лишь еще въ тайнѣ сокрытыми содержаніемъ и смысломъ. Общество, развивая и раскрывая содержаніе своей жизни, само и есть дѣйствительное до-

бро: оно имѣетъ плодомъ всего своего развитія общественную образованность. Но какъ женщина не хранила красоты своей, но предала ее въ жертву и этою жертвою положила самое начало обществу,—такъ теперь и общество не хранитъ для себя красы своей, не дорожится своею образованностью, за которую оно уплатило цѣною жизни; но также точно предаетъ ее въ жертву всей необразованности, всему народу. И эта послѣдняя жертва является 3) необходимымъ, окончательнымъ заключеніемъ всего общественнаго сужденія, т. е. всего развитія дѣйствительности общества, или его религіею: этою заключительною жертвою оно совершаетъ свой долгъ и имъ завершаетъ весь циклъ своего развитія.

Вся наличная образованность общества со всѣмъ, что въ ней есть прекраснаго, святаго, истиннаго, съ ея бесконечнымъ идеаломъ, совсѣмъ не для того, чтобъ, пребывая въ себѣ, идеально красоваться собою: такое красованіе было бы въ обществѣ общественнымъ диллетантизмомъ или общественнымъ эротизмомъ, погонею за наслажденіемъ; но только для того, чтобъ предать себя въ жертву всего другаго на пользу, на благо, ради жизни всей реальной необразованности, ради всего народа. Она есть зрѣлый плодъ, который долженъ оторваться отъ дерева, принесшаго его, и пасть на землю для того, чтобъ предавая ей сѣмена свои, вновь возродиться изъ нихъ, но уже какъ дѣйствительность.

За послѣднее время, изъ круга, быть можетъ, лучшей молодежи очень многіе возгарались страстнымъ желаніемъ или потребностью предстать и предать себя жертвою ради блага общественнаго. Но вѣроятно они не слыхали или, быть можетъ, и слыхали, но забыли, что въ жертву всегда предлагалось и принималось, да и можетъ быть предлагаемо и принимаемо, только то, что есть и самаго чистаго, и самаго лучшаго, притомъ не иначе, какъ во всемъ убранствѣ, какимъ только возможно было убрать ее.

Они же, мечтая предстать жертвами во всемъ неубранствѣ своего невѣжества и необразованности, обре-

кают̀ себя гибели, жертвуют̀ жизнью не потому, чтоб̀ въ жизни их̀ было святое содержаніе, не потому, чтоб̀ она была дорога им̀, но только потому, что она ни для них̀ самих̀, ни для кого другаго ничего не стоит̀. Но боги, скрывающіеся за судьбою, требующею человѣческих̀ жертв̀, чрезвычайно ревнивы и таких̀ ничего нестоющих̀ жертв̀ не принимают̀; им̀ всего менѣе нужно, что никому не нужно и чего дѣвать некуда, что съ одинаковыми смысломъ и готовностью приносится на алтарь, на плаху или въ кабак̀.

Такія жертвы никого не спасают̀. Необразованность самую себя спасти не въ состояніи; она может̀ быть спасена лишь тѣм̀ образом̀ всего святаго и любимаго, котораго въ ея средѣ не находится. А пустое притязаніе, ничего въ себѣ не заключающее, как̀ бы оно ни было безмѣрно дико, дѣйствительностью стать не может̀, покуда оно от̀ себя не откажется.

Если въ человѣкѣ есть въ самом̀ дѣлѣ что нибудь прекраснаго, святаго и истиннаго, что нибудь, что въ нем̀ достойно любви, если въ нем̀ есть дѣйствительная образованность, а не пустая фраза, то тѣм̀ самым̀ въ нем̀ уже есть и сознаніе своего безусловнаго долга предать эту образованность и все, что въ ней есть высшаго, на служеніе необразованности,—всему, что въ ней есть низшаго. Только такимъ отрѣшеніемъ от̀ своего пустаго притязанія, только такимъ преданіемъ самаго себя, или своего лучшаго и высшаго помысла всему другому, — он̀ оказывается дѣйствительностью любви, которою и завершается вся общественная дѣятельность воспитанія, ученія и образованія.

Вся наличная образованность общества, чтоб̀ не оставаться пустым̀ притязаніем̀, чтоб̀ не быть пустою фразою, чтоб̀ не обратиться въ дух̀ праздности, унынія, любоначалія, праздносло̀вія, но чтоб̀ дѣйствительно быть духом̀ цѣломудрія, смиренія, терпѣнія, любви,—должна вся черезъ край исполниться и насытиться смысломъ ре-

альной нужды, страдной работы, горя и страданья и самой сущности жизни всего народа.

Но это не значетъ, чтобъ образованность сама должна, принявъ на себя видъ необразованности, прикинуться народною грубостью и народнымъ реализмомъ; это не значетъ, чтобъ образованность должна была признавать вмѣстѣ съ невѣжествомъ, что блюдо чечевицы дороже права человѣческаго первородства; это не значетъ, чтобъ образованность должна была, потонувъ въ невѣжествѣ, утратить свой собственный образъ: совсѣмъ напротивъ, чтобъ предаться народу, чтобъ не быть только салонною, но стать дѣйствительною, всеобщею и народною, образованность должна не только оставаться вполнѣ самой собою, но стать еще полнѣе, еще болѣе самой собою, чѣмъ она есть въ первомъ, идеальномъ образѣ своего явленія. Изъ образа образованнаго она должна стать образующимъ образомъ; изъ мечтаемой и мнимой—она должна стать дѣйствительною образованностью: потому-что мечта есть только ея начало, а ея конецъ есть самая дѣйствительность. Образованность, которая является совершенно особымъ помысломъ, неспособнымъ ради самой высоты своей совмѣститься съ грубымъ, всеобщимъ помысломъ необразованнаго народа, тѣмъ самымъ и сама еще оказывается необразованностью. Такъ какъ несовмѣстны между собою и исключаютъ другъ друга только чувственныя и матерьяльныя вещи: а истинная образованность не можетъ имѣть вещнаго опредѣленія, — она есть идеалъ и полнота любви, полнота вниманія ко всему другому, и для нея нѣтъ никакого съ ней несовмѣстнаго существованія.

Но въ противность себѣ самой и своему истинному смыслу, образованность въ своемъ начальномъ проявленіи еще исполнена нѣкоторымъ ее отъ всего обособляющимъ высокомѣріемъ, или страхомъ затереться въ другомъ и смѣшаться съ невѣжествомъ; ея идеализмъ является не утвержденіемъ себя самаго въ другомъ, а напротивъ только отрицаніемъ другаго, — или абстрактнымъ идеа-

лизмомъ, который есть лишь форма безъ содержанія, — или та же грубость,—только въ противномъ отношеніи, въ противуположномъ полюсѣ, — что и самая необразованность.

Несовмѣстность между собою двухъ образовъ общественнаго бытія, — того, что въ немъ именуется образованностью и того, что въ немъ является подъ видомъ его естественной необразованности,—и есть дѣйствительная необразованность общества. Когда вся цѣлость общества сверху до низу проникнута *единымъ образомъ* бытія, то оно дѣйствительно образовано; когда же въ немъ нѣтъ такого единства, когда оно двоится въ два другъ съ другомъ несовмѣстные образа, тогда оно дѣйствительно и равномѣрно необразовано во всей цѣлости, и его необразованность и является въ немъ, какъ самый расколъ его бытія въ двуобразности двухъ полюсахъ: подъ видомъ его мнимой, или мечтаемой образованности, и подъ видомъ его реальной необразованности.

Мнимая образованность необразованнаго общества есть по существу своему лишь грубость или тривіализмъ абстракціи, общаго мѣста мышленія, сложеннаго, по давно избитому, всѣмъ извѣстному лекалу его. Ея помыслъ, по отношенію къ дѣйствительному помыслу, есть тоже самое, что какой нибудь hotel garni, или трактиръ, по отношенію къ домашнему крову, гдѣ человѣкъ бываетъ дома. На видъ, въ ней и всѣ мысли, и все знаніе, но въ сущности все ея содержаніе есть только абстракція всякаго рода обобщеній, всѣхъ существующихъ — *измовъ:* идеализма, реализма, моралиэма, скепцитизма, христіанизма, нигилизма, патріотизма, либерализма, консерватизма, демократизма, аристократизма и т. п. Мнимая образованность, по общей схемѣ всякаго обобщенія, обнимаетъ собою очень обширный кругъ сознанія, иногда съ великолѣпнымъ освѣщеніемъ, но какъ морозный зимній день безъ малѣйшей искры огня, тепла и жизни, томитъ своею смертельною скукою пустоты и безжизненности.

Естественная или реальная необразованность, въ томъ

же обществѣ, есть въ немъ только другой, противуположный полюсъ его общей необразованности, таже самая грубость, только въ иномъ образѣ. За недостаткомъ или за совершеннымъ отсутствіемъ въ ней свѣта, она сжата очень тѣснымъ кругомъ сознанія и притомъ объята смутою и темнотою. Но за то ея тѣсный кругъ, при всей тѣснотѣ и ограниченности его, исполненъ всѣми порывами, всѣмъ огнемъ и иногда и всѣмъ фанатизмомъ самой жизни. Это огромное пожарище всего былаго, въ которомъ огня, его испепелившаго, уже невидать: но онъ въ немъ еще не погасъ, а весь тлится внутри, только временами, изрѣдка прорываясь стихійнымъ, все пожирающимъ пламенемъ.

Тамъ, въ мнимой образованности — одинъ образъ безъ содержанія, безъ силы, безъ огня, безъ жизни; здѣсь же въ невѣжествѣ реальной необразованности — все содержаніе, вся сила, весь огонь жизни, но безъ всякаго или почти безъ всякаго образа, безъ всякаго свѣта.

Который изъ этихъ образовъ, при ихъ несовмѣстности, выше или лучше — опредѣлять нѣтъ надобности: и тотъ и другой — только два противуположные полюса одной и той же общественной необразованности, которая и есть самая несовмѣстность этихъ образовъ: — *пустаго образа* мнимой образованности и *безобразнаго содержанія* реальной необразованности.

Но истинная образованность при такой несовмѣстности не остается; она — не пустое притязаніе и не празднословіе; она есть образъ самой любви, высказывающейся, какъ послѣднее слово общественнаго образованія, и проникаетъ силою своего бесконечнаго образа въ самое сердце всего невѣжества: потомучто для ней ничего нѣтъ несовмѣстнаго. Осуществляясь какъ дѣятельная любовь, образованность не обращается однако въ салонную филантропію, или въ благотворительность, которая, благотворя бѣднымъ и несчастнымъ, не имѣетъ съ ними никакого общенія и не можетъ забыть, какъ

она высоко стоитъ и надъ ихъ бѣдностью, и надъ ихъ убожествомъ, и особливо надъ ихъ невѣжествомъ.

Филантропія, твердо помнящая о своемъ превосходствѣ, есть только нѣкоторое извращеніе все той же грубости и все той же необразованности, неспособной забыть себя и отказаться отъ себя ради другаго: ея дары, какъ предметы и вещи, бросаемые въ море, не принимаются, но выкидываются обратно на берегъ, беспредѣльнымъ моремъ горя, страданія и вымученнаго ожесточенія угнетеннаго нуждою человѣчества.

Истинная же образованность, какъ дѣйствительная любовь, есть полнота самозабвенія и самоотрицанія; и потому, отрѣшаясь отъ тѣсноты и ограниченности своего салоннаго обособляющагося образа, она разширяетъ и углубляетъ его до всей ширины и до всей глубины, того площаднаго, народнаго смысла, который народъ, выстрадавъ тысящи-лѣтнимъ, много страдальнымъ опытомъ, высказываетъ своимъ неумѣлымъ, почти дѣтскимъ лепетомъ и косноязычіемъ: въ его смыслѣ, сквозь косноязычный лепетъ его повѣрій, его вѣрованій, его утвержденій, его предразсудковъ, его суевѣрій, образованность, при вниманіи, можетъ выслушать такой всеобщій смыслъ разума, который по тѣснотѣ салоновъ никакъ не могъ въ нихъ вмѣститься. А выслушать и узнать этотъ смыслъ всего нужнѣе, потомучто онъ есть смыслъ той великой истины, которую народъ уже давно знаетъ и исповѣдуетъ, какъ неисповѣдимое и вѣковѣчное преданіе всей жизни.

Многіе образованные люди ужасно хлопочутъ о томъ, чтобъ научить народъ всему тому, чему они сами только вчера научились и что онъ, народъ, давно знаетъ бесконечно шире и полнѣе ихъ обученіемъ тысячилѣтняго опыта и страданія. Въ этомъ отношеніи, онъ знаетъ даже и то, что имъ, берущимъ на себя учить и наставлять его, еще и во снѣ не грезилось.

Въ продолженіи тысячи лѣтъ, народъ выполняетъ

своимъ существованіемъ и соображаетъ своею жизнью, ея трудомъ и страданіемъ несообразимое противорѣчіе между человѣческимъ назначеніемъ, между его вѣчною мечтою жить, какъ подобаетъ человѣку, и между человѣческою судьбою, подвергающею его нуждѣ, неволѣ, горю, страданію и смерти. И худо ли, хорошо ли, онъ однако, никого не спрашивая, соображаетъ это міровое противорѣчіе своимъ широкимъ, народнымъ образомъ, и его соображеніе высказывается имъ, какъ его глубокое, съ незапамятныхъ временъ въ немъ сложившееся преданіе, и имѣетъ значеніе его несомнѣвающагося, его неколеблемаго утвержденія своей жизни и ея человѣческаго смысла наперекоръ всѣмъ бѣдствіямъ и всѣмъ превратностямъ его горькой судьбы.

И всякій, кто стремится жить и обладать силою утверждать свою жизнь среди призраковъ существованія — не какъ призракъ, а какъ самую дѣйствительность, всякій, кто не хочетъ смущаться, кто не хочетъ сомнѣваться и унывать предъ судьбою бытія, тотъ долженъ не учить народъ, а самъ учиться у народа — какъ должно жить. Потомучто сквозь всѣ его повѣрья, суевѣрья и предразсудки, сквозь все его невѣжество, косноязычіе, и малограмотность высказывается его невозмутимая мудрость, которая, какъ сама природа, стоитъ въ уровень съ самою судьбою и ни на единый мигъ не смущается предъ нею. Никакая образованность, никакіе взгляды, теоріи и воображенія устоять не въ силахъ, если они не имѣютъ подъ собою своимъ основаніемъ народнаго смысла, смысла жизни, которою самъ народъ дѣйствительно соображаетъ то несообразимое противорѣчіе человѣческаго бытія, котораго никакія системы сообразить не въ силахъ.

Это противорѣчіе оказывается въ сферѣ реальностей силою бесконечнаго отрицанія: но смыслъ народной жизни въ средѣ такого отрицанія проявляется силою бесконечнаго утвержденія, или бесконечнымъ образомъ самой религіи народа: ею — на перекоръ всему, на перекоръ своему

собственному невѣжеству онъ отстаиваетъ и утверждаетъ свое человѣчество; ею—самый убогій человѣкъ, объятый со всѣхъ сторонъ суевѣріемъ, предразсудками и невѣжествомъ, необладающій ни особымъ умомъ, ни ученостью, ни даже грамотою, есть вполнѣ человѣкъ, несущій въ себѣ самомъ и понимающій все человѣческое, не только не менѣе, но очень нерѣдко и гораздо болѣе образованныхъ и ученыхъ людей и всякихъ философовъ; ею—, не смотря на всѣ различія, всѣ люди безусловно равны, и ни одинъ изъ нихъ не больше, не выше, не умнѣе другаго; ею—всякое умничаніе человѣка надъ человѣкомъ оказывается въ немъ лишь духомъ любоначалія и величайшимъ невѣжествомъ.

Бесконечный образъ дѣйствительной религіи, ея необъятно глубокій, человѣческій смыслъ, — образованность ни откуда не можетъ почерпнуть и усвоить, какъ только изъ необразованной среды всего народа: это не значетъ, что она должна заимствовать у него его невѣжество, его предразсудки, его обычаи, его наряды, его рѣченія и прочія внѣшнія и видимыя проявленія: такое заимствованіе было бы лишь реализмомъ, который всегда хватается за внѣшніе признаки и за видимыя вещи, полагая найти спасеніе въ мурмолкѣ или въ поддевкѣ, или въ отрицаніи арифметики. Бесконечный образъ и смыслъ религіи, какъ она сказывается народною жизнью, уразумѣвается только вниманіемъ, которое уже есть и жизнь, и разумъ и уразумѣваетъ и жизнь, и разумъ во всемъ другомъ.

Вся образованность общества, нисходя съ высоты своей въ низменныя сферы народа и его невѣжества съ стремленіемъ предаться ему ради его образованія, ради спасенія его отъ необразованности, сама спасается, сама избавляется въ немъ отъ своей собственной тѣсноты тѣмъ, что просвѣщается въ народѣ его всеобщимъ разумомъ и бесконечнымъ смысломъ его дѣйствительной религіи.

Ученіе славянофиловъ 40-хъ годовъ, особенно въ лицѣ братьевъ Кирѣевскихъ, въ которыхъ еще не вы-

мерло направленіе русскаго ума Александровской эпохи и которые потому никогда не впадали въ тонкости хитроумія и хитросплетенія Византійства, заключало въ себѣ ту истину, что высшая образованность, какъ она вытекаетъ изъ высшихъ слоевъ общества, не смотря на всю эстетику, на всю ученость и на всю философію, съ которыми она сливается, еще не есть дѣйствительная образованность и не обладаетъ самою дѣйствительностью; она еще вся отзывается слабостью и слабоумною наивностью непомѣрнаго ребячества: въ смыслѣ эстетики, она не въ силахъ выйти изъ сѣтей диллетантизма и эротизма; въ смыслѣ знанія и учености, она исполнена напыщеннымъ высокоуміемъ и постоянно впадаетъ въ несносное умничаніе надъ людьми и надъ человѣкомъ, потомучто полагаетъ себя умнѣе всякаго незнанія и всякой жизни; наконецъ въ своемъ идеализмѣ, она вмѣсто дѣйствительной религіи достигаетъ только до религіозности, или до той мечтательной религіи à l'usage des dames et des demoiselles, которая есть самый обыкновенный образъ салонной религіи.

И потому эта образованность, для того, чтобъ стать дѣйствительностью всей красоты, всего добра и всей истины, должна, отрѣшаясь отъ своего ребячества, отъ своего умничанья и высокоумія, отъ своей нѣжности и изнѣженности, потонуть въ бесконечно великомъ смыслѣ народной жизни, — и возникнуть изъ него дѣйствительнымъ умомъ, дѣйствительнымъ знаніемъ и дѣйствительною религіею.

Сѣмя образованности, великодушно и довѣрчиво преданное всѣмъ грубымъ силамъ земли, возникаетъ изъ ней ея силами могучимъ деревомъ живой и дѣйствительной образованности: что было безбоязненно ввѣрено грубой землѣ, то она возвращаетъ сторицею и предъ даятелемъ, который ей ввѣрился, въ долгу не остается.

Салоны, форумъ общежитія, на которомъ преобладаетъ женственное вліяніе женщины, и внѣшняя площадь, общественный форумъ, на которомъ преобладаетъ муж-

ское, площадное содержаніе,—вся образованность и самая почва народной жизни, изъ которой образованность вытекаетъ,—оказываются въ дѣйствительности проникнутыми тѣмъ же самымъ смысломъ одного бесконечнаго утвержденія самой истины жизни, ея святаго значенія, и недѣлимо связанными между собою однимъ и тѣмъ же бесконечнымъ образомъ дѣйствительной религіи.

Пока образованность стояла въ обществѣ особнякомъ, нѣкоторою умственною привилегіею, взиравшею свысока на площадь, на ея площадныя дѣла и обыкновенныя проявленія обыденной, общей жизни людей, до тѣхъ поръ она сама была неспособною ни къ дѣлу, ни къ жизни: ея высокомѣрная особливость отдѣляла ее отъ бесконечной простоты дѣйствительнаго бытія: потому, она въ своемъ притязаніи быть чѣмъ то высокимъ, неизбѣжно впадала въ фразу: ей было и скучно, и грустно и некому руку подать; она печально глядѣла на юныя и старыя поколѣнія и при безмѣрности своего притязанія, сознавая все свое нищенство и всю свою пустоту, тревожно напрягалась и все пріискивала какой нибудь мѣткій стихъ, облитый горечью и желчью, чтобъ укорить имъ легкомысліе промотавшихся отцевъ, которыя будто бы лишили ее ея мнимаго достоянія.

Разумѣется, въ себѣ застоявшаяся, мнимая образованность ни чѣмъ инымъ и не можетъ быть какъ пустою фразою и весь наличный умъ ея неизбѣжно обращается въ ту острую ѣдкость, въ которую, какъ говорятъ, впадаютъ и застарѣлыя дѣвы, не выполнившія своего назначенія и не нашедшія своей судьбы въ замужествѣ.

Отъ такой ѣдкости, отъ такой фальши, отъ такой пустоты фразы и притязанія общественная образованность избавляется только тѣмъ, что она тѣсноту своего первоначальнаго образа разрываетъ и разширяетъ на всю ширину народнаго смысла, на всю глубину религіи, исповѣдуемой народомъ, который познаетъ истину не въ школѣ, не въ книжкахъ и не въ салонахъ, а только жизнью въ трудѣ, въ страданіи и въ смерти.

Пріявъ въ себя, какъ свою собственную силу, завѣтъ всего народа, его утвержденіе, или вѣру, которою онъ утверждаетъ свою дѣйствительность на перекоръ всѣмъ реальностямъ, которою онъ, какъ бесконечностью человѣческаго помысла, мѣрится съ бесконечными силами природы и стоитъ въ одинъ уровень съ бесконечностью судьбы, человѣкъ впервые уразумѣваетъ самъ себя и становится самимъ собою — человѣкомъ: въ немъ падаютъ всѣ притязанія, въ немъ умолкаютъ всѣ фразы и всякая риторика: онъ воспитывается въ бесконечную простоту дѣйствительнаго человѣческаго образа, онъ облекается во все его достоинство и исполняется всею бесконечностью своего святаго, неприкосновеннаго, человѣческаго образа и его права.

Въ этой простотѣ самой дѣйствительности безъ притязаній и безъ фразъ онъ уразумѣваетъ, что то святое, любимое, первое слово, которое сказалось ему, которое онъ еще въ дѣтствѣ впервые полюбилъ въ родномъ, въ любимомъ обликѣ своей матери, имѣетъ свое широкое основаніе во всей цѣлости жизни и смысла народа: что несказанный образъ его любимаго навѣвается ему въ душу его родиною, его отечествомъ. Онъ сознаетъ, что если въ немъ дѣйствительно есть что либо его собственное, его особое, его задушевное, чѣмъ онъ живетъ и дышетъ, чѣмъ онъ любитъ и что онъ любитъ, такъ это самое и есть въ немъ голосъ его родины, который и отзывается въ немъ, какъ его жизнь, какъ ея радость, какъ ея смыслъ, какъ ея неприкосновенно святое; что ея великій образъ, собственно и есть его бесконечный образъ; что ея мечта, собственно и есть его невыразимая мечта, которая волнуетъ его, которая изъ глубины души его сказывается ему тѣмъ самымъ, что онъ долженъ совершить, исполнить, сдѣлать дѣйствительнымъ: потомучто только въ немъ исполнится и все его назначеніе.

И однако же народъ, родина, отечество — не вещи, не предметъ, которые бы можно было видѣть и осязать:

отечество невидимо и народъ, и родина равнымъ образомъ невидимы. Отечество есть мечта; мечта безъ исполненія, безъ реальнаго содержанія, мечта, которую напрасно пытаться увидѣть глазами; ея нигдѣ не видать. Кругомъ, что увидать можно,—только Иваны да Павлы, Матрены да Акулины; кругомъ, все только глупости да пошлости, притязанія да происки, сплетни да низости, купля да продажа, умничаніе да насиліе: развѣ это отечество? А если не это, то что и гдѣ же оно? Кто знаетъ, кто видѣлъ его?

Добрый человѣкъ пытался вразумить Разуваева и указать ему—и что такое, и гдѣ отечество. Но Разуваевъ добраго человѣка не понялъ, да и не могъ понять; и при намекѣ на отечество все озирался на браваго Граціанова, который тутъ же былъ и, браво поглядывая кругомъ, вѣроятно и самъ принималъ себя или по крайности мундиръ свой и свою бравость за отечество. Но развѣ Граціановъ отечество?

Публицисты о всемъ пишутъ, потомучто они все знаютъ. Имъ бы просто и сказать всѣмъ незнающимъ, и Разуваеву, и Граціанову—гдѣ и въ чемъ отечество, о которомъ они такъ много толкуютъ и, толкуя, то въ патсъ впадаютъ, то увлекаются инсинукціею, то предаются восторгу, то измышляютъ ругань, козни и доносы. Но по своимъ обычаямъ, публицисты прямо не говорятъ, а изъясняются больше обиняками, сквозь которые, какъ сквозь стыдливую дымку тумана, только смутно сквозитъ, что они въ самомъ дѣлѣ думаютъ и желаютъ сказать; судить о чемъ, они говорятъ, всегда является очень смѣлымъ, а быть можетъ, и невѣрнымъ гаданьемъ.

Одинъ изъ нихъ, котораго иностранцы величаютъ представителемъ ими мнимаго parti russe, положительно отвергаетъ, чтобъ отечество было мечтою; и, какъ человѣкъ положительный, утверждаетъ, что де отечество есть общественная казенщина, Граціановщина—тожь, которая импонируетъ и Разуваевымъ. Другой, эклектикъ, котораго, лѣтъ сорокъ тому назадъ, непремѣнно бы зачислили

въ славяно-фильствующіе западники, тоже не считаетъ отечества мечтою, но, полагая, что граціановцы тоже нѣкоторые представители домашняго устава и что въ духѣ устава общей терпимости не предосудительно и съ ними дружбу весть и совѣтъ держать, провозглашаетъ, что онъ, въ видахъ общей непотребности, обрѣлъ отечество въ нѣкоторомъ своего рода опортунизмѣ и очень доволенъ, что при такомъ новомъ словѣ можетъ и въ новомъ времени придерживаться стараго толка.

Затѣмъ третій, четвертый и остальные всѣ ведутъ эфемерное существованіе, живутъ со дня на день и, говоря по данному лекалу, очень часто сказываютъ вовсе не то, что думаютъ сказать.

Такимъ образомъ въ сферѣ нашей публицистики, разыскивая отечество, по извѣстному, патентованному литературному выраженію.—съ одной стороны должно сказать, а съ другой нельзя не сознаться, что оно есть terra incognita, область неизвѣстнаго; и Разуваевъ оказывается вдвойнѣ и втройнѣ правымъ, а добрый человѣкъ вполнѣ виноватымъ тѣмъ, что вздумалъ учить его. Разуваевыхъ и Граціановцевъ не научишь.

Нельзя же въ самомъ дѣлѣ ни казенщину, ни граціяновщину, ни дома терпимости, ни дома съ девизомъ—на выносъ признать за отечество. Его ни гдѣ не находится, оно оказывается чѣмъ то въ родѣ того, что англичане выражаютъ словомъ hum-bug.

Стоитъ только ничего не дѣлать—и человѣку тотчасъ будетъ сдаваться, что дѣлать нечего; стоитъ только помыслить, что отечества нѣтъ,—и его и въ самомъ дѣлѣ нигдѣ не окажется: а человѣкъ съ праздною душею и съ празднымъ сердцемъ можетъ во всякое время и подумать, и отдумать все, что ему угодно.

Въ этомъ преимущество такъ называемаго образованнаго общества; оно отрицаетъ и свободу, и волю человѣка, а между тѣмъ,—захочетъ,—и будетъ отечество спасать и громить враговъ его;—расхочетъ,—и оно же будетъ играть въ преферансъ и навязывать отечеству—о

чемъ оно и не помышляло. Именемъ отечества можно всякихъ словъ наговорить, потомучто оно само есть лишь мечта и литературнымъ языкомъ говорить не можетъ.

Такъ называемое необразованная среда общества такого преимущества не имѣетъ; она не можетъ ни захотѣть, ни расхотѣть и вынуждена всегда говорить одно и тоже; неотступная нужда неволитъ ее,—даже и объ отечествѣ много говорить не позволяетъ; въ ея сферѣ всего только одно слово и есть: работой, и опять все же только работай! не доѣй, не доѣшь, не дóспи и работай! Тутъ воли нѣтъ; тутъ нѣтъ и тѣни произвола, а только—одна сплошная неволя. А между тѣмъ въ противоположность вольной и говорящей средѣ, которая, отрицая и волю и свободу, исповѣдуетъ только одну необходимость и произвольничаетъ, среда сплошной неволи, не обладающая и словомъ чтобъ говорить, исповѣдуетъ всѣмъ жизненнымъ смысломъ своимъ только безусловную свободу человѣка.

И вниманію размышляющаго представляется странное, непонятное явленіе: образованность, живущая на всей своей волѣ, вѣритъ только въ силу вещей, только въ необходимость и, отрицая собственную волю свою, поневолѣ отрицаетъ и всю свободу и потому не имѣетъ отечества. И на оборотъ, невѣжество, необразованное невѣжество, живущее въ полной неволѣ, подъ закономъ нужды и необходимости, изъ самой необходимости, безъ литературы, безъ науки почерпаетъ свое вѣрованіе въ волю и, утверждая свободу человѣка своею жизнью, находитъ и имѣетъ въ ней и отечество.

Дѣйствительная, или истинная образованность, не можетъ не отрѣшиться отъ того призрака образованности и ея отрицательной мысли: потомучто отрицать свободу—значетъ не вѣрить въ самого себя; а тому, кто самъ въ себѣ не вѣрить, и никто другой вѣрить не можетъ. Истинная образованность мнимой, въ самой себѣ извѣрившейся образованности, хотя бы она называлась по-

зотивизмомъ, хотя бы она обладала всею литературою, вѣрить не можетъ: она, напротивъ, вѣритъ только смыслу, невольно сказывающемуся изъ жизни невѣжественнаго, необразованнаго народа; она вѣритъ его утвержденію свободы человѣка и съ нимъ вмѣстѣ находитъ въ этомъ утвержденіи всю дѣйствительность своего отечества.

Найти отечество значитъ, утративъ всѣ преимущества праздной души и празднаго сердца, познать всю бесконечную неволю любви. Быть ею связаннымъ значитъ быть свободнымъ. А свобода человѣка, ради которой онъ работаетъ, страдаетъ и умираетъ, потомучто онъ сдѣлать иначе не можетъ, потомучто его неволитъ любовь, и есть его дѣйствительное отечество.

Содержаніе человѣка есть содержаніе того, что онъ любитъ и потому имѣетъ въ себѣ, какъ свое неотъемлемое: у человѣка можно все отнять; но у него нельзя отнять то, что онъ любитъ; потомучто онъ и его любимое есть недѣлимое; онъ самъ и есть именно то, что онъ любитъ. Отечество есть бесконечное содержаніе всего святаго, всего любимаго, всего неприкосновеннаго; и, любя свое отечество, дѣлая все его содержаніе своимъ, самъ человѣкъ является въ своемъ человѣческомъ образѣ, какъ святое и какъ неприкосновенное; его сознаніе объ этомъ и есть въ немъ его сознаніе своего человѣческаго достоинства, его самоуваженіе.

Прикасаться къ человѣку, относиться къ нему безъ уваженія къ его достоинству—есть святотатство, нарушающее въ обществѣ все, что въ немъ есть святаго, потрясающее его до основанія, вызывающее въ немъ бурю негодованія, опрокидывающее въ немъ всѣ его порядки, всѣ его уставы: потомучто эти порядки, эти уставы—только суббота; а самъ человѣкъ есть начало, есть власть, есть господинъ и надъ субботою.

Человѣкъ, исполненный смысломъ того, что есть его отечество, всѣмъ смысломъ его святаго содержанія, по отношенію къ реальности, которая не вѣдаетъ ничего святаго и является только вещнымъ отношеніемъ и внѣшними си-

лами и значеніями вещей, есть въ самомъ себѣ авторитетъ, или властность, которая обязываетъ его исполнить все внѣшнее содержаніе реальности бесконечнымъ образомъ святаго, которое имъ сознается, какъ самый образъ отечества: въ немъ, въ его помыслѣ, оно есть еще нѣчто невидимо и тайно въ немъ пребывающее; но онъ обязанъ проявить его, сдѣлать его явнымъ для всѣхъ, такъ, чтобы уже никто не могъ сомнѣваться въ немъ и вопрошать — гдѣ и въ чемъ его отечество.

Образъ святаго и любимаго, образъ отечества, тайно исполняющій помыслъ человѣка, долженъ стать вполнѣ явною и несомнѣнною дѣйствительностью для всѣхъ.

Образъ высшей образованности, насыщаясь и проникаясь смысломъ и содержаніемъ жизни всего народа, становится въ человѣкѣ его авторитетною властностью, или его безусловнымъ долгомъ.

Долгъ, сознаваемый человѣкомъ, вполнѣ равенъ нуждѣ, испытываемой и выносимой народомъ: онъ нудитъ и неволитъ, какъ внутренняя, какъ задушевная необходимость, сильнѣе и неотступнѣе чѣмъ необходимость внѣшняя; онъ — выше жизни и глубже смерти и выражается весь въ единомъ выраженіи: умри, да исполни.

Человѣческій долгъ возникаетъ и сказывается человѣку изъ содержанія всего святаго, которое уже прежде сказалось ему; онъ никѣмъ не выдумывается и не измышляется; онъ только признается, какъ безусловное повелѣніе религіи, или того бесконечнаго образа, которымъ вся мысль общества связывается со всею его жизнью и въ которомъ человѣкъ исповѣдуетъ истину, какъ сущую дѣйствительность.

Исполняя свой долгъ, человѣкъ не выдумываетъ какихъ нибудь особыхъ, изъ ряду выходящихъ дѣлъ, и исполняетъ только дѣло самой жизни, проявляя ее, какъ ея бесконечное самоутвержденіе. Кромѣ самой жизни никакихъ иныхъ дѣлъ нѣтъ, и всѣ дѣйствительныя дѣла, не пріискиваются ради такъ называемой жажды дѣятель-

ности, а вполнѣ точно опредѣляются какъ ея необходимое проявленіе.

Вопрошать—что дѣлать, всегда означаетъ отсутствіе жизни; а вопрошать безъ жизни значетъ вопрошать только литературнымъ порядкомъ; такого рода вопросы не требуютъ никакого отвѣта.

Дѣйствительное человѣческое дѣло исходя не иначе, какъ только изъ самой любви человѣка, представляется въ трехъ опредѣленіяхъ: какъ работа, какъ трудъ и какъ творчество.

Прежде всего человѣкъ работою выкупаетъ себя изъ подъ гнета неволи и нужды для того, чтобъ стать свободнымъ и достойнымъ того, что онъ любитъ.

Во вторыхъ, уже какъ свободный, онъ своимъ трудомъ ограждаетъ и охраняетъ отъ всякой напасти, отъ всякой невзгоды, отъ всякаго насилія и посягательства то, что онъ любитъ.

Въ третьихъ наконецъ, онъ, какъ художникъ, творчески осуществляетъ и воспроизводитъ образъ любимаго, или мечтаемаго, какъ явную дѣйствительность, дома, въ семьѣ, въ обществѣ или въ человѣчествѣ.

Но, въ какой бы то сферѣ ни проявлялся долгъ человѣка, въ самой тѣсной или въ самой широкой, работою, трудомъ или творчествомъ, онъ во всякомъ случаѣ проявляется не иначе, какъ дѣломъ любви его, и вездѣ и всегда есть проявленіе его человѣческаго достоинства.

Исполненіе долга заключаетъ въ себѣ противорѣчивое требованіе: оно предполагаетъ своимъ непремѣннымъ условіемъ съ одной стороны, чтобъ человѣкъ, ни на одинъ мигъ не теряя изъ вида, всегда имѣлъ предъ собою образъ святаго, изъ котораго вытекаетъ и къ которому сводится все значеніе долга его; а съ другой,—чтобъ онъ зорко вглядывался во все содержаніе, во всѣ отношенія и во всѣ значенія той реальности, которая представляетъ собою самую почву, на которой и самый матерьялъ, въ которомъ долгъ приводится въ исполненіе.

Почва, или матерьялъ реальности, вовсе не такъ пла-

стична, не такъ податлива подъ рукою человѣка, какъ мраморъ подъ рукою художника; она проникнута своими собственными тенденціями, стремленіями, страстью; въ ней постоянно дѣйствуютъ то тайныя, то явныя силы съ ихъ различными напряженіями, теченьями и направленіями, проявляясь то неожиданными порывами, то ничѣмъ неодолимымъ упорствомъ. Матерьялъ реальности, при ему свойственной неподатливости усиліямъ человѣка, обдаетъ еще и самаго работника, призваннаго преобразовать его, такою смутою, что онъ безъ особой силы характера или безъ напряженнаго вниманія очень легко теряется въ ней и, увлекаясь внушеніями и теченіями чуждыми долгу его, то и дѣло—что забываетъ образъ идеала, который онъ долженъ осуществить и удаляется отъ него далеко въ сторону.

Человѣкъ очень часто вмѣсто того, чтобъ исполнить дѣйствительное дѣло жизни работою, трудомъ или творчествомъ, только ломитъ и искажаетъ матерьялъ, съ которымъ обращается, и дѣлаетъ его только менѣе способнымъ, только менѣе податливымъ для труда или для творчества другихъ болѣе сильныхъ и болѣе внимательныхъ работниковъ. Можно сказать, что весь матерьялъ человѣческой жизни уже и теперь представляется исковерканнымъ, изломаннымъ, испорченнымъ матерьяломъ жизни: такъ что къ нему страшно и приступиться; но долгъ въ томъ только и состоитъ, чтобъ преобразить этотъ матерьялъ своимъ смысломъ и, не приступая къ нему, исполнить долга невозможно.

Увлекаясь и забываясь, человѣкъ очень часто теряетъ совсѣмъ изъ вида свой долгъ и дѣлаетъ то, что не должно. Вслѣдствіе чего между людьми давно стало извѣстно, что не грѣшитъ развѣ только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ и къ реальности вовсе не прикасается.

Не забывая своего долга, имѣть образъ его, или самый идеалъ добра, всегда передъ собою и вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно вѣдаться со всѣмъ другимъ, вовсе не идеальнымъ содержаніемъ всей реальности, есть дѣло чрез-

вычайной трудности: и большинство людей, которые ужь вышли изъ подъ закона нужды, всего обыкновеннѣе схватываютъ только одну сторону этого дѣла и совершенно забываютъ или вовсе отвергаютъ другую: мнимые идеалисты, тѣ отказываются отъ всякой реальности и, пытаясь не касаться къ ней, чтобъ жить въ чистомъ, ничѣмъ не загрязненномъ лонѣ своего идеала, не видятъ, что они тѣмъ самымъ высказываютъ лишь его полное безсиліе. Реалисты же, тѣ, на оборотъ, отвергая идеалъ, пытаются довольствоваться одною реальностью и внушеніями ея потребностей: и не видятъ, что они тѣмъ самымъ по необходимости обращаютъ ее въ безсмысленную непотребность и въ совершенное бесчутство.

И тѣ, и другіе тѣмъ самымъ, отрицаясь отъ своей властности, не исполняютъ долга своего и предаютъ самихъ себя, всю дѣйствительность и весь міръ во власть силѣ вещей и ихъ насилію.

Умри, но исполни свой долгъ,—есть категорическое повелительное, которымъ дышетъ свобода: кто отъ него отказывается, тотъ подчиняетъ и себя, и всѣхъ другихъ съ собою безъисходному рабству.

О долгѣ несравненно легче говорить, чѣмъ исполнять его. По своему положенію и по всему, что отъ него требуется, мужчина слишкомъ тѣсно соприкасается съ реальностью и, легко подпадая ея побужденіямъ и влеченіямъ, очень легко уклоняется отъ предписаній долга. Ясныя, бесхитростныя и строгія черты его, очень не рѣдко путаются въ его глазахъ и совсѣмъ теряются имъ изъ виду въ смутѣ реальнаго существованія и его нескончаемой софистики. Всѣмъ извѣстно, что жить, какъ выжается народъ, должно по Божью; но самъ же народъ знаетъ также, что безъ грѣха прожить невозможно. Мужчина, котораго обязанность въ томъ и состоитъ, чтобъ вѣдаться съ реальностью и жить въ самой средѣ ея, вдали отъ самаго источника всего святаго, тѣмъ легче и тѣмъ сильнѣе подпадаетъ всякаго рода уклоненіямъ отъ прямаго пути; онъ вѣчно колеблется между тѣмъ, что

требуется мертвымъ правиломъ ригоризма, и между тѣмъ, что, какъ призракъ свободы, какъ отрицаніе всякихъ правилъ, является полнѣйшимъ беспутствомъ. Подчиняясь ригоризму, онъ подвергается нарѣканію, что онъ въ жизни своей словно аршинъ проглотилъ; предаваясь свободѣ, онъ оказывается человѣкомъ безъ правилъ.

Въ немъ не достаетъ того жизненнаго такта, который бы, чуждаясь какъ мертвенности ригоризма, такъ и живучести беспутства, велъ его неуклонно, прямымъ путемъ долга къ дѣйствительной, человѣческой свободѣ.

А потому, общественный смыслъ и не ожидаетъ отъ мужчины такой неуклонности и непогрѣшимости въ его дѣлахъ и поступкахъ. И лишь бы онъ не обращалъ своихъ невольныхъ уклоненій въ теорію и въ утвержденіе,— что такъ и должно уклоняться и грѣшить, лишь бы онъ не видѣлъ въ нихъ своей силы и своего ума, его уклоненія и прегрѣшенія, хотя и не оправдываются, но по крайней мѣрѣ извиняются ему по слабости и по глупости его. Не велика важность, если мужчина, кой когда въ своей жизни, и собьется съ пути. Онъ въ обществѣ— не начало, не принципъ его, а только его служитель, только одна изъ единицъ, въ немъ живущихъ и имѣющихъ въ немъ лишь единичное значеніе; если онъ и согрѣшилъ, то онъ только себѣ самому согрѣшилъ: общество же не на немъ стоитъ: оно знаетъ, что чѣмъ мужчина сильнѣе внѣшнимъ образомъ, тѣмъ въ немъ болѣе слабости въ его внутреннемъ образѣ бытія.

Совсѣмъ иное дѣло женщина: чѣмъ она слабѣе внѣшнимъ образомъ, тѣмъ въ высшей степени проявляется сила ея внутренняго образа: на ея силѣ, на ея смыслѣ святаго опираются и вся наличная сила, и весь наличный смыслъ всей цѣлости общества. Потомучто въ обществѣ жизнь женщины—не средство ради чего другаго, но самая цѣль, самое святое, ради котораго существуетъ самое общество: женщина въ немъ—не служительница, но представительница его.

Исполненіе долга, столь трудное для мужчины, для

женщины есть самое легкое дѣло: она имъ лишь самое себя исполняетъ.

Нарушеніе долга, столь извинительное въ мужчинѣ, женщинѣ не извиняется: потомучто имъ она себя самое ломитъ и съ собою все общество.

Когда римлянину предстоялъ его послѣдній долгъ— лишить себя жизни, чтобъ она не обратилась ему въ посрамленіе, и онъ въ раздумьи не рѣшался, его жена, чтобъ ободрить его, закололась его оружьемъ въ глазахъ его, говоря съ улыбкой, что это—вовсе не больно!

Въ томъ же классическомъ Римѣ, весталкѣ воздавалось божеское поклоненіе: но, если она нарушала свой долгъ, — если она допускала угаснуть пламени, ввѣренному ея храненію, ее закапывали живою въ землю.

Вся сфера женщины есть именно исполненіе долга; внѣ этой сферы, въ сторонѣ отъ своего долга, она перестаетъ быть самой собою и, впадая въ рабство, искажаетъ свой образъ, искажаетъ свою красоту. Въ мужчинѣ его долгъ и его жизнь еще два раздѣльные образа, связываемые къ единству дѣйствительности только его мыслью о томъ, что онъ любитъ. Женщина же сама и есть эта связь; она — живая посредница между нимъ и между его долгомъ: потомучто ея существо и существо всего любимаго, существо самаго общества и всей его образованности, есть одно и тоже недѣлимое существо. Она сама въ своемъ женственномъ образѣ есть послѣднее и конечное исполненіе всего, что достигается обществомъ всею его жизнью, всѣми его трудами и страданьями; — о ней, единственно о ней, о бесконечной красотѣ ея образа, человѣкъ ведетъ свой вѣчный споръ, свою борьбу на жизнь и на смерть съ своею судьбою. Исполненіе всѣхъ обѣщаній, совершеніе всѣхъ надеждъ его назначенія — свое освобожденіе и дѣйствительность своей свободы онъ имѣетъ только въ ней; ея образомъ держится все то, что онъ любитъ: она есть его

любимое, безъ ней ему нечего любить и было бы лишь запустѣніе всего міра.

И потому, малѣйшее уклоненіе женщины съ пути долга является ужь не уклоненіемъ только, а прямо распаденіемъ и разрушеніемъ всей цѣлости общества, расторженіемъ въ немъ его святаго и любимаго образа. Въ существѣ женщины, въ чистомъ дыханіи ея жизни таится все достоинство общества; оттого общественный смыслъ по отношенію къ ея уклоненіямъ не знаетъ и не можетъ знать никакой снисходительности. Не велика бѣда, если мужчина сбился съ пути и зашелъ въ кабакъ; онъ пропадетъ, тѣмъ все дѣло и кончится. Но всякое уклоненіе женщины возмущаетъ общество до дна души его; потомучто ему невыносимо свидѣтельствовать, что его идеалъ, ради котораго оно живетъ и дышетъ, борется, страдаетъ и несетъ тяжкую судьбу существованія, что вся его образованность, что его Антигона, безбоязненно взирающая въ самыя очи страшной смерти и сходящая живою въ могилу ради исполненія долга, что женщина во всемъ убранствѣ своемъ, какъ жертва, готовая предаться богамъ, со всею святостью, во всемъ величіи своего женственнаго достоинства, принимая воздаваемое ей поклоненіе, забыла все и сбѣжала вышить въ кабачекъ!

Съ высшимъ достоинствомъ на всякаго возлагается и высшее обязательство, и погрѣшеніе, извинительное въ простыхъ смертныхъ, являясь верхомъ непристойности въ женщинахъ, потрясаетъ все общество до основанія: онѣ облеченны царственнымъ достоинствомъ и никогда не бываютъ однѣ; куда онѣ идутъ, туда же за ними слѣдуетъ и все общество: вотъ почему каждый ихъ шагъ и каждое ихъ движеніе обставлены и ограждены обрядами.

Между тѣмъ, какъ мужчины въ реальной сферѣ существованія постоянно тяготятся исполненіемъ своего долга, женщины въ своей сферѣ, совершенно наоборотъ, болѣе всего тяготятся тѣмъ, когда нигдѣ и ни въ чемъ не находятъ для себя никакого долга; праздность души и сердца для нихъ есть состояніе невыносимое и, чтобъ

оть него избавиться, онѣ не рѣдко хватаются и за всякіе призраки, за всякіе предлоги, возлагающіе на нихъ какія нибудь тяжести и трудности. Свободно дышать онѣ могутъ только въ сферѣ долга и его исполненія.

И если мужчина по призванію своему ограждаетъ женщину отъ внѣшней нужды, отъ внѣшней неволи, то женщина съ своей стороны точно также охраняетъ мужчину отъ душевной нужды и неволи и спасаетъ его отъ унынія и праздноумія. Женское дѣло не въ томъ, чтобъ внѣшнія дѣла вершать, не въ томъ, чтобъ быть дѣятелемъ на площади: а только въ томъ, чтобъ быть всегда чистымъ, святымъ, прекраснымъ образомъ всего любимаго, который, указывая людямъ—въ чемъ ихъ долгъ состоитъ, даетъ имъ волю и силу исполнять его.

Въ организмѣ общественномъ, мужчина представляетъ собою только мускулы; женщина представляетъ его нервы, управляющіе мускулами. Слабость или неисправность мускуловъ есть дѣло поправимое, пока онѣ не касаются до самаго сердца организма. Но и малѣйшіе безпорядки, слабости или неисправности въ нервной системѣ поражаютъ весь организмъ и нерѣдко доводятъ его до страшныхъ искаженій и конвульсій. При нервномъ разстройствѣ весь человѣкъ ни на что не годенъ. Когда же его нервы въ полномъ порядкѣ, то нѣтъ такихъ трудностей и такихъ препятствій, которыя онъ не могъ бы преодолѣть своею силою.

Если женщины не попутаны въ сердцѣ своемъ, если онѣ пребываютъ вѣрными себѣ самимъ и природѣ своей, то мужчины всегда найдутъ въ себѣ достаточно силы и воли, чтобъ выполнить долгъ свой, какъ бы онъ ни былъ тяжелъ и труденъ.

Женскій образъ въ обществѣ есть истинное мѣрило всей его дѣйствительности.

Чрезъ посредство женщины, которая сама собою есть вся исполненная красота и совершенная сообразность, жизнь человѣка; или его бытіе, и его долгъ, или смыслъ его, смыкаются къ полному единству, въ дѣйствительную

сообразность, или въ сообразность исполненной дѣйствительности.

Необходимымъ элементомъ существованія общественнаго есть самая властность (авторитетъ) общества; и чѣмъ общество образованнѣе, тѣмъ властность въ немъ является интенсивнѣе или державнѣе. Но если эта властность не осуществляется въ сознаніи, въ сердцѣ и въ самой жизни каждаго члена общества, каждаго гражданина его, то она по необходимости сосредоточивается, какъ нѣкоторая особенность, какъ нѣкоторый стихійный элементъ, въ сторонѣ отъ самаго общества и является внѣшнимъ, всесильнымъ, его подавляющимъ произволомъ деспотизма: а общество, лишенное въ себѣ самомъ своей автономіи, оказывается призрачнымъ, не дѣйствительнымъ, пустою и печальною реальностью всякихъ напряженій и притязаній. Сами граждане влачатъ въ немъ свою жизнь жалкими призраками, безъ всякаго содержанія, не вѣдающими, гдѣ ихъ отечество. Потому что отечество есть свобода; свобода же есть властность, которую человѣкъ въ себѣ самомъ имѣетъ въ силу того, что въ немъ живетъ и дышетъ святое, исполняющее его и самоуваженіемъ, и сознаніемъ его безконечнаго долга, стоящаго въ немъ и выше жизни, и выше смерти. Единственно только исполненіемъ своего долга всѣми и каждымъ и свобода, и отечество обращаются въ полную дѣйствительность.

Въ мірѣ реальностей нѣтъ и не можетъ быть свободы; въ немъ всегда только одно насиліе: такъ какъ силою, или дѣйствительностью вещей уже само собою предполагается и дѣйствительность всякаго насилія, и полная призрачность, полное бесправіе и рабство человѣка.

Насиліемъ свобода никогда не достигается; имъ достигается только то, что реально, что непосредственно есть и находится въ средѣ и въ порядкѣ вещей; но въ порядкѣ вещей свободы нѣтъ, а только—одна необходимость и, какъ слѣдствіе необходимости,—только рабство. По этому взять, добыть изъ среды вещей свободу, которой въ ней нѣтъ, насиліемъ невозможно.

Но смысломъ человѣка, силою мужчины, его работою, его трудомъ, его страданіемъ и исполненіемъ долга до самой смерти,—и всею слабостью женщины, ея бесконечнымъ утвержденіемъ самой истины, ея вѣрою въ святое, создается право человѣка и творится свобода общества, или самое отечество.

Дѣйствительностью человѣка отмѣняется дѣйствительность вещей или реальность, которая, какъ призракъ невѣжества, отступаетъ въ стихійную область всѣхъ призраковъ. Торжество смысла человѣка надъ силою вещей заявляется въ обществѣ какъ дѣйствительность его свободы.

3. Дѣйствительность, какъ истина.

Осуществленіемъ свободы, которая есть послѣдняя цѣль всѣхъ стремленій общества и всѣхъ притязаній человѣка, казалось бы, слѣдовало заключить это и такъ уже слишкомъ длинное изложеніе: свободою человѣка, или его дѣйствительностью, завершается все развитіе общественной жизни и всей сферы добра. Человѣкъ возникаетъ изъ общества, человѣкъ образуется обществомъ, въ человѣкѣ и человѣкомъ, его сознаніемъ долга своего, завершается и замыкается и вся дѣйствительность общества: казалось бы, далѣе и болѣе уже ничего за тѣмъ не остается.

Но какъ бы ни было общество широко, по своему содержанію, и глубоко, по смыслу всей его исторіи, оно въ своихъ предѣлахъ еще не обнимаетъ всего антропологическаго матерьяла жизни, и является только ограниченною частностью во всеобщей сферѣ всего человѣчества.

Какъ бы ни было общество развито и образовано, его развитіемъ и его образованностью еще не отмѣняется дальнѣйшее будущее, которое, какъ волны океана, постоянно наступая на него изъ предѣловъ всего невѣдомаго, постоянно готово своею смутною неопредѣленностью смыть съ него все, что въ немъ уже сказалось и опредѣлилось, всѣ его прежнія очертанія, сказанія, преданія,

утвержденія. И никто не можетъ вѣрно сказать или предугадать, что скажется вновь изъ наступающей, невѣдомой стихіи: подтвердится ли ея новымъ сказаніемъ все, что уже прежде сказалось, или же все прежнее, все старое, смоется и снесется, какъ пустое заблужденіе?

Свободной мысли человѣческаго помысла невозможно удержать въ тѣсныхъ предѣлахъ уже установленнаго общественнаго образа: она, какъ пѣнящееся вино, выступаетъ и льется черезъ край изъ ее содержащаго сосуда и, изливаясь въ стихійную, внѣ общественную сферу необъятнаго, неопредѣленнаго, всеобщаго бытія, смущается, теряется и пропадаетъ въ ней.

Общество со всѣмъ его содержаніемъ, съ его задушевною и съ его форальною жизнью, съ его религіею и съ его образованностью, съ его вѣрою, съ его долгомъ и съ его свободою, обращается въ бесконечно-малую, въ исчезающую величину предъ безмѣрнымъ образомъ всего человѣчества, всей природы, всего будущаго; всѣ мѣры, всѣ опредѣленія, которыя обозначались въ немъ, въ его общественной средѣ его жизнью и смысломъ, являются ничтожными по отношенію къ беспредѣльной безмѣрности, и на ихъ основаніи, на ихъ исчезающемъ базисѣ оказывается полная невозможность опредѣлить дѣйствительный параллаксъ всего міроваго бытія.

То, что въ ограниченной сферѣ общества, такъ ясно и такъ несомнѣнно сказалось дѣйствительнымъ образомъ прекраснаго и безмѣрно любимаго, то, что въ ней такъ твердо, такъ опредѣленно раскрылось и разсудилось, какъ дѣйствительность добра,—что въ ней сообразилось и сомкнулось въ бесконечное утвержденіе всего смысла и всей свободы человѣка,—есть ли въ самомъ дѣлѣ истина, есть ли еще все таже красота, все тоже добро, все таже дѣйствительность, и тотъ же долгъ и таже свобода человѣка—и во всей необъятности всего беспредѣльнаго міра? И можетъ ли въ ней устоять хоть одно изъ утвержденій человѣческаго сердца, когда каждое изъ его біеній, рождаемое и за-

вершаемое однимъ и тѣмъ же мигомъ, будетъ измѣряться безмѣрною необъятностью всего невѣдомаго?

Можетъ ли человѣкъ настигнуть и исполнить сердцемъ своимъ, или его трепетною мечтою, всю ему предстоящую бесконечность? И, если все, что онъ въ себѣ держитъ, чѣмъ онъ живетъ, чѣмъ онъ обладаетъ, раздѣлить и разсѣить на эту бесконечность, то, по извѣстной формулѣ $\frac{a}{\infty} = 0$, не разсѣятся ли и все его человѣческое содержаніе, и всѣ его утвержденія, вся его вѣра въ ничто, въ нуль бытія, въ призракъ нигилизма?

Помыслъ человѣческій смущается въ существѣ своемъ предъ образомъ безпредѣльности и, уже при одномъ о ней помышленіи разсѣевается и, повергаясь въ прахъ, готовъ признать свое ничтожество, чтобъ боготворить то чужое, необъятное невѣдомое, которымъ отрицается самое существо его.

Безмѣрно и безпредѣльно разсѣянная матерія въ звѣздныхъ пространствахъ, періоды ея обращенія, въ которыхъ тысячелѣтія считаются за мгновенія, издавна служили благочестивымъ умамъ любимою темою для назиданія жестокой строптивости человѣка. Заимствуя изъ обрывковъ астрономіи громадныя числа, которыми счисляются времена и разстоянія необъятнаго неба, и указывая на мильоны мильоновъ, на миріады миріадъ въ немъ разсѣянныхъ, въ немъ затерянныхъ міровъ и міровыхъ системъ, и моралисты, и богословы наперерывъ другъ передъ другомъ надрывались въ счисленіяхъ и въ выраженіяхъ, чтобъ только сильнѣе выразить столь необъятную громадность, чтобъ, сопоставляя ее съ ничтожною малостью человѣка, тѣмъ вѣрнѣе поразить его воображеніе и сокрушить гордыню его такъ, чтобъ онъ, подавленный несметными числами, смирился въ душѣ своей и, забывъ, что онъ самъ есть образъ Божій и храмъ бога живаго, призналъ свое безусловное ничтожество.

Стремясь къ такому результату, благочестивые люди руководятся, конечно, очень похвальнымъ намѣреніемъ

оторвать человѣка отъ земнаго и направить взоры его къ небесному. Но они нѣсколько наивны въ выборѣ средствъ, къ которымъ они для этого прибѣгаютъ. Никакими числами, какъ бы они ни были велики, поразить человѣка невозможно: эти самыя числа—онъ тотчасъ же насчитаетъ во второй, въ третьей, въ десятой, въ мильонной степени или и въ степени бесконечности, и они предъ нимъ, предъ его бесконечною величиною, тотчасъ умалятся въ бесконечно малыя числа.

Никакія нагроможденія чиселъ на числа человѣческаго помысла смутить не въ состояніи: потому что онъ, какъ математикъ, всѣ числа и всѣ ихъ различныя сочетанія—малыя или великія, простыя или сложныя, проглядываетъ на сквозь; и для него самое великое число ни сколько не удивительнѣе самаго малаго. Насчитывать громадныя числа и смущать воображеніе мильонами мильоновъ—совершенно ребяческое дѣло; на взрослаго оно нагоняетъ лишь скуку.

Въ свое время, Гегель напоминалъ не по разуму ревнующимъ моралистамъ и теологамъ, что предъ бесконечностью всеобъемлющаго человѣческаго помысла, не смотря на физическую малость человѣка, все звѣздное небо, которому они столь утомительно-скучно изумляются, со всѣми мильонами мильоновъ и миріадами миріадъ таинственно изъ бездонной глубины его мерцающихъ міровъ, не болѣе какъ только великое накопленіе беспредѣльно разсѣянной матеріи, которая сама по себѣ своею матерьяльностью для человѣческаго смысла назидательною быть не можетъ: такъ какъ въ собственномъ смыслѣ человѣка заключается несравненно большее содержаніе, чѣмъ во всей беспредѣльности матерьяльнаго неба. Къ великому скандалу и въ духѣ нѣмецкаго остроумія, не отличающагося ни тонкостью, ни вкусомъ, великій мыслитель въ виду общаго стремленія подавить, а не возвысить духъ человѣка необъятнымъ величіемъ звѣзднаго міра, не побоялся предъ лицемъ моралистовъ, вовлекавшихъ въ свою дешевую мораль для приданія ей

вѣсу всю красу небесную, уподобить ее нечистотѣ и сыпи, разсѣянной по тѣлу.

Но, ни столь сомнительнаго вкуса нѣмецкое остроуміе, ни глубина за нимъ скрывающейся мысли ни сколько не умалили въ умахъ людей подавляющаго значенія мильоновъ и миріадъ, насчитываемыхъ мильонами и миріадами, и абстрактныя представленія о безмѣрности стихійной матеріи, разсѣянной въ необъятной пустотѣ времени и пространства,—столь же поразительны для воображенія и, какъ и прежде, нерѣдко смущаютъ и подавляютъ человѣка.

Не познавъ самаго себя, онъ пытается исполнить пустоту свою пустыми назиданіями и напраснымъ смущеньемъ предъ громадными счетами и, забывая, что онъ самъ господинъ надъ всѣми счетами и счисленіями, вмѣсто того, чтобъ поклоняться духу и истинѣ, очень склоненъ покланяться стихійной матеріи, особенно когда она представляется ему въ размѣрахъ, много превышающихъ тѣ размѣры, къ которымъ онъ привыкъ въ своей обыденной жизни, и притомъ еще—въ образѣ абстрактнаго, научнаго обобщенія.

Не познавая себя самого и пребывая въ себѣ лишь абстрактною пустотою абстрактныхъ измышленій и соображеній, онъ, по логической необходимости, неминуемо и долженъ подпадать подъ власть и въ подчиненіе стоящихъ предъ нимъ еще болѣе общихъ абстракцій.

Пока человѣкъ не знаетъ въ себѣ самомъ того смысла, который, разумѣясь самъ собою, осмысливаетъ и все другое, и землю и небеса со всѣми ихъ мірами, онъ долженъ по необходимости разумѣться и подразумѣваться только всѣмъ другимъ, которое, обнимая его какъ внѣшность, сообщаетъ ему отъ себя лишь частное и подчиненное значеніе въ своемъ всеобщемъ содержаніи.

На этомъ основаніи, нѣмцы недавно, подъ руководствомъ доктора Д. Штрауса надумали новое современно-научное божество въ образѣ человѣчества, и съ цѣлью установить во имя его приличный культъ съ богослу-

жебными обрядами, придумавъ и соотвѣтствующую литургію съ славословіемъ и молитвословіемъ, сбираются, говорятъ по поводу человѣчества приличныя поученія, назидаются и молятся.

Изъ различныхъ образовъ повсюду разсѣянной стихійной матеріи человѣчество представляетъ собою, конечно, наиболѣе почтенную матерію, такъ какъ изъ нея возникаетъ человѣкъ; и молиться человѣчеству—можетъ быть признано однимъ изъ самыхъ почтенныхъ, хотя, какъ и все, что надумываютъ нѣмцы, и однимъ изъ самыхъ смѣшныхъ, или наивныхъ видовъ современнаго матерьялизма.

Поклоненіе человѣчеству во всякомъ случаѣ слѣдовало бы нѣсколько разширить: такъ какъ положительно не видишь, почему докторъ Д. Штраусъ такъ боязливо или такъ самолюбиво остановился въ своихъ абстрактныхъ соображеніяхъ на человѣчествѣ, и притомъ вѣроятно только на нѣмецкомъ человѣчествѣ, которое представляетъ собою такъ мало божественности? Если человѣкъ тонетъ въ человѣчествѣ, какъ капля въ морѣ, то и само человѣчество исчезаетъ во всей природѣ, какъ ея незначительная частность. Кромѣ человѣка въ мірѣ есть еще и звѣри, и птицы, и рыбы, и гады, и насѣкомыя, и черви, и растенія, и инфузоріи, эта пыль животнаго и растительнаго міра, наконецъ—еще и камни, минералы, земля, и все необозримое бытіе всевозможныхъ существованій, которыя, оставаясь въ сторонѣ сами по себѣ, вовсе не объемлются частнымъ существованіемъ человѣчества. Между всѣми другими существованіями, существуетъ между прочимъ и человѣчество; и если его возможно признать за божество, то очевидно, что царство животныхъ, включающее въ себѣ и все человѣчество, тѣмъ болѣе должно быть признано еще за высшее божество; а царство органической и неорганической природы—еще за болѣе высшее; и, переходя постепенно все въ болѣе обширные круги обобщенія, идя все далѣе и все тѣмъ же столбовымъ, избитымъ путемъ, нельзя мино-

вать послѣдняго предѣла его и заключенія—что настоящее и наивысшее божество есть всѣмъ извѣстное, но всѣмъ философскимъ и нефилософскимъ трактатамъ истасканное, абстрактное представленіе о бытіи, или все собою объемлющій и ничего собою не сдерживающій, ничего въ себѣ не заключающій образъ наивысшаго и предѣльнаго обобщенія, до котораго достигаетъ разсудокъ.

Чѣмъ покланяться столь пустымъ абстракціямъ, чѣмъ покланяться человѣчеству или тому подобнымъ обобщеніямъ матеріи, въ тысячу разъ предпочтительнѣе предаться сабеизму и покланяться небу. Абстрактное человѣчество ничего не говоритъ человѣку; а таинственная краса небесъ съ мерцающими въ нихъ мірами изъ бездонной глубины навѣваетъ человѣку на душу какое-то свое, ему близкое и родное, хотя и непонятное, міровое сказаніе.

Не смотря на многократные уроки прошедшаго, современные мыслители, какъ бывало и прежде, всякій разъ, когда дѣло доходитъ до послѣдняго заключенія и до отвѣта на вопросъ—быть или не быть, смущаются смутою обступающей ихъ матеріи и, впадая въ заколдованный кругъ абстрактныхъ обобщеній, по заведенному порядку вновь возятся все въ томъ же бѣличьемъ колесѣ пустыхъ представленій о *всѣмъ другомъ*.

Въ господствующихъ, современныхъ ученіяхъ, ученые и мыслители постоянно учатъ понимать *все другое*, всю матерію, но не учатъ понимать самаго себя: оттого самый образъ всякаго пониманія, или живой помыслъ понимающаго субъекта, остается вполнѣ непонятнымъ.

Нынѣ философствующіе умы до того чужды смыслу философіи, что то и дѣло что смѣшиваютъ сферу сознанія съ сферою самосознанія и, не имѣя ни малѣйшаго понятія о томъ, что такое понятіе, постоянно принимаютъ свои представленія, имѣющія въ виду только *все другое*, за самыя понятія, сущность которыхъ всегда

подтверждаетъ собою самое древнее предписаніе философіи, γνῶθι σεαυτον, познай себя самаго.

И вслѣдъ за Гегелемъ, вновь приходится повторять его на время забытое ученіе, какъ и ученіе, ему предшествовавшихъ учителей философіи, что представленіе, хотя бы и доведенное до высшей степени обобщенія, вовсе еще не есть понятіе;—что въ философіи, понятіемъ называется только такое пониманіе, при которомъ понимаемое содержаніе усвоивается или понимается самымъ *образомъ* бытія, самымъ смысломъ, или живымъ помысломъ понимающаго.

Разныя мысли, разныя представленія о *всемъ другомъ* при живомъ помыслѣ, какъ листъ на деревѣ, имѣютъ самое эфемерное существованіе: сегодня, онѣ есть, а завтра, онѣ осыпаются, забываются и замѣняются другими. Разныя мысли, разныя представленія въ великомъ, вѣчно колеблющемся, то наростающемъ, то убывающемъ количествѣ бываютъ, находятся при живомъ помыслѣ самосознанія въ родѣ того, какъ при немъ же бываетъ и великое множество его разнородныхъ ощущеній; но онѣ его существа въ себѣ не заключаютъ и остаются при немъ лишь его внѣшними образами помышленія. Напротивъ, понятія живаго помысла, какъ самая жизнь отъ живущаго, отъ него—нераздѣльны: они суть его собственные образы, проникнуты его существомъ и могутъ измѣниться не иначе, какъ съ измѣненіемъ всего существа его.

Пребывая въ сферѣ своихъ представленій, человѣкъ, или его живой помыслъ, тѣмъ не менѣе пребываетъ въ чужомъ для него мірѣ: потомучто представлять еще не значетъ усвоить себѣ представляемое содержаніе; его чуждость представленіемъ о немъ съ него не стирается; и потому, представленія и особенно наиболѣе абстрактныя или обобщенныя представленія, представленія о мірѣ, о міровомъ законѣ, о необходимости, о человѣчествѣ, о физіологіи, очень нерѣдко угнетаютъ человѣка и подав-

ляютъ его смыслъ своею смутою, своею пустотою, или своимъ безсмысліемъ.

Напротивъ, въ мірѣ понятій и въ сферѣ имъ понимаемаго содержанія, человѣкъ бываетъ совершенно дома и у себя: потомучто въ томъ, что онъ понимаетъ, для него уже не остается никакой чуждости, никакой смуты, никакой матеріи, которыми бы подавлялся смыслъ его. Потомучто понимать ничего другого и не значетъ, какъ именно находить въ понимаемомъ содержаніи полное подтвержденіе своего собственнаго живаго смысла, или того самаго, что въ каждомъ помыслѣ безусловно уже само собою разумѣется.

Помимо понятія ничего понятнаго, конечно, быть не можетъ; но существующія представленія о томъ, что понятно и не понятно, складываются и помимо дѣйствительнаго понятія. Въ обыденной сферѣ то, къ чему люди привыкли, съ чѣмъ они давно сжились въ большинствѣ случаевъ обыкновенно и считается понятнымъ. Такимъ образомъ—возможное дѣло и съ тюрьмою сжиться, усвоиться съ ея опредѣленіями и найти ее тоже понятною.

Между людьми сплошь и рядомъ бываетъ, что и самое непонятное по существу принимается по привычкѣ за весьма понятное.

И хотя такого рода условной понятности всего менѣе слѣдовало ожидать въ сферѣ научной, которая потому и научна, что въ ней дѣйствительно понятное очень строго отличается отъ того, что только кажется понятнымъ, однако и въ ней, въ большинствѣ случаевъ, за понятное принимается то, что понятно только въ нѣкоторомъ частномъ и совершенно условномъ значеніи.

Во всей области наукъ, дѣйствительно понятны, въ строгомъ значеніи слова, только ея математическія положенія и утвержденія: потомучто кромѣ того, что каждое изъ такихъ положеній вполнѣ подтверждается дѣломъ и опытомъ, оно еще вполнѣ согласно и съ тѣмъ смысломъ, который въ самосознательномъ помыслѣ самъ собою разумѣется и помимо котораго все несогласное съ нимъ

всегда оказывается и безсмысленнымъ. Потому-то математика и можетъ каждое изъ своихъ положеній предъявлять—или какъ вполнѣ согласное съ смысломъ, съ тѣмъ, что само собою разумѣется, или же—какъ необходимо слѣдующее, потомучто иначе было бы безсмысліе, была бы нелѣпость, которыхъ въ сферѣ математики допустить невозможно.

Каждое изъ положеній математики вполнѣ понятно; потомучто каждое изъ нихъ подтверждается двумя свидѣтелями: свидѣтельствомъ бытія, или того, что каждый можетъ видѣть изъ дѣла, и свидѣтельствомъ самаго смысла. Но, за предѣлами математики, въ другихъ сферахъ науки, по мѣрѣ того, какъ въ нихъ все болѣе и болѣе прибываетъ эмпирическій элементъ матеріи, понятность убываетъ, и ея мѣсто заступаетъ постепенно возрастающая смута, неразлучная съ тѣмъ, что есть матерія. Въ чисто физической сферѣ физики, химіи, физіологіи, хотя и можно, свыкаясь съ ихъ положеніями, считать ихъ въ нѣкоторомъ отношеніи тоже понятными, но въ истинномъ смыслѣ слова, они, оставаясь въ предѣлахъ представленія и, никогда не доходя до самаго понятія, уже не представляютъ собою и тѣни дѣйствительной понятности.

Извѣстно, что кислородъ, окисляя водородъ, образуетъ воду; извѣстно, что кислородъ, при извѣстной температурѣ, есть газообразное,—при пониженной—жидкое, при еще болѣе низкой—твердое тѣло: что это такъ, въ томъ можно удостовѣриться опытами и получить сообразныя съ тѣмъ представленія. Но зачѣмъ и почему это такъ—вполнѣ непонятно и бесконечно далеко отъ того, что въ самосознательномъ помыслѣ есть его самъ собою разумѣющійся смыслъ, въ которомъ нѣтъ и малѣйшаго намека, что такъ оно и должно быть. Оно только такъ бываетъ, и, какъ неразумѣемое самымъ смысломъ, какъ вполнѣ ему чуждое, есть въ отношеніи къ нему и для него совершенно непонятное.

Въ научной сферѣ, понятія, въ философскомъ значеніи этого слова, и не требуется; въ ней вполнѣ удовле-

творительно обходятся въ разныхъ степеняхъ обобщенными представленіями, которыя подъ именемъ понятій и считаютъ для науки достаточно понятными. Но такое смѣшеніе терминовъ сопровождается и смѣшеніемъ самыхъ значеній; и, пріучая называть и считать понятнымъ, что въ самомъ дѣлѣ совершенно непонятно, производитъ въ послѣдствіи, когда эти термины изъ научной сферы попадаютъ въ сферу философскую, большую смуту; такъ, что за тѣмъ является и обратное смѣшеніе и переименованіе, и то, что само по себѣ и само собою понятно, начинаютъ въ свою очередь находить непонятнымъ. Потомучто логически такъ и слѣдуетъ: если непонятное принимается за понятное, то, конечно, все понятное должно приниматься за непонятное. Если понятны абстракціи, то ничто конкретное понятнымъ уже быть не можетъ.

Если признать внѣшнее существованіе міра или всѣхъ міровъ, всей вселенной, если признать общія представленія о природѣ, о человѣчествѣ вполнѣ понятными, то, разумѣется, самъ человѣкъ съ его сердечнымъ, страстнымъ помысломъ, съ его притязаніемъ на всю бесконечность, съ его увѣренностью быть смысломъ всего сущаго, неминуемо долженъ обратиться въ нѣчто непонятное, въ существо бесправое, которому и нельзя не смущаться хотя бы предъ представленіемъ о человѣчествѣ или предъ еще большею абстракціею въ образахъ міроваго закона, или необходимости, или всей природы, или всей необъятности времени и пространства; нельзя не пасть въ прахъ предъ этими необъятностями, нельзя не вымаливать у нихъ какъ милости права быть и жить предъ ихъ лицемъ своимъ жалкимъ, ничтожнымъ и безсмысленнымъ существованіемъ.

И если стихійное бытіе абстрактной матеріи, при ея безмѣрности, вполнѣ понятно, то человѣкъ самъ и непонятенъ и не правъ въ своихъ притязаніяхъ; и въ такомъ случаѣ, если ужь ему приходится отъ нихъ отрѣчься,— отрѣчься отъ себя самаго и отъ своего смысла, то по-

чемужь ему не пристать хотя бы къ церкви доктора Д. Штрауса и не покланиться вмѣстѣ съ нимъ предъ его богомъ—предъ человѣчествомъ.

Стихійная матерія, обступая со всѣхъ сторонъ существованіе человѣка, обвѣваетъ душу его своею стихійною смутою; абстрактныя о ней представленія въ образахъ необъятности времени и пространства, міровой необходимости, міровыхъ законовъ, человѣчества и другихъ тому подобныхъ обобщеній, смущаютъ его не столько своимъ содержаніемъ, сколько своею пустотою и отсутствіемъ содержанія. Мысль какъ будто бы замираетъ на нихъ, потомучто ей не на чемъ въ нихъ остановиться, нечего мыслить; такъ свѣтъ гаснетъ и не свѣтитъ, не встрѣчая предметовъ и содержанія, которые бы онъ могъ освѣщать. Стихійные, абстрактные образы бытія, съ которыми носятся представленія, смущаютъ мысль человѣка не потому, чтобъ они что нибудь представляли, но только потому, что изъ нихъ ей сказывается всеобщее ничто, совершенно пустое ничтожество; они дышатъ ему въ душу своимъ безстрастнымъ, своимъ равнодушнымъ нигилизмомъ: и между тѣмъ, все ихъ значеніе не отъ нихъ самихъ, а только отъ той же мысли человѣка, которая, вся замирая въ нихъ, отъ нихъ отражается съ ихъ отрицательнымъ смысломъ.

Напрасно, все напрасно; напрасно человѣкъ живетъ, напрасно мыслитъ, напрасно любитъ, напрасно работаетъ, напрасно страдаетъ, напрасно умираетъ: тамъ, все равно, все одно и тоже беспросвѣтное ничтожество.

Но вся сила и все значеніе абстрактныхъ образовъ представленія обусловливаются только мыслью человѣка: безъ его мысли они не имѣли бы никакой силы, никакого значенія, никакого смысла. Они наступаютъ на душу человѣка, и смущаютъ его, только потому, что они представляются ему неопровержимымъ выводомъ изъ всего, что онъ знаетъ,—логическимъ послѣдствіемъ изъ всего того, что онъ понимаетъ всякій иной выводъ, всякое иное послѣдствіе казались бы ему вполнѣ непонятными.

Абстракціи, во имя которыхъ отрицается весь смыслъ самаго человѣка, его свобода, его особая личность, его безсмертіе и всѣ утвержденія и надежды его, имѣютъ все значеніе научныхъ выводовъ и, являясь тѣмъ, что представляется наиболѣе понятнымъ, обращаютъ въ умѣ человѣка въ непонятное, въ несостоятельное, въ пустой, безсмысленный призракъ—все, что утверждаетъ противное имъ.

Въ наше время, научныя воззрѣнія на міръ, на его содержаніе, на человѣка и на судьбы его имѣютъ въ современныхъ умахъ преобладающее значеніе предъ всѣми прочими; съ представленіемъ о научности вполнѣ связано, почти сливается и представленіе о понятности: такъ что всякое ненаучное утвержденіе представляется съ тѣмъ вмѣстѣ, если не вполнѣ нелѣпымъ, то во всякомъ случаѣ непонятнымъ и противнымъ самому смыслу реальныхъ вещей.

Смыслъ дѣйствительной науки собственно очень простой и вовсе не притязательный смыслъ: удостовѣряясь въ содержаніи, въ образѣ и во взаимной связи, во взаимномъ отношеніи разнородныхъ явленій природы, она излагаетъ ихъ въ извѣстномъ, для ея скромныхъ цѣлей наиболѣе удобномъ порядкѣ и, не выступая изъ за предѣловъ научной области, никогда не дѣлаетъ на основаніи ея данныхъ заключеній въ сферахъ, не принадлежащихъ ея вѣденію. Но возлѣ самой науки и во имя ея, со стороны, развивается такъ называемое научное направленіе, научное міровоззрѣніе или вообще научность, которая, на основаніи данныхъ науки, возводитъ особыя философскія системы и подъ именами матерьялизма, позитивизма или реализма предлагаетъ разрѣшить ими всѣ міровыя задачи и всѣ вопросы человѣка строго научнымъ и вполнѣ понятнымъ образомъ.

Научно-философскія воззрѣнія или ученія объясняютъ, что въ реальномъ содержаніи міра, а также въ существѣ человѣка, все чрезвычайно просто и ничего непонятнаго нѣтъ: но для того, чтобъ понимать міръ и его содержа-

ніе ясно и просто, требуется, оберегая свой умъ отъ всякихъ туманныхъ навожденій мисцитизма, внимательно смотрѣть на то, что предъ глазами реально есть, и отнюдь не вдаваться въ напрасныя изысканія его начала и его конца, изысканія, которыя ничего не разъясняя, всегда повергаютъ умъ въ ни чѣмъ неразрѣшимую смуту. Въ мірѣ достаточно содержанія и помимо его начала и конца, и всякій здравомыслящій умъ, не желающій теряться въ пустыхъ мечтаніяхъ, долженъ довольствоваться отчетливымъ распредѣленіемъ и внимательнымъ разборомъ того, что находится у него предъ глазами въ міровой средѣ, не заботясь о томъ, какъ было ея начало, и какъ будетъ ея конецъ: потомучто только эта одна среда въ настоящемъ и есть то широкое основаніе, изъ котораго вытекаютъ всѣ законы, всѣ условія, всѣ данныя для опредѣленія и для разъясненія ими природы всякаго явленія, всякаго существованія и всякаго существа, а въ томъ числѣ и человѣка, и общества, и всего того, что на этомъ основаніи возникаетъ, находится, живетъ и мыслитъ.

Положительная наука никогда не пускается въ изслѣдованія или въ изысканія, касающіяся начала или конца міра, потомучто она не есть философія, и о назначеніи и о судьбахъ человѣка ничего не знаетъ и ничего не говоритъ. Но, почему научное міровоззрѣніе, которое по своимъ притязаніямъ—вполнѣ философія, дѣлаетъ такое ограниченіе, это—неизвѣстно. Но, допустивъ, что въ своихъ интересахъ въ своихъ видахъ оно имѣетъ къ тому достаточные поводы, все же не видать, на какомъ основаніи оно налагаетъ это же ограниченіе и на философію вообще Свою ограниченность нельзя возводить въ философскій принципъ. Изъ за того, что наука въ чисто научныхъ интересахъ не пускается за извѣстные предѣлы своей научной области, интересы философіи, вопрошающей не о томъ, о чемъ вопрошаетъ наука, не отмѣняются, какъ не отмѣняется и самое содержаніе, недоступное для спеціальной сферы науки. Наука вполнѣ права,

покуда она, въ виду ближайшихъ цѣлей своихъ, ставитъ свои условія въ предѣлахъ ея собственной сферы во всемъ, что касается содержанія, подлежащаго собственно ея вѣдѣнію. Но научное міровоззрѣніе, воображая, что за предѣлами науки уже ничего быть не можетъ, вполнѣ неправо, когда оно, выступая изъ своихъ предѣловъ и обращаясь въ философію, пытается тѣ же условія и ту же ограниченность наложить и на всю сферу философіи. На кухнѣ, кухарка, равнымъ образомъ, имѣетъ свои спеціальные интересы, и она совершенно права, если устанавливаетъ въ своей сферѣ правила и условія, въ виду ея интересовъ для ней необходимые. Но она была бы совершенно неправа, еслибъ вздумала эти же правила и условія переносить и въ научную сферу физики, химіи, зоологіи, орнитологіи, фитологіи.

Въ виду различныхъ интересовъ, которые въ разныхъ случаяхъ преслѣдуются, каждый въ правѣ ограничивать себя, какъ ему удобнѣе; но никто не въ правѣ придавать значеніе non plus ultra, или Геркулесовыхъ столбовъ своей ограниченности.

Человѣческая мысль не ограничивается только научною сферою; для большинства людей интересы науки совершенно чуждые интересы, и затрогиваютъ ихъ только случайно и мимоходомъ. Но назначеніе, природа и судьбы человѣка, о которыхъ наука ровно ничего не знаетъ и ничего знать не можетъ, касаются близко каждаго человѣка, а философія, имѣя въ виду собственно только эти каждому человѣку близкіе интересы, ограниченностью научной сферы никогда не ограничивается.

Но, вполнѣ наперекоръ скромности и безпритязательности дѣйствительной науки, научное міровоззрѣніе, облекаясь въ обликъ философіи, но въ противность смыслу ея, беретъ себѣ нѣкоторыя ему вовсе не подобающія замашки аутократизма и, не позволяя ради своего спокойствія вопрошать о томъ, что ему съ его точки зрѣнія представляется ненужнымъ, постоянно выступаетъ съ притязаніемъ наложить запрещеніе или молчаніе на всѣ

тѣ вопросы, которые оно само находитъ, если не дерзкими, то во всякомъ случаѣ праздными или несвоевременными. Но ему бы слѣдовало припомнить, что иной разъ даже и смиренные граждане тоже вопрошаютъ о чемъ, по мнѣнію авторитетныхъ властей, имъ вопрошать совсѣмъ бы не слѣдовало.

Научное міровоззрѣніе есть собственно гибридъ между наукою и между философіею и, не обладая качествами ни той ни другой, соединяетъ въ себѣ слабости и недостатки обѣихъ.

И никому не во гнѣвъ, а только по праву своему, философія, обсуждая самое основаніе, которымъ научныя міровоззрѣнія матерьялизма, позитивизма и реализма пытаются объяснить или опредѣлить законы существованія человѣка и общества, указываетъ, что они для такого разъясненія ни научнаго, ни философскаго основанія не имѣютъ. Отдѣляя отъ содержанія міра его начало и его конецъ, какъ не подлежащіе никакому изслѣдованію, и произвольно разрывая всю цѣлость міра на непознавае мое, которое они, сами оставляя безъ вниманія, запрещаютъ и другимъ изслѣдовать, и на познаваемое, которое только и предоставляютъ изучать и себѣ, и другимъ, они такимъ пріемомъ все міровое содержаніе неминуемо обращаютъ въ пустую и мертвую абстракцію, изъ которой или нельзя ничего выводить, или же можно выводить все, что угодно.

Еслибъ какому ученику была предложена на его разрѣшеніе задача, и онъ, усматривая ея трудность, разсудилъ сперва выпустить изъ ней то, что составляетъ ея затрудненіе, чтобъ, упростивъ такимъ образомъ, тѣмъ легче разрѣшить ее, то методъ его, при всей простотѣ его, навряд ли бы былъ найденъ правильнымъ. Или, еслибъ при произнесеніи кѣмъ либо рѣчи, позволялось выслушивать ея середину и строго на строго воспрещалось принимать къ свѣденію ея начало, ея вступленіе и ея конецъ, ея заключеніе, то такое ограниченіе навряд ли

бы послужило къ тому, чтобъ сдѣлать смыслъ рѣчи вразумительнѣе для слушателей.

Среда всякаго существованія есть ничто иное, какъ отношеніе между его началомъ и между его концемъ, т. е. между его начальною и между его заключительною, финальною причинами.

Если же на міръ взирать помимо его причинъ, что жь можно увидать въ немъ кромѣ одной абстракціи? Абстракція въ нѣкоторомъ смыслѣ, конечно, понятна, потомучто въ ней понимать нечего. Въ этомъ же смыслѣ очень понятны и всякаго рода таутологіи, которыми такъ сильны научныя міровоззрѣнія: міръ есть міръ; а природа и есть именно природа; необходимость есть необходимость; сила есть сила, а матерія есть матерія; одно есть одно; а другое—другое; чѣмъ и выражается принципъ сохраненія, или повторенія все одного и того же непонятнаго иксъ.

Существующій міръ, безъ сомнѣнія, изъ чего нибудь начался и имѣетъ свое начало; онъ конечно, чѣмъ нибудь заключается и имѣетъ свой конецъ: ни его начала, ни его конца никакая сила, никакая наука, никакое воззрѣніе отмѣнить не въ состояніи. И хотя они и невѣдомы, такъ какъ наука отказывается, да и не можетъ вѣдать ихъ, однако жь они тѣмъ не менѣе своимъ невѣдомымъ образомъ, своею невѣдомою природою проникаютъ насквозь, изъ края въ край и все настоящее, и все наличное содержаніе міра; такъ что—то самое, что есть въ началѣ и въ концѣ міра, есть по необходимости и въ каждомъ атомѣ, и въ каждомъ мигѣ его существованія. Иначе тотъ или другой мигъ міра были бы въ немъ безначально и бесконечно; что однако невозможно; потомучто это было бы — уже вѣчность. Но поэтому, чтобъ не абстрактно, а въ самомъ дѣлѣ и дѣйствительно познать содержаніе міра, его необходимо познать и въ его началѣ, и въ его концѣ.

Но и начало и конецъ міра по ихъ существу научнымъ образомъ—непознаваемы. Познать ихъ по схемѣ научнаго познанія безусловно невозможно. Помышляя о началѣ или о концѣ міра, мысль неизбѣжнымъ образомъ

наталкивается на неразрѣшимое противорѣчіе, форма котораго, уже извѣстная классическому міру, была нѣсколько тяжеловато вновь изложена Кантомъ въ критикѣ чистаго разума.

Весь міръ познаваемаго объятъ въ предѣлахъ своихъ тѣмъ, что и по существу и особенно по отношенію къ научному міровоззрѣнія есть *непонятное*, или самое отрицаніе всего того, что утверждается научнымъ образомъ.

Міръ былъ вѣчно, и никогда не имѣлъ начала. Предположеніе вѣчности есть прямое отрицаніе всего, что наукою считается понятнымъ, временнымъ существованіемъ, и сочетать, сообразить вѣчное съ конечнымъ—совершенно невозможно.

Міръ начался изъ ничего, во времени. Ex nihilo nihil fit, говоритъ наука; и потому предположеніе такого начала было бы отрицаніемъ всей науки, или принципа детерминизма, безъ котораго она должна отъ себя самой отказаться.

Въ предѣлахъ міра есть несообразимое, необъятное противорѣчіе, которое предъ лицемъ всего научнаго пониманія есть безусловная непонятность, которою міръ и начинается, и кончается. Но такая непонятность есть именно то, что инымъ выраженіемъ именуется чудомъ. А изъ этого слѣдуетъ, наперекоръ всѣмъ утвержденіямъ всевозможныхъ научныхъ міровоззрѣній, что и все содержаніе міра, какъ во всей цѣлости, такъ и въ малѣйшемъ его проявленіи, есть безусловно чудесное, т. е. опять же непонятное, непонятное для научныхъ пріемовъ и образа пониманія.

И если это чудесно-непонятное, чудесности и непонятности котораго отвергать невозможно, тѣмъ не менѣе вслѣдствіе научнаго извращенія смысла, вслѣдствіе привычки и при недомысліи считается за самое понятное и за то, что уже само собою разумѣется, тогда какъ оно именно само собою не разумѣется вовсе, то очень естественно и понятно, что и наоборотъ, въ абстрактномъ, въ научномъ, или въ реальномъ представленіи все истинно и дѣйстви-

тельно понятное должно представляться, какъ нѣчто совершенно непонятное и нереальное.

Но изъ этого слѣдуетъ, что научныя міровоззрѣнія, которыя, собственно говоря,—ни наука, ни философія, а только вольныя измышленія между фактическими данными первой и между смысломъ второй, отрицаютъ утвержденіе человѣка не на основаніи того, что имъ понятно, а только на основаніи того, что имъ непонятно, и только потому, что они не понимаютъ.

Придавая своимъ отрицательнымъ утвержденіямъ на основаніи, которое имъ непонятно, строгій, научный смыслъ, они потому самому считаютъ безсмысленными всѣ противныя утвержденія, и не видятъ, что ихъ притязанія на смыслъ оказываются вполнѣ праздными; такъ какъ, утверждая только силу матеріи и механики, они тѣмъ самымъ отрицаютъ всякое значеніе смысла: ихъ слава, ихъ гордость должны состоять не въ томъ, что утвержденія ихъ исполнены смысломъ, а напротивъ лишь въ томъ, что они—совершенное безсмысліе и нѣкоторый роковой автоматизмъ, до котораго несуществующій, лишь ихъ противниками измышляемый смыслъ не прикасался и не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія.

Но этого мало, что отрицательныя научныя міровоззрѣнія и ученія проявляютъ въ противность самимъ себѣ притязанія на смыслъ, котораго имъ собственно не надо, безъ котораго они, по ихъ собственному смыслу, были бы обязаны обходиться: какъ ученіе предъявляемое другимъ, они сверхъ того имѣютъ еще и притязаніе на высшій смыслъ, на смыслъ самой истины.

Потомучто все, чему они учатъ, все что они утверждаютъ и излагаютъ, они и учатъ, и утверждаютъ, и излагаютъ, только изъ увѣренности, что въ ихъ ученіи—вся истина; еслибъ они полагали, что въ немъ—ложь, они не стали бы ни учить, ни утверждать, ни излагать.

Не только отрицательныя, но вообще всякія ученія, всякія утвержденія, какого бы толка они ни были, утверждаютъ себя передъ другими и утверждаются въ самихъ

себѣ, только ихъ увѣренностью въ своей сообразности съ истиною, или въ томъ, что въ нихъ есть истина. Такъ какъ помимо истины и сознанія истины ничто утверждать себя не можетъ; истина и есть самая твердость, которою всякое утвержденіе держится: и въ этомъ отношеніи, всѣ ученія безъ различія—идеализмъ, спиритуализмъ, раціонолизмъ, матерьялизмъ, реализмъ, позитивизмъ, супранатурализмъ, даже и скепцитизмъ и самый нигилизмъ совершенно между собою согласны: они утверждаютъ въ наружу и утверждаются въ самихъ себѣ, только сознаніемъ, только мыслью, только увѣренностью, что въ нихъ —истина: если они спорятъ противъ другихъ ученій, то только потому, что они стоятъ за истину, — только потому, что знаютъ, что противъ истины, что несообразно съ истиною, что безъ истины—ничто стоять не можетъ.

Все что есть, все что дышетъ, все что живетъ, все что мыслитъ, — мыслитъ, живетъ, дышетъ, есть—только истиною.

Но въ каждомъ ученіи, въ каждомъ утвержденіи въ каждомъ дыханіи, истина не есть послѣдствіе, или выводъ, или результатъ, а напротивъ,—предвареніе всякаго ученія, всякаго утвержденія, всякаго дыханія, всякаго бытія. Истина никакихъ доказательствъ не требуетъ, потому что ложью ничто не доказывается, ничто не утверждается: всякое доказательство, всякій выводъ, всякое утвержденіе предполагаютъ истину предъ собою, какъ то, на чемъ они стоятъ; даже самое заблужденіе имѣетъ свою твердость только въ предположеніи, что оно стоитъ на истинѣ; безъ такого предположенія оно не могло бы и одного мига продержаться. Ложное ученіе возстаетъ и споритъ противъ истиннаго,—не потому, чтобъ оно спорило и возставало противъ самой истины, а только потому, что оно не узнаетъ ее, и принимаетъ ея истинное выраженіе лишь за пустой обликъ ея, подъ которымъ скрывается ложь: а само между тѣмъ держится только на обликѣ истины, который сдается ему самою истиною. Стихійная матерія есть разсѣянный смыслъ, или обликъ смы-

сла: матерьялизмъ, позитивизмъ, реализмъ, опираясь въ своихъ ученіяхъ о матерію, не думаютъ и не намѣрены вовсе стоять и опираться на самомъ безсмысліи: матерія, которая есть только обликъ смысла, мерещется имъ самымъ смысломъ; они же, принимая пустой обликъ, который проходитъ, за самое существо и пытаясь задержать смыслъ преходящаго, невольно впадаютъ въ безсмысліе, хотя сами о томъ недогадываются: но за обликомъ ихъ собственнаго недомыслія, за смутою ихъ отуманивающей разсѣянности, въ самихъ себѣ, они все же всѣмъ существомъ своимъ утверждаютъ истину и отстаиваютъ свои заблужденія только именемъ истины. Такъ, не призванные художники производятъ нерѣдко безобразныя творенія не потому, чтобъ они душею исповѣдывали безобразіе, но только потому, что они непричинные образы выраженія принимаютъ за настоящіе образы того прекраснаго, о которомъ они мечтаютъ въ самихъ себѣ, не умѣя его выразить.

Но, что же такое самая истина, которая не доказывается, не выводится, но которою живетъ и дышетъ всякое утвержденіе и жизни, и мысли, независимо отъ того, что ими выражается? что такое—это всеобщее и безусловное предвареніе, лежащее въ самомъ существѣ всякаго утвержденія и сообщающее ему всю его твердость?

Очевидно, эта всепредваряющая истина есть самая жизнь, или самый смыслъ каждаго утвержденія, или то самое, что въ немъ не выводится, не доказывается, но на чемъ напротивъ всѣ выводы и всѣ доказательства основываются, то, что въ немъ самобытно, безусловно само собою разумѣется и безъ чего ничто другое разумѣться не можетъ.

Научныя міровоззрѣнія, по недомыслію, потомучто они—ни наука, ни филофія, а только заблужденія и той и другой, только научныя философемы,—пытаются, напротивъ, самый смыслъ, который только самимъ собою разумѣется, уразумѣть чрезъ все другое; и, усиливаясь все понятное разъяснить чрезъ все непонятное,—смыслъ чрезъ

матерію, не видять, что безъ все объясняющаго, все уразумѣвающаго, все осмысливающаго смысла все другое, вся матерія есть только сплошное безсмысліе и непросвѣтная темень, которыми невозможно ни уразумѣвать, ни объяснять, ни освѣщать самого свѣта и смысла.

Живой, самимъ собою разумѣющійся смыслъ истины, въ каждомъ утвержденіи жизни и мысли есть самая душа его, которою оно живетъ, дышетъ и мыслитъ: и въ этомъ значеніи, онъ есть для него безусловно близкое, или одно съ нимъ; но съ другой стороны, каждое утвержденіе есть только исключительная частность, имѣющая противъ себя или въ сторонѣ отъ себя всѣ другія утвержденія: а смыслъ самой истины есть душа, сила и твердость всѣхъ существующихъ утвержденій; потомучто каждое изъ нихъ одинаково только ею держится, только ею утверждается; поэтому она, будучи непосредственно близкою каждому частному утвержденію, какъ его жизнь, съ тѣмъ вмѣстѣ, какъ все обнимающая всеобщность, бесконечно далека отъ него; и ни одно изъ частныхъ утвержденій не есть сама истина, но только бесконечная, жизненная посылка на нее, посылка отъ своего частнаго смысла и значенія къ ея всеобщему значенію и смыслу. Эта посылка, связывающая смыслы, или души всѣхъ частныхъ утвержденій съ всеобщимъ смысломъ самой истины, есть ихъ вѣра: ею они утверждаются въ самихъ себѣ, ею же они утверждаютъ и смыслъ всеобщей истины противъ и наперекоръ всей ее отрицающей реальности.

Всякое утвержденіе, существующее и проявляющееся въ мірѣ, есть нѣкоторый утвердительный помыслъ, выступающій своимъ опредѣленнымъ образомъ изъ необъятной, стихійной разсѣянности, или матеріи міра; но эта міровая разсѣянность, или матерія, преодолѣвается каждымъ существующимъ помысломъ только въ мѣру присущаго ему вниманія. Собственно, каждый помыслъ бытія, существованія, жизни и самосознанія, есть только степень осуществленнаго въ мірѣ вниманія. Чѣмъ меньшимъ вниманіемъ обладаетъ помыслъ, тѣмъ смутнѣе, тѣмъ ма-

терьяльнѣе представляется ему и весь міръ, и все бытіе его. При полномъ отсутствіи вниманія, для безусловной разсѣянности—весь міръ есть только матерія, или несообразимый хаосъ безсмыслія. Но уже и для животныхъ, и тѣмъ болѣе для человѣческаго вниманія міръ не есть хаосъ. Своимъ вниманіемъ человѣкъ способенъ усмотрѣть или по крайней мѣрѣ предчувствовать въ немъ и вѣчную гармонію космоса. И однако, въ немъ все еще —не на столько вниманія, чтобъ обнять имъ, чтобъ сообразить образомъ своего смысла всѣ разнорѣчія, всѣ различныя и противорѣчивыя утвержденія, въ которыхъ ему предстоитъ содержаніе міра: но зная, что онъ еще не обладаетъ полнотою всего вниманія, онъ знаетъ съ тѣмъ вмѣстѣ, что взоръ его еще не отрѣшенъ отъ смуты разсѣянности, отъ его стихійнаго матерьялизма, что онъ потому, еще не способенъ видѣть всю истину въ ея безусловномъ образѣ. Онъ знаетъ также, что какъ въ началѣ, при полномъ отсутствіи вниманія, весь міръ и все бытіе были только необъятный хаосъ; такъ точно при полнотѣ вниманія, когда вся разсѣянность, вся смута ея, вся матерія и все невѣжество пройдутъ, этотъ самый міръ, это самое бытіе должны предстать ему безусловнымъ единствомъ и полнотою гармоніи всего бытія, всей жизни и всего смысла.

Изъ того, что онъ, при недостаткѣ въ немъ вниманія, не видитъ всего, что есть, отнюдь не слѣдуетъ, что того нѣтъ, что есть: есть не то, что усматривается разсѣянностью матерьялизма и отсутствіемъ вниманія; чтобъ видѣть и знать, слѣдуетъ быть внимательнѣе; есть дѣйствительно—только безусловная истина, которую знаетъ, видитъ и мыслитъ только безусловное вниманіе, или безусловный разумъ.

Истина, на которую все ссылается, которою все держится, все утверждается, все живетъ, дышетъ и мыслитъ, истина, съ которою всякій помыслъ неразрывно связанъ вѣрою въ нее, не есть какая нибудь мысль, или какое нибудь представленіе: разныя мысли и представленія, при живомъ

помыслѣ,—какъ листъ на деревѣ: сегодня, ихъ много, а завтра, ихъ уже нѣтъ, всѣ облетѣли, осыпались, забылись и замѣнились новыми. Ни одна изъ такихъ мыслей, ни одно изъ такихъ представленій не есть самая истина, которою стоитъ и утверждается живой помыслъ. Онъ ни утверждаться, ни держаться ни одною изъ мыслей, ни однимъ изъ представленій не можетъ; онъ самъ ихъ держитъ и утверждаетъ или же роняетъ и забываетъ. Живой помыслъ держится и утверждается только живымъ же помысломъ Истина—не мысль,—не представленіе, но—бесконечный, живой помыслъ, который по содержанію своему есть усматриваемая имъ безусловная истина, а по образу—то бесконечное вниманіе, которое ее усматриваетъ.

Значеніе всякаго вниманія, или значеніе самой жизни,—въ томъ, чтобъ, пребывая во всемъ другомъ, чтобъ сообразуясь со всѣмъ другимъ, въ немъ не теряться, но находиться своимъ образомъ и самимъ собою; и въ томъ, чтобъ, обнимая собою все другое, и, сообразуя его съ собою, не стирать съ него его образа, но хранить его въ себѣ и собою.

Безусловный, живый помыслъ своимъ бесконечнымъ вниманіемъ мыслитъ, держитъ весь міръ, какъ истину, и обнимаетъ ею всѣ конечные, на нее ссылающіеся, съ нею связанные, ею утверждаемые помыслы, такъ что ни одинъ изъ нихъ въ ней не теряется и не пропадаетъ, но всегда находится самимъ собою и живетъ вѣчнымъ утвержденіемъ своей вѣры въ ея предвѣчный смыслъ.

Всякая жизнь и всякое дыханіе есть свидѣтельство истины: и все, и всѣ видятъ ее только съ большею или меньшею степенью вниманія, съ меньшею или большею смутою разсѣянности, или степенью матерьялизма. Но матерія не стоитъ, не пребываетъ, а всегда проходитъ; съ нею проходитъ и невѣжество, и смута разсѣянности, и все неудержимо стремится къ полнотѣ безусловнаго вниманія, къ предвѣчному смыслу.

Все живущее, все мыслящее стремится одолѣть ма-

терію, стереть съ нея ея чуждость смыслу жизни и усвоить себѣ ея содержаніе. Потомучто въ сферѣ чужаго нѣтъ свободы, а смыслъ и жизни, и мысли, или всякаго живаго помысла, и есть только его сама собою разумѣющаяся свобода, или его всемогущество.

Но, по степени вниманія, присущаго каждому существу, каждое существо стремится утвердить смыслъ своей свободы только своимъ образомъ и своими пріемами.

Растеніе усвоиваетъ себѣ содержаніе міра только тѣмъ, что приноровляется къ нему и сообразуется съ нимъ, примыкая къ каждому изъ образовъ его бытія.

Животное усвоиваетъ себѣ содержаніе міра естественнымъ, физіологическимъ образомъ, тѣмъ, что оно пожираетъ его, но и въ свою очередь имъ пожирается.

Человѣкъ усвоиваетъ себѣ содержаніе міра всѣми предъидущими образами, но и сверхъ того, во первыхъ практически — присвоеніемъ себѣ, обращеніемъ его содержанія въ свою собственность, въ свои вещи: но при этомъ онъ и самъ обращается въ вещь; во вторыхъ— теоретически, стараясь познать и постичь его сущность: но при этомъ, искажая міръ своимъ теоретизмомъ, склоняя его по образу своихъ научныхъ или философскихъ воззрѣній, онъ познаетъ также и свою ограниченность и свое невѣжество; въ третьихъ онъ усвоиваетъ его жизненнымъ образомъ и дѣлаетъ его безусловно своимъ, когда, сохраняя за нимъ всю его самобытность, оставляя его во всей цѣлости самимъ собою, овладѣваетъ имъ, обнимаетъ и проникаетъ его своею любовью. Самою истиною міра и бытія, его душею и всею его дѣйствительностью овладѣваетъ вполнѣ только одна любовь.

Теоретическое пониманіе переходитъ въ жизнь и становится любовью не иначе, какъ чрезъ сердце и въ сердцѣ женщины: потомучто женщина, по существу своему, сама своею жизнью именно и есть то, что въ мужскомъ сознаніи еще не есть самое бытіе, но только пониманіе, только теоретическій образъ помышленія о бытіи. Женщина философіи не знаетъ; но, какъ живое

свидѣтельство истины, она есть сама собою и каждымъ дыханіемъ своимъ непосредственное утвержденіе, или безусловная вѣра, связывающая всю землю съ небесами и всю природу съ вѣчнымъ смысломъ. Смута матеріи ее не смущаетъ: ей самой ясно и чрезъ нее ясно и всѣмъ другимъ, что человѣкъ самою сущностью неразрывно связанъ съ истиною Бога живаго, и не можетъ быть оторванъ отъ него ни жизнью, ни смертью

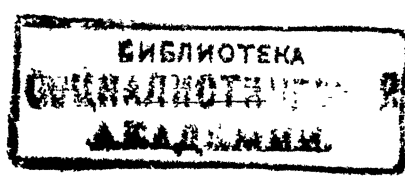
Вся реальность лишь для того, чтобъ стать дѣйствительностью:

Alles Vergängliche
Ist nur ein Gleichniss.

Вся природа, вся матерія, все будущее, все человѣчество, исполняя человѣка его человѣчностью, въ немъ преобразуются, въ немъ становятся дѣйствительностью.

Какъ неугасимое пламя, идущее въ небеса, женщина своею несказанною мечтою, своею горящею любовью къ вѣчно-любимому и святому указываетъ путь, и всякій, кто любитъ, за нею слѣдуетъ:

Komm! hebe dich zu höhern Sphären!
Wenn er dich ahnet, folgt er nach.


БИБЛИОТЕКА

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Должно быть.*
5	27	времяни	времени
7	14	въ	къ.
14	13	сказывалось	сказывалась
—	14	просвѣчивало	просвѣчивала
18	18	не имѣешъ общаго	не имѣетъ *ничего* общаго.
33	12	мѣстъ	мѣста
35	30	соображаютъ	воображаютъ
37	37	представляются ничтожнымъ	представляются *ему* ничтожнымъ
50	1	останется	остается
53	3	всюда	всюду
72	10	дѣйствительность наша,	дѣйствительность наша·
73	4	на носъ	на насъ
76	19	одни	однѣ
81	17	повсюда	повсюду
95	28	не стали	ни стали
105	13	вполнѣ	наивно
108	2	всѣхъ	всѣмъ
111	15	не	ни
113	18	на	ни
115	23	пьедестали	пьедестала
120	9	условіяхъ. Новые	условіяхъ, новые
128	13	возникаютъ. Хотя	возникаютъ, хотя
137	35	его	ею
141	14	далѣе	болѣе
145	12	самъ	сама
177	6	оно	она
—	12	вибріанахъ	вибріонахъ
157	24	вѣря	вѣрою